УДК 94 (470.57)
ББК 63.3(2 Рос.Баш)
А 91

10 2 2 6 2

Филиал ГОУ ВПО УГНТУ
в г.Октябрьском
Библиотека. Читальный зал

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
федеральной целевой программы «Культура России»

Рецензент
Директор Центра этнологических исследований УЩШ,
доктор исторических наук, профессор А. Б. ЮНУСОВА

Асфандияров А. З.
А 91 Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.). — Уфа: Китап, 2006. — 504 с: ил.
ISBN 5-295-03861-0

В книге на основе новейших исследований, архивных и опубликованных источников предприняты новые подходы в анализе и пересмотре целого ряда неизученных и малоизученных проблем истории Башкирии, рассматривается процесс приближения края по многим параметрам общественной жизни к структуре Российского государства.

УДК 94(470.57)
ББК 63.3(2 Рос.Баш)

ФП - 2006

ISBN 5-295-03861-0

© А. З. Асфандияров, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Ровно 450 лет тому назад в Евразии произошло важное событие — добровольное вхождение Башкирии, которая занимала огромную территорию, в состав Российского государства. Встретились два мира: полукочевой и оседло-земледельческий, различавшиеся не только по формам ведения хозяйства, но и по формам собственности на землю, а также по обычаям, традициям и по культуре в целом. В силу этих особенностей башкирское общество не могло немедленно войти в структуру нового государства, для него нужен был период адаптации — сближения с государственными институтами России, где безраздельно господствовал оседло-земледельческий образ жизни и часть населения жила в городах, в сфере управления использовался русский язык, в органах власти были одни русские, приоритетной конфессией являлось православие, а также для России была характерна единая экономика, единая система администрации и суда.

У российского правительства не было ни готовых планов, ни опыта по адаптации и интеграции полукочевого народа в состав России. Поэтому процесс включения Башкирии во все существовавшие тогда институты государства — протектора занял 200 — 300 лет. Даже в новое время Россия, имея уже богатый опыт по интеграции Башкирии и других вновь присоединенных территорий, не смогла сразу же адаптировать в свой состав экономически развитые республики — Прибалтику и Украину[1], у которых много схожих и сближающих моментов во всех сферах общественной жизни. Как видно, продолжительность процесса сближения сторон зависит от особенностей присоединяемых к России территорий.

Говоря об изученности темы «Башкирия после вхождения в состав России во второй половине XVI — первой половине XIX в.» отметим, что почти к каждому разделу нашей работы предпослана краткая историография вопроса. Поэтому об этом скажем только следующее.

[1] *Семенникова Л. И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: КДУ, 2005. С. 240-241.

История Башкирии во второй половине XVI — первой половине XIX в. в разрезе постепенного включения ее в государственную структуру Российского государства в дореволюционное время специально не изучалась. Работ русских ученых по истории Южного Урала крайне мало по сравнению с Казахстаном или Средней Азией, которые еще до присоединения к России были неплохо изучены, в то время как Башкирия давно находилась в ее составе. Тем не менее имеются работы (П. И. Рычкова, В. М. Черемшанского и др.), в которых содержится немало материалов по управлению, хозяйству, численности сословий.

Многие аспекты истории Башкирии нашли отражение в исследованиях советских историков (М. К. Любавский, А. П. Чулошников, Н. В. Устюгов, Н. Ф. Демидова), концептуальные моменты которых упоминаются в данной работе.

За последние 15 — 20 лет опубликовано столько работ по истории, сколько их не выпущено за все годы советской власти. Почти по каждому вопросу нами были использованы материалы из публикаций А. Н. Усманова, Р. Г. Кузеева, Б. Х. Юлдашбаева, С. М. Васильева, У. Х. Рахматуллина, И. Г. Акманова, Р. З. Янгузина, И. М. Гвоздиковой, Р. Г. Букановой, Н. М. Кулбахтина, А. И. Акманова и многих других, написавших монографии на конкретные темы за определенный период истории края. Обобщающие работы по истории Башкирской АССР, Башкортостана содержат сведения о политике правительства в XVII — первой половине XIX в.

В своей статье «Башкортостан в эпоху Салавата: два столетия Российского подданства», опубликованной в юбилейном сборнике в 2004 г. в Уфе под названием «Идеи свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева», В. В. Трепавлов впервые совершенно по-новому подошел к взаимоотношениям Башкирии и России и достоверно показал постепенное приспособление башкир к другим условиям существования в составе России, их адаптацию к ее политическому строю и законодательству, науке и культуре, «привнося в них и свой вклад».

Из самой новейшей работы с особым удовлетворением отметим и подчеркнем значимость монографии Б. А. Азнабаева, специально посвященной проблемам адаптации существующих традиционных институтов башкирского общества к структуре Российского государства во второй половине XVI — первой трети XVIII в. В то же время отметим, что почти весь XVIII и первая половина XIX в. в этом плане остаются вне внимания исследователей.

Интересовались историей Башкирии и зарубежные историки (А. С. Доннелли, Роже Порталь, Б. Э. Нольде), высказавшие оригинальные мысли о характере башкирского подданства, об окончательном включении края в состав России.

В целом, изучение истории включения любой территории, в том числе и Башкирии, в состав Российского государства представляет определенный научно-познавательный интерес и поныне актуально.

Основой данной работы явились архивные источники, выявленные автором в центральных (Российский государственный архив древних актов, Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный исторический архив), региональных (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан, государственный архив Пермской области, государственный архив Оренбургской области), академических (Архив Российской академии наук, Уфимский научный центр Российской академии наук) архивохранилищах. Интерес представляют и материалы Рукописного отдела Российской государственной библиотеки (РО РГБ).

Использовались и опубликованные источники. В «Полном собрании законов Российской империи» (первого и второго издания) опубликованы указы царей и Сената, касающиеся истории управления Башкирией, социально-экономической, демографической, религиозной политики царского правительства.

Большую информативную ценность по нашей теме представляют «Материалы по истории Башкирской АССР» (Ч. 1. М.; Л., 1936; Т. 3, 4 (в двух частях), 5 (М., 1956—1960); Т. 6 («Материалы по истории Башкортостана». Уфа, 2002). Здесь находятся сведения о характере башкирского подданства, о заложниках, об управлении краем, о башкирском самоуправлении и административных дорогах, а также о волостях. Сведения о функциях старшин содержатся в «Материалах по истории России» (Т. 1), изданных А. И. Добросмысловым.

В периодической печати до 1917 г. печатались отрывки из документов, наказы воеводам, статистические данные и другие материалы.

Определенный интерес представляют и опубликованные фольклорные материалы, касающиеся особенно истории семьи и брака у башкир. Краткий анализ источников и литературы по теме данной работы свидетельствует о том, что историческая литература и материалы дали нам возможность вкратце показать административно-территориальное устройство Башкирии, самоуправление и охарактеризовать политику правительства по адаптации края в состав России.

Цель данной работы — проследить становление Башкирии во внутреннюю область Российского государства, превращение в его органическую часть. Для ее достижения делается попытка — решить следующие основные задачи: показать хотя бы схематично формы

административно-территориального управления краем и эволюцию башкирского самоуправления, а также охарактеризовать политику правительства по сближению башкирского общества по важным параметрам общественной жизни с государственной структурой России.

Автор выражает свою признательность сотрудникам Научной библиотеки УНЦ РАН, Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. Ахмет-Заки Валили, ЦГИА РБ, РГВИА, РГАДА, РГИА за помощь и содействие в сборе материалов для книги, а также своим редакторам и рецензенту. Самую искреннюю благодарность автор приносит кандидату исторических наук, доценту К. М. Асфандияровой — жене и соавтору ряда работ, без конкретной помощи и советов которой не была бы подготовлена к печати ни одна из его опубликованных книг и монографий.

Глава I

Административно-управленческая пвлитика царского правительства

НАЗВАНИЕ «БАШКИРИЯ» В ПРОШЛОМ

Правомерность употребления этого названия ставилась под сомнение в кризисные периоды в России. Так было в 1917—1919 годах, когда зарождалась территориальная Башкирская автономия, вслед за ней БАССР. Так было и в 90-е годы XX в., когда БАССР становилась БССР, затем и РБ. И сегодня определенные политические крути не без умысла рекомендуют отказаться от самоназвания Республики Башкортостан, превратив ее в какую-нибудь безликую губернию.

История происхождения названия «Башкирия» не стала предметом особого внимания исследователей, если не считать тезисы У. Х. Рахматуллина «Соотношение понятий "Башкирия" и "Оренбургская губерния"», опубликованные к 250-летию образования губернии. В них вполне справедливо утверждается, что термин «Башкирия» возник за несколько столетий до таких понятий как «Чувашия», «Удмуртия» или «Татария», что современное название «Башкирия» не совпадает с содержанием ее первоначального термина[1].

Название «Башкирия» — русская адаптация термина «Бапткорт иле» — Страны башкир, позже Башкортостана. Вся территория обитания башкир в прошлом называлась Страной башкир в зависимости от языка автора в разных вариациях, упоминавших о месте их проживания.

А теперь проследим эти упоминания о стране башкир по источникам древней, средневековой и новой истории. Начнем с арабских источников.

[1] Оренбургской губернии — 250 лет (проблемы истории и культуры). Тезисы докладов. Уфа, 1994. С. 55.

Первое упоминание местности (горы и провинции) в форме «Башгурд» в работе Фазлаллаха Рашид-ад-дина «Огуз-наме» относится к VIII в. Там речь идет о границах одного племени Бозок «от границ Сайрама и гор Башгурда до самого Карабага» и сборе подати в 9 провинциях, в т. ч. «Башгурд»[1].

Название «Баш-корт» в разных вариациях начинает появляться в арабских источниках IX в. (Саллам Тарджеман), X в. (Аль-Масуди), рубежа IX-X вв. (Аль-Балхи, Ибн-Русте), XI в. (Гардизи)[2].

В начале X в. была известна «страна Башгирд». Об этом свидетельствуют записи секретаря посольства Багдадского халифата Ахмеда Ибн-Фадлана, сопровождаемого в Волжскую Булгарию башкиром-язычником и башкиром-мусульманином. Там говорится, что в 921 году «Мы оставались у печенегов один день, потом отправились и остановились у реки Джайх (Яик)... переправились через нее с трудом. Потом мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха... потом через Самур (Самара), потом через Кабал (Кинель), потом через реку Сук (Сок), потом через реку Ка(н)джалу (Кундурча), и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд»[3]. Следует думать, что эти ориентиры были западными границами расселения башкир.

В извлечениях из персидских сочинений, собранных и изданных В. Г. Тизенгаузеном, в частности, из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина (вторая половина XIII — начало XIV в.) сказано, что среди стран, областей, предполагаемых к завоеванию монголами, были и башкиры под названием башгирд, что Джучи (старший сын Чингисхана) должен был «завоевать области севера (т. е. земли): Ибыр-Сибир, Булар, Дешт- и- Кипчак, Башгирд, Рус и Черкес до Хазарского Дербенда»[4]. Для него были более определенными территории обитания венгров-мадьяр и башкир, чего нельзя сказать об

[1] *Фазлаллах Рашид-ад-дин.* Огуз-наме. Баку, 1987. С. 68, 69.

[2] Известия о Хазарах, Буртусах, Болгарах, Мадьярах, Славенах и Русских «Ибн Даста» в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб., 1869. С. 112-114; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 445-447; *Бикбулатов Н. В.* Этноним «баш-корт» / Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 29-49; *Он же.* Башкорт / Башкортостан. Краткая энциклопедия. Научное издательство «Башкирская энциклопедия». Уфа, 1996. С. 163.

[3] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 66.

[4] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М; Л., 1941. С. 34.

авторах более позднего, даже нашего времени. Рашид-ад-дин об этом сообщает следующее: царевич Бату, Менгу-хан и Гуюк-хан «сообща с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар, маджар, башгирд, ассов, судак и в те края для завоевания таковых». И, наконец, он пишет о результатах их похода: «Булар и Башгирд являются большой страной и (представляют собой) места недоступные. Несмотря на то, что (монголы) тогда завоевали ее (в 1236 г.?), жители ее снова восстали, и она до сих пор не вполне покорена»[1].

В письме монаха Иоганки от 1320 г. находим интересные факты: «С двумя братьями-венграми и одним англичанином дошли до Баскардии, большого народа, подчиняющегося татарам» (т. е. татаро-монголам). «Государь всей Баскардии», отказался принять христианство[2].

Перс Казвини (конец XIII — начало XIV в.) писал, что Туши-хану «были вверены области Хорезм, Дешт-и-Кипчак, Булгар... башгирды»[3].

В «Анониме Искендера» (начало XV в.) имеются сведения о стране башкир: «Улус Джучи разделился на две части. Ко второй относились Сибирь, Рус ... Башгар»[4].

В «Родословной тюрков» (середина XV в.) перечисляется состав Улуса Джучи, где встречается и «страна башкир»[5].

В русских летописях XV в. часто упоминаются «башкирские земли». В частности, в Лаврентьевской летописи в числе подвластных казанскому царю в 6977 (1469) г. указана «Бакширская» (Башкирская), а также «Беловоложская» земля (р. Белая называлась Белой Воложкой). К находившимся под Казанью русским войскам в 1469 г. прибежал из Казани пленный коломнятин, который сказал, что «Собрался на вас Царь казанский Ибрагим со всею землею: Камскою, Сыплинскою, Костяцкою, Беловоложскою, Вотяцкою, Башкирскою»[6].

[1] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 48.

[2] Там же. С. 68; *Аннинский С. А.* Письмо брата Иоганки, монаха ордена орату Михаилу, датируемое 1320 г. // Исторический архив. 1940. № 3.

[3] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 91.

[4] Там же. С. 128.

[5] Там же. С. 204.

[6] Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). М, Т. 8. С. 156, Дополнения к актам историческим. Т. 1 (ДАИ). С. 371 - 389.

Из документов XVI в. достоверно известно завещание царя Ивана IV (1533-1584), оставившего сыну Федору Ивановичу в наследство много земель, в т. ч. и «Башгирдию»[1].

И в новое время было знакомо понятие «Башкирия». Сначала обратим внимание на официальную документацию. С XVII в. в источниках русских летописцев территория обитания башкир называлась Башкирией. С образованием Уфимского уезда после появления города Уфы в 1586 г., затем и Уфимской провинции чиновники стали называть последнюю «Башкирской провинцией»[2].

Термин «Башкирский край» встречается и в документах официального характера (1728 г.)[3].

Все начальники Оренбургской экспедиции (1734—1744) и Комиссии башкирских дел (1735-1742) во всех своих проектах, доношениях, мнениях, письмах всегда говорили о Башкирии, несмотря на существование официальной административно-территориальной единицы как Уфимский уезд или Уфимская провинция. Начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов в своем доношении Кабинету, говоря о башкирских тарханах, писал, «когда те (т. е. тарханы) переведутца, а между тем Башкирия в лутчей порядок придет, тогда можно сыскать резон, почему и их (тарханов) обложить ясаком, яко их число немалое»[4]. Начальник Комиссии башкирских дел А. И. Румянцев часто употреблял термин «Башкирия». В письме В. Н. Татищеву в 1736 г. писал, например, что «Я завтрашняго числа паки внутрь Башкирии пойду»[5].

В 1737 г. начальник Оренбургской комиссии В. Н. Татищев требовал от башкир, чтобы «понеже ваши волости именуемые числите по родам, а не деревнями, и одной волости люди живут по всей Башкирии и в одной деревне люди разных многих волостей»[6].

[1] ДАИ. Т. 1. С. 371-389.
[2] Материалы по истории Башкирской АССР (далее — МИБ). Ч. 1. М.; Л., 1936. С. 137.
[3] Там же. С. 302.
[4] Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА). Ф. 16. Д. 808. Л. 98.
[5] МИБ. Т. 6. С. 239, 242.
[6] МИБ. Ч. 1. С. 362.

0 Башкирии часто говорится в экстракте о ходе башкирского восстания в феврале - марте 1740 г., составленном в Комиссии башкирских дел[1].

Устами представителя власти вице-губернатора П. Д. Аксакова в 1743 г. делается уточнение в названии существующего Уфимского уезда — «здешний уезд, то есть Башкирия»[2]. То же самое наблюдаем в Определении Берг-коллегии о разрешении заводчикам И. Б. Твердышеву и И. С. Мясникову на строительство Богоявленского медеплавильного завода «в Уфимской провинции в Башкирии и Уральских местах» на р. Бармете от 16 декабря 1751 г.[3]

Наряду с существовавшим Уфимской и Исетской провинциями в составе Оренбургской губернии в Указе Правительствующего Сената от 1756 г. речь идет «Об учреждении внутрь Башкирии и к (ее) границам почтовых станов»[4]. В протоколах заседаний Сената не раз можно встретить название «Башкирия»[5].

В документах, исходящих от Оренбургских губернаторов 60-х годов XVIII в., часто употребляется термин «Башкирия». В записках и доношении (1763) губернатора Д. В. Волкова содержатся его рассуждения о развитии земледелия, поскольку «Башкирия имеет премножество хлебородных мест»[6]. Или «чтоб в самой Башкирии и самими башкирцами хлебопашество завести и весьма умножить»; «теперь кажется, во всей Башкирии совершенная тишина настоит»[7]. В доношении его преемника А. А. Путятина от 1766 г. встречается нижеследующее: «в Уфимском уезде, где ныне самая Башкирия», «из Башкирии», «внутрь Башкирии», «кроме Башкирии», «до Башкирии» «окроме Башкирии», «в Башкирии», «от Башкирии»[8]. Выпускник Оренбургского кадетского корпуса 1856 г., будущий генерал от инфантерии и член военного

[1] МИБ. Ч. 1. С. 379, 380, 389, 390.
[2] МИБ. Т. 3. С. 529.
[3] МИБ. Т. 4. 4.2. С. 143.
[4] Сенатский Архив. Т. X. СПб., 1903. С. 74.
[5] Там же. С. 156.
[6] МИБ. Т. 4. Ч. 2. С. 448; ОГВ. 1859. № 52.
[7] МИБ. Т. 4. Ч. 2. С. 453, 456.
[8] Там же. С. 456-472; Сб. РИО. Т. 8. СПб., 1871. С. 422.

совета Н. Г. Залесов (1820-1896), работавший в военно-судебной комиссии в Бутульме, получив назначение в Оренбург, направился, по его словам, «в свою дорогую Башкирию»[1].

В Наказах башкир Уфимской и Исетской провинций Оренбургской губернии в Уложенную комиссию от 1767 г. встречаются следующие сочетания понятий: «Уфинской провинции вся Башкирия» или «вся Башкирия в Уфинской провинции»[2]. Депутат уфимских казаков П. И. Бурцев на заседании той же комиссии говорил, что казаки занимались «прасольством», вели «торги и промыслы и разныя ремесла, с которыми обращались между Башкириею и другими иноверными народами... и тем довольствовались и прибывали... в службах весьма исправны»[3].

Обер-прокурор Уфимского наместничества Н. С. Зубов в 1792 г. писал Сенату, что башкиры «имеют особливую землю, Башкириею называемую, отделенную от всех российских земель и селений»[4].

А теперь обратим внимание на работы историков, где сплошь и рядом можно найти понятие «Башкирия». Оренбургский историк, первый член-корреспондент Петербургской Академии наук П. И. Рычков, еще в 1762 г. в своей работе «История Оренбургская...» (переиздание. Уфа, 2001) свыше 40 раз упоминает термин «Башкирия», «Башкирь». И другая его работа «Топография Оренбургской губернии» в этом отношении не исключение. Приведем один — два примера из нее. «Башкирский бортевой мед и воск, которые русские купцы и казанские татары скупают в Башкирии, и для продажи в разныя места отвозят онаго немалое число»[5]; «Ловят их (беркутов) всегда в Башкирии молодых»[6].

[1] Записки Н. Г. Залесова / Русская старина. 1903. № 6 (июнь). 1903. С. 539.

[2] РГАДА- Ф- 342. Оп 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 219 об. (Наказ Т. Ишбулатова); Л. 263 (Наказ Б. Юнаева). Они опубликованы: *Кулбахтин Н. М.* Из истории тайнинских башкир. Уфа, 1996; *Асфандияров А. 3.* Ценный источник о социально-экономической и культурной жизни башкирского общества третьей трети (1770-1799 гг.) XVIII века / Ядкяр. 2000. № 3. С. 119.

[3] Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 1. Оренбург, 1903. С. 73.

[4] РГАДА. Ф. 19. Д. 123. Л. 30.

[5] *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. С. 165.

[6] Там же. С. 152.

Работа В. М. Черемшанского содержит немало высказываний о Башкирии. «Царь... Грозный построил внутри Башкирии в 1574 г. крепость»; «ее основание и положило начало владычеству России над Башкирией»[1].

Одна из работ В. В. Вельяминова-Зернова называлась с указанием интересующего нас географического ориентира: «Памятник с арабско-татарскою надписью в Башкирии» (СПб., 1857).

В одном из столичных журналов была опубликована статья-рецензия анонимного автора на работу казанского историка Н. Фирсова под названием «Инородческое население прежняго Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время» (Казань, 1869), где отмечалось, что «План Петра заключался в том, чтобы через Башкирию проложить путь торговому и политическому влиянию на Среднюю Азию, основать на башкирских землях торговые и промышленные поселения и для безопасности их от нападений туземцев предварительно устроить в башкирском крае военные поселения»[2].

В своей фундаментальной работе В. Н. Витевский часто оперирововал названием «Башкирия»; в частности, «первоначальное заселение Башкирии», «Московское правительство, устраивая Уфу, желало иметь в центре Башкирии укрепленный пункт, который должен был служить к утверждению в ней русского владычества» или дворяне-землевладельцы — «первые колонизаторы Башкирии», или И. И. Неплюеву предстояло «ехать в далекий, дикий и варварский край, в Башкирию»[3].

Составители «Списка населенных мест Оренбургской губернии...» очень часто пользовались этим термином. Оно видно в следующем. Ибн-Фадлан «проехал в 921 г. всю Башкирию»; «В 1252 г. Рубрук дает нынешней Башкирии название Разсапг»; «Страленберг и Гумбольдт относят Башкирию к финскому племени»; «Почти вся нынешняя Оренбургская губерния ... вместе с тремя уездами Пермской и большею частью Уфимской губерний составляли страну,

[1] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 1.

[2] Вестник Европы. Кн. 6. СПб., 1870. С. 865.

[3] *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Историческая монография. Вып. 2. Казань, 1890. С. 372; Вып. 3. Казань, 1891. С. 388, 396.

носившую название Башкирия и заселенную башкирами»[1]. Оренбургские и Уфимские местные историки тем более не обходились без употребления известного во всей России вышеупомянутого термина.

Автор нескольких работ по истории оренбургского казачества Ф. М. Стариков о результатах строительства городов-крепостей в 30—40-е гг. XVIII в. писал следующее: «Башкирия была окружена как бы кольцом живой стены»[2].

Хотя не совсем точно один из авторов был уверен в том, что «с 1735 г. Башкирия стала называться Оренбургским краем»[3]. Во-первых, так называли с образования одноименной губернии в 1744 г. Во-вторых, и до и после этой даты термин «Башкирия» широко применялся в исторических документах и литературе.

Имея в виду многочисленные башкирские восстания, уфимский историк В. А. Ефремов утверждал, что «Башкирия сделалась центром борьбы с Русью (Россией) мусульманского мира, вынужденного отступить с Волги», или «Основание в центре Башкирии укрепленного пункта, под защитой которого легко могла совершаться русская колонизация, являлось, конечно, крайне нежелательным для степных кочевников», или «В течение своего многовекового существования г. Уфа всегда являлся центром Башкирии, как бы сердцем ее, где находили отражение важнейшие переживания местного края»[4].

И в зарубежной исторической литературе активно применяется термин «Башкирия». У французского исследователя Роже Порталя даже работа называется «Башкирия в XVII—XVIII вв.», где утверждается, что «Башкирия — вечно бунтующая колония»[5].

Эмигрант Б. Э. Нольде в своей монографии «Образование Российской империи» отдельную главу назвал «Усмирение

[1] Список населенных мест Оренбургской губернии с общими об ней сведениями. Оренбург, 1892. С. 104, 105.

[2] *Стариков Ф. М.* Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. Оренбург, 1891 С. 19.

[3] *Хохлов И. С.* География Оренбургской губернии. Описание Оренбургской губернии в физическом, этнографическом и административном отношениях с картою губернии. 2-е изд. Оренбург, 1908. С. 37.

[4] *Ефремов В. А.* Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII вв. Уфа, 1913. С. 3, 4.

[5] *Роже Порталь.* Башкирия в XVII-XVIII вв. Уфа, 2000. С. 47.

Башкирии», где сплошь и рядом применяется интересующее нас название. Показательны в этом отношении и названия разделов главы: «Первое появление русских в Башкирии», «Восстание 1735—1740 годов и новая российская политика в Башкирии», «Башкирия в конце XVIII века»[1].

Из периодической печати столицы того времени хотелось бы привести только одну длинную цитату по данной теме «Башкирия? Где такая сторона? Нигде ничего о Башкирии нет, ни на карте, ни на географии; А в г. Оренбурге обычно выезжающего из города знакомого в дорожном экипаже спрашивают: — Куда Вас несет легкая? - В Башкирию, картофель разводить; или - Откуда приехал? - Из Башкирии? Огороды там устраивал и т. д. Но где эта Башкирия? Мало того, мы знали одного начальника Оренбургского края, который в этом качестве целый год уже управлял Башкирией и жаловался нам, что все в толк не может взять, где находится эта Башкирия, которою он управляет. Как видно, даже в Оренбурге трудно узнать о местонахождении Башкирии. Официально Оренбургский край состоит из двух губерний (Оренбургской и Самарской (с 1850 г.), из двух казачьих земель (Оренбургского и Уральского войск), из области оренбургских киргизов, из земель, занимаемых внутренней киргизской ордой, из района сыр-дарьинской линии. Оказывается, что официально Башкирии в Оренбургском крае не существует. Неофициально она не только составялет ядро собственного Оренбургского края, но даже заезжает в пределы Вятской и Пермской губерний. Дело в том, что некогда башкиры, исключительно одни башкиры, населяли все пространство, занимаемое широким хребтом и не менее широкими скатами Южного Урала, посему все это пространство, на котором располагается ныне Оренбургская губерния, западные уезды Самарской, южные уезды Вятской и Пермской и земли казаков Оренбургского войска — именовалась по имени народа, в ней обитавшего, Башкирией. Такою знали Башкирию предки наши с времен Ивана Грозного почти до половины XVIII века». И еще. Там же имеется любопытное утверждение о несуществовавших башкирских лендлордах: «...перешло в Башкирию множество мещеряков, казанских татар, мордвы и чувашей. Благодаря этому обстоятельству башкиры разбогатели и сделались

[1] *Нольде Б. Э.* Усмирение Башкирии /

Ватанлгшт 70П0
10 2 2 6 2
Филиал ГОУ ВПО УГНТУ
в (-.Октябрьском
Библиотека. Читальный зал

лендлордами; роль фермеров и батраков у них играли эти, обязанные условиями, переселенцы (припущенники)»[1].

В произведениях русских писателей также широко употреблялся термин «Башкирия». Даже названия их работ говорят сами за себя: «В глуши Башкирии» (П. И. Добротворский), «Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам» (М. В. Лоссиевский), «Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране» (Н. В. Ремезов). В произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка дается восторженная оценка этого края: «Благодатная Башкирия», «Благословенная и цветущая Башкирия»[2].

У Ф. Д. Нефедова можно найти нижеследующее высказывание: «Возникновением и развитием своим горная промышленность обязана здесь башкирам, они первые показали русским «чудские копи» — места старинных рудных разработок в башкирских дачах, первые всегда отыскивали новые рудники и первые же являлись работниками у русских заводчиков, орлами налетевших с разных сторон на прекрасную Башкирию»[3].

В бытовом очерке П. Л. Юдина «Башкирия и башкиры» присутствует его восхищение этим краем: «Посмотрите Башкирию! Как прекрасна она! Красивее ея природы вряд ли еще где найдете! Мне положим, не приходилось видеть ,,Божественной" Швейцарии, но сравнивая по описаниям природу этой красавицы с природой Башкирии, не знаю, где еще найти лучше этого, красивее и прелестнее утолка, как Башкирия, которую бесспорно можно назвать ,,русской Швейцарией"»[4].

Таким образом, названия «Башгирды», «Башгирд», «Баскардия», «Башгирдия» повсеместно были известны в арабско-персидских источниках средневековья. Термин «Башкирия» применялся в русских летописях, официальных документах, исторических работах. Для русских писателей и периодической печати России не было чуждым это понятие, употреблявшееся наряду и параллельно с официальным административным названием этого края. Поэтому наша работа неслучайно носит древнее историческое название этого края.

[1] *В. Г.* Письма из Башкирии / Северная пчела (газета). № 41. СПб., 1863.
[2] Башкирия в русской литературе. Т. 2. Уфа, 1964. С. 21.
[3] Там же. С. 14—15.
[4] Оренбургские губернские ведомости (далее — ОГВ). 1890. № 34.

§2. ХАРАКТЕР ПРИСОЕДИНЕНИЯ БАШКИРИИ К РОССИИ

Прежде чем приступить к изложению сути мнений ученых последних трех десятилетий о форме принятия башкирами русского подданства, сделаем одно замечание о целесообразности применения слов «присоединение» и «вхождение» Башкирии в состав России. Правомерно ли их употребление по отношению к башкирам, Башкирии, принявшим русское подданство? По словарю С. И. Ожегова, слово «присоединиться» — к кому/чему — означает соединиться, от этого существительное и «присоединение». «Вхождение» от войти означает вступить, включиться (в состав) и т. д. Данные слова как будто синонимы. Видимо, поэтому они нашли общее употребление в научной литературе, в периодической печати, на радио и телевидении. В силу этого в данной книге они употребляются как равнозначные слова.

До сих пор в историографии характер присоединения Башкирии к Русскому государству трактуется неоднозначно. До недавнего времени существовали две противоположные концепции о характере присоединения Башкирии к России — добровольном и насильственном. Недавно к ним прибавилась еще одна — о добровольно-принудительном (вынужденном) характере этого акта. Объяснялось это не только малочисленностью выявленных источников, но и сомнением отдельных исследователей в достоверности содержащихся в них сведений. Существование различных отношений к источникам, к их исторической интерпретации породило разные мнения о характере принятия башкирами подданства. Работы исследователей России и Башкирии, опубликованные до 1970 г., в историографическом плане были проанализированы А. Н. Усмановым. Он отмечает отсутствие каких-либо специальных статей и монографий по интересующей нас теме и подчеркивает лишь наличие высказываний отдельных авторов о характере подданства башкир в их общих работах. Например, одни историки считали подданство башкир Добровольным (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, из числа местных историко-краеведов В. А. Новиков, Д. Н. Соколов, М. И. Уметбаев), другие (В. Н. Витевский, В. И. Филоненко, А. - П. Чулошников, П. Ф. Ищериков, Ш. И. Типеев) -

насильственным, подразумевая под этим завоевание Башкирии Русским государством[1].

А. Н. Усманов — единственный историк, опубликовавший несколько монографий по истории присоединения Башкирии к Русскому государству.

В его первой монографии, изданной в Уфе в 1949 г. под названием «Присоединение Башкирии к Московскому государству», проблеме уделено лишь 20 страниц, а ее предыстории — около 100. В итоге им были обойдены условия подданства, хотя и автор обосновал его добровольность. Во второй книге «Присоединение Башкирии к Русскому государству» (Уфа, I960) наряду с другими важными вопросами автор особо рассматривает характер и условия принятия башкирами русского подданства. С выявлением малоизвестных материалов и появлением новых работ историков, учитывая важность и актуальность проблемы добровольного вхождения башкирского народа в состав Русского государства, А. Н. Усманов написал и в 1982 г. опубликовал очередную большую монографию, состоящую из 7 глав. Автор выясняет причины и предпосылки принятия башкирами русского подданства, показывает сам процесс добровольного вхождения западных, южных, юго-восточных, а также северо-восточных (зауральских, точнее, по Р. Г. Кузееву, западно-сибирских) башкир в состав России. Вполне правомерно утверждение автора о том, что зауральские башкирские племена, как и башкиры Уфимской стороны, стали подданными царя Ивана IV не одновременно. Особо подчеркнуто положительное значение присоединения Башкирии к Русскому государству. В целом, автор считает, что башкиры почти всех дорог вошли в состав России добровольно. Что касается зауральских башкир, то их основная масса, по мнению А. Н. Усманова, приняла русское подданство без сопротивления сразу же после разгрома Кучума в 1598 г. за исключением табынцев и сынрянцев, находившихся в лагере кучумовичей. Эти башкиры вошли в состав России в течение первого десятилетия в XVII в. Видимо, автор не располагал необходимым количеством материала, чтобы утверждать, что часть западно-сибирских башкир была завоевана русскими войсками.

[1] *Усманов А. Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 27 — 35.

В последнее время в литературе особо муссируется вопрос о вассалитете и сюзеренитете, между тем он был поднят еще в 1940 г., затем Н. В. Устюговым в 1947 году. Усманов уточняет отдельные моменты его положения о том, что добровольность подданства «предполагала и право отъезда» — выбора нового сюзерена, которое не может быть отнесено ко всем феодалам, тем более оседло-земледельческим. Оно касалось лишь феодалов восточной ориентации. Попытки заменить своего сюзерена для вассалов проявлялись в стремлении последних к отъезду к другому властелину или в поисках и приглашении хана в Башкирию с целью ее отторжения от России и организации самостоятельного ханства. Практику отъезда феодалов у кочевых народов оба автора, затем и их последователи считают обычным явлением. Здесь можно было бы им сказать следующее. Институт вассалитета широко был известен в Западной Европе в Средние века, когда одни феодалы (вассалы) лично зависели от других (сеньоров). Разве нередкие отъезды русских князей, несогласных с политикой Ивана III или Ивана IV в Польшу или Великое княжество Литовское неизвестны в истории этих хозяйственно и культурно развитых оседло-земледельческих народов? В период феодальной раздробленности на Руси в XII — XV вв. из одного княжества в другое отъезжали на основе той же причины десятки и сотни русских феодалов. Выходит, что такой институт был известен многим народам в период распада единого государства на более мелкие. Вывод может быть такой: отъезд был более распространен в кочевом мире, менее — в оседло-земледельческом[1].

В своих публикациях и трудах до 90-х годов XX в. Р. Г. Кузеев придерживался концепции добровольности подданства башкир[2]. Затем, развивая ее, он пришел к выводу о том, что присоединение различных народов региона Урало-Поволжья

[1] *Эсфэндиэров Э. З.* Берлектэ — тереклек. Рецензия на монографию А- Н. Усманова «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству». Агизел. 1985. № 2.

Башкирские шежере. Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960. С. 6; *Он же.* Происхождение ашкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974; в соавторстве с *Б. Х. Юлдашбаевым.* 400 лет вместе с русским народом: значен^Иу^Ие19^ашКИ^ИИ К ^УсскомУ госУД^аРству и его историческое

к Русскому государству произошло по-разному в результате: 1) «Казанской войны» (Казань и большая часть Казанского ханства); 2) перманентных завоевательных походов (те или иные группы всех народов региона); 3) и далее мирно (большая часть башкир, значительная или определенная часть других народов).

Мирный характер присоединения Башкирии к Русскому государству, по Кузееву, был предопределен следующими причинами:

1. Тяжелое впечатление от поражения Казани, неожиданное появление в западных пределах башкирских земель грозной военно-политической силы. (В скобках от себя добавим, что начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов писал о том же, что «ежели б Казань и Астрахань царь Иван Васильевич у татар не завладел и башкирцы сами в подданство не пришли, то бы всегда близкими могли быть неприятелями»)[1].

2. Претензии Ногайской Орды на золотоордынское политическое наследство в Башкирии, на власть над башкирскими племенами.

3. Голод, падеж скота ввиду неблагоприятных лет, ослабившие военный потенциал башкир.

4. Усилия дипломатии правительства Ивана IV, разославшего грамоты с призывом добровольно вступать в подданство «русского государя» и обещаниями сохранить за башкирами «землю, воду, веру, обычаи», а «ясак платить» в казну как и «прежним государям»[2]. При этом он опирается на «Башкирские шежере», изданные им самим, и на работу А. Н. Усманова.

Р. Г. Кузеев высказал свое отношение и к идее Н. В. Устюгова о том, что присоединение к Русскому государству башкирами воспринималось не как «подданство», а как осуществление права «свободного вассалитета», названного первым «добровольным выбором сюзерена». По Кузееву, эта идея более подходит к объяснению «специфичного сословного статуса башкирского общества и борьбы башкир за его сохранение», чем ее увязка с трактовкой характера ряда башкирских восстаний[3].

[1] *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России. Т. 1. С. 45.

[2] *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволожья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 115.

[3] Там же.

Известный советский историк 30—40-х гг. XX в. Шамсон Типеев был сторонником концепции о завоевании Башкирии Русским государством. Причем он считал, что Башкирия завоевывалась постепенно. В 1553 г. была захвачена западная граница, смежная с бывшим Казанским ханством, затем места до нынешнего города Уфы, что произошло в 1557 году. Окончательное завоевание Башкирии Типеев датирует 1740— 1750 гг., которое «кончается последней войной башкир» во главе с лжеханом Карасакалом[1]. Однако автор в подтверждение своего взгляда не приводит ни опубликованных, ни архивных источников.

Характер присоединения Башкирии к Русскому государству интересовал и лидера башкирского национального движения Ахмет-Заки Валидова. В написанной в 60-х гг. XX в. на турецком языке книге «Баш-корт тарихы» он также отстаивает мнение о насильственном присоединении края к России. Обратим внимание на суть его концепции. Западная Башкирия оказалась в ее подчинении после строительства городов Самары, Бирска, Уфы (построенной на месте древнего одноименного города) в 1586 г., хотя часть «камских башкир» спустя пять лет после завоевания Казани стала вносить ясак в пользу русской казны. И в XVII в. наращивались русские силы, чтобы окончательно взять под свою власть западную Башкирию. А.-З. Валиди считал, что завоеванный регион занимал незначительную часть башкирского края, «состоящую лишь из 888 башкирских дворов». К середине XVII в. оказавшиеся под русским владычеством башкиры составили 2 217 дворов. Юго-западная Башкирия в XVI — первой половине XVII в. все еще находилась под властью ногайских мурз. А восточная Башкирия тогда еще была в орбите влияния сибирских кучумовичей. После долгой и упорной борьбы совместно с табынцами и минцами в 1649 г. башкиры Юрматынских улусов вынуждены были принимать русское подданство. Тем самым лишь в середине XVII в. западная и Центральная Башкирия включаются в состав России[2]. По всему видно, что автор оказался под сильным влиянием концепций

[2] *Типеев Ш. И.* Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 20-21.

Валиди Ахмет-Заки. Баш-корт тарихы. Анкара, 2003. С. 256-259. перевод на башк. яз. А. М. Юлдашбаева.

Ш. И. Типеева и В. А. Новикова[1], где указана вышеупомянутая дата. Невозможность сохранения «племенного суверенитета» (Р. Г. Кузеев) юрматынцами и другими родами вплоть до середины XVII в. при наличии укрепленной Табынской крепости и Стерлитамакской пристани, расположенных рядом и вокруг юрматынских земель, организатор борьбы народа за территориальную автономию в составе России А.-З. Валиди не учел.

Философ Д. Ж. Валеев также пришел к аналогичным выводам, как Ш. И. Типеев и А.-З. Валиди. Не аргументируя свою точку зрения, автор утверждает, что западные и северо-западные башкиры частью были завоеваны, частью добровольно вошли в состав России. Примерно такая же ситуация сложилась как будто и у башкир, находившихся в подчинении Ногайской Орды. Что касается зауральских и северо-восточных башкир, оказавшихся в зоне политического влияния Сибирского ханства, с их стороны не было никакого волеизъявления о добровольном вхождении в состав Русского государства. В этом автор действительно прав. Зауральские и северо-восточные башкиры могли и вошли в состав России лишь после разгрома кучумовичей в 20—30-х гг. XVII в. Здесь о добровольности и речи быть не могло, поскольку башкиры тех мест находились в составе войск кучумовичей. И все-таки какая-то их часть добровольно вошла в состав России.

Д. Ж. Валеев солидарен и с теми авторами, которые считали, что если башкиры по доброй воле вошли в состав Русского государства, вряд ли в Башкирии более 200 лет «полыхал огонь народных восстаний против царской власти». И ссылается на работу Ш. И. Типеева. Отметим, что здесь нет прямой и непосредственной связи с актом принятия русского подданства и начинавшимися через 100 лет после него башкирскими восстаниями. Вооруженные выступления были лишь реакцией на мероприятия правительства, которые проводились им, начиная с середины XVII в. Если действительно и было завоевание края Русским государством, то народные движения, как форма сопротивления этому акту, начались бы незамедлительно, а не через столетие после того события. Вывод Д. Ж. Валеева таков: «одновременного (об

[1] *Типеев Ш. И.* Указ. соч.

этом уже писали А. Н. Усманов и Р. Г. Кузеев) и добровольного вхождения Башкирии в состав Русского государства не было»[1].

В 1982 г. на научной конференции, посвященной 425-летию присоединения Башкирии к Русскому государству, автор настоящих строк выступил с докладом «Башкирские источники XVI — XIX вв. о добровольном присоединении края к Русскому государству»[2]. С тех пор продолжалось накопление новых сведений о характере подданства башкир России. Выявленные материалы вновь убедительно свидетельствуют о том, что башкиры определяли характер своего подданства русскому царю как добровольный.

Прежде всего отметим: доказательством того, что русское подданство для башкир было добровольным, является сохранение царским правительством вотчинного права на населяемые ими земли. Оренбургский генерал-губернатор А. П. Безак в 1864 г. утверждал, что «Башкиры одни во всем нашем государстве владеют землею на вотчинном праве. И даже у казаков земля казенная, им не принадлежащая, которую они ни продавать, ни отдавать в кортому не могут, а башкирам все это дозволено законом» (см.: ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13022. Л. 12).

Правительство почти всегда подтверждало вотчинное право башкирских волостей путем выдачи их представителям жалованных грамот. Однако такое признание их прав нисколько не означало неприкосновенность земельных владений. Наоборот, царизм был заинтересован в освоении природных богатств края. Поэтому он стремился сузить земельные права волостей. Против этих попыток башкиры сопротивлялись отчаянно. По признанию П. И. Рычкова, башкирский народ «ничто столь не уважает и не бережет, как старинные свои вотчинные земли», «почитая их собственными ... своими вотчинами, нередко за них бунтовали и умирали»[3]. Однако нами не обращалось внимания на характер присоединения зауральских или сибирских башкир к России.

[1] *Валеев Д. Ж.* История башкирской философии и общественно-политической мысли. Основные тенденции развития. Уфа: Китап, 2001. С. 52, 53.

[2] Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Материалы научной конференции. Уфа, 1982. С. 19-25.

Лсфандияров А. З. Еще раз о характере присоединения Башкортостана к России // История и культура народов Евразии: древность, средневековье и современность (Первые Валидовские чтения). Международная научная конференция 22 — 24 сентября 1992 года. Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. III. Уфа, 1992. С. 9- 10.

В работах И. Г. Акманова характер подданства башкир определяется как добровольный акт. Протекторату или сюзеренитету не было места в феодальном, централизованном государстве. В специальной статье автор пишет о добровольном принятии русского подданства западными, затем «ногайскими» башкирами. Он говорит о большом значении обращения царя Ивана IV к башкирам: добровольно принять его подданство; а также о взаимных обязательствах сторон. Приводится несколько примеров, указывающих на добровольность принятия русского подданства башкирами. Обращает внимание и на неоднозначное значение этого акта для башкир. В статье отсутствуют какие-либо новые факты о присоединении Сибирской Башкирии к России. Но зато в обобщающей работе коллектива авторов в своем разделе И. Г. Акманов вполне справедливо считает подданство зауральских башкир и мирным и насильственным[1].

В статье Ф. А. Шакуровой рассматривается соотношение подданства и протектората. Нуждаясь в покровительстве, башкирская верхушка стремилась добиться сохранения фактической «независимости» посредством приглашения ханов из Джунгарии, Каракалпакии, Крыма, Казахстана, поскольку она разочаровалась в российском протекторате. Автор на стороне тех, кто взаимоотношения между Башкирией и Русским государством определяет термином «протекторат», а не «подданством». И сделана попытка — показать этот момент на примерах. Во время башкирских восстаний неоднократно поднимался вопрос о смене покровителя и поиске нового, иноплеменного — «зарубежного» правителя. Опираясь на историческую литературу, автор вполне определенно считает приглашение на правление «иноземцев» — «варягов» типичным явлением для обществ сходного уровня развития[2].

[1] *Акманов И. Г.* Башкортостан и Россия: Взаимоотношения в середине XVI — первой половине XVIII в. / *Доннелли Алтон* С. Завоевание Башкирии Россией. 1552— 1740. Уфа, 1995. С. 17 — 27; *Он же.* Еще раз о характере присоединения башкир к Русскому государству / Ядкяр. 1996. № 1; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. 1. Уфа, 2004. С. 108.

[2] *Шакурова Ф. А.* Подданство или протекторат? Анализ поведения башкирской элиты в период восстаний / Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Всероссийская научно-практическая конференция. Уфа, 2004. С. 171-176.

Возражая тезисам автора о протекторате, следует подчеркнуть, что в России (на Руси) призыв варягов, их правление — исторический факт, но в Башкирии никто из приглашенных «ханов» никогда не правил всей территорией или ее частью. Мало того, не управляли всем народом. Историкам ничего не известно об их деятельности. Приглашение ханов — временные акции феодалов и только. Поэтому подданство всегда оставалось реальностью, протекторат — рецидивом, временным явлением в период обострения социально-политических отношений в башкирском обществе.

Определенный интерес у читателей вызывает рассуждение нескольких авторов относительно характера присоединения башкирского края к России. Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова определяют его как «добровольно-принудительное». На «принудительный характер этого акта» указывает обращение царя к башкирам — добровольно признать его власть — звучит как ультиматум[1].

Подобное мнение было высказано Д. А. Сафоновым, считавшим присоединение Башкирии к Московскому государству добровольно-принудительным актом перед возможной угрозой и агрессией русского царя[2].

И следующий автор не оригинален в определении характера башкирского подданства. Р. Н. Зинуров утверждает, что «добровольное признание башкирами власти русского царя ... было вынужденным», так как прибытие их представителей в Казань не было добровольным, поскольку «они были приглашены туда ультимативно». И это обстоятельство ставит под большое сомнение добровольность подданства башкир[3].

По всему видно, что на взгляды этих авторов определенное влияние оказал концептуальный подход Н. А. Мажитова и А. Н. Султановой к форме русского подданства башкир.

Р. Г. Буканова вполне справедливо считает положение башкир в составе Золотой Орды и отношения их с казанскими,

[1] *Мажитов Н. А., Султанова А. Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994. С. 335-339.

[2] *Сафонов Д. А.* Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.). Оренбург: Оренбургская губерния, 2003. Библиотека историко-литературного альманаха. 17/43. С. 11.

[3] *Зинуров Р. Н.* Башкирские восстания и индейские войны — феномен в мировой истории. Уфа, 2001. С. 49, 55.

ногайскими и сибирскими ханами как вассально-сеньориальные, основанные на обязательствах военной службы башкирских феодалов своим сюзеренам. К моменту вхождения в состав Российского государства Башкирия состояла из десятка (территориальных) «тарханств» (под ними следует понимать, наверное, племена и роды). Каждое тарханство российское подданство принимает отдельно, хотя и на одинаковых условиях. Башкиры сохраняли вотчинное право на свои земли, самоуправление, «свою военную организацию», язык, обычаи и вероисповедание. Такие права они могли получить от царя Ивана IV только благодаря добровольному принятию русского подданства. Договорные отношения между царем и башкирскими феодалами устанавливают сюзеренитет и вассалитет. Р. Г. Буканова соглашается с мнением Н. В. Устюгова о том, что с принятием русского подданства башкирские феодалы рассматривали себя вассалами, а царя — сюзереном, которому были обязаны добровольной службой[1]. Здесь хотелось бы отметить, что «договорные отношения» не могли установить вассально-сеньориальные отношения между сторонами. Башкирские бии, ставшие после принятия подданства старостами, и тарханы по инерции думали, что и после акта вхождения в состав России у них сохранялось никем и нигде никаким актом не зафиксированное право отъезда и выбора сюзерена, как при Золотой Орде и татарских ханствах. Впоследствии они это право не раз пытались реализовать на практике.

Б. А. Азнабаев первым в историографии специально посвятил свою монографию интеграции Башкирии в административную структуру Российского государства во второй половине XVI — первой трети XVIII в. Он убедительно обосновал добровольность башкирского подданства Русскому государству, показав при этом взаимные обязательства сторон, в основном, сохранившиеся до начала XVIII в.[2]

В 1968 г. в США была опубликована монография А. С. Доннелли, переизданная на русский язык в Уфе в 1995 г. под

[1] *Буканова Р. Г.* Была ли государственность у башкир? (размышления историка) / Известия Башкортостана. 1994. 23 марта.

[2] *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII в.). Уфа, 2005.

названием «Завоевание Башкирии Россией в 1552—1740-е гг. Страницы истории империализма». К книге предпосланы предисловие Р. Г. Кузеева и содержательная рецензия И. Г. Акманова.

Американский историк признает факт добровольного присоединения башкир к России, но этот акт он считает формальным. Это видно в следующем. Ссылаясь на Полное собрание русских летописей, А. С. Доннелли полагает, что после падения Казани в 1552 г. в Москву прибыли представители башкир Казанской дороги, которые просили покровительство русского царя для защиты их от притеснений ногайцев. Затем за ними последовали другие. По его словам, к началу 1557 г. значительное количество башкир Казанской и Ногайской дорог («из-за трудностей необычайно суровой зимы») признало русскую власть. Однако он тотчас оговаривается, что «последующие длительные войны с целью покорения башкир» показали, что башкирские представительства, ездившие в Москву, не отражали мнения всего народа. Автор твердо убежден в том, что «башкиры, находившиеся под властью иноземных правителей еще до появления русских, всего лишь изменили свой вассалитет»[1]. Выходит, что автор «в формальном» присоединении Башкирии к России не видит подданства башкир.

Роже Порталь в 1950 г. два понятия — сюзеренитет и протекторат употреблял как синонимы. Он считал, что в 1557 г. при Иване Грозном башкиры приняли русский сюзеренитет[2]. Далее он пишет об установлении «русского протектората» со второй половины XVII в., продолжавшегося до известного указа от 11 февраля 1736 г. В то же время «у предводителей башкир представление о праве ухода от своего сюзерена сохранилось до конца XVIII в.». По его мнению, до конца XVII в. продолжался «формальный протекторат России над Башкирией». Это выражалось в следующем: царь сохранил социальную организацию башкир, совсем не вмешиваясь в их внутренние дела, опираясь на «туземную аристократию» и, ограничиваясь лишь взиманием ясака натурой (пушниной и медом) или деньгами, иногда привлекая население на

[1] *Доннелли А. С.* Указ. соч. С. 55-56.

[2] *Порталь Роже.* Урал в XVIII веке. Уфа, 2001. С. 15.

временные работы. В целом, по его мнению, у башкирских предводителей сохранялось представление о праве ухода (отъезда) от своего сюзерена до конца XVIII в. Автор приводит примеры «открытого отказа башкир от русского протектората» (в 1634 г., отказываясь от «пятины», 59 семей отъехали в Сибирь, в 1660 г. 30 семей присоединились к калмыкам, в 1738 г., отказываясь отдавать штрафных лошадей, наложенных на них, как на участников восстания 1730-х годов и т. д.)[1].

Присоединение Башкирии к России произошло не одним общим актом. Поэтому об одновременности вхождения всех ее частей в состав единого русского государства, как уже было сказано, речи быть не могло. Об этом писали С И . Руденко и А. Н. Усманов. С. И. Руденко даже обосновал невозможность присоединения края к России одновременно, в один и тот же год из-за отсутствия объединяющей всех башкир организации и из-за раздробленности племен, находившихся до середины XVI в. под властью соседних ханств[2].

Видный историк В. В. Трепавлов высказывает свое мнение о невозможности последовательного включения народов и регионов в состав России. За исключением завоеванных татарских ханств, остальные владения на Южном Урале, в Сибири, в кочевой степи и на Кавказе вступали в различную степень зависимости от Москвы посредством мирных, в том числе договорных отношений. Правительство не форсировало этот процесс[3].

Говоря о понятиях сюзеренитет и подданство, сюзеренитет и протекторат, протекторат и вассалитет, следует подчеркнуть отсутствие единого подхода исследователей к смыслу и времени их функционирования. При отсутствии каких-либо специальных исследований одни из них признают единовременное существование подданства и вассалитета с сюзеренитетом; другие рассматривают раздельно; третьи под протекторатом понимают сюзеренитет, т. е. как синонимы.

[1] *Порталь Роже.* Указ. соч. С. 53, 62, 95.

[2] *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 34.

[3] *Трепавлов В. В.* Башкортостан в эпоху Салавата: два столетия российского подданства / Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева (г. Уфа, 3 июня 2004 г.). Уфа, 2004. С. 24-25.

При изучении этих институтов существенную ясность вносит теоретический подход к этим проблемам со стороны видного историка С. Г. Агаджанова, обобщившего имеющиеся исторические факты с целью выяснения генезиса, развития и трансформации протектората, его подтипов.

С. Г. Агаджанов, изучив все типы протектората (от латинского «протектор» — защитник, покровитель), пришел к выводу о том, что Георгиевский трактат от 1738 г., установивший покровительство России над Картли-Кахетинским царством (Восточная Грузия), стал в определенной мере эталоном протекторатных отношений, приводивших в политическую зависимость с ограниченным суверенитетом.

К такой категории протектората он относит русско-казахские отношения в XVIII—XIX вв. В 1730-1731 гг. хан Младшего жуза Абулхаир и его старшины, выразив желание принять русское подданство, выдвинули предварительные условия, предусматривавшие обеспечение военной безопасности, ограждение от внутренних усобиц, предоставление казахам пастбищ в междуречье Волги и Яика (Урала). В статьях заключенной затем протекции имелись пункты: присяга хана и старшин на верность русскому царю; их обязательства — обеспечивать безопасность движения торговых караванов; оказание ханом военной помощи российским властям, возвращение русских пленных в обмен на казахских. Россия должна была препятствовать набегам на казахов своих кочевых подданных и защитить Казахскую степь от враждебных нападений. Хан обязался прислать заложников в Москву.

В дальнейшем такая же форма протектората наблюдается во Внутренней Орде (жузе) искусственно созданной, возникшей в 1801 г. в междуречье Урала и Волги и названной Букеевской, где установилась наследственная власть, но в отличие от всех других казахских жузов утверждаемая грамотой русского императора[1].

Таким образом, в казахских жузах, где «вынужденное присоединение имело элементы добровольности», Российская

// н *га дж анов С. Г.* Протектораты (опыт предварительной систематизации) Национальные окраины Российской истории: становление и развитие Управления. М: Славянский диалог, 1998. С. 376-378.

власть была номинальной. Казахи оставались независимыми, продолжали существовать жузы-орды, не платили ясак и других податей, не несли почти никаких обязанностей в отношении России[1]. Это и есть настоящий протекторат России над Казахстаном.

С. Г. Агаджанов соотношение понятий протекторат и вассалитет (от латинского — вассал — зависимый) рассматривает особо, можно сказать, раздельно. Образование русского единого государства и превращение его в многонациональную державу отличались сочетанием военных акций с дипломатическими контактами и мирными соглашениями с народами сопредельных территорий, областей и регионов. В ходе этих моментов вырабатывались определенные принципы взаимоотношений. Важную роль, особенно на его первых этапах, сыграл институт протекции на его низшей ступени вассальной зависимости от русских царей соседних властителей Сибири, Поволжья, Приуралья, Северного Кавказа. При этом обе стороны принимали на себя определенный круг обязательств: сюзерен должен был защищать интересы своего вассала, оказывать всяческую помощь, оборонять от вражеских нападений; в свою очередь, вассальные правители и владетели обязывались нести военную службу, участвовать в войнах и походах сюзерена и уплачивать ему дань (ясак). Вассалитет оформлялся специальной жалованной грамотой, присягой на верность, назначением содержания вассалам и выдачей ими заложников[2].

Исходя из положений С. Г. Агаджанова о сути протектората, можно утвердительно сказать, что употребление этого термина по отношению к башкирам неправомерно, поскольку до и в период присоединения к России Башкирия не была политически самостоятельной, находилась в феодально-раздробленном состоянии и в вассальной зависимости от нескольких ханств. Институт протектората касается двух государств, одно из которых добровольно или насильственно подпадает под покровительство более сильного из них на основе одного документа — договора. Поэтому вернее всего

[1] *Абдакимов Абдулжапар.* История Казахстана. Алматы. 2003. С. 115 — 164.
[2] *Агаджанов С. Г.* Указ. соч. С. 360.

будет употребление по отношению к башкирам термина вассалитет*

Таким образом, в исторической литературе бытуют разные мнения о характере подданства башкир Русскому государству. Добровольность, добровольная принудительность их подданства, а также завоевание края — вот подход исследователей к форме присоединения Башкирии к России. Концепция о добровольном, мирном вхождении Страны башкир в состав Московского государства сегодня превалирует над всеми остальными. Данная точка зрения находит свое достойное место в учебниках для средней и высшей школ, в хрестоматиях по истории края, в обобщающих трудах по истории Башкортостана.

Отдельные исследователи подвергают сомнению возможность употребления слова «добровольность» в дореволюционное время. Один из них пишет следующее: «Тезис о добровольном присоединении башкир к Русскому государству... до революции вообще не стоял». В работах русских историков по сведениям Р. Н. Зинурова, слово «добровольно» не встречается. В них «речь идет лишь о признании башкирами власти царя, что вовсе не означает добровольного присоединения». Поэтому «этот тезис является детищем советского тоталитаризма». Точно также он подходит и к шежере, где не нашел слова «добровольность»[1].

По-видимому, вышеуказанному автору не известны следующие источники. В указе башкирам Сибирской дороги видного административного деятеля, затем ставшего первым историком в России В. Н. Татищева от 24 июня 1736 г. подчеркнуто говорится «о добровольных договорах»[2]. В статье К). С. Бикбова «Башкурды», опубликованной в 1899 г. в «Оренбургской газете», перепечатанной в 2002 г. в журнале «Ядкяр», 6-й раздел назван «Причины добровольного перехода» и в

, „- Сдовосочетание «свободный вассалитет» было введено в научный васс ∘Т В Ус тюговым, и воспринято другими историками. Вообще-то сам к н е м ^ * ^ преАполагал свободный выбор сюзерена, поэтому добавление У прилагательного «свободный» ничего нового в его суть не вносит.

2м Нуров К н - Указ. соч. С. 53, 55.

УФа 2002 6 18S "∘ ИСТ∘рИИ Башкортостана / Авт.-сост. Н. Ф. Демидова. Т. 6.

тексте говорится об этом же[1]. Еще в 1883 г. М. В. Лоссиевский, в связи с публикацией хроники «Старинные ханства», писал: «Замечательно, что хроника эта, вопреки некоторых мнений, прямо показывает подданство башкир добровольным и, что самый г. Уфа построен по их же просьбе в защиту от нападений ногайцев, и, что все это решалось собранием целого народа, на общем сходе»[2].

Как видно, не только в XIX в., но даже в XVIII в. по отношению к подданству башкир употребляли слово «добровольность».

Одним из элементов вассалитета следует считать стремление башкирских феодалов восстание показать «войной», а «отпущение вин и милость государей» — «миром». В письме батыра Айлинской волости Кыдраса Кильдышева, капитану П. А. Батову с «укоризнами» на действия карателей от 3 июля 1737 г. говорилось, что «они нас разорили, за то и война стала»[3]. Часто употреблялось слово «война»: «приехали с войною с великим войском», «идут войной» на карателей и т. д. В Определении совещания И. К. Кирилова и М. С. Хрущева от 21 декабря 1736 г. об учреждении башкирских старшин, сотских и десятских на Казанской и Осинской дорогах было сказано, что «кто станет говорить по-прежнему своевольству, называя злодейския свои бунты войною и всемилостивейшия отпущение вин миром, тех всех брать... На тех немедленно доносить». Такое требование даже было внесено в один из пунктов присяги волостных старшин[4].

За употребление башкирами слова «мириться» В. Н. Татищев требовал сурового наказания — казнь через повешение. В августе 1736 г. Кутукай батыр из Катайской волости и другие знатные башкиры сказали В. Н. Татищеву, что «они мириться хотят». В ответ на это тот начальник твердо заявил, «чтоб он, как верный е. и. в. раб, такого слова неприличного и чести е. в. вредительного отнюдь не употреблял, и всем объявил, что они

[1] *Бикбов Ю. С.* Башкурды. Материалы по истории башкирского народа / Ядкяр. № 3. 2002. С. 58.

[2] *Лоссиевский М. В.* Былое Башкирии и башкир по преданиям, сказаниям и хроникам (Историко-этнографический очерк) // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С 384.

[3] МИБ. Ч. 1. С. 314.

[4] МИБ. Т. 6. С. 339.

не миром, но повинною и просчением имяновали. А ежели кто предо мною оно на словах или в письме употребит, то яко явного нарушителя е. и. чести, без упусчения повешу»[1]. И добавил, «чтоб они ни о каком договоре не думали, но токмо повинную принесли». В июне 1736 г. башкирам Сибирской дороги, собравшимся для принесения повинной у озера Кызылташ, требуя от них «верности и покорности», он разъяснял, что «милость государей непристойно миром именовали, которое токмо между равными государи и государствы употребляемо»[2].

Из всех начальников Оренбургской экспедиции (Башкирской комиссии) самым беспощадным по отношению к повстанцам был В. Н. Татищев. Башкир, отказывающихся «покориться и повинной принести», он требовал занести в списки, чтобы их «в жилисча не пускать, у себя не держать, но, ловя, для достойного наказания приводить ко мне или в ближния крепости, и их земли вам разделить по себе»[3]. Бунтарь таким образом становился изгоем.

Правительство и местная власть никогда не признавали институт вассалитета, требуя от башкир безусловного выполнения «подданнической должности», выражающейся «в верности и рабской покорности» (В. Н. Татищев). Поэтому они пытались пресекать любые формы неповиновения, в частности, их отъезды. В опубликованных шежере, в высказываниях царских местных администраторов и башкир-повстанцев речь шла только о бесповоротном подданстве башкир белому падишаху — царю. Следует подчеркнуть, что до 1660-х годов, т. е. в течение 100 лет подданства, почти никогда не возникало вопроса об отъезде части башкир куда-либо, об отказе от подданства, о смене сюзерена. Для этого не было повода. Правительство почти не вмешивалось во внутренние дела башкир, функционировало их самоуправление. Был сделан лишь минимум изменений в административном устройстве Башкирии. Она делилась на 4 области — «даруги»: Ногайскую, Казанскую, Сибирскую, с конца XVI — начала XVII в. еще Осинскую. Они были без управителей —

[1] МИБ. Т. 6. С. 256.

[3] Там же. С. 190.

Там же.

2-

старшин. Территории родов и племен с 1586 г. стали называться волостями во главе с прежними вождями — биями, с появлением Уфы названными (потомственными) старостами. В функции старост входили: управление волостью, проведение волостных йыйынов и сходов, организация сбора ясака, а также военной службы башкир по охране юго-восточных границ России, контроль за порядком в населенных пунктах волости и работой третейского (шариатского) суда. Волостные старосты, затем и старшины обеспечивали безопасность волости, устанавливая контакты с сопредельными народами и регионами (например, в начале 1730-х годов старшина Бурзянской волости Алдар Исекеев «от себя» к калмыкам направил делегацию «для договору», чтобы прекратить взаимные набеги по отгону скота и увода людей, чтобы «жить в мире»[1].

Царское правительство, занятое претворением в жизнь политики опричнины, затяжной Ливонской войной, смутой начала XVII в., с появлением самозванцев и с интервенцией Польши и Швеции, с династическим и хозяйственным кризисом, восстаниями И. И. Болотникова и городских масс и затем несколькими войнами с Польшей, не смогло сразу же после присоединения Башкирии к России приступить к ее интеграции в состав нового для башкир государства. В Башкирии, в основном, существовало свое самоуправление при наличии назначаемых царями Уфимских воевод, имевших полицейские, финансово-хозяйственные и военные функции. До середины XVII в. в крае пока наблюдались «тишь да гладь», если не считать строительства Уфы, Осы, Мензелинска.

Изъятие земель у башкир для строительства крепостей и для раздачи дворянам, санкционирование правительством перехода части башкирских кочевий в руки калмыков, принявших в 1650-х годах русское подданство, рост налогов, произвол и насилие царской администрации вызвали первое крупное восстание башкир 1662— 1664 гг.[2]

С тех времен и начинаются попытки отъезда отдельных групп башкир к калмыкам, сибирским татарам и другим.

[1] МИБ. Т. 6. С. 370.

[2] История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Уфа, 2004. С. 144-145.

Воспоминания о вассальном положении башкир в Золотой Орде, в татарских ханствах еще были живы в их памяти. Поэтому русское подданство, требующее беспрекословного выполнения законов государства, башкиры по инерции восприняли как вассалитет. Первые симптомы его, как выше сказано, наблюдались еще в 1630-х годах, когда правительство пыталось обложить их той же «пятиной» (5 проц. торговой пошлины с 1 руб.), что и русских, 59 семей отъехало в Сибирь, в 1660 г. около 30 семей присоединились к калмыкам[1]. В 1675 г. недовольные насильственным привлечением к участию в Крымском походе демские башкиры Минской волости, «обнищавшие» и разорившиеся в результате жестокого подавления восстания 1662— 1664 гг. («на службу иттить невмочь», «ясаку полного платить не могут»), отъехали («откочевали») вверх по Белой к башкирскому тархану Ишмухамету Давлетбаеву[2].

Элементы вассального отношения, по взглядам башкир, можно заметить и в том, что жители Кипчакской волости Ногайской дороги в тот самый год отказались «иттить на службу на Крым», поскольку «разоренье де им пришло (от набегов калмыков. — *А. А.),* а не служба». А если «великий государь изволит нас послать на свою государеву службу неволею, — заявили они, — мы де возьмем и жен своих, и детей, и покочуем (т. е. откочуем) совсем»[3]. То же самое наблюдаем в просьбе башкир Ногайской дороги уфимскому воеводе А. М. Волконскому от 1663 г., где они заявили о том, что «Прежде падишах, (т. е. царь) нас чрез аманатов не держал, оберегал добром и милостью. Если падишах пожелает нас по-прежнему в холопстве держать, то пусть нам пришлет наших аманатов»[4].

Попытки разговора башкир с уфимскими воеводами на равных, выдвижение со своей стороны требований с угрозами отъехать следует рассматривать их положение как вассалов, а не подданных. Обращаясь к воеводе А. М. Волконскому они же писали, что «если то наше слово до падишаха не доведешь, на нас не гневайся. А коли мы сами чрез степь какой путь найдем, сам узнаешь»[5].

[Порталь Роже. Указ. соч. С. 202-203.

[1] МИБ. Ч. 1.С. 202-203.

Там же. С. 204.

Там же. С. 167.

Там же. С. 167.

Удержание (задержание) башкирами на некоторое время посыльных от воевод тоже относится к «правам» вассалов. К ним можно отнести отказ от выполнения повинностей и прием беглых.

В период восстания 30-х годов XVIII в. в источниках встречается лозунг об отказе от вассалитета. На съезде (йыйын) более 100 зауральских старшин Сибирской и Ногайской дорог было принято решение: 1) не давать штрафа людьми и лошадьми от участников восстания; 2) лучше всего «от российской власти отложитца», а для этого 3) «с киргиз-кайсаками сообщитца»[1]. Однако переговоры с казахами двух жузов не привели к каким-либо положительным результатам. Об этом знал В. Н. Татищев: «Хотели (башкиры) власти е. в. отложитца»[2].

В письме башкир 12 родов Сибирской дороги, 19 родов Ногайской дороги и 1 рода Осинской дороги В. Н. Татищеву об отказе отдавать штрафных лошадей и с объявлением своего выхода из русского подданства было сказано: «Оного штрафа на себя не желаем, и, откладывая, оставя свои жилисча, казацким образом отъедем»[3].

Поиски ханов и провозглашение тех или иных ханских отпрысков башкирскими правителями являлись новой попыткой сменить сюзерена вместо русского.

Еще во время башкирского восстания 1662— 1664 гг. часть феодалов провозгласили ханом правнука сибирского хана Кучума царевича Кучука[4]. В «Татарской истории» М. Мухаметова говорится, что в 1682 г. (год собаки) «среди башкирского народа появился мусульманский хан, который призвал народ к вере. Именовали этого хана Сайид — Джаграф — ханом (в другом месте — Сайид-Джагфар). Напоследок весь род людской и башкирский народ перестали считать его ханом: не действовали по его указаниям, изменили в пользу иноверцов-русских»[5]. Это был руководитель восстания Сеит, названный А. П. Чулошниковым Сеитом Садииром[1], Н. В. Устюговым — Сеит Сафар-ханом[2], М. А. Усмановым — Сеид-Джагфаром[3]. Последнее имя предводителя восставших башкир М. А. Усманов считает более верным. Эти факты относятся к XVII в. Поэтому утверждение А. Н. Усманова о том, что идея и инициатива приглашения хана в Башкирию принадлежит крупнейшему феодалу старшине Бурзянской волости тархану Алдару Исекееву (XVIII в.) не соответствует действительности[4].

Еще до начала восстания 1704—1711 гг. Алдар Исекеев посылал Кильмяка абыза с 27 башкирами в Крым просить хана, чтобы он избрал из знатных крымцев кого-нибудь к башкирам в ханы, но в просьбе делегации крымский хан отказал[5].

В ходе упомянутого восстания Алдар Исекеев и другие феодалы, отказавшись от русского подданства, провозгласили ряд ханов. Один из них был хан Мурат, выдававший себя за сына царевича Кучука[6]. В начале 1707 г. в Ногайской дороге объявился хан из Кубани Салтан-Ибрагим (он же Хози, Мурат). Через два года там же появился новый хан Хазей, привезенный из Каракалпакской Орды сыном Алдара Исекеева. Несколько позже в Зауральскую Башкирию направляется со специальным поручением сын нового башкирского хана — Рыс-Макамбет[7].

До следующего социально-политического кризиса — восстания второй половины 30-х годов XVIII в. разговора об отказе от русского подданства и о поисках новых ханов ни разу не было. Зато в тот период они возобновляются с новой силой. В период между восстаниями начала XVIII в. и 1730-х годов устанавливается относительная тишина. Позже в годы вооруженного выступления башкир поиски ханов вновь возобновляются.

В 1737 г. башкиры из Усерганской волости побывали в Казахской Средней Орде, чтобы «просить в башкирские ханы брата Абдул-Мамата[8]. Накануне восстания Кильмяк абыз был

[1] МИБ. Ч. 1. С. 325.
[2] МИБ. Т. 6. С. 190.
[3] Там же. С. 544.
[4] Там же. С. 667.
[5] *Усманов М. А.* Татарские источники XVII —XVIII вв. Казань: Изд. Казанского ун-та, 1972. С. 122.

[1] МИБ. Ч. 1.С. 36-39.
Очерки по истории СССР. XVII век. М., 1955. С. 811.
[4] *Усманов М. А.* Указ. соч. С. 122.
государств[40] С^20Д[0]^Р[овольное] п[Р]исое А[инение] Башкирии к Русскому
[5] *мт.* Т. 6. С 369.
Там же. С.79, 667.
;МИБ.Ч.1.С. 45, 49.
1ам же. С. 324.

послан в Крым, чтобы просить татарского правителя дать башкирам хана[1].

Постепенно у башкир разных волостей возникла идея отказа от какого-либо приглашаемого хана. В мае 1743 г. в деревне Васкино (ныне Лагерово Салаватского района РБ) 200 башкир с приглашением зауральских старшин провели «збор» — йыйын по вопросу о призыве нового хана. Когда старшина Кудейской волости Елдаш мулла Суярымбетов заявил о том, «что де нам скрывать? Послали де мы — к киргиз-казакам искать себе хана», то приглашенные старшины открыто и резко сказали, что «когда де такой хан будет, то де мы, собравшись, можем поймать и отвесть к е. и. в.»[2]. В самом деле делегация башкир побывала у казахов «для призыва хана», но ее постигла неудача: «хан де к ним ис кригизцев не поехал, да и впредь де не будет»[3]. Через 16 дней В. Н. Татищев с удовлетворением сообщил в Кабинет, что «ездившие воры в Казачью орду для призывания хана, возвратились ни с чем, ибо в ханы к ним никто не поехал»[4].

Осенью 1737 г. хан казахского Младшего жуза Абулхаир прибыл в Ногайскую дорогу под предлогом успокоения восставших башкир и обнадеживая народ в том, что только он сможет добиться у императрицы прощения им, искал повода для возведения в башкирские ханы одного из своих детей[5]. В Сибирской дороге четыре месяца находился сын хана Средней Орды Барака-Салтана Шигай, призванный башкирами быть ханом. Он, отказавшись быть правителем, пригласил «к нему жить» 400 дворов, жителей которых затем «в кайсацких улусах мужск пол порубили, а женск пол и пожитки, и скот розделили по себе»[6].

Почему-то Роже Порталь предводителя восставших башкира Карасакала в 1739-1740 гг. считает казахом, принимавшим титул башкирского хана[7].

[1] *Порталь Роже.* Указ. соч. С. 87.
[2] МИБ. Т. 6. С. 417.
[3] Там же. С. 418.
[4] Там же. С. 424.
[5] *Рычков П. И.* История Оренбургская. Уфа, 2001. С. 83 — 84.
[6] МИБ. Т. 6. С. 592-593.
[7] *Порталь Роже.* Указ. соч. С. 89, 91.

По всему видно, что правители казахских жузов вместо конкретной помощи восставшим башкирам ограничивались одними обещаниями. Нечто неопределенное в этом отношении видим в словах четырех представителей от Средней Орды о том, что «мы де ведаем, у вас зделалась война з белым царем и вас рубят, а мы де с вами одного рода и одной веры, и ежели вам будет от русских студено, то де к нам пришлите, и если хотите хана, то вам дадим, если же салтана, то пришлем; буде же похотите мириться, то де без нас не миритесь, а станем мириться вместе»[1] (1736 г.).

Н. Ф. Демидова в своих комментариях к одному из документов правильно подчеркивает двойственную политику казахских феодалов по отношению к восставшим башкирам. С одной стороны, они обещали башкирам помощь и соглашались принять их в подданство. И она предполагает, что в этом сказалось желание увидеть в башкирах помощников в борьбе с контайшей (Джунгарией). В самом деле один из батыров Средней Орды Еныбек, принимая башкир из Кара-Табынской волости Сибирской дороги, «искавших себе хана», в 1737 г. обещал им дать «40 есаулов с людьми», если они окажут ему помощь в борьбе против «контайшинцев» («если ... хотят вместе с ним контайшу рубить, то и он с ними вместе пойдет на русских)[2]. С другой стороны, казахи никак не могли пойти против России, поскольку они нуждались в ее помощи и поддержке[3].

Одним словом, если один из моментов или элементов вассалитета — право на отъезд — временами реализовывался, то другие его элементы — призыв хана и создание собственного государства (хотя такого требования в деяниях и просьбах башкир не встречается, а лишь в работах отдельных историков говорится об этом весьма расплывчато и туманно) — оставались утопией из-за объективных причин. Не прав и П. И. Рычков, утверждавший, что башкиры открыто бунтовали с таким намерением, чтоб им «отрешившись от подданства Российского, восстановить особливое владение»[4]. Об

[1] МИБ. Т. 6. С. 262.
^Там же. С. 428.
^Там же. С. 676.
Рычков П. И. Топография Оренбургская. Уфа, 1999. С. 53.

отсутствии реальных планов по созданию независимого от Москвы башкирского государства писали И. Г. Акманов[1] и В. В. Трепавлов[2].

Башкирские племена и роды русское подданство принимали в течение второй половины XVI в. Об этом прямо и конкретно сказано в их родословной — шежере. В одном из них говорится, что они бурзянского, кипчакского, тамьянского и усерганского племен « по призыву ездили в Казань к царю Ивану Васильевичу по принятии родами подданства («Атс батшага баш салдьгк, тюл булдук»)..., а по принятии в подданство жалованы[3]... землей. Принятие подданства — «Рэгитлеккэ алды», «баш салдьгк», «рэгиэт идеб алыб» — происходило в Казани, а получение жалованных грамот — в Москве.

Первыми в 1550-х гг. русское подданство приняли западные башкиры, проживавшие в бассейне рек Ик, Зай, Шешма, Мензеля [Айского (известного и за Уралом в Сибирской дороге), Бурзянского (известного и в Ногайской дороге), Иректинского, Кипчакского, Курпеч-Табынского, Сарыш-Кипчакского, Сенирянского (известного и за Уралом в Сибирской дороге), Тамьянского, Тангаурского, Табынского (известных и в Сибирской и по Яику в Ногайской дорое) племен]. К западным, нижнебельским относились племена, одними из первых ставшие «подданными белого царя»: Байляр, Буляр, Юрми, Еней, Гарей и др.

Добровольность принятия русского подданства подтверждалась жалованными грамотами, полученными буквально каждым из вышеперечисленных племен и родов, названных с конца XVI в. волостями. Грамоты русских царей признавали за башкирскими общинами право собственника (вотчинника) на владеемые ими земли. Затем добровольными подданными царя стали юго-западные, южные башкиры, расселенные в Ногайской дороге*. Потом очередь дошла и до северных племен: Гайна, Уран, Таныр и др. Впоследствии их земли вошли в состав Осинской дороги. Все эти башкирские волости вошли

[1] *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII — начала XVIII в. С. 13, 127.

[2] *Трепавлов В. В.* Башкортостан в эпоху Салавата: два столетия российского подданства. С. 33.

[3] ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 2; Башкирские шежере. Уфа, 1960.

* Азнабаев Б. А. считает наоборот, т. е. ногайские башкиры приняли русское подданство первыми, затем другие. См. Указ. соч.

в состав России по собственным волеизъявлениям их жителей, т. е. добровольно с получением жалованных грамот каждым из племен в отдельности. Интересен факт о том, что участники восстания после прощения царем получали новую «государьскую жалованную грамоту за красною оттворчетою печатью на дву листах руским и татарским письмом» о принятии их вновь в подданство Московского государства[1].

Завоеванные племена и народы были лишены вотчинных прав: они не владели, а пользовались казенными, заводскими и другими землями. Такими были отдельные племена зауральских башкир.

Из многих вышеназванных авторов редко кто писал о судьбе северо-восточных, восточных или сибирских башкир, о характере их российского подданства.

По материалам Г. Ф. Миллера можно выяснить названия некоторых (он называет их татарскими) племен Катай, Сырян (т. е. Сынрян), Чалзаут (Салзаут), Табын и др., зависимых от сибирского хана Кучума[2]. Вполне уверенно можно сказать об их набегах на строгановские поселения на Каме в конце XVI в., основанные на их землях. На стороне Кучума и кучумовичей находились и другие башкирские роды и племена.

В литературе вполне справедливо считается, что процесс присоединения сибирских башкир к Русскому государству был затяжным. По А. Н. Усманову, основная часть северо-восточных башкир признала власть русского правительства в 1586 г., когда еще шла борьба с сибирским ханом Кучумом. Они приняли русское подданство без сопротивления. Другая, меньшая их часть (табынцы, сынрянцы, мякотинцы), вошла в состав России после окончательного разгрома Сибирского ханства и в процессе последующей борьбы уже с сыновьями Кучума. Во всяком случае, до 1610-х годов названные племена оставались в лагере кучумовичей, участвуя в борьбе против Русского государства[3]. Однако автор определенно не говорит о характере подданства северо-восточных и восточных башкир, ограничиваясь словами «признали власть Русского государ-

[1] ИБч 1с 6р-г Ф- 183 (1664 г.).

[2] Г Т ист. рия Сибири. Т. 1. М; Л., 1937. С. 27-32; Т. 2. М.; Л., 1941 • — 26, 105.

[3] *Ушанов А. Н.* Указ. соч. С. 179.

ства», «вошли в состав России». Акт этот был добровольным или насильственным — остается непонятным, неясным.

Думается, что часть сибирских башкир добровольно вошла в состав России. Они сохранили владельческие (вотчинные) права на свои земли. По Екатеринбургскому уезду из 34 деревень 13 находились на своих вотчинных землях, остальная 21 деревня из Улу-Катайской, Шуранской, Сынрянской, Болыпе-Кущинской, Айлинской волостей располагались на землях других башкирских волостей на правах припущенников. В Троицком уезде из 95 деревень 31 имела статус припущенников, остальные (64) владели вотчинными землями. В Челябинском уезде из 130 населенных пунктов башкир 57 (все из Айлинской волости) — на правах припущенников, 73 — на правах вотчинников. Всех деревень было 259, из них на собственных вотчинных землях находилось 150 (579 проц.), на правах припущенников — 109 (42,1 проц.) поселений[1]. Выходит, что больше половины башкир северо-востока и востока вошли в состав России добровольно, впоследствии больше 40 проц. были завоеваны Ермаком, правительственными отрядами Мансурова и других, поэтому они не имели жалованных грамот.

Из-за отсутствия подтвердительных грамот на землю оказывались припущенниками других волостей башкиры нижеследующих волостей Сибирской Башкирии.

Деревни башкир-припущенников к 1834 г.

По Екатеринбургскому уезду

3 деревни Улу-Катайской вол. находились на земле Салзаутской волости в виде припущенников

5 дер. Улу-Катайской вол. — припущенники Бала-Катайской волости

2 дер. Шуранской вол. — припущенники Бала-Катайской волости

1 дер. Сынрянской вол. — припущенники Салзаутской волости

1 дер. Айлинской вол. — припущенники Чирлинской волости

4 дер. Улу-Катайской вол. — припущенники Салзаутской волости

[1] Южноуральский археографический сборник (ЮАС). Вып. 2. Уфа, 1976. С. 203-205, 210-212, 214-222.

4 дер. Болыпе-Кущин. вол. — на даче Артинского завода на проданной ими земле

1 дер. Терсятской вол. — на даче Михайловского завода.

По Троицкому уезду

2 дер. Бара- и Кара-Табынской вол. — на земле казаков Уйской станицы

2 дер. Куваканской вол. — на земле Бара- и Кара-Табынской вол., спорной с Златоустовскими заводами

1 дер. Куваканской вол. — на земле Саткинского завода

5 дер. Бара- и Кара-Табын. вол. — на земле казаков Уйской станицы

2 дер. Бара- и Кара-Табын. вол. — на земле казенной

4 дер. Куваканской вол. — на земле Бара- и Кара-Табынской волости

3 дер. Айлинской вол. — на земле казаков Чебаркульской станицы

8 дер. Сызгинской вол. — на земле Бара-Табынской волости

2 дер. Айлинской вол. — на земле Тарнаклинской волости

2 дер. Куваканской вол. — на земле Дуванской волости

По Челябинскому уезду

39 дер. Айлинской вол. — на правах припущенников

1 дер. Кара-Табынской вол. — на правах припущенников

6 дер. Айлинской вол. — имеют землю в общем отводе с казаками Миясской станицы

5 дер. Айлинской вол. — поселены на казенной земле

7 дер. Айлинской вол. — в общем владении с казаками Миясской станицы[1].

Только завоеванные башкирские племена вынуждены были отдавать властям заложников. Единственно известный по источникам аманат Сурабан был из рода Голубь восточно-табынского племени, насильственно включенного в состав Русского государства[2].

С ?п *<~>жно Ур альский археографический сборник. Уфа, 1976. Вып. 2. Ри 205, 210 — 212, 214 — 222; Месторасположение башкирских волостей иоирской, отчасти и Ногайской дорог за 1730 г. См. МИБ. М.; Л., 1936. Ч. 1. !36- 137

аман Башки Р ские шежере. Уфа, 1960. С. 80, 200. Уфимские башкиры не знали атства до первого крупного восстания начала 60-х годов XVII века.

Завоеванные башкиры были обложены ясаком размером гораздо большим, чем в Уфимской Башкирии. Сибирские башкиры платили ясак с каждого человека (по 1 руб. 19 алтын 3 деньги), а уфимские — с вотчины (с ответственного плательщика по 25 коп.). Затем размер ясака у зауральских башкир был несколько уменьшен (по 5 куниц с человека)[1]. Они же платили и «государевы», и «воевоцкие» поминки[2].

В. Н. Татищев в своем обращении к башкирам Сибирской дороги от 27 июня 1736 г. справедливо писал: «Известно всему Российскому государству и всем окрестным народам, что вы под власть и державу Российскую не вашею доброю волею, ни добровольными договоры, но силою оружия российского приведены, и милостию вечно достойныя памяти их величеств, российских государей, примногих ваших прежде бытных вольностей сподоблены»[3].

В указе из Кунгурской провинциальной канцелярии башкирам-повстанцам Сибирской дороги от 28 декабря 1737 г. с ответами на их вопросы, просьбы и жалобы верно ставится под сомнение добровольность их подданства России: «Якобы не без бою и не силою под власть Российскую приведены, но доброхотно пришли»[4].

Таким образом, большая часть зауральских башкир вошла в состав России по собственной воле, другая — меньшая часть их — была завоевана.

Делая общий вывод, отметим, что основная территория Исторической Башкирии вошла в состав Российского государства по добровольному желанию ее жителей, получивших подтвердительные царские грамоты на свои вотчинные земли. Нарушение условий присоединения башкир к России вызвало практику отъездов отдельных групп к сопредельным народам и поиски ханов. Незначительная часть их была лишена вотчинного права из-за их насильственного подданства.

В заключение рассуждения о характере башкирского подданства в историографическом плане, о протекторате, сюзеренитете и вассалитете приводим фактический материал

[1] Очерки по истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 805.
[2] *Усманов А. Н.* Указ. соч. С. 180.
[3] МИБ. Т. 6. С. 189.
[4] МИБ. Ч. 1. С. 350.

из башкирских неизвестных и малоизученных источников XVI—XIX вв. Они свидетельствуют о том, что башкиры помнили, понимали и определяли характер своего подданства русскому царю, как добровольный.

Большой интерес представляет один из вариантов шежере башкир племен бурзян, кыпчак, усерган и тамьян. Текст этого шежере находился у жителя д. Юмагузино Куюргазинского района Г. Г. Абубакирова. Его старший брат Усман в 1929 г. написал историю своей деревни, в которую им включена упомянутая родословная*. На первых страницах шежере У. Г. Абубакиров приводит сведения о башкирах, начиная с VIII в. (о проживании их предков на Алтае, языческой религии древних башкир, о переселении на Южный Урал, борьбе с набегами соседних кочевников и т. д.). Говоря о завоевании Иваном IV Казанского ханства, автор пишет о грамоте (хитабнаме) царя башкирам, в которой говорилось: «С божьей помощью Русское государство разгромило врага, разрушив Казанское ханство, должное наказание получили враги, оказавшие сопротивление. Что касается остального населения, оно, признав вины своей, приняло наше подданство. Все народы, находящиеся к востоку от поверженного Казанского ханства и в зависимости от последнего, если пожелают сохранить свои земли, скот и жизнь, то добровольно должны придти ко мне с условием уплаты ясака и повиновения. Прощаю ваши вины и обязуюсь защитить вас от ваших врагов». После получения грамоты башкиры четырех племен усерган, бурзян, кыпчак и тамьян направили в г. Казань своих биев Бикбау, Искибия, Мешавли Каракузяка и Шагали Шакмана. Текст шежере в остальном идентичен с опубликованным Р. Г. Кузеевым вариантом. Приведем отрывок из последнего: «Башкир приняли (в русское подданство) с (условием) верной службы (царю); после принятия в подданство (царь), оказав милость, наградил их самих тарханским званием»[1].

У Г. Г. Абубакирова хранится также шежере тамьянцев, переписанное в феврале 1892 г. муллой Шафиком из д. Кул-

р г1 К°пия хранится у автора данных строк. Фотокопия нами передана • -^узееву.

Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 73.

лярово. В нем даны три варианта родословной предков и потомков Шагали Шакмана. В одном из них названы три сына Шагали Шакмана: Буралы, Бураш и Чува, в другом тоже три сына, но имена другие: Срумбат, Аллаяр, Килдеяр; в третьем представлена родословная потомков одного из сыновей Шакмана Бураша. В первых двух вариантах показаны и предки бия Шагали Шакмана: его отец Кырай бий, далее вверх по родословной шли Мутай бий, Уразай бий, Тамьян бий, Балун бий, Таман бий. Шагали Шакман был вождем племени тамьянцев и одним из инициаторов добровольного присоединения юго-восточных башкир к Русскому государству. Следовательно, если, как принято в историко-этнографической литературе, считать одно поколение в генеалогии равным 25 годам, то Таман бий жил в конце XIV в.

Несколько копий шежере башкир вышеназванных четырех племен хранятся в ЦГИА РБ. В одной из них говорится, что саратовские башкиры в 1821 г. возбудили дело о своих землях по рекам Большой и Малый Узень, трем Чижам (Сэзе) и озеру Сакрыль, где раньше находились их деревни Баисево, Кусякбаево, Костяново, Хасаново, Юмагузино и Янабердино. Эти земли были захвачены Уральским казачьим войском и башкиры вынуждены были оставить свои обжитые места, где в 1815 г. возникли по р. Малой Узени три казачьих форпоста — Воробьевский, Обинский и Таловский[1].

Башкиры опирались в своей жалобе на имеющиеся у них копии царских грамот от 961 (1554—1555) г. хиджры и 7203 (1695) г. древнерусского летосчисления, выданных им в 1798 г. из 2-го департамента Оренбургской палаты суда и расправы[2]. В копии шежере говорится: «961 год* октября во 2-й день в воскресенье русские люди город Казань завоевали и строение в том городе застроили, а после того из четырех родов башкирских, а именно: усерганский князь Бикбов, кипчакский князь Мушувлы Карагузяк, бурзянский князь Искибий, тамьянский князь Шагали Шакман по призыву ездили в Казань к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу о принятии родами в подданство.., а по принятии в подданство жалованы

[1] ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 2 об.
[2] Там же. Л. 4.
* Почти во всех шежере дата взятия Казани указана ошибочно. Должно быть 959 год.

тарханами и для размежевания земель на Ногайску(ю) и Сибирску(ю) дороги посланы перепищики, которые как степныя, так и уральские вотчинные земли и воды размежевали и платили сей ясак...»[1].

О добровольном характере подданства башкир говорится и в жалованной грамоте юрматынцам. В копии ее написано: «Августа 21 дня прислана от великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея России самодержца на Уфу в Приказную избу стольнику и воеводе Льву Афанасьевичу Плещееву грамота, а в грамоте писано: пришли четыре человека от башкирцов, а именно: Титкач (Татигас), и Аднай (Азнай), и Икзинтемир (Ильсектемир), и Кармыш, и, пришедшие себя объявили, и рабством своим, и приклонились, что нас триста домов, и просили оставшиеся от прешедших ногаевских башкирцов земли по обе стороны Белой реки верхнее урочище от устья Нугуш реки, а нижнее урочище Кугашева гора к Белой реке... за которой платить им в казну сто куниц... царь за преклонение рабством своим всех их (четырех биев. — *А. А.)* пожаловал ногайскими землями и чтоб платить ежегодно сто куниц, и Титкача бия пожаловал мурзою чином, Адная пожаловал старостой и пожаловал их кармазинным кафтаном[2]. В конце грамоты есть запись: «Оному Титкачу мурзе и старосте Аднаю впредь для ведома грамота дана лета 7117 года августа 21 дня»[3].

Копия с данной грамоты была получена в июне 1823 г. жителями деревнь Уразбаево, Калказево, Нурукалово, Аллагуватово Юрматынской волости юртовым старшиной А. Бурчаевым, а также башкирами А. Кудашевым, А. Мухаметовым, М. Татлыбаевым для представления в Стерлитамакский земский суд, когда возник спор о земле с минцами. Оказалось, что башкиры Бегеняш-Минской волости из деревень Абканово и Услыбашево поселились на земле Акчулпановой тюбы Телтим-Юрматынской волости. Грамота Юрматынской волости от 21 августа 7117 (1609) года подтвердила, что земля, на которой сидят две деревни Минской волости, принадлежит юрматынцам, которые некогда разрешили минцам поселиться

[1] ЦГИАРБ. ф. 1. Оп. 1. Д. 432. Л. 209.
[2] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5696. Л. 17.
[3] Там же. Л. 18.

на их земле на условиях аренды. Правда, в ходе следствия этого дела в Уфимской нижней расправе грамота от 7117 г. «за действительное не почтено из-за того, что она дана на пришествие только в подданство, а не жалованная на землю»[1].

Эта же копия была представлена военному губернатору Г. С. Волконскому и поверенным башкир деревень Кабыкушево, Таубылды, Яныбаево 12 юрты 7-го башкирского кантона (Юрматынская волость) Стерлитамакского уезда зауряд-есаулом Ибетуллой Яныбаевым сыном Тятигачевым. Дело в том, что потомки мурзы Татигаса Мурнакова (так называет его поверенный башкир) в количестве 28 человек, претендуя на звание мурзы, представили в Оренбургскую палату уголовного суда копии с упомянутой грамоты и родословную башкир-потомков Татигаса. Поверенный башкир утверждал, что Татигас получил звание мурзы в 7117 г.[2] Возникает сложный вопрос о датировке грамоты. В тексте назван 7117 (1609) год. Близкие к этой дате сведения находим в шежере юрматынцев: «В сто девятом году, когда в Казани был Белый-бий падишах, Татигас-бий, прибыв (туда), подчинившись и став подданным, нижайше попросив, взял эти наши земли[3]. Это означает, что в этой части текста шежере летоисчисление дано «от сотворения мира», т. е. 7109 (1601) год. Совокупность анализируемых фактов может свидетельствовать о том, что грамота относится к началу XVII в. Однако в ней упомянут царь Алексей Михайлович, который правил во второй половине XVII в. (1645— 1676 гг.). Кроме того, в работе В. А. Новикова грамота эта датирована 7157 (1649) годом[4]. Как видим, в датировке документа имеются разночтения. Однако грамота включает более ранние сведения о добровольном подданстве башкир-юрматынцев русскому царю, и этот факт для нас наиболее важен.

В период башкирских восстаний XVII — XVIII вв. повстанцы не раз вспоминали и подчеркивали добровольный характер подданства своих предков Русскому государству. Это случа-

[1] ЦГИАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 192, 194.
[2] Там же. Д. 1343. Л. 191 - 192.
[3] Башкирские шежере. С. 31, 35.
[4] *Новиков В. А.* Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1903. С. 184.

лось, когда царские власти особенно активно вмешивались во внутреннюю жизнь башкирского общества. По мнению башкир, правительство нарушает условия их подданства в фискальной политике, посягает на их вотчинные права, заменяет натуральный ясак покупкой соли из казны и т. д.

Башкиры неоднократно обращались к царю с мирской челобитной о злоупотреблениях и притеснениях должностных лиц. 26 февраля 1709 г. башкиры, удмурты, мари, чуваши и новокрещены Уфимского уезда «били челом» Петру I о своем разорении от царских прибыльщиков. В 1704 г. в Башкирию прибыли Андрей Жихарев и Михаил Дохов и предъявили башкирскому населению требование — уплачивать 72 вида различных новых податей. С тех времен у башкир бытует фразеологизм «Эндрэй -казнапы» (Андреева казна) в смысле неиссякаемого источника средств[1]. Кроме уплаты новых налогов, башкиры должны были строить свои мечети по образцу христианских храмов, около них устраивать кладбища. При заключении браков башкирами требовалось присутствие не только муллы, но и православного священника. Это, естественно, вызвало возмущение мусульман. Башкиры не поверили, что указ о новых налогах исходит от царя, и «спорили», заявляя, что «от императорского величества отцам и дедам их и им такова ругательства не бывало»[2]. Отказываясь от новых налогов и повинностей и обосновывая свою правоту, башкиры писали, что после покорения Казани «им, великим государям, деды и отцы их поклонились без спору и без войны и, приехав, из своей воли покорились, и которыми вотчинами при царях своих владели и ясаки платить договорились, чтоб их веры не нарушить и как ясаки платили деды и отцы их изначала, и им бы платить так же, как наперед сего плачивали при прежних царях, против прежняго бес прибавки, и они де великому государю покорны»[3]. В деятельности «прибыльщиков» они видели нарушение условий подданства, которые, по их мнению, предусматривали «всяких поборов вновь не накладывать», «вотчин не отымать», «их веры не нарушить»[4].

[1] МИБ. и! 1.С. 110.
[2] Там же. С. 259
[3] Там же.

О нарушении условий подданства писали восставшие башкиры Сибирской дороги Юсуп Арыков с товарищами В. Н. Татищеву 2 августа 1736 г. В письме говорилось, что до этого времени «никакого утеснения им не учинено и на землях никакие городы не строены, и самих под саблею не сдерживали»[1]. Между тем, по словам Ю. Арыкова, получившего до этого «в розыске» 50 ударов (кнутом) и висевшего целый час «на дыбе»[2], условия подданства были совсем иные: «...мы, башкирские народы, наши отцы, деды и прадеды великому государю в подданство пришли своими волями, оставя своих ханов, и великие государи нас содержали по нашей воле, а не под саблею, и даны нам земли, за которые положены на нас ясаки... в знак того, что подданные, платили ясак. И нам на оные земли даны от государей крепости и за платеж ясака отписи... А ежели по-прежнему содержаны не будем, то хотя пропасть, хотя смерть принять готовы и в другие места иттить нам некуда»[3].

В представлении императрице Елизавете Петровне об истории башкир, управлении и экономике их края переводчик Уфимской провинциальной канцелярии Кильмухамет Ураков в 1746 г. подчеркивал добровольный характер присоединения Башкирии к России. Он писал: «И чрез несколько время, как блаженные и вечно достойные памяти государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич завоевал Казанское, Болгарское царства, оной башкирской народ своим желанием, без всякого принуждения, оставя своего хана, пришли к нему в подданство, переняли на себя платить в казну подати, называемый ясак. Для владения оных земель и угодья пожалованы были им грамоты, которые платили реченной ясак в Казане несколько лет. Потом за дальностию построили город Уфу через свою прозьбу и называютца Уфимского уезду башкирцы, и потом оной ясак платят в город Уфу»[4].

В своих «наказах» екатерининской Уложенной комиссии башкиры двух провинций — Уфимской и Исетской — считали нелишним еще раз подчеркнуть добровольность своего

[1] Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 41. Л. 457.
[2] Там же. Д. 39. Л. 238.
[3] Там же. Д. 41. Л. 458.
[4] МИБ. Т. 3. С. 552.

подданства Ивану IV В наказе башкир Уфимской провинции от 28 марта 1767 г. сказано, что «В прошлых давных годах народ наш башкирской и тарханской состоял под властию ногайских ханов и, не хотя под оною быть, пришли с самопроизвольного усердия в подданство под высокославную Российскую державу»[1]. Депутат от башкир Уфимской провинции старшина Тайнинской волости Туктамыш Ишбулатов не раз отмечал, что «...башкирский народ... при государе... Иване Васильевиче самопроизвольно покорился под... Российскую державу и скипетр»[2]. Ввиду усиления покушений на их земли со стороны заводчиков, дворян, казны и переселенцев, он подчеркнул, что «пустовых между... башкирцами земель нисколько не имеется», а все земли издревле, еще «до принятия подданства Всероссийской державе» находились «в точном башкирском владении»[3]. Поэтому он просил подтверждения грамотой их вотчинного права на земли.

Добровольный характер присоединения Башкирии к Русскому государству особо подчеркнут и в наказе башкир Исетской провинции, преподнесенном Уложенной комиссии депутатом Базаргулом Юнаевым. В нем было написано: «Народ наш тарханской и башкирской и в покорение под высокославную Российскую державу от ногайских ханов самопроизвольно пришел»[4].

О том, что башкиры приняли русское подданство добровольно, не забывали и губернские власти. В «Записке» Оренбургского губернского правления от 1800 г. по вопросам управления разными группами населения края сказано: башкирский народ «почитается здесь самым первым. России известен стал с шестаго на десять столетия. В подданство пришел во времена царя Иоанна Васильевича, спустя 4 года после взятья Казани»[5].

События и факты, связанные с присоединением Башкирии к России, долго сохранялись в памяти поколений. В борьбе против расхищения вотчинных земель в начале XX в. башкиры постоянно ссылались на добровольное подданство России.

[1] РГАДА. Ф- 342. Оп. 1.Д. 109. Ч. XI. Л. 211.
Там же. Л. 220 об.
[4] Там же. Л. 221.
Там же. Л. 264
[5] МИБ. Т. 5. С. 579.

С трибуны Государственной думы России депутат от башкир Ш. Ш. Сыртланов подчеркнул, что башкиры «не завоеванный народ»[1].

Таким образом, исторические источники, исходящие непосредственно от самих башкир, — шежере, челобитные, письма, наказы и речи — прямо и недвусмысленно говорят о добровольном их подданств царю Ивану Грозному. Под влиянием этих материалов аналогичные утверждения содержались в царских грамотах, представлениях и записках губернских чиновников. Ни один из вышеприведенных источников не свидетельствует о насильственном характере этого весьма важного акта в истории башкир. Башкирский народ был единодушен в определении добровольности своего подданства Русскому государству. О зауральских (сибирских) башкирах, однако, в них не сказано ни слова.

В целом, следует подчеркнуть, что подавляющее большинство башкирского народа принимало русское подданство добровольно, часть его была завоевана. В кризисные ситуации в обществе верхушка башкир не раз попыталась возобновить былые вассально-сеньориальные отношения, не совсем удачно противопоставить их подданству.

§3.
ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА

Сделаем попытку выяснить отношение аманатства к вхождению Башкирии в состав России. Сначала обратим внимание на происхождение института аманатства. Тема специально не изучена. Историография проблемы крайне бедна. Лишь в общих работах, в их комментариях говорится об аманатах — заложниках. Это прежде всего «Очерки по истории Башкирской АССР», где есть одно упоминание о том, что башкиры, т. е. повстанцы Ногайской дороги, зимой 1662 — 1663 гг. вынуждены были принести повинную и дать 40 человек в качестве аманатов[2]. Можно отметить комментарии Р. Г. Ку-

[1] Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия 1. СПб., 1906. Т. 2. С. 291.

[2] Очерки по истории Башкирской АССР (далее - ОИБ). Т. 1.4. 1. Уфа, 1956. С. И3.

зеева к шежере восточно-табынских башкир, которые по принятию подданства оставили в Казани своего человека в качестве заложника. Публикатор шежере предполагает, что поскольку в других родословных башкир не встречается факт отдачи аманата, то восточные табынцы вынуждены были идти на такой шаг, так как они долго находились под влиянием враждебных России сибирских царевичей кучумовичей[1].

В другой коллективной работе «История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.» прослеживается идея, что институт аманатства в Башкирии был введен лишь с ее присоединением к России, что он существовал долго (без указания времени) и не удовлетворялись требования башкир о его отмене и т. д.[2]

Также в публикациях XIX в. сообщались факты об аманатстве и в мирное время и о содержании заложников в Уфе и пригороде Бирска[3].

Из современных авторов И. Г. Акманов в своих работах по социально-экономической истории Башкирии и башкирских восстаний дает сведения о существовании аманатства и в мирное время, и в период восстаний, о содержании заложников в аманатских дворах разных городов и крепостей, о трагической их судьбе, о требовании жителей волостей об отмене этого института[4]. Автором настоящих строк был сделан доклад на одной из межрегиональных конференций по истории аманатства в Башкирии[5].

Как видно, по истории происхождения термина и института становления, и отмены аманатства в Башкирии нет специальных работ, если не считать тезисов, статьи и раздела одной из книг автора этих строк[6].

[1] Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 200.

[2] История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1997. С. 151, 207.

[3] *Свирилин М.* Колонизация Оренбургского края в первой половине XVIII в. // Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. Т. 2. № 6-7. СПб., 1876. С. 233.

[4] Отметим только одну из них. *Акманов И. Г.* Башкирия в составе ^^ийского государства в XVII — первой половине XVIII в. Свердловск,

[5] *Асфандияров А. З.* Институт аманатства в Башкирии // Археография л„10го Урала. Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции. 2004. 16 сент. Уфа, 2004. С. 10-19.

[6] *Асфандияров А. З.* Башкирские тарханы. Уфа, 2006. С. 54-65.

При написании данного раздела были использованы, прежде всего, опубликованные источники. В многотомных «Материалах по истории Башкирской АССР» содержатся записки, доношения, предложения, письма начальников Оренбургской экспедиции и Комиссии башкирских дел, роспись аманатов по волостям, «расспросные речи» башкир «при разговоре» с воеводами, порядок принятия присяги башкирами, которые пришли с повинной и оставили аманатов, просьбы и требования жителей волостей об отмене института аманатства и много других материалов.

В «Полном собрании законов Российской империи» имеются Сенатские указы разных лет о заложниках. А. И. Добросмысловым были опубликованы «Материалы по истории России (Т. 1), где содержатся «Инструкция» Анны Иоанновны И. К. Кирилову, предложения последнего об учреждении «Особенного суда» вместо аманатства, доношения местных властей в центр.

Работа В. В. Вельяминова-Зернова «Источники по истории тарханства» (СПб., 1864), «Башкирские шежере» (Уфа, 1960), изданные Р. Г. Кузеевым, дореволюционные и советские энциклопедии содержат интересующие нас факты по изучаемому вопросу.

Были использованы и материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), республиканского (ЦГИА РБ), областного (ГАЛО) и академического (НА УНЦ РАН) архивов.

Цель данного раздела — проследить историю аманатства в Башкирии, чтобы еще раз доказать добровольность подданства башкир Русскому государству.

Аманат — слово арабское, означающее заложник; по Далю, человек, взятый в залог, в обеспечение верности племени или народа, подданства покоренных[1]. В более широком смысле заложники — лица, насильственно задерживаемые с целью заставить государство, организацию и лиц выполнить определенные обязательства или требования[2]. Взятие и убийство заложников запрещено современным международным правом.

[1] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М: Русский язык, 1989. Т. 1. С. 14.

[2] Советский энциклопедический словарь. М, 1989. С. 452.

Институт аманатства известен с древних времен. Термин заложник знали гунны до н. э.[1] Слово «аманат» употреблялось и в Древней Руси[2]. В целом, слово и термин «заложник» более раннего происхождения, чем слово и термин «аманат». Но их суть одна и та же. Известно и слово «аманатчик», означающее то же самое. В тюркских языках слово «аманат» имеет и другое значение как завещание. В источниках встречаются топонимы, связанные с институтом аманатства в Башкирии (например, Аманатская дорога[3], Аманатская солдатская слобода при реке Аманате, притоке р. Кинель[4], деревня Аманатские Вершины (Мансурка) Бугульминского уезда[5].

Теперь о происхождении аманатства в башкирском обществе. Аманатами-заложниками становились «знатные люди» - в основном тарханы. По работам историков можно судить, что в XII-XVI вв. башкирские племена сформировались в единый народ. Поэтому в их шежере находим объединяющий этноним: «Мы - башкирский народ». Однако это нисколько не означает, что и до XII в. и после во взаимоотношениях родов и племен было полное согласие — идиллия. Между общинами — племенами на основе обычного права происходила борьба, если можно модернизировать, за передел частной и общинной собственности, прежде всего - это угон скота (затем и захват земель) друг у друга (барымта), вызывавший ответные меры противной стороны (карымта). Эти стороны обычного права не могли не породить институт аманатства. Брали заложников или вынужденно отдавали их до выполнения определенных требований. Надо полагать, что вассальные Золотой Орде башкирские племена в XIII —XIV вв. служили ей не без принуждения и не совсем добровольно вносили в ее казну ясак, как об этом часто пишут публицисты, журналисты. Удержание башкирских племен в своем повиновении, расселенных на огромной территории, было главной задачей золотоордынского хана по отношению к

i

^*Мехэммэди Эзкэр.* Буннар пэм туран язмалары. Казань, 2000. С. 15.

^БСЭ. М„ 1926. С. 374.

^МИБ.Т. 3. М.;Л., 1949. С. 370.

Рычков П. И. Лексикон или словарь топографический Оренбургской Уоернии. Т. 1-2. Оренбург, 1776, 1777 // Отдел рукописей РГБ. Ф. 313 Федорова). С. 18.

Ми Б. Т. 5. М., 1960. С. 81, 83, 84, 92, 93.

Башкирии. Без института аманатства — одного из средств принуждения - он не смог бы ее выполнить. То же самое касается и татарских ханств и Ногайской Орды, возникших после распада Золотой Орды. Башкирские племена по инерции оказались в орбите их влияний, в том же вассальном положении. Участие башкир в войнах и походах ханов и уплата им ясака осуществлялись новыми сюзеренами на тех же принципах, что и раньше: на принуждении, угрозе, запугивании разорительными набегами. Естественно, и здесь всплывает на социально-политическую арену между ханствами и Башкирией уже известный нам институт аманатства. Нельзя не усмотреть один из элементов его в требовании ногайского сюзерена девушек у знатных башкир тех или иных племен на определенное время[1].

Исходя из всех этих моментов можно утвердительно сказать, что институт аманатства не есть изобретение Русского государства. Он был им лишь унаследован от золотоордынцев, точно так же как учет населения, четкая регламентация феодальных податей и т. д. Поэтому мнение авторов «Истории Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.» (Уфа, 1997. С. 151) о том, что с присоединением Башкортостана к Русскому государству был введен этот институт не совсем соответствует действительности.

Для обстоятельного разговора о башкирских аманатах со времен присоединения Башкирии к Русскому государству и до первого башкирского восстания в 1662-1664 гг. крайне скудны материалы как официально-документального, так и фольклорного характера. Первое (1557 г.) и последнее упоминание в источниках до 1662 г. о заложнике относится к периоду присоединения края к России.

Речь идет о бий Сурабане из рода Голубь восточно-табынского племени. В то время, говорится в шежере, «когда башкирский народ ходил к Ивану Васильевичу, чтобы стать его подданным, был отдан для доверия указанному «хану» (в качестве) аманата», где и умер[2]. Опубликовавший это

[1] ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 78. Л. 42.

[2] Башкирские шежере. С. 80. *Бикбов Ю. С.* в своей работе «Башкурды», перепечатанной Р. А. Бикбаевым (Ядкяр. 2002. № 3 С. 65-66), относит Сурабан-бия к племени Усерган.

шежере Р. Г. Кузеев был уверен в том, что в период вхождения состав России башкиры оставляли в Казани аманатов[1]. Аналогичного мнения придерживаются авторы упомянутой «Истории Башкортостана...» (с. 151). Отсутствие подобных, причем очень важных, социально-политического характера, сведений в шежере других родов и племен заставляет нас усомниться в правоте их утверждений. Тем более, как выше говорилось, в течение 100 лет после принятия башкирами русского подданства не встречаются сведения о заложниках. Это наводит на мысль о том, что только в периоды кризисных ситуаций и в последующее за ними время функционировал институт аманатства. Есть даже уверенность в том, что если бы не возникали восстания, то мы вообще не знали бы об аманатсве в позднем Средневековье и в Новое время. На самом деле выявленные и опубликованные материалы об аманатстве относятся лишь к 1662-1664, 1681-1684, 1704-1711, 1735-1740 гг., когда происходили крупные башкирские восстания, в данном случае рассматриваем их безотносительно к вызвавшим их причинам. Отсюда вытекает более важный вывод: преобладающая часть башкирского народа русское подданство принимала добровольно и мирно. Поэтому нам неизвестны эти самые заложники до 60-х годов XVII в. К этому времени в Уфе не было даже аманатского двора, где бы содержались заложники. Поэтому и в 1683 г. их содержали в деревне Уметбаево в 8 км. от Уфы. Об отсутствии аманатов в прошлом говорят башкиры Ногайской дороги в своем письме уфимскому воеводе А. М. Волконскому от 1663 г. о возвращении им взятых аманатов год тому назад. Там прямо говорилось, что «Прежде падишах (т. е. царь) нас через аманатов не держал, оберегал добром и милостью. Если падишах пожелает нас по-прежнему в холопстве держать, то пусть нам пришлет наших аманатов»[2]. (Заметим, что здесь присутствует элемент вассалитета: если нет, то...) При этом нами нисколько не отрицается наличие единичных актов аманатства по разным поводам, вроде заложника бия Сурабана.

[1] Башкирские шежере. С. 200.

МИБ. Ч. 1. С. 164.

А теперь конкретные проявления института аманатства с 60-х годов XVII в., в основном, по 30-е годы XVIII века. Много материалов сохранилось об аманатах в связи с событиями 1662— 1664 гг. Это было первое крупное вооруженное выступление башкирского народа после принятия русского подданства. Власти, узнав через своих конфидентов, готовились в зародыше его ликвидировать. Поэтому перед самым восстанием с каждой административной дороги воеводские власти потребовали по 12, ас «Ицких волостей» (башкиры, обитавшие по р. Ик, составляли эту недолговечную административную единицу) 2 аманата[1]. Всего с четырех дорог - 48, с Ицких волостей - 2, итого - 50 аманатов. С началом восстания власти расправились с частью аманатов. «В расспросной речи» башкиры Минской и Юрматынской волостей «на разговоре» с воеводой А. М. Волконским 17 ноября 1663 г. о причинах восстания сказали, что начали его под влиянием «лихих людей» и от того, что «взяли с них аманатов и их товарищей на Уфе и на дороге перевешали», они, «убоясь, откочевали»[2]. Чересчур доверчивые посланцы волостей все же ожидали, что привезут и покажут аманатов, которых уже давно не было на свете. При этом они твердо заявили, что «у них де ныне им впредь миру без тех своих аманатов отнюдь не будет»з. Из числа своих аманатов башкирские волости-общины намеревались послать челобитчиков даже в Москву, чтобы изложить царской особе свои нужды. Об этом сказали воеводе, но тот удивленно спросил, откуда, мол, аманатчики знают о ваших замыслах. На что те ответили, что «дума де у них, башкирцов, с аманатами одна и думу их всю аманаты ведают». Здесь необходимо подчеркнуть, что между башкирами и заложниками несмотря на расстояния и препоны все же были определенные связи.

Повстанцы прежде чем прийти к воеводе с повинной, с прощением, предварительно направляли ему своих аманатов. Тот же Волконский обращается к восставшим Катайской волости: «...аманаты ваши на Уфу ко мне присланы, и вы все

[1] *Демидова Н. Ф.* Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. / Исторические записки. 1961. Т. 68. С. 232-233.
[2] МИБ. Ч. 1. С. 170.
[3] Там же.

своею волостью приезжайте в старые свои в прежние деревни и живите под рукою великого государя в вечном холопстве»[1]. Аманаты с волостей — это новая акция воеводы Уфы. Брали заложников с волостей, представители которых временно или надолго отказались от вооруженной борьбы. Примером тому может послужить случай, когда снежной и суровой зимой с 1662 на 1663 год башкиры-повстанцы не смогли активно маневрировать своей конницей, вынуждены были принести повинную и дать 40 человек «лучших людей» в качестве аманатов[2]. Кто «не добил челом (не подавал прошения. — **А. А.**) и не шертовал» (шерть - присяга. - *А.* **А.**), то тех жестоко подавляли. Так случилось с башкирами Кыр-Кудейской волости, которых обвиняли еще в призвании к себе Сибирского царевича. Их землю кровью залил князь Д. А. Волконский — «товарыш Уфимского воеводы, тоже стольник и воевода». Здесь пытались применить испытанную тактику - направить на подавление повстанцев тех, кто пришел с повинной, в т. ч. и своих же аманатов. Волконский обвинял последних в измене, поскольку не пошли «войной» против своих сородичей[3].

Все аманаты из Уфы были направлены в Мензелинск по мотивам отсутствия аманатского двора. А там их ожидала жуткая участь. Их по одному-двое размещали по русским частным дворам, где аманатов заставляли работать «за корм», поскольку аманаты жалованья до конца 1663 г. не получали. Издевались над заложниками, кто как мог. Затем они оказались в Казани якобы из-за отсутствия того же «аманатцкаго двора» в Мензелинске[4]. Главная причина их отсылки далеко от родины заключалась в попытке полной изоляции от своих волостей, чтобы легче было вести борьбу с восставшими.

Все волости и дороги, однако, требовали возвращения и размещения аманатов в Уфе, чтобы время от времени сменять их другими. По словам уфимца И. Тоганаева, побывавшего в Ногайской дороге, башкиры даже царю ставили такие

[1] МИБ. Ч. 1. С. 187.
ОИБ. Т. 1.4. 1.С. 113.
[3] МИБ.Ч. I.е. 165.
[4] Там же. С. 178.

требования, где видны элементы вассалитета. Вот что там содержалось: «А будет аманатов их великий государь прислать на Уфу не указжет, и они де башкирцы миритца не хотят до смерти своей и ныне хотят притти под Уфу войною и ждут Кучюка царевича (сына Аблая, разбитого под Уфой в 1635 г. — *А. А.)* к себе»[1]. Башкирские аманаты по просьбе «бунтующих башкир» 1 марта 1664 г. были переведены из Казани в Уфу[2]. Сохранилась «Роспись аманатам по волостям». «Роспись аманатам, хто ныне в Мензелинске и кому на их место быть на Уфу в оманатах, и то писати в сей росписи. (Лета 7172 (1664) 30 марта в 1 день).

Казанские дороги: Байлярские волости, деревни Калмаш Игишко Беиков, в ево место быть Игилику Чермышеву, или сыну ево, или Тогум Тойгильдину; Булярские волости и деревни Тленчейко Байзигитов, в ево место быть Сарту Мененеву или Беккули Бекбодеву; Елдяцкие волости деревни Киргиз, Китяпко Баймурзин, в ево место быть Килею Тиникееву или Якову Тиникееву; Гирейской волости деревни Биртюковы Кутлугушко Биртюков, в ево место быть Уразай Ульмесов; Иланские волости и деревни Мамбетко Сабачеев, в ево место быть Янчюре Ногаеву или Ирысаю Аккучюкову; Шпилинские волости и деревни Кутушко Тинбаев, в ево место быть Чигирову сыну Миксате или Ишелеву сыну; Шамшадинские волости и деревни Кусякейко Тюменчюрин, в ево месте быть Кош-Назару, или Кусякееву сыну, или Тюльке; Дуванейские волости деревни Айбаш Тинкичко Иждевлетев, в ево место быть Байгильде или Кож-Давлет; Кайлинские волости и деревни Якшенметко Аксекеев, в ево место быть Аюке Кожбахтин или Бексенов сын; Каршинские волости и] деревни Иждевлетко Кабанов, в ево место быть Емангулову сыну Ик(бол)тю или Сарту Токумбетеву.

Ицких волостей: Тамьянские волости и деревни Ксючка-Абыз Юлаев, в ево место быть Кизану тархану или Куб(я)-бекееву или Ксюкову брату; Кипчакские волости и деревни Чюрачко Беккулов, в ево место быть брату ево Югаре, или Чюрику сыну ... или Безею-Абы(зу) Илбуклаеву; Минские

[1] МИБ. Ч. 1. С. 169.

[2] Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. IV СПб., 1851. С. 411—412.

волости и деревни Кабеско Бекбовов, (в ево) место быть Яуш или Кугеш Чюрюбаеву; Минские ж волости и деревни Кадайбетко Бейметов, в (ево) место быть Иликею Ишееву или Караш(аю) Ишееву; Табынские волости и деревни Бойзяйко Кадралеев, в ево место быть Сур-Маметю Юбаеву, или сыну ево Шидеку, или Бойтаю; Бурзянские волости деревни Уряшевы Азаматко Бакин, в ево место быть Бай-Мурзе... сыну; Айские волости деревни Вереш Епайко Теникеев, в ево место быть Тойте-Абызу Шуранскому, или сыну ево Ишею, или Юрке Тонатбышеву; Кипчакские волости и деревни Казанчейко Чекеев, в ево место быть Степану Ногайчюрину или Килдышу Токалеву; Юрминские волости и деревни Крусай Тинбеев, а в ево место быть Юрманче Досаеву или Урасаеву сыну; Иланские волости и деревни Игибайко Тилдигулов, в ево место быть брату ево Минлибаю или Мрясу брату ж ево; Сигирейские волости, Саныренской тож деревни Исенка Сарманов, в ево место быть Алибей Иликпердеев или брат ево Сарыбай; Минские волости деревни Ногаевы Акайко Кармышев, в ево место быть Мамбет-Аксак, или Нагайбак Аксанов, или Юнгул Ромазанов, или Кузилкурт Аксаков.

Роспись аманатов, которые ныне в Уфе, и на их место быть на Уфе перемену.

Ногайские дороги: Кипчакские волости, деревни Ишмаметевы Конкаска тархан Девлетбаев, в ево место быть брату Тевенею; Юрматинской волости и деревни Исенько Акачкаров, в ево место быть брату ево Чюману, или Ераткулу, или Кочану; Минские волости деревни Меркитевы Кузечко Беляков, в ево место быть брату ево Кутлу Белякову; Бурзенские волости деревни Ахтаевы Кутейко тархан Токаев, в ево место быть Токасю брату ево родному; Куводские (Кудейские) волости деревни Белегес Кузембердейко Тетиков, в ево место быть Илчибаю Токпердееву; Табынские волости деревни Котяковы Телевко Дуванов, в ево место быть Кущдею Дуванову или Лопаку; Телевские волости деревни Кичи-Табын Копбердейко Метеев, в ево место быть Асылаю енчюрину, или Акилде Енееву, или Ембетю; Тамьянские волости деревни Калчюровы Акимбетко Карасманов, в ево место быть Атясу тархану Тярубердееву, или Енчюгуру Тархану Шигаеву, или Салтанаю Аккалкарову; Кипчакские

волости деревни Кайтановы Тленчейко Устемиров, в ево место быть Усергинской волости Кутушу Ембетеву, или Булташеву сыну Янгурчею, или Килиметю; Катайские волости деревни Деведеевы Тогешейко Кошуков, в ево место быть брату ево Теветяку, или Мокше Анабердееву, или Бигильде Бигулову, или Мелма-бай; Минские волости з Демы и деревни Сартка Иратов, в ево место быть Каипу, или Юсупко Мурзагильдееву, или брату ево Кельзягулу, или Сунче Иратову; Минские волости и деревни Абызайко Тетеев, в ево место быть Карашаю Кусюкову или Икишку Дашманову».

Более известные в народе аманаты использовались властями в агитационных целях, для призыва повстанцев прекратить вооруженную борьбу. Аманат Кипчакской волости Чурак Биккулов был послан к восставшим для переговоров о приостановке борьбы. За время его отсутствия в аманатстве «сидели дети и жена ево»[1]. Случалось даже такое, когда активный участник подавления того же восстания членов своей семьи отдавал в аманаты. Этот факт связан с карателем Абзаем Котепеевым из Минской волости Ногайской дороги, домогаясь тарханства в 1673 г., он описывал свои деяния следующим образом: «с ворами (повстанцами. — *А. А.)* изменниками башкирцы бился и языки (т. е. пленных. — *А. А.)* имал»[2]. За эту свою заслугу он просил освободить его от уплаты ясака и присвоить звание тархана.

Итак, анализируя события 1662—1664 гг., можно сделать вывод: в Башкирии к этому времени не было института аманатства. Он лишь стал формироваться. Здесь ни в одном городе или крепости не было аманатского двора. Не было никакого законодательства о заложниках. Воеводская власть действовала в этом вопросе без правовой основы. Еще оставались нерешенными вопросы о жалованье, «кормовых деньгах» или питании, о запрещении использования труда аманатов и многое другое. Восстание 1662 — 1664 гг. есть рубеж, с которого можно всерьез говорить об аманатстве в Башкирии.

Чтобы предупредить подобные вышеупомянутые события, требуя покорности и повиновения, воеводские власти продолжали удерживать прежних аманатов или требовать новых.

[1] *Вельяминов-Зернов В. В.* Источники по истории тарханства. С. 32.
[2] РГАДА. Ф- 1324. Оп. 1. Д. 939. Л. 6.

События конца XVII (восстание 1681 — 1684 гг.) и начала XVIII в. (восстание 1704— 1711 гг.) в Башкирии особых изменений в положение аманатов не внесли, если не считать Сенатский указ 1728 г. В ходе этих восстаний продолжали брать заложников, из числа приходящих с повинной восставших. В то же время требование направлять аманатов всех дорог в количестве 50 человек оставалось в силе. Представители башкир Енейской (в тексте — Чанайской) волости Апас мулла Тутиев, Ибрай Бигошев, Байлярской волости Миряс просили об отмене уже сформировавшегося института аманатства. Их прошение было подано 16 марта 1728 г. К этому времени в Уфе и Бирске содержались аманаты, взятые еще 20 лет тому назад в ходе разбушевавшегося «Алдаро-Кусюмовского бунта»[1]. На данное и другие прошения башкир последовал Сенатский указ от 13 сентября 1728 г., по которому упорядочивался лишь выбор аманатов, освобождаемых от всяких работ, и в обязательном содержании их только в Уфе[2]. В указе было больше вопросов, чем решенных дел. В самом деле из столицы вопрошали о содержащихся в Уфе многие годы заложниках, с какого времени каждый из них находится, их количество, с каких волостей и дорог, «каким кормом довольствуютца», по каким указам и как велено их содержать, «о тех прислать в Сенат подлинное известие».

И все же наблюдалось какое-то послабление по вопросу об аманатах. Две дороги — Казанская и Осинская — перестали давать заложников, жители которых «и без аманатов верно со всякою охотою служат». Поэтому известнейший тархан и старшина Кара-Табынской волости Сибирской дороги Таймас батыр Шаимов и старшина Табынской волости Ногайской Дороги Истлакай Сеитов просили взятых из их волостей 11 аманатов «освободить и впредь бы с них их не требовать»[3]. В такой обстановке, когда аманатство стояло перед, может быть, исчезновением, вдруг из Казани слышится провокационны и, мы бы сказали, голос воеводы губернатора А. П. Волщского о чрезвычайной важности института аманатства Даже для мирного времени. Предлагая способы и методы

[1] МИБ. 4.1. С. 126.
[2] ПСЗ.Т.8.№5334.
[3] *Росмыслов А. И.* Материалы по истории России. Т. 1. С. 2)1.

физического и иного сокращения численности башкирского народа в 1730 г., он требовал во ослабление и обессиление его не упустить и такой вопрос: «при первом случае, ежели возможно будет, побрать у них (т. е. у башкир. — А. А.) для лутчей верности аманатов с каждой волости по нескольку человек и держать оных в Уфе, а лутче в Казани с переменою погодно»[1].

Как бы то ни было, дело шло к отмене аманатства. В частности, И. К. Кирилов, назначенный в 1734 г. главой Оренбургской экспедиции, предложил вместо аманатов «учредить от каждого народа особный суд, опричь того, что к магистрату надлежит», куда предлагал включить по 2 — 3 человека от русских людей, столько же от других. В «особный суд» можно включить писарей, толмачей, рассыльщиков, которые могут «переменяться по году или по два. При них можно учредить караул для почтения и смотрения их»[2]. Однако его замысел пока не был осуществлен из-за начала грандиозного кровопролитного башкирского восстания в 1735— 1740 гг.

В ходе этого движения пришли к выводу, что аманатов из верных властям волостей освободить. А пришедшим с повинной было обещано, что если плененных ими «людей из русских и иноверцов» освободят, их имущество возвратят, то не только отпустят их аманатов, но и разрешат им «в русские жилисча для покупки хлеба и других нужд приезжать».

Все же чувствовалось отсутствие единства среди начальников по управлению краем и по подавлению восстания. Бы/сторонники ужесточения содержания аманатов. В итоге установилась следующая формула: «башкиры, бывшие с повинною у присяги, и аманатов дали». Сама процедура принятия присяги была унизительной для тех, кто пришел с повинной. 4 августа 1736 г. самые знатные из башкир Таймас тархан Шаимов, Кутукай батыр, старшина Бала-Катайской волости Кутлугузябай Кузембетов с товарищами из 94 человеКг «принеся повинную, пред знаменем е. в. присягу учинили таким порятком: Как увидели, что татара (ошибка: там одни башкиры. — А. А.) едут в близости, тогда велено всем людеМ стать в строй — напереди солдатам и драгунам, около знамен

[1] МИБ. Ч. 1.С. 306.

[2] *Добросмыслов А. И.* Указ. соч. С. 66 — 67.

й междо ими мужикам с огненным ружьем, в задних 3-х шеренгах — с винтовками, луками и копьями. Оная линия была длиною 120 сажен (1 саж. — 2,13 м), перед строем был поставлен большой намет (мешкообразная сетка. — *А.* А.), в котором столик и один стул. По приходе действительного статского советника Татисчева знамена роспустили и татар (башкир. — А. А.) велели вести сержанту караульному чрез мост и крепость до намета пешками. Шли их старшин от 16 волостей по одному, за каждым — по одному татарину (башкиру. — А. А.).

Пришед к намету, оные поклонились в землю и лежали, доколе им... Татисчев велел встать и спросил, что их просьба к е. и. в.? И оныя, стоя на коленех, (слушали. — А. А.). Таймастархан чрез перевотчика говорил: «Мы прогневали е. и. в., нашу всемилостивейшую государыню, и зная мы, что ни коей милости недостойны, того ради отдаемся в волю е. и. в. и приклоняем головы наши под е. и. в. меч. Если же по природной своей милости кого животом пожалует, тот должен вечно и его дети так высокую е. в. милость благодарить и прославлять, и тем наибольшую друг перед другом службу свою е. в. показывать». Затем подал челобитную на их языке.

На оные им Татисчев сказал: «...Вы должны каждой предписанную присягу изустно предо мною прочитать, во утверждение по закону вашему Куран поцеловать и под тою присягою подписаться или тамги приложить».

«...Потом велено им итти к реке и по закону их обмыться, а как пришли, то читан им паки объявительный указ, а потом присяга на татарском языке, которую они за абызом точно и громко каждой выговаривал, а по прочтении оной, поклонясь в землю, вступили в намет и под присягою подписывались»[1]. атем оставили властям своих аманатов.

Через два дня под присмотром офицеров такую же процедуру принятия присяги начали по всем волостям, жители которых приходили с повинной, отдав с волости по 4 человека аманаты[2].

Указ 6М Н6 менее восстание продолжалось. Чтобы объявить

Для приведения «бунтующих башкир в чувство и

[1] ^ИБ. Т. 6. С. 257.

[2] Там же. С. 241.

покорность», по предложению Татищева были выбраны «ученых и надежных два человека из аманатов». Заложники Исенгул Лужников из Сальжеутской волости и Абак Севергулов из Терсятской волости с толмачем Иваном Дураковым, направленные в места действий повстанцев как агитаторы, перешли к восставшим, не только «не уговаривали воров», но стали «возмусчать» народ. Аманаты-агитаторы сказали тому переводчику: «Мы де умрем или живы будем со всеми вместе»[1].

Татищев постепенно шел к мысли, что «хотя аманаты берутся во удержание башкирцев в покорности», «сей способ столько зла, сколько добраго в себе заключает». Дело в том, что когда в аманатах оказываются «лучшие и знатные люди», то в волостях «унять и своевольных воздержать было некому». Если брать в аманаты «посредственных людей», то их сами башкиры «ни во что не ставят». Кроме убытка, как казенного, что их кормят, так общественного, что дают им подмогу — проку, пользы нет, считал администратор. Поэтому вслед за И. К. Кириловым он решил, что «лучше аманатов будет учрежденный везде страх суда над башкирцами»[2]. Но для полного покорения башкир этот инструмент, по его мнению, был недостаточным. Сочетание суда с новопостроенными крепостями он считал «за лучших аманатов». Это предложение было передано Совету по башкирским делам об управлении народом после усмирения восстания 26 ноября 1736 г. «Устроение между башкирцами крепостей есть наибольшее утверждение самовластия ея императорского величества и содержания оных подданных в совершенной покорности»[3] — утверждал Татищев.

Следует думать, что институт аманатства доживал свои последние годы. В Определении Татищева и Соймонова от 4 марта 1738 г. сообщалось старшинам и сотникам Тайнинской волости об освобождении их заложников из Осы в случае установления «совершенной покорности»[4].

[1] МИБ. Т. 6. С. 164.
[2] Там же. С. 303.
[3] Там же.
[4] Там же. С. 366.

Предпоследние сведения об аманатах относятся к концу 40-х годов XVIII века. У администратора генерала Соймонова в Мензелинске в течение двух лет «без всякой платы и корму» трудились аманаты. Готовили на зиму дрова, сено, возили на поля навоз и т. д.[1] По сведениям упомянутого автора Бикбова, последним 10-летним аманатом в 1755 г. от Усерганской волости был Нарынбай Куватов (с 1745 года, в 1816 г. имел трех жен: Байрамбику 65 лет, Зиянбику 60 лет, Канбику 35 лет, сына годовалого Мухаметбека[2]), который прожил как будто более 100 лет[3].

И самое последнее сведение о заложниках относится ко времени Пугачевского движения. По призыву председателя Следственной комиссии г.-м. Потемкина из 11 явившихся с повиновением башкирских старшин Казанской дороги были оставлены им в Казани в аманатстве следующие из них: из Булярской волости Имангул Кутлин, Масей Хасанов, Гарейской — Атнагул Темиров, Енейской волости — Шарип Айдаров, Ельдякской волости (д. Бишкуразово) — Баязит Илимбетов[4]. Этот факт — лишь рецидив, пережиток уже ушедшего в прошлое института аманатства.

К 40-м годам XVIII в. правительством была создана целая система пограничных, оборонительных военных линий с городами-крепостями, форпостами и редутами с постоянными гарнизонами. Роль их чрезвычайно велика для правительства. С их помощью ему удалось обуздать «бунтующих башкир».

Институт аманатства преследовал главную цель — покорить башкирское население, подчинить его центральным и местным властям. По словам В. Н. Татищева, от него требовалось «ничего более, как совершенная верность и покорность £е - и. в., прекрасчение воровства» (т. е. восстания. — *А. А.)*[5]. * 40„м годам XVIII века задача такая была выполнена и институт аманатства был отменен. Отныне вновь построенные вокруг башкирских жилищ крепости лучше и эффективнее Ыполняли функции аманатства. Институт, несший страдания,

J МИБ. Т. 3. С. 538.
ЗУ ИАРБ.ф.138.Оп.1.Д.170.
,£дкяр. №3. 2002. С. 66.
5 wMA. Ф. 56. Оп. 2. Д. 512. Ч. 2. Л. 188.
М ИБ. Т. 6. С. 258.

горе, слезы тысячам людей, канул в прошлое. Аманатство, вызванное к жизни социально-политическими кризисными ситуациями в башкирском обществе в 60-х годах XVII — 30-х годах XVIII века, являлось лишь одним из важных средств для подчинения, покорения народа верховной властью России. Другого предназначения для аманатства, как финансово-понудительное к уплате налогов с населения, как пишут об этом отдельные историки, не было.

В целом однозначно оценить институт аманатства невозможно. Он имел немало негативных сторон для народа, а для правительства — важное значение в интеграционном процессе Башкирии в состав России. Если на одной окраине государства аманатство исчезало, то на другой наблюдалась попытка возрождения, об этом свидетельствует предложение П. И. Рычкова о введении аманатства в соседнем с Башкирией Казахстане, чтобы «привести киригизов в людскость и воздержать их от противности», поскольку «во всей Азии содержание аманатов залогом верности и привязанности почитается»[1].

И все же и через 250 лет после отмены института аманатства как будто до сих пор в ушах потомков тех тысяч замученных и убиенных аманатов звучит угрожающий крик уфимского воеводы XVII в.: «Об оманатах своих не забывайте, а то...»

Таким образом, институт аманатства возник не в результат" присоединения Башкирии к Русскому государству, посколь добровольность данного акта его нисколько не предполагала а он был порожден чрезвычайными обстоятельствами чере~ 100 лет после башкирского подданства.

[1] По положению казахских аманатов можно судить и о башкирских. П донесению Оренбургского губернатора Дм. Волкова от 26 мая 1763 г. о аманатах проясняется следующее. «Для чего на примере не иметь малолетним их здесь аманатам лутчаго нежели к скотине призрения, чего не обучать их ни военному ремеслу, но гражданским наукам благонравию. Для чего о том не постараться, чтоб ханския и знатных старшин здесь в аманатах находящиеся дети время своего здесь в невольничестве почитали после самым лутчим их жизни временем, и что» отцы их за щастие почитали, что дети их будут аманатами, вместо того, что теперь. Чем больше кто остается здесь аманатом в своем заточении, теМ большею питается к российскому имяни ненавистию и может быть мщением? Для чего не дать им чувствовать великую разницу между наши** благопристойным и их зверским обхождением? Азиатцы имеют еще славу верных друзей и чего деньгами купить не можно, то дружбою получить удобно». (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 211. Л. 3 - 4; Ф. 16. Д. 813. Л. 15.)

§4. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО БАШКИРИИ

Историография по истории административно-территориального устройства Башкирии до 1730-х годов состоит из отдельных статей и разделов некоторых общих работ. Сравнительно лучше изучено уфимское воеводское управление во второй половине XVI — первой трети XVIII в. История образования Уфимского уезда и его воеводского управления, функциональные обязанности воевод в административно-управленческой, фискально-хозяйственной, военно-полицейской и дипломатической областях были изучены В. Н. Муратовой, написавшей диссертационную работу и опубликовавшей серию статей.

Деятельность Оренбургской экспедиции и Комиссии башкирских дел в 1735—1743 гг. привлекла внимание некоторых дореволюционных историков и современных исследователей, в т. ч. И. Г. Акманова, Р. Г. Букановой, Э. Ю. Шиляева, М. Г. Зулкарнаева и др.

В то же время история Оренбургской губернии в 1744—1782 гг., Уфимского наместничества в 1782—1796 гг., заново восстановленной Оренбургской губернии в 1796—1866 гг. ждет своих исследователей. Точно в таком положении находятся провинции, уезды. По истории кантонного управления в Башкирии, подготовившего башкирское население к интеграционным процессам, опубликована единственная монография А. 3. Асфандиярова.

Представляет большой интерес вышеупомянутая моно-Рафия Б. А. Азнабаева, посвященная интеграции Башкирии в административную структуру Российского государства во второй половине XVI - первой трети XVIII в.

Таким образом, наблюдается неравномерное изучение всех Ц^е^Риодов истории края. Несмотря на наличие статей и работ Ле^Дователей по истории управления Башкирией во второй ловине XVI — первой половине XIX в., еще требуется Циальное монографическое исследование темы.

Ного^нны^ Р^аз^А^ел^ представит читателям сведения справоч-^х^арактера об административно-территориальном устрой-

стве Башкирии и общую характеристику деятельности первых трех — четырех оренбургских губернаторов.

Огромную территорию от Тобола на востоке до среднего течения Волги на западе от рек Исети и Тулвы, притока Камы, на севере до среднего течения Яика (Урала) на юге занимали башкирские племена. Эту территорию ученые называют Исторической Башкирией. По итогам Генерального межевания размер площади земель 22 уездов Оренбургской (12 уездов), Пермской (5), Саратовской (3) и Вятской (2 уезда) губерний, где проживали башкиры, равнялся 39 — 40 млн десятин. В результате правительственной (казенной), заводской, дворянской, церковно-монастырской и крестьянской колонизации из общей площади, некогда башкирской земли, в руках башкир-вотчинников (владельцев) и их припущенников к 1832 г. осталось 17 млн дес. угодий, к 1917 г. — 7 млн дес.

Основная территория добровольно, мирно вошедшей в состав России Башкирии со второй половины XVI в. управлялась непосредственно Москвой, минуя Казань*. В 1637—1708 гг.; восточные башкиры находились в ведении Сибирского приказа. С основанием города Уфы в 1586 г. учреждается Уфимский уезд во главе с воеводами. Вся Историческая Башкирия вошла в его состав. В 1586—1592 гг. образовались территориально-административные дороги (области), на которые был подразделен Уфимский уезд. Дорога в сторону Казани от Уфы называлась Казанской, в направлении юга — Ногайской, на север — Осинской, на восток — Сибирской. Дороги наименованы от дорог как транспортного сообщения, а не от самоназвания бывших ханств. Дороги состояли из волостей. Например, в 1730 г. Ногайскую дорогу составлялк 15 волостей, Сибирскую дорогу — 17 Казанскую дорогу — 22 и Осинскую дорогу — 4 волости. Причем волости были материнскими (основными), а не дочерними. Дороги функционировали до введения кантонной системы управления в Башкирии в 1798 году. Уфимский уезд прекратил свое существование в 1708 г., когда он был переименован в Уфимскую провинцию.

* Это убедительно доказал Б. А. Азнабаев на основе сохранившихся наказов казанским воеводам, «ни в одном из которых не говорится о власти Казани над Уфимским уездом». *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии (административную структуру Российского государства (вторая половин XVI - первая треть XVIII в.). Уфа, 2005. С. 83-84.

В связи с растущими потребностями формирующегося абсолютистского Российского государства при Петре I учреждается губернская система, когда были образованы 8 (1708 г.), затем (в 1719 г.) — 11 губерний и 49 провинций. В 1708 — 1728 гг. Петербург управлял Уфимской провинцией через казанских воевод[1], затем в 1728—1733 гг. Петербург управлял Уфимской провинцией через «Особливого ведомства» Сената[2], в 1733 г. — опять через казанских воевод, наконец, в 1734— 1737 гг. — через Оренбургскую экспедицию и в 1737— 1743 гг. — через Комиссии башкирских дел.

В 1744 г. образовали Оренбургскую губернию в составе Оренбургской (г. Оренбург, крепости и г. Гурьев), Уфимской, Исетской (Исетский, Окуневский, Шадринский дистрикты) провинций во главе с воеводами, подчиненными начальникам Оренбургской экспедиции и Комиссии башкирских дел[3]. Исетская провинция объединяла 2 волости Ногайской дороги и И волостей Сибирской дороги. Остальные башкирские волости находились в составе Уфимской провинции.

В целях усиления надзора за населением на местах после подавления Пугачевского движения проводится новая административная реформа. 23 декабря 1781 г. образовано вместо Оренбургской губернии Уфимское наместничество с центром в Уфе, торжественно открытое 17 мая 1784 г. Наместничество возглавлял генерал-губернатор (наместник). Оно делилось на Уфимскую и Оренбургские области. К Уфимской области относились впервые учрежденные 8 уездов: Белебеевский, Бирский, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, ^ензелинский, Стерлитамакский и Челябинский. Село Белебей, слободы Бугульма и Бугуруслан, Челябинская крепость объявлялись городами. В Оренбургской области Располагались 5 уездов: Оренбургский, вновь учрежденные Узулукский, Верхнеуральский, Сергиевский, Троицкий 84 г.). Уездные города образованы из крепостей. Города

ПСЗ. Т. 4. № 2218; Т. 5. № 380.
1ам же. Т. 8. №5316.
1амже. Т. 12. №8901.

Самара и Ставрополь отошли к Симбирскому, города Шадринск и Оса — к Пермскому наместничествам[1].

По Указу от 12 декабря 1796 г. вместо Уфимского наместничества восстанавливается Оренбургская губерния с 10 уездами[2]. Белебеевский, Бутурусланский и Сергиевский уезды были ликвидированы[3]. 23 марта 1797 г. губернским центром вместо Уфы становится Оренбург[4]. 29 января 1802 г. из-за экономических соображений административным центром по гражданскому управлению снова становится г. Уфа. Военно-политическим центром все-таки остается Оренбург, откуда управляли краем оренбургские военные губернаторы, затем в 1850—1881 гг. — оренбургские и самарские генерал-губернаторы. В 1804 г. Оренбургская губерния состояла из 12 уездов, при этом еще в 1802 г. был восстановлен Белебеевский. Итак, в 1804—1850 гг. она состояла из Белебеевского, Бирского, Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского, Верхнеуральского, Мензелинского, Оренбургского, Стерлитамакского, Троицкого, Уфимского и Челябинского уездов.

6 декабря 1850 г., в связи с образованием Самарской губернии, к ней отошли Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский уезды. Тогда же военный губернатор стал именоваться Оренбургским и Самарским генерал-губернатором.

2 февраля 1865 г. Самарская губерния окончательно получила самостоятельность от Оренбургского генерал-губернаторства.

По указу от 10 апреля 1798 г. введена кантонная система управления в Башкирии. Башкиры и мишари были переведены из гражданского сословия в военное. Территория яЩ проживания была подразделена на кантоны: 5 мишарских и 11 башкирских (с 1803 г. — 12). Образовалось 5 кантонов оренбургских казаков. С 1847 г. было 13 башкирских, 4 мишарских кантона. В 1855 г., в связи с присоединением тептярей в Башкирское войско, оно было подразделено на 25 башкирских кантонов. В 1863 г. на их основе было образовано 11 кантонов, расположенных на территории 19 уездов УфиМ-

[1] ПСЗ. Т. 21. № 15307; Очерки по истории Башкирской АССР Т. 1.4. Уфа, 1956. С. 255.
[2] ПСЗ. Т. 23. № 17634.
[3] Там же. № 17702.
[4] Там же. № 17886.

ской, Оренбургской, Вятской, Пермской губерний. Кантонное управление было отменено в 1865 г.

31 мая 1865 г.[1] Оренбургская губерния была разделена на две: Оренбургскую, занимавшую восточный склон Урала (с пятью уездами — Верхнеуральским, Оренбургским, новообразованным Орским, Троицким и Челябинским, (а городок Илецкая Защита стал безуездным г. Илецк) и Уфимскую на западном (Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Стерлитамакский, Уфимский и Златоустовский уезды). Обе губернии просуществовали почти без изменений до начала XX в.

Таким образом, Уфимский уезд, созданный в 1586 г., был переименован в 1708 г. в Уфимскую провинцию, в 1744 г. — в Оренбургскую губернию с Уфимской, Оренбургской и Исетской провинциями. По указу 1784 г. вместо Оренбургской губернии было организовано Уфимское наместничество, замененное вновь восстановленной Оренбургской губернией в 1796 г., подразделенной на две — Оренбургскую и Уфимскую губернии в 1866 г. Тем самым в управлении краем было установлено единообразие, которое прошло разные формы и типы управления.

После Октябрьского переворота по Соглашению Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии от 20 марта 1919 г. (опубликовано 23 марта) образована Автономная Башкирская Советская республика в пределах Малой Башкирии в составе РСФСР из 13 кантонов (Джитировский, Кипчакский, Усерганский, Бурзян-Тангаурский, Тамьян-Катайский, Аргаяшский, Яланский, Кущинский, Дуванский, Кудейский, Табынский, Юрматынский, Ток-Чуранский). Столицей временно определено «местечко Темясово»[2]. В декабре 1919 г. из Кущинского и Ауванского кантонов возник Дуван-Кущинский кантон[3].

В связи с образованием ТАССР 27 мая 1920 г. в ее состав ^Ь1л включен Мензелинский уезд Уфимской губернии, 26 во-л°стей Бугульминского уезда из Самарской губернии.

^2 ПСЗ. Т. 40. С. 477-482.
Известия ВЦИК 1919. 23 марта.
1Т°история административно-территориального деления Республики Баш-стан (1708-2001). Уфа, 2003. С. 57.

По декрету ВЦИК от 12 августа 1920 г. город Стерлитамак Уфимской губернии включен в состав территории АБССР[1].

Декретом ВЦИК от 18 ноября 1920 г. 16 волостей Стерлитамакского уезда Уфимской губернии включены в состав территории БАССР, 5 волостей Стерлитамакского уезда присоединены к Уфимской губернии[2].

Декретом ВЦИК от 14 июня 1922 г. была упразднена Уфимская губерния; Уфимский, Бирский, Белебеевский и Златоустовский уезды вошли в состав АБССР[3].

Тургоякская, Сыростанская, Миясская волости с г. Миясс, а также район горы Магнитной и Оврагов Каменных по р. Кизил передали АБССР[4]. Однако по Декрету ВЦИК от 17 августа 1922 г. они оставлены в пределах Челябинской губернии[5]. Этим же докуметом от 14 июня 1922 г. Яланский кантон АБССР (ныне 2 района Курганской области) перечислен в Челябинскую губернию. Центр АБССР переведен из г. Стерлитамака в г. Уфу.

Приказом № 2 Башкирского ЦИК от 21 июля 1922 г образована Большая Башкирия в составе: прежняя Малая Башкирия за исключением Яланского кантона, вся Уфимская губерния с уездами: Уфимским, Бирским, Белебеевским и Златоустовским, Миясским (некоторые волости)[6].

Декретом ВЦИК от 17 августа 1922 г. Златоустовский уезд, за исключением Метелинской, Ярославской, Дуванской, Улькундинской, Михайловской, Тастубинской, Леузинской, Ново-Муслюмовской, Емашинской, Ногушинской и Яныбаевской волостей присоединен к Челябинской губернии. Указанные волости были включены к Дуван-Кущинскому кантону АБССР. Симская, Миньярская, Илекская, Ералская, Усть-Катавская, Сергиевская, Аша-Балашовская, Караульская и Иван-Катавская волости Уфимского уезда отошли к Злат устовскому уезду.

;.я

[1] История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708-2001). Уфа, 2003. С. 59,

[2] Там же. С. 60.

[3] Там же. С. 61.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 63.

[6] Там же. С. 62.

Авзяно-Петровская, Байсакаловская, Белорецкая, Вознесенская, Инзерская, Катайская, Кагинская, Ломовская, Мулла каевская, Поляковская, Тирлянская, Усман-Галиевская, дхуновская, Кубаляк-Телевская, Тептяро-Учалинская и Тамьян-Тангауровская волости Тамьян-Катайского кантона АБССР были присоединены к Златоустовскому уезду[1].

По постановлению Президиума БашЦИК от 5 октября 1922 г. территория Большой Башкирии была подразделена на 8 кантонов:

1. Уфимский кантон (весь бывший Уфимский уезд, за исключением 9 волостей, отчисляемых в Челябинскую губернию: весь бывший Кудейский кантон Малой Башкирии (2 волости); 2 волости (Бишаул-Унгаровской и Биштякинской) бывшего Табынского кантона Малой Башкирии). Итого — 41 волость. Центр — г. Уфа.

2. Белебеевский кантон (весь бывший Белебеевский уезд за исключением Покровской и Федоровской волостей, отходящих в состав Стерлитамакского кантона). Итого — 42 волости. Центр — г. Белебей.

3. Бирский кантон (весь бывший Бирский уезд). Итого — 43 волости. Центр — г. Бирск.

4. Месягутовский кантон (в его составе весь Дувано-Кущинский кантон Малой Башкирии с 20 волостями бывшего Златоустовского уезда; Яхинская волость Уфимского уезда). Итого — 33 волости. Центр — г. (так в тексте) Месягутово.

5. Зилаирский кантон (в его составе весь бывший Бурзян-Тангауровский кантон Малой Башкирии с 14 волостями; весь бывший Кипчак-Джетировский кантон Малой Башкирии с 16 волостями; весь бывший Усерганский кантон Малой Башкирии с 18 волостями). Итого — 48 волостей. Центр — г. - Преображенск.

В случае окончательного закрепления за Башреспубликой Тамьян-Катайского кантона к нему должны быть присоединены 5 северных волостей (2, 3, 5 Бурзянские, Карагай-Кипчакская и Байназар-Кипчакская) Бурзян-Тангаурского Ка нтона.

История административно-территориального деления Республики кортостан. С. 62-63.

6. Тамьян-Катайский кантон с центром в г. Белорецке временно остается в своих настоящих границах. Постановлением заседания Президиума ВЦИК от 9 ноября 1922 г. Тамьян-Катайский кантон был оставлен в составе АБССР, но с тем, что управление Белорецким заводом «во всех отношениях» подчиняется Управлению Уральской промышленности[1].

7. Стерлитамакский кантон (в его составе весь бывший Стерлитамакский кантон Малой Башкирии с 17 волостями; весь бывший Табынский кантон с 13 волостями за исключением Бишаул-Унгаровской и Биштякинской волостей, отходящих в состав Уфимского кантона; весь бывший Юрматынский кантон Малой Башкирии с 14 волостями; Ново-Андреевская волость бывшего Уфимского уезда; Покровская и Федоровская волости бывшего Белебеевского уезда). Итого — 47 волостей. Центр — г. Стерлитамак.

8. Аргаяшский кантон (в его составе весь Аргаяшский кантон Малой Башкирии). Всего — 18 волостей. Центр — г. Аргаяш.

Весь бывший Ток-Чуранский кантон с г. Каргалы (перечислен в Оренбургскую губернию с 1 марта 1923 г.) временно подчинен г. Стерлитамаку[2].

Затем по Декрету ВЦИК от 15 декабря 1924 г. укрупнили волости каждого кантона. В итоге кантоны состояли: Уфимский из 17 Бирский из 25, Белебеевский из 19, Тамьян-Катайский из 8, Стерлитамакский из 15, Зилаирский из 16, Месягутовский из 11, Аргаяшский из 5 волостей[3].

И в дальнейшем продолжался этот процесс. В Бирском кантоне к 1926 г. осталось 20 из 25, на одну волость стало больше в Тамьян-Катайском и Аргаяшском кантонах[4].

Уточнения границ между республикой и соседними регионами и изменения в административном делении АБССР продолжались и в последующие годы. Так, Постановлением Президиума ВЦИК от 20 августа 1930 г. вместо упраздненных 8 кантонов были образованы 48 районов, в т. ч. Аргаяшский,

[1] Указ. соч. С. 65.
[2] Там же. С. 64.
[3] Там же. С. 77-78.
[4] Там же. С. 85.

Кунашакский районы, которые Постановлением Президиума ВЦИК от 23 апреля 1934 г. переданы в состав Челябинской области[1].

Постановлением ВЦИК от 20 февраля 1932 г. были ликвидированы Аскинский, Байкинский, Николо-Березовский, Приютовский и Верхоторский районы БАССР. Был образован Караидельский район с центром в с. Усть-Багазы, переименованном в с. Караидель.

Постановлением ВЦИК от 3 февраля 1935 г. были образованы 14 новых районов, путем выделения их из состава существующих: Алыпеевский, Аскинский, Благоварский, Бузовьязовский, Ермекеевский, Иглинский, Илишевский, Краснокамский, Куюргазинский, Малоязовский, Татышлинский, Федоровский, Шаранский, Юмагузинский и утвержден новый состав районов БАССР, число которых достигло 56. 20 марта 1937 г. возникло 6 новых районов (Байкибашевский, Воскресенский, Кандринский, Матраевский, Покровский, Ишимбайский[2].

По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 мая 1952 г. в составе БАССР были образованы Уфимская (3 города, 38 районов) и Стерлитамакская (3 города, 25 районов) области, просуществовавшие до его указа от 30 апреля 1953 г.[3]

По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 июля 1956 г. были упразднены Абзановский, Бузовьязовский, Воскресенский, Кандринский, Караидельский, Матраевский, Улу-Телякский районы с передачей их территорий сопредельным районам[4].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля 1963 г. были образованы вместо существующих следующие укрупненные сельские районы: Алыпеевский, Баймакский, Белебеевский, Белокатайский, Белорецкий, Бирский, Бураевский, Зианчуринский, Илишевский, Караидельский, Кармаскалинский, Мелеузовский, Салаватский, Стерлитамакский, Туймазинский, Уфимский, Хайбуллинский, Чекмагушевский, Чишминский, Янаульский. Нуримановский

[1] История административно-территориального деления Республики Башкортостан. С. 114.
[2] Там же. С. 109, 115-123, 124.
Там же. С. 130-131.
Там же. С. 132-133.

район (до 20 сентября 1933 г. — Старо-Кулевский) отнесли к промышленному району[1].

3 марта 1964 г. были образованы Бакалинский, Иглинский, Калтасинский, Стерлибашевский районы БАССР[2].

По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 января 1965 г. утвержден новый состав районов республики, куда включен 41 район[3].

По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 ноября 1965 г. было учреждено 6 (Архангельский, Балтачевский, Буздякский, Бурзянский, Дуванский, Зилаирский) районов; от 30 декабря 1966 г. — 4 района (Благоварский, Иглинский, Татышлинский, Шаранский); от 13 декабря 1968 г. — Ермекеевский район; от 31 марта 1972 г. — Кармаскалинский район. Затем из Стерлибашевского района был выделен Федоровский (29 января 1965 г.)[4].

В Приложении к Закону Республики Башкортостан от 25 июля 2001 г. перечисляются 54 района, 21 город РБ[5], которые известны и сегодня.

По Декларации о государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики Верховный Совет БАССР преобразовал БАССР в БССР 11 октября 1990 г J

По Закону Верховного Совета БАССР от 25 февраля 1992 г. Республика получила наименование Республика Башкортостан[7].

Сегодня Республика Башкортостан объединяет 54 района и 21 город.[8]

В целом отметим, что территория обитания башкир официально не называлась Башкирией, но это названи

[1] История административно-территориального деления Республики Башкортостан. С. 133—134.

[2] Там же. С. 135.

[3] Там же. С. 135- 140.

[4] Там же. С. 318.

[5] Тамже. С. 144-149.

[6] Законы Башкирской АССР. Уфа, 1992. Вып. 1. С. 16-18; Конституционные акты Башкортостана. Составители Н. Ф. Зиганшин, 3. И. Еникеев. Уфа: Тау, 2003. С. 111.

[7] История административно-территориального деления Республики Башкортостан. С. 142.

[8] Административно-территориальное устройство Республики Башкортостан на 1 января 1999 года. Уфа, 1999. С. 9.

присутствовало во всех бумагах местных и центральных властей. Башкирия называлась Уфимским уездом (1586 — 1708 гг.), Уфимской (1708—1733 гг.) и Исетской (с 1738 г.) провинциями, Оренбургской губернией (1744—1781), Уфимским наместничеством (1782—1796), снова Оренбургской губернией (1796—1866), которая была подразделена на Уфимскую и Оренбургскую губернии.

В конце данной главы охарактеризуем деятельность первых и более известных по источникам и в народной памяти оренбургских губернаторов, имевших широкие полномочия.

Первые оренбургские губернаторы

Дворянский род Неплюевых происходит от боярина Андрея Кобылы, родоначальника царствовавшего рода Романовых, а также Шереметьевых, Колычевых и др. Праправнук А. Кобылы — Федор Иванович, по прозвищу «Неплюй», был зачинателем рода этой фамилии. В XVI —XVII вв. некоторые из Неплюевых были воеводами во второстепенных городах России.

Будущий государственный деятель, дипломат, сенатор и первый оренбургский губернатор *Иван Иванович Неплюев* родился 5 ноября 1693 г. в усадьбе Наволок недалеко от села Поддубье (ныне Новгородская область). В 1714 г. в силу указа о недорослях, уже женатым, был отдан в Новгородскую математическую школу, затем переведен в Петербургскую морскую академию. По окончании курса плавал в водах Атлантического океана и Средиземного моря. Продолжил обучение в Венеции и Испании. В 1720 г. блестяще сдал экзамен в присутствии Петра Великого, который дал ему высокую оценку: «В этом малом будет толк», и был назначен Гл авным командиром над всеми судами, строившимися в Петербурге. С 1721 по 1734 гг. был русским резидентом (посланником) в Константинополе, в 1737 г. участвовал на Немировском конгрессе, в 1739 г. — в переговорах о заклю- ^нии Белградского мира. В начале царствования Елизаветы *етровны, по ложному доносу недругов, он был арестован и лишен орденов и поместий. Однако вскоре был оправдан 11 в 1742 г. назначен наместником Оренбургского края.

Главное управление этим краем до Неплюева называли Оренбургской экспедицией или комиссией (1586—1708 гг. — Уфимский уезд, 1708— 1734 гг. — Уфимская провинция). В 1744 г. по его представлению эта экспедиция (комиссия) была переименована в Оренбургскую губернию с Уфимской и Исетской провинциями во главе с воеводами (в 1865 г. губерния была разделена на две: Оренбургскую и Уфимскую). Власть губернатора распространялась на Оренбургскую губернию, земли Уральского казачьего войска, кочевья Малого казахского жуза, башкирские земли в Пермской, Вятской, Самарской, Саратовской губерниях. Вся эта территория называлась Оренбургским краем, общая площадь которой соответствовала территории Франции начала XIX в.

Обширность территории края, отдаленность его от столицы Российской Империи, отсутствие удобных средств сообщения способствовали сосредоточению в руках губернатора громадной власти в административной, военно-политической, судебной, дипломатической и хозяйственно-экономической областях. Эти функции сделали губернатора почти независимым правителем над подвластными народами и сословиями. Одним словом, губернатор даже по указу — «глава и хозяин всей врученной его смотрению губернией».

От первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева требовалось многое: терпение, опыт, ум, энергия и мудрость для решения предстоящих сложных и трудных задач, предначертанных еще Петром I по отношению к Оренбургскому краю («ключ и врата к Востоку») и среднеазиатским странам.

За годы правления (16 лет) Неплюев в целях укрепления позиций царского правительства, прекращения башкирских вооруженных выступлений и экономического развития края основал современный г. Оренбург, десятки крепостей и редутов по рекам Сакмара, Яик (Урал), Уй, Увелка, Мияс и Тобол на Оренбургской пограничной укрепленной линии, дал «правильное военное устройство» Оренбургскому и «лучшее устройство» Уральскому казачьим войскам, организовал переселение «инородцев в Уфимскую провинцию», решал проблемы пополнения казны путем усиления фискального гнета башкир, мишарей, тептярей и бобылей, а также уделял пристальное внимание развитию горнозаводской промышленности и торговли и многим другим вопросам.

Неплюев свою губернаторскую деятельность начал со строительства Оренбурга и других крепостей на оренбургской пограничной линии от р. Тобол до р. Сакмары, притока р. Яик путем окружения башкир укрепленными военными крепостями для их удержания от возможных вооруженных выступлений против властей. О целях основания современного Оренбурга (2 города Оренбурга строили в 1735 г. (г. Орск) и в 1739 г. (Красногорская крепость), начало строительства которых вызвало башкирское восстание 1735—1740 гг.), оренбургский историк П. И. Рычков (1712-1777 гг.) писал следующее: «Оный Оренбург не точию для башкирцев, но и для новоподданных ветреных народов, а паче для дальних предприятий нужен — от него же к распространению азиатской коммерции». Со строительством Оренбурга и других укрепленных пунктов, по нему же «как стеною башкиры огорожены быть имеют».

В конце апреля 1742 г. Неплюев прибыл в Самару, но не стал там задерживаться, направился в Уфу, оттуда - в Оренбург (Орск). Новый Оренбург был заложен им из-за многих неудобств в двух первых Оренбургах, почти на том самом месте, где ранее находилась Бердская крепость, перенесенная на р. Сакмару. Избрав новое место для его построения, Неплюев в начале февраля 1743 г. препроводил в Сенат свои предложения о привлечении к стройке города тептярей и бобылей, о наряде 1 ООО башкир и 500 мишарей для охраны пограничной линии от Орска до Верхнеяицкой крепости, о заселении дороги к Оренбургу переселенцами, живущими в Уфимском уезде, о подвозе башкирами провианта в Бердскую крепость из Уфы, Бирска, Мензелинска для будущих строителей нового города, о переселении уфимских купцов, записавшихся в Оренбург. После их одобрения был утвержден и план нового Оренбурга, который представлял овальную Фигуру многоугольника из 11 полигонов, 10 бастионов и 2 полубастионов у самого берега р. Яик. Крепость с четырех сторон имела ворота (Орская, Черноречeнская, Яицкая, Самарская). Чтобы обезопасить город (крепость) от нападения, он был обнесен рвом и валом с каменной стеной и снабжен достаточным к обороне гарнизоном. Ширина города Равнялась 570, а длина — 677 саженям (1 сажень — 2,13 м). °Р°Д быстро рос. За 4 года после его основания в нем

насчитывалось 837 дворов, 4 церкви, гауптвахта, аптека, пороховой погреб, магазин, таможня, 44 лавки в Гостином дворе, 131 лавка в Меновом дворе за р. Яик.

Рядом с Оренбургом для его защиты была построен Сакмарская крепость, которая стояла, по словам Рычкова, «на самом горле башкирском». Все крепости вошли в единую систему укрепленной линии от Звериноголовской крепости недалеко от Омска до Каспийского моря вдоль р. Яик, котора- Неплюевым была разделена на 4 части — дистанции, на трех и которых башкиры и мишари с казаками и регулярными частями несли пограничную службу, выставив ежегодно 2,5 тыс. конных воинов.

С 1744 г. Оренбург становится центром вновь учрежденной Оренбургской губернии, первым губернатором которой был назначен любимец Петра Великого И. И. Неплюев (1742-1758 гг.).

Оренбург постепенно превратился в новый центр русской торговли с восточными странами. В самом центре города был построен Гостиный двор, за городом, за р. Яик, - Меновой двор для торговли с азиатскими купцами. В 1744 г. 200 казанских торговцев во главе с Сеитом Хаялиным основали Сеитову (Каргалинскую) слободу, преследовавшую те же цели.

Правительство при помощи своего губернатора Неплюева, окружив Башкирию укрепленными военными крепостями, начало ее колонизацию. Государство привлекало природные богатства Южного Урала, в результате чего началось строительство железоделательных и медеплавильных заводов, которое сопровождалось расширяющейся разведкой ископаемых на территории края. Для этой цели власти шли **ни;** конфискацию части вотчинных земель башкир, что противоречило условиям договора о присоединении Башкирии **к** Русскому государству.

Строительство военных крепостей требовало запасов продовольствия и фуража для гарнизона. Хлеб нужен был И для населения заводов. Однако в Башкирии тогда не было товарного хлеба. Урожая с башкирских пашен не хватало даже для местного населения. Нужно было организовать производство хлеба в самой Башкирии, поскольку подвоз хлеба из дальних мест обходился для казны весьма дорого. Поэтому

Неплюевым были предприняты энергичные меры по переселению сюда русских и других земледельческих крестьян, по перевозке казенных семян в крепости, чтобы и военные могли заниматься хлебопашеством. Все эти мероприятия в конечном итоге содействовали развитию экономики Оренбургского края, улучшению жизненных условий местного населения, втягиванию Башкирии в общую хозяйственную жизнь страны, способствовали культурному общению между народами. В то же время прогрессивные мероприятия по развитию производительных сил края сопровождались массовым изъятием башкирских земель, что вызывало недовольство их владельцев.

При губернаторе Неплюеве усилился фискальный гнет. По его предложению с мая 1747 г. для тептярей и бобылей была введена подушная подать в размере 80 коп. с душ мужского пола, при этом сохранилась прежняя трудовая повинность, выражавшаяся в ежегодной отправке 700 человек на строительные работы в Оренбург и другие крепости. С того же года впервые с мишарей (2 089 дворов) взимали ясак, равный 25 коп. со двора, т. е. такой же, какой платили башкиры. В итоге подати с тептярей увеличились в 2 раза, а мишари вынуждены были платить совершенно для них новый налог. В 1754 г. по предложению Неплюева изменилась и основная повинность башкирского населения. По указу 1754 г. с башкир и мишарей был снят ясак, но вместо этого они были обязаны покупать соль из казны по 35 коп. за пуд. До этого башкиры пользовались солью бесплатно из местных соляных месторождений (в частности, из Соль-Илецка). Введение соляной монополии в Башкирии давало казне ежегодно дохода 14-15 тыс. руб. А теперь сравним: башкиры платили ясак в сумме 2 054 руб., а мишаРи — 522 руб. Увеличив объем налога в 6 раз, казна получала большую выгоду. Все это привело к восстаниям тептярей в 17 47 г. и башкир в 1755 г., которые были жестоко подавлены Неплюевым. При этом губернатор действовал по известному принципу колонизаторов «разделяй и властвуй», противопоставил интересы башкир и казахов, искусственно создав вРажду между ними. Она проявлялась в том, что башкиры-бе Женцы в числе 50 тыс. человек, оказавшихся под преследованием карательных войск на территории казахских "^Узов, были выданы их феодалами царским властям,

поддавшись на подкупы и подарки последних, причем отбирали жен и детей повстанцев.

Неплюев в своих «Записках» (СПб., 1893) признал, что от такой «вражды между башкирами и киргизцами (то есть казахами) Россия навсегда от согласия их может быть безопасна». Искусственно насажденное недоверие между народами впоследствии не раз приводило к кровопролитным столкновениям казахов и башкир на территории последних (например, в 40-х годах XVIII века, а также в 1772 г. на Ирендыке у озера Яугильде (буквально: война пришла), когда первые наголову были разбиты вторыми). Такая политика Неплюева была взята на вооружение последующими губернаторами. В частности, О. А. Игельстром в 1789 г. заявил, что, политику Неплюева «весьма нужно не расстраивать».

В целом, вся деятельность И. И. Неплюева (умер в 1773 г.) была направлена на претворение в жизнь указа от 11 февраля 1736 г., служившего программой правительства по укреплению центральной власти в Башкирии. Велика заслуга талантливого государственного деятеля Неплюева в развитии экономики края, в строительстве городов, многие из которох обязаны своим возникновением его имени и деятельности. В его честь в 1824 г. в Оренбурге был открыт Неплюевский кадетский корпус, азиатское отделение которого в 1831-1907 гг. окончило свыше 70 башкир. Вместе с тем необходимо отметить, что его губернаторская деятельность сопровождалась колонизаторскими методами в управлении краем, пренебрежением к общественным институтам башкир, к их интересам (см.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 298; Ф. 1274. Оп. 1. Д. 211. Л. 179, 185; Записки И. И. Неплюева (1693-1773). СПб., 1893; *Витевский В. И.* И. И. Неплюев и Оренбургский край **в;** прежнем его составе до 1758 г. Т. 1-3. Казань, 1897; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996 / Под ред. Х. Ф. Усманова; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона).

А теперь речь — о трех последующих оренбургских губернаторах: *А. Р. Давыдове, Д. В. Волкове и А. А. Путятине,* управлявших губернией в течение 9 лет (1759—1768 гг.) после И. И. Неплюева.

Источников и литературы об их биографии и деятельности крайне мало. В «Материалах по истории Башкирской АССР» можно найти доношения губернаторов о недостатках в управлении краем, предложения их по изменению отдельных сторон жизнедеятельности народов и сословий, укреплению городов-крепостей на Оренбургской пограничной линии, ужесточению административно-политического контроля над населением края. Законы Российской империи содержат много указов, непосредственно касающихся социально-экономической, политической, культурной жизни края. Немало материалов о губернаторах имеется в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. В работах Ф. Н. Лобысевича, А. Н. Усманова содержатся сведения о военно-административной и хозяйственной деятельности отдельных начальников. «Очерки по истории Башкирской АССР» свидетельствуют о деятельности *Д. В. Волкова* по внедрению и развитию земледелия у юго-восточных башкир.

О втором по счету губернаторе *Афанасии Романовиче Давыдове* сведений мало. Лишь в книге В. Г. Семенова и В. П. Семеновой «Губернаторы Оренбургского края (Оренбург, 1999) можно найти отдельные факты о деятельности А. Р. Давыдова, управлявшего губернией в 1759-1763 годах. До его прибытия в Оренбург обязанности начальника губернии исполнял генерал-майор А. *И. Тевкелев,* который выполнял поручения первого губернатора И. И. Неплюева по торговле и иностранным делам. Давыдов приступил к работе в то время, когда осложнились отношения России с новоподданными казахскими ордами, когда губернатор наказал военной силой казахов Малой Орды, без разрешения перекочевавших на правый берег р. Яика. Тогда непростыми были отношения самих казахов с калмыками и яицкими казаками. Начались жалобы на него, и в апреле 1763 г. Давыдов был снят с Должности губернатора. В «Материалах по истории БАССР» несколько раз упоминается Давыдов в жалобах башкир на Других губернских чиновников и казачьего атамана Могутова, «имевшего кумовство и дружество» с губернатором. В книге «История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов ^Хвека» (Уфа, 1996) о Давыдове - ни слова.

Место Давыдова занял *Волков Дмитрий Васильевич* (1718-1785 гг.), начинавший службу после учебы в Мос-

ковском архиве коллегии иностранных дел. Благодаря деловым качествам и уму приобрел расположение влиятельного при дворе человека И. И. Шувалова. При императорах Елизавете Петровне и Петре III исполнял должность тайного секретаря высшего органа в системе государственного аппарата под названием «Конференция при высочайшем дворе», ведавший, главным образом, вопросами внешней политики. Между прочим, сослуживцы и современники говорили, что все члены Конференции «думали головою Волкова». Вполне верится этой версии, поскольку в 1762 г. им была составлена знаменитая жалованная грамота дворянству об освобождении его от телесного наказания и об отмене обязательной службы, а также разработан проект об уничтожении тайной канцелярии. С приходом к власти Екатерины II, в результате очередного дворцового переворота, Волков был удален от двора и назначен вице-губернатором далекой от столицы Оренбургской губернии, хотя до 1763 г. такой должности не было. По указу 13 июня 1763 г. он занял пост губернатора, каковым оставался до конца этого года. Затем переведен президентом Мануфактур-коллегии, потом стал петербургским генерал-полицмейстером. Последняя его должность - смоленский наместник.

Основные направления его деятельности в Оренбургской губернии сравнительно лучше отражены в источниках. Еще будучи вице-губернатором, Волков писал Екатерине II о недостатках в управлении губернией. Поэтому царский указ о его назначении губернатором разрешил ему «введенные злоупотребления, ... яко губернатору, ежели оные видимо вредны самим опытом нашлись, искоренять и против оных брать такие меры, какие он сам за благо рассудит».

Экономическими и политическими мерами со стороны правительства он предлагал «коммерцию с бухарцами и хивинцами, а со временем, может быть, и до самой Индии распространить». Эти намерения Петра Великого требовали обеспечения безопасности торгового пути от нападений среднеазиатских и казахских феодалов. В этих целях, а также для создания положительного образа России перед казахами, губернатор был намерен обучать их приемам земледелия (поскольку «где заведется пашня, там и домострой, а где

домостройство, там и тишина и власть законов»); предлагал разрешать в пограничных крепостях продавать казахам беспошлинный хлеб, принимать их представителей на царскую службу, облегчить положение казахских аманатов (заложников) путем обучения «гражданским наукам и благонравию». Добиться того, чтобы «киргизцы (то есть казахи) Россию любили и по-маленьку русели». А для этого требовалось мягкое «фамильярное отношение» с их ханами и старшинами, поскольку известно, что «азиатцы имеют еще славу верных друзей и чего деньгами купить не можно, то дружбою получить удобно».

Одной из забот Волкова было состояние добычи и продажи илецкой соли (месторождение находится в Илецком районе Оренбургской области), о высоком качестве которой, между прочим, еще в 1745 г. писал в Кабинет великий М. В. Ломоносов, посылая результаты проб различных солей, взятых из русских месторождений: «Для таких свойств надобно сию соль в твердости, силе и споризме предпочесть протчим солям». До введения государственной соляной монополии в 1754 г. башкиры пользовались ею бесплатно, перевозя ее на своем транспорте по всей Башкирии. Большую выгоду для казны Волков видел в том, чтобы илецкая соль доставлялась до Нижнего Новгорода для дальнейшей перевозки ее по городам и селам России. Пользу видел и в том, чтобы соль продавали в Оренбурге любому человеку оптом или в розницу, причем по пониженной цене. Однако его последнее предложение не нашло поддержки со стороны Сената.

Царское правительство в Башкирии установило не только административно-политический контроль над населением. Оно обратило внимание и на его хозяйственную жизнь. Некоторые успехи земледелия к 60-м годам XVIII в. не остались незамеченными губернской администрацией. Несмотря на то, что, по словам Волкова, «великая теперь часть земли захвачена У башкирцев под заводы», тем не менее «Башкирия имеет премножество хлебородных мест». Однако захваченные под заводы земли немедленно должны быть заселены русскими крестьянами-земледельцами, которые могут оказать влияние На переход башкир к хлебопашеству. А массовый переход их к земледелию освободит большое количество башкирской

земли, которое можно раздать помещикам и заселить русскими крестьянами. Усиление притока русского населения увеличит продовольственные ресурсы края. Но и башкирское земледелие может дать некоторые запасы товарного хлеба, в чем нуждались гарнизоны крепостей Оренбургской пограничной линии от Зверино-Головской крепости на востоке до Гурьева на Каспие. В это же время губернатор Волков был уверен и в том, что «чем меньше останутся земли у башкирцов, тем скорее они будут приниматься за земледелие».

Правительство все свои мероприятия в Башкирии проводило через волостных старшин — феодалов. Пропаганду земледелия губернская администрация начала тоже с башкирских феодалов. В июне 1763 г. губернатор пригласил в Оренбург старшин Ногайской дороги (территория Башкирии к югу от Уфы) и поставил перед ними вопрос о необходимости развития земледелия с целью производства товарного хлеба. В ответ на его предложение старшины потребовали разрешения на покупку крепостных крестьян, а также снятие запрещения на найм пришлых работных людей. Свое требование они обосновали тем, что им взять людей «для работы на пашне неоткуда», а сами башкиры «пашни пахать много не навыкли». Старшины указывали и на отсутствие у них кузниц, сельскохозяйственного инвентаря, так как по указу 11 февраля 1736 г. башкирам запрещалось иметь кузницы.

Волков находил возможным допустить наем пришлых в Башкирию людей на земледельческие работы, но не поддержал претензию старшин на покупку крепостных во внутренних губерниях России. По вопросу о кузницах губернатор был склонен пойти на уступки. Еще первый губернатор И. И. Неплюев добился некоторого ослабления указа 1736 г. — башкирам было разрешено иметь по три кузницы в пределах каждой из четырех дорог (областей) Башкирии. Волков считал, что можно разрешить башкирам иметь по шесть кузниц на каждую дорогу.

Лишь в середине 1765 г. Сенат определил послать новому губернатору А. А. Путятину секретный указ «О размножении в заселенных в тамошней губернии башкирцами местах хлебопашества», по которому «велено прилагать ему свое старание, однако ж без заведения тамо кузниц и кузнецов», но

необходимые хозяйственные инструменты и орудия предлагал завозить из соседних губерний. Конечно, такое отношение Сената не могло решить проблему продовольствия в губернии.

Четвертым по счету оренбургским губернатором в 1764 — 1768 годах был вышеупомянутый князь, генерал-майор, впоследствии сенатор *Путятин Аврам Артемьевич.* Путятины — княжеский род, одна из ветвей князей Друцких. Предок их князь И. С. Друцкий, прозванный Путята, известен с начала XV в., который подписал трактат Литвы с Орденом меченосцев. Путятины были воеводами в Киеве, Нарве, Уржуме и других городах.

А. А. Путятин свою карьеру начал в 1727 г. солдатом Суздальского полка. Позднее в чине бригадира участвовал в Семилетней войне (1756— 1763 гг.) против Пруссии. По окончании войны стал генералом, а в 1764 г. — оренбургским губернатором.

Изучение источников и литературы о Путятине дает возможность раскрыть суть его губернаторской деятельности. Продолжая разговор о распространении земледелия среди башкир, как предлагал Волков, еще раз отметим, что Сенат не принял его предложений, особенно требования башкир об условиях развития хлебопашества. Новый губернатор не мог не стать на сторону Сената, выступив сторонником развития земледелия в целом по Башкирии, а не среди башкирского населения. Свое видение проблемы Путятин изложил в секретном доношении Сенату в 1766 г. По его мнению, правительство, свободно распоряжаясь башкирскими землями, может их изъять у башкир, чтобы заселить их русскими государственными и заводскими крестьянами, а также военнослужащими в целях превращения «самую Башкирию» в чисто русскую по народонаселению губернию. Что касается «инородцев» — татар, чувашей, удмуртов, мари и даже новокрещеных, то их ни под каким видом к поселению сюда не допускать. Губернатором сделано исключение только для мордвы, «яко к магометанскому закону не склонных». Данное предложение Пятина исходило из того, что он вообще отрицал существование с золотоордынских времен вотчинного права башкир Па свои земли, подтвержденного Русским правительством середине XVI в. Исходя из своего ошибочного представления, е Рнатор утверждал, что «вся оной губернии земля» со

времен «покорения Казанского царства» никому не принадлежала, а считалась «дикою и короне принадлежащею». Следовательно, башкиры, по его мнению, на владение землей законного права не имеют, в их руках нет и жалованных грамот от русских царей, а сохранившиеся их копии в архивах Уфы уничтожены пожаром 1759 г. Даже ссылки башкир на ясачные книги, по которым платили казне ясак за владение землей, не могут служить основанием для владения землей, так как им земли были отданы правительством из ясака. А ясак этот был отменен в 1754 г., поэтому, считал губернатор, башкиры, не имея жалованных грамот в своих руках, не платя ясака за владение землей, не являются законными владельцами земельных вотчин. Основываясь на этих ошибочных представлениях, он предлагал конфисковать у башкир их земли. Башкиры имели право только на те земли, на которых они жили, имели поселения, а широкие пастбищные просторы, горы и реки должны принадлежать «короне». Еще Путятин предлагал поощрять продажу земель башкирами, на которых жили сами. В этих целях он предлагал «отмежевать земли каждой фамилии особо», чтобы «всякой башкирец свою часть земли продавать мог». А по существующему положению продажа земли могла произойти при согласии всех членов данной общины. Все это говорит о том, что Путятин был не только противником распространения башкирского земледелия. Он пошел сознательно на фальсификацию социальных отношений башкирского общества, основанных на вотчинном праве на волостные вотчинные земли.

Через год он попытался решить и другую непростую проблему. Речь идет об удовлетворении просьбы мишарей: согласно указу 1736 г. о предоставлении им земли участников башкирского восстания второй половины 30-х годов XVIII века, с освобождением их от уплаты в пользу башкир оброка за припуск на эти земли.

Основная масса мишарского военно-служилого сословия находилась на башкирских вотчинных землях на основе договорных записей о припуске с уплатой владельцам угодий денежного оброка в размере 10 — 25 коп. со двора в год. К 60-м годам XVIII века в Башкирии насчитывалось 2 253 мишарских двора, из которых 1916 (или 85 проц. всех дворов) платили

башкирам оброк за припуск. За активное участие мишарей в подавлении восстания башкир по указу от 11 февраля 1736 г. им разрешалось безоброчно (без платежа) владеть этими угодьями. Однако пункт указа о предоставлении мишарям «бунтующих» земель не был полностью реализован. Лишь 6 деревень (Чишмы, Калмаш, Сафарово, Нижние и Верхние Термы, Теперишево (ныне Чишминский район РБ) находились на земле, конфискованной казной у башкир за их участие в «бунте». По определению первого губенатора *И. И. Неплюева* и уфимского вице-губернатора П. Д. Аксакова от 10 июля 1742 г. предусматривалось «мещерякам, татарам, чувашам, которые на башкирских бунтовщичьих землях живут и прежде башкирцам оброк платили, теми землями владеть им, а оброков башкирцам не платить». Однако и тогда мишари и другие не смогли получить эти угодья. Поэтому иск с их стороны продолжался. На просьбу мишарей обратил внимание и Путятин. Еще до него было выявлено 169 700 четвертей «бунтовщичьих» земель. Немалая часть их к 60-м годам XVIII века уже была занята переселенцами по припуску башкир-вотчинников.

На просьбы мишарей губернатор Путятин реагировал неоднозначно. Он считал, что «к отбору тех бунтовщичьих земель и к отдаче мещерякам приступить сумнительно, потому что на тех землях остались и жительствуют ныне сродники и дети бунтовщиков башкирцов, которые в бунте не были». А в случае удовлетворения просьбы мишарей могли произойти от башкир «худые последствия», имея в виду возможные их вооруженные выступления против властей. Отойдя от этих сомнений, Путятин все-таки решился на конкретные предложения. Поскольку мишари крайне нуждались в земельных Угодьях, губернатор предложил отдать им те земли без оброка, на которые некогда они были припущены башкирами. А последним за отчуждение их земель компенсировать казенными Деньгами в сумме 5 тыс. руб.

Однако и при Путятине это дело не нашло своего завершения. Оно было решено при губернаторе О. А. Игельстроме.

Были и другие предложения (перечисление части казаков оренбургское купечество, организация охраны работных Аеи, занятых прииском и разработкой медных руд за р. Яик

и др.), которые были претворены в жизнь. По истечении срока губернаторства, через год Путятин умер.

Главное внимание всех губернаторов обращалось на состояние военно-политической обстановки в крае. Поэтому в своих доношениях императорам и Сенату они на первый план выдвигали два момента в губернии: «башкирцы в желаемом послушании», «киргис-кайсаки (то есть казахи) спокойны».

В 1798—1865 гг. военными губернаторами Оренбургской губернии (с 1850 г. — генерал-губернаторы) были 9 генералов, из которых двое - Г. С. Волконский (14 лет) и В. А. Перовский! 16 лет) дольше всех правили этим краем. Далее и наш разговор пойдет о них.

Князь *Волконский Григорий Семенович* (1742-1824) — оренбургский военный губернатор в 1803-1817 гг. Его род и Рюриковичей, занимавший видные государственные долж ности. Прадед — участник Азовского похода Петра I, отец Семилетней войны с Пруссией в чине генерал-аншефа, сам двух русско-турецких войн во второй половине XVIII в. Сподвижник П. А. Румянцева и А. В. Суворова. Награжден орденом Святого Георгия 2 степени, с 1794 г. генерал-анше затем генерал от кавалерии. Член Госсовета. Один из е сыновей Сергей (1788-1865) - участник Отечественно, войны 1812 г., декабрист, сосланный в Сибирь, за которым последовала жена М. Н. Раевская, оставившая свои воспоминания. Сын Сергея Михаил (1832-1909) - товарищ министр народного просвещения. Губернатор — двоюродный дед великого писателя Л. Н. Толстого.

В период губернаторства Волконского происходи, важные события международного и российского масштаба Прежде всего — это Отечественная война 1812 года, когда Оренбургская губерния выставила на борьбу с агрессией наполеоновской Франции 46 башкирских, русско-казачьих, мишарских, тептярских и др. полков. Оперативное руководство по их сформированию и отправке осуществлялось непосредственно Волконским. При нем проводилась 7-я ревизия душ в 1816 г. Укреплялись редуты, форпосты и крепости Оренбургской пограничной линии путем назначения комендантов крепостей. Особым рвением с использованием # башкирского полка во главе с кантонным начальником 9-го

кантона Бурангулом Куватовым «усмирял» бунт уральских казаков в 1805 г. По его ходатайству в 1806 г. было запрещено свободное передвижение башкир из Оренбургской губернии в другие (Саратовскую, напр.) Без особой необходимости награждал башкир зауряд-чинами, ограждавшими их от телесного наказания. Для них им же были придуманы походные чиновники (походные старшины, дистаночные начальники). Процветало взяточничество. Особо отличился правитель губернской канцелярии подполковник А. Т. Ермолаев, владелец села Ермолаево (Куюргаза), ныне центр Куюргазинского района РБ, осужден народом в исторической песне «Кулуй-кантон» («О сколько посрубали вы голов, Кулуй-кантон и писарь Ермолаев») (см.: Башкирское народное творчество. Песни (дооктябрьский период). Перевод Д. Даминова; Уфа; 1995. С. 76; Записки генерал-майора *И. В. Чернова* // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. Оренбург, 1907. С. 27-349; Библиографический словарь *Брокгауза и Ефрона*. Т. 3. М., 1993. С. 445; *Семенов В. Г., Семенова В. П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 172).

Василий Алексеевич Перовский (1794—1857) был выдающимся военно-политическим и административным деятелем России первой половины XIX в. Как его четыре брата и четыре сестры был побочным сыном графа А. К. Разумовского. Его фамилия происходит от названия подмосковного села Перово. Окончив курс в Московском университете в 1811 г., он поступил колонновожатым в свиту его величества. Через год после начала Отечественной войны (1812 г.), при отступлении к Москве после Бородинского сражения был схвачен в плен, где находился до взятия Парижа в 1814 г. В Русско-турецкой войне 1828 - 1829 гг. был тяжело ранен, поэтому был вынужден отказаться от строевой службы. Имел звания: генерал-лейтенанта, генерала от кавалерии, генерал-адъютанта. Член Госсовета (с 1845 г.), граф (с 1855 г.). Награжден орденом Святого Владимира 1-й степени, высшей наградой — бриллиантовыми знаками ордена Святого Андрея Первозванного (1856 г.).

Военно-политическая деятельность видного администратора России В. А. Перовского в Оренбургском крае, облаченного чрезвычайно широкими полномочиями, выражалась в его АУющих мероприятиях:

1. Выполняя свою главную функцию, огнем и мечем добивался «тишины и спокойствия», жестоко подавляя волнения, бунты, восстания народов Башкирии и Казахстана.

2. Как и другие, он продолжал укрепление Оренбургской пограничной линии путем проведения параллельно ей новой линии между Орским и Троицким с возведением крепостей Наследницкой, Константиновской, Николаевской и Михайловской и переселением казаков внутренних станиц в линейные станицы. Им же создано Ново-Александровское укрепление на Мангышлаке (1834 г.) и много других крепостей в Средней Азии.

3. Те же цели он преследовал и при укреплении Оренбургского казачьего войска с отдельной территорией и управлением, независимым от губернской администрации (1840 г.), при назначении командующего Башкирско-мещерякским войском (1834 г.).

4. В претворении в жизнь давней мечты Петра I о проложении торговых путей в Азию и даже в Индию Перовским предпринимались походы в Хиву (1839 г.) и в Кокандскую Ак-Мечеть (1853 г.) с заключением в 1851 г. с Хивинским ханом выгодного для России договора.

5. Среди немногих военных губернаторов, признавших боеспособность Башкирско-мещерякского войска, Перовский добился участия его полков в Крымской войне 1853— 1856 гг.

6. Строил коммерческий тракт Верхнеуральск — Стерлитамак протяженностью в 252 версты, проложенный башкирской рабочей командой (1832—1834 гг.), который был продолжен затем от Стерлитамака до Бугульмы и стал стратегическим путем сообщения.

7. При нем была проведена 8-я ревизия душ населения (1834 г.).

8. На его долю пала реализация закона о земле (1832 г.).

9. Придерживался линии постепенного перехода части башкир на оседлость и к земледелию, резко выступал против насильственных мер в этом вопросе. Вел общественную запашку для русских казаков, преследуя цель — подорвать начавшееся земледелие у казахов путем продажи им русского хлеба.

10. Создал общественный башкирский капитал из доходов от продажи и кортома вотчинных земель, от организованных им войсковых конных, поташных заводов и пчелиных

заведений для финансирования текущих нужд губернского правления, а также для оказания помощи открываемым учебным заведениям.

И. Управляя краем «кнутом и пряником», не мог не обратить внимания и на образование юношества, в т. ч. башкирского. Он добился для башкирских юношей в Первой казанской гимназии, а также в Казанском университете по 20 вакансий, в Академии генштаба — 10; при нем открыты приходские школы в Троицке и Челябинске, уездное училище в Троицке, библиотека в Оренбурге.

По его настоянию были воздвигнуты здания городского водопровода, Николаевских казарм (1838 г.), генерал-губернаторской канцелярии (1852 г.), Караван-Сарая в г. Оренбурге. В. А. Перовский почти каждое лето проводил на башкирских кочевьях по р. Креуле (на границе нынешнего Куюргазинского района РБ и Оренбургской области), где общался с местными сказителями, сэсэнами, где бывали и русские писатели. О нем как о человеке и правителе сложены и поныне сохранились башкирские народные песни и марши («Ак-Мечеть», «Сыр-Дарья», «Перовский»).

Часть его мемуаров и писем опубликована в журнале «Русский архив». 1865. № 3; 1878. Т. 2; 1879. Т. 2, 3 (см.: *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. Т. 23. СПб., 1898. С. 348; Башкирское народное творчество. Песни. Перевод Д. Даминова; Уфа, 1995. С. 128-132; *Юдин М. Л.* Граф В. А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. Кн. 5. СПб., 1896; Русский биографический словарь. СПб., 1902. С. 530— 540; Записки генерал-майора И. В. Чернова / Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. Оренбург, 1907. с. 72-111, 143-144).

§5. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ «ДОРОГА»

Несмотря на наличие значительной литературы, есть немало неясных и спорных моментов по истории Башкирии. К одним из них относится время возникновения функционирования в Башкирии административных единиц с названием «дорога».

Известно, что территория Башкирии до конца XVIII в. была разделена на четыре административно-территориальные области — дороги. Относительно конечной даты существования дорог среди исследователей почти нет разногласия. Но о времени происхождения дорог их мнения сильно расходятся.

В данном случае нами делается попытка провести общий; историографический обзор по этому вопросу, чтобы выяснить не только степень его изученности, но и высказать свои соображения о хронологических рамках функционирования дорог в Башкирии и о других касающихся их моментах.

Еще совсем недавно было высказано предположение о том,] что дороги (даруги) не являются изобретением монголов, что(они были порождены очень давно на основе мифологических представлений башкир. Страна башкир по древнему эпосу «Урал батыр» была подразделена на четыре части, сердцевину — центр страны представлял город Башкорт («Пашхарти»), указанный на картах братьев Пицигано (1367 г.) и Меркатора (1554 г.), возникший на территории Уфы[1].

О существовании дорог в раннем Средневековье имеется! несколько гипотез. По И. Г. Акманову, в Башкортостане «сохранилось старое ее деление на «дороги», которых было четыре. Дорога — термин, который ведет свое начало от монгольского слова «даруга» — начальник. В Башкирии со времен господства Золотой Орды обозначал административную единицу[2].

Такой же версии придерживается Р. Г. Буканова: «Здесь, (т. е. в Уфе. — *А. А.)* сходились границы четырех дорог («даруг»), административно-территориальных единиц, сохранившихся со времен Золотой Орды[3].

Как известно, дороги имели следующие названия: Казанская, Ногайская, Сибирская и Осинская. Таких наименований в период Золотой Орды никто не мог знать, поскольку их просто не было, потому что еще не существовали ханства с такими названиями.

[1] *Аминев Закирьян.* Кто разделил на даруги страну башкир / ЙэшлеК. 2004, 10 янв. Г[

[2] *Акманов И. Г.* Социально-экономическое развитие Башкирии во второе половине XVIII в. Учебное пособие. Уфа: Издание Башгосуниверситета, 1^1' С. 12. *Он же.* Башкирские восстания XVII — начала XVIII в. Уфа: Китап, С. 24.

[3] *Буканова Р. Г.* Города и городское население Башкирии в XVI — XVII вв^ Учебное пособие. Уфа: Башгосуниверситет, 1993. С. 22; *Она же.* Городе крепости юго-востока России в XVIII в. История становления городов территории России. Уфа: Китап, 1997. С. 51.

Более подробно о дорогах повествуется в трех монографиях д Н. Усманова о присоединении Башкирии к Русскому г0Сударству. Опираясь на совместную работу А. Якубовского и Б. Грекова под названием «Золотая Орда и ее падение» (Мм 1941. С. 93), он утверждает, что в Монголии и Золотой Орде две высшие административные должности называли «баскак» и «дарута». Причем оба термина обозначали одно и то же: «давитель». По А. Якубовскому, «Баскак ... есть турецкое соответствие монгольского термина «даруга». Первоначально термин «даруга» обозначал административную должность. «Баскаки» были более известны на Руси периода Золотой Орды, а «даруги» — в Поволжье и Башкирии. Даруги занимались сбором ясака (дани), надзирали за исправным исполнением прочих повинностей подвластными биями. Позднее территории, управляемые даругами, в русских источниках получили название «дороги». Даруги сохранились до образования кантонной системы управления в Башкирии в 1798 г. По его мнению, после распада Золотой Орды на различные ханства термин даруга, означающий только административную должность, в XV—XVI вв. превращается в понятие, означающее административно-территориальную область. В начале XVI в. Казанское ханство, например, делилось на даруги, сохранившиеся и после присоединения его к Русскому государству. С образованием ханств в XV в. Башкирия оказывалась под властью ханов и мурз Ногайской орды, Казанского, позднее и Сибирского ханств. Подчиненные им башкирские земли соответственно назывались Ногайской, Казанской, Сибирской даругами. При этом А. Н. Усмановым ничего не сказано об узкой территории севернее Уфы между Казанской и Сибирской дорогами, получившей впоследствии название Осинской даруги[1].

Таким образом, по А. Н. Усманову, «даруга» — слово монгольское и в период Золотой Орды, превратившись в термин, Начало административную должность, а с образованием ханств в XV—XVI вв. — административно-территориальную АИнИцу.

Уфа. *Урманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Московскому государству. Вам Шг°сиздат, 1949. С. 43 — 46; *Он же.* Добровольное присоединение Рии к Русскому государству. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. С. 46 — 47.

Почти такого же мнения придерживался А. Н. Усманов в одной из серий академического издания по истории СССР за XrV — XV вв., где речь шла о Башкирии указанного периода[1].

В целом отметим, что в предположении А. Н. Усманова есть своя логика. Однако документальными данными о дорогах в период существования татарских ханств исследователи не обладают. Данная концепция привлекательна для читателей, но принять ее невозможно.

Хотя и нет особой определенности в датировке учреждения дорог в Башкирии, мнение авторов «Очерков по истории Башкирской АССР» по данному вопросу можно отнести к XV в., исходя из содержания следующего их предложения: «В названиях башкирских дорог сохранились следы былой раздробленности Башкирии, когда она после распада Золотой Орды была подчинена различным ханствам»[2].

Ахмет-Заки Валиди Тоган в своей книге «История башкир», написанной на турецком языке примерно в 1960-х годах, пришел к мнению, что дороги (он не употребляет термин «даруга», а «юл» — его прямой перевод) образовались в период существования Ногайской Орды. Поскольку считает, что ногайские мурзы господствовали в центре «Дюртюльских (от 4 дороги) башкир», т. е. страна башкир к тому времени делилась на четыре дороги и перечисляет основные племена без их подразделений по дорогам. Однако им нигде не сказано о происхождении названий дорог. Есть только намек на то, что они возникли от направления, от сторон, ближе к которым проживали башкирские племена. В этом усматривается влияние высказывания П. И. Рычкова на этот счет[3].

Авторы (в частности, Ш. Ф. Мухамедьяров) коллективной монографии, где впервые обобщен трехвековой опыт управления окраинами Российской империи, уверены в том, что башкирские земли подразделялись на четыре «дороги», что являлось следствием былой политической раздробленности края, который был расчленен на сферы влияния Казанского, Сибирского ханств и Ногайской Орды. Пять «дорог» " административных единиц в Поволжье были известны «еШ^е

[1] Очерки по истории СССР. XIV-XVВВ. Ч. 2. М., 1953. С. 437.
[2] ОИБ. Т. 1.4. 1.Уфа, 1956. С. 82-83.
[3] *Zeki Velidi Todan.* BasKurtlarin Tarihi. Апкага, 2003.

со времен ханства» (Казанского)[1]. Ю. С. Бикбов (1847—1922) **Р** статье «Башкурды», опубликованной в 1899 г. и переизданной в 2002 г., выступает сторонником образования дорог «по принятии русского подданства». (Ядкяр. 2002. № 3. С. 68).

Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова, несмотря на то, что опираются на сведения П. И. Рычкова, не совсем конкретно определяют время образования дорог. В частности, они подчеркивают, что «после присоединения к России территория Башкортостана была разделена на четыре области, названные даругами»[2]. Как видно, «после» — это середина XVI или конец века, или начало XVII — не совсем ясно, хотя их источник четко указывает дату возникновения дорог — «с того времени», то есть с основания Уфы в 1574 г.

В. В. Трепавлов говорит о раннем учреждении дарути. Он считает, что уфимские краеведы второй половины XIX в. Р. Г. Игнатьев и Н. А. Гурвич довольно уверенно назвали 1575 год временем деления Башкирии на дарути, что эта дата — реальная. Скорее всего, пишет он, это произошло одновременно с основанием локального административного центра в Уфе в 1574 г., когда Московские власти решились произвести и районирование новоприобретенных территорий на Южном Урале[3]. Однако целиком и полностью довериться словам одного из двух авторов, на которых ссылается В. В. Трепавлов, дело — весьма рискованное. Поскольку в утверждениях Р. Г. Игнатьева имеется много неточностей, особенно по части датировки. Например, на той же странице, где речь идет о Даругах, говорится о протесте ногайцев против строительства г, Уфы в 1576 г., которое, однако, в действительности произошло ровно через 10 лет; или о постройке Мензелинского °строга в 1584 г., что вообще не соответствует действительности; или о возведении г. Уфы в 1574 г. вместо 1586 г.; или 0 первом легендарном воеводе Иване Нагом вместо реального

си ^аЧ^иональные окраины Российской империи: становление и развитие стемы управления. Отв. редакторы С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М.: ^вянский мир, 1998. С. 16, 39.
вп» ^аж^итов *Н. А., Султанова А. Н.* История Башкортостана с древнейших ^емен до XVI в. Уфа, 1994. С. 323.
^Ког *Р^епавлов В. В.* Ногаи в Башкирии. XV — XVI вв. Княжеские роды ногай-Вац.°пР°исхождения / Материалы и исследования по истории и этнологии ЩКоРтостана. Уфа, 1997. С. 7.

Михаила Нагого и другие[1]. Но в целом, В. В. Трепавлов верно рассуждает о мотивах учреждения дорог, связав его, главным образом, с основанием Уфы.

В середине XVIII в. П. И. Рычков сравнительно правильно: решил вопрос о дорогах, хотя придерживался иной хронологии. Вот его слова: «С того времени (т. е. с построения Уфы в 1574 г., по его мнению. — *А. А.)* Уфимский уезд или паче вся Башкирь (т. е. Башкирия. — *А. А.)* разделена на четыре дороги, именованные по сему: к Сибири лежащая сторона названа Сибирская дорога, к Казани — Казанская, к пригороду Осе (кой построен на Каме реке) — Осинская, а к степным народам прозвана Ногайскою, которые наименования в рассуждении всей Башкирии и поныне наблюдаются»[2]. Гораздо позже своей неопубликованной работе 30-е годы XVII в. он ошибочн признал временем образования дорог.

Казанский историк В. Н. Витевский также справедлив высказал свое мнение о том, что «С построением Уфы (по ег" же утверждению, в 1586 г. — *А. А.)* башкиры были разделен^ на четыре главные части, называвшиеся дорогами»[3].

Ссылаясь на вышеупомянутую неизданную работ- П. И. Рычкова под названием «Известия о начале и о состояни- Оренбургской комиссии...», где речь идет об учреждени административных дорог после известного события около Уф: с сибирскими кучумовичами в 1635 г., Ф. А. Шакурова склони" к мысли об их позднем происхождении. Хотя по Рычков время образования дорог «после события 1635 г.», Шакурова же подправляет его — факт такой имел место с XVII в.[4] Однако дороги были известны еще в конце XVI в. Об этом свидетельствует шежере четырех родов, где сказано, что «по принятии в подданство башкирские бий жалованы тарханами и для размежевания земель в Ногайские и Сибирские дороги посланы перепищики...»[5]. Возражая П. И. Рычкову, можно

[1] *Игнатьев Р. Г.* Хроника достопамятных событий Уфимской губернии / Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. Отд. II. С. IV

[2] *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 52; *Оп же.* История Оренбургская. Уфа, 2001. С. 54.

[3] *Витевский В. Н.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. Казань, 1891. С. 105.

[4] *Шакурова Ф. А.* Башкирская волость и община в середине XVIII • первой половине XIX века. Уфа, 1992. С. 51, 53, 54.

[5] ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 432-а. Л. 18.

Привести также архивные данные. Еще в 1622 г. в Уфимском уезде упомянута Ногайская дорога[1].

Утверждение Шакуровой о том, что во второй половине XVIII в. деление на дороги распространялось только на Уфимскую провинцию, противоречит фактам. За 1759, 1773 я другие годы упоминается Сибирская дорога Исетской провинции[2].

Документальных и фольклорных материалов, подтверждающих функционирование административных дорог — областей в Золотой Орде (XIII—XIV вв.) — в Казанском, Сибирском ханствах или в Ногайской Орде (XV—XVI вв.), возникших на золотоордынских развалинах, до настоящего времени в руках историков нет. Поэтому это обстоятельство породило немало предположений о времени образования административно-территориальных дорог, как в Башкирии, так и в Казанском ханстве, о которых говорилось выше.

Во всех вышеперечисленных ханствах дороги, как административные единицы, по опубликованным источникам не прослеживаются. Под этим названием были известны только должностные лица.

А это, в свою очередь, наталкивает на мысль, что названия дорог на самом деле возникли не от самоназвания ханств, а от мест или сторон, куда ближе всего расселялись башкирские племена и роды, названные с присоединением к Русскому государству волостями. Дорога на востоке Башкирии, прилегающая к Сибирской стороне наименовалась Сибирской, к г. Казани — Казанской, к Осинской слободе — Осинской и к южным степям — Ногайской. Это — версия П. И. Рычкова и она более приемлема.

В эти стороны — края — шли и пути сообщения — дороги, Которые к началу XVII в. «одновременно начинают иметь Административный смысл» (И. П. Ермолаев). Похоже, что Административные дороги, как в Казанском уезде, так и в фимском возникли одновременно.

Административные дороги были образованы вслед за ^гроительством Уфы в 1586 г. и учреждением одноименного Да с центром во вновь основанном городе. Дороги могли

[1] РГАДА ф. 1173. Оп. 1. Д. 381 и др.

[2] МИБ. Т. 4. Ч. 2. М., 1956. С. 24. 130 и др.

появиться одновременно. Вместе с тем одна из четырех сторон — Осинская — еще не была известна никому. Лишь в 90-'-годах XVI в. (1591 г. История Уфы. Уфа, 1976. С. 161.) на речк Осе, притоке Камы, была воздвигнута Никольская слобода, чуть позже переименованная в Осинскую[1]. Вокруг Осы, к юго востоку от нее проживали башкиры Тайнинской, Таныпской Уранской и других волостей. Исходя из этого можн заключить, что только в конце XVI — начале XVII вв. стали функционировать Казанская, Ногайская, Сибирская и Осинская дороги, известные в истории Башкирии до 1798 г. Доказательством того, что именно в то время возникал дороги, являются первые сведения из названного выше шежере башкир четырех родов с упоминанием двух — Ногайской и Сибирской — дорог и дата 1622 г., в котором (т. е. шежере говорится о том же.

В XVII в. наряду с Ногайской и Казанской дорогами документах, исходящих от уфимских воевод, нередко ветре чаются «Икские», «Ицкие», «Ыцкие», «Нытские» волост состоящие из группы башкирских волостей, приравненной «дорогам». 11 ноября 1663 г. Уфимский воевода А. М. Волконский обратился к башкирам «Уфимского уезда Казанской и Ногайской дорог Нитских волостей», чтобы они прекратили вооруженные выступления и приезжали с повинной в Уфу[2]. При этом воевода называет упомянутые административные единицы как «всех трех дорог всех волостей» т. е. в числе перечисленных дорог оказались «Икские волости», как одна из дорог. Или «башкиры, большие и малые, Итских волостей и Казанской дороги» (24 ноября 1663 г. память того же воеводы восставшим башкирам)[3]; «Башкирцы Итских волостей и Казанской дороги (5 февраля 1664 г. Память того же воеводы башкирам Казанской дороги Икских волостей)[4]; тот же самый воевода, обращаясь в феврале 1664 г. к башкирам Кипчакской волости Ногайской дороги в связи с возвращением в Уфу из Москвы посланцев-челобитчиков, писал, чтобы к башкирам «Ицких волостей и в Казанскую, и в Осинскую, и в Сибирскую дороги посылали своих людей с тем, чтобы они также

[1] *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. 8. С. 135— 138.
[2] МИБ. Ч. 1. С. 164.
[3] Там же. С. 176.
[4] Там же. С. 181.

обратились бы к царю со своими просьбами[1]; «Ногайской и Казанской дорог и Итцких волостей (1 марта 1664 г.)[2]; «аманаты во 12-ти человек з дороги и с Ытских волостей»[3]. В «Росписи аманатам за март 1664 г.» в Мензелинске и Уфе видно, что заложники Казанской и Ногайской дорог, а также «Ицких волостей» показаны особо, в отдельности. По всему видно, что Икские волости, состоящие из 9—10 башкирских волостей, выделенных из Казанской дороги, выступали в общественной жизни наряду с четырьмя дорогами вполне самостоятельно, как бы пятой «дорогой» в Башкирии. Время появления этой административной единицы, однако, нам неизвестно, но в документах сборника «Материалы по истории Башкирской АССР», она до 1660-х годов не встречается. Следовательно, эту дату можно взять за время возникновения «Икских волостей». В «Росписи аманатам» за март 1664 г. перечисляются волости, входившие в состав «Икских волостей», которые отдавали заложников. Среди них упоминаются следующие: Айская, Бурзянская, Еланская, Кипчакская, Минская, Сенирянская, Тамьянская, Табынская, Юрминская. Более конкретные сведения о составе «Икских волостей» и их месторасположении можно найти в «Реэстре башкирским волостям с описанием», составленном в Уфимской провинциальной канцелярии в 1730 г. Правда, там не выделены «Икские волости», а перечисляются волости, относящиеся к Казанской дороге. Икскими называют волости, расположенные по обоим берегам Ика и ее притоков. Исходя из этого, можно называть волости, входившие когда-то в группу волостей под названием Икских. Вот они: 1) «волость Сарыш-Кипчакская по Ику и Сюне, большие степи, а леса дубровные, а черных лесов малое число; 2) волость Тамьянская по Ику ж; 3) волость Ирехтинская по Ику; 4) волость Тингаурская по Ику; 5) волость Бурзянская по Ику; 6) волость Кипчакская по Ику и Сюне; 7) волость Айская по Ику; 8) волость Курпечь-Табынская по Ику; 9) волость Сенирянская по Ику; 10) волость Табынская по Ику, а Живут в вышеозначенных волостях на сей Казанской дороге и башкирцы разных дорог и волостей; волость Тайнинская по ^К У! волость Янейская (Еней) по Ику и по Белым рекам и по ака мью, леса и степи; Тышкы-Иланская в Базинских и в

'МИБ. Ч. 1. С. 183.
з Там же. С. 188.
Там же. С. 189.

Ыцких вершинах; Иланская, обе в одних урочищах»[1]. За 1664—1730 гг. с бассейна р. Ик исчезли Минские волости (2 — 3). Почему-то была пропущена Юрминская волость, упомянутая в 1660-х годах, хотя и после 1730 г. она ещё существовала[2]. По 5-й ревизии 1795 г. видно, что к этому времени исчезли все «Икские волости», кроме Ирехтинской, Минской (Сарали-Минская), Енейской, Иланской (Тышкы-і Кыр-Иланская, Иланская), Юрминской волостей[3]. К *14* ревизии 1816 г. и в последующем сохранились из «Икск-волостей» все вышеупомянутые Ирехтинская, Саралиминская, Юрминская, Енейская, Иланская волости[4].

С карты бассейна р. Ик исчезли, в основном и главным образом, те из волостей, кроме Ирехтинской и Сарали-Минской, которые одного и того же названия низших территориальных образований имелись на территории других трех дорог. В самом деле, в Ногайской дороге находились одноименные волости с волостями «Икских волостей», имевшими генетические связи с первыми. Перечислим их: по Белой — Сарыш-Кипчакская; по Белой же и Нутушу — Тамьянская; по Белой же и Сакмаре - Тангаурская; по Белой же, двум Икам и другим рекам - Бурзянская; по Белой же, Икам - Мендему-Кипчакская; по Белой же, Инзеру, Зилиму - Курпечь-Табынская; в Сибирской дороге: Айская - по р. за Уралом; Сенирянская - за Уралом; Табынская - в верховьях р. Белой и Яика-Урала; в Осинской дороге - Ирехтинская, по Таныпу; Тайнинская - по р. Тулве[5]. Судьба «Икских волостей», как административной единицы, была короткой - с 60-х до 90-х годов XVII в., хотя волости, некогда входивши* в их состав, в тех краях еще долго сохранялись.

Представляет интерес и выяснение общей площади территории всех дорог Башкирии, вернее Исторической Башкирии. В конце XVIII в. башкирский народ проживал на территории 22 уездов четырех губерний (12 уездов Оренбургской, 5 уездов Пермской, 2 уезда Вятской, 3 уезда Саратовской губерний). Впервые Н. Ф. Демидова указала **ее**

[1] МИБ. **Ч. 1.** С. 137.
[2] Там же. С. 315, 339, 357 и др.
[3] Западные башкиры по переписям 1795— 1917 гг Уфа 2001 С 70 — **78.**
[4] Там же. С. 85-107.
[5] МИБ. Ч. 1.С. 135-137.

площадь в 30 млн десятин[1]. Затем У. Х. Рахматуллиным по итогам Генерального межевания земель в 1797—1824 гг. по 15 уездам она определена в 33,58 млн дес. (или 366,8 тыс. км^2)[2].

Размеры вотчинных владений башкир, без указания источника или литературы (но по всему видно, что эти данные принадлежат предыдущему автору), по Н. М. Кулбахтину, составляли около 35 млн десятин или более 336 тыс. км^2.[3] В эту цифру включены размеры земель всех форм только 15 уездов. Сюда не вошли земли 7 уездов: Мензелинского, Белебеевского уездов Оренбургской губернии, Екатеринбургского (2 млн 308 тыс. дес), Пермского (10 619 дес.) уездов Пермской губернии, а также земли самаро-саратовских башкир, проживающих на территории трех уездов Саратовской губернии[4]. Учитывая территории 7 уездов, определенно можно сказать, что размеры площади Исторической Башкирии доходили до 39-40 млн десятин. Из-за вселения на башкирскую землю представителей других народов и колонизации разных форм она постепенно сокращалась. Из этого общего количества всей некогда башкирской земли в руках башкир-вотчинников и их припущенников к 30-м годам XIX в. осталось 17 млн дес. угодий[5], а к 1917 г. — 7 млн дес.

Дороги состояли из башкирских волостей. По реестру волостей, составленному в Уфимской провинциальной канцелярии в 1730 г., каждая из дорог включала следующие низшие административные единицы. В *Ногайской* дороге находились 15 волостей: Минская, Курпечь-Табынская («Табынска тож»), Юрматынская, Катайская, Кипчакская, Бурзянская, Телевская, Сарыш-Кипчакская, Тамьянская, Шуранская («за Уралом»), Усерганская, Тангаурская, Бекатинская («за Уралом»), Кара-Табынская, Кубеляк-Табынская. *Сибирская* дорога включала 17 волостей: Кудейскую, Таныпскую, Кущинскую, Балыкчинскую, Елдякскую («по Уфе реке»), Айскую («по Аю и

[1] *Демидова Н. Ф.* Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в ~ XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, С. 265.
[2] *Рахматуллин У. Х.* Население Башкирии в XVII - XVIII вв. М., 1988. С. 27.
[3] *Кулбахтин Н. М.* Горнозаводская промышленность в Башкортостане. **Уфа, 2000. С. 27.**
[5] **РГАДА. ф. 1355. Оп. 1.Д.** 929, 1093-1094, 1120, 1879 и др.
Аманов А. И. Земельная политика царского правительства в Башкирии Рая половина XVI - начало XX в.) Уфа, 2002. С. 170, 175-198.

за Уралом»), Мекетинскую («за Уралом»), Бала-Катайскую («по обе стороны Урала»), Селжеутскую («за Уралом»), Бекатинскую («за Уралом»), Сенирянскую («за Уралом»), Кувакинскую («в Айских и в Ерезинских вершинах» и за Уралом»), Кара-Табынскую («в Вельских и в Яицких вершинах»), Бучкурскую («за Уралом»), Табынскую («в тех же местах, где' и Кара-Табынская»), Унларскую, Сызгинскую («за Уралом по Миясу», «по Уфе реке»). *Казанская* дорога объединяла 22 следующие волости: Сарыш-Кипчакская («по Ику и Сюне»), Тамьянская, Ирехтинская, Тангаурская, Бурзянская, Кипчакская («по Ику и по Сюне»), Айская («по Ику»), Курпечь-Табынская («по Ику), Сенирянская («по Ику»), Табынская («по Ику»), Каршинская, Дуванейская, Шамшадинская, Ички-Еланская, Гарейская, Елдякская («по Куяшу»), Енейская, Тышкы-Еланская («в Базинских и в Ыцких вершинах»), Еланская («обе в одних урочищах»), Киргизская («по Сюне и другим речкам»), Байлярская («по Каме, по Ижу, по Мензеле»), Тайнинская («по Ику»). К *Осинской* дороге относились 4 волости: Тазларская, Уранская, Тайнинская («по Тулве»), Ирехтинская («около Танынпу»). Пропущены Булярская, Юрминская волости. Итого 58 волостей. Следует подчеркнуть, что здесь перечислены, в основном, материнские волости и некоторые дочерние (Ички-Эске, Тышкы-Еланские, Сарыш-Кипчакская, Курпечь-Табынская, Бала-Катайская и др.)[1]. Еще в XVII в. материнские волости распадались на дочерние. Например, к 1730-м годам самостоятельно функционировали 12 минских волостей, отпочкованных от материнской еще в 1661 г. Несмотря на это (в данном случае и в последующем[2]) до XIX в. указывались только материнские волости.

Цель учреждения административно-территориальных дорог — облегчить управление огромным по территории Уфимским уездом и сбор ясака с неподатного населения, т. е. с рядовых башкир.

В опубликованных источниках и литературе отсутствуют какие-либо сведения об управителях дорогами — наместниках. В самом деле с конца XVI - начала XVII в. до конца 30-х годов XVIII в. их не было*.

[1] МИБ. Ч. 1. С. 135- 137.
[2] *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 55 — 59.
* По А. Н Усманову, волости и дороги управлялись самими башкирами.

В 1736 г. В. Н. Татищевым был предложен проект о назначении на четыре дороги по одному воеводе, определив одного из них старшим[1]. (Проект этот не был осуществлен.) Попытка назначить наместников-полковников с 1739 по *U42* гг. закончилась неудачей, тогда на каждую дорогу администратором Комиссии башкирских дел Соймоновым было определено по одному главному старшине. Тем не менее в последующее время до конца века бывшие главные старшины продолжали именоваться этим же званием. Среди них видную роль в социально-политической жизни башкирского общества играли Алибай Мурзагулов (Кулили-Минская волость), Кидрас Муллакаев (Кара-Табынская волость, информатор первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук П. И. Рычкова) и другие.

Исходя из того, что Соймоновым были назначены главные старшины дорог, то и вполне уверенно можно утверждать, что и сами дороги в Уфимском уезде могли быть образованы одним из уфимских воевод. Прежде всего Михаилом Нагим, который воеводствовал в г. Уфе со дня его основания в 1586 г., затем и в 1592, 1594 - 1602 и в последующих годах.

Многие авторы уверены, что дороги существовали до конца XVIII в. В этом они правы. Но в литературе встречаются и отдельные уточнения. В частности, Н. Ф. Демидова считает, что административная единица «даруга» была ликвидирована до 1782 г. и введено было деление Уфимского наместничества на уезды[2]. Однако дороги были известны не только в 60-х годах XVIII века, но и в 90-х[3]. Причем в официальных документах одновременно назывались наименования и уезда («округи») и Дороги. Наример, «Бирской округи (т. е. уезда) Сибирской Дороги Су-Танынпской волости» (1788 г.); или «Уфимского наместничества при дорогах Казанской, Осинской, Ногайской и Сибирской в разных округах» (1793 г.)[4].

Кантонная реформа 1798 г. положила конец функционированию дорог, о чем писал еще А. Н. Усманов. В самом деле, с того времени в прошениях башкир указывались губерния,

' МИБ. Т. 6. Уфа, 2002, С. 231-232.
[2] Очерки истории СССР второй половины XVIII в. М., 1956. С. 658.
[3] МИБ. Т. 5. М., 1960. С. 125, 157, 294, 295, 567 и др.
Там же. С. 230, 567.

уезд, номера башкирских кантонов и юрт (команд). В последующем в документах ни разу не упоминались дороги.

Таким образом, создание административных дорог непосредственно связано со строительством г. Уфы в 1586 г. и образованием Уфимского уезда, объединившего всю Историческую Башкирию, а их ликвидация - с кантонной реформой конца XVIII в.

Я

§6. ОБЯЗАННОСТИ ГЛАВНЫХ СТАРШИН ДОРОГ

В исторической литературе отсутствует какое-либо исследование о компетенциях старшин разных уровней. Лишь в общих работах им уделяется два-три предложения. В одной из таких работ говорится о главных старшинах — главах объединенных волостей, а не административных дорог.[1] Авторы «Очерков по истории Башкирской АССР» сомневались в существовании главных старшин дорог.[2] В «Истории Башкортостана с древнейших времен до 60-годов XIX в.» указывается даже конкретная дата назначения главных старшин четырех дорог в 1741 г.[3] В другой коллективной монографии невозможно найти ни одного слова о главных старшинах дорог[4]. В монографии И. М. Гвоздиковой об истории движения Е. И. Пугачева на территории Башкирии упоминаются главные старшины дорог, назначенные волевым решением губернаторов после официальной отмены этой должности[5]. В целом, институт главных старшин продолжает оставаться вне поля зрения исследователей, что можно объяснить лишь отсутствием опубликованных и выявленных источников.

Сразу же отметим, что до конца 1730-х годов история Башкирии не знала термина «главный старшина». Административные дороги (Казанская, Ногайская, Сибирская И

[1] *Чулошников А. П.* Восстание 1755 года в Башкирии. М; Л , 1940 С. 20, 24, 27,32.

[2] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1.4. 1. Уфа, 1956. С. 129.

[3] История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. С. 230.

[4] История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1 С. 205.

[5] *Гвоздикова И. М.* Башкортостан накануне и в годы крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999. С. 188.

Осинская), на которые делилась Башкирия, просуществовали о 1782 (1798) г. Каждая из них состояла из определенного количества башкирских волостей. При этом дороги никогда не имели старост - старшин или других начальников.

Ввиду «размножения» выборных старшин волостей В Н. Татищев рекомендовал уменьшить их количество, а преданным из них дать «преимусчество». Для этого в феврале - марте 1739 г. он же предложил ввести должность полковников административных дорог. Избранных обществом полковников по аттестации воевод могли «производить губернаторы или «главную команду имеюсчий». Помощникам таких полковников предполагалось определить писарей, хорунжих, сотников, есаулов. Количество полковников - глав дорог не должно было превышать 7 человек. Из них предусматривалось для Уфимской провинции 4, Зауральской - 2 и для Оренбургской - 1 полковник. Татищев называл и некоторые конкретные имена кандидатов на эту должность: «достойнейшие Алдар - тархан (Исекеев, старшина Бурзянской волости), Таймас - тархан (Шаимов, старшина Кара-Табынской волости), Шарып (Мряков, старшина Каршинской волости), Ахмер - мулла (Асанов, старшина Ельдякской волости), Козяш (Рахмангулов, старшина Кущинской и Упейской волостей[1]. Над мещерякским населением им же был «зделан полковником» Девай (Деваев, мишарский старшина Сибирской дороги). Однако предложенные Татищевым должности полностью не были введены. При каждом старшине назначался писарь из мишарей, в некоторых волостях выбраны есаулы. Вместо полковников начальник Комиссии башкирских дел в 1737 - 1741 гг. генерал-майор Л. Я. Соймонов определил главных старшин в указанном Татищевым вышеперечисленном составе, т. е. все 7 главных старшин выполняли свою должность. Институт полковников, вернее, главных старшин, был порожден чрезвычайной ситуацией — восстанием башкир в 1735-1740 гг. С наступлением мирного времени — «покоя и порядка», по словам И. И. Неплюева, обнаружилось, что контроль главных старшин над волостными старшинами по административным дорогам был крайне недостаточным из-за обширности их территорий. Неплюев признал, что в то время, когда «за непорядки» в волостях и

[1] МИБ. Т. 6. С. 600 - 601.

дорогах отвечали только 7 главных старшин, «отягощая изнуряя себя», волостные старшины оставались безучас ными созерцателями. При таких условиях, естественно, по словам будущего оренбургского губернатора Неплюева, «порядка между народом добраго установить и содержать невозможно». Чтобы не было «повода к лакомству и своевольству» и повысить ответственность за состояние волости, в феврале 1743 г. Неплюев с уфимским вице-губернатором П. Д. Аксаковым решили переподчинить волостных старшин от власти главных старшин в зависимости от их места жительства «в ведомство Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий». Всем главным старшинам, отрешенным от должности, все же сохранили их почетное наименование по следующим мотивам: «как они старшими названы, так старше всех и предпочитаемы будут, ис чего им не токмо никакой обиды нет, но и еще и та польза, что честь неотъемлема»[1]. Они становились волостными старшинами каждый в своей волости и «за неисправности и непорядки» были ответственны сами. Одним словом, 31 января 1743 г. институт главных старшин был отменен. Однако в последующее время губернаторы явочным порядком назначали главными старшинами дорог широко известных в общественной жизни башкир и мишарей людей. В 1760-х годах Кидрас Муллакаев, старшина Кара-Табынской волости, губернатором А. А. Путятиным был назначен главным старшиной Ногайской дороги. Во время Семилетней войны в 1756— 1763 гг. он возглавил двухтысячную башкирскую команду[2]. Во второй половине XVIII в. старшина Крыкуле-Минской волости Алибай Мурзагулов был главным старшиной Ногайской дороги. Из деревни Чукурово Ирехтинской волости Шарип Кийков был известен как главный старшина Осинской дороги[3].

Главные старшины имелись и у мишарей. «Мещерякским полковником» прозвали Муслюма Кудайбердина[4]. В 1760-х годах в Казанской дороге главными старшинами были его сын Аликей Муслюмов и мишар Мендей Тупеев, затем ставший почтовым комиссаром.

[1] МИБ. Т. 3. С. 515.
[2] *Гвоздикова И. М.* Указ. соч. С. 188.
[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. С. 188.
[4] МИБ. Т. 6. С. 96, 97.

Наказ главному старшине Кущинской волости Сибирской дороги от 1739 г. историк А. П. Чулошников[1], считал лишь продолжением того наказа, который был определен из 25 пунктов И. К. Кириловым и М. С. Хрущевым на 2-м мензелинском совещании 21 декабря 1736 г.[2] Мы считаем их разными документами, причем наказ 1739 г. касается, прежде всего, компетенций главных старшин дорог, хотя он дан главному старшине Кущинской волости. Здесь будет уместно отметить, что Козяш Рахмангулов, рекомендованный В. Н. Татищевым полковником Сибирской дороги, в 1739 г. был назначен Д. Я. Соймоновым ее главным старшиной при сохранении ему должности старшины волости. Выходит, что Козяш Рахмангулов одновременно был и главным старшиной своей Кущинской волости, и главным старшиной всей Сибирской дороги. Этим и объясняется название данного документа.

Наказы главных старшин дорог отличаются от таковых для волостных старшин. Подавляющее большинство пунктов инструкции для волостных старшин касалось их административно-полицейских и судебных функций. Это объяснялось началом и продолжением башкирского восстания 1735 — 1740 гг. Наказ же для главного старшины Сибирской дороги в 1739 г., наряду с этими полицейско-судебными обязанностями, сравнительно больше внимания обратил на хозяйственные, торгово-финансовые, земельные, семейно-брачные и религиозные вопросы, а также на башкирско-казахские отношения.

Вкратце охарактеризуем функции главных старшин[3]. К полицейским обязанностям относились пункты наказа под № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 8, 12, 27 28, 29, 33. Старшина, как «верный и истинный е. и. в. подданный раб», о всех происшествиях и состоянии волости и дороги ежемесячно должен доносить Рапортом в провинциальную канцелярию, а также «не жалея Живота своего», «злое и вред» обязан «отвращать и не допущать». За невыполнение приказов виновных для наказания

[1] *Чулошников А. П.* Указ. соч. С. 27.
[2] МИБ. Т. 56. С. 338-342.
[3] Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (далее РГБ. ф. 12 (Паниных). *Рычков П. И.* Экстракт о башкирах. Наказы опубликованы: *Асфандияров А. З., Сулейманов Ф. М.* Новый источник о функциональных обязанностях главных старшин территориальных дорог Башкирии // Ядкяр. 2005. № 5. С. 71-80.

он должен направлять в центр провинции. Несмотря на определение к нему помощников — есаулов, сотников, писарей, пятидесятников, десятников, еженедельно докладывавших о состоянии дел в населенных пунктах, за все отвечал прежде всего сам старшина. Против распространителей «возмутительных слухов» и не доносивших об этом людей он принимал жесткие меры вплоть до ареста и отсылки их в города. Впервые был введен строгий учет количества и передвижения жителей деревень, наложен запрет — не принимать беглых из крестьян, солдат, лошманов*, а также не разрешалось башкирам менять место жительства[1].

К компетенции главных старшин можно отнести и дальнейшее ограничение свободы передвижения населения в том смысле, что поездки в другие волости на 2 — 3 месяца разрешались «по пропускным ярлыкам за печатью старшины лишь по прошениям претендентов; за паспортами ездили в провинциальные города. За просрочку ярлыка или паспорта виновные строго наказывались.

К той же функции, по-видимому, относится и то, что старшины следили за тем, чтобы бывшие бунтари не носили никакого оружия. У виновных отбирались лошади и отдавались доносщикам. Тарханы — бунтари причислялись к рядовым и платили ясак. Между прочим, главные старшины за свою деятельность получали звание тарханов с освобождением от уплаты ясака, как, впрочем, и их помощники — есаулы, сотники и писари, которые имели право носить саблю и оружие.

Обязанности главных старшин в хозяйственной области были более скромные. Они контролировали сделки башкир по продаже и аренде земельных угодий, добиваясь их оформления не устно, а письменно в провинциальных канцеляриях. Во исполнение указа от 11 февраля 1736 г. они должны надзирать над тем, чтобы в башкирских деревнях не было ни кузниц, ни кузнецов, а также запрещать приглашение последних со стороны. Необходимые земледельческие и иные орудия труда башкиры вынуждены были приобретать в ближайших городах, имея для поездки «пашпорты»-

Лошманы - (от нем. laschen - обрубать, обтесывать; mann - человек) 1 заготовители (вырубка, доставка) корабельного леса

[1] МИБ. Т. 6. С. 512.

получаемые от главных старшин. Сюда же можно отнести и меры борьбы против эпизоотических болезней на скот, о чем главный старшина должен был сообщать в провинциальную канцелярию, предварительно объявив карантин с закрытием зараженного района.

Торгово-финансовая функция главных старшин была сравнительно более емкой и содержательной. Они были обязаны «бездоимочно» собирать с башкир ясак, затем отсылать его в Уфу, получать от воевод квитанции; сбор «податей и оброков» с татар, мишарей и чувашей за припуск на башкирские вотчинные земли этим старшинам категорически запрещался «из-за верности их правительству». Они были освобождены от этой повинности в пользу башкир-вотчинников по указу от 11 февраля 1736 г. Купцам, торгующим разрешенными товарами, старшины оказывали всяческое содействие и защиту. Башкирам и купцам запретили торговлю «неуказанными» (неразрешенными) товарами, как-то: оружием, порохом, свинцом, пансырями, саблями, луками со стрелами, копьями, илецкой солью. Собранная деревенскими выборными пошлина с торгов лошадьми отсылалась главным старшиной в город. Следил он и за тем, чтобы никто не брал у башкир подвод без подорожной платы.

Компетенция главных старшин в области суда показана в нескольких пунктах наказа. Разоблаченного в мелкой краже человека публично наказывали плетьми. Пойманных «в малой татьбе» или убийстве под караулом отправляли в город. Всякие ссоры они разбирали со своими помощниками в третейском суде со взиманием по 50 коп. с каждого челобитья. Виновных подвергали телесному наказанию палкой или прутом и держали некоторое время в колодках. Наблюдалось дальнейшее ограничение самоуправления башкир. Главный старшина должен был «смотреть накрепко», чтобы в его и в других командах не было никаких сборищ, «худых согласий и разглашений»; в случае поимки «зачинщиков, то для наказания отсылать их в города». Разрешалось лишь на основе известного указа от 11 февраля 1736 г. проведение всебашкирского шына раз в год и то при присутствии главных старшин, они «накрепко наблюдать, чтоб каких-либо противностей не в Из шло». Во исполнение того же указа они вмешивались и семейно-брачные отношения башкир. Старшины несли всю ет ственность за то, чтобы без челобитья и позволения

казанского губернатора башкиры не заключали брачны союзы с татарами.

Они вмешивались и в религиозные дела. Строить без указа и челобитья мечети и школы запрещалось. Без ведома ахунов и выбора людей претендентов на духовные должности не определяли. Превращение язычников и христиан в мусульман каралось смертной казнью.

Главные старшины могли вмешиваться в башкиро-казахские отношения. Они должны были предотвращать их взаимные набеги: виновных башкир ожидали ссылка и смертная казнь, а набегам казахов организовывали «надлежащий отпор». Без разрешения и «отпускных писем» от старшин запрещалась зимняя охота в степях. В этих письмах указывались имена, место и сроки охоты, а также имена поручителей, отвечавших «за худые дела» обладателей этих документов. Круговая порука — гарантия «тишины и спокойствия» на границе между башкирами и казахами.

Старшины имели право организовывать сбор денег до 50 руб. в год с мужчин для канцелярских расходов, а также для подготовки помощников и обучения юношей русской грамоте.

Таким образом, главные старшины дорог имели широкие полномочия в социально-экономической и социально-политической жизни башкирского общества.

А теперь предлагаем для ознакомления и изучения текст наказа 1739 г.

Наказ данной Сибирской дороги Кусчинской* (Кущинской - •кошсо. - Авт.) волости главному старшине, по которому долженствует он, старшина, с определенными ему товарищи в помянутой волости нижеследующее учинить.

* К Кущинской волости относились башкирские деревни Болыне-Кущинской и Мало-Кущинской волостей. Больше-Кущинская волость Красноуфимского уезда Пермской губернии объединяла деревни Урмекеево, Уфа-Шигари, Азигулово, Биткинино, Тайны (часть жителей из башкир Тайнинской волости Пермской губернии). Рахмангулово (родина главного старшины Сибирской дороги и старшины Кущинской волости Козяша Рахмангулова), Битково, Усть-Баяк, Кояново. Ныне все в составе Свердловской области РФ. В Уфимском уезде: Аюпово, Азикеево, Абдуллино, Бургаджино, Лемез-Тамак, Маржангулово, Мелекесево, Сабанаково, Сулейманово, находящиеся в составе РБ. В КрасноуфимскоМ уезде: Абдрахимово, Айдакаево, Юнусово; все в составе РБ (см.: Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 205-206, 215, 253.)-

1. Вначале ты, старшина, долженствуй быть верным и истинным ее императорского величества (далее — е. и. в.) п0дданным рабом, высочайшего ее императорского величества (далее — в. е. и. в.) интерес по крайней своей возможности предостерегать и что и в пользе или ко вреду того е. и. в. интереса усмотреть должен ты не токмо благовременно доносить, но и всякими мерами о пользе промышлять, а злое и вред по присланной тебе должности отвращать и не допущать и в том живота своего не жалеть, по указам е. и. в. и опредл^енным начальникам во всем быть послушну и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно совести и нижеозначенных пунктов не поступать. Ежели какое тайное дело приказано тебе будет, оное никому не объявлять, но содержать в совершенной тайне и во всем несть себя так, как доброму и верноподанному е. и. в. рабу благопристойно есть и надлежит.

2. Хотя нижеписанные вообще и порознь следует особливо на твою старшинскую должность, однако и определенныя вспоможения твое ясаулы, писари и сотники (л. 67) служа е. и. в-у долженствуют по тому же поступать и тебе делом и советами наиприлежнейше помогать, а ты разсматривая пользу и исполнение указов е. и. в. повинен, советы и предложения их по довольном общем разсуждениям содейство производить, ибо сколько на них, а вдвое на тебе взыскиваться будет (л. 67 об.).

3. Наблюдать тебе всеми образы, чтоб в ведомстве твоем не токмо злых намерений, но и никаких бы противных слов, касающихся до персоны, части и указов е. и. в. между всеми башкирцами не происходило и никто б не дерзал пустыя и возмутительныя слухи произносить, ежели кто в том, кто явится, оных имал под крепкой караул, должен ты отсылать в Го^Роды. А буде кто о сем и о других государственных делах Уведает да не донесет, а после про то свидется, с таковыми Уступлено будет по имеющимся о том е. и. в. указам по состоянию дела.

4. Сколько в помянутой волости подчиненной тебе кирских Деревень, при которых они реках и озерах или очищдх, по скольку в них дворов и жителей, надлежит тебе Ть исправные ведомости на татарском языке, из которых

одни содержать у себя, а другия отослать в провинциальную канцелярию, за которыми ведомствями в подчиненные тебе деревни ни откуда никаких пришлецов какого они звания и веры ни были, без указов не принимать и отнюдь не солгать под жестоким штрафом (л. 67 об.), также и из деревень : деревни по прихотям на житье не переводить и к тому н допущать.

5. Накрепко же смотреть, чтоб в ведомстве твоем беглы солдаты, крестьяне, лошманы и другия им подобныя ни по каким видом пристанища не имели, и ежели кто из таковы появится, тех во всей команде твоей должен ты ловить и отсылать в городы — под таким за неисполнение штрафом наказанием как е. и. в. указами о беглых повелено.

6. Чтоб все предписание тебе ведать и по указам исполнять удобнее было, об оном надлежит тебе во всякой деревне сверх определенных ясаулов, писарей и сотников учредить десятников и пятидесятников, а кого где выберешь в провинциальную канцелярию подать именные списки и велеть им, чтоб каждый повсянедельно к тебе со объявлением присылал о состоянии деревни ведомость: все ль в ней благополучно; не явились какие пришлые, не было ль ссоры, драк и непристойностей, противных указам е. и. в. еженедельные объявлении записывать тебе у себя в книге для всякого известия.

7. Без ведома и, не взяв от тебя пропускных писем, никому в другия волости не ездить, но ежели кто за какою собственною нуждою похочет ехать, то должен явиться у тебя и нужду свою объявить, а тебе прошение его записав и буде он не подозрительной человек, немедленно пропускной ярлык дать за твоею печатью, однако далее как на два или на три месяца не отпущать, ежели же кто отпущенной на такой срок больше проживет, о таких писать в ту волость, куда, кто отпустится, чтоб его выслали и у себя не держали, а как (л. 68) вышлют, то за просрочку наказывать, чтоб другия за сроками жить не дерзали, буде ж по таким письмам высылать не будет, а тому тебе писать в канцелярию, куда поблизости способные истребовать указа, а ежели кто похочет ехать в российский городы за каким-либо делом, оных для требования пашпортов отпущать в провинцию, а без того отнють не уволивать.

8. Всем тем башкирцам, кои в бунте были, ружья иметь и с ним ездить яко с фузеями*, пищальми** и тому подобном также в сайдаках*** и с копьями послать имянного е. и. в. указа, состоявшегося февраля 11-го дня 1736 года, всячески запретить, а ежели кто в том пойман будет, то оное от них отбирать и отсылать тебе в городы, а кто такого поймает, тому дается лошадь пойманного, однако, дальния зауральския башкирцы из сего выключаются, ибо они часто принуждены обороняться от киргиз-кайсаков****, токмо смотреть, чтоб те дальния также и доброжелательныя башкирцы бунтовавшим ружьем отнюдь не ссужали б.

9. Ежели кто из подвластных твоей волости меж собою поссорится и будет просить в своих обидах, во оном позволяется тебе с товарищи твоими разводить третейским судом***** без всякого пристрастия вправду и за такой суд с каждого челобитья имать против прежних определений по полтине и посылать в городы, куда поблизости способнее с показанием с кого и за что взято, сверх сего позволяется виноватого при собрании наказывать плетьми батожьем****** и держанием несколько времени в колодках*******.

10. Кто в краже и хахьбе******** впервые пойман или изобличен будет и украденное явится не дороже пятидесяти копеек, таких за первый раз наказывать тебе при собрании (л. 68 об) многих башкирцев плетьми нещадно и отдавать на поруки, чтоб впредь не воровать, но ежели на поруки никто не возьмет, то таких, наказав у себя, отсылать в город к надлежащим по указам е. и. в. наказанью.

П. Кто явится хотя в такой же малой татьбе и краже да Другой или в третий раз, таких тако ж и в убийственных делах приличающихся долженствуешь ты, не держав ни мало, отсылать к наказанию в городы, буде ж кто и на первой татьбе

* Фузея — ружье.

** Пищаль — старинное огнестрельное ружье.

*** Сайдак — саадак (тюрк.) — лук в налучье; колчан со стрелами.

**** Киргиз-кайсак, т. е. казах.

***** Третейский суд — разбирал мелкие дела, споры. Происходит от тии, третейский, т. е. незаинтересованная в конфликте сторона.

****** Батог — прут для телесных наказаний.

******* Колодки — деревянное приспособление, надевавшееся в ста- арестантам для предупреждения побега.

* Татьба — воровство.

или краже пойман будет да украденное явится свыш пятидесяти копеек, тех не отпускать, но отсылать за карауд в городы к наказанию, ибо без того воров перевесть будет невозможно.

12. Смотреть накрепко, дабы в команде твоей никаких скопов* и худых согласей и разглашений отнюдь бы не было, но чтоб все тихо и спокойно было, ежели же усмотреть или кто доносить будет о каких-либо худых намерениях и скопах, то зачинщиков, ловя, тотчас при доношениях своих в городы отсылать, и сие не токмо тебе в своей команде надлежит исполнять по присяжной твоей должности, но и в других командах не чинится, где таких зломысленных скопов и намерений выведать и доносить, не продолжая времени нимало под жесточайшим за неисполнением по сему наказанием, а для всяких мирских дел и советов позволяется по старинному обыкновению в одно место о семик съезжаться в год один раз и тогда о нуждах мирских советова и письменно доносить и бить челом (№ 3 — сие по силе указа 1736 г.), однако при тех советах всегда быть тебе с товарищи и накрепко наблюдать, чтоб каких противностей не произошло, чтоб будет взыскано на вас (л. 69).

13. Когда из города пришлется указ о высылке кого в город или за каким-либо другим е. и. в. делом по оному исполнением более трех дней отнюдь не продолжать под опасением за неисполнение жестокого ответа и ссылки.

14. Положенный на башкирцев ясак собирать тебе п присылаемым указам е. и. в. бездоимочно и оной отсылать в Уфу в надлежащее время без малейшего упущения, в приеме же от воевод получать квитанции, а чтоб в том от воевод ни малейшего удержания показано не было, об оном подтверждено наикрепчайшими указами, также и вам подтверждается, чтоб при зборе того ясака никаких обид и напрасных налогов не чинить и ни малейшим взяткам под страхом смерти не касаться.

15. Надлежить, чтоб все между башкирцами зделки И договоры продажи в найме и поступке земель и всяких угодий, чинены были с ведома провинциальной канцелярии и для того между собою крепостей и письменных их договоров не

* Скоп — сборище.

утверждать, но ездить за тем в ближайшие городы и бить челом, чтоб такие договоры в постановлениях тверже и надежнее были.

16. Всех тех тарханов*, которые к бунту приличились, тарханами не почитать, но взыскивать с них ясак также как и с прочих башкирцов и от всех их пред рядовыми преимущества по силе состоявшего о таковых именнаго е. и. в. указу от 26 августа 1739 году за причиненныя от них злодейства отрешить и напротив того доброжелательным тарханам, кои во время бывшаго замешания службу свою верно отправляли, ни в малейшем /л. 69 об./ не озлоблении, но показывать им всякия благодеяния и удовольствии.

17. Без ведома определенных ахунов** и без выбору мирских людей в абызы*** и в другия духовныя ваши чины определить накрепко запрещается, а тех, которые до ныне имеются, велеть освидетельствовать ахуном, достойны ль, и добрыя ль они люди и оном они ахуны также и жители во удостоинстве подпишутся, тех оставить, а которых так не одобрят, отрешить и в мечетях действовать не допущать, таким же образом и на место умерших производить, а об ахунах подавать мирския челобитныя в губернии с показанием какой кто природы по силе указа 1736 г. и чему обучился, а без того их отнюдь не определять, также и мечетей и школ без указу и, не бив челом, вновь не строить.

18. И с других вер какого б звания оныя не были, в магометанской закон не приводить (указ 1736 г.) и не обрезывать под опасением за неисполнение по сему тяжкого ответа и смертной казни.

19. С казанскими татарами башкирцам в сватовствы без челобитья и без позволения казанского губернатора не вступать, а кто похочет, в том просить у оного губернатора, которому состоявшим о том в 1736 году февраля 11 е. и. в. именным указом повелено с каждой свадьбы брать по лошади Драгунской, а кто без позволения женится, таких велено Шт рафовать и вам накрепко смотреть, чтоб тому е. и. в. указу

* Тарханы — высший социальный слой башкирского общества до Редины XVIII в. Были потомственные и личные тарханы.

** **Ахун** — до открытия в Уфе в 1789 г. Оренбургского магометанского НОГО с брания во главе с муфтием — высшая духовная должность.

*** Абыз — грамотный человек; в данном случае мулла.

в команде твоей противнаго чинено не было /л. 70/ Ежели что усмотрется, о том в городех доносить, а буде то учините за твоим неусмотрением или ты ... не донесешь, за тяжк постраждешь.

20. Во всех подчиненных тебе деревнях кузнецов и кузни не иметь, и из городов кузнецов же и насекальщиков (одни~ словом никаких пришлецов) отнюдь не принимать и н держать, а кому потребено будут сошняки, конская збруя таковых для покупки и для оного отпущать в ближайши городы, давая им от себя пашпорты.

21. Накрепко ж надлежит смотреть и того, чтоб в ведомств твоем без выписных товаров как русския, так и всякого зван купцы не имели и ... не торговали, ежели усмотрится, что кто либо приедит торговать, учинет неявленным и без выписным товаром, таковых, ловя, отсылать тебе в городы к таможням.

22. Еще таким же образом должен ты смотреть, чтоб в ведомстве твоем неуказными товарами как руския, так башкирцы и всякого звания люди не торговали и не меняли, которыя товары те ружья, порох, свинец, пансыри, сабли, луки копья и стрелы, к тому ж пристается и Илецкая соль, коею башкирцы с российскими людьми и между собою торговать не должны под опасением за все преднаписанное штрафа как е. и. в. указ повелевает.

23. Когда кто ис купцов русской и татарской или другой кто в ведомство твое приедет для покупки лошадей, зверя или иного какого товару, с такого торгу собирать в казну е. и. в. пошлину по особливому /л. 70/ определению провинциальной канцелярии, о котором в ту канцелярию, чтоб тебе сообщено было указом подтверждено, и оныя деньги отсылать в город при доношениях по ... треть, а к таким зборам определить тебе в каждой деревне выборных с мирского совету погодно из надежных людей и без взятья оных пошлин объявленных торгов отнюдь не допущать.

24. Тем купцам, кои с выписьми и с показанным платежом в ведомстве твоем торговать будут, не токмо никаких обид не показывать, но еще всякое надлежащее вспоможение й охранение чинить, а ежели так случится, что заехавший купец заболит и умрет, в таковом случае все его товары, деньги и что и мелочь без утайки переписать, и писать в городы со

объявлением требуя указа, что с тем оставшим учинить поведено будет? И буде при нем люди его будут, то с теми людьми при своем доношении за провожанием ваших людей до первого города отправлять, а за провоз и провожание имать надлежащую плат У-

25. Да и того накрепко ж смотреть, чтоб от приезжавших к вам и проезжих обывателям ведомства твоего обид и налогов не происходило и подвод без подорожных, также и по подорожным излишних ни кто б не имал; ежели же кто какое насилие учинит, об таковых писать в города, однако тебе самому с ними не управлятца, тоже по их прихотям и затем не исполнять, напротив того, когда кто послан по указу е. и. в. и ничего против данного указа не требует и не вымогает оным по силе тех данных им указов чинить все должнейшее исполнение, не показывая ни малейшей противности и задержания под опасением штрафа.

26. С протчем надлежит тебе наблюдать и прилежное /л. 71 / во всех деревнях смотрение иметь, чтоб башкирцы в киргис-кайсацкая орды без ведома провинциальной канцелярии ни под каким видом наипаче ж для воровства и отгону лошадей не ездили, ежели кто в том пойман явится и увидано будет, что учинено с ведома старшинскаго, а хотя и без ведома да за слабым старшинским смотрением, за то на вас старшинах положен будет тягчайший штраф, а те, которые пойманы будут без всякого милосердия за преступление указа сошлется в ссылку, а за грабительство и отгон лошадей без всякого милосердия смертий казнены будут, когда ж киргизцы в Башкирския жилища ворвутся и учнут чинить раззорение, в том случае чинить надлежащий отпор и кто ис киргисцов будет, привозить в городы.

27. На санар* и зяит башкирцам, хотя не запрещается, однако без ведома вашего и без отпускных от вас писем, отнюдь не ездить и наипаче подозрительных людей не отпускать, ежели кто пойман будет в степи и станет сказывать, что ездил за звериною ловлею, а старшинского отпуску не объявит, таковых за первый раз тебе, старшине, наказывать и отсылать при письме к тем старшинам, у кого они в ведомстве, но когда кто в другой и третий раз в такой непозволенной

Санар — зимняя охота.

поездке явится, с теми /л. 71 об./ поступать так, как с преступниками и для того отсылать их в городы.

28. В тех письмах должен ты, старшина, описывать насколько времени, кто и в которыя места, также и для какого промыслу отпущен со обязательством со взятием порук, чтоб будучи на санаре никаких указом е. и. в. противных поступков, убивств и грабительств не чинить и сие для того, ежели кто явится в каких худых делах, то б взыскать на порутчиках и тем бы способом злодейства и воровства пересечь.

29. Еже кто ис подчиненных тебе будет чиниться ослушен или противен и по приказом твоим исполнять не будет, о таковых писать тебе немедленно в провинциальную канцелярию с доказательством, ежели ж что в каком великом деле логурство или ослушность окажет, то тебе онаго несмотря ни на что отсылать в городы, а дабы тебе предписанной волости башкирцы послушны были, о том публиковано особливом указом /л. 72/

30. С татар, мещеряков и чуваш за их верность правительству тебе никаких податей и оброков имать не велеть*.

31. Если появится моровая язва**, то тот район закрыть и сообщить в провинциальную канцелярию /л. 72/

32. За отправление сей положенной на тебе должности е. и. в. указом быть вам в тарханском достоинстве и никаких податей как себя, и так и со определенных к тебе ясаулов, писарей и сотников, даколе сие положенное на вас дело верно и радетельно отправлять будете, в казну е. и. в. требовано не будет и позволяется как тебе, так и определенным с тобою во время службы сабли носить и ружья иметь, сверх сего обнадеживаетесь за верное исправление сего положенного дела в. е. и. в. милостив и награждениями, а в противность за нерадение и оплошность и за непорядочность поступку с подчиненными своими долженствуете ожидать тяжкого ответа и штрафа по вине преступления /л. 73/

33. Что в ведомстве твоем произходить будет, о том о всем репортовать тебе в провинциальную канцелярию или куда особливым указом определено будет повсемесячно, объявляя

За активное участие в подавлении башкирского восстания припущенники на основе указа от 11 февраля 1736 г. освобождались от уплаты оброчных денег за их припуск на башкирские вотчинные земли

** От мор - эпидемия, в данном случае эпизоотия.

именно что все в ведомстве твоем состоит благополучно, гфигпельцов никаких и плутов не явилось и проч., а буде что усмотрится, то обстоятельно отписывать.

34. Понеже по вышеписанным обстоятельствам в порядочном исправлении положенной на тебя должности потребно будет и письменного труда немало того ради на бумагу, на чернила и свечи и на протчия письменныя потребы позволяется с волостных людей с каждого по уравнение собирав на год до пятидесяти рублев и оными все вышеписанныя принадлежности содержать. Также надлежит тебе для себя обучить из молодых робят языку русскому, грамоте, читать и писать человека по два, кои б присылаемыя указом е. и. в. читать и тебе явственно представлять могли и по оным бы надлежащее исполнение по приказом твоим производили /л. 73 об./[1].

П. И. Рычков. Экстракт о башкирском народе / Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (бывшая ГБЛ). Ф. XII (Панины). Л. 67-73 об.

§7.
СУД

С основания г. Уфы в 1586 г. и назначения первого воеводы М. А. Нагого создается воеводский суд. Ему было подсудно все башкирское население. В 1728 г. башкиры четырех дорог писали императору Петру II, что у них «понеже как зачался город Уфа из давних лет всегда был тамо судьею один»[2]. Им был уфимский воевода, который «суд и расправу чинил». Затем уфимских судей стало больше в лице помощников воеводы, именуемых асессорами. Больше стало и волокиты и взяточничества не меньше. Это вызывало недовольство башкир, которые просили, чтобы «на Уфе судьи много не были», так как часто оправдывали виновных, обвиняли правых[3].

Воеводский суд занимался решением, главным образом, земельных споров в волостях и подразделениях — тюбах-

[1] Наказ был известен А. П. Чулошникову, данный текст был выявлен ^инградском архиве. *Чулошников А. П.* Восстание 1755 г. в Башкирии.

[2] МИБ. Т. 3. С. 123.

[3] Там же.

аймаках, а также делами о «смертоубийстве». Например, I при воеводе Д. А. Борятинском в 1645 г., рассмотрев спор земле на очной ставке («очей на очи»), где голосов было *III* истце меньше, а по ответчике болыпи», решил дать ответчи; владенную память на спорную вотчину[1].

По уголовному делу об убийстве предлагалось провес тщательное расследование, по результатам которого «сами убийц или кто пошлет на убийство, одних казнить, а друга сослать в Рогервик, не спуская никому»[2].

Умаление компетентных прав шариатских судов можн наблюдать в следующих требованиях чрезвычайного, можн сказать, управления под названием Оренбургской экспедищ (1743 г.): «в кражах и татьбах кто пойман будет с поличным и без поличного, кого обличать волостные люди, тех старшин и сотникам никуда не отпускать и на шерегат не отдавать, н отсылать и отдавать в города»[3].

Почти до середины 1730-х годов Уфа оставалась еди ственным местом правосудия для башкир. С того времен начинается новая политика царского правительства п упрочению своей позиции во всех областях жизни Башкири От политики невмешательства во внутреннюю жизнь баш кирского общества правительство переходит к болыпи изменениям некоторых условий добровольного подданств башкир к России. В области управления и суда они б весьма ощутимы.

Еще в 1742 г. В. Н. Татищев предлагал разделить башкир п разным судам городов-крепостей, которые следовало б создать якобы по просьбе или в интересах самого местног населения[4]. Спустя много лет, указом от 13 августа 1737 г. поставив цель прекращения восстания, башкирские общин были разделены по разным судам и правлениям путем опре деления «в городок Осу особого воеводу, учредив Исецк провинцию и Красноуфимскую крепость, переводив в Кун пермского воеводу с провинциальным правлением»[5].

[1] РГАДА. ф. 1173. Оп. 1. Д. 905. Л. 8.
[2] МИБ. Т. 3. С. 494.
[3] РО РГБ. Ф. 222 (Панины). Папка Х. Л. 83.
[4] МИБ. Ч. 1. С. 366.
[5] ПСЗ. Т. 10. №7347.

Начальники Оренбургской экспедиции В. Н. Татищев с главой Комиссии башкирских дел Л. Я. Соймоновым определили, чтобы суд и расправу иметь башкирам с мещеряками в вышеуказанных правительством городах[1].

Тенденцию к увеличению количества учреждений карательного типа можно увидеть и в том, что вместо института аманатства предлагалось учредить особый суд для башкир в составе 2 — 3 русских и столько же человек из представителей других народов.

То же самое преследовало неосуществленное тогда решение Сенатского указа от 14 августа 1755 г. о создании особого воеводского правления и суда в Зилаирской крепости с причислением к нему 9 отдаленных зауральских волостей (в основном территория «семиродья». — *А. А.),* перечисленных от Уфимской провинции[2].

П. И. Рычков, который придерживался принципа — «в разделенном корпусе (теле. — *А. А.)* один дух быть уже не может», настоятельно рекомендовал главнокомандующему карательными войсками по подавлению пугачевщины генерал-аншефу графу П. И. Панину учредить Зилаирский дистрикт (т. е. уезд. — *А. А.)* с определением его воеводы или коменданта[3].

По указу Оренбургской губернской канцелярии от 19 октября 1756 г. якобы по прошению старшин четырех дорог было велено приписать ко всем пригородам Уфимской провинции жителей деревень в 30-верстной окружности от мест назначения, чтобы «чинить суд и расправу»[4]. Но башкиры продолжали настаивать, чтобы их судили в одном месте — Уфе. Власти возражали против их желания, поскольку мол Уфа не в состоянии принять и обеспечить ни в каком отношении многочисленных челобитчиков. Тогда башкирские поверенные просили, чтобы их «не таскали по городам и новопостроенным крепостям», а иски посторонних на них — башкир подавались в Уфу[5].

После подавления Крестьянской войны в 1773—1775 гг. Контроль над башкирскими общинами особенно усилился. Был

[1] МИБ. Ч. 1.С. 366.
[2] РГАДА. Ф. 1274 (Панины-Блудовы). Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 17.
[3] РГАДА Ф. 1274. Ед. хр. 211. Л. 17; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 47. А. 220-222.
[4] РО РГБ. Ф. 122 (Панины). Папка Х. Ед. хр. 1. Л. 91.
[5] МИБ. Ч. 1. С. 141 - 142.

создан целый ряд соответствующих учреждений: 1) Рассмотрение мелких судебных дел башкир было поручено Оренбургской пограничной экспедиции. 2) В 1782 г. из рук старшин был изъят суд по мелким уголовным и гражданским делам. 3) Для суда над башкирами и другим нерусским населением были организованы нижние расправы, существовавшие параллельно с такими же расправами для русских крестьян[1].

Собственно для башкир и мещеряков в 1782 г. для суда были организованы четыре нижние расправы: в Уфе, Белебее, Челябе и Оренбурге. «Из лучших людей состояния» 4 башкира и мишаря были назначены заседателями в верхнюю расправу, по 2 заседателя в вышеназванные расправы[2].

Материальные затраты, мытарства, создаваемая чиновниками волокита дорого обходились тем, кто обращался в судебные инстанции. Люди по самым незначительным делам (искам) вынуждены были подавать исковые челобитные (прошения), за что полагалась уплата пошлины. Ее платили и с сыскных. В уездах они нанимали за 2 — 5 руб. рассыльщиков. После возвращения домой и истца и ответчика опять посылали в уезды, где рассматривалось их дело. Потом для рассмотра **их** дела направлялись в воеводскую канцелярию. В случае примирения с каждой стороны брали мировые пошлины. Люди боялись приезжать в города, особенно в Уфу, из-за того, что «за водопой пролобного брали по копейке с лошади». Брали даже с тех, кто в город приезжал только на час. Хватали хозяев лошадей на рынке, а не у водопоя. При этом часто **их** избивали[3]. К тем затратам прибавились взятки.

По ложным долговым крепостям дворяне и другие разоряли башкир «целых волостей». Даже у полицмейстера Жукова имелась долговая крепость на 300 руб., собранных им следующим образом: «брал к себе башкир под суд в полиции», требовал угрозами деньги, якобы ими полученные у него в долг. За это он был осужден, имущество его было распродано с публичного торга[4].

[1] Очерки по истории СССР. Вторая половина XVIII в. М, 1956. С. 658.
[2] РГАДА. Ф. 16. Д. 932. Л. 11 - 12; *Воропанов В. А.* Судебные учреждения как фактор общественной эволюции в Оренбургском крае 1775—1866 гг. Челябинск, 2001. С. 41. Приложения: табл. 1 (с. 282), табл 9
[3] МИБ. Т. 3. С. 491.
[4] Там же. Ч. 1. С. 149.

Злоупотребления воевод — главных судей вызывали постоянные жалобы населения. Бывали случаи смещения с постов воевод. Так, с поста воеводы в 1664 г. был уволен князь д. Н. Волконский, в 1682 г. — князь А. Коркодинов, в 1708 г. — д. ф. Аристов[1].

Чтобы «диких народов» содержать в покорности, «в добром порядке», В. Н. Татищев потребовал от управителей и приказных служителей «от всех взятков от башкир какого б звания не были удержаться и не токмо не требовать, но и доброхотно приносимые не принимать и не чинить им оскорбления»[2].

Одним словом, он попытался идти по стопам своего великого учителя императора Петра I, беспощадно, но безрезультатно боровшегося против этого зла (напомним лишь известное тогда всем признание генерал-прокурора Российской империи П. И. Ягужинского царю: «Мы все воруем, только один более и приметнее, чем другой»).

Одной из форм неудачной попытки в борьбе против взяток следует считать введение жалованья воеводам и приказным служителям, начиная с 1738 г.[3]

Вышеперечисленные новшества в управлении и суде в Башкирии говорят о попытке властей сблизить эти учреждения с российской административной структурой. Таким образом, относительной независимости башкир в области суда постепенно приходит конец.

Наступал XIX век, время пребывания башкир в военном сословии, которое продолжалось до 1865 г. Это было особым периодом в истории народа, противоречивым, мрачным, в то же время героическим. Тогда башкиры испытали все формы Давления: и гражданский суд, и военные комиссии, и суды, и шариатский суд. Обо всем этом ниже.

Если институт стряпчих учреждался для упорядочения башкирских тяжебных дел, то суд был призван поддерживать «порядок» и блюсти законы феодально-крепостнического государства.

Низшие и средние ступени управления во всех казачьих войсках подчинялись в той или иной степени гражданскому Управлению; это относится, в частности, к вопросам судо-

[1] История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. С. 207.
[2] *МИЪ.* Ч. 1.С. 146.
[3] Там же. С. 363.

производства по уголовно-следственным делам, по искам и по выполнению натуральных и денежных земских повинностей. Все виды уголовных преступлений, а также крупные споры и тяжбы о земле в Башкиро-мещерякском войске относились к компетенции гражданского суда. Однако военные власти губернии постепенно, и часто без указа сверху, самолично суживали сферу влияния гражданских властей в области суда.

Если до периода кантонного управления нижние и уездные суды расследовали и решали дела по преступлениям и тяжебным делам, и от них дела эти шли далее для «ревизии» в палаты суда и расправы, а по уголовным делам — на санкцию гражданского губернатора, то с 1800 г. Н. Н. Бахметев изменил этот порядок. Теперь дела по преступлениям и спорам, проходившие «по военному процессу и артикулам», представлялись уездными судами на утверждение прямо военному губернатору, минуя палаты. Несмотря на то, что гражданский губернатор воспротивился решению военного губернатора Бахметева, считая, что это есть «удаление гражданского правительства от заведывания башкирцов», судебные дела шли от уездных судов к военному губернатору для окончательного их решения[1].

Практику постепенного исключения башкир и мишарей из гражданского судопроизводства можно заметить и в указе от 30 июля 1803 г., которым запрещалось судить кантонных чиновников гражданским судом. Рядовые, совершившие проступки и преступления во время службы на линии, походах или в военное время, также предавались военному суду, а в обычное время — гражданскому суду[2]. Кроме того, некоторые виды судебных дел на жителей кантонов тоже были изъяты из ведения гражданского суда. Так, рядовые башкиры, за неповиновение кантонному и юртовому начальству, предавались военному суду[3]. С 1801 г. дела о проступках юртовых старшин рассматривались не в общих судебных учреждениях, а непосредственно военным губернатором[4].

Земский и уездный суды решали дела неоперативно бюрократическими методами. За год в них накапливалось 7—8 тыс. дел, разбор которых растягивался на несколько последующих лет. За 10 лет (1837—1847) преданных суду «по общим преступлениям», кроме убийств, грабежей и частных краж, оказалось 5 213 чел. из рядовых, из числа чиновников за злоупотребления властью осужден 151 человек[1].

Однако причиной усиления судебного давления на народ являлся не бюрократизм гражданского суда, а недовольство масс военно-феодальным гнетом, на что власти отвечали военным судом. С начала 30-х гг. XIX в. права общих судебных учреждений все больше суживались. Так, по положениям Кабинета министров от 23 февраля и 1 марта 1832 г. башкиры и мишари за воровство предавались военному суду. Из числа лиц, которые будут «опорочены в поведении обществом, хотя и не обличены в воровстве...», годные к службе отдавались в рекруты в дальние гарнизоны, а неспособные к ней ссылались на поселение в Сибирь. На основании данного положения содержащиеся под стражей 196 башкир и мишарей в 1835 г. были без суда и следствия сосланы в Сибирь[2].

Чтобы пресечь «непокорность» башкир, мишарей, калмыков, тептярей и казаков указом от 26 февраля 1834 г. предусматривался «за все роды преступлений» военный суд. По мнению Перовского, «воровство не есть единственное преступление» военных сословий в Оренбургском крае. Обосновывая необходимость введения военного суда, он писал, что «бродяжничество, разбой, грабежи, укрывательство беглых и других преступников сделались общими до того, что все усилия к пресечению этого зла обычными мерами остаются безуспешными»[3]. Как видно, острие данного указа было направлено против рядовых, чтобы уменьшить растущее недовольство среди населения против военно-феодального гнета. За земской полицией оставалось только производство следствий по преступлениям, совершенным в неслужебное время, а уголовно-следственные дела передавались ею в «военно-судебные комиссии», решения которых для утверждения представлялись военному губернатору. В эти комиссии назначались временно из офицеров линейных оренбургских батальонов аудиторы (от лат. — слушатель, в данном случае —

[1] МИБ. Т. 5. С. 579—580..
[2] ГАОО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 5008. Л. 8; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 486. Л. 1—3.
[3] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1.Д. 278. Л. 41.
[4] Там же. Д. 75. Л. 28.

[1] ЦГИАРБ. ф. 2. Оп. 1. Д. 10584. Л. 48.
[2] ПСЗ. Т. 7. № 5201.
[3] ПСЗ. Т. 9. № 6852.

следователь), которые судили и выносили приговоры. За побеги со службы они наказывали башкир шпицрутенами (от нем. — длинные гибкие прутья), проводя сквозь строй в 500 — 1 500 чел. О том, как совершалось наказание виновных, можно судить по запискам члена Военного Совета генерала от инфантерии (пехоты) Н. Г. Залесова, который в 30-х годах работал в военно-судебной комиссии в Бугульме.

Он пишет: «По окончании чтения (конфирмации — утверждения аудитором. — *А. А.)* несчастных раздели, всунули каждому в связанные руки по прикладу ружья, другой конец которого держал унтер-офицер; раздалась команда, в руках солдат появились палки, уныло забил барабан, и осужденные, ведомые на некотором расстоянии один от другого, двинулись по живой улице солдат. Свистнули палки, пронесся крик... Как вдруг вблизи раздалось хлоп, хлоп по чьему-то лицу; я взглянул и увидел ротного командира, производившего над одним своеручную расправу. Это за то, что солдат бил не во всю руку, жалея осужденных». Присутствовавшие при экзекуции офицеры наблюдали за тем, чтобы солдаты «хорошенько» били.

Во всех комиссиях процветало взяточничество. По словам того же Залесова, личность аудитора из писарей «до такой степени искусная во взятках, что не было, кажется, того оборванца-голыша из башкир, с которого он не ухитрился бы взять хоть что-нибудь». Следствием такой коррупции было то, что почти всякий «зажиточный башкир выходил прав, а бедняка наказывали»[1]. Таков был дух палочной дисциплины в царской России.

На основе приговоров военно-судебных комиссий сотни и сотни башкир были сосланы в Сибирь на поселение. Даже в далекой Якутии возникли башкирские села, жители которых сообразно местным условиям переводились на положение податных, и назывались «ясашными башкирцами». Некоторые из этих сел сохранились там до начала XX в. Компетенция традиционного гражданского судопроизводства сокращалась до того, что земская полиция, обязанная по закону вести уголовно-следственные дела в горных башкирских аулах, подчинялась не только общему губернскому, но и воинскому башкирскому начальству.

[1] Записки Н. Г. Залесова / Русская старина. № 4. 1903. С. 58, 59; № 5- С. 284.

В эти годы была принята форма присяги по судебным делам wj мусульман. Лица, приводимые к присяге, должны были сначала совершить предписанное законом омовение, затем в присутствии муллы, держа «с почтением» правую руку на коране, произнести «со вниманием и благоговением» слова присяги, «устремив взор во все это время на священную книгу». «Не только языком, но и сердцем» должны были принимать присягу, которая гласила: «Я, нижепоименованный, обещаю и клянусь всемогущим богом, над святым его Кораном в том, что по делу, по которому я призван и спрашиваем буду, имею показать по самой сущей правде: «Валлаги, Биллаги, Таллаги* — все, что я видел и слышал и все, что знаю, не утаивая, не прибавляя и не убавляя ничего и не норовя ни на какую сторону, ни для родства, дружбы, вражды и взяток, ни же страха и угрозы ради; но так, как пред всевышним богом и судом его страшным в том ответ дать могу. В заключение же сей моей клятвы я с благоговением прикасаюсь к священному Корану»[1].

В 50-х гг. XIX в. по мере уменьшения роли Башкирского войска некоторые виды преступлений изымаются из ведения военного суда. Если раньше за незаконный провоз соли судили военным судом, то с 1848 г. — гражданским[2]. Однако по другим преступлениям башкиры и мишари (также тептяри и бобыли, присоединенные в 1855 г. к Башкирскому войску) вплоть до 1863 г. в ряде случаев подвергались военному суду. Даже жители неслужащих кантонов, которые вместо службы стали платить денежные подати, за все преступления судились военным судом, в то время как чины Донского и Новороссийского казачьих войск подвергались ему только за те преступления, которые ими совершались во время непосредственного Несения военной службы[3]. Только Положением о башкирах от 14 июля 1863 г. судебные дела жителей неслужащих кантонов были переданы гражданскому ведомству, но служащие баш-Киры по-прежнему оставались в ведении военного суда[4].

Клянусь богом.
2 ПСЗ. Т. 25. №24117.
Гам же. Т. 23. № 22178; Т. 30. № 29837.
[3] ЦГИА РБ. ф. 2. Оп. 1. Д. 10584. Л. 3.
[1] АОО. ф. 6. Оп. 8. Д. 164. Л. 12; Ф. 2. Оп. 1. Д. 13017. Л. 24.

Следует обратить внимание и на те права, какими поль-1 зовались кантонные начальники и чины башкирской полиции в судопроизводстве. По указу 10 апреля 1798 г., ссоры по личным обидам и незначительные проступки относились »! кругу вопросов, рассматриваемых кантонными начальниками которыми и устанавливались соответственные наказания. Они разбирали дела и наказывали виновных сами без свидетелей что привело к злоупотреблениям. С 1804 г. было принято зд правило наказывать виновных в присутствии «некоторого числа башкирских чиновников и пожилых башкирцев». Кантонный начальник должен был объявлять людям, находящимся под следствием, степень их виновности и меру наказания. Таким же образом обязаны были поступать юртовые старшины и прочие начальники[1]. Башкиры и мишари могли подавать прошения старшинам и кантонным начальникам, первым по делам о незначительных имущественных спорах и воровстве, ценность которых не превышала 5 руб., вторым — о взаимных личных обидах, о насилии, «о самовольном завладении», о мелких поземельных спорах, о неправильных действиях и притеснениях старшин и других чиновников. Недовольные решениями кантонных начальников по делам тяжебным могли апеллировать к военному губернатору[2].

На первый взгляд кажется, что круг вопросов, рассматриваемых начальниками кантонов в области суда, весьма ограничен, а сами вопросы незначительны. Но в действительности дело обстояло иначе. Так, например, бывший кантонный начальник И. В. Чернов отмечал, что «башкиры хотя и считались в подчинении земской полиции, но последняя прав своих не могла простирать далее уголовных дел, земские исправники считались не более как номинальными начальниками, а действительная власть над народом сосредоточивалась у кантонных начальников. Они одни направляли действия его и руководили им»[3]. Действительно, на деле они чувствовали себя полными хозяевами во вверенных им кантонах. Нередко они занимались следственными делами, их не касающимися. Так, начальник 11-го кантона запретил своим подчиненным, живущим в Елабужском уезде Вятской

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 78. Л. 10.
[2] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4014. Л. 4.
[3] ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 32. Л. 5.

дернии, обращаться или подчиняться тамошнему земскому у Д у 1 . Компетенция кантонных начальников была расширена мнением Государственного Совета от 27 октября 1741 г., которое приравняло права их к правам становых приставов: теперь они могли рассматривать и решать дела о «краже, мошенничестве и всяком обмане» ценою до 10 руб.[2]

Выше говорилось, что кантонные начальники и земские суды разбор судебных и других дел вели исключительно бюрократическими и полицейско-административными методами. Для расследования дел они почти никогда не выезжали на места, а, наоборот, отрывая от хозяйства, вызывали обвиняемых из дальних мест в свои штаб-квартиры.

Над недостатками в Башкиро-мещерякском войске не могло не задумываться войсковое управление в Оренбурге. Поэтому по мере возможности оно старалось приноровить практику судопроизводства к порядкам, существующим в казачьих войсках. Вот почему, по предложению командующего войском И. Жуковского, в 1845 г. по примеру войска Донского были образованы словесные суды. Обычно в такие суды судьями избирались старики, пользующиеся в обществе доверием и уважением, т. е. по выражению того времени, «лучшие люди». Обязанность их заключалась в разборе словесных жалоб башкир и мишарей[3].

Все решения по судебно-следственным делам, рассматриваемым различными лицами и учреждениями, в конечном счете, передавались на утверждение военному губернатору, как главному начальнику края.

В целом, правосудие над представителями военного сословия вершилось многими инстанциями. Органы суда и следствия являлись сословными, они выражали интересы господствующего сословия — класса.

Затем по положению о башкирах от 14 мая 1863 г. вводился волостной суд, известный по форме и содержанию у всех сословий. Суд избирался ежегодно из башкир, участвующих н^ волостном сходе.

Таким образом, в течение длительного времени башкиры Адаптировались с российским судоустройством и судопроизв°Аством.

' ЦГИАРБ. ф. 2. Оп. 1. Д. 30. Л. 30; Д. 34. Л. 1-а.
2 ПСЗ. Т. 16. № 14965.
ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5406. Л. 9.

§8.
ТРАНСПОРТНЫЕ ДОРОГИ И ПОЧТОВАЯ СВЯЗЬ

В освоении Башкирского края большую роль игралц транспортные дороги и почтовая связь. История башкирского транспорта и дороги неплохо изучены М. Г. Муллагуловым. По некоторым вопросам сошлемся на его монографию. До 1557 г были и местные и транзитные дороги, которые соединяли территории башкирских племен и родов, места их кочевок. Они назывались башкирскими дорогами. В числе старинных башкирских трактов были «Катайская дорога», «Бурзянская дорога» и др. Обычно дороги прокладывались по хребтам гор и редко пересекали большие реки. Такими были древние легендарные пути Канифа и Куныр-буга, проходившие с севера на юг по отрогам Уральских гор. Основную часть грузов перевозили зимними путями. Продолжительность пути, например, в Тюмень, куда башкиры ездили в торговых целях, определялась «на лыжах пять недель», «сухим путем на лошадях — в три недели». В горной местности население пользовалось верховыми и пешими тропами. Зимние дороги прокладывались по летним путям. Прибрежные населенные пункты зимой связывались путями, пролагаемыми по льду по руслам рек[1].

В период невмешательства правительства в общественную жизнь башкирского народа, в основном, до 30-х годов XVIII в. больших транспортных дорог между строящимися бесчисленными крепостями-городами и регулярной казенной почтовой службы вообще не существовало. Уфа, Мензелинск, Табынск, Бирск тогда имели между собой связь по старым башкирским дорогам.

Всерьез разговор о создании коммерческих и почтовых дорог в Башкирии завели в годы деятельности Оренбургской экспедиции и строительства городов-крепостей, особенно Оренбурга.

Еще в 1724 г. В. Н. Татищев предложил «велеть зделать от Казани прямо через башкирские жилища к Тобольску или Цареву Кургану дорогу. По оной построить почты и расписать

Муллагулов М. Г. Башкирский народный транспорт. Уфа, 1992.

баШК^ИР ДДЯ подвод по нескольку на каждый стан»[1], поставив на аждом из них сол Дат. Лишь через 10 лет был обнародован Сенатский указ И. К. Кирилову — начальнику Оренбургской кхпедиции от 15 и 22 ноября 1734 г. о немедленном учреждении казенной почты[2], чтобы не было задержки в пересылке писем.

В 1736 г. были открыты почтовые станы (станции), возникшие, по тракту от Оренбурга к Уфе, затем через Сакмарскую, Зилаирскую, Верхояицкую крепости — к Челябинску[3]. В 1838 г. почтовые станы должны были находиться в 18-25 верстах друг от друга. После подавления восстания 1755 г. в редконаселенных пунктах станы были упразднены.

В целом, учреждение почтовых станов «внутрь Башкирии и к ее границам» было завершено к октябрю 1756 г., о чем известил Сенат первый Оренбургский губернатор И. И. Неплюев[4].

С 30-х годов XVIII в. прокладываются дороги из Оренбурга в Уфу и Самару, а также в Екатеринбург, к Исетской провинции через Преображенский медеплавильный завод, башкирских деревень Бурзян-Елга, Чингизово (родная деревня автора этих строк), Кыпсак, Салаватово, Катай и Верхояицкой крепости. Проводились дороги от заводов до их рудных приисков. В 30-х годах XIX в. был проложен коммерческий тракт от Стерлитамака до Верхнеуральска, который затем был продлен от Стерлитамака до Бугульмы.

К середине XIX в. были известны следующие почтовые Дороги: из Уфы в Бугульму; из Уфы через Златоустовский завод в Троицк и Челябу; из Уфы через Бирск в Пермь; из Уфы в Белебей[5]. Общая протяженность дороги от Бугульмы до Верхнеуральска составляла 2 627 верст[6].

Все эти дороги использовались не только в торговых целях и Развозки почты. Они имели и военно-стратегическую задачу в смысле быстрой переброски войск в случае необходимости (еще в 1739 г. братья графы М. и И. Головкины писали, что

'МИБ. Т. 3. С. 482.
Лобросмыслов А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 252.
Сенатский архив. Т. 10. СПб., 1903. С. 74.
Там же.
Соколов Д. *Н.* Оренбургская губерния. М., 1916. С. 30.
• ^УрналМБД. М., 1861. Сент. С. 2.

дороги для башкир «стали быть муштук, как приклад *щ* контроля»).

Служба ямская (почтовая) намного облегчила связь центру с окраиной: если в начале XIX в. почта из Уфы до столигщ доходила в течение месяца, то к середине века она из Санкт-Петербурга до Уфы приходила 2 раза в неделю[1]. Создавались уездные почтовые управы, подчиненные губернской.

К станам были приписаны ближние населенные пункты; С 1747 г. для развоза почты по Оренбургской пограничной линии использовались башкиры, «не получая от казны никакого содержания» они вынуждены были нести эту службу. Это была повинность под названием ямской (ям-, яма- от этого ямщик — тюркское слово). До 1738 г. в Уфимском уезде подводы давались без оплаты, т. е. без прогонов, поскольку «розсылки были малые», лошадей требовалось мало. С того времени ямская служба становилась обременительной. Только воеводы, несмотря на запреты указов о том, чтобы «бес прогон, а на почтах бес подорожных и бес денег прогонных лошадей не давать», «брали для своих прихотей подвод по 50 и более бес прогон», разорив жителей, деревни которых «вконец разорились и люди разбежались»[2].

За подводы проезжающие платили в апреле — сентябре месяцах по 1 коп., зимой с октября по апрель — поденье (0,5 коп.) за версту за каждую лошадь. Без прогонных денег указ запрещал поставку подорожных лошадей[3]. В связи с этим увеличили ясак на 10 коп.

Ямская служба, по-видимому, была не из легких. Поэтому башкиры Бурзянской волости в мае 1755 г., начав восстание, первые свои удары направили на только что созданные почтовые станы — Сапсальского и Юлуцкого ям.

В целом подчеркнем, что дороги и почта облегчили сближение окраин с центром, в то же время это и способствовало всем формам колонизации Башкирского края.

[1] МИБ. ч. 1. с. 363.
[2] ОГВ. 1859. №26.
[3] МИБ. Ч. 1. С. 148.

Глава II

Самоуправление башкир

11.
йыйыны

История общественного строя башкир до и после присоединения Башкирии к Русскому государству в какой-то мере изучена С. И. Руденко, Р. Г. Кузеевым, А. Н. Усмановым, И. Г. Акмановым.

До середины XVI в. были известны племена, состоящие из родов, а также союзы племен, как Семиродье (усергане с тангаурами, бурзяне, тамьяне, бушмас — кыпчаки, кары — или сарыш — кипчаки, суун — кипчаки, санким — кипчаки), объединение табынских племен, икские башкиры из 10 родов ит. д.

Со времени основания г. Уфы, 1586 г. роды или племена, вернее их территории расселения, назывались волостями, а вся территория обитания башкир — Историческая Башкирия — Уфимским уездом. Племена и роды возглавлялись потомственными биями — вождями. Бий получали от русских Царей титулы дуванов, князей и тарханов. Примерно с того же года биев стали именовать старостами волостей. Их должность также стала наследственной. Затем в середине 30-х годов XVIII века волостями управляли избираемые старшины. Волостные старшины просуществовали до кантонной Реформы 1798 г. После отмены кантонного управления по «Положению о башкирах» от 1863 года должность волостных старшин была восстановлена.

Опираясь на многочисленные работы исследователей, Энгельс пришел к выводу, что со слиянием отдельных территорий племен в одну общую территорию всего народа последний период родового строя — военной демократии —

появляется народное собрание[1]. Оно у башкир известно под названием «йыйын» (тсоролтай), в XVII в. в русских источниках — съезд. С принятием русского подданства проводились как общебашкирские йыйыны (на склоне горы Чесноковки недалеко от Уфы) с участием старшин, батыров всех четырех административных дорог, так и йыйыны одной или двух — четырех дорог. Проводились они и по отдельным, и нескольким волостям.

Важную роль сыграло народное собрание в период мирного вхождения башкирских племен в состав России. В шежере юрматынцев говорится следующее. Их бий Татигас после поездки в Москву «собрал весь народ и сказал: ай соплеменники, мы к Белому-бию падишаху ходили, подчинились (дословно преклонили головы), стали (его) рабами. Мне, Татигасу, падишах пожаловал чин мурзы, Азная сделал старостой, и, нижайше попросив падишаха, земли бежавших ногайцев мы взяли (себе). Согласились платить ясак из ста куниц. А теперь и вы примете ли (все это), — спросил я. Весь народ (дословно каждый из этого народа) сказал, хорошо, каждый из нас всей душой согласен»[2].

В источниках часто встречаются факты проведения йыйынов разного уровня в годы башкирских восстаний[3]. В них рассматривались разнообразные вопросы, касающиеся жителей всех административных единиц. В частности, в кризисные периоды на различных йыйынах рассматривались вопросы о подготовке, начале, продолжении, приостановке и прекращении восстаний. Поиск и призыв ханов из казахских жузов, Западной Сибири, Кавказа, откочевка отдельных групп башкир в те же края стали предметом разговора на этих съездах. Вот несколько примеров.

На съезде башкир в верховьях р. Ик в начале восстания 1735 г. был принят «мирский приговор» следующего содержания: «ежели де руские люди нас не тронут, и мы их не тронем; коли де поедут руские брать наших — не дадим; когда поедут город строить — не пустим, а как на степь выедут —

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1974. С. 183.
[2] Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 33.
[3] МИБ. Т. 6. С. 42.

станем рубить. И между собой руки дали»[1]. В разгар восстания Таймас Шаимов в 1737 г. сообщил А. И. Тевкелеву о состоявшемся совете башкир Сибирской дороги, где был поставлен вопрос «штраф ли им платить (т. е. участники восстания должны были платить штраф лошадьми) или в службу (внешнюю, т. е. за пределами Башкирии) иттить». Участники съезда — йыйына к западу от Урала решили «итти в службу»[2].

В целях усиления надзора за населением власти стремились уничтожить остатки башкирского самоуправления, в частности, йыйынов. Еще указом от 11 февраля 1736 г. было запрещено «без позволения городовых командиров сборищев делать». Им было разрешено тогда проведение только «обыкновенного старинного мирского сбора о семике», который собирался на один день у речки Чесноковки около Уфы, где башкирским старшинам было дозволено «о нуждах мирских советовать и письменно доносить и бить челом»[3]. В документах первой половины XIX в. нами не обнаружено ни одного упоминания о таком собрании старшин. В период кантонного управления, когда башкиры и мишари находились в иных, чем в XVIII в. условиях, очевидно, такие собрания и сборы изжили себя. Кроме того, теперь не было и волостных старшин. Зато часто практиковались йыйыны, носившие традиционно-праздничный характер. Башкиры нескольких деревень обычно собирались на большой и ровной местности на йыйын для общего увеселения. Прибывших угощали местные, затем начинались игры на курае, пение горлом, национальная борьба, скачки, песни и пляски. В конце дня гости, прибывшие из дальних мест, разъезжались по своим деревням и через несколько дней они приглашали к себе тех, у кого гостили.

Следует сказать, что йыйын являлся самым любимым башкирским праздником. На него собирались не только башкиры, но и мишари, тептяри, татары и другое население округа. Обычно на такие йыйыны стекалось до 5 тысяч

[1] МИБ. Т. 6. С. 32.
[2] Там же. С. 401.
[3] ПСЗ Т. 9. № 6890; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4907. Л. 15 об. - 16.

человек. Однако с 30-х гг. XIX в. и такие йыйыны проводились редко и народу сюда съезжалось намного меньше, так как подобные увеселения были запрещены начальством[1]. На йыйынах, хотя и неофициально, представители различных деревень совещались о своем положении, договаривались о формах и способах борьбы с органами власти. Еще военный губернатор П. К. Эссен подверг сомнению возможность созыва йыйынов и требовал от гражданского губернатора запрещения их. Губернские власти заявили, будто собравшиеся на йыйыны, «упившись горячих напитков, производят разные неистовства: драки, грабежи, насилия». Истинный смысл запрещения заключается в другом: органы власти боялись общения жителей нескольких деревень, не предусмотренного регламентом военно-феодального режима. В поисках повода для запрета губернское правление потребовало заключение от Оренбургского духовного собрания, которое подтвердило, что магометанским законом строго запрещаются не только «пиршества» или увеселения с употреблением «горячих напитков», но и «народные сборища» вообще. Затем губернское правление в соответствии с мнением Государственного Совета от 29 февраля 1828 г., повелевающим уничтожить «всякие непозволительные и соблазнительные сборища, под каким бы видом и названием оные не существовали», определило запретить йыйыны. Военный губернатор П. П. Сухтелен 17 ноября 1831 г. предписал последнее кантонным начальникам[2]. Циркуляр военного губернатора получил законную силу: указом правительства от 9 июня 1837 г. предложено, если не будет присутствовать офицер с солдатами и казаками «на сборище», то его вообще запретить[3]. Однако без ведома местных властей в разных концах края продолжалось проведение йыйынов. Так, из рапорта Бирского земского исправника Юферова видно, что башкиры и мишари из 10-го башкирского и 4-го мещерякского кантонов ежегодно собирались на йыйын. В 1840 г. в июне он

[1] *Назаров П. С.* Заметки башкира о башкирах // Современник № 1 (ноябрь). СПб., 1863. С. 63.
[2] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3016. Л. 383.
[3] Там же. Д. 4907. Л. 18.

«случайно наехал на множество народа, съехавшегося на йыйын из разных мест в мишарскую деревню Кулаево», который им был разогнан. Пристав 3-го стана Залесов сообщил губернским властям о йыйыне башкир деревни Уртаулово 10-го кантона, где были, кроме рядовых, и башкирские старшины 12-й юрты Мухаметвали Карманов и 13-й юрты дбдулгафар Дюскеев. Чтобы разогнать народ, Залесовым был послан полицейский сотник из деревни Тогаево, но ему было оказано сопротивление и «ослушание». Бывший на йыйыне башкир из д. Сосново Мухаметзян Якупов «кричал, что пристава и знать не хочет»[1]. Основываясь на этих фактах, начальник штаба отдельного Оренбургского корпуса генерал-майор Рокосовский предписал командующему Башкиро-мещерякским войском «сделать зависящее распоряжение (кантонным начальникам. — *А. А.)* о недопущении впредь сих сборищ»[2].

Таким образом, важный атрибут башкирского самоуправления — йыйын — был упразднен указом сверху еще в 1730-х годах и сохранился в памяти людей, трансформировавшись в народное празднество.

§ 2-
ВОЛОСТЬ - ОСНОВА БАШКИРСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Племя или род, ставшие впоследствии волостями, представляли общину, основу башкирского самоуправления. Поэтому несколько слов о количественной стороне башкирских волостей. Отметим, что история образования и эволюция или развитие их в исторической литературе, кроме Перечисления их названий по дорогам, провинциям и губерниям, до сих пор основательно не изучена. В данный Момент лишь особо подчеркнем, что история самоуправления башкирского общества с древнейших времен до 1917 г. нуждается в объективной и детальной разработке.

[1] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5059. Л. 2.
Там же. Л. 1 — 1 об.

Свою задачу мы видим лишь в констатации конкретных фактов о башкирских волостях. С. И. Руденко в своей фундаментальной монографии на основе преданий насчитывает их (XIII в.) до 12 — 15[1]. Во второй половине XVI в., в период принятия русского подданства, племен было **не** больше 30 — 35. Затем по мере развития общества материнские племена — волости с конца того времени подразделялись **на** самостоятельные волости — общины. Так, в 1671 г. Минская волость была подразделена на 11 дочерних волостей[2]. За ними последовали и другие: табынцы, бурзяне, усергане, тунгауры, еланцы, юрматынцы, таныпцы, айлинцы, кудейцы, катайцы и др. В 1636— 1740 гг. насчитывалось 56 — 58 волостей[3]. Кунгурский бургомистр Юхнев по особому заданию в 1726 **г.** «скрытно чрез других» собрал сведения о башкирских волостях, которые он посетил. Всего их было 60, а в 7-ю его «не пустили»[4]. На основе его сведений, а также «реестра» о 58 башкирских волостях за 1730 г.[5], челобитной старшин от 1738 г.[6], «Росписи разделения башкир Уфимского уезда по 44 волостям» за 1735 г.[7] и Ведомости Уфимской провинциальной канцелярии о 73 волостях за 1743 г.[8] И. Г. Акманов приходит к выводу о наличии на территории Ногайской дороги около 30, Сибирской дороги — 23 — 25 Казанской дороги — 15—17 и Осинской дороги — 4 —5 во^ лостей, всего 70 — 75 волостей[9]. Пересчет тех же данных дае их количество чуть меньше — 65 — 67.

Это видно из следующей таблицы.

[1] *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л. 1955. С. 50.
[2] Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 223-229.
[3] МИБ. Ч. 1.С. 598 — 601 (Географический указатель).
[4] МИБ. Т. 3. С. 483-487.
[5] МИБ. Ч. 1. С. 135-137.
[6] Тамже. С. 144-145.
[7] МИБ. Т. 3. С. 495-497.
[8] Там же. С. 543.
[9] *Акманов И. Г.* Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI — первой половине XVIII в. Учебное пособие. Уфа, 1981. С. 1| Он же. Башкирские восстания в XVIII веке. Учебное пособие. Уфа, 1987. С. " *Он же,* Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. Свердловск, 1991. С. 16; *Он же.* Башкирские восстания XVII — начала XVIII в. Уфа, 1993. С. 24; *Он же.* XVII быуатта - XVIII быуат башында бапгкорт кутэрелештэре. Эфо, 1998. 25-се бит.

Наз вание волостей по административным дорогам в 1730-х годах!

	Ногайская	Казанская	Сибирская	Осинская
	iу[инская	Е.льдякская	Ельдякская	
	/ршак-Минская	1^.аршинская	К.ара-Табын.	
	Яик-Суби-Минская	I;нейская	К.атайская	*У* ранская
	Чуби-Минская	IБемшадин.	Ь:ыр-Унлар.	*1*'азларская
	Крыкулминская	/\уванская	С"ызгинская	
	Тамьянская	Гамьянская	гиудейская	
	Юмран-Табынская	Тчки-Еланская	*1*"аныпекая	
i	Курпеч-Табынская	Курпеч-Табын.	Iзалыкчинская	
	Кара-Табынская	Кальнинская	1<.ущинская	
	Кубеляк-Табынская	Гарейская	J\йская	
			по Аю и за Уралом	.
1.	Юрминская (?) (к Казанской)	Бюлярская	Мекатинская за Уралом	
2.	Кипчакская	Байлярская	Бала-Катайска> по обе стор. Урала	
3.	Сарыж-Кипчакская	Сарыж-Кипчакская	Салжиутская за Уралом	
4.	Юрматынская	Еланская	Бекатинская за Уралом	
5.	Катайская	Иректинская	Куваканская	Иректинская
6.	Бурзянская	Бурзянская	Бучкурская за Уралом	
17.	Телевская	Тайнинская	—	Тайнинская
18.	Шуранская за Уралом	Кипчакская	–	—
19.	Усерганская	Айская	—	—
20.	Тангаурская	Тангаурская	—	—
21.	Бекатинская за Уралом	Киргизская	-	—
22.	Сынгрянская	Сынгрянская	Сынгрянская за Уралом	
23.	-	Табынская	Табынская	

[1] МИБ. Ч. 1. С. 135- 137, 144- 145; Т.3. С. 483-487, 495-497 543.

Как видно из таблицы, в Ногайской дороге было 22 в Казанской — 23, в Сибирской — 18, в Осинской — 4 волости.

При этом отметим, что из 11 минских волостей, обра, зованных еще в 1671 г., ни в одной ведомости не найти их в указанном количестве: по Ногайской дороге в ней отсутствуют 5, по Казанской — 1. То же самое можно было сказать о кипчакских (бушман —, суун, карагай —, санким —) волостях. По другим ведомостям волостей Юрминская всегда находилась на территории Казанской дороги, а в 1730-х годах она показана по Ногайской дороге.

По неполным данным, в 1775 г. в Ногайской дороге было 28, в Казанской — 18, в Сибирской — 10, в Осинской — 3 волости[1]. В середине 60-х годов XIX века во всех уездах Оренбургской, Уфимской, Самарской, Пермской и Вятской губерний насчитывалось 115 башкирских волостей и земельных дач[2]. Как бы то ни было, общее количество волостей показывает дальнейшее дробление их под воздействием внешних (освоение края казной путем строительства городов-крепостей, раздачей конфискованных у участников восстаний вотчинных земель государственным (удельным, дворцовым) крестьянам, тептярям будущего Верхнеуральского уезда, строительство заводов и культовых учреждений, переселение русского и нерусского крестьянского населения и т. д.) и внутренних (переход восточных башкир на оседлость и к земледелию) факторов.

§3.
ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА ОБЩИНЫ

Старосты управляли почти всеми волостями, кроме Белокатайской и двух-трех «верхнеуфимских» волостей, где во главе их были сотники[3]. Они были влиятельными наследственными должностными лицами, которые номинально зависели от царских воевод, хотя и выполнявшими все условия башкирского подданства. Это, прежде всего, содействие при сборе ясака, таможенных денег с населения волости и организация службы башкир по охране юго-восточных границ России и по участию в войнах и походах. Должностные лица играли важную роль при распределении земельных угодий внутри аульного, волостного коллективов и оброчных денег между общинниками. «Мирские сборы» для ремонта дорог, мостов и для содержания общественных зданий производились старостами. Временами участвовали в шариатских (третейских) судах, рассматривавших мелкие дела по земельным спорам, по разделу семейного и наследственного имущества, а также по бракоразводным делам[1].

Чрезвычайная ситуация — восстание 1735— 1740 гг. — резко изменила курс правительства по управлению Башкирией, переходившего от тактики невмешательства в дела башкирского самоуправления к его контролю и постепенному превращению этого органа в низшее звено местной царской администрации.

Если до 1736 г. не было ни одного представителя царской власти, особо надзиравшего над деятельностью башкирского самоуправления (по словам В. Н. Татищева, «междо вами никакого начальника нет»), то отныне старшины, сотники и десятники под контролем местной царской власти строго проводили линию правительства в Башкирии, установив «порядок» и «содержав» народ «в страхе и покорности»[2].

При выборе волостных старшин вместо наследственных старост во всех волостях всех дорог цель их введения оставалась неизменной, но количество их менялось. Это видно из следующих документов. 28 мая 1736 г. А. И. Румянцев и И. К. Кирилов в своем Определении на основе именного указа е- и. в. от 11 февраля 1736 г.[3] об управлении населением Уфимского уезда, детализируя его известные положения,

[1] *Игнатьев Р. Г.* Историко-административные сведения о башкирском народе, составленные по приказанию графа П. И. Панина в 1775 г. / Памятная книжка Уфимской губернии за 1883 г. Уфа, 1884 С 146- 147.

[2] РГВИА. Ф. 414. Ед. хр. 397. Л. 1-4.

[3] Например, сотник Ишимбай Кулушев - глава Уфимской волости Верхотурского уезда (1663 г.). Там были еще две башкирские волости, управляемые сотниками Токази Ватиновым и Арыкай Кувалышевым. МИВ-Ч. 1. С. 69, 71, 90.

[1] История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Тв- ред. Х. Ф. Усманов. Уфа, 1996. С. 183-184.

[2] МИБ. Т. 6. С. 264.

[3] 1 ПСЗ. Т. 9. № 6890.

решили «в башкирских волостях вместо волостных старост определить выборных старшин по 2 или по 3 человека... быть выборным с переменою погодно». Цель данного нововведения — с них «всякое преступление и неисправность взыскивать»!. В инструкции Комиссии башкирских дел, данной поручику Аристову в том же месяце, уточняются цель введения старшин «для их всенародной пользы и покою и для унятия своевольных молодых людей» (т. е. склонных к бунтам) и их количество в каждой волости («избрать лутчих верных и добрых людей в больших волостях по 4, а в малых — по 3 старшины). После объявления указа при мечети собравшимся взрослым мужчинам-одноволощанам предстояло избирать старшин из предполагаемых кандидатур «по их желанию, кого они пожелают». Избранные старшины с соответствующим итоговым документом, подтвержденным подписями и тамгами участников волостного собрания — схода, должны были предстать перед начальником той же Комиссии генерал-лейтенантом А. И. Румянцевым для получения соответствующей инструкции[2]. По словам В. Н. Татищева, через старшины «скорее их (повстанцев) намерение отроется», их «к наказанию удобнее сыскать и смирить возможно». Он сам на Сибирской дороге выбрал из претендентов в каждой волости по 4 старшины и «в каждом роду» — сотника. «Оные старшины при мне уже других стали смирять и наказывать, что оной порядок им весьма полюбился»[3].

При введении названных должностей в башкирской общине был учтен опыт административного управления русскими помещичьими деревнями. В. Н. Татищев в беседе со старшиной Кара-Табынской волости Сибирской дороги тарханом Таймасом Шаимовым, у которого тот просил содействия при проведении этой реформы, говорил, что «у нас в шляхетских (т. е. дворянских) деревнях в каждой — десятник, над несколькими (деревнями) — сотник, потом выборной и староста, над тем — прикасчик, которые над людьми надзирают и их в страже содержат; подчиненные их почитают й слушают беспрекословно»[1].

[1] МИБ. Т. 6. С. 173.
[2] Там же. С. 174.
[3] Там же. С. 264-265

Затем была выработана инструкция для волостных старшин. Вот суть содержания данного документа.

В течение 1736—1739 гг. на каждую волость из двух выборных от населения кандидатур одна сроком на один год определялась воеводой волостным старшиной. В качестве его помощников назначались сотники и писари. Автором претворения данной идеи был В. Н. Татищев. Это видно в его представлении в Кабинет от 7 февраля 1739 г.: «Прежде я представил и учредил, чтоб в Башкири(и) быть по волостям и родам старшинам и сотникам, которому все бывшие при той Комиссии (башкирских дел) командиры согласовывали и во употребление ввели»[2]. В целом, должность и биев, и старост, передавалась по наследству, т. е. была наследственной[3]. Можно сделать вывод о том, что волостные старшины, известные в 1736— 1798 гг., являлись потомками биев племен. Бий и старосты были более самостоятельными в решении общинных проблем, а волостные старшины — более зависимыми от местной воеводской, губернской властей.

Перед вступлением на должность старшина должен был дать присягу «чистым сердцем и совестью», стоя на коленях, помолиться богу и поцеловать Коран. Прочитав вслух текст присяги из четырех пунктов, он подписывался или ставил свою тамгу. В ее тексте говорилось следующее: 1) он, т. е. старшина, обязывался «ревностно исполнять все указы и повеления е. и. в.»; 2) чтобы в волости «ничего злого и противного воли е. и. в. не происходило»; 3) за «худые замыслы и действительное воровство (бунт), за название башкирами «своих злодейских бунтов войной» виновных ожидал арест и отправка в город; 4) «за неисполнение своей обязанности и нарушение клятвы старшину должны были подвергнуть жест[о]ким наказаниям»[4].

[1] МИБ. Т. 6. С. 264.
[2] Там же. С. 192-193, 600.
[3] Там же. С. 674.
[4] Там же. С. 338-339.

На 2-м мензелинском совещании И. К. Кирилов а М. С. Хрущев в самый разгар восстания 21 декабря 1736 г. определили служебные функции башкирских волостных старшин, направленные на усиление контроля над повседневной жизнью населения согласно с истинным смыслом указа от 11 февраля 1736 г. № 19 из 25 пунктов. Определения совещания в той или иной степени касаются обязанностей старшин[1].

Переходя к компетенциям волостных старшин, отметим, что в исторической литературе об этом можно найти лишь весьма скудные сведения, в частности, об их полицейских и налогово-финансовых обязанностях[2]. Нет материалов о компетенциях старшин в фундаментальной монографии по истории Башкортостана последней трети XVIII в., хотя в ней обнародованы новые факты о статусе волостных старшин[3].

На характер и содержание Определения сильно повлияло продолжающееся башкирское восстание, что явилось отголоском дальнейшего усиления надзора за внутренней жизнью башкирских общин.

Главной обязанностью старшин была борьба против повстанцев и последствий восстания: «выискивать» бунтующих башкир, призывающих народ к возмущению, «ловя», «отводить их в городы». Всех участников восстания, получивших «милостивыя отпущения в винах своих», старшины должны были «выслать их к присяге и с лошадьми штрафными в Мензелинск или в Уфу». За сокрытие ими оружия предусматривались ссылка или казнь. Такая же угроза ожидала и тех башкир, которые в голодный год продавали хлеб в запрещенных районах (Ногайская, Сибирская дороги), где проживали повстанцы. Между тем принесшие повинную бывшие участники восстания, наряду с не принимавшими в нем участия, могли ввозить хлеб из других уездов и продавать, но с указанием количества подвод и хлеба в четвертях и пудах.

[1] МИБ. Т. 6. С. 339-342.

[2] 1997 С 230 ИЯ БашКОрТОСтана с АРе внейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа,

[3] РГАДА. Ф. 1274 (Панины и Блудовы). Оп. 1 А, Л 196 Л 1й, 18' 19 *Гвозаикова И. М.* Указ. соч. С. 185 — 200.

В целом, без удостоверяющих документов от старшин эти операции категорически запрещались. При этом старшины не вмешивались в ценообразование привозного хлеба, кроме взимания таможенной пошлины.

В целях усиления полицейско-административного контроля над жителями старшины обязаны были описать раздельно все башкирские, тептяро-бобыльские, мещерякские деревни с ориентирами их месторасположения, с указанием количества дворов и численности населения по полам и возрастам, но отдельно участников бунта и принесших повинную с уплатой штрафа. Для оперативности контроля ситуации старшина обязан «выбрать во всякой башкирской деревне десятника», регулярно рапортовавшего ему о состоянии своего поселения. В итоге всего этого старшина обязан был ежемесячно направлять рапорты о социально-политическом положении волости.

Сильному стеснению подвергалась свобода передвижения населения. Вопрос о поездках в соседние деревни решали десятник и сотник, в другие волости — старшина, которые в то же время наблюдали и за тем, чтобы от приезжающих в волость и проезжающих людей не происходило никаких обид и всяческих незаконных налоговых сборов, чтобы они не брали подводы без прогонных денег.

На основе указа от 11 февраля 1736 г. постоянно урезывали права башкир на самоуправление, в частности, на проведение общебашкирских йыйынов — съездов. «Своевольных зборищ отнюдь не делать» — одна из задач старшин. В случае появления необходимости в созыве жители должны подавать «мирские прошения» с указанием личных подписей и тамг.

Ограничивались и судебные права. По прошениям башкир, подлежащим предстоящему судебному рассмотрению, старшины обязывались оповещать об этом заинтересованные стороны. Сужались и компетенции третейско-шариатского суда. Дела о краже изымались из сферы его компетенции, оставив за ним рассмотрение лишь мелких вопросов (ссоры и т- А) в присутствии старшины. При этом с каждого челобитья взималась 50-копеечная пошлина.

Вот таково основное содержание Определения совещания от 21 декабря 1736 г. относительно компетенции волостных старшин.

С учреждением губерний при Екатерине II наиболее существенные полномочия башкирских старшин были переданы нижним земским судам и другим уездным учреждениям. В целях усиления надзора за деятельностью волостных старшин после подавления пугачевщины П. И. Рычков предлагал определить над каждыми двумя — тремя волостями по одному управителю из числа уфимских дворян[1], причем установив их содержание за счет местных жителей.

Ближайшими помощниками старшин были писари, ставшие одновременно и конфедентами, доносившими все «противное воле е. и. в., исходящие от башкир, сотников и старшин». Эти люди, т. е. писари, сообщали властям и «о ненадежных в службе», «изловя их, привозили» в Уфу или другие города; доносили и о взяточниках. Их обязанность перед старшинами — «еженедельно читать, напоминать, даже прочитывать содержание нового указа, чтобы те, всегда имея в памяти, аккуратно его исполняли». Они давали подписку под присягой не сообщать никому о своих тайных обязанностях, «под страхом смертной казни и лишения имения»[2]. Таковыми с 1740-х годов были мишари, назначаемые провинциальной канцелярией[3]. Через несколько лет среди писарей были и башкиры. Депутат Уложенной комиссии от башкир Уфимской провинции 1767 г. старшина Тайнинской волости тархан Туктамыш Ижбулатов предлагал властям заменить мишарских писарей башкирскими, мотивируя тем, что образованных людей немало и среди башкир («ибо между башкирского народа ученых людей ныне состоит довольно»)[4].

В помощники к сотникам и старшинам были определены *десятники* (в конце XVIII — в первой половине XIX в. они известны как десяцкие). Один на одну деревню, «если они малы, а близки, то у двух и 3-х, одного десятника». Учреждение

[1] *Гвоздикова И. М.* Указ. соч. С. 185-200

[2] МИБ. Т. 3. С. 542 — 543.

[3] *Гвоздикова И. М.* Указ. соч. С. 46.

[4] *Асфандияров А. З., Асфандиярова К. М.* История башкирских сел Пермской и Свердловской областей. Уфа, 1999. С. 95 (Текст наказа).

десятников в деревнях Сибирской дороги весной 1737 г. начал Б. Н. Татищев[1]. Назначаемые в первое время десятники и сотники в последующие годы стали ежегодно избираться односельчанами «всех вообще званий». Они исполняли приказания станового пристава, непосредственно надзирали «за благочинием, следили за безопасностью и порядком», за аккуратным исполнением земских повинностей. Также они должны были еженедельно являться к становому приставу с рапортом о благополучном состоянии подведомственных им сел и для получения приказаний. Губернатор Перовский нашел неприемлемым вмешательство становых приставов в дела кантонов и в 1838 г. упразднил должность десятских и сотских, возложив исполнение полицейских обязанностей последних на избираемых обществами деревенских начальников. В дальнейшем становые приставы должны были обращаться к кантонным начальникам, юртовым старшинам и деревенским начальникам[2]. Должности десятских и сотских упразднялись и в тептярских деревнях (предписание Перовского от 12 мая 1856 г.).

На закате кантонного управления, когда основная часть башкир и мишарей была переведена в состояние неслужащих и податных, некоторые должности башкирских чиновников снова стали входить в ведение гражданских властей. В 1861 г. должность сотских была восстановлена, а деревенские начальники подчинены ведомству земской полиции[3].

Одним из атрибутов башкирского самоуправления был институт *поверенных* (доверенных) лиц, известный по историческим источникам с XVII в. В то время как русская крестьянская община знала их задолго до этого времени. Поверенных людей называли «выборными» от общества (деревни, волости одной административной дороги, всех четырех дорог, а так же юрт (команд) кантона) или «ходатаями», или «нарочными мирскими людьми». В источниках постепенно закрепилось слово «поверенное». Они выбирались из числа нескольких кандидатур на сельском (аульном) и волостном сходах. Набравший большинство голосов один из

[1] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 42. Л. 142; МИБ. Т. 6. С. 403.

[2] ЦГИАРБ. Ф.2.0п. 1.Д. П664.Л. 45-46. „nns г „

[3] *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии. Уфа, 2005. С. 4/.

них становился поверенным. Ему давали «верющее письмо» или доверенность об избрании его своим ходатаем с указанием подписей или тамг (знаков) его участников. Доверенность давала ему право на участие «при всяких сборах податей, службах и делах, а также в суде по их шерегату»[1]. Этот поверенный занимался главным образом «тяжебными и земельными делами». Сюда входили следующие вопросы: отдача припущенникам в оброчное владение на 12, 20, 30, 40, 50, 99 лет части вотчины башкир той или иной волости или продажа ее. Записи об отдаче земель в кортом (аренду) или купчая оформлялись поверенными людьми. Они были непременными участниками при межевании и размежевании башкирских земель, проверяющих наличие и правильность межевых знаков.

Поверенные выполняли и важные социально-политические задачи. Например, по Манифесту Екатерины II от 14 декабря 1766 г. для выработки Кодекса законов Российской империи созывалась Уложенная комиссия. На его основе было выработано положение, по которому башкиры Уфимской и Исетской провинций Оренбургской губернии от каждой волости избрали поверенных от одного до трех в зависимости от количества ее жителей. Поверенные волостей Уфимской провинции выбрали своим уездным (уфимским) или провинциальным (уфимским) поверенным для выработки наказа башкир старшину Кулили-Минской волости Алибая Мурзагулова. Он составил наказ, переданный депутату башкир от Уфимской провинции Туктамышу Ижбулатову, избранному таковым поверенными Уфимской провинции[2].

Часто случалось, что поверенные поддавались подкупам и ради личной наживы жертвовали интересами общинников. Примером тому может послужить нижеследующий факт. Избранный в 1802 г. поверенным для решения спорного вопроса о проданной вотчине походный старшина деревни Унгарово Бишаул-Табынской волости Уфимского уезда Кильмухамет Тимербаев «возымел с поверенным господина

1 *аа°Я?™ Т С n ? ^ - if 0 Материалы по истории России. Т. 1. Оренбург, 1900. С. 199; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 87.*

2 *Асфандияров А. З.* Башкирские тарханы. Уфа, 2006. С. 74-81.

тттипова и им самим весьма крайнее знакомство и хлебосольство, а чрез то самое имеет намерение на примирение согласиться». Об этом волостные люди сообщили в Уфимский уездный суд и решили Тимербаева «отрешить от поверенннческой должности и избрать вместо него другого, походного сотника Кузебая Аккулова»[1]. Кроме того, поверенные редко добивались положительных результатов, справедливого решения своих исков из-за незнания законов и судебных порядков. В то же время тяжба по земельным делам шла беспрерывно, разрастаясь по мере перехода восточных и юго-восточных башкир к полной оседлости и к земледелию.

В 1840-х годах вместо избираемых на сходах поверенных пришли назначаемые военным губернатором стряпчие (ходатаи по делам). После смерти в 1846 г. поверенного башкира Кси-Табынской волости Стерлитамакского уезда Кутлубаева только что назначенный стряпчий Покровский отобрал у его наследников все бумаги и документы[2]. Отныне всеми соответствующими функциями поверенных делами занимались стряпчие. Несмотря на решение о том, что «нет надобности избирать нового поверенного из башкир», наряду с новыми чиновниками они продолжали функционировать. О причинах этого момента в 1860-х годах писал начальник 10 кантона (Уфимский уезд) следующее: «Среди башкир есть еще одна язва, делающая им много вреда — это страсть к тяжбам и к поверенничеству. Почти в каждой деревне есть поверенный без всякой надобности и почти всегда он известный негодяй, поверенным его никто не выбрал, но он сам себя сделал поверенным и обыкновенно подает всякие просьбы, именуя себя поверенным от общества, а между тем подстрекает башкир к разным просьбам и жалобам. Этим Делом занимаются и муллы, составляя им просьбу на татарском языке. Башкиры не имеют понятия о праве, поэтому сильно верят в силу просьбы. Больше не принимать их просьбы, если Не представят приговоры об избрании их поверенными»[3]. Все

1 РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 269. Л. 4.

2 ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5696. Л. 1.

НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп." 12. Д. 70. Л. 52; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 84. Л. 51.

же поверенные башкиры не отстранялись от дел, а действовали под контролем и руководством стряпчих, хотя теперь былц ограничены их полномочия в том отношении, что не могли подавать прошения непосредственно от себя, не показав предварительно стряпчим.

Стряпчие назначались из числа русских чиновников, знающих законоположения[1]. Как и попечители, они жалованье получали из денежных сумм, собранных с башкир на почтовую гоньбу и взамен службы в неслужащих резервных кантонах.

Через кантонных начальников стряпчие вызывали к **себе** поверенных и принимали имеющиеся у последних деловые бумаги, рассмотрев которые, давали делу надлежащий законный ход. «Действуя в пользу башкир, они должны были выслушивать решения судебных органов, а в случае неправильного решения, они обязаны были выражать «неудовольствие свое» и вносить дело на рассмотрение высшей инстанции. Однако при рассмотрении дел в присутственных органах эти стряпчие фактически оставались не более, как на положении свидетелей. Лишь в редких случаях некоторые из них действовали решительно и бескорыстно и добивались окончательного разрешения тяжебных дел.

Присутствие стряпчего требовалось и при межевании башкирских земель для наблюдения «за справедливым и законным действием межующих». При отдаче земель в кортому (аренду) они же наблюдали, чтобы земли и угодья отдавались в границах, указанных в договоре. В их обязанности входило еще сообщение начальству о притеснениях башкирского и мишарского населения со стороны других ведомств. Стряпчим было запрещено иметь официальную переписку с «присутственными органами». Им не рекомендовалось писать прошения для башкир, жаловавшихся на своих начальников, а, наоборот, они должны были убеждать их в том, что им это «не принесет никакой пользы», а, напротив, «вовлечет в большие неприятности». В свободное от занятий и разъездов время стряпчие должны были проверять состояние

[1] 2 ПСЗ. Т. 12. № 10281.

бумаг и «письмоводства» в кантонных штаб-квартирах и внушать письмоводителям, что оформление и ведение дел должно быть аккуратным. Однако введение института стряпчих не улучшило положения: число тяжебных дел не уменьшилось, земельные споры и злоупотребления чиновников не прекращались. Стряпчие сами являлись вымогателями и разорителями населения. Они часто злоупотребляли своим служебным положением и требовали с башкирских чиновников взятки за продвижение дел[1]. Таким образом, ликвидацию института поверенных следует рассматривать как еще большее сужение функций остатков башкирского самоуправления, а замену его стряпчими как расширение полномочий государственной структуры.

К одному из атрибутов самоуправления следует отнести и свидетелей (понятых). В донесении подполковника (позднее бригадира) Уфимского вице-губернатора П. Д. Аксакова И. И. Неплюеву от 1743 г. говорилось, что у башкир «ни одного дела без показания свидетелей не бывает». При этом следует подчеркнуть, что свидетели избирались обществом (деревней, волостью или ее частью (подразделением — тюбой-аймаком), а не назначались местными уездными, или провинциальными, властями[2]. Одна из обязанностей свидетелей — это их участие наряду с представителями владельцев или пользователей земельных дач при определении или установлении межевых границ, а также рубежей между волостями. Таковыми выступали, кроме двух сторон — истца и ответчика — авторитетные известные вотчинники с третьей стороны, представлявшие жителей сопредельных волостных территорий. К их услуге прибегали и тогда, когда устанавливали подлинность того или иного лица, претендующего на восстановление его владельческого права на ту или иную вотчину.

Сельское управление состояло из деревенского начальника: «ауыл-карты», «тюбе-карты» или «тюбе-баши», смотрителей лесов и др.

[1] ЦГИА РБ Ф 2. Оп. 1. Д. 6675. Л. 6; Д. 11310. Л. 5; *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии (1798-1865 гг.) С. 40-41.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 147. Л. 122.

Деревенские начальники избирались на сходе и утвер^ дались воеводами, в XIX в. — кантонными начальникам! Поручения старшин любого ранга они аккуратно и точн выполняли с сотниками и десятниками. Осуществляли надзо за посторонними, вновь прибывшими и проезжающими, также «за порочными людьми», которые уходили из деревн без разрешения. Одним словом, они наблюдали «за тишинох и спокойствием в деревне».

Тюбе-баши (ауыл -карты, тебэ "карты) разбирали по жалобам маловажные дела, делили земельные участки назначали людей для подводной гоньбы, для ремонта доро телег и приготовления дегтя для несостоятельных служапц направляемых на пограничную службу. В больших деревн избирали из 2 — 3 человек тюбя-баши.

Десятники, по несколько человек на одну деревню, исполняли все то, что от них требовал деревенский начальни (тюбя-баши). С ним делали наряды для подводной гоньбы ремонта дорог. Наблюдали «за нравственностью» и «нерас торопными людьми», которых «принуждали к труду».

Сборщики налогов избирались сельскими сходами Сбора военных и земских податей. Сведения о сборе дене с жителей деревни получали от юртовых старшин с указание" срока, количества собираемых денег. Всю сумму собранных денег сдавали кантонному начальнику.

С конца XVIII в. в деревнях строились так называемые запасные хлебные магазины, куда «магазейные смотретили» и их присяжные осенью собирали с каждой души мужского пол" по 2 пуда хлеба на случай неурожая. Весной хлеб раздавался хозяевам. Учет о приеме и раздаче хлеба велся каждым из них.

В каждой юрте-группе из 3—12 деревень выбирались по одному лесному надзирателю (полесовщики), в каждо" деревне по одному его помощнику. Их обязанности: осмотр лесных дач, защита от пожаров, самовольной порубки и сдерки бересты. В случае пожара обеспечение людьми через юртовых старшин для его тушения. В Осинском уезде Пермской губернии в 32 башкирских деревнях их было 49 человек.

Были и пожарные старосты — непосредственные организаторы тушения пожара. Если для этого не хватало людей, то

оНи сообщали коллеге из соседней деревни «о присылке на домощь людей».

Все эти должностные лица сельской общины избирались сроком от 6 месяцев до года обществами и утверждались кантонными начальниками. При этом их освобождали от денежных и натуральных повинностей.

Важными персонами в общине были дорожные смотрители, избираемые не обществом, а кантонными начальниками и утверждаемые в должностях попечителями кантонов. Кантонный начальник давал юртовым старшинам распоряжение о наряде людей из расчета 1 человек из 10 на ремонт дорог, а те составляли списки людей, которые передавали смотрителям. Работа по ремонту дорог, мостов и переправ осуществлялась ранней весной и поздней осенью после завершения соответствующих сельскохозяйственных полевых работ[1].

В целом, нужные для обществ должностные лица ложились на них тяжелым материальным бременем. Общинные институты башкир, известные во всех славянских, угро-финских и тюркских обществах в Башкирии во второй половине XVIII — первой половине XIX в., постепенно, но частично трансформировались из элементов самоуправления в атрибуты местных государственных властей.

Воеводские, провинциальные и губернские канцелярии часто прибегали как в мирное время, так и в кризисные ситуации к услугам доносчиков, прозванных конфидентами, а в народе — куштанами, которые были буквально в каждом населенном пункте. Они «тайным образом» подслушивали разговоры сотников, старшин, тарханов, участников восстаний и юртовых старшин, и даже кантонных начальников. Уфимские власти тотчас узнавали о планах или намерениях этих влиятельных людей. В 1675 г. тархан Кипчакской волости Игнмухамет Давлетбаев тайно послал двух сыновей к сибирскому султану Кучуку, но об этом на второй же день стало известно в Уфе[2]. В 1721 г. башкир Ельдякской волости

[1] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15156. Л. 2-28.
[2] МИБ. Ч. 1. С. 203.

Султанбек Мятиков в деревне Тактакул взял под караул одного куштана, собиравшего информацию об отношении людей к беглым. О графе Головкине с правительственным отрядом разыскивающим этих беглых, Мятиков прилюдно сказал чтобы их «не сыскивали», что они его не боятся, поскольку «степь велика», что «здесь ему делать нечего»[1].

Куштанами были люди не рядовые, а муллы, писари, старшины. В 1770-х г. две дороги (Казанскую и Осинскую) обслуживал мулла Сулейман Мустафин, о деятельности которого высоко отзывался губернатор Рейнсдорп («должность свою отправляет с особливым усердием»), за что в 1770 г. ему подарил «на кафтан сукна 5 аршин (т. е. 3,55 м. — *А. А.)* при похвальном листе»[2]. В народе про таковых говорили: «Доносчику — красные штаны» (ошатссыга — •кызыл ыштан»). Это наводит на мысль о том, что народ знал их в лицо. В подтверждение ее - еще факт. В 1740-х г. А. И. Тевкелев без разрешения схода, т. е. «без мирского совету», взял из башкир куштанов[3]. Со времен правления Петра I, который особо поощрял доносительство, этот институт самоуправления получил еще большее распространение. Здесь не будем называть имена некоторых видных проправительственных башкирских старшин, ставших с конца XVIII — начала XIX в. даже потомственными дворянами, постоянно находившихся среди конфидентов. О вездесущем оке доносчиков — следующий пример. О беглом бывшем юртовом старшине Буранбае сэсэне Кутучеве в 1820-1822-е гг. оренбургский военный губернатор получал доносы из Малого Казахского жуза, из Илецкой Соли, из Бурзянской волости (где скрывался в деревнях у родственников.) Доносы шли отовсюду, даже если он где-то у кого-то находился на чаепитии или на сенокосе и т. д.

Как бы то ни было институт конфидентов с некоторыми изменениями, несмотря на адаптационный процесс общественной жизни по многим параметрам с таковой российской, надолго и прочно сохранился.

[1] МИБ. Ч. 1. С. 297.
[2] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15214. Л. 23.
[3] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 46. Л. 1619.

§4.
ШАРИАТСКИЙ СУД

Вопрос о формах суда и о его деятельности историками специально не изучен. Только в общих работах можно найти отдельные сведения о воеводском и шариатском судах. Считается, что в XVII в. башкирское население Уфимского уезда не подпадало под сферу действия общероссийского законодательства. Отношения между царским правительством и башкирами строились на основании правовых норм жалованных грамот, в которых закреплялись взаимные права и обязанности. В инструкции 1728 г. уфимскому воеводе П. И. Бутурлину указано, что в отношении с башкирами «поступать по данным от предков наших Великих Государей жалованным грамотам» (ПСЗ. Т. 8. № 5318). Тексты этих грамот хранились в Москве и Уфе, поэтому башкиры могли судиться только в Москве и Уфе. Жалованные грамоты были утеряны в результате повторяющихся пожаров в этих городах[1]. Шариатский суд существовал издавна. Его называли еще и третейским. Состав суда менялся, однако непременным его членом был представитель мусульманского духовенства — мулла. Члены суда выбирались на аульном и волостном сходах. Также функционировали аульные и волостные третейские суды.

До присоединения Башкирии к России шариатский суд имел широкие полномочия: решал все гражданские и уголовные дела вплоть до дел об убийстве. Так было и до начала XVII в., когда дела о земельных спорах между волостями и об убийстве передавались в компетенцию уфимского воеводы — начальника уфимского воеводского управления, затем и его асессоров — помощников.

В 1720-х г. была попытка ликвидировать шариатские суды. В начале следующего десятилетия наблюдаем признание их со стороны воеводской и центральной властей. Это видно из содержания указов. По Сенатскому указу от 31 мая 1734 г. «Дозволялось» на местах без никаких пошлин «разбитца

[1] *Азнабаев Б. А.* Указ. соч. С. 13-14.

третейским судом и мириться безвозбранно», поскольку ездить в Уфу «весьма убыточно». А с тех, кто пожелает рассмотрения своего дела в Уфе, брали по 50 коп. с челобитной. По новому указу «Всякие разбойные и убийственные дела» передавались в уфимскую воеводскую канцелярию для их решения по указам и Соборному Уложению 1649 г.[1]

По упомянутому указу 1734 г. разрешалась деятельность третейских судов не в каждом населенном пункте как прежде, а только «в одних знатных селениях, куда челобитчики и ответчики съезжаться и судиться должны»[2]. В этих больших деревнях на сходах выбирались по 2 человека почетных стариков, называемых «тебо-тсарты», т.е. тюбе-карты, и мулла, утверждаемые в первой половине XIX в. кантонными начальниками[3].

В наказах башкир Уфимской провинции от 1767 г., ставился вопрос о том, чтобы мелкие ссоры и драки между жителями разбирались представителями духовенства и старшинами на тех же шариатских или третейских судах[4], поскольку до этого они были лишены этих прав.

Категорически запрещалось принимать и рассматривать уголовные дела башкир, которые входили в компетенцию государственных структур, т. е. уездных, земских судов и судебных палат.

Дела третейских судов решались устно, без всякой записи в книгу, поэтому детализировать их деятельность невозможно. Однако по разным источникам можно определить круг вопросов, рассматриваемых народным судом, который был довольно широк. Это — раздел имущества и наследства, бракоразводные дела, ссоры и драка, мелкая кража, взыскание долгов, захват чужого имущества, земельные споры и т. д- Разбирательством мелких вопросов параллельно занимались и волостные старшины.

[1] ПСЗ. Т. 9. № 6581; *Добросмыслов А. И.* Указ. соч. С. 193- 194.
[2] РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 211. Л. 26-27.
[3] *Бикбов Ю. С.* Башкурды. Материалы по истории башкирского народа. Оренбургская газета. 1899. № 789.
[4] *Асфандияров А. З., Асфандиярова К. М.* Указ. соч. С. 95.

Земельные и уголовные дела изымались из их компетенции. Тещ не менее шариатские суды продолжали их рассматривать.

Споры о земельных угодьях разрешались тогда, когда свидетели поддерживали претензию какой-либо одной стороны. Спор одноволощан (Енейская волость, 1706 г.) о сенокосных угодьях был закончен полюбовной мировой[1]. По аналогичному делу суд заключил, что спорной вотчиной владеет тот, который имеет более «старую грамоту» на нее, чем другая сторона[2].

Между башкирами вотчинниками Байлярской и Кыр-Иланской волостей с 1740 г. возник спор о земле, который только через 10 лет был разрешен третейским судом: спорной землей пользоваться «пополам» (т. е. поровну. — *А.* А.)[3]. Третейский суд не смог разрешить спора о границах вотчин между башкирами Кущинской и Айлинской волостей[4].

По Сенатскому указу от 1734 г. шариатский суд «с 12 посторонними людьми» приговорил земельные угодья двух спорящихся башкир Ельдякской волости размежевать. Однако один из них высказал свое несогласие с ним. Но тому было сказано, что «того суда не опровергать, а быть так, как оные шерегатчики предложили»[5].

Не только земельные споры, но и уголовные дела продолжали рассматривать шариатские суды и устанавливать наказания, вплоть до смертной казни. Вице-губернатор Уфимской провинции П. Д. Аксаков свидетельствовал в 1743 г. по этому поводу следующее: «винных (т. е. виновных) за (неоднократные. — А. А.) кражи, привязывая к конскому хвосту (пустив вскачь. — А. А.), убивали»[6]. Некоторые авторы в обычном праве башкир насчитывают до 18 видов смертной казни[7]. В 1729 г. уфимский воевода П. И. Бутурлин обратился в Сенат за разъяснением, что делать «ежели башкиры будучи

[1] МИБ. Т. 3. С. 27.
[2] Там же. С. 252.
[3] ЦГИА РБ. ф. 2. Оп. 1. Д. 5405. Л. 289.
[4] МИБ. Т. 3. С. 255.
[5] *Добросмыслов А. И.* Указ. соч. С. 209.
[6] МИБ. Т. 3. С. 526.
[7] *Мухтаров Н.* Смертная казнь в обычном праве башкир / Ватандаш. 9пп, 001 - № 10. С 112.

на сборах (т. е. на суде. — А. А.) между собой с согласия своего своих же людей за воровство убивают»[1].

Наказания по решению шариатского суда осуществлялись! («по приговору стариков») при мечетях. Сход Больше-Кущинской волости постановил: просить начальство «0 дозволении по-прежнему (т. е. по обычаю. — *А. А.)* наказывать винных розгами при мечете по приговору стариков»[2].

Четыре ахуна, по-одному на четыре дороги, представляли высшую духовную должность до открытия Оренбургского духовного собрания в Уфе в 1789 г. Они обладали большими полномочиями в области суда. В введении ахунов находился весь суд по духовным делам (в волостях и дорогах), который рассматривал довольно большой крут вопросов как в области семейных, так и имущественных отношений: «а имянно — **в** несоюзном житье мужа с женою, и кто из них будут представлять на кого законные пороки, по которым им быть далее не можно, во взятье в противность закона в родстве, или в свойстве, коим супружская линия запрещает в замужество...»[3]

Ахунов приглашали в волости для раздела по шариату наследнего имущества. С той миссией в начале 1750-х г. ахун Батырша Алеев посетил Гарейскую и Уранскую волости[4].

На социальную суть приговоров судов не могли не повлиять верхи общества. Не раз упомянутый вице-губернатор Аксаков в своей записке о состоянии народа до и после восстания 1735— 1740 гг. писал об этом так: башкиры «в некоторых делах разбирались или судились миром, причем богатые и старики, а паче великосемейные болыни делали... и властвовали»[5].

Наверное, удаленностью г. Уфы можно объяснить процветание взяточничества и волокиты в воеводском суде, почему гайнинцы северной Башкирии отдавали предпочтение шариатскому суду или просили о перенесении разбора большинства дел в волостные третейские суды[6].

[1] *Азнабаев Б. А.* Указ. соч. С. 56.
[2] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13022. Л. 193.
[3] *Чулошников А. П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940. С. 12*' ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13022. Л. 193.
[4] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51. Л. 34-35.
[5] МИБ. Т. 3. С. 526.
[6] Там же. С. 8, 546, 547.

Некоторые дела о разделе имущества между наследниками, 0 бракосочетании временами решались гражданским судом или вмешивались в мирские тяжбы и ссоры. «Депутаты от народа» — помощник ахуна Амирхан Абзиев и старшина дбдулялил Султанов в 1793 г. просили уфимского наместника генерал-поручика А. А. Пеутлинга о передаче тех дел «духовным людям» с освобождением последних «от всех мирских нарядов и тягостей», что и было удовлетворено[1].

И последнее. Суды всех рангов нуждались в справочных пособиях. Как в удовлетворение их потребности башкирский врач, выпускник Казанского университета Юсупов перевел Коран и шаригат (т. е. мусульманское право. — *А. А.)* на русский язык[2]. Почти одновременно в 1851 — 1853 гг. «мусульманские постановления, шаригат» были переведены на русский язык губернским секретарем Явишевым[3].

Таким образом, третейский (шариатский суд) — непременный атрибут башкирского самоуправления — играл очень важную роль в регулировании правовых отношений между членами общины. Его большие права, в целом, привилегии башкир, по мнению отдельных историков (А. Н. Усманов, например), были предопределены добровольностью Российского подданства башкир, то другие (Б. А. Азнабаев) высказали интересную мысль: правительство учитывало фактор добровольности только в том случае, если у новых подданных была возможность отказаться от этого подданства. У башкир такой выбор сохранялся и после присоединения края к Русскому государству, в то время как у некоторых поволжских народов, частично мирно принявших российское подданство, такой возможности не было[4].

В заключение подчеркнем, что царское правительство до начала XVIII в. почти не вмешивалось в общественную жизнь °ащкир, многие вопросы внутриобщинного характера решаюсь на народных собраниях, а также шариатским судом,

[1] МИБ. Т. 5. С. 568, 573.
[2] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 70. Л. 51.
[3] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1.Д. 5818. Л. 1.
Азнабаев Б. А. Указ. соч. С. 79-80.

наследственными лицами, которые управляли волостными, общинами. С первой трети XVIII в. правительство усиливает интеграционный процесс в Башкирии, что привело к умалению роли самоуправления в крае*.

* Наказ был известен А. П. Чулошникову. *А. П. Чулошников.* Восстание 1755 г. в Башкирии. М; Л., 1940. С. 27.

Следует отметить, что не все исследователи обращали внимание на влияние политики царского правительства на состояние численности народа в тот или иной период истории.

Сначала об изученности истории демографического развития народа в историко-этнографической литературе. Отсутствие конкретных материалов о демографии за XVII — XVIII вв. и более раннего периода породило массу предположений и догадок о численности башкир. Обратим внимание на некоторые из них. Так, как будто в обоснование возникшего в XIX в. тезиса о вымирании башкирского народа Сагит Мирасов приводил следующие, ничем не обоснованные цифры: в XIII —XV вв. башкир насчитывалось 7 млн человек, в 1557 г. — 3 млн (заметим, что во всей России в середине XVI в. было 6,5 млн, в конце века — примерно 7 млн человек), в 1735 — около 2,8 млн, в 1744 г. - 2 млн, а 1815 - 1814 гг. - 2,1 млн, в 1850 г. — более 1,5 млн человек[1].

В обобщающей работе по истории Башкирии 50-х г. XX в. приведены другие данные: в середине XVII в. башкир было 50 — 60 тыс. человек, в 1782 г. — 137 тыс., в 1851 г. — 497 6 тыс., в 1858 г. — 544,8 тыс.[2] Отметим, что последние цифры являются итогами двух последних ревизий (1850, 1859 гг.) в России.

Б. Х. Юлдашбаев, опираясь на значительную литературу, Динамику общей численности башкир представил следующим °бразом: в 1725 г. их было 85,9 тыс. человек, в 1752 г. — 106 тыс., в 1772 г. - 140 тыс., в 1782 г. - 1374 тыс., в 1800 г. - 160 тыс.,

Мирасов С. Баигкортларнын, йэн хисабы // Баш-корт аймагы. № 1. 1925. ~63 биттар;

2QQ[3ееВ] *Р-* Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978.

[2] ОИБ. Т. 1. Ч. 1. С. 87, 256; Т. 1. Ч. 2. С. 9, 149.

в 1715 г. - 309 тыс., в 1850 г. - 4976 тыс., в 1857 г. - 542 ты человек[1]. Сведения за последние два-три года, в основно отражают итоги ревизий.

Специально занимавшийся этнодемографией Р. Г. Кузее сделал попытку по-своему решить проблему. Исходя из того что в 1631 г. было 6 188 ответственных людей за сбор ясака[2] вносивших в казну от имени 5-20 родственных семей ила от 40 человек обоего пола, он вычислил среднее общее количество башкир - 250 тыс. (40х6 188) человек[3]. В момент присоединения к России башкир (вместе с оставшейся частью ногайцев) насчитывалось около 180-240 тыс. человек[4]. К 1726 г. численность башкир приближалась, по его подсчетам, к 260 тыс. человек (9 человек в среднем на семью х 28 655 дворов). В 1770 г. их было столько же (9 человек на семью х 24 882 двора = 224 тыс. + 36 тыс. исетских башкир = 260 тыс.)[5].

Колебание численности башкир в пределах 180-260 ***тыЩ*** человек в течение XVII-XVIII вв. автор объясняет низким уровнем развития производительных сил в башкирском обществе. Отрицательное воздействие на динамику численности башкир оказало также жестокое подавление 7-8 восстаний в тот период. В какой-то мере понятна концепция Р. Г. Кузеева, которую можно назвать точкой зрения о «демографическом застое» и объяснить особенностью башкирского хозяйства, а также трагической (в то же время и героической) историей народа XVIII столетия.

Что касается первой половины XIX в., то Р. Г. Кузеев вполне справедливо считал весь век периодом существенных изменений в численности башкир. По его подсчетам, основанным на официальные переписные материалы и работы исследователей, в 1815 — 1817 гг. башкир насчитывалось около 310 — 320 тыс. человек, в 1834 г. - 329,2 тыс., в 1851 г. - 508,2 тыс., в 1859 г. - 544,8 тыс. Выявляет он и причины высоких темпов роста башкирского населения в первой половине XIX в, которые

[1] *Юлдашбаев Б. Х.* Формирование башкирской нации. Уфа, 1972. С. 68.
[2] ОИБ. Т. 1. Ч. 1. С. 87 256; Т. 1. Ч. 2. С. 9, 149.
[3] *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 212.
[4] Там же. С. 214.
[5] Там же. С. 222-223.

происходили не только за счет естественного прироста, но и за счет инфильтрации в башкирскую среду пришлого населения[1].

Изучением территориальных границ проживания башкир и их демографией давно занимается Н. Н. Томашевская (Моисеева)[2]. Основываясь на сведениях кунгурского бургомистра Юхнева, исходя из данных автора этих строк в одной из его работ о составе неразделенных и малых семей как у полукочевых башкир 10—12 человек, так и их оседлой части (6 — 7 человек) и средней численности башкирской семьи (8 — 9 человек), Н. Н. Томашевская на начало XVIII в. показала их общее количество 275 тыс. человек (15 846 дворов неразделенных семей х 12,5 человека на семью = 198 075 человек и 12 809 малых семей х 6 = 76 854 человека, всего 275 тыс. человек)[3]. Последняя цифра, в основном, сопоставима с данными Р. Г. Кузеева (260 тыс. человек). Однако наши сведения[4] относятся не к началу XVIII в., а к 1830 годам. Поэтому с выводами Н. Н. Моисеевой трудно согласиться, поскольку за 100 лет произошли важные события социально-политического, административно-территориального и экономического характера, которые сильно повлияли на демографию народа.

В недавно опубликованной монографии Н. Н. Томашевская пришла к другому выводу. По данным того же Юхнева, в Казанской дороге имелось 7 840, в Осинской дороге — 2 104, в Сибирской дороге — 3 711, в Ногайской дороге — 15 000 дворов. Всего по четырем дорогам дворов 28 655. Их умножила на 6 человек, ссылаясь на нашу работу о средних данных на одну семью, и получила цифру 171 930. В это число автор включает неучтенные еще 10—12 тыс. «юхневских» башкир, в волости которых не был допущен и «скрытно чрез других»

[1] *Кузеев Р. Г.* Указ. соч. С. 226-233.
[2] *Моисеева Н. Н.* Очерк исторической географии и исторической Демографии башкир в середине XVI - начале XVIII вв. // Исследования по Исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 104— 115.
[3] Там же.
[4] *Асфандияров А. З.* Крестьянский двор как социальная ячейка башкирского аула // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. М., 1982.

собиравший сведения Юхнев, и *7,5* — 8 тыс. башкир сибирских волостей. Так автор уменьшает общее количество башкир с 275 тыс. до 190 — 200 тыс. человек к 1725 г.

Автор свои исчисления по материалам последующих ревизий начинает с 3-й ревизии 1762 г., т. к. первые две численность башкир не учли. По 3-й ревизии башкир и «под их именем состоящих калмык» было 15 645 дворов (94 962 человека), тарханов — 344 двора (10 976 человек), находящихся «в башкирском звании» мещеряков 2 278 дворов (15 517 человек), татар — 288 дворов (1 429 человек). Всего 18 555 дворов, население 123 884 человека. С учетом пермских башкир (14 172 души м. п. х 2 = 28 344 души об. п.) автор всего башкирского населения исчисляет 151 228 человек.

Путем определенной корректировки по разным источникам итогов 4-й ревизии 1782 г., когда были учтены башкиры в 137 407 человек, Н. Н. Томашевская доводит эту цифру до 167 090 человек.

По разным источникам известны разные цифры о количестве башкир по 5-й ревизии 1795 г. Автор приводит их: 154 658, 160 488. И доводит общую численность башкир не в 1795 г., а на рубеже веков до 185 201 человека[1]. При этом автор считает, что мы в своей монографии по истории башкирской семьи завысили численность башкир до 198 — 200 тыс. человек из-за того, что нами, якобы, дважды были учтены «тарханы, сарты и калмыки» в составе башкир. Между тем в свое время такое же замечание было сделано нами в адрес другого исследователя. При этом исчисление общего количества изучаемого населения нами проводилось конкретно по каждому населенному пункту в отдельности, из их числа исключены явно небашкирские.

По XIX в. новой информацией для нас стали итоги 6-й ревизии 1811 г. По изысканиям автора, в Оренбургской и Пермской губерниях без вятских и саратовских, а также жителей Бузулукского уезда было 256 186 башкир. Получается, что за 1800— 1811 годы прирост составил почти 71 тыс. человек

[1] *Томашевская Н. Н.* От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа, 2002. С. 39-42, 87-88, 89-90.

или *7,2* проц., что противоестественно и вызывает у читателя явное недоумение и недоверие к предложенной автором цифре.

7-я ревизия 1816 г. имеет свои особенности. Она учла только башкир-вотчинников, которых, по Н. Н. Томашевской, насчитывалось в Оренбургской губернии 229 505 человек. Башкир-припущенников, по подсчетам Р. Г. Кузеева и Х. Ф. Усманова, было 50 — 60 тыс. человек, а, по А. 3. Асфандиярову, — 66 тыс. Эти данные автором взяты под сомнение, поэтому использованы материалы М. К. Любавского, по которым таковых по 7-й ревизии оказалось 32 908 человек. В итоге только в Оренбургской губернии численность вотчинников (229 505) и припущенников (32 908) составила 262 413 человек. К ним автор прибавляет пермских башкир (31 422 человека), саратовских (1 542), вятских (2 446) и башкир Уральского казачьего войска, с 1832 г. оказавшихся в его составе (1816). Всего, заключает автор, в 1816 г. башкир насчитывалось 299,6 тыс. человек. Мотивы автора об отказе от итоговых данных о численности башкир по 7-й ревизии, предложенных нами (328 124 человека), не совсем убедительны (что недосчитал больше тысячи человек по Бугульминскому уезду и др.).

По 8-й ревизии 1834 г. предложенные нами данные о численности башкир в 387 560 человек автором пересмотрены в сторону их снижения — 382 872 человека с незначительной разницей в 4 688 человек[1].

Сравнивая данные нескольких информативных материалов, Н. Н. Томашевская вполне справедливо считает, что в 1851 г. в Оренбургской губернии было учтено 434 622 башкира. В Пермской губернии проживало башкир 50 548, в Самарской — 14 116, в Вятской — 5 198, в Уральском казачьем войске — 3 280 человек. В итоге — 507 766 башкир.

Значительные коррективы автором внесены в итоговые Данные 10-й ревизии 1859 г. До сих пор, наряду с другими историками, мы пользовались одним источником под названием «Ведомости о народонаселении России по десятой переписи» (журнал МВД. 1860. № 5), где была указана цифра 544 843. Она автором существенно дополнена. По уточненным

[1] *Томашевская Н. Н.* От социального пространства.... С. 90 — 95.

данным Министерства финансов, численность башкир в 1859 г. в Оренбургской и Пермской губерниях составила 562 996 человек. С включением к ним самарских и вятских башкир 24 469 человек и башкир Уральского казачьего войска 5 708 человек общее число башкир составило 593 173 человека[1]. Как видно, прирост равняется почти 50 тыс. человек.

Необходимо подчеркнуть, что Н. Н. Томашевская своим скрупулезно-заинтересованным исследованием внесла существенный вклад в изучение численности башкирского народа. Пока ее материалы обкатываются в научной литературе. Время покажет, какие-то моменты ее выводов воспримутся как должное и доказанное, другие могут быть отвергнуты.

Ознакомление с обобщающими работами по истории Башкортостана показывает неразработанность истории демографичского развития народа. В одной из них показано, что в начале XVIII в. было 60 — 100 тыс. башкир, а в 1725 г., по сведениям Р. Г. Кузеева, — 260 тыс. человек, в 1795 г. по «Экономическим примечаниям» — 183,3 тыс.[2]

В другой из них количество башкир на основании сведений того же Юхнева за 1725 г. определено в 380 — 390 тыс. человек. Заметим, что на его же материале, как выше указывалось, Р. Г. Кузеев и Н. Н. Томашевская определили численность башкир в 260 тыс. — 275 тыс. человек (затем той же Н. Н. Томашевской данная цифра была снижена до 190 — 200 тыс. человек). В конце XVIII в. по Оренбургской губернии башкир оказалось 158 тыс., за ее пределами — 45 тыс. и итого — 203 тыс. человек[3]. К середине XIX в. численность башкир авторы коллективой работы показывают в 493 256 человек[4].

По всему видно, что и здесь нет единого подхода к определению численности народа по разным периода истории края.

И. Г. Акманов занимался определением численности башкир на основе лишь одного материала за один год. При

[1] *Томашевская Н. Н.* От социального пространства С 95

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Отв. ред. Х. Ф. Усманов. С. 187, 266.

С. 114 И Ш- И 2 Я 00 БаШК РТОСТаНа С Аревнейших в Р емен До наших дней. Т. 1.

[4] Там же. С. 277.

этом источником для него послужили уже не раз упомянутые, тайным образом собранные, юхневские сведения. В 1987 г., по-своему интерпретируя и абсолютизируя их, И. Г. Акманов дал общее количество башкир за 1725 г. в 350 — 380 тыс., в 1991 г. — 380 — 386 тыс., в 1993 г. — 390 — 400 тыс. человек[1]. Предыдущие авторы в своих расчетах показали на 120 — 200 тыс. меньше, чем И. Г. Акманов. При этом за основу расчета он берет 12 человек на одну семью при наличии, по его подсчетам, 32 — 33 тыс. дворов. Семья из 12 человек — это сложная или неразделенная семья. Любое общество — полукочевое или оседл°"земле А ельческое ~~ вместе с тем не может состоять из сложных семей, были и малые, которые где-то господствовали, где-то занимали не главное место.

Между тем сведения Юхнева, его итоги об общей численности башкир мужского пола не оставляют места для каких-либо предположений. Судите сами: по Юхневу, всех волостей, куда он был допущен, было 60, в них — 28 655 дворов (у него допущена неточность при подсчете — 14 655), где проживало 85 967 по словам того же автора, «например, душ». Это мужская половина общества. При соотношении полов 1 : 1 общее количество башкир было 171 934 человека (85 967 душ м.п. х 2). Разделив эту цифру на 28 655 дворов, получаем ровно 6 человек на 1 семью.

Такой вывод подтверждается и официальными материалами 5-й ревизии 1795 г. по 17 уездам из 22-х, где проживали башкиры. По ним нами выявлено 30 574 двора с числом жителей 184 560 человек. Это означало, что на 1 двор (= семьи) приходилось в среднем 6 человек[2].

В опубликованных материалах 5-й ревизии по всем волостям 12 уездов Оренбургской губернии совместно с Ф. М. Сулеймановым видно, что на 1 двор в среднем

[1] *Акманов И. Г.* Башкирские восстания в XVIII в. Уфа, 1987. Учебное пособие. С. 8; *Он же.* Башкирия в составе Российского государства в XVII — Первой половине XVIII в. Свердловск, 1991. С. 13 (380-386 тыс.), 15(380-396 тыс); Он *же.* Башкирские восстания XVII - начала XVIII в. Уфа, 1993. С. 22.

[2] *Асфандияров А. З.* Крестьянский двор как социальная ячейка ашкирского аула // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР Социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984. С. 353. *Он же.* Семья И брак у башкир в XVIII - первой половине XIX в. Уфа, 1989. С. 5-6; *Он же.* Шкирская семья в прошлом. XVIII - первая половина XIX в. Уфа, 1997. С. 6.

приходится 6,2 человека. Конкретно по уездам это и по наличии неразделенных семей выглядит следующим образом.

Уезды	Количество		На 1 двор	
	деревень	дворов	башк.об пола	человека
Белебеевский	177	274	815 843	5,8
Бирский	185	349	419 769	5,7
Бугульминский	30	374	2 620	70
Бузулукский	8	182	1 333	73
Бугурусланский	4	75	415	5,5
Верхнеуральский	130	327	221 696	6,3
Мензелинский	152	2 425	16 456	6,8
Оренбургский	187	3 555	22 123	6,2
Стерлитамакский	182	3 930	25 569	6,5
Троицкий	119	2 461	13 521	5,5
Уфимский	831	476	8 398	5,7
Челябинский	901	995	14 587	73
Всего	1347	26 187	162 330	6,2

Таким образом, в первой и последней четвертях XVIII в. почти во всех башкирских волостях плотность двора-семьи равнялась 6 человекам. Это не предположение, а факт, поскольку такой вывод исходит из обобщения массового материала. Поэтому данные Ф. Тухватуллина (8 — 9 человек на 1 семью), Р. Г. Кузеева (10— 15 человек) или И. Г. Акманова (12 человек) далеки от истины.

История демографического развития башкирского народа за XVIII в. интересовала Н. М. Кулбахтина, который является автором нескольких публикаций по этой проблеме[2]. При

[1] ***Асфандияров А. З., Сулейманов Ф. М.*** Ревизские сказки — важнейший источник по истории башкирского двора // Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI — XX вв.: Межвузовский научн. сб. Уфа: БГУ, 1994. С. 83-96; ***Сулейманов Ф. М.*** Башкирский двор (конец XVIII - первая половина XIX века). Уфа, 2003. С. 80-89.

[2] ***Кулбахтин Н. М.*** Горнозаводская промышленность в Башкортостане в XVIII в. Уфа, 2000. С. 28 - 37; ***Абсалямов Ю. М., Кулбахтин Н. М.*** Численность, этносословный состав и размещение населения Южного Урала в конце XVIII — начале XIX в. / Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XV — XX вв. Уфа, 1994; ***Он же.*** Баштсорттарзы йорт паны менэн исэплэгэндэр... / Башкортостан. 2001. 13, 18, 27 июль (№ 134, 139, 144). Башк.

расчетах и подсчетах предположительных данных администраторов XVIII в., визуального характера материалов и переписных сведений автор исходит из усредненного коэффициента, предложенного вышеназванными авторами по 9—10 человек на 1 башкирскую семью. Итак, автор юхневским данным предлагает цифру 300 — 350 тыс. человек, приблизив к таковой сведения И. Г. Акманова. Далее Н. М. Кулбахтин, основываясь на данных И. Г. Георги, прибавил численность зауральских башкир за 1770 г. и установил численность башкир в 285 тыс., а по итогам 5-й ревизии — 203 тыс. человек. В течение XVIII в. произошло большое сокращение численности башкир с 300 — 350 тыс. до 203 тыс. человек*. Н. М. Кулбахтин, как и другие исследователи, верно объясняет это жестоким подавлением восстаний 1704—1740 гг., 1755 г. и пугачевщины 1773— 1775 гг. Потери башкир в ходе подавления восстаний автором показываются в сторону ее увеличения. В течение XVIII в. в результате карательных акций правительственных войск потери башкир, по Н. М. Кулбахтину, составили 230 — 250 тыс. человек (75 — 85 тыс. после подавления первого восстания, 60 — 68 тыс. — после второго восстания, 90 тыс. человек ушедших к казахам, 10 тыс. человек после пугачевщины). Можно заметить, что потери башкир были гораздо больше после 1735—1740 гг., чем в годы первого восстания. Кроме того, автором в 2 — 3 раза преувеличено количество беженцев в Казахстан. В целом, подчеркнем, что с такими ужасающе-мрачными итоговыми данными никак невозможно согласиться, поскольку потери такого масштаба привели бы к полному истреблению, вымиранию, т. е. исчезновению башкир как народа.

А между тем народ существовал, боролся и наращивал темпы в своем демографическом развитии, добившись к середине XIX в. достойного места среди крупных этносов в Урало-Поволожье и России.

В целом, необходимо отметить плодотворную работу всех Исследователей по изучению состояния демографии башкирского народа. Накоплен большой научно-практический опыт

* При этом автор ссылается на одну из наших работ, где, однако, по Аобного утверждения вообще нет.

и образовалась хорошая база данных о численности народа з XVII —XIX вв., которые позволят будущим демографам бол- обстоятельно заниматься этой проблемой.

Теперь об отношении правительства к демографии башкир. Сначала подчеркнем, что у правительства еще долго не было никакой политики в области демографии башкирского народа. Со второй половины XVI до конца XVII в. правительства последних Рюриковичей (царей Ивана IV (1547—1584) и его сына Федора Ивановича (1584— 1598), почти не имевших к ним прямых родственных отношений правителей Бориса Годунова (1598— 1605) и Василия Шуйского (1606—1610), тем более самозванцев двух Лжедмитриев, первых Романовых царей Михаила Федоровича Романова (1613— 1645), его сына Алексея Михайловича (1645—1676), его сыновей и дочери Федора Алексеевича (1676—1682), Софьи Алексеевны (1682—1689) и Великого Петра Алексеевича (1689—1725) интересовала не численность башкирского населения, а количество дворов, поскольку башкиры платили ясак казне с двора, а не с души. Плательщиками ясака были не хозяева дворов, а ответственные люди, которые собирали с дворов ясак пушниной, с XVII в. — деньгами и вносили его сборщикам. С какого количества дворов собирался ясак, сколько человек объединял двор — для исследователей до сих пор эти вопросы остаются загадками.

Если не считать появление нескольких укрепленных пунктов, образование уездного воеводского управления взимание ясака и использование башкирских полков в войн и походах государства, то оно особой активности в Башкирии не проявляло. Правительство почти не вмешивалось в само- управляющуюся жизнь и быт народа. Это продолжалось до XVIII в., в этот период Петр I начал вести более активную внутреннюю и внешнюю политику, затем особенно с сере дины 30-х г. того же столетия. Время до XVIII в. можно назват периодом постепенной адаптации, вслед за которым начи- нается интеграционный процесс башкирского общества в административно-политическую, социально-экономическую структуру Российского государства.

Большие изменения в самоуправлении башкирских общин — волостей произошли с 1730-х годов. Еще ранее началась, так сказать, теоретическая подготовка к этим переменам.

Почти одним из первых свои предложения по решению вопросов о демографии башкир в 1725 г. внес выше- упомянутый кунгурский бургомистр Юхнев. Оно состояло из следующего: переселить всех башкир в центральные уезды страны, раздать их феодалам-крепостникам, предварительно окрестив. На освобожденной от башкир земле предлагалось расселить русское население. Для убедительности его рассуж- дений или предложений приводим его высказывание: «Я мню, без кровопролития, ежели намерение впредь будет для опасения, чтоб они (башкиры. — *А. А.)* бунтовали, надлежит их сколько возможно вывесть в Русь и разделить, и от того в Руси людей умножитца и бусурман примут в христианскую веру и потому Башкиры (т.е. Башкирия. — А. А.) будут от них пусты и на такой доброй земле можно впредь русских поселить»[1].

Другой чиновник — казанский губернатор А. П. Волынский в 1730 г. предлагал решить этот вопрос на месте — в Башкирии. При этом он исходил из того, что башкиры были мусуль- манами, поэтому они «христианам неприятели». Чтобы не допустить их размножения и всеми мерами их искоренить, он предлагал организовывать «башкирские набеги» и «войны» на каракалпаков и казахов, чтобы «махометаня у нас не были блиско в соседстве». Далее предлагалось направить геодезис- тов под видом покупателей лошадей у башкир, чтобы составить карты их месторасположения, и окружить их войсками, укрепив гарнизоны городов новыми батальонами драгунов и сухопутных сил с созданием провиантских магазинов; под смертной казнью запретить «иноверцам» иметь огнестрельное оружие, продолжать практику аманатства; ослабить или разо- рить башкир экономически, т. е. путем введения новых податей. Волынский был уверен в том, что от всех этих мер «тамошний богомерский народ» «не будет умножатца»[2].

Начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов, безусловно знавший предложения А. П. Волынского, в своих «изъяснениях» Кабинету в январе 1735 г. писал о мерах борьбы с магометанством («способ ко умалению сих махометан»). Его беспокоил прирост численности «своевольного народа»: и «без прибылых от многоженства настоящих башкирцов великое

[1] МИБ. Т. 3. С. 487.
[2] МИБ. Ч. 1. С. 302-306.

множество людей и время от времени прибывают». Поэтому предложил следующий испытанный способ по отношению к татарам, которых во время войн «везде их перед войски в первых на пропажу посылали, вменяя в службу»: направлять мусульман, в т. ч. и башкир, на длительную военную службу, «которое время там пробудут, в то жены без плода останутца, а кого убьют, тот и вовсе не возвратитца». Людей, пойманных «за воровство», предлагал «сослать в Рогервик», за последующие такие поступки — отдать «в солдаты отзейских полков и в матрозы во флот»[1]. Все это должно было привести к тому, что мусульмане «умножатца от многоженства не станут».

Все вышеприведенные предложения об «искоренении» народа частично были претворены в жизнь И. К. Кириловым. По словам Роже Порталя, в декабре 1735 г. Кирилову в столице удалось убедить Анну Иоанновну — утвердить его план полного истребления башкир, которому он следовал вплоть до своей смерти в апреле 1737 г.[2] В самом деле в 1735 г. только командой А. И. Тевкелева по р. Ай было сожжено 50 башкирских деревень, через год самим И. К. Кириловым по Ногайской дороге (по рекам Белая, Уршак, Кугуш, Тор, Селеук) уничтожено 200 деревень (в т. ч. первая во всей Башкирии Азиева мечеть под Уфой), А. И. Румянцевым — до 100 деревень по р. Деме, двумя тысячами яицких казаков в бассейне р. Ик — до 200 деревень. Всего 550 деревень[3].

За 1735-1740 гг.[4] имеются следующие неполные сведения:

	Оренбургской комиссии	Башкирской комиссии	Всего:
Сожжено	300 деревень	396 деревень	696
Сослано на каторгу	135 чел.	3 101 чел.	3 236
Казнено	7 455 чел.	9 438 чел.	16 893
Отдано помещикам жен, детей	2 882 чел.	6 909 чел.	9 791
Конфисковано лошадей, коров	1 097 голов	17 154 головы	18 251

[1] МИБ. Т. 3. С. 494.
[2] *Порталь Роже.* Указ. соч. С. 89.
[3] *Витевский В. Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 146— 147.
[4] Там же. С. 172; *Рычков П. И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С. 138- 139.

Приведенные сведения не совсем точно отражают потери народа. Только с 14 июня по 10 сентября 1740 г. карателями было сожжено 1010 деревень с 8 208 дворовыми[1] строениями, с 11 сентября по октябрь того же года уничтожено 537 деревень с 3 899 избами с 3 207 клетями, амбарами, сараями[2].

По этим данным трудно установить общую потерю погибших, казненных, отданных в солдаты (отзейских полков) и матросы, помещикам, умерших от голода людей, которых обычно в исторической литературе доводят до 60 — 65 тыс. человек. Верный правительству страшина Кара-Табынской волости тархан Кидрас Муллакаев был уверен в том, что только в 1735—1736 гг. погибло около 50 тыс. башкир. В феврале 1739 г. начальник Оренбургской экспедиции В. Н. Татищев в доношении в Кабинет обрисовал ужасную картину итогов карательных акций: «Казанская и Ногайская дороги так раззорены, что едва половина (населения. — *А. А.)* осталась, а протчия, Уфимская (т. е. Осинская. — *А. А.)* и Сибирская дороги, хотя не столько людей пропало, однако ж, у всех лошади и скот пропали, деревни позжены, и не имея пропитания, многие с голода померли»[3]. Несмотря на все это, В. Н. Татищев настойчиво предлагал сформировать полк из молодых людей во главе с активными руководителями как будто для похода в Польшу и Крым, а «когда они в Русь выведены будут, тогда их употребить в такие места, чтоб век в домы не возвратились[4].

По всему видно, что эти материалы как бы подтверждают те масштабы потерь башкир (60 тыс. человек), о которых писал В. М. Кабузан[5], В. Н. Татищев[6] и другие. При всем том, в литературе имеется близкая к истине точка зрения об отсутствии у правительства расистской политики по отношению к башкирам. Вместе с тем ответственность за волнообразный террор, проведенный, например, И. К. Кириловым, за

• МИБ. Ч. 1.С. 443-475.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп 3. Д. 143. л. 168 - 185.
[3] МИБ (Башкортостана). Т. 6. С. 602.
[4] Там же. С. 231.
[5] *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке. М., 1990. С. 87 (табл. 3).
[6] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М., 1963. С. 237 422; *Кулбахтин Н. М.* Указ. соч. С. 35.

разрушения сотен деревень и уничтожение тысяч повстанцев предлагается одним автором «не возлагать исключительно на русских», поскольку восставшие, отступая, «оставляли после себя пустыню, сжигая деревни, жители которых не хотели к ним присоединиться»[1]. В данный момент, наверное, следует оговориться, что деяния участников восстания были ответной реакцией на действия карательных отрядов.

Демографическое состояние народа продолжало волновать не только местные власти. Об этом говорят следующие факты. Запрет браков между представителями родственных народов (башкиры, татары, казахи) преследовал, наряду с другими моментами, цель прекращения связей во многих областях. Указ от 11 мая 1747 г. на имя Коллегии инстранных дел предусматривал «Киргиз-кайсакам из Башкирии и из казанских и оренбургских татар в замужество невест не отдавать; также башкирам и татарам на киргиз-кайсатских жениться не позволять»[2].

В просьбе башкирских старшин о покупке себе работников в 1763 г. было отказано по мотивам того, что их «число ... умножится»[3].

После подавления пугачевщины, где башкирский народ принимал самое активное участие, на повестке дня заседания Государственного Совета стоял вопрос о раздаче башкир русским феодалам-крепостникам[4].

Не только не отставал от суждений должностных лиц государственного учреждения, но и превзошел их чиновник, ученый-историк наш земляк — оренбуржец П. И. Рычков в своих советах и предложениях «по уменьшению численности» «дьявлов или варваров», «непостоянного и легкомысленного», «врожденно неблагодарного» и склонного «на злодейства» народа. В своем «покорнейшем докладе» от 23 октября 1774 г. генерал-аншефу П. И. Панину «для приведения башкир в такое бессилие и изнурение», «чтоб они впредь бунтовать не отваживались», он предлагал ввести для них государственный

[1] *Порталь Роже.* Указ. соч. С. 90.

[2] *Юдин П. Л.* Барон О. А. Игельстром в Оренбургском крае (1784 - 1798) / Русский архив. Кн. 1. № 4. С. 52.

[3] МИБ. Т. 4. Ч. 2. С. 457, 492.

[4] Архив Государственного Совета. Т. 1. СПб., 1869. С 232

налог («подать»), рекрутство или установить наряды «в отдаленные службы, многочисленнее прежних», взыскать с них штрафных лошадей за участие в восстании; практиковать ссылку виновных в Балтийский порт (Рогервик); раздавать жен и детей участников восстания помещикам и «чинам» с правом вывоза их во внутренние уезды России; запретить башкирам торговлю с русскими и татарскими купцами; отрешить от должности старшин, принимавших участие «в суете» и выбрать и определить на их места «лучших людей»; для надзора за старшинами определить из русских дворян управителей. И последнее. Он предлагал «самый уже строжайший способ»: «Поступить с ними (т. е. башкирами. — *А. А.)* так, как поступали китайцы с целым и со здешней стороны противу их не меньше людным зюнгарским народом, которым он совершенно овладев, разевили (разсеяли, развеяли) ево по всей своей империи. Башкирцы этой меры заслужили. На изобильных их землях заселить людьми из других уездов»[1].

Исходя из вышеизложенного, можно получить общее представление о политике местных (воеводских, губернских) и центральных властей в области демографии народа. Вместе с тем сказать, что у правительства была такая определенная политика, невозможно. Сама практика, сама жизнь подталкивала его принимать то или иное решение. И только. Поэтому никак невозможно принять концепцию Роже Порталя о том, что «демографический застой» (в конце XVIII в., по его мнению, насчитывалось всего лишь 125 тыс. башкир) можно объяснить террором по отношению к восставшим, «планомерной политикой ассимиляции и христианизации»[2]. Сплошной и массовой христианизации башкир тогда и далее не было, как и планомерной ассимиляции его с другими этносами. Да, был террор — трагедия народа XVIII в., которого никто отрицать не сможет. Скорее всего следовало бы объяснить тот застой следствием террора, за которым последовали христианизация розданных помещикам женщин и детей участников восстаний и впоследствии пополнивших Русский этнос (вспомним фамилии крещеных — Башкировы, Башкирцовы, Кашкаровы, Сакмаровы, Уфимцевы и т. д.).

[1] РГАДА. Ф. 1274 (Панины и Блудовы). Оп. 1. Д. 1960. Л. 14, 19.

Порталь Роже. Указ. соч. С. 119.

П. И. Рычков был, пожалуй, последним из тех, кто предлагал свои услуги и советы по решению демографии народа. Разговоры об этом прекратились после того, когда башкир перевели из гражданского сословия в военное. Это было сделано в целях окончательного усмирения «вечно бунтующего народа». Правительство, заставив служить их на пограничной линии вдоль р. Урал, по подавлению бунтов как в Башкирии (1835), так и в Казахстане, а также участвовать в походах (Хива в 1839 г., Ак-Мечеть в 1853 г.) и войнах России (в 1806-1807, 1812-1814, 1828-1829, 1854-1856 гг.), установив жесткий военно-феодальный режим, добилось «умиротворения» башкирского края.

Несмотря на человеческие жертвы в походах и войнах, в первой половине XIX в. в башкирском обществе наблюдается демографический взрыв. Этому способствовало много факторов, о чем речь будет чуть позже. В данный момент лишь отметим, что несмотря на территориальный разрыв между регионами проживания народа, его объединяло военное руководство, поскольку оренбургский генерал-губернатор распространил свою власть на все сопредельные губернии (Саратовская, Вятская, Пермская, Оренбургская), где имелось башкирское население. Поэтому, несмотря на проживание в разных административно-территориальных единицах, народ чувствовал и ощущал свое единство. Уменьшались, затем почти вовсе прекратились взаимные набеги башкир с соседними полукочевыми народами. Массовые казни, террор и ссылка оставались в прошлом. Возникло здравоохранение, организовывалась врачебная помощь и т. д.

А теперь конкретный материал о демографическом положении народа с конца XVIII — первой половины XIX в. Что касается раннего периода, то в ходе историографического обзора данного вопроса уже было высказано наше мнение.

Реформой 1798 г. вводится кантонная система управления, которой, как уже говорилось, башкиры переводятся в военно-казачье сословие. Территорально башкирские кантоны были расположены в Оренбургской (12 уездов), Пермской (5 уездов), Вятской (2 уезда) и Саратовской (3 уезда) губерниях.

Итак, к концу XVIII в. башкиры населяли в совокупности 22 уезда, входящие в четыре губернии: в Оренбургской губернии — Верхнеуральский, Белебеевский, Бирский, Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, Мензелинский, Оренбургский, Стерлитамакский, Троицкий, Уфимский, Челябинский уезды; в Пермской губернии — Екатеринбургский, Красноуфимский, Осинский, Пермский, Шадринский уезды; в Вятской губернии — Елабужский, Сарапульский уезды; в Саратовской губернии — Вольский, Хвалынский, Хотинский уезды.

Сведения или итоги о численности башкир по 5-й ревизии (1795 г.) исследователями трактуются по-разному: по В. Э. Дэн — 177 тыс., по У. Х. Рахматуллину — 184—186 тыс., по Н. М. Кулбахтину — 203 тыс., по Н. Н. Томашевской — 185 тыс., по Р. Г. Кузееву — 250 — 270 тыс. человек, а потому есть необходимость привести здесь таблицу о численности башкир по уездам с указанием соотношения мужского и женского населения. Сведения эти почерпнуты нами из «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию земель[1].

Как видно по таблице, 5-й ревизией в 17 уездах зафиксировано 184,5 тыс. башкир обоего пола. В таблице не представлены башкиры Елабужского, Сарапульского уездов Вятской, а также Саратовской губерний. Но эти данные дает 6-я ревизия. Согласно ей, в 1834 г. в 13 деревнях Елабужского уезда проживало 2 347 в 5 деревнях Сарапульского уезда — 1 056 башкир. В Вятской губернии к концу XVIII в. их было примерно 1,5 — 2 тыс. человек. В Саратовской губернии насчитывалось около 1—2 тыс. башкир. Мы будем учитывать половину численности этих башкир.

Таким образом, к 90-м годам XVIII в. башкир было 187 — 190 тыс.

Следует отметить, что в это число не входят башкирские тарханы. Между тем, по данным П. И. Рычкова[2], в 1745 г. имелся 1 431 тарханский двор. Надо думать, что к 5-й ревизии этот уровень не повысился, поскольку власти давно держали курс на ликвидацию института тарханства. Допустим, в одном дворе проживало, в среднем, 6 человек, хотя тарханские семьи всегда были неразделенными, сложными. В таком случае общая численность тарханов с их семьями могла составить 8,5 — 9 тыс. Итого всех башкир было 195 — 200 тыс.

---

[1] РГАДА. Ф.1355. Оп. 1. Д. 928 . Л. 89.
[2] *Рычков П. И.* История Оренбургская. С. 82.

5-й ревизией в 17 уездах зафиксировано 30 574 башкирских Двора, где проживало 184 560 человек (табл. 1).

Таблица 1

Численность башкир в 17 уездах по 5-й ревизии 1795 г.

Уезды	Числен, по 5-й ревизии			Соотношение
	мужчин	женщин	всех башкир	мужчин и женщин
1. Верхнеуральский	1Э 184	5 663	1В 847	1,18 : 0,89
2. Белебеевский	3 991	S 289	17 280	1,08 : 0,0
о. Бирскии	К) 675	с 829	2() 504	1 08 : ЦУ^
4. Бутульминский	i: > 131	204	*1417*	1,01 : 0 QO 0 QQ
5. Бугурусланский	221	223	444	0,99 : ЧУУ
6. Бузулукский	580	535	1 115	1,08 : 1 i,Ul
7. Мензелинский	8 027	9 813	17 840	0 81 : 0ЦХ0
о. Оренбургский	11 556	10 632	22 188	1 08 : 1,1У
У. <~терлитамакский	14 137	12 992	27 129	1,08 : 0,YZ
10. Троицкий	7 370	7 079	14 449	1 04 : 0,Q9 0,YZ
11. Уфимский	42 384	1 718	409	1 09 : 0,YO 0,QK
I*. Челябинский	5 225	4 842	10 067	1 07 : 0,YO
LO. Ькатеринбургск.	47 254	083	8 808	1 14 : 0,ЯК
14. Красноуфимский*	8 968	Э31	789	1,01 : 0 QQ
ю. исинскии*	2 900	21513	5 513	1,10 : П Qfl
ш. Пермский	72 850	91	237	1,30 : 070
1 /. Шадринскии	33 533	]71	6 524	1,06 : 0,94
Всего	95 019	89 541	184 560	1,06: 0,94

Стало быть, на двор приходится в среднем 6 душ. А это не согласуется с бытовавшим в литературе мнением о том, что в XVIII в. численный состав башкирского двора был равен 8 — 9 душам[1]. Согласившись с этим, нам пришлось бы признать, что в XVIII в. все башкирские семьи были сложны по форме и что вовсе не было малых индивидуальных семей.

* По Н. Попову (Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. С. 4—58), башкир было: в Пермском уезде — 1 045, в Осинском — 6 769, в Красноуфимском — 2 203, в Шадринском — 3 257 чел. обоего пола.

[1] Гухватуллин Ф. Материалы к истории башкир. Уфа, 1928. С. 44; *Кузеев* Р. Ц Историческая этнография башкирского народа. С. 222.

Иногда в число башкир, по Р. Г. Кузееву 250 — 270 тыс., лишний раз добавляют зафиксированных 5-й ревизией 30 — 40 тыс. сартов и калмыков, как пропущенных (неучтенных) ею. О башкирах, вышедших из сартов и калмыков, можно сказать следующее. Во-первых, все они были зафиксированы 5-й ревизией. Так, по Сартской волости Стерлитамакского уезда учтено 6 деревень из калмыков[1]. По Сартской и Калмыцкой волостям Челябинского уезда охвачено 17 деревень с 314 дворами, где проживало 15 469 «калмык-башкирцев»[2]. В Оренбургском уезде в деревне Новоумерово (Бурзянская волость) «башкирцев из калмык» насчитывалось 227[3]. В Уфимском уезде Каратавлинской волости проживало 8 дворов (65 человек) тептярей из калмыков. Такие примеры можно было приводить и дальше, ограничимся названными. Из них сам собой напрашивается вывод: сарты и калмыки давным-давно растворились в среде башкир и стали такими же вотчинниками, т. е. владельцами общинных земель, выполняли те же повинности, что и башкиры-вотчинники. Они на деле и есть башкиры как в сословном, так и в этническом отношениях. Отличаются от исконных жителей лишь одним своим происхождением: одни из них вышли из сартов, а другие — из калмыков. В свое время на это указывали и сами башкиры. Для этого достаточно сослаться на наказ башкир Уфимского уезда, прочитанный в 1768 г. в Уложенной комиссии депутатом старшиной Тайнинской волости Туктамышем Ишбулатовым. В нем говорится: «А другие башкиры, названные калмыцкого роду, которые единого с нами магометанского закона состоят, а произошли в древние еще времена от калмыцкого рода и так называются по тому званию рода калмыцкого башкирцы»[4]. В другом наказе башкир Исетской провинции речь идет о происхождении тех самых башкир, которых власти по инерции продолжали называть сартами и калмыками. Вот отрывок, говорящий сам за себя: «Между нашего тарханского и башкирского народа именуется сартами, калмыками некоторая часть, но все единого с нами магометанского закона, которое их название произошло в древние времена, сарты, вышедшие

[1] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1886. Л. 81.
[2] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1886. Л. 81-83.
[3] Там же. Д. 938. Л. 114 об.
[4] Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 219.

из-за границы самопроизвольно от владений степных народов, а калмыки также в древние времена получены были нашими башкирцами при войнах в малолетстве, которые из давних лет именуются с нами единое звания башкирцами с отличеством, что одни произошли от £ а Р т, а Другие от калмык, почему как землями и всеми угодьями общее владение имеем и почитаемся все башкирдами, равно же в государственных службах обще и наряду обращаемся без всякого отличества от башкирцев, просим, чтоб оным сартам и калмыкам, единственное уже звание иметь и именоватца башкирцами, а звание сарт и калмык оставить»[1].

Все это — лучшее свидетельство того, что сарты и калмыки, проживавшие в Башкирии в конце XVIII в., полностью утратили исконно присущие им свойства и усвоили новые.

Нет единого мнения среди историков и о численности башкир по 8-й ревизии (1834 г.). Во избежание разночтений, как нам кажется, следует привести эти данные поуездно[2].

Таблица 2

_ ^ ! ^ т ь б а ш ш ^ ^ 1834 г

№ кантонов	Уезды	мужчин	женщин	вместе	Соотношение мужчин и женщин
1			4	5	6
I	Осинский Пермский [Екатеринбургский	6 849	6 601	13 450	1,04 : 0,96
II	Красноуфимский	5 297	5 043	10 340	1,05:0,95
III	Шадринский	7 350	6 884	14 234	1,07:0,93
IV	Троицкий Загорный	4 839	4 525	9 364	1,07:0,93
IV	'Троицкий Западный	4 112	4 109	8 221	1,01 :0,99
V	Челябинский	11 373	11 026	22 399	1,03:0,97
VI	Верхнеуральский	24 168	23 213	47 381	1,04 : 0,96
VII	Стерлитамакс кий	20 571	20 006	40 577	1,03 : 0,97
VIII	(Уфимский	10 114	9 998	20 112	1,01 :0,99
IX	Оренбургский	35 593	33 942	69 535	1,05: 0,95
X	Бирский	21 543	21 388	42 931	1,01 : 0,99
XI	Мензелинский				

' РГАДА- Ф. 342. Оп. 1. Д. 109- Ч. XI. Л. 219

Южноуральский археогрфический сборник (ЮАС). С. 199-307 340-342.

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
XII	Елабужский	18 692	18 948	37 640	0,99 : 1,01
	Сарапульский Бугульминский Белебеевский Бугурусланский	23 098	23 393	46 486	0,99 :0,01
	Не включены в «Ведомости», где содержатся данные о численности по 8-й ревизии	2 541	2 343	4 884	1,08 : 0,92
	Всего	196 140	191 419	387 559	1,02 : 0,98

Таким образом, в 1834 г. в 19 уездах Оренбургской, Пермской, Вятской губерний проживало свыше 387 тыс. башкир. Здесь не представлены саратовские башкиры, причисленные в 1832 г. к Уральскому казачьему войску. Последних было примерно 3 тыс.[1] Следовательно, по итогам 8-й ревизии всех башкир было 390 тыс., в 1851 г. их численность доходила до 508 тыс., в 1859 г. — 545 тыс. человек[2].

Итак, численность башкир в конце XVIII — первой половине XIX в. налицо. С 1795 г. по 1834 г., т. е. за 40 лет прирост населения составил 52,6 проц., за 19 последующих лет — с 1834 г. по 1853 г. — 136,8 проц. За 1795— 1853 гг. он равен 260 проц. Чтобы понять, что это представляло собою, достаточно сравнить его с демографическими данными татар. Примерно за то же самое время татарское население Казанской губернии возросло с 200 тыс. до 411 тыс., т. е. прирост составил 205,5 проц.[3]. Такое резкое увеличение численности населения можно объяснить как естественным приростом, так и причислением губернскими властями представителей припущенников-мусульман к башкирскому сословию. Так, например, по 8-й ревизии в составе башкирского сословия было 4 939 человек не из башкир. Если говорить еще конкретнее, в башкирское сословие были переведены татары Сеитовского посада (Каргалы), Верхних и

[1] Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 167. Оп. 1.Д. 21. Л. 15.

[2] *Асфандияров А. З.* Хозяйство башкир в первой половине XIX в. / Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 33; *Кеппен П. И.* Девятая ревизия. СПб., 1857. С. 12.

[3] *Халиков Н. А.* Земледелие татар Среднего Поволожья и Приуралья XIX - начала XX вв. М., 1981. С. 13.

Нижних Чебеньков Оренбургского уезда; дер. Арасланово Аширганово, Айдаралино, Балыклы, Нижнее Ибраево, Стерли башево Стерлитамакского уезда в количестве 1 654 человека обоего пола; ногайцы Воздвиженской крепости, Желтого редута, Кондуровской слободы и Никитского редута в Оренбургском уезде в количестве 2 413 человек; мишари дер. Большая Ока и Мускаево Красноуфимского уезда в количестве 872 человек. После отмены кантонного управления все они вернулись в свой татарский этнос, сохранив свои этнические особенности[1].

В начале XIX в. Оренбургской пограничной комиссией к башкирскому сословию причислялись и отдельные казахи с их семьями. Так было, скажем, в 9-м башкирском кантоне, о чем недвусмысленно свидетельствует 8-я ревизия 1834 г. В д. Аскарово значилась 1 семья, в Ямангулове — 5, в Кучербаеве — 17 семей, в Канчурине — 2, в Якшимбетове — 1, в Чурагулове — 1 казахская семья[2].

Все эти казахские семьи впоследствии растворились среди коренного населения, оставив свой этноним лишь в названиях родового подразделения ара.

Отметим также соотношение мужчин и женщин. По таблице № 1 можно заметить следующее: у башкир, особенно восточных, мужчин было больше, чем женщин. По 5-й ревизии, как это видно из той же таблицы, мужчин было 95 019, женщин — 89 541, соотношение их 1,06 : 0,94[3]. В 10 уездах из 12, мужчин было больше. Только в двух уездах — Мензелинском и Бутурусланском — это соотношение было в пользу женщин. Таблица 2 свидетельствует о том же. Из 387 тыс. башкир мужчин было 196 140, женщин — 194119, а их соотношение составляло 1,08 : 0,92. В западных, северо-западных уездах (Мензелинском, Бугульминском, Елабужском, Сарапульском) женщин было больше, их соотношение выглядело так: 0,98 : 1,02.

Таким образом, первая половина XIX в. была в историй народа самым благоприятным периодом для его демографического развития.

1 ЮАС. Вып. 2. С. 204, 205, 268-269.
2 ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 430 (1834 г.).
3 В работе Р. Г. Кузева говорится о «превышении числа женщин над мужчинами», см.: *Кузеев Р. Г.* Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI – XX вв. // Археология и этнография Башкирии: В 5 т. Т. 3. Уфа, 1968. С. 344.

Глава IV

Экономическая политика правительства

Экономическая пол^итика правительства охватывает широкий круг проблег', связанных с освоением вновь присоединенной терриТ°Р^ии в хозяйственном отношении. Прежде всего, это — агр^аР^нь_тм вопрос, налогово-финансовая политика, отношение правительства к торговле и промышленности. В данной момент обратим внимание на аграрно-земельный и промышленный аспекты политики правительства в Башкирии •

§1-
АГРАРНАЯ ПОРТИКА

Это, в широким смысле, землеустройство народа, которое включает подхоД властей к землевладению и землепользованию, перевод к оседлости и земледелию полукочевой части населения башкир£^кого края.

При этом правительств^0 стремилось создать свою социальную опору в лице тархан^ов и старшин вместо независимых от него наследственных стсФ°ст внутри башкирского этноса - сословия, а также в виде ровых сословий мишарей и тептярей.

Вотчинное право, закс?^ны государства о башкирских землях 1649, 1818, 1832 годов и Других лет, отношение губернских властей к формам хозяйствования башкир в общих чертах охарактеризованы в пердей обобщающей работе по истории Башкирии[1].

Ист^Н. ф. Демидова, вносившая огромный вклад в изучение ории края путем сбс>Р^а и публикации бесценных источников в 5 томах, вполне правомерно рассматривает вопросы ° землевладении и землепользовании в Уфимском уезде

[1] И Б . Т . 1.4. 1.Уфа, 1956. С. 81-106; Т. 1.4. 2. Уфа, 1959. С. 48-57 и др.

в XVI — XVIII вв. по трем этапам, особо подчеркивая социальную направленность колониальной политики царизма[1]. *На первом этапе* (конец XVI — середина XVII в.) в землевладении уезда имело место сочетание крупной башкирской собственности, носившей видимость общинного владения, но которая по существу являлась феодальной (юридически оформленной как вотчинная), и мелкого русского служилого землевладения на поместном праве.

Община — юридический собственник на землю. Но неравенство во владении скотом влекло за собой неравенство в области землепользования. Владельцы крупных стад захватывали лучшие пастбища для своего скота и присваивали себе право — отводить районы для кочевок другим членам общины. Так складывалась феодальная собственность на землю, приобретавшая форму распоряжения кочевьями. Получая от феодалов участки для кочевья, рядовой полукочевник был обязан нести повинности в пользу феодала. Поэтому те, кто владел крупными стадами, всегда были против размежевания общинных земель, боясь потерять право на землю.

На втором этапе (середина XVII — до 30-х годов XVIII в.) происходит переход от кочевого (мы бы сказали — полукочевого. — *А. А.)* скотоводства к оседлому земледелию, что вело к дроблению или распаду крупных кочевых обществ — волостей на более мелкие (аймаки). Центральная власть меняет свою точку зрения на сущность башкирской земельной собственности, понимая вотчинное право общин несколько условно. Эта условность впервые была юридически оформлена в Соборном Уложении 1649 г., по которому земельные права башкир были приравнены к правам татарских князей и мурз, татар, мордвы, чувашей и вотяков и ограничены запрещением продажи земли[2]. Для пришлого населения характерно уже не свободное поселение на башкирских землях, а поселение из различных видов припуска.

[1] *Демидова Н. Ф.* Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI-XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории. 1962. Минск, 1964. С. 265-275.

[2] ПСЗ. Т. 1. № 1.

Развитие получает и дворянское землевладение, а переселенцы численно превосходят башкир, тем самым все это приводит к значительному уменьшению количества земель общин.

Третий период (с 30-х гг. до конца XVIII в.) характеризуется усилением отчуждения башкирских земель к городам, линиям крепостей, казенным заводам и вмешательством администрации в земельные отношения башкирских общин. Цель правительства — ликвидация привилегированного положения башкир в области землевладения. По Указу от 11 февраля 1736 г. разрешалась продажа башкирских земель, тем самым было отменено ограничение, установленное Уложением 1649 г. Надо полагать, что это отнюдь не признание и укрепление вотчинных прав башкир.

Правительство стремилось воспрепятствовать оформлению частного феодального землевладения башкирской верхушки. В этих целях с 1743 г. требовалось согласие всей волости при земельных сделках, чтобы сохранить общинный характер землевладения. Такое требование было утверждено Сенатом в 1759 и 1788 гг.

Указ от 11 февраля 1736 г. решил безоброчно передать припущенникам и мишарям «башкирские бунтовщичьи земли». Однако такое решение полностью не было проведено в жизнь.

По мнению автора, массовый переход башкир к земледелию с наделением их земельными участками в результате относительного обезземеливания общин лишает феодалов возможности распоряжаться общинной землей. Тем самым башкирское общинное землевладение постепенно утрачивает свой феодальный характер, превращаясь в крестьянское общинное землевладение. Процесс этот завершается около середины XIX в.[1] Никто из историков не выразил свое отношение к данной концепции. Думается, Н. Ф. Демидова права в том, что действительно башкирское землевладение Из-за твердой политики правительства неуклонно шло к Крестьянскому общинному землевладению. На его суть не могло повлиять и возникшее частное землевладение,

Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 274 — 275.

созданное башкирскими служилыми дворянами путем покупок.

В монографиях И. Г. Акманова нарушение правительством и местными властями вотчинного права башкир справедливо оценивается как одна из основных причин башкирских восстаний XVII - XVIII ввН

Насильственные методы, проведенные властями с целью изъятия общинных угодий и в то же время по распространению земледелия среди полукочевых жителей, также рассматриваются в монографиях А. 3. Асфандияровым[2] и Р. 3. Янгузиным[3].

Земельная политика царского правительства в Башкирии со времен ее вхождения в состав России до начала XX в. стала предметом исследования А. И. Акманова, ставшего первым в историографии трудом, который раскрывает различные стороны официального аграрного курса. В монографии, состоящей из четырех глав, рассматриваются законы аграрного характера и их реализация. Должное внимание обращено на межевание и размежевание башкирских волостных земель[4].

М. М. Кулынарипов в своей монографии целую главу посвятил земельной политике царского правительства в Башкортостане, раскрыв некоторые аспекты аграрных отношений в башкирском обществе, содержание купли и продажи земель на основе указа от 11 февраля 1736 г. и первоначальные итоги генерального межевания[5].

Интересные наблюдения о вотчинном праве, земельной политике царизма в Башкирии сделаны Б. А. Азнабаевым. Вполне можно принять его заключение о том, что первые объекты градостроительства у башкир не вызывали неприятия, не было их сопротивления, поскольку они возникли на местах прежних ногайских владений, когда-то ими захва-

[1] *Акманов И. Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII - первой половине XVIII века. Свердловск, 1991. С. 47-53; *Он же.* Башкирские восстания XVII - начала XVIII в. Уфа, 1993. С. 54-69.

[2] *Асфандияров А. 3.* Хозяйство башкир в первой пловине XIX в. / Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974.

[3] *Янгузин Р. 3.* Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. С. 107-122.

[4] *Акманов А. И.* Земельная политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI — начало XX в.). Уфа, 2000.

[5] *Кулынарипов М. М.* Политика царизма в Башкортостане (1775 - 1800 гг.) • Уфа, 2003. С. 107-137.

ченных у башкирских волостных общин, еще не освоенных башкирами после ухода ногайцев. Можно согласиться и с другой его точкой зрения о том, что до конца 40-х годов XVII в. не нарушались основные условия башкирского подданства. Как будто полемизируя с Н. Ф. Демидовой относительно сути указа от 11 февраля 1736 г., автор утверждает, что он не ограничивает, а напротив, поднимает правовой статус земельной собственности башкир.

Б. А. Азнабаев высоко оценивает указ от 11 февраля 1736 г., который создал экономическую (в основном юридическую) базу для активной колонизации Башкирии, распространил рыночные отношения на башкирские земли, вынудив собственников включиться в систему правовых отношений с русской администрацией и населением разных сословий, лишил родоплеменную знать главного инструмента ее власти - права на распоряжение земельными владениями и поставил в равные условия и рядового вотчинника и главу (староста и др.) рода по отношению к праву по распоряжению общинными землями[1].

В обобщающих работах коллектива авторов по истории Башкортостана уделено немало внимания земельной политике царского правительства в феодальный период его развития. В последней из них она рассматривается по периодам истории края[2].

Краткий обзор литературы о земельной политике правительства показывает, что она изучена в достаточной мере, если не считать вотчинного права башкирских общин, требующего еще особого, исследовательского, подхода в монографическом плане.

Поэтому все это облегчает нашу задачу при раскрытии сути земельной политики правительства, обратим наше внимание лишь на основные законодательные акты государства о башкирских землях.

[1] *Азнабаев Б. А.* Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI - первая треть XVIII в.). Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 64-108.

[2] История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т.1. Уфа, 2004.

Башкирский народ испокон веков владел вотчинными землями. В период Золотой Орды и Казанского, Сибирского ханств роды — общины признавались собственниками своих земель. Наряду с дальнейшим сохранением у башкир своих обрядов и обычаев, вероисповедания и самоуправления правительством Ивана Грозного было беспрекословно признано ранее существовавшее, и им бесспорно подтвержденное, вотчинное право родов на владение общинными землями.

По Б. А. Азнабаеву, русское правительство пошло на полное восстановление этого права, ущемленного ногайцами[1]. Обо всем этом писали поверенные башкир четырех дорог в Уфимскую провинциальную канцелярию в 1736 г.: «...от предков мусульманских и ногайских ханов владели вотчинными землями и водами и поныне, ибо деды и отцы наши, сыскав великих и белых князей государей, пришли под протекцию их величества сами собою и в верности присягались, а не так, как другие государства, силою и войною приведены в подданство»[2].

Еще раз отметим, что жалованная грамота, полученная конкретным родом в отдельности при отсутствии такого характера единого документа, подтверждала его владельческие права на землю.

И впоследствии такое право признавалось за башкирскими общинами государством. Так, статья Соборного Уложения 1649 г., подтвердив вотчинное право башкир, ограничила его запрещением «всяким чинам русских людей» «не покупати и не меняти и в заклад и здачею и в наем на многие годы не имати»[3]. Такой же запрет на продажу и аренду башкирских земель «русским людям, черемисам, чувашам и татарам» при сохранении владельческих прав общин наблюдаем в наказе правительства уфимскому воеводе Ф. И. Сомову от 15 мая 1664 г. При этом вотчинники могли отдавать землю в аренду только своим сородичам сроком до двух лет[4]. Подтвердительные грамоты на владение своими вотчинами объявлялись башкирам через уфимских воевод и в конце XVII в. (напр-

[1] *Азнабаев Б. А.* Указ. соч. С. 80.
[2] МИБ. Т. 6. С. 268
[3] Соборное Уложение 1649 года. М., 1961. С. 42.
[4] *Акманов А. И.* Указ. соч. С. 13.

в 1694 г.), но с теми же, уже известными читателям ограничениями: «ты б их угодий и земель русским пришлым людям в оброк и в тягло и в службу отдавать не велел»[1]. Такой запрет всегда обосновывался тем, чтобы «ссоры между ними больших не было».

В период правления Петра I, в условиях, когда шло активное развитие промышленности, экономики путем строительства заводов, верфей, создания регулярной армии и флота, а также строительства Санкт-Петербурга и т. д., стали нарушать условия башкирского подданства. Были изъяты из владения башкир наиболее доходные вотчинные угодья[2]. Несмотря на признание и подтверждение вотчинного права башкир, строилась Закамская линия, крепости и слободы (около 30), а также заводы. Шла дворянская и крестьянская колонизация края.

Однако для дальнейшего освоения природных богатств края запрет на продажу башкирских земель сыграл отрицательную роль в экономическом развитии края. Принятый в условиях разгорающегося восстания указ от 11 февраля 1736 г. при сохранении вотчинного права общин разрешил им продавать земли дворянам, офицерам, мишарям и тептярям. Земельных владений лишались только те, кто был наказан за участие в восстании. Конфискованные в казну башкирские земли составляли к началу XIX в. 1,3 млн дес. или около 4,2 проц. от площади земельных угодий Оренбургской губернии. Указ создал условия для развития промышленности в крае. К началу XIX в. помещиками и заводовладельцами были куплены 5 млн дес. земли, что составляет 76 проц. всех их земель[3].

На основе указа от 11 февраля 1736 г. мишари, оказавшие большую услугу правительству в подавлении восстания, Должны были безоброчно владеть теми землями, которые арендовали у башкир.

Русское дворянство по тому же указу 1736 г. получает Широкие возможности для расширения своих земель в Башкирии. Источником для этого послужили пожалование и покупка земель у башкирских общин. В конце XVIII в. у 571 Дворянского поместья оказалось 2,6 млн дес. земли, за

[1] МИБ. Ч. 1. С. 82-83.
[2] *Азнабаев Б. А.* Указ. соч. С. 160.
[3] Там же. С. 186-187.

гарнизонами многочисленных крепостей числилось 1,3 млн дес. земли[1]. У крестьян-переселенцев, у монастырей было немало разными путями приобретенных башкирских земель.

По результатам Генерального межевания земель Оренбургской губернии, проведенного в конце XVIII — первой четверти XIX в. с целью выяснения распределения угодий между различными сословиями, видно следующее. Башкиры-вотчинники сохранили в собственности своих общин 3,2 млн дес. (11 проц. от всех земельных угодий губернии в 28,2 млн дес), башкиры-вотчинники совместно с 'припущенниками имели 96 дес. (34 проц.). Дворянам и заводчикам принадлежало 3,6 млн дес. (12,8 проц.), крестьянам русским и нерусским — 6,4 млн дес. (23,5 проц.), служилым людям (солдаты, казаки и мишари) — 3,9 млн дес. (13,9 проц.), казне — 1,3 млн дес. (4,6 проц.)[2]. В целом башкиры сохранили меньше половины (12,8 млн дес. или 45 проц.) всех своих земельных вотчин. По мере усиления колонизации их доля продолжала уменьшаться.

В первой половине XIX в. были приняты важные законодательные акты о землях башкир. Усиление земельной спекуляции, прямой обман и захват угодий, всевозможные злоупотребления со стороны покупателей, вызвавшие недовольство башкир-вотчинников, породили новый временный подход правительства к вотчинным землям, продажа и отчуждение которых запрещались законом от 11 октября 1818 г.[3] Однако он не мог удовлетворить и центральную и губернскую власти, поскольку Оренбургский край оставался все еще слабо заселенным при наличии больших массивов земель у башкирских общин. Несмотря на формальный запрет отчуждения волостных вотчинных земель, освоение Башкирии продолжалось. Ввиду этого оренбургский военный губернатор П. К. Эссен еще в 1826 г. предложил верховной власти империи наделить вотчинников по 40 дес. на душу мужского пола по 7-й ревизии 1816 г., припущенников наделить по 15 дес. на душу. Остаток земельных излишков за наделением владельцев земель и их припущенников в объеме 5,9 млн дес. он предлагал распродать в течение трех лет по 3 руб. за десятину. В случае

[1] *Акманов А. И.* Указ. соч. С. 44, 55.
[2] Указ. соч. С. 114-115.
[3] ПСЗ. Т. 29. № 29870.

неудачи такой операции предполагался выкуп казной этого излишка земель с выплатой по 3 руб. за десятину. В целях облегчения операции купли-продажи рекомендавалось ввести принцип, по которому требовалось бы согласие на продажу угодий не всех вотчинников волости как раньше, а только их 2/3 части. Через 6 лет его предложения были одобрены Сенатским указом от 10 апреля 1832 г., кроме предположения о покупке казной излишков земель за наделением вотчинников и припущенников[1]. Этим указом башкиры-вотчинники наделялись 40 дес. на душу мужского пола, припущенники военного звания (мишари, тептяри) — 30 дес, припущенники гражданского состояния (татары, удельные, казенные крестьяне) — 15 дес. по 7-й ревизии 1816 г.

В указе от 10 апреля 1832 г. башкиры были признаны вотчинниками земель, даже дано определение — кто такой вотчинник, а также — кто такой припущенник (арендаторы и самовольные переселенцы). Указ определяет башкир как владельцев земель, а припущенников — как их пользователей. Можно отметить и то, что он положил конец большим земельным спорам, в частности, претензиям мишарей на бывшие «башкирские бунтовщичьи земли». Сохранение общинного характера землевладения (согласие 2/3 вотчинников на продажу земель, аренда земли сроком только на 12 лет) не давали простора для интенсивного развития башкирского хозяйства. Вместе с тем институт вотчинного права объединял всех башкир, консолидировал их как народ. Со времени вхождения в состав России их поверенные всегда подчеркнуто заявляли в своих челобитьях — прошениях, что «мы — башкирский народ». Разрешение на продажу земли следует рассматривать как очень важное мероприятие правительства по освоению природных богатств края, в развитии хозяйства, в установлении производственных связей между сословиями — народами Башкирии, способствовавших их взаимопониманию и трудовому сотрудничеству. Вместе с тем правительство не смогло пойти на уравнивание социального положения башкир-вотчинников и всех видов припущенников по земельному вопросу. Наделение всех сословий землей по

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1506; 2 ПСЗ. Т. 7. № 3287.

закону 1832 г., отмена кантонного управления в свете реформ в России 60-х годов XIX в. с переводом всех сословий Башкирского войска «в сельские обыватели» сблизили их по многим моментам общественной жизни, но привилегированное положение башкир-вотчинников в землевладении еще долго — до Декрета о земле 1917 г. — сохранялось.

§2. ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ БАШКИРСКИХ ПРИПУЩЕННИКОВ[1]

Припущенниками (от термина «припуск») назывались представители тюркских (татары, мишари, безземельные башкиры, редко — чуваши), угрофинских (удмурты, марийцы, редко — мордва) и даже славянских (русские и украинские крестьяне, они впоследствии пользовались казенными землями, конфискованными у башкирских общин-волостей) народов, осевших на срочное время (7 10, 25, 30, 60, 99 лет) на башкирских вотчинных землях на определенных условиях на основании договорных записей.

Припущенник выходил из своего коллектива — общины, но сохранял принадлежность к своему сословию. Например, мишар, переселившийся из Симбирской губернии в Башкирию, расставался со своим земельным участком и родной своей деревней, но продолжал находиться, как и прежде, в мишарском военно-служилом сословии.

Из припущенников образовались тептяри и их сословие. Припущенник, оставивший свое сословие и приписавшийся к новому, становится тептярем, вышедшим, таким образом, из своей общины и своего сословия.

Начиная разговор о землепользовании мишарей, следует подчеркнуть, что их основная масса находилась на башкирских вотчинных землях на основе договорных записей о припуске с уплатой владельцам угодий денежного оброка в размере 10 — 25 коп. со двора в год. В 1767 г. в Башкирии насчитывалось 2 253 мишарских двора, из которых 1 916 дворов (или 85 проЦ всех дворов) платило башкирам оброк за припуск.

[1] Оренбургской губернии — 250 лет (проблемы истории и культуры) *И* Тезисы докладов. Уфа, 1994. С. 19-25.

В 1834 г. 154 мишарских поселения (в Бирском уезде — 78, Белебеевском — 56, Уфимском — 22, Стерлитамакском — 16, Челябинском — 2 и др.) еще находились на праве припущеннических деревень. Жители 118 мишарских населенных пунктов владели землей, частично приобретенной в собственность путем покупок. 25 деревень возникли на башкирских землях, конфискованных казной. 9 поселений (Байбаково, Субаево, Янагушево, Сибирганово, Кулаево, Берлячево, Улеево, Муллино, Старо-Кувашлино) были основаны на землях, жалованных русскими царями. Шесть деревень (Чишмы, Калмаш, Сафарово, Нижние и Верхние Термы, Теперишево) сидело на земле, конфискованной казной у башкир за участие их в «бунте» 1735— 1740 гг.[1] За подавление восстания мишари претендовали «на бунтовщичьи земли». Таких угодий оказалось 169 700 четвертей, или 84 850 десятин. По указу от 11 февраля 1736 г. мишарям за их «верность» и активное участие в подавлении башкирского восстания разрешалось безоброчно владеть этими угодиями. Однако пункт указа о предоставлении мишарям «бунтовщичьих земель» не был полностью реализован. По определению начальника Оренбургской комиссии И. И. Неплюева и уфимского вице-губернатора П. Д. Аксакова от 10 июля 1742 г., предусматривалось «мещерякам, татарам, чувашам, которые на башкирских бунтовщичьих землях живут и прежде башкирцам оброки платили, теми землями владеть им, а оброков башкирцам не платить». А жившие на землях «верных» Царизму башкир могли переселиться на «пустые бунтовщичьи земли». Однако, по мнению оренбургского генерал-губернатора О. А. Игельстрома, земли эти «бунтовщичьими признаваемы были такия, какия мещерякам нравились и какими они сами владеть тогда хотели»[2].

Другой генерал-губернатор А. А. Путятин считал, что «к отбору тех (т. е. бунтовщичьих) земель и к отдаче Мещерякам приступить сумнителыю, потому что на тех землях остались и жительствует ныне (т. е. в 1767 г.) сродники и дети бунтовщиков башкирцев, которые в бунте не были». А в случае

[1] Южноуральский археографический сборник, далее - ЮАС. Вып. 2. • 197, 309, 310-349.

[2] РГАДА- Ф-16. Д. 934. 4.5. Л. 367.

передачи их мишарям, могли произойти от башкир «худыя следствия»[1], имея в виду возможные их вооруженные выступления против властей. На основе определения И. И. Неплюева и П. Д. Аксакова только незначительное количество мишарей (упомянутых 6 деревень) смогло закрепить за собой часть башкирской «бунтовщичьей земли»[2]. Но иск со стороны мишарей продолжался. Тем не менее по предложению О. А. Игельстрома был издан указ от 18 ноября 1790 г. о прекращении иска мишарей.

После издания в 1832 г. указа о земле мишари, как военное сословие, наделялись по 30 дес. земли на душу мужского пола по 7-й ревизии 1816 г. Те из них, кто не смог представить тексты договорных записей о припуске мишарей на башкирские вотчинные земли или купчие от башкир на земельные угодья, получали лишь по 15 дес. на душу мужского пола.

До этого указа мишари продолжали арендовать и платить владельцам земли оброк. Затем такая плата была прекращена. В этом можно усмотреть постепенное ограничение вотчинного права башкир на свои вотчинные земли, уничтоженного, как было сказано, в 1917 г.

В историко-этнографической и даже лингвистической литературе слабо разбиравшиеся в сущности социальных институтов припуска, вотчинников и припущенников отдельные авторы высказываются о несбыточных явлениях как о действительных. В частности, по их мнению, мишари и тептяри, по указу 1832 г. увеличив размеры земельных участков, становились якобы вотчинниками и сливались с башкирским этносом. В действительности дело обстояло следующим образом. Во-первых, припущенники могли стать вотчинниками только на основании полученных ими от русских царей жалованных и сберегательных грамот. А последние предоставлялись за их особые услуги правительству в 1667 -* 1699 гг. К 1841 г. жалованные земли имели 1 806 мишарей из 6 деревень Бирского уезда и 1 652 мишаря из 3 деревень Уфимского уезда[3]. Они являлись вотчинниками, то есть

[1] РГАДА. Д. 815. Л. 23 - 24.
[2] РГАДА- Ф- 1355. Д. 929. Л. 72-73, 115-117
[3] ЮАС. Вып. 2 . С. 319, 327-328, 320.

владельцами земли. Всех мишарей-вотчинников по Оренбургской губернии насчитывалось лишь 4,8 проц. от всех 72 666 мишарей. Во-вторых, мишари-вотчинники и в дальнейшем оставались в своем сословии. Переходов в другой этнос или сословие не наблюдалось. От таких шагов — переходов мишари-вотчинники не достигали никаких преимуществ, поскольку и башкиры и мишари-собственники земель несли одинаковые повинности перед властями и общиной, и те и другие владели землей. В-третьих, подчеркнем, что мишарям, татарам, тептярям, мордве, удмуртам, марийцам, являвшимся припущенниками, навсегда был закрыт доступ на башкирские вотчинные земли в качестве их владельцев. Они были их пользователями, а не владельцами (и даже те из них, кто находился на казенной и заводской земле) и оставались таковыми и после издания Закона о земле в 1832 г.

Вместе с тем в крайне редких случаях припущенники из татар и мишарей без царских жалованных грамот могли стать вотчинниками и войти в башкирский этнос. Такая возможность случалась тогда, когда кого-то из припущенников усыновляли башкиры или женили на вдове владельца земли. Пасынок, мать которого выходила замуж за вотчинника, в благоприятных условиях мог получить права своего отчима[1]. Однако это было исключением, а не правилом.

Говоря об отношении тептярей к земельной собственности, отметим, что отдельные представители целой деревни в XVII — XVIII вв. получали вотчинные права на землю. Приобретение его было связано с заслугами их представителей перед правительством. Так, например, в Белебеевском уезде 4 деревни, в Бирском — 43, в Мензелинском — 3, в Елабужском — 4, в Осинском — 6 тептярских деревень находилось на землях, жалованных тептярям русскими царями. Доля этих поселений составляет 5,7 проц. от 1 075 тептярских — в большинстве своем этнически смешанных — деревень. Кроме того, 8 деревень тептярей в Бирском уезде сидели на земле, охраняемой царской сберегательной грамотой, что составляет проц. от всех тептярских селений. Одним словом, 6,4 проц. Тептярских селений было расположено на жалованных землях,

[1] МИБ. Т. 3. С. 45, 164-165, 192.

жители которых стали вотчинниками. Они и в дальнейшем продолжали находиться в тептярском сословии, не переходя ни в какое другое. Поэтому утверждения отдельных диалектологов[1] о частом переходе тептярей в башкирское сословие или этнос путем приобретения вотчинного права на землю висят в воздухе, поскольку доказать их невозможно. Таким образом, становление части мишарей и тептярей вотчинниками не привело к смене их сословий на другое.

Далее несколько слов о самих башкирах как о сословии и этносе, поскольку об этом стали писать даже не специалисты. Дело в том, что отдельные авторы, далекие от понимания социальной сущности институтов припуска, припущенничества и тептярства, пытаются доказать недоказуемое: западные и северные башкиры сегодня якобы не кто иные, как татары в башкирском сословии в прошлом. А теперь проследим факты, которые имеют отношение к башкирскому сословию. Основными его компонентами являлись башкиры-вотчинники (в 1816 г. их было 268 тыс. человек, или 81,7 проц; в 1859 г. — 410 тыс. человек, или 75,2 проц. всех башкир) и башкиры-припущенники, лишенные вотчинного права по разным причинам (в 1816 г. их было 60 тыс. человек, или 18,3 проц; в 1859 г. — 135 тыс. человек, или 24,8 проц. всех башкир)[2].

В XVII — XVIII вв. в сословие башкир властями были причислены калмыки (Челябинский уезд) и сарты (Челябинский, Троицкий, Уфимский, Стерлитамакский, Оренбургский уезды). Длительное проживание калмыков и сартов рядом с башкирами и совместная военная служба привели их к сближению, затем к ассимиляции первых вторыми. Этот факт констатировали башкирские депутаты в Екатерининской Уложенной комиссии в 1767 г. словами: «... как землями и всеми угодьями общее владение имеем и почитаемся все башкирцами, равно и в государственных службах обще и

[1] Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979. С. 80.

[2] *Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа. С. 226. 235; *Кузеев Р. Г. , Усманов А. Н. , Усманов Х. Ф.* Новые сведения о численности башкир в XVIII - XX вв. // Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ за 1965 год. Уфа, 1966. С. 77, 79. Всех припущенников из башкир по каждому селению и уезду можно найти в сб. ЮАС. Вып. 2. Уфа, 1976.

наряду обращаемся без всякого отличества и отделения от башкирцев, просим, чтоб оным сартам и калмыкам, единственное уже звание иметь и именоватца башкирцами, а звание сарт и калмык оставить»[1]. Сарты и калмыки полностью утратили исконно присущие им свойства и усвоили новые, характерные для башкир. В данном случае небашкиры, вошедшие в сословие башкир, пополнили ряды башкирского этноса.

В конце XVIII — первой половине XIX в. казахов, переходивших р. Урал — некогда границу России — губернские власти насильственно расселяли по башкирским селениям, причисляя их в башкирское сословие. Осевшие навечно казахи также были поглощены башкирами.

В 1798—1865 гг. военные губернские власти своими предписаниями включали отдельных татар, мишарей и ногайцев в башкирское сословие. Перечислим их деревни, приписанные в башкирское войско. Это мишари деревень Мусекаево (Екатеринбургский уезд), Большая Ока (Красноуфимский уезд — ныне Мечетлинский район РБ); торговые татары знаменитого Сеитовского посада (Каргалы), деревень Верхние и Нижние Чебеньки (Оренбургский уезд), Зяк-Ишметово (Стерлитамакский уезд); выходцы из Сеитовского посада в деревнях Айдаралино, Арслан-Тятир, Аширганово, Балыклы, Нижне-Ибраево, Стерлибашево (жили здесь башкиры и татары), а также ногайцы Воздвиженской крепости, Желтого и Никитского редутов и Кондуровской слободы. Ногайцы и некоторые из татар были перечислены из Оренбургского казачьего в Башкиро-мещерякское войско.

В итоге в составе башкирского сословия оказалось 7 396 татар и мишарей (1834 г.), что составляет 1,9 проц. от всех 392 тыс. башкир, а также 2 513 ногайцев, или 0,6 проц. всех башкир. Подавляющее большинство их пользовалось казачьими или владело покупными у башкир землями. Лишь 3 деревни располагались на арендованных у башкир землях. Выходит, что при зачислении татар, мишарей и ногайцев в башкирское сословие землепользование не играло никакой роли, поскольку они вошли в это сословие не по своей воле, не из-за стремления получить башкирскую землю, а по указу сверху.

[1] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 219, 267.

И по предписанию властей они были возвращены в свои же этносы: торговые татары, например, в татарский этнос, ногайцы — в свой и т. д. Это произошло в 40—60-х г. XIX в. Татары названных сел и поныне сохранили свой язык, обычаи и культуру.

Таким образом, башкирское общество в прошлом не было бесправовым, принимавшим в себя всех, а представляло часть российского общества со своими нормами поведения как вотчинника, так и припущенника. Превращение от 1 до 2 с лишним процента татар в башкирское сословие не играло особой роли в численном составе. Вывод может быть такой: башкирское сословие объединяло главным образом самих башкир, как владельцев, так и пользователей землей. Мишари, татары и другие крестьяне со времени переселения живут на башкирской вотчинной земле, сохранив свои сословия, этническое лицо, язык, обычаи и культуру, что касается тептярей, то это сословие объединяло безземельных татар, марийцев (18—20 проц.), безземельных башкир, удмуртов, создававших свои поселения или живущих в этнически смешанных поселениях. Итак, на северо-западе нашего края жили как башкиры — владельцы земель, так и татары и представители других народов, осевшие на вотчинных землях башкир как припущенники-арендаторы. Закон 1832 г. несколько сближает вотчинников и припущенников военного звания, поскольку их наделяет земельными участками: первым по 40 дес, вторым — по 30 дес. на душу мужского пола по 7-й ревизии 1816 г. Припущенники гражданского сословия (татары и др.) намного отличались от первых малым размером наделов в 15 дес. В этом можно усмотреть суть земельной политики правительства.

§3.
ПЕРЕВОД ПОЛУКОЧЕВЫХ БАШКИР НА ОСЕДЛОСТЬ

Прежде чем приступить к обсуждению вопроса о мерах губернских и кантонных властей по принуждению полукочевых башкир к занятию земледелием и по переходу к оседлой жизни, вкратце охрактеризуем их хозяйство только

За первую половину XIX в., т. к. по XVII — XVIII вв. отсутствуют какие-либо статистические данные о его отраслях*.

Политика правительства в период кантонного управления (1798—1865 гг.) оказала большое влияние на экономическое развитие хозяйства башкирского народа. Изучение этого вопроса представляет определенный научный интерес. Оно даст ключ к объяснению тех перемен, которые произошли в социальной структуре башкирского общества в первой половине XIX в.

Башкирское население подразделялось на оседлое и полукочевое. В 1846 г. из 439 584 башкир оседлых было 230 859 человек (52,6 проц. всех башкир), а полукочевых — 208 725 человек (474 проц.). Соотношение полукочевого населения и общего количества башкир по кантонам и уездам приводится в следующей таблице[1]

Таблица 1

№ кантонов (1803-1854 гг.)	Уезды	Число башкир		В процентах к общему количеству башкир
		всех	полукочевых	
1	Осинский, Пермский	14 806	Нет	Нет
2	Екатеринбургский, Красноуфимский	11 411	5 284	46,3
3	Шадринский	16 000	9 683	60,5
4 Загорный	Троицкий	10 127	9 364	92,4
4 Западный (с 1847 г. 5)	Троицкий	9 727	1 866	19,1
5(6)	Челябинский	26 784	22 381	83,5
6(7)	Верхнеуральский	50 609	47 361	93,5
7(8)	Стерлитамакский	45 765	36 750	80,3

* Но имеются работы ряда авторов о хозяйстве башкирского населения До XIX в. *Усманов А. Н.* Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII в. / Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. 22—74; *Акманов И. Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII - первой половине XVIII в. Свердловск, 1991. С. 16-23;

Янгузин Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. с. 21-50.

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2257. А. 188 - 189; Д. 4888. Л. 37 - 38.

Окончание табл. 1

8(9)	Уфимский	22611	3795	16,7
9 (10)	Оренбургский	78233	61045	78,0
10 (11)	Бирский	52398	Нет	Нет
11 (12)	Мензелинский, Сарапульский	46469	Нет	Нет
12 (13)	Белебеевский, Бугульминский, Бугурусланский	54644	11196	22,3
Всего		439584	208725	474

Как видим, башкирское население Осинского, Пермского, Бирского, Мензелинского и Сарапульского уездов жило оседло. По словам оренбургского военного губернатора, эти башкиры не выходили на кочевку «по непривычке» и из-за отсутствия «степных мест»[1], В Троицком (западная часть), Уфимском, Белебеевском, Бугурусланском и Бугульминском уездах полукочевой образ жизни вели 17 — 22 проц. башкир, в Красноуфимском и Екатеринбургском уездах — 46 проц. В Верхнеуральском, Оренбургском, Стерлитамакском, Троицком (загорная часть), Челябинском и Шадринском уездах на летовку (яйляу) выезжало подавляющее большинство башкир.

Таким образом, в размещении хозяйства башкир сложились земледельческий, земледельческо-скотоводческий и скотоводческо-земледельческий районы. К *первому* району относились Осинский, Пермский уезды Пермской губернии, Бирский, Мензелинский уезды Оренбургской губернии, Сарапульский уезд Вятской губернии. *Второй* район охватывал Екатеринбургский и Красноуфимский уезды Пермской губернии, Троицкий (4-й Западный кантон), Уфимский, Белебеевский, Бугурусланский и Бугульминский уезды Оренбургской губернии. В *третий* район входили Шадринский уезд Пермской губернии, Троицкий (4-й Загорный кантон), Челябинский, Верхнеуральский, Стерлитамакский и Оренбургский уезды Оренбургской губернии.

[1] ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 983/ 11. Л. 99 об.

Таблица 2

Экономические районы, кантоны, уезды	Приходилось на одного человека голов					
	лошадей		рогатого скота		овец и коз	
Земледельческий район, кантоны						
1 -й (Осинский, Пермский)	0,38	0,36	0,44	0,20	0,53	0,65
~П>й (Бирский)	0,93	0,54	0,46	0,44	1,76	1,21
ТГ-й (Мензелинский, Сарапульский)	0,56	0,49	0,36	0,35	0,34	0,92
Земледельческо-скотоводческий район, кантоны						
2-й (Екатеринбургский, Красноуфимский)	1,38	0,93	0,64	0,51	1,18	1,12
Тй Западный (Троицкий)	-	0,76	—	0,54	—	0,57
8-й (Уфимский)	1,48	0,83	0,74	0,67	0,88	0,77
12-й (Белебеевский, Бугульминский, Бугурусланский)	1,11	0,88	0,63	0,66	0,83	1,33
Скотоводческо-земледельческий район, кантоны						
3-й кантон (Шадринский	1,12	1,13	0,67	0,67	1,21	1,06
4-й Загорный (Троицкий)	1,11	0,97	0,32	0,45	0,66	0,97
5-й (Челябинский)	2,06	1,11	0,79	0,51	1,45	1,31
6-й (Верхнеуральский)	1,76	1,26	0,92	0,81	1,01	1,53
7-й (Стерлитамакский)	1,55	1,44	0,78	0,68	0,76	0,79
9-й (Оренбургский)	2,46	1,26	1,46	0,57	0,57	1,46
По всем башкирским кантонам	**1,37**	**0,98**	**0,72**	**0,59**	**0,99**	**1,14**
По мишарским кантонам	**1,05**	**0,31**	**0,86**	**0,31**	**1,48**	**0,73**

В первой половине XIX в. произошло дальнейшее сокращение скотоводства у башкир. Из вышеприведенной таблицы видно[1], что за 28 лет (1827 - 1855 гг.) количество голов

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 166 об - 194; Д. 2261. Л. 118; РГВИА. Ф. *Ш*. Д. 312. Л. 10-39; НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 381, 388.

лошадей у башкир уменьшилось с 1,37 до 0,98 головы, крупного рогатого скота — с 0,72 до 0,59 головы на душу обоего пола. Лишь количество мелкого скота у них увеличилось с 0,99 д0 1,14 головы на душу. В мишарских кантонах произошло резкое уменьшение поголовья всех видов скота.

Сокращение скотоводства было связано, прежде всего, щ уменьшением пастбищных и сенокосных угодий в результате новых захватов башкирских земель помещиками, горнозаводчиками и казной, а также вследствие естественного прироста коренного населения.

Большой урон скотоводству нанесли принудительные меры властей по переводу полукочевых башкир к оседлости. В 40-х гг. XIX в. губернатор Обручев и командующий Башкиромещерякским войском И. Жуковский запрещали башкирам выходить на летовку. В дальнейшем эта политика несколько ослабла, но притеснения продолжались. В 60-х годах губернские власти предписывали, чтобы башкиры «не смели выходить на кочевки до тех пор, пока не исправят своих строений и не засеют яровой хлеб»[1]. В своем стремлении покончить с полукочевым хозяйством башкир царская администрация не останавливалась даже перед потравой лугов и мест кочевок.

Сказывалась недостаточная заготовка кормов на зиму. Оседлые башкиры издавна занимались сенокошением. Постепенно начали расширять заготовку кормов и полукочевые жители края. В 1862 г. во всем башкирском войске было накошено 1 393 000, а в 1863 г.-1 310 567 стогов сена (стог весил около 150 пудов)[2]. Но все же у башкир-скотоводов кормов было недостаточно. Они заготавливали сено лишь для крупного рогатого, мелкого и рабочего скота. Гулевые лошади находились зимой на тебеневке. Часто сена не хватало и для первой группы скота. От недостатка кормов, непогоды, а также эпизоотических болезней полукочевые башкиры теряли десятки тысяч голов скота. Например, в 1858 г. в горных районах Башкирии из-за бескормицы погибло 40 тыс. голов скота; через четыре года в кантонах с полукочевым образом

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1 Ю99 Л 9

[2] Там же. Д. 5176. Л. 20; Д. 13017. Л. 14.

^сизни пало 49 тыс. голов скота[1]. Кроме того, у башкир, служивших в казахской степи в транспортных и «рабочих» командах, ежегодно погибало до тысячи лошадей[2].

Все это ухудшало обеспеченность скотом полукочевых башкир. К середине XIX в. около 10 проц. их хозяйств не имело скота[3]. Заметно уменьшилось количество скота и у богатой части населения. Если в конце XVIII в. отдельные башкирские феодалы имели по 1 000 и более голов лошадей, то в середине XIX в. встречались хозяева, содержавшие лишь 50 — 200 голов лошадей. В 1864 г. самый большой во всей Башкирии табун в 700 лошадей принадлежал мулле Аллаберде Джамалину, жившему в Оренбургском уезде у реки Ток[4]. Поэтому не совсем прав А. Л. Игнатович, который в 60-х гг. XIX в. писал, что полукочевые жители Бурзянской волости (Верхнеуральский уезд), имеющие по 50 лошадей, «не считаются богатыми»[5].

Естественно, что южные и юго-восточные башкиры не могли существовать лишь за счет скотоводства. Они занимались и хлебопашеством, правда, в меньшей степени, чем жители земледельческих уездов.

В первой половине XIX в. в Оренбургской губернии земледелие получило дальнейшее развитие. К 1850 г. по сравнению с концом XVIII в. посевные площади выросли в ней почти в 13 раз — с 255 130 до 3 201 277 десятине

Развивалось земледелие и среди башкир. С 40-х годов губернские власти начали прибегать к более действенным мерам по переводу полукочевников к оседлости и земледелию. Были созданы семенные магазины для беспроцентной ссуды семян, закупленных на средства башкирского населения. В 1842 г. было 76 магазинов. Башкиры-скотоводы охотно брали

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1.Д. 10618. Л. 17; Д. 11099. Л. 33; Д. 11760. Л. 2, 6, 8-9, !6-16об.

[2] *Цыпляев П.* Письма гр. В. А. Перовского к Н. В. Балкашину // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 23. Оренбург, 1911. G. 168-169.

[3] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1.Д. 10788. Л. 8.

д ^ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 375; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13017.

[5] *Игнатович А. Л.* Башкирская Бурзянская волость / Сборник статей, °Мещенных в Оренбургских губернских ведомостях за 1862 год. С. 49.

[6] ОИБ. Т. 1.4. 2. С. 11.

у них семена с условием возврата из нового урожая. В 1843 г. семена были розданы 59 тыс. жителей южных кантонов, которым приказывалось «заняться хлебопашеством». Весенние полевые работы проводились под присмотром юртовых старшин и сотских (полицейских). Взятые ссуды осенью возвращались в магазины «бездоимочно»[1]. Практиковались и поощрительные меры. Власти выдавали богатым башкирам, расширяющим свои посевы, «похвальные листы» и кафтаны. |

После первого удачного опыта командующий Башкирским войском И. Жуковский потребовал от южных башкир засевать не по 2, а по 3 пуда на каждую душу обоего пола. Однако семенные магазины не имели достаточных запасов. Стараясь угодить начальству, башкирские чиновники, «не взирая ни на какие препятствия, ни на какие нужды, угрозами, даже наказаниями, принуждали башкир к тому, чтобы они во что бы то ни стало приобретали зерна и сеяли»[2]. Это вынуждало их, особенно малоимущих, продавать свои последние пожитки и становиться неоплатными должниками.

В 1850 г. после инспекторского осмотра прилинейных кантонов в Верхнеуральском и Оренбургском уездах командующий Башкирским войском Н. П. Беклемишев писал, что башкиры, «снявши с плачущих жен своих ценные кажбовы* и с себя последние дорогие халаты, отдавали их в залог за самое малое количество ржи приказчикам соседних помещиков, входя, таким образом, в неоплатные долги»[3]. Феодально-крепостническое государство избегало расхода своих средств на подъем хозяйства «инородцев», понимавших выгоды земледелия, но не имевших средств и навыков для его развития. Резкий и принудительный слом привычного хозяйственного уклада болезненно сказался на качестве жизни полукочевых башкир. Перестав быть кочевниками и не имея возможности стать земледельцами, они лишались хозяйственно-экономической базы, необходимой хотя бы для скудного существования.

«Попечительная» политика властей коснулась и системы земледелия. В 1846 г. под надзором кантонных начальников и

[1] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10077. Л 3
[2] ЦГИА РБ. Д. 6755. Л. 16 об.
[3] ЦГИА^{0}Р^Ф^{К}Т^{0}ГГ

{Ортовых старшин были назначены каждому аулу «отдельные пашни в трех полях», т. е. принудительным путем была введена трехпольная система[1]. Чуть позднее в отчете командующего Башкирским войском говорилось, что башкиры и мишари «хлебопащество ведут по трехпольной системе, как и другие поселяне»[2]. Однако это вовсе не означает, что трехполье уже господствовало. На юге и востоке большинство башкир продолжало вести переложную систему хозяйства.

С введением трехпольной системы хозяйства «попечители» принуждали башкир сеять озимые хлеба, которые до этого были непопулярны среди жителей ряда кантонов. Например, в 1842 г. во 2-м и 3-м кантонах вообще не было озимых, а в 4-м кантоне их засеяли всего лишь 88, в 5-м и 9-м — по 120 четвертей[3]. Мало было озимых в 6-м и 12-м кантонах, где на душу засевалось только 7—19 фунтов. Принудительные меры повлияли на башкир. К 1854 г. озимые составили 1/3 часть всего их посева[4].

Переводя башкир к оседлости и земледелию, правительство стремилось изъять их земли и обеспечить край собственным хлебом. По словам губернатора В. А. Перовского, оно хотело также путем продажи оренбургского хлеба соседним казахам «подорвать у них (казахов. — *А. А.)* только что возникшее хлебопашество вдоль пограничной линии», чтобы, «удержать политическое и коммерческое влияние на киргиз-кайсаков»[5].

Следует признать, что насильственные меры властей по расширению хлебопашества среди башкир дали определенные результаты. В 1842 г. ими было засеяно 246 243 четверти (0,6 четверти на душу обоего пола), а в 1851 г. — 554 087 четвертей (по 1,1 четверти на душу)[6]. Произошли сдвиги и в хлебопашестве юго-восточных полукочевых башкир. В 1842 г. в 6-м кантоне (Верхнеуральский уезд) на душу обоего пола приходилось 0,27 четверти посевов, в 1851 г. — 0,29, в 7-м кантоне (Стерлитамакский уезд) — соответственно 0,53 и 0,66, в 9-м кантоне (Оренбургский уезд) — 0,42 и 0,55 четверти.

[1] ЦГИАРБ. Д. 4014. Л. 16-17, 25.
[2] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 353.
[3] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1.Д. 4873. Л. 139 - 189; Д. 7150. Л. 44.
[4] Там же. Д. 5529. Л. 7 об.
[5] ГАОО. Ф. 6. Оп.6 Д. 14017/1. Л. 8 - 8 об; Ф. 167. Оп. 1. Д. 5. Л. 3 - 4.
[6] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4873. Л. 139 - 189; Д. 7150. Л. 44.

У самарских башкир-полукочевников, причисленных в 1832 г. из 9-го кантона к Уральскому казачьему войску, посев хлеба на душу составил в первой юрте 0,82, а в двух других — от 0,18 до 0,22 четверти[1]. Эти данные, видимо, несколько завышены. Они вызывали сомнение даже и у командующего Башкирским войском. В его отчете за 1846 год говорится: «Кантонные начальники не имеют времени внушать башкир к лучшей обработке полей, ни следить за их работой, и потому самые сведения, доставляемые ими о количестве посева и степени урожая не заключают в себе достоверности, как основанные на гадательных показаниях юртовых старшин и деревенских начальников и, быть может, последними преувеличены от желания угодить начальству»[2]. Вместе с тем нельзя не признать факта расширения земледелия у башкир.

Общее состояние башкирского хозяйства охарактеризовано в отчете командующего Башкирским войском Н. Балкашина за 1851 г. В нем показаны успехи земледелия среди всех башкир. «Пространство земли, занимаемой башкиро-мещеряцким войском от юго-востока к северо-западу, представляет постепенность перехода от кочевой жизни и скотоводства к оседлости и земледелию и живущие на восточной покатости и в Уральских горах летом кочуют, а зимою живут в устроенных селениях, отлучаясь на непродолжительное время для звероловства. Напротив, башкиры и мещеряки северо-западной части Оренбургской губернии и соседних с ней Пермской и Вятской губерний, оставив с давних времен кочевую жизнь, обитают в хорошо устроенных селениях. От различия в образе жизни проистекает и разность в народной промышленности. Башкиры 1, 2, 3, 11 и 12 и мещеряки 1, 2, 3 и 4 кантонов, постигнув все пользы, проистекающие от земледелия, деятельно занимаются хлебопашеством, так что многие из них в отношении обработки под пашни земли и количества посева мало уступают соседним поселянам других ведомств. Остальные же башкирские кантоны, в особенности прилинейные, хотя тоже довольно занимаются хлебопашеством, но с видимою небрежностью к оному»[3].

[Железное И. Уральцы. Очерк быта уральских казаков. Ч 1 М 1858 С 279.
[2] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5406. Л. 14
[3] Там же. Д. 7150. Л. 14.

Обращалось внимание и на выращивание овощей, особенно картофеля. Войсковое начальство требовало от башкирских чиновников, чтобы они в этом деле показывали пример своим подчиненным. В 60-х гг. XIX в. был известен образцовый огород в д. Сарино Стерлитамакского уезда, заведенный «для примера» кантонным начальником, выпускником Казанского университета Альмухаметом Куватовым[1]. Башкиры и мишари некоторых кантонов сажали и выращивали капусту, репу, свеклу и огурцы. В отчете командующего Башкирским войском за 1855 год говорится, что у башкир 1-го, 11-го, отчасти 12-го кантонов и у мишарей 3-го кантона почти при каждом доме имеется «огород, где произрастают разные овощи»[2]. По утверждению Н. П. Беклемишева, в 4-м и 5-м кантонах башкиры «разводили овощи в значительном количестве, картофель и репу в особенности, так что все соседние заводы Златоуст, Куса и прочие продовольствуются ими». В одной из деревень 5-го кантона жители продавали по несколько сот возов репы «работным людям» заводов[3]. Башкиры двух деревень Оренбургского уезда, введя искусственное орошение огородов, получали хорошие урожаи огурцов, которые продавали десятками тысяч штук[4]. В целом же овощеводство не получило еще достаточного развития среди башкир. В 1842 г. ими было посажено в 1-м кантоне 69 четвертей картофеля, 8-м — 422, 11-м — 33, 12-м — 238[5]. Разведение картофеля ограничивалось, таким образом, земледельческим и земледельческо-скотоводческим районами Башкирии.

Местные власти стремились распространить овощеводство и среди полукочевых башкир. В Оренбурге было организовано обучение методам огородничества и разведения картофеля башкирских мальчиков из южных и юго-восточных кантонов[6]. В 1861 г. на «продовольственный капитал» башкир-скотоводов купили и раздали им 5 294 пуда картофеля, а также немного

[1] ЦГИАРБ. Ф. 2. Д. 11099. Л. 51.
[2] ЦГИА РБ. Ф. 2. Д. 9631. Л. 16; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 400.
[3] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6755. Л. 32.
[4] ГАОО Ф 6. Оп. 8. Д. 139. Л. 55.
[5] ЦГИА РБ. Ф.2.0п. 1.Д. 4873. Л. 139-140, 158-160, 171-185.
[6] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6.Д. 137/1. Л. 26.

огородных семян. Нехватка семян объяснялась тем, что их «негде было приобрести», поскольку в соседних с башкирами русских селах тоже мало занимались разведением картофеля!.

Башкиры пахали землю довольно распространенными в Оренбургской губернии татарскими сабанами и сохами, редко плугами. В начале XIX в. Н. Попов писал, что башкиры Пермской губернии «из-за тяжести почти совсем оставили сабан, для которого при вспахивании нужно употреблять до четырех лошадей. Но вместо этого стали также возделывать свои земли русскими сохами»[2]. Башкиры Верхнеуральского уезда «пашут сабаном, боронуют,... жнут серпами. Сушат снопы на шишах, молотят лошадьми», — сообщал в 1853 г. военный топограф[3]. Среди саратовских башкир, проживающих по рекам Малый и Большой Узень и трем Чижам, наряду с русскими сохами, заметное распространение получили плуги «с поворотом», железные бороны[4].

В земледельческом районе башкирские деревни имели более правильный вид и прямые улицы, дома были похожи на избы русских крестьян, в каждом дворе имелись хозяйственные постройки, дома отапливались голландскими или русскими печами.

В южной и юго-восточной Башкирии, где население занималось преимущественно скотоводством и вело полукочевой образ жизни, дело обстояло иначе. Вот как описывает башкирские аулы Стерлитамакского уезда В. Зефиров: «Смотря на них (аулы. — *А. А.)* невольно подумаешь, что набежавший вихрь перевертел, перекрутил все по-своему и оставил деревню в самом хаотическом положении. Едешь кажется по улице и вовсе неожиданно встречаешь на пути то плетень, то ворота, то амбар, или что-нибудь подобное»[5].

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10788. Л. 37 66.

[2] *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. II. СПб., 1813. С. 74.

[3] РГВИА. Ф. 44. Ед. хр. 314. Л. 141 - 142.

[4] ЦГИАРБ. Ф. 1.Оп. 1.Д. 432. Л. 211-212 об.

[5] *Зефиров В.* Радушие и откровенность кантонного / Оренбургские губернские ведомсти (ОГВ). 1847. №41; *Он же.* Взгляд на семейный быт башкирца // ОГВ. 1851. № 3, 4.

По словам командующего Башкирским войском И. Жуковского, в Верхнеуральском, Челябинском, Стерлитамакском, Оренбургском и отчасти в Уфимском уездах жилища башкир состояли «из самых бедных лачуг, большей частью без крыш и многие даже без полов», а деревни не имели «никакого устройства, дома без дворов, разобраны в совершенном беспорядке и так тесно, что пространство, необходимое для одного домохозяина, занято несколькими лачугами» *К* В южных безлесных степных волостях Оренбургского уезда, продолжает И. Жуковский, «хижины устроены без прочности из хвороста, обмазаны внутри кое-как глиной, почти без окон, вместо которых сделаны для света небольшие отверстия, прикрытые пузырем, без полу и даже без крыши, а многие и без потолков, едва покрытые сверху соломой; или дерном»[2].

Губернские власти решили перестроить деревни и жилища башкир. По типовому плану, утвержденному оренбургским военным губернатором в 1843 г., предусматривались прямые, широкие (10— 15 сажень) улицы; промежуток между дворами должен был составлять не менее 12 сажень. Бани и кузницы строились в отдалении от усадеб на берегах рек, озер и оврагов. Во вновь построенных домах население обязано было ставить печи-голландки, вместо сувалов, которые якобы «истребляют много дров и крайне вредно влияют... на зрение башкир»[3].

Характерным по духу времени и содержанию является приказ начальника 17-го кантона сотника Манашева, изданный во исполнение распоряжения высшего начальства. Он требовал от своих подчиненных «немедленной переноски старых строений на план и в возможной поспешности устройства ворот... в особенности, ... улиц и сноса со старых мест домов, которые вдались в улицы. Наблюдать за чистотой на улицах, сметая разную нечистоту метлою по крайней мере два раза в неделю, так же на дворах и в комнатах, и за опрятностью в одежде жителей»[4]. В результате принудительных мер

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4041. Л. 21-22 об; Д. 5406. Л. 17 - 17 об.

[2] ЦГИА РБ Ф 2. Оп. 1. Д 5406. Л. 18 об.

[3] Тамже Д. 4014. Л. 23-23 об; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 77. Л. 275.

[4] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3151. Л. 172 об.

начальства в 1846 г. в кантонах было выстроено 3 622 новых дома, в 1847 г. - 13 950, в 1848 г. - 9 395, в 1849 г. - 2 625 домов!. Это означает, что за 5 — 6 лет обновилась почти половина всего жилищного фонда башкир и мишарей.

Еще в 1834 г. военный губернатор В. А. Перовский запретил башкирам выход на хутора, мотивируя тем, что они там оказываются вне надзора полиции и уклоняются от несения повинностей. В сущности это было запрещением кочевки башкир, так как губернатор предписал оставить со стадами только пастухов[2].

В дальнейшем губернские и войсковые чиновники стали требовать от башкир укрупнения деревень. Вместо 3—10 дворов они должны были состоять по меньшей мере из 25 — 30 дворов каждая[3]. В результате уменьшилось общее количество деревень в Башкиро-мишарском войске. Если в 1826 г. было 1 804 башкирские и 356 мишарские деревни, то в 1846 г. их осталось соответственно 1 777 и 338[4].

Перестройка жилищ и деревень, безусловно, являлась прогрессивной мерой. Но она проводилась чрезвычайно поспешно и принудительно. Не везде учитывались реальные возможности. К тому же бедная часть жителей при всем желании не могла построить новые дома и другие постройки, предусмотренные типовым планом.

Значительное распространение в башкирских кантонах получили мелкие промыслы. Известно, что везде и всюду в развитии земледелия большую роль играло кузнечное дело. Башкирам же в продолжение долгого времени (с 1736 г.) запрещалось иметь кузницы и кузнецов. Негласное разрешение заводить их было получено только в начале XIX в. В 1857 г. в башкирском войске насчитывалось 399, в 1862 г. — 497 кузниц. По мере развития башкирского земледелия увеличивалось число мельниц. В 1862 г. в войске действовали 1 444 водяные и 83 ветряные мельницы[5].

Д 1шгл?1 РАН, .,3, ,л, 12, д,77 л,283,319; ЦГИАРБ_ ф_2, ,л, 1

[2] ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 367. Л. 3, 10.

[3] Там же. Д. 216. Л. 1, 2.

[4] РГВИА. Ф. 414. Д. 312. Л. 10-39; ЦГИА РБ. Ф. 2 Оп 1 Д 4911- Л. 143- 143 об. Д. 7841. Л. 5; НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12 Д 77 Л 381

[5] ЦГИАРБ.Ф.2. Оп. 1.Д. 10077. Л. 5; Д. 12025. Л. 115-116

В условиях докапиталистической экономики населению приходилось домашним способом изготавливать одежду, обувь и хозяйственный инвентарь. О видах ремесла писал еще И. И. Лепехин[1]. Сырьем для изготовления тканей служила конопля, «ибо искусство их (башкир. — *А. А.)* научило, что конопляный холст добротою своей много превосходит крапивной»[2]. Роль женщин в кустарных промыслах подчеркнута также в экономических примечаниях к генеральному межеванию. Например, в Белебеевском уезде башкирки «сверх полевой работы упражняются в рукоделии, прядут лен, шерсть, ткут холсты и сукна, валяют кошмы и войлоки для себя и на продажу»[3]. Естественно, что ремеслом занимались и мужчины. Из башкирских подростков и юношей 300 человек были обучены в Москве, Киеве, Петербурге 30 видам ремесла, необходимым для нужд «народной промышленности»[4].

Башкиры широко занимались бортничеством. Профессор С. И. Руденко называл Башкирию классической страной пчеловодства[5]. Насколько башкиры дорожили данной отраслью хозяйства, видно из того, что продавая свои земли и леса, они неизменно сохраняли за собой право на бортные угодья. Бортничество было распространено в лесных районах, где население держало диких пчел даже и зимой в дуплах деревьев. Некоторые хозяйства имели до 200 бортей, приносящих каждая от 10 до 30 фунтов меда и соответствующее количество воска[6]. Мед продавался в Уфе и Стерлитамаке[7].

Некоторым подспорьем в хозяйстве башкир была охота. Они добывали куниц, бобров, выдр, горностаев, соболей, белок, лисиц, волков, медведей, лосей, глухарей, тетеревов и других зверей и птиц. Саратовские башкиры охотились и на сайгаков[8]. В ряде районов было распространено рыболовство.

[1] *Лепехин И. И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. Ч. 2. СПб., 1802. С. 38-39.

[2] Там же. С. 24.

[3] РГАДА. ф. 1355. Д. 929, 1829 год. Л. 53.

[4] ЦГИАРБ. Ф.2. Оп. 1.Д. 11662. Л. 16;ГАОО. Ф.6. Оп. 7. Д. 646. Л. 6 - 8, 20-21.

[5] *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; А., 1955. С. 96.

[6] *Штукенберг И. Ф.* Статистические труды. Т. 1. СПб., 1858. С. 15.

[7] РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 18899 (2). Л. 104.

[8] ЦГИАРБ. Ф. 1.Оп. 1.Д. 432. Л. 31.

Например, в Терсятской волости Екатеринбургского уезда башкиры, проживающие вокруг озер Иткуль, Касли, Увильда, Синар, Иртяш ловили рыбу как для собственного потребления, так и для продажи[1].

Большое место в хозяйстве башкир занимали лесные промыслы. Они получили развитие в Челябинском, Верхнеуральском, Стерлитамакском, Уфимском, Оренбургском, Бирском, Мензелинском уездах Оренбургской губернии, Сарапульском уезде Вятской губернии, Пермском и Осинском уездах Пермской губернии. В 1845 г. военный топограф писал: «сбывают лес на рынках... сплавляются... по Уфе, Белой и Каме до 700 лесных плотов. Гонкой смолы и дегтя занимаются жители северных уездов губернии, но преимущественно для домашнего обихода. Излишки продают поблизости. Лесным и мочальным промыслом занимаются до 9 тыс. душ. Мочала продают на месте (по цене) от 13 до 20 коп. за пуд и значительное количество их скупается торговцами для сбыта на Нижегородской ярмарке»[2]. По далеко не полным данным, в башкирских дачах Пермского уезда в 1851 г. было заготовлено свыше 10 тыс. пудов мочала, 6 тыс. пудов ивовой коры, 2,5 тыс. штук ильмовых дуг и 150 ведер дегтя, которые сбывались в Осе, Кунгуре и на Тагильских заводах». Жители Тайнинской волости Осинского уезда ежегодно продавали промышленникам г. Осы более 200 тыс. пудов мочала. Так по документам. В действительности же лесных изделий сбывалось значительно больше. По словам одного из стряпчих, башкиры «взносили пошлину только за самую незначительную часть этих изделий, которые в большом количестве продавали тайно»[3].

Жители 4-го, 6-го, 7-го, 8-го, частью 12-го кантонов зимой занимались извозным промыслом. Они возили руду из рудников до Аскинского, Благовещенского, Богоявленского, Верхоторского, Воскресенского, Зилаирского (Преображенского), Кананикольского и других заводов, получая плату в зависимости от расстояния между рудниками и заводами[4].

[1] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1093. Л. 57.
[2] РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 18899 (2). Л. 103.
[3] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 60. Л. 104 об., 131, 132.
[4] РГВИА. Ф. 414. Д. 310. Л. 22, 23-24.

Башкиры Бурзянской, Кара-Кипчакской, Усерганской, Бушмас-Кипчакской, Тамьянской, Чанким-Кипчакской волостей Оренбургского уезда возили руду на заводы в течение всего года. Часть из них была занята также подсобной работой на горных заводах[1].

Некоторые башкирские предприниматели завели конные и кожевенные заводы. В 1855 г. среди лучших конных заводов губернии были заводы башкирских кантонных начальников Шайхильислама Султанова (Мензелинский уезд) и Шагимардана Сыртланова (Белебеевский уезд). Кожевенный завод кантонного начальника есаула Мухаметжана Бузыкаева (д. Маломуйнаково) являлся одним из крупных заведений такого типа в Троицком уезде.

Таким образом, в башкирском обществе появились предприятия, свидетельствующие о возникновении буржуазных элементов. Башкиры-заводовладельцы широко применяли наемный труд, так как у них почти не было крепостных. «В настоящее время, — писал И. Казанцев, — чиновники башкирского войска... довольно внятно и хорошо объясняются на русском языке... Некоторые из них имеют порядочное состояние, приобрели во владение свое земли с крепостными крестьянами* имеют...поташные и конные заводы, мельницы и другие заведения, доставляющие их владельцам хорошие выгоды... В обращении, хозяйственном быту и коммерческих оборотах имеют хорошее навычное познание и даже некоторые из них превосходят в этом русских мелкопоместных помещиков»[2].

Постепенно складывался и рынок рабочей силы. В 1859 г. на Троицких золотых приисках было занято 504 вольнонаемных рабочих из башкир и мишарей, на четырех винокуренных заводах Карташевой, Левашева и Бондаревского (Стерлитамакский уезд) — 72, на суконной фабрике Дурасова (Белебеевский уезд) — 80, на Архангельском медеплавильном заводе — 100, Симском заводе — 729, Юрюзанском — 42, на

[1] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 938. Л. 183; Д. 940. Л. 128.

* Из башкир-дворян крепостных крестьян имели только Султановы и Валиша Шарыпов, сын известного феодала старшины Каршинской волости ^арыпа Мрякова.

[2] *Казанцев И.* Описание башкирцев. СПб., 1866. С. 60.

чугунном заводе государственного крестьянина Алтынбая Мусалова (д. Муртазино Бирского уезда) — 10, на поташных заводах Бондаревского, Невзорова, Нефедова, Синельникова, Сафронова, Остапова и Янышева 132 человека[1]. Следовательно, только на указанных заводах и приисках наемным трудом было охвачено около 2 тыс. башкир и мишарей. На всех золотых приисках Оренбургской губернии было занято свыше 10 тыс. башкир[2]. Хотя эти рабочие были не кадровыми, тем не менее, наличие многочисленного наемного рабочего люда среди коренного населения края — факт, достойный внимания исследователей истории общественного строя башкир.

Принудительный перевод полукочевых башкир к земледелию и оседлости имел и положительные и отрицательные стороны[3].

. J

Промышленная политика

Л

Промышленная политика правительства в Башкирии специально в виде монографии не рассматривается. В общих работах по истории горнозаводской промышленности можно найти материалы, рассказывающие о взаимоотношениях правительства и заводов с башкирами-вотчинниками по вопросу о земле.

Возникновение и развитие промышленности на Южном Урале, в Башкортостане изучены в монографическом плане учеными Москвы, Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Уфы и др. городов. Здесь лишь отметим две основательные работы по истории промышленности Башкортостана. Горнозаводская промышленность в Башкортостане в конце XVII—XVIII вв. представлена в монографиях Н. М. Кулбахтина[4]. В своих работах по истории промышленности он особо рассматривает внутренние и внешние условия для строительства промышленных предприятий. Почти все заводы в XVIII в. возникли на бывших башкирских вотчинных землях, отчужденных путем продажи или долговременной аренды. Показаны сложные взаимоотношения правительства и заводов с владельцами вотчинных общинных земель. В основном, по инициативе правительства казной и частными предпринимателями в конце XVII — 20-х гг. XVIII в. было построено 13 медеплавильных и железоделательных заводов, в 30—40-х гг. XVIII в. — 25, в 50-х и начале 70-х гг. XVIII в. — 52, в последней четверти XVIII в. — 12 заводов. Всего в XVIII в. было построено 102 горных завода, которые в конце указанного периода производили около половины российского чугуна и владели огромной территорией в 6 млн дес.

В монографии обращено внимание и на обеспечение заводов рабочими из числа государственных и крепостных крестьян, а также из вольнонаемных людей, в т. ч. и из башкир, привлекавшихся на вспомогательные работы.

Монография Р. 3. Мударисова посвящена состоянию и развитию промышленности Южного Урала в первой половине XIX в. Обращено внимание на влияние промышленного производства на хозяйство народов края, на возникновение и развитие хозяйственных связей, на изменение в их социальных отношениях[1].

Вовлечение башкир и представителей других народов в горнозаводское и иное промышленное производство рассмотрено и другими историками, часть которых в большей степени опиралась на конкретные материалы автора данных строк.

Раскрывая некоторые стороны промышленной политики правительства в крае, свою задачу мы видим в ознакомлении читателей с теМи сведениями и фактами об участии башкир в поисках рудных богатств края, об установлении ими связей с владельцами промышленных предприятий по транспортировке добытых медных и железных руд на заводы в XVIII в., а также в создании башкирами поташного производства в первой половине XIX в.

[1] ЦГИАРБ. Ф. 6. Оп. 1.Д. 505. Л. 22,24, 28,31,72, ПО, 122, 164, 365, 367, 369, 370, 380-393, 398.

[2] ОИБ. Т. 1. Ч. 2. С. 16.

[3] *Асфандияров А. 3.* Хозяйство башкир в первой половине XIX в. / Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 33 — 49.

[4] *Кулбахтин Н. М.* Горнозаводская промышленность в Башкортостане в XVIII веке. Уфа, 2000.

[1] *Мударисов Р. 3.* Промышленность Южного Урала в первой половине XIX века (1801 - 1861). Уфа, 2003.

§4.
БАШКИРСКИЕ РУДОЗНАТЦЫ И РУДОПРОМЫШЛЕННИКИ В XVIII в.

Политика феодального государства по освоению природных богатств края в первое время исключала или не имела в виду непосредственного участия башкир в самом процессе промышленного производства из-за того, по-видимому, что они были лично свободными, владевшими огромным количеством земли, а также из-за отсутствия у них навыков к этому виду деятельности.

Определенные шаги по приобщению башкир к промышленности были сделаны при Петре I.

В XVIII веке на Урале большое развитие получает металлургическая промышленность. Многие заводы основывались на башкирских вотчинных землях.

В горно-заводской промышленности Урала применялся в основном труд русских крепостных и приписных к заводам крестьян. На подсобных работах использовался вольнонаемный труд башкир, татар и др. Они были заняты заготовкой древесного угля, добычей и перевозкой руды. Однако этим не ограничивалось участие башкир в промышленном освоении края.

В развитии промышленности Урала башкирские рудоискатели и рудопромышленники играли заметную роль, их деятельность, однако, не нашла еще полного отражения в литературе. Ею интересовались П. Ф. Ищериков, К. В. Кострин, А. Н. Усманов, Н. М. Кулбахтин, Р. 3. Мударисов. В настоящем разделе делается попытка охарактеризовать деятельность «рудознатцев» — «рудоискателей» и рудопромышленников из башкир.

По мнению современников, башкиры были неплохими рудознатцами. Царское правительство, местные власти часто прибегали к их помощи в поисках рудных мест.

В оживлении деятельности рудоискателей большую роль сыграли указы 1719 и 1739 гг., вызвавшие у них некоторую материальную заинтересованность[1]. Практиковались и другие

[1] ПСЗ. Т. X. № 7766.

формы поощрения рудоискателей. В частности, им раздавали чугунные котлы и красные кафтаны за открытие рудных мест.

Представители коренного населения края умели распознавать руды благородных металлов. Так, в 1721 г. батыр Чубар Белагушев привез в Уфу образец руды, найденный им в верховьях р. Чусовой. Руда содержала серебро и медь[1]. Житель д. Кускильдино Кудейской волости Сибирской дороги Нуруш Кинзекеев в 1740 г. нашел «в вершинах Белые реки в вотчине Табынской волости в горе Алабише серебряную руду»[2]. Об использовании серебра башкирами д. Сартов в бассейне р. Ай в шорном деле писал в своем доношении кунгурский воевода А. Писемский 18 июня 1773 г.[3].

Для башкир не представляли секрета и золотоносные места. В 1721 г. рудоискатель Цывилицын доносил В. Н. Татищеву, что башкир Кара-Табынской волости звал к себе, обещая дать им половину золота, которое будет получено от заготовленного им песка. По утверждению Наркиза Чупина, это были впоследствии знаменитые Миясские золотые россыпи[4]. В 1764 г. башкиры Курабатыр Балсаров и Кичкиней Курмантаев в Исетской провинции между рек Уфалея и Илашлы отыскали месторождение золота[5]. Ими же были найдены и другие золотоносные места в 12 верстах от Уфалейского завода около озера Иткуль[6].

Коренными жителями Южного Урала открыты месторождения марганца, угля, нефти, медной и железной руд. Активная их деятельность дала повод П. И. Рычкову сказать, что башкиры рудоискательством «ныне весьма ... много промышляют»[7].

23 августа 1759 г. старшина Катайской волости Даут Еналин, содержащийся в Оренбурге под караулом, сообщил страже об открытии им месторождения серебряной руды, оказавшейся

[1] *Чупин Н. К.* Василий Никитич Татищев и первое его управление Уральскими заводами // Сборник статей, касающихся Пермской губернии... Пермь, 1882.

[2] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 46. Л. 580.

[3] Там же. Д. 42. Л. 222.

[4] *Чупин Н. К.* Указ. соч. С. 64.

[5] РГАДА. Ф, 271.0п. 1.Д. 1142. Л. 424.

[6] Там же. Д. 2264. План № 146.

[7] *Рычков П. И.* О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии // Труды ВЭО. Ч. IV 1766.

после пробы марганцевой. Одно месторождение находилось в 20 верстах от д. Щуково, другое — в 40 верстах от Верхо-Яицкой пристани[1].

В Юрматынской волости на правом берегу р. Белой в одной версте от башкирской деревни Мустюково Юлдашем Кутлиным в 1770 г. было найдено месторождение угля. Другое место, где видели уголь, находилось в 150 верстах от Оренбурга по Ново-Московской дороге[2].

Немало было людей в Башкирии, знавших о «черной нефти». 18 января 1754 г. сотник Надыровой сотни (волости) башкирский тархан и мулла Надыр Уразметов и его сын Юсуп нашли нефть по р. Соку выше Сергеевского городка и по р. Сургуте (Кукурте) на Казанской дороге Уфимского уезда. Они просили разрешения им построить «нефтяной завод». Через полгода было получено разрешение на его постройку. Через год ими был построен амбар «для варения на первый случай нефти». Однако болезнь Надыра помешала завершить строительство завода. Вскоре Берг-коллегия лишила их права на разработку нефти и строительство завода, исключив отца и сына из списка «завотчиков»[3].

И в дальнейшем поиски нефти и асфальта продолжались. В 1760 г. поступила заявка от уфимского купца И. Сенеева и башкирского старшины Якшимбетова на открытие ими нефтяного месторождения, находящегося на горе, на правом берегу р. Инзер (в 35 верстах от Уфы), в трех верстах от д. Якшимбетово, где «из горы подземная течет нефть»[4]. Через три года в Оренбурге башкирские старшины Урманчи Минглибаев и Якшимбет Урасов сообщили о найденных ими смолах на берегах Инзера в «Уфимском уезде на Ногайской дороге Курпеч-Табын — Кумрукской волости близ д. Яксаново».

XVIII в. вошел в историю башкир как время их активного участия в развитии железоделательной, особенно медеплавильной промышленности Урала.

[1] РГАДА. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1195. Л. 56. 60.
[2] Там же. Ф. 271. Оп. 1.Д. 1312. Л. 51.
[3] РГАДА- Ф- 271. Оп. 1. Д. 1142; МИБ. Т. 4. Ч. 2. С. 594; *Кострин К. В.* В поисках Надыра Уразметова — нефтепромышленника XVIII в. / Литературная Башкирия. Вып. 17. Уфа, 1961. С. 129.
[4] *Кострин К. В.* Глубокие корни. Уфа, 1971. С. 131 - 133.

Местные жители знали приемы добычи и обработки железной руды. Так, например, 11 ноября 1736 г. на допросе Махмут Мамедельгин объявил, что в д. Максимово (Ногайская дорога) «башкирец Максим, чей сын не знает ... плавил чугун и делал железо»[1]. Многие рудники, принадлежащие Демидовым, были основаны на месторождениях, найденных башкирами. Например, месторождения по р. Багараште, притока р. Авзян, в конце XVIII в, были найдены жителем д. Месягутово Тамьянской вол. Масягутом Малаевым; по р. Кызылбалык-куль — башкиром д. Аткеево той же волости Чукой Кушумбетовым и т. д.[2]

В 1740 г. местные жители показали месторождения железной руды. Одно из них находилось на горе Уртыш в 6 верстах от жилища башкира Айлинской волости Сибирской дороги Илкутлы Кулакова; другие — в верховьях речки Ак-балык, притока р. Сатки, впадающей в р. Ай; третье — «по р. Нарыке, которая вышла из-за Урала от р. Уй»[3]. В том же году старшина Кубелякской волости Ногайской дороги тархан Баим Кидраев показал штейгеру Маркову и переводчику Роману Уразлину месторождение железной руды на горе Атач на левом берегу р. Яик (Урал). Проба дала превосходный результат: из 100 фунтов руды получили 75 фунтов железа[4]. Впоследствии эта гора, названная Магниткой, стала знаменитой в годы советской власти. Месторождение железной руды по р. Узень на территории Тырнаклинской волости в 1740 г. показал властям старшина Шайтан-Кудейской волости Шиганай Бурчаков. Руда содержала и немного меди[5]. По утверждению академика И. И. Лепехина, население д. Биктуганово около Саткинского железоделательного завода делало порох из селитры[6].

Часть первооткрывателей месторождений медной руды превратилась в рудопромышленников. Людей, находивших на своих или казенных вотчинах рудные месторождения и

[1] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 745; *Лепехин И. И.* Путешествие по Разным провинциям Российской империи. Т. 2. Кн. 2. С. 81.
[2] *Васильев С. М.* Башкирия в последней четверти XVIII в. // МИБ. Т. 5. С. 10.
[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 143. Л. 5-6.
[4] Там же. Л. 8.
[5] Там же. Л. 8.
[6] Там же. Л. 193- 194; *Лепехин И. И.* Указ. соч. С. 81.

заключивших контракты с заводчиками о поставке последним руды своими средствами, в XVIII в. называли рудопромышленниками.

В 1724 г. башкир Салзаутской волости Сибирской дороги Килсур Кинзягулов в своей вотчине по речке Полевой нашел медную руду и уступил казне это месторождение. Там был построен Полевский медеплавильный завод[1]. В 1743 г. Надыр Уразметов показал властям медную руду, находящуюся на его вотчине около Карабашевой крепости[2].

Архивные материалы сохранили имена более деятельных рудоискателей и рудопромышленников. Одним из них был сотник Салжегутской волости Сибирской дороги Салей Бускунов. В 1763 г. по его ходатайству 20 башкир получило разрешение на разведку руд за реками Уем, Тоболом и Ишимом[3]. Кроме того, они поставляли железную руду на уральские заводы Демидова. В 1761 г. по контракту с приказчиком Ревдинского завода группа башкир (из д. Иткульской Давыд Утяганов, Кунай Назаров, Мардангул Саитбаев; из д. Кангильды Терсяцкой вол. Яков Алчибаев, Арлай Тюмяков; из д. Такталим Умер Каснев; из д. Юлгутлы Калмакай Уптынов и русский крестьянин Максим Ширяев) заготовила и поставила Демидову 20 400 пудов руды[4].

Отдельные вотчинники Тайнинской волости Осинской дороги стали известными горнопромышленниками. Одним из них был Туктамыш Ижбулатов, служивший старшиной волости, активно занимавшийся крупной торговлей. До 1759 г. Туктамышем Ижбулатовым и его компаньонами было открыто шесть месторождений медных руд. Они заключили контракт с заводчиком А. И. Глебовым о поставке руд на Шермяитский завод из собственных рудников башкирского старшины с условием получения по 4,5 кг за фунт чистой меди. В 1750 — 1763 гг. им было поставлено 165 500 пудов руды. Кроме того, заводской конторой тайно было увезено еще 65 тыс. пудов руды. По прошению рудопромышленников, Берг-

[1] МИБ. Т. 4. Ч. 2. С. 697.
[2] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 834. Л. 69, 680-684.
[3] МИБ. Т. 4. Ч. 2. С. 697.
[4] Там же. С. 301-302.

коллегия предписала канцелярии Главного управления заводами «учинить верного расчета» с просителями[1].

Наибольшую известность среди рудопромышленников получили уроженцы башкирской деревни Куяново (Тасимово), которые с постройкой в 1723 г. казенного Ягошихинского, затем и Мотовилихинского заводов занялись разведкой рудных месторождениий, разработкой и поставкой руды на эти предприятия. Кроме того, они поставляли руду на Верхний НЭговский (с 1735 г.) и Нижний Юговский (с 1740 г.) заводы.

В 1790 г. в д. Куяново, находящейся в 25 верстах к югу от г. Перми, насчитывалось 90 дворов, где проживало около 360 мужчин, больше половины которых занималось «рудным делом». Ее население пользовалось определенными льготами по сравнению с другими башкирами. Указы от 5 марта 1736 г. и от 19 марта 1741 г. признали жителей этой деревни свободными «от всяких служб». Освобождение их от обязательных для других повинностей — от поставки соли в Оренбург и военной службы по охране юго-восточных границ государства — по указу от 14 августа 1745 г. преследовало одну цель — дать им возможность заниматься только «рудным промыслом»[2].

В число пермских рудопромышленников в 1773 г. входило более 360 башкир Тайнинской волости, 10 русских людей и 3 татарина Пермского уезда[3].

Среди рудопромышленников были главным образом представители феодальной верхушки башкирского общества, реже — рядовые общинники. Последние были «столь скудного состояния, что ни один из них дать залога (работным людям) не в состоянии, а производят они свои промыслы единственно из выдаваемых из казны в ссуду денег»[4].

Большое количество рудников принадлежало рудопомышленникам. Например, при Юговских заводах 234 рудника находилось в собственности башкир, в руках казны — лишь 76. Башкиры разрабатывали и часть казенных рудников.

[1] МИБ.Т. 4. Ч. 2. С. 335-338.
[2] РГАДА. Ф. 19. Д. 123. Л. 21.
[3] ГАПО. Ф. 316. Оп .1. Д. 78. Л. 17; МИБ. Т. 5. С. 681-682.
[4] РГАДА. Ф. 19. Д. 123. Л. 13.

Рудники были флюсного происхождения, т. е. они «простираются в земле пластами и слоями и весьма редко в толщину на сажень бывают; хотя такой флюс простирается на великое пространство, но оной очень часто прерываются безрудными горными породами». Имелись рудники с «гнездовой» рудой. Тогда глубина шахты достигала 14 и более сажень!.

Наиболее влиятельными и экономически мощными были рудопромышленники Тасимовы — братья Исмаил (Измаил) и Мухаметрахим (Михаил) и их сыновья Исаак (Исхак) Исмагилов и Захар Мухаметрахимов.

Семья Тасимовых вотчинной землей владела издавна. Предки их «поселились на сих местах (Гайнинской вол.) еще до взятья Иоанном Васильевичем города Казани». Башкиры племени Гайна жалованную грамоту получили в 1557 г.*, а владенную грамоту - в конце XVI в. Подтверждение ее получали в середине XVII в. и в начале XVIII в. Житель д. Тасимово (Куяново) отец Исмаила и Мухаметрахима Тасим Маметов «с товарищи» 5 августа 1700 г. получил владенную грамоту на вотчинные земли Гайнинской волости. С тех угодий казне платили 276 куниц[2].

Имя Исмаила Тасимова, как крупного рудопромышленника и основателя горного училища в Санкт-Петербурге, в литературе известно давно. В 60-х гг. XVIII в. он стал доверенным лицом группы рудопромышленников по спорному делу с заводчиком Чернышевым. Дело в том, что они поставляли руду на казенные Юговские заводы. В 1735-1757 гг. из поставленных ими этим заводам 2 млн пудов руды было выплавлено 131 033 пуда чистой меди[3]. Однако в 1757 г. казна продала Чернышеву Юговские заводы. Новый владелец отказался не только выполнять условия контракта с рудопромышленниками, но даже отнял у них рудники с добытыми рудами в 500 тыс. пудов. Управляющий заводами Чернышева распоряжался чужими рудниками как своими, снабжая из них сырьем и другие соседние заводы. Исмаил Тасимов от имени своих доверителей требовал возвращения отнятых Чернышевым рудников и возмещения ущерба. В 1765 г. своим решением

[1] РГАДА. Ф. 19. Д. 123. Л. 13. Л. 12 - 14; МИБ. Т. 5. С. 682.
* *Азнабаев Б. А.* Указ. соч. С. 50
[2] ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 78. Л. 17.
[3] РГАДА. Ф. 19. Д. 123. Л. 23.

Главное управление заводов обязало заводовладельца произвести расчет с рудопромышленниками. «За выработанные управляющим Санниковым и увезенные, и проплавленные руды» на 5 заводах спорящие стороны согласились на 70 тыс. руб.[1] Но расчет был произведен только в 1778 г. Им были возвращены деньги и рудники.

Исмаил Тасимов — инициатор и основатель учебного заведения в Петербурге по подготовке специалистов для горной промышленности. В прошении Исмаила Тасимова в Берг-коллегию в 1770 г. приводятся мотивы открытия такой школы: «Дабы начальники заводов или надзиратели трудов их (работных людей) и промысла были знающие люди, то завести офицерскую школу, как здесь (Санкт-Петербурге) кадетские корпусы и Академии, для содержания которой, есть ли заведено будет и доколе не уничтожится, уступают от своих собственных руд от каждого пуда руды по полуполушке»[2]. Брат Исмаила Мухаметрахим уточнял цели создания горного училища, которое было открыто, «с таковым намерением, чтоб от того училища те рудопромышленники, их дети и потомки образовались яко нужному по их упражнению и искусству»[3]. Берг-коллегия признала тогда «не только... полезным, но и необходимо нужным» основать такое училище.

Документы уточняют также и другое. Исмаил Тасимов просил открыть горное училище при Юговских заводах. Однако в 1773 г. оно было основано в Петербурге и рассчитано на 24 ученика. До получения необходимой суммы с башкирских рудопромышленников по решению Сената была выделена и положена в банк 61 тыс. руб., на проценты с которых и содержалось училище. Рудопромышленники же должны были постепенно пополнить эту сумму. С 1771 г. по 1792 г. с них было Удержано 7 483 руб. 40 коп., после чего содержание училища было передано казне[4]. На базе этого училища впоследствии возник Петербургский горный институт.

В первой половине XIX в. для башкирских юношей в этом институте были открыты три вакансии.

[1] МИБ. Т. 4. Ч. 2. С. 326, 328-329.
[2] РГАДА. Ф. 19. Д. 123. Л. 3.
[3] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2760. Л. 433; Полуполушка равнялась одной восьмой копейки.
[4] РГАДА. ф. 19. Д. 123. Л. 15; МИБ. Т. 5. С. 683.

На 100-летнем юбилее Горного института особо подчеркивалась роль Исмаила Тасимова в его основании. Выпускник института горный инженер П. Н. Алексеев писал:

Сто лет тому назад тогдашний горный мир
Приятно изумил безграмотный башкир.
Он подал от своих товарищей прошенье,
Чтоб рудокопам — им, безграмотным, как сам,
Давать указчиков по рудным их делам[1].

В документах XVIII в. упоминаются рудники, принадлежащие сыну Исмаила Исааку (Исхаку). В 1793 г. он вместе с Кириллом Ломакиным в качестве поверенных рудопромышленников требовали уплаты дополнительных денег за поставку свыше 1,1 млн пудов руды на пермские заводы в 1788 - 1792 гг.[2]

Мухаметрахим Тасимов — известный предприниматель. В конце XVIII в. он был записан в третью гильдию купцов г. Перми. Ему принадлежало свыше 2 млн пудов медной руды, за что получил 96 тыс. руб.[3] В целом башкирские рудопромышленники д. Куяново за 1735-1807 гг. доставили на Юговские, Егошихинский и Мотовилихинский заводы свыше 12 млн пудов медной руды[4].

Оплата поставки руды не была одинаковой. В 1729 - 1735 гг. рудопромышленники получали за каждый пуд меди, выплавляемой из руды, по 2 руб. 40 коп. С 1735 по 1755 г. были назначены две расценки: за руду, добываемую с помощью бурения, платили по-прежнему 2 руб. 40 коп. с каждого пуда меди; за мягкую же руду - по 2 руб. В 1755 г. оплата была снижена: за пуд меди, добытый с применением пороха из сухой руды, платилось по 1 руб. 80 коп. За пуд меди, добываемой из влажной руды с применением машин для откачки воды и проведением каналов — 2 руб. После возвращения Юговских заводов в казенное содержание в 1770 г., башкиры поставляли руду из оплаты 1 руб. 80 коп. за пуд

[1] Описание празднования столетнего юбилея Горного института. СПб., 1873. С. 187.
[2] МИБ. Т. 5. С. 522.
[3] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2760. Л. 419, 425.
[4] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1.Д 1398. Л. 5.

выплавляемой из не меди; для руды, поставленной с казенных рудников, оплата назначалась ниже на 10 коп.[1]

Башкирские рудопромышленники использовали главным образом наемный труд. Не отказывались они и от труда зависимых от себя людей. Они платили наемным работникам за «проходную штольню» от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 25 коп. В конце XVIII в. оплата повысилась от 2 руб. 40 коп. до 3 руб. 60 коп., за шахты глубиною 12 сажень - с 8 до 13 руб.; за возку руды за 14 верст с каждых 100 пудов платили 35 — 40 коп., с конца века - 70-90 коп. Вольнонаемным работным людям обычно давали задатки[2].

Некоторые из рудопромышленников добились права эксплуатировать труд и русских приписных крестьян. По указу Берг-коллегии от 1771 г. в их распоряжение передали свободных от заводских работ 677 приписных крестьян[3].

При этом нужно отметить, что царское правительство, как известно, устанавливало всяческие преграды перед теми из башкир, кто пытался построить заводы. Строить заводы и владеть крепостными крестьянами башкирам-мусульманам запрещалось. Поэтому некоторые из них переходили в православную веру. Башкиры-православные имели заводы. Например, предки заводчика Т. И. Шавкунова из Тайнинской волости были крещеными башкирами. В 1748 г. на р. Уй, притоке р. Ирень, в Кунгурском уезде Тимофей Иванович Шавкунов на собственной земле построил медеплавильный завод с пятью печами. Затем завод перешел к его сыну О. Т. Шавкунову[4].

Все вышеизложенное свидетельствует о значительном вкладе башкирских рудознатцев и рудопромышленников в развитие металлургической промышленности Урала. Они эксплуатировали вольнонаемный и принудительный труд башкирских и русских крестьян. Общение башкир с русскими крестьянами и работными людьми в трудовом процессе, тяжелый труд на приисках и рудниках привели людей разных национальностей к постепенному сближению и установлению между ними взаимопонимания в совместной борьбе против существующих феодально-крепостнических порядков, вылившейся в грандиозную Крестьянскую войну в 1773—1775 гг.

[1] РГАДА. Ф. 19. Д. 123; МИБ. Т. 5. С. 682.
[2] РГАДА. Ф. 19. Д. 123. Л. 5; МИБ. Т. 5. С. 682.
[3] РГАДА. Ф. 19. Д. 123. Л. 14.
[4] Сборник документов древней Шермяитской дачи. СПб., 1873. С. 1 - 2.

§ 5.
БАШКИРСКИЕ ПОТАШНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Вопрос о возникновении, становлении и развитии капиталистических предприятий в химической промышленности в Башкирии до сих пор не стал предметом специального исследования. В общих работах ограничиваются лишь указанием на две-три фамилии и заводы отдельных башкирских феодалов, которые становились предпринимателями[1].

В данном разделе на основе анализа архивных и опубликованных источников делается попытка — показать состояние поташного производства, относящегося, как известно, к химической промышленности, при этом автор, выбрав только одно производство, не ставит перед собой задачу освещения всех имеющихся химических промыслов в Башкирском крае, связанных с переработкой лесоматериалов.

Выяснение вопроса о степени распространения промышленного производства и наемной рабочей силы будет способствовать раскрытию или уточнению отдельных моментов социально-экономического развития башкирского общества. Вместе с тем деятельность поташных заводов свидетельствовала о хищническом истреблении лесов края.

Поташ изготавливался в России издавна. Что касается ее окраины — Башкирии, то поташное производство в ней началось сравнительно поздно, в последней четверти XVIII в. Производству поташа в Башкирии способствовало чрезвычайное обилие лесов.

Поташ (углекислый калий K_2CO_3) получался выщелачиванием древесной или травяной золы, выпариванием щелока и последующим прокаливанием остатка в горшках; отсюда название «поташ» (голл. — Potas от Pot — горшок и as — зола).

Поташ применялся при изготовлении ценных сортов стекла, красок, выделке кож, производстве сукна, отбеливании тканей и т. д. Для мыловаренного производства шли поташные растворы из так называемого «шадрика» (прокаленная зола), выщелоченного горячей водой.

[1] ОИБ. Т. 1. Ч. 2. С. 42.

Сырьем для поташных заводов служила печная зола, которая покупалась у населения или сжигалась заводовладельцами в своих лесных дачах. Расход древесины на изготовление поташа был огромным, это видно из следующих данных: 1 $м^3$ вяза давал всего лишь 0, 76 кг поташа, ивы — 0,63 кг и липы 0, 5 кг или для получения 1 т поташа требовалось в среднем 1 600 $м^3$ дров[1].

Рост поташного производства вынудил царское правительство следить за сводкой лесов и препятствовать хищническому их истреблению. Указом от 1798 г. предписывалось губернским правлением строго следить «за сбережением лесов»[2]. Однако этот указ касался лишь казенных лесов. О сохранении башкирских вотчинных лесных дач ничего подобного в нем не говорилось, что вело к повсеместному возникновению многочисленных поташных заводов в Башкирии.

В 1798— 1800 гг. в 7 уездах Оренбургской губернии насчитывалось 143 поташных завода: в Бирском уезде находилось — 46, Мензелинском — 33, Уфимском — 32, Белебеевском — 14, Стерлитамакском — 11, Оренбургском — 4, Бутульминском — 3 завода[3].

Обычно поташный завод размещался в деревянном строении с пристроями. При нем находились амбары, один из которых назывался паровым (парником), другой — «калильным», третий — зольным. Привозимая на завод зола, через специально устроенные в помосте отверстия сыпалась в выщелачиватели. Подзол из выщелачивателей через окна выбрасывался из помещения. Выщелачиватели представляли собой большие железные чаны. На дно укладывались деревянные брусья, на них устанавливалось решетчатое дно, покрываемое рогожей. Для выщелачивания применяли нагретую До кипения воду, а для концентрации щелоки — железные и чугунные котлы.

[1] *Лукьянов П. М.* История химических промыслов и химической промышленности России. Т. 1. Ч. 2. М.; Л., 1949. С. 17.

[2] ПСЗ. Т. 25. № 18737.

[3] ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135. Листы не указаны.

Позже применяли другой метод изготовления поташа. Полученная после сжигания древесины зола выщелачивалась водой. Щелок выпаривали и полученный таким образом поташ потом прокаливали до получаения белого цвета. При этом сжигали на медленном огне в целях получения золы с максимальным содержанием поташа. Остаток после выщелачивания, т. е. «подзол» применяли в качестве удобрения и в стекольном производстве[1].

Готовый поташ или шадрик укупоривался в бочки для транспортировки в Нижний Новгород, Казань и Москву.

При каждом заводе имелись специалисты поташного производства, выполняющие определенную операцию: «поливачи» (поливали горячей водой золу), возчики (подвозили золу и дрова), «бочкари» (заготовляли бочки для «укупорки» поташа), кузнецы и др.

Следовательно, на поташных заведениях возникло своеобразное разделение трудового процесса.

Производство, основанное на ручном труде, не имело никаких машин. О сути его изготовления владелец нескольких заводов Ш. М. Султанов говорил следующее: «действия на моем заводе производятся посредством воды и огня»[2]. Однако это не означало, что там применялась сила паровой энергии. Оборудование заводов состояло лишь из чанов для выщелачивания, котлов для упаривания щелока и печей для прокаливания поташа. Например, в 1850 г. на Сактинском заводе Султанова в Белебеевском уезде при выработке 5 тыс. пудов поташа были установлены 2 «калильные» печи, 6 котлов и 12 чанов, на остальных двух заводах — по 2 печи[3].

Работа в поташных предприятиях осуществлялась вольнонаемными рабочими, но число их было невелико: по 8 — 12 наемных рабочих, как правило из мусульман, преимущественно из башкир. Если иметь в виду, что в начале XIX в., у башкир было 30 заводов, то всех рабочих из коренного населения

[1] *Лукьянов П. М.* Указ. соч. С. 11, 108—109
[2] ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 505. Л.' 377
[3] Там же. Д. 347. Л. 117-124.

насчитывалось примерно 300 — 400 человек. Это говорит о том, что уже имелось немало наемных рабочих из башкир в данном производстве. Постепенно складывался и рынок рабочей силы. В 1859 году на Троицких золотых приисках в Троицком уезде из башкир и мишарей в качестве вольнонаемных рабочих работало 504 из 610, на Пестровском винокуренном заводе Карташевой в Стерлитамакском уезде — 23, на суконной фабрике Дурасова в Белебеевском уезде — 80, на двух винокуренных заводах Левашева в Стерлитамакском уезде — 24, на таком же заводе Бондаревского того же уезда — 25, на Архангельском медеплавильном заводе — 100, на Симском заводе — 729, на Юрюзанском — 42, а на чугунном заводе государственного крестьянина Алтынбая Мусалова (д. Муртазиной Бирского уезда) — 10, на поташных заводах Бондаревского, Невзорова, Нефедова (Стерлитамакский уезд) — по 10—15 в каждом, Синельникова — 18, на 5 заводах Софронова — 53 (Белебеевский уезд), Остапова — 6, Янышева — 10 (Бирский уезд) человек[1]. Следовательно, только на некоторых поташных и медеплавильных заводах наемным трудом было охвачено около 2,5 тыс. башкир и мишарей. Хотя эти рабочие не являлись кадровыми, а сезонниками, тем не менее здесь примечателен сам факт появления многочисленных наемных рабочих из коренного населения края.

Контроль за заготовкой или покупкой сырья, производством и сбытом продукции осуществлял приказчик заводовладельца[2].

На рубеже XVIII — XIX веков в руках башкир было 29, в 20-х годах XIX века — 15, в 30-х годах — 8, в 40-х годах — 16, в 50-х годах — 10 поташных заводов. Уменьшение количества поташных предприятий объясняется многими причинами. Но главная из них заключается в том, что башкирские вотчинники перестали возобновлять или заново заключать Договоры на аренду лесных дач из-за массового и хищнического истребления их.

[1] ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 505. Л. 28, 31, 32, 34, 72, 100, 110, 122, 164, 365, 367, 369, 370, 380-393, 398.
[2] Там же. Д. 174. Л. 359.

Заводы обычно строились на собственной или арендной земле. Так, в 1798 г. в Уфимском уезде был построен поташный завод коллежским советником Мендияром Бикчуриным на купленной у вотчинников земле[1]. 10 лет спустя в Стерлитамакском уезде обзавелся таким же предприятием на приобретенной у башкир земле юртовой старшина Мавликай Мухаметов[2]. Для этой цели в 1856 г. сотник Шайхильислам Султанов купил у Белебеевского купца 3-й гильдии А. Я. Сазыкина 1 000 дес. земли с лесом[3]. Там же ему досталось в наследство 150 десятин земли с 13 дворовыми. Султанов и в дальнейшем продолжал покупку земли: при селе Агардах Уфимского уезда им было приобретено еще 605 десятин земли с 60 крестьянами[4].

Многие заводы были основаны на арендованной у вотчинников земле. Срок аренды был различен: от 12 до 50 лет. А арендная цена в зависимости от срока колебалась от 150 до 4—6 тыс. руб. Так, в 1829 г. юртовой старшина поручик Абзелил Султанов (с 1791 г. потомственный дворянин) с вотчинниками Булярской волости заключил договор на кортом лесных дач на 50 лет за 4 тыс. руб.[5] На 20 лет за 150 руб. был арендован лесной участок у башкир Саралиминской волости Мензелинского уезда владельцами завода «башкирцами» Аиткулом Суюндуковым и Габедуллой Иткининым (1799 г.)[6]. В 1829 г. Шагингарей Нагайбаков окортомил лесную дачу у вотчинников Кыр-Иланской волости Белебеевского уезда сроком на 25 лет. Причем часть башкир запротестовала против кортома, но Нагайбаков имел большую власть кантонного начальника, угрозой принудил их согласиться с условием аренды[7].

Имел место и прямой захват вотчинной земли заводовладельцами. К примеру можно привести дело, говорящее о

[1] ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 135. Листы не указаны.
[2] ЦГИАРБ. Ф. 6. Оп. 1.
[3] ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3069. Л. 1 - 2.
[4] РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7835. Л. 45 об. - 46.
[5] ЦГИАРБ. Ф. 1.Оп. 1.Д. 913. Л. 1-10.
[6] Там же. Листы не указаны.
[7] Там же. Д. 889. Л. 1, 10 об.

том, что поручик Абзелил Султанов в 1828 г. самовольно завладел лесом у тептярей деревень Текмяковой и Тлянчиной]\4ензелинского уезда, которым истцы владели обще с башкирами-вотчинниками. Таких примеров немало[1].

Владельцами этих предприятий были представители разных слоев башкирского общества. В 1798—1800 гг. поташные заведения принадлежали 18 рядовым «башкирцам», 3 башкирским указным муллам, 5 старшинам, 3 прапорщикам, 2 сотникам и одному коллежскому советнику. В течение первой половины XIX в. рядовые башкиры были постепенно вытеснены чиновниками и феодалами. Так, в 30—40-х гг. 16 заводов принадлежали 3 башкирским потомственным дворянам, 4 старшинам, 3 есаулам, 2 сотникам, 2 рядовым и 2 завода — башкирскому войску (управляющий Ибрагимов), а в 50-х гг. из 10 заводов среди владельцев уже не было ни одного рядового башкира.

Производство поташа являлось выгодным делом. Так, например, организованные в 30-х гг. XIX в. три поташных завода башкирского войска, где готовили шадрик, давали доход в сумме до 100 тыс. руб. ассиг. ежегодно[2]. Общий объем промышленной продукции временами был значителен. Хотя и отсутствуют сводные данные по всем башкирским заводам, но тем не менее можно получить представление об объеме вырабатываемой ими продукции. Так, в 1830 г. 5 заводов выработали 30 450 пудов (494,2 т) поташа[3]. Указанные пять заведений принадлежали: начальнику 12-го башкирского кантона Шагингарею Нагайбакову[4]. 3 (при деревнях Азымеевой с производительностью 8 000 пудов в год, Костеевой — 8 000 пудов, Кутарчин-Буляковой — 4 000 пудов), начальнику

[1] ЦГИАРБ. Ф. 1.Оп. 1. Д. 778. Л. 1,Д. 892. Л. 1,44.
[2] Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. 1907. С. 80.
[3] ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1053. Л. 84 - 84 об.
[4] Полковой сотник Шагингарей Курмекеевич Нагайбаков выходец из «башкирских детей», из д. Унгаевой Бугульминского уезда. Имел еще 2 мельницы с годовым доходом до 20 тыс. руб. С 1832 г. Нагайбаков — Потомственный дворянин. ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1097. Л. 11-13; РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Д. 77. Л. 101, 300.

11-го башкирского кантона Мухаметрахиму Султанову[4]. 2 (при деревнях Ташлах 4 300 пудов, Кадыровой — 2 150 пудов шадрика в год). Они находились в Белебеевском уезде, притом считались самыми мощными.

В 1844 г. из действовавших 16 заводов сведения имеются только по 11 заведениям, которые принадлежали Шайхильисламу Султанову (4),сотнице из деревни Камилево Асхабямал Кутлубаевой (3), старшине Мутину (2), есаулу Лукману Ибрагимову. Они выработали 569 т поташа. От продажи продукции владельцы предприятий получили 59 423 руб. серебром[1]. Сравнительно крупными были заводы Султанова (4 завода выработали в год 296 т поташа), Ибрагимова (2 завода — 96 т), Кутлубаевой (3 завода — 120 т).

В 50-х годах действовали 10 поташных заводов, из них принадлежали: Султанову 4 (Белебеевский уезд), Кутлубаевой 3 (Бирский уезд), Мутину 2 (Бирский уезд), Ибрагимову 1 (Стерлитамакский уезд). В 1851 г. на 8 заводах (сведения по 2 заводам Мугина отсутствуют) было произведено 30 810 пудов (492,8 т) поташа, на общую сумму в 50 985 руб.[2] Четыре завода Султанова производили в год 304 т, заводы Кутлубаевой 160 т, заводы Ибрагимова 28,8 т.

Поташ находил сбыт через Челябинскую пристань на Каме в Нижнем Новгороде, где существовала специальная пристань для выгрузки его. Покупателями были владельцы полотняных фабрик и мыловаренных заводов. Поташ в основном вывозился за границу. Русский поташ покупали преимущественно голландцы, англичане и немцы. Пуд поташа на ярмарке продавался по 1 руб. 71,5 коп. серебром.

Все это говорит о том, что в башкирском обществе появилось поташное производство, имелись предприниматели.

[1] Мухаметрахим Абзелилович Султанов (1796-1841) - выходец из семьи потомственного дворянина, урож. д. Мостеевой Мензелинского уезда. Он был крупным землевладельцем и промышленником своего времени. Владелец также четырех мельниц. РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 7835. Л. 11 - 12, 21, 27 об.

[2] ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 174. Л. 65, 73, 73 об., 87, 172-173; Оп. 2. Д. 63. Л. 104-105.

[3] Там же. Д. 347. Л. 117, 119, 120-121, 122, 123 ; Д. 368. Л. 71-72 об., Оп. 2. Д. 64. Вед. № 18. Л. 112, 114.

Часть башкирских феодалов и чиновников башкирского войска, существовавшая в период кантонного управления с 1798 по 1865 гг., превращается в предпринимателей, не отличающихся почти ничем от своих русских собратьев, так возникло промышленное предпринимательство в Башкирии.

Некоторые из этих предпринимателей, кроме указанных промыслов, заводили конные и кожевенные заводы. В 1855 г. наряду с лучшими конными заводами помещиков Уфимского уезда Ляхова, Оренбургского — Крашенникова, Мензелинского — Обухова, Сергеева, Белебеевского — Бенадарки, Тевкелевых, Стерлитамакского — Стрелькова, считались так же заводы башкирских кантонных начальников Шайхильислама Султанова (Мензелинский уезд) и Шагимардана Сыртланова (Белебеевский уезд)[1]. А кожевенный завод кантонного начальника есаула Мухамеджана Бузыкаева в д. Маломуйнаковой Троицкого уезда являлся самым большим из таких заводов, с годовым производством на 850 руб. в год. В то время как у других владельцев кожевенных заводов города и деревни объем вырабатываемой продукции не превышал 35 — 200 руб. в год[2].

Как видно, поташные и другие предприятия основывались на ручном труде вольнонаемных рабочих при разделении трудового процесса. Тем не менее они не являлись предприятиями мануфактурного типа, который представлял особую ступень развития капитализма. Поташные заведения переживали еще домануфактурный период развития, ибо они носили кустарный и сезонный характер. В то время как мануфактурная форма промышленности означала глубокое господство капитализма, будучи непосредственной предшественницей последней и высшей формы его, т. е. крупной машинной индустрии[3].

[1] Войсковой старшина Шагимардан Ижбулдинович Сыртланов происходит из д. Шланлыкулевой Белебеевского уезда «из башкирских детей». В 1836— 1861 гг. кантонный начальник, в 1865 г. род Сыртлановых утвержден в потомственном дворянстве. ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 67. Вед. № 19; Д. 68. в ед. № 19.

[2] ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 64. Вед. № 18; Д. 67. Вед. № 18. Л. ПО.

[3] *Ленин В. И.* Поли. собр. Соч. Т. 2. С. 399.

Таким образом, в башкирском патриархально-феодальном обществе наряду с традиционным хозяйством — скотоводством и земледелием — появляется новый уклад в виде мелких предприятий, основанных на ручном труде вольнонаемных рабочих. Уже стало фактом само наличие в данном обществе предпринимателей и наемных рабочих из числа коренных жителей Башкирского края[1].

[1] *Асфандияров А. З.* Башкирские поташные заводы // Социально-экономическое развитие и народные движения на Южном Урале и в Среднем Поволожье (дореволюционный период). Уфа, 1990. С. 52 — 62.

Глава V

Социальная политика

§1-
СОЦИАЛЬНАЯ ОПОРА

Во вновь приобретенных территориях царское правительство стремилось устранить влияние и власть неуступчивой части старой аристократии, создать опору в высших слоях присоединенных к России народов и сформировать преданные ему новые сословные группы.

По мнению И. П. Ермолаева, на завоеванной казанской земле перед правительством Ивана IV стояли задачи по созданию верной ему социальной прослойки служилых людей из татар и мощного слоя русского населения и дворянского землевладения[1]. Если первая задача была созвучна или идентична с таковой в добровольно присоединенной к России Башкирии, то вторая здесь пока была не выполнимой из-за того, что вотчинное право на владение землей башкирскими общинами было признано и подтверждено правительством. Это право надолго стало препятствием для дворянской, крестьянской, заводской и иной колонизации края. Точка зрения другого исследователя более близка к действительности Башкирии. По его мнению, базой социальной политики Царского правительства в Башкирии могли стать «малочисленные социальные группы», под которыми он имел в виду тептярей и мещеряков, а также башкирская аристократия (бии, старосты, старшины, тарханы, батыры)[2]. Из последней группы правительственной базы можно было бы исключить биев и старост, поскольку они не назначались высшей властью России и не всегда занимали проправительственную линию.

[1] *Ермолаев И. П.* Среднее Поволожье во второй половине XVI — XVII века (^правление Казанским краем). Казань, 1982. С. 73.

[2] *Порталь Роже.* Указ. соч. С. 66.

Более приемлемым следует считать мнение Р. Г. Кузеева о том, что в Башкирии правительство отказывалось от услуг биев, создавало свою опору среди башкир в лице тарханов и старшин и новых сословий (мещеряки, тептяри)[1].

Б. А. Азнабаев справедливо считает, что правительство не надеялось на лояльность патриархальных биев — глав родов, ставших также независимыми наследственными старостами родов — волостей, поскольку они им не назначались. Оно стремилось найти свою опору в тарханах, так как последние зависели от властей, ввиду того, что они получали от них подтвердительные или новые грамоты на тарханство[2].

Управлять огромной территорией, где были населены башкиры, центральной и местной воеводской властям было сложно и трудно. Тем более при малом количестве городов — крепостей с незначительным гарнизоном и почти при отсутствии в крае русского населения до 1730-х гг. власти опирались на высшую аристократию общества — на служилых людей — тарханов. Старое тарханство успешно добивалось подтверждения своего достоинства на основе новых тарханных грамот. Другие — за особые услуги правительству становились личными или наследственными тарханами. Высшие патриархальные слои общества, как дуваны и князья, тоже пополняли ряды тарханов. Временами количество последних с членами семьи доходило до 50 тыс. человек. Тарханы лично несли военно-сторожевую службу по охране границ Российского государства и самой Башкирии, а также участвовали в войнах России, возглавив, по Б. А. Азнабаеву, «племенное ополчение». Они несли службу, в основном, за собственный счет, не получив ни поместных земель, ни крестьян. Из-за объективных причин в 40—50-х гг. XVIII в. был ликвидирован институт тарханства[3].

Большие изменения произошли в социально-политической жизни Башкирии по принятию указа от 11 февраля 1736 г. и подавлению восстания второй половины 30-х гг. данного столетия. Военная служба становилась основной обязанностью населения, особенно с переводом башкир и мишарей

[1] *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволожья и Приуралья С 116
[1] *Азнабаев Б. А.* Указ. соч. С. 49, 58 и др.
[3] *Асфандияров А. З.* Башкирские тарханы. Уфа, 2006. С. 97-99.

из гражданского сословия в военное после установления кантонной системы управления в Башкирии 1798—1865 гг. Кантонные и юртовые чиновники стали преданными проводниками внутренней и внешней политики правительства. Башкирские полки использовались не только при отражении натиска внешних врагов, но и в карательных целях.

Точно также были использованы мишари и тептяри, а также их полки.

Разорившиеся по разным причинам бывшие свободные башкирские (вообще нерусские) общинники становились *туснаками,* и они попадали в долговременную или пожизненную кабальную зависимость.

Туснаки выполняли всякую домашнюю работу в хозяйстве своих владельцев, богатством отличавшихся от других общинников. С тех, «у кого туснаки есть» пятенщики взимали в повышенном размере пятинные деньги (обычно 5 проц. с 1 руб. при продаже тех или иных товаров).

Источники показывают, что туснаки были характерны для городов. В частности, в 1743 г. в ведомстве Уфимской провинциальной канцелярии «у разных чинов русских людей Уфимского уезда находилось из иноверцов туснаков» из Ногайской дороги 47, Казанской — 17 Сибирской — 6, Осинской — 5, из Уфимского уезда 16 человек[1].

В 1635 г. Уфимский воевода Н. Д. Вельяминов сообщил в Москву, что некоторые из башкир «из-за непосильных платежей и сборов одолжали жен де своих и детей в туснаки позакладывали. Кредиторами были из знатных «лучшие башкирцы»[2]. В 1664 г. в наказе воеводе Ф. И. Сомову говорилось, что «всяких чинов служилых и жилецких людей, татар и башкирцев и их жен и детей ни в каких долгах, в закладных записях, в кабалы и в — ыные ни в какие крепости писать и в заклад себе имать под страхом смертной казни не велено»[3]. Тоже самое повторялось спустя десятилетия.

В именном указе императрицы Анны Иоанновны от 15 марта 1736 г. было сказано, что в туснаках, т. е. в закладчиках ни ясашных, ни свободных русских и иноверцов

[1] МИБ. Т. 3. С. 542.
[2] ОИБ. Т. 1.С. 95.
[3] МИБ. Т. 3. С. 542.

держать под смертною ж казнию запрещено[1]. Несмотря на запреты держать туснаков «по закладным кабалам», начиная с 1640 г.[2] с их владельцев брали только подписи, чтобы «он до указу их у себя имели добропорядочно и никуда б не отпускали»[3].

Такая неопределенность по отношению к туснака существовала долго даже до отмены ясака в 1754 г., хотя правительство было заинтересовано в сохранении или росте поступаемого в казну ясака.

Ниже туснаков по социальной лестнице стояли *ясыри — рабы,* приобретаемые во время барымты или карымты, а также восстаний. Рабов дарили друг другу, отдавали в калым[4], обменивали на своих пленных, меняли на лошадей или продавали в Средней Азии. Как правило, рабов усыновляли, женили, предоставляли отдельные дома, т. е. большинство из них становилось равноправными общинниками с владением вотчинной землей. Косвенным доказательством тому являются сохранившиеся до наших дней названия групп родственных семей — ара в башкирских деревнях с этнонимами казах, каракалпак, калмык, туркмен, ар, черемис, чуваш и т. д.

Наверное будет уместно, если подчеркнем, что вышеназванные социальные группы возникали объективно в ходе развития самого общества, но исчезали под влиянием указов вышестоящих российских властей.

В ходе проведения, так сказать, избирательной политики по отношению к социальным слоям народа одних из них возвышали, других ликвидировали. Это касалось и туснаков, и ясырей. До отмены кантонного управления сохранилось много особенностей в социальных слоях общества. В то же время нахождение народа в военном сословии невозможно считать нормальным явлением в его развитии.

Социальные слои и сословие башкир постепенно шли к сближению с разными сословиями других народов. Высшие слои претерпели определенные изменения. Во второй половине XVI — первой половине XVIII в. были известны

[1] МИБ. Т. 3. С. 542.
[2] Акты исторические. Т. 3. С. 371.
[3] МИБ. Т. 3. С. 542.
[4] *Асфандияров А. З.* Башкирские тарханы. С. 38.

потомственные и независимые от властей бий в лице дуванов, князей, служивших наследственными старостами. Опорой правительства явились зависимые от властей тарханы, возглавлявшие народные ополчения. Обвиненных в участии й руководстве восстанием 1735—1740 гг. тарханов, как и старост, заменили выборными старшинами. С введением кантонного управления исчезают и последние, восстановленные с его отменой в 1865 г. Башкирское ясачное сословие существовало до отмены ясака и введения соляной монополии в 1754 г. Оно становится военно-служилым, особенно в период кантонной реформы 1798 г. Военная обязанность по охране юго-восточных границ империи вдоль р. Урал и участие в войнах и походах России — основная повинность башкирского населения в 1798 — 1865 гг. После отмены кантонного управления почти уравниваются права башкир с другими крестьянами при сохранении ими владельческих прав на землю.

МИШАРИ

О всех повинностях мишарей и тептярей писали многие, поэтому о мишарях дадим лишь общие сведения, а о тептярях — поговорим о происхождении термина «тептярь» и, в частности, о сословии.

На территории Башкирии возникло значительное количество мишарских поселений. Поэтому будет уместно привести отдельные сведения о мишарях, о переселении их в Башкирию, об их военной службе и поселениях[1].

По словам мишарских депутатов Абдулкадыра Абдулкаримова «с товарыщи», обратившихся в 1794 г. с прошением к генерал-прокурору, «мещерятский наш народ прежде других иноверцов по собственному своему желанию, переселившись из Золотой Орды в Россию еще в 7001 (1493) г., за верныя и беспорочныя предков наших российскому скипетру службы

[1] *Эсфэндиэров Э. З.* Баштсортостандагы мишэрзэр кемдэр / Башкортостан. 1992. 28, 29 окт.; Баштсортостандагы мишэрзэр кемдэр улар // Иэшлек. 1994. 6 гин.

как при взятье Казани (в 1552 г.), так и при других многих тогдашнего времени случаях, жалованны были в разных местах на нагорной стороне реки Волги поместными дачами и для поселения их выгодными землями и угодьи»[1]. Впоследствии на этой территории — на правом берегу Волги — были основаны города Пенза, Симбирск и многие другие.

Мишари были превращены в служилых людей, основной обязанностью которых была охрана юго-восточных рубежей России.

В конце XVI в. русское правительство переселяет часть мишарей в Башкирию. В последующее время они сами направлялись в этот край. В «Записке» Оренбургского губернского правления за 1800 г. о мишарях говорится следующее: «Сей народ не коренной Оренбургской губернии, но перешедший по нынешнему положению Симбирской губернии из Алаторскаго и Симбирскаго уездов без обложения ясаком, а только по грамоте 7106 (1598) г. велено служить им, мещерякам, по городу Уфе с дворянами и иноземцами»[2]. Затем мишари с отрядами башкир и русских казаков несли пограничную службу вдоль р. Яик (Урал).

Для подавления башкирских восстаний правительство часто прибегало к помощи мишарских отрядов. По словам самих мишарей, «все верно и ревностно при искоренении бунтовщиков служили»[3].

В годы пугачевского движения мишарские старшины разделились на два лагеря: если рядовые выступили во главе с повстанческими мишарскими полковниками Канзафаром Усаевым, впоследствии разделившим участь Салавата Юлаева в Балтийском порту Рогервик, и Бахтияром Канкаевым против гнета и несправедливости, то все мишарские старшины Исетской провинции Абдельманнан и Абделькарим Муслимовы, Бакий Хусаинов, Абдулсалям Бакиев, Адилына Азаматов, Абдей Биктимиров и Уфимской провинции Мухаметкарим Юсупов, Мендей Тупеев, Султанмурат Янышев, Абляй Исмаилов оказались на стороне карателей.

[1] МИБ. Т. 5. С. 574.
[2] Там же. С. 581.
[3] Там же. С. 575.

В 1798—1865 гг. мишари, как башкиры и русские казаки, находились в военно-казачьем сословии и территория их расселения в Челябинском, Стерлитамакском, Уфимском, Бирском и Белебеевском уездах Оренбургской губернии была разделена на 5, затем на 4 кантона во главе с кантонными начальниками. Было образовано Башкиро-мещерякское войско. Основной военной обязанностью мишарей, башкир и казаков становятся охрана Оренбургской пограничной линии по р. Урал, участие в войнах и походах России, а также подавление народных выступлений.

В Отечественной войне 1812 г. активно участвовали и мишари, сформировав 2 конных полка. 1-й полк в 1812—1814 гг. нес гарнизонную службу в г. Москве. 2-й полк прошел большой боевой путь, закончив его в Париже. Все участники взятия Парижа 19 марта 1814 г. были награждены серебряными медалями.

После отмены кантонной системы управления, мишари как и башкиры были приравнены к государственным крестьянам, к «сельским обывателям».

Мишари были расселены в 6 уездах. Они жили в 310 — 340, в основном, однонациональных и частично этнически смешанных поселениях.

Рост численности мишарей происходил за счет естественного прироста и переселения новых групп мишарей с правобережья Волги. В 1743—1747 гг. их насчитывалось 10 тыс. человек; в 1782 г. - 28,7 тыс.; в 1794 г. - 46,3; в 1816 г. - 58,6; в 1834 г. - 73,6; в 1851 г. - 105,5; в 1879 г. - 138,9; в 1912 г. - 150,8; в 1920 г. - 166,2; в 1926 г. - 136 тыс. человек». В материалах последующих переписей мишари отсутствуют, поскольку они пополнили татарский этнос.

Царское правительство в верхних слоях мишарского общества видело свою опору, поэтому в 1783—1784 гг. дало мурзам возможность получить права русского дворянства. Среди мишарских потомственных дворян в Башкирии были следующие фамилии: Акчурины, Бигловы, Дашкины, Долатказины, Диваевы, Еникеевы, Енгалышевы, Кашаевы, Кудашевы, Киреевы, Маматказины, Мамины, Мамлеевы,

[1] *Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа. С. 237, 239.

Муратовы, Терегуловы, Чанышевы, Янбулатовы. Заодно отметим, что такой чести не удостоились башкирские тарханы по причине их активного участия в антиправительственных народных движениях.

В историко-этнографической литературе, а ныне и даже в периодической печати, часто встречается мнение о том, что башкиры в прошлом были известны как этнос и как сословие. Спрашивается, а разве другие народы в этом отношении составляли исключение? Никак нет. Между прочим, царское правительство интересовали как объект эксплуатации не народы (поэтому территории расселения башкир и татар назывались не Башкортостан и Татарстан, а Оренбургской и Казанской губерниями), а сословия, состоящие из этих же народов. Основная часть русского народа, например, известна была как государственные крестьяне, до 1861 г. как помещичьи, удельные (дворцовые), заводские крестьяне, а городские жители как посадские люди и т. д. Мишари в Башкирии составляли только одно мишарское служилое сословие, а сами себя называли «мы — мещерякский народ». Татары в Башкирии были известны не как этнос, а как сословие: ясачные татары, служилые татары, торговые татары, лашманные татары (готовили лесоматериалы для речных судов), чемоданные татары (возили почту). В исторической литературе и источниках по истории Башкирии никто не найдет в обращениях-прошениях татар словосочетания в форме «мы — татарский народ», а найдет выражения: «мы — ясачные татары», «мы — служилые татары» и др. Исследователям здесь есть над чем подумать. Все татары, мишари находились в своих сословиях, т. е. они были разобраны между собственными коллективами-сословиями.

А теперь рассмотрим компоненты башкирского сословия, поскольку это заинтересовало всех, только не исследователей, т. к. последним это известно давно. Оно состояло из башкир-вотчинников и башкир-припущенников, лишенных по разным причинам вотчинного права на землю. Их численность и соотношение выглядят следующим образом. В 1816 г. всех башкир насчитывалось 328 тыс. человек, из них вотчинников — 268 тыс. человек, или 81,7 проц., припущенников — 60 тыс. человек, или 18,3 проц.

Доля башкир-припущенников увеличивалась. Так, в 1859 г. из 545 тыс. башкир только вотчинников было 410 тыс. человек, т е. 75,2 проц., припущенников-башкир — 135 тыс. человек, или 24,8 проц.[1] В XVII — XVIII вв. в сословие башкир сверху были причислены калмыки (часть жителей д. Абилтаево, дбтикаево, Арсланово, Абдулманово, Мурзабаево, Саитбатталово Челябинского уезда) и сарты (часть жителей д. Султаново, Азналино, Мышакаево Челябинского уезда; Кисубаево и Халилово Троицкого уезда; д. Сарт-Хасаново, Сарт-Наурузово, Сарт-Чишмино, Сартово, Габдулсалямово, Ахметово, Мулькатово, Абзелилово, Абдрешитово, Маржанбаево, Ариево Уфимского уезда Оренбургской губернии). Они были в Стерлитамакском уезде (6 деревень) и в Оренбургском (д. Новогумерово)[2]. Длительное проживание по соседству с башкирами и совместная военная служба привели их к сближению с башкирами. К середине XVIII в. они растворились в среде башкир и стали такими же вотчинниками — владельцами общинных земель, выполняли те же повинности, что и башкиры-вотчинники. Они стали башкирами как в сословном, так и в этническом отношениях. Отличаются от коренных жителей лишь одним — своим происхождением: одни из них вышли из сартов, а другие — из калмыков. В свое время на это указывали и сами башкиры. Для этого достаточно сослаться на наказ башкир Уфимской провинции, предоставленный в Уложенную комиссию депутатом от башкир старшиной Гайнинской волости Туктамышем Ишбулатовым, где говорится: «А другие башкиры, названные калмыцкого роду, которые единого с нами магометанского закона состоят, а произошли в древние еще времена от калмыцкого рода и так называются по тому званию рода калмыцкого башкирцы»[3]. В другом наказе башкир Исетской провинции, представленном в комиссию старшиной Мякотинской волости Исетской провинции будущим пугачевским фельдмаршалом Базаргулом Юнаевым, речь идет о происхождении тех же самых башкир,

[1] *Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа. С. 226, 235; *Кузеев Р. Г., Усманов А. Н., Усманов Х. Ф.* Новые сведения о численности башкир в XVIII - XIX вв. ЮАС. Вып. 2.

[2] ЮАС. Вып. 2.

[3] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1.Д. 109. Ч. XI. Л. 219.

которых власти по инерции продолжали называть сартами и калмыками. Вот отрывок, говорящий сам за себя: «Между нашего тарханского и башкирского народа именуется сартами и калмыками некоторая часть, но все единого с нами магометанского закона, которое их название произошло в древние времена сарты, вышедшие из-за границы самопроизвольно от владений степных народов, а калмыки также в древние времена получены были нашими башкирцами при войнах в малолетстве, которые из давних лет именуются с нами единого звания башкирцами с отличеством, что одни произошли от сарт, а другие от калмык, почему как землями и всеми угодьями общее владение имеем и почитаемся все башкирцами, равно же в государственных службах обще и наряду обращаемся без всякого отличества и отделения от башкирцев, просим, чтобы оным сартам и калмыкам, единственное уже звание иметь и именоваться башкирцами, а звание сарт и калмык оставить»'. Как видно, сарты и калмыки полностью утратили исконно присущие им свойства и усвоили новые, характерные башкирам. В данном случае небашкиры, вошедшие в сословие башкир, пополнили ряды башкирского этноса.

В конце XVIII — первой половине XIX в. казахов, переходивших р. Урал — границу Российского государства — губернские власти в принудительном порядке расселяли по башкирским селениям, причисляя их в башкирское сословие. Осевшие навечно казахи также ассимилировались с башкирами. Среди названий групп родственных семей *ара* — и сегодня встречаются этнонимы сарт, калмык, казах, каракалпак и др. В них запечатлена история расселения представителей этих народов среди башкир.

В период кантонной системы управления в Башкирии (1798—1865 гг.) военные губернские власти своими циркулярами-предписаниями в принудительном порядке включали отдельных татар, мишарей, ногайцев в башкирское сословие. Перечисляем их поселения, приписанные к башкирскому войску. Две деревни мишарей — одна в Екатеринбургском уезде - Мусекаево (по 8-й ревизии 1834 г. 76 человек обоего пола), другая в Красноуфимском уезде — Большая Ока,

[1] РГАДА. Ф. 342. Оп .1 . Д. 109. Ч. XI. Л. 267.

796 человек). Мишари были припущенниками башкир р^якотинской и Мало-Кущинской волостей. Ногайцы Оренбургского уезда: Воздвиженская крепость (812 человек), Желтый (523) и Никитский (485) редуты, Кондуровская слобода (693). Султанаевские ногайцы были перечислены из Оренбургского казачьего войска в Башкирско-мещерякское и занимали землю оренбургских казаков. Выходит, что ногайцы в отношении землепользования никакого отношения к башкирам не имели. Торговые татары, выходцы из Казани: по Оренбургскому уезду знаменитый Сеитовский посад (Каргалы) с 3 343 жителями, «владеющими вечно привилегированной землей»; Верхние (697 человек) и Нижние (830) Чебеньки, сидящие «на земле, отошедшей в ведомство Оренбургского казачьего войска» и перечисленные из того же войска; д. Зяк-Ишметово (347 человек из казанских торговых татар, припущенных башкирами д. Таймасово, ныне Куюргазинский район). Шесть деревень казанских торговых татар Стерлитамакского уезда, вышедших из Сеитовского посада: Айдаралино (151 человек), Арслан-Тятир (387), Аширганово (264), Балыклы (205), Нижнее-Ибраево (207), Стерлибашево (часть жителей из 93 человек). Все эти поселения возникли на казачьей и купленной у башкир Минской и Юрматынской волостей земле в 1751 г., кроме д. Арслан-Тятир, основанной в 1756 г.[1] на арендованной вотчине.

Как видно, в составе башкирского сословия находилось 7 396 татар и мишарей, что составляет 1,9 проц. от всех 392 тыс. башкир в 1834 г., а также 2 513 ногайцев или 0,6 проц. всех башкир. Подавляющее большинство их пользовалось казачьими или владело покупными землями. Лишь татары Зяк-Ишметова и мишари Б. Оки и Мусекаева являлись башкирскими припущенниками двух волостей. Выходит, что при зачислении татар и ногайцев в башкирское сословие землепользование не играло никакой роли. Эти люди вошли в сословие башкир не по своей воле и не из-за стремления получить землю, а по указу сверху. И по предписанию властей они были возвращены в свои же этносы: торговые татары, например, — в татарский этнос, ногайцы — в свой этнос и т. д.

[1] ЮАС. Вып. 2. С. 204, 205, 259, 268 -269.

Это произошло в ходе отмены кантонного управления в течение 40 —60-х гг. XIX в. Жители вышеназванных татарских сел и поныне сохранили свой язык, обычаи и культуру. По всему видно, что царское правительство и местные губернские власти сами создавали сословия, сами распоряжались судьбой этих людей.

Исходя из вышеприведенных фактов можно прийти к следующим выводам: 1) кто не учитывает и не знает сущность, особенности и значение таких социальных институтов у башкир как припуск, припущенничество и тептярство, тому кажется, что башкирское общество в прошлом было бесправовым, не имеющим никакого порядка и принимающим к себе всех желающих. Функционирование этих институтов и норм поведения, а также и взаимоотношения вотчинника и припущенника ими игнорируются. 2) Все такие утверждения относительно татарского состава башкирского сословия, как видно, не соответствуют действительности. Недостоверное представление об этом нужно было определенным лицам для того, чтобы попытаться доказать недоказуемое: западные и северные башкиры сегодня якобы не кто иные, как татары в башкирском сословии в прошлом. Один-два процента татар в башкирском сословии не может раскрыть сути башкирского сословия. Последнее объединяло главным образом самих башкир, как владельцев (вотчинников), так и пользователей (припущенников) землей из своей среды. Что касается представителей народов, населяющих Башкирию, то отметим, что татары и другие народы со времени переселения в этот край жили, живут и сегодня на этой земле (не войдя в другое сословие), сохранив свое этническое лицо, язык, обычаи и культуру.

Что касается тептярей, то это сословие объединяло безземельных татар, марийцев, башкир, удмуртов. Они создавали свои поселения на вотчинных землях башкир или оседали в деревнях последних.

Итак, на северо-западе жили и башкиры, и татары, а также представители других народов, находясь в присущих им сословиях. Завершая начатый сюжет, приводим фактический материал о татарах с мишарями по итогам пяти ревизий за XVIII в. (см. таблицу).

Переселение представителей татар, мишарей и угро-финских народов в Башкирию начинается в XVII в. Массовый характер оно носит в следующем столетии. Интенсивное заселение Башкирии русскими и другими народами снижало удельный вес башкирского населения в Южном Приуралье (Оренбургской губернии) и увеличивало численность татар с мишарями и других сословий в абсолютных цифрах и в процентном отношении.

Даты / ревизий / Народы	1 1720 г.	2 1748 г.	3 1762 г.	4 1783 г.	5 1795 г.
Башкиры[1]	71,4	32,9	25,2	23,6	20,8
Татары[2]	3,8	9,9	11,0	13,0	14,4

Основная масса башкир в XVIII в. проживала в следующих уездах Оренбургской губернии: Верхнеуральском (по 3-й ревизии - 59,9; по 5-й - 70,2 проц.), в Стерлитамакском (по 3-й ревизии - 43,1; по 5-й - 43,3 проц.), в Оренбургском (по 3-й ревизии - 59,9; по 5-й - 38,6 проц.), в Бирском (по 3-й ревизии - 41,2; по 5-й - 26,1 проц.), Белебеевском (по 3-й ревизии - 34; по 5-й - 25,9 проц.), Троицком (около 30 проц.), Уфимском (по 3-й ревизии — 35,3; по 5-й — 15,3 проц.). В Бугульминском уезде башкир было по 3-й ревизии 8; по 5-й - 8,3 проц.; в Челябинском уезде к концу XVIII в. башкир насчитывалось 11,7; а по 5-й ревизии - 2,2 проц.[3]

Основная часть татар в XVIII в. обосновалась в Мензелинском, Бугульминском и Оренбургском уездах, т. е. в землях, смежных с Казанской губернией.

Во второй половине XVIII в. с 3-й по 5-й ревизии приток переселенцев в эти уезды не прекращался. В Мензелинском Уезде доля татар возросла за 1748—1795 годы с 27,9 до 30,6 проц., в Уфимском - с 0,7 до 22,1 проц., в Бугульминском - с 20,6 до 26 проц., в Белебеевском - с 9,2 до 13 проц., в Стерлитамакском - с 5 до 12,7 проц., в Бирском - с 0,5 до 176 проц.

[1] *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 244.
[2] Там же. С. 328.
[3] Там же. С. 244.

В Челябинском и Троицком уездах татар было мало. Они проживали во всех уездах Оренбургской губернии, кроме Бузулукского и Верхнеуральского[1].

Таким образом, мишари — переселенцы в своем социально-политическом развитии — шли к формированию своего мещерякского этноса, прерванного отменой кантонного управления и затем полностью поглощенного татарским этносом. Мишарское военное сословие, как башкирские тарханы и старшины, кантонные начальники и другие чиновники, а также как и русские казаки, были превращены правительством в свою социальную опору в период адаптации и интеграции Башкирии в административную, социально-политическую структуру Российского государства.

§3.
ТЕПТЯРИ

Сначала слово о численности тептярей в Исторической Башкирии. По разным источникам, собранным Р. Г. Кузеевым, численность тептярей выглядит следующим образом. В 1745 г. их было 575 тыс. человек, в 1795 г. - 100 тыс., в 1850 г. — 262 тыс. человек[2]. Последняя, 10-я, ревизия 1859 г. выявила 266 тыс. тептярей[3]. Тогда они проживали в 1 075 этнически смешанных населенных пунктах. Территориально они располагались в Бирском (369 деревень), Белебеевском (209), Мензелинском (144), Уфимском (104), Бугульминском (79), Стерлитамакском (72) уездах Оренбургской губернии, в Елабужском уезде (28) Вятской губернии, Красноуфимском уезде (25) Пермской губернии, Бугурусланском уезде (18) Оренбургской губернии, Осинском уезде (11) Пермской губернии, Оренбургском (6), Бузулукском и Троицком уездах (по 5 деревень) Оренбургской губернии. Тептяри, в основном, оседали в западных, центральных и северных регионах Исторической Башкирии. Из 266 069 тептярей 246 730 человек проживали в западных и центральных уездах, остальные

[1] *Асфандияров А. З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн. 5. Уфа, 2004. С. 99-110.
[2] *Кузеев Р. Г.* Историческая этнография башкирского народа. С. 237.
[3] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1.Д. 6333. Л. 413.

7 981 человек — северо-западных (Елабужском, Осинском) уездах, часть тептярей (11 358 человек) - в юго-восточных районах Оренбургской губернии[1].

С 1730-х годов из тептярей создали территориальные команды (99), состоящие каждая из нескольких населенных пунктов во главе старост и старшин. В начале XVIII в. бобыли, осевшие на башкирской земле без соглашения и документов, составляли большинство, тептяри — меньшинство, они создали свои населенные пункты по договору с местными общинами. К 1830-м годам бобыли, заключив договорные записи о припуске, пополнили ряды тептярей.

До конца XVIII в. тептяри и бобыли использовались казной как трудовая сила для перевозки Илецкой соли на Ашкадарскую пристань и для строительства городов-крепостей, например, при постройке Оренбурга. Одновременно с них взимался ясак со двора, в среднем по 40 коп. В 1747 г. тептярский ясак был заменен подушной податью (по 80 коп.), выросшей к середине XIX в. до 2 руб. 40 коп. серебром. Кроме того, они давали в казну еще по 6 коп. ямских, по 4 коп. подымных (со двора, за дом, значит, за хозяйство) со двора[2].

С конца XVIII до середины 40-х годов XIX века тептяри, занимая промежуточное положение между военно-служилыми сословиями и государственными крестьянами, сформировали и содержали сначала один, затем два тептярских полка. 8 1855 - 1865 гг. тептяри находились в составе Башкирского войска, хотя и не несли военную службу. С отменой кантонного управления были приравнены как и другие сословия к обычным «сельским обывателям».

А теперь обратим внимание на происхождение термина «тептярь» и тептярского сословия, а также на его сущность, поскольку они до сих пор оцениваются неоднозначно. А вопрос о том, что правительство использовало тептярей для укрепления своих позиций в Башкирии, известен давно.

Интерес к истории заселения Башкирии нерусскими крестьянами возник еще в XVIII в. (П. И. Рычков). Ее раз-

[1] Рукописный отдел Института Российской истории РАН. Фонд А. П. Чулошникова. Л. 11.
[2] История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 140.

рабатывали лингвисты (А. А. Юлдашев), историки (Б. С. Ддвлетбаев, У. Х. Рахматуллин, Р. Н. Рахимов, Р. И. Якупов* и др.)г этнографы (Г. Н. Ахмаров, Р. Г. Кузеев, Д. М. Исхаков и др.), но также и языковеды-диалектологи, интересующиеся проблемой формирования уфимской группы татар-переселенцев, а также тептярей и бобылей. Однако при этом неоднозначно трактуются вопросы происхождения и сущности институтов тептярей и припущенников, взаимоотношения припущенников с башкирами-вотчинниками, время и темпы заселения отдельных районов Башкирии. Многие из этих вопросов весьма субъективно стали решаться в работах казанских диалектологов[1]. К припущенникам и тептярям они причисляют лишь переселенцев из Поволжья, тогда как их этнический и социальный состав был весьма различным и пестрым.

Институты припущенников и тептярей являются продуктом социально-экономического и политического развития башкирского общества. Порождены они вотчинным правом башкир на населяемые ими земли, возникли и существовали задолго до появления переселенцев из Поволжья. Возможность припуска на башкирские земли имелась и до присоединения Башкирии к Русскому государству. На основании

* Из всех работ следует признать самой слабой и неудачной во всех отношениях монографию Р. И. Якупова «Тептяри. Этносоциальный феномен и научная проблема» (Уфа, 1998), где читатель не находит никакого феномена. Речь ведется о тептярях, а автор не знает, кто они такие, где возникли и не указывает их территориальные границы расселения. Название его работы нисколько не соответствует самому содержанию термина «тептярь», возникшему как социальное явление, затем только через века ставшему этносоциальным. Удивляет читателя и избирательный подход к мнениям историков, при чем без учета сути их концепций. Чего стоят такие его утопичные предложения о поисках истоков тептярей в Золотой Орде, татарских ханствах, только не в Башкирии, где, по его мнению, не было никаких условий для их появления; или существование тептярей как будто в Поволжье и т. д. Тем самым автор показал свое незнание социальной истории Исторической Башкирии, в разработку которой внес лишь путаницу.

[1] ***Рамазанова Д. Б.*** К вопросу о бобылях Башкирии в XVII в. /I Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978; см. также статьи следующих авторов, опубликованные в сборнике. «Исследования по исторической диалектологии татарского языка». Казань, 1979; ***Рамазанова Д. Б.*** К вопросу формирования белебеевского подговора мензелинского говора среднего диалекта татарского языка (с. 4-43); ***Хайрутдинова Т. Х.*** Образование говора златоустовских татар (с. 44-72); ***Садыкова 3. Р.*** Формирование говоров оренбургских татар (с. 73— 104).

же царских жалованных (сберегательных) грамот значительно расширились возможности припуска на общинные земли. Часть этих земель легко отчуждалась: она продавалась или отдавалась в калым или аренду. На общинные земли вотчинниками припускались на определенных условиях припущенники из обезземелившихся башкир из данной или других волостей, лишенных вотчинных прав.

Припущенниками становились отдельные башкиры или волощане целой волости, лишившиеся вотчинного права на землю из-за определенных социально-экономических и политических причин. Его лишались прежде всего активные участники многочисленных восстаний[1]. В результате захвата вотчинных земель Златоустовским, Миясским, Саткинским, Юрюзань-Ивановским и другими заводами на положение припущенников, например, перешла часть кара- и бара-табынцев[2], сызгинцев[3], айлинцев и куваканцев[4]. Не пригодную для хозяйственной эксплуатации болотистую и гористую местность в отдельных вотчинах улу-катайцы, принятые без оброка вотчинниками Катайской[5] и Бала-Катайской[6] волостей, вынуждены были покинуть. Часть самих катайцев, по их словам, к 1759 г. уже 300 лет жила на земле бала-катайцев[7].

Башкир-припущенников было особенно много в западной Башкирии, что обусловлено переходом полукочевых башкир на оседлость и развитием земледельческого хозяйства. Не могла не способствовать данному процессу и крестьянская, а также правительственная, дворянская и заводская колонизация края. По 8-й ревизии (1834 г.) в Оренбургской губернии насчитывалось 66 тыс. безземельных башкир-припущенников (16,8 проц. от всех 392 тыс. башкир). Из них 22,5 тыс. человек (или 34,2 проц. от всех башкир-припущенников) находилось в Белебеевском, Бугульминском

[1] РГАДА. Ф.1324. On. 1. Д. 618. Л. 16.
[2] ЦГИА РБ. Ф. 1.On. 1.Д. 450. Л. 32.
[3] Там же. Л. 28 об.
[4] Там же. Л. 32.
[5] Там же. Ф. 2. On. 1. Д. 5499. Л. 101 об.; ***Рахматуллин У. Х.*** в статье "К вопросу о припусках...» считает, что «бесплатное поселение припущенников не обнаружено»/ В книге «Страницы истории Башкирии». Уфа, 1974. С. 11-12.
[6] ЦГИА РБ. Ф. 2. On. 1. Д. 450. Л. 34.
[7] Там же. Д. 5499. Л. 107.

и Мензелинском уездах[1]. А к 10-й ревизии (1859 г.) количество их достигло 135 тыс. человек (24,8 проц. от всех 545 тыс. башкир)[2].

Припущенниками назывались безземельные башкиры, вышедшие из своих общин и принятые вотчинниками своей или чужой волости на условиях участия в уплате ясака или оброка в размере 10 — 25 коп. в год с каждого двора. Они сохраняют свою сословную принадлежность к башкирам. Безземельный башкир за пользование земельными угодьями платил вотчинникам оброк, как припущенник; находясь же в башкирском сословии, он выполнял все, что требовалось от остальных его членов в пользу казны и припускавшей его общины.

Таким образом, бывший вотчинник, потеряв право на владение общинной землей и став припущенником чужой ему общины, продолжал находиться в ясачном (до 1754 г.), позже — в военно-служилом башкирском (1754—1865 гг.) сословии.

Вотчинники называли башкира-припущенника, затем и припущенников — переселенцев из Поволжья *этэмбэй, ебэрелмеш* ИЛИ килмешэк**. Можно предположить, что термин *ебэрелмеш* применялся по отношению к безземельному башкиру данной общины, термин же *килмешэк* — чужой волости.

С началом массовой колонизации Башкирии институт припущенников получает дальнейшее развитие. В ряды первых припущенников из башкир влились переселившиеся в Башкирию безземельные татарские, мишарские, марийские, мордовские, удмуртские и чувашские крестьяне. Тем самым усложняется этнический состав припущенников. Крестьяне-переселенцы выходили из своих общин в районах старого местожительства в Поволжье и становились припущенниками у башкир-вотчинников. Однако они сохраняли сословную принадлежность. Татар-припущенников можно было найти в служилом, ясачном, торговом татарских сословиях и т. д. Среди мишарей-припущенников были только служилые люди.

[1] ЮАС. Вып. 2. С. 292 - 307, 281 - 291.

[2] *Кузеев Р. Г., Усманов А. Н., Усманов Х. Ф.* Новые сведения о численности башкир... С. 47.

* *Ебэрелмеш* от *ебэрелеу* — «припускать», *килмешэк* от *килеу, килмеш* — «приходить».

^арийские, мордовские, удмуртские и чувашские крестьяне-припущенники составляли ясачное сословие. Таким образом, припущенники из башкир и переселенцев из Поволжья не образовали нового сословия, а сохраняли прежнюю сословную принадлежность.

Вместе с тем из среды припущенников постепенно образовались тептяри, а затем формировалось их сословие. Припущенник - понятие более широкое, нежели тептяр. Почти все тептяри — припущенники, но не все припущенники являются тептярями. Часть припущенников находится в ясачном (башкиры, татары, марийцы, удмурты, мордва, чуваши), служилом (татары, мишари), торговом (татары) сословиях.

Институт тептярей, как и припущенников, давнего происхождения. Тептяри XVII - XIX вв. напоминают русских изгоев. Изгой — это бывший смерд, общинник, по каким-то причинам вышедший из своей общины и сословия. Холоп, отпущенный на волю, также становился изгоем, т. е. выходил из своей прежней социальной среды. Изгои - юридически свободные люди, лишенные, однако, почти всех средств производства. Чтобы иметь средства к существованию, они вынуждены были обращаться к феодалам за ссудой: брали у них и земельный надел, и орудия труда, и семена. Тем самым они принимали на себя массу феодальных повинностей. Так изгои превращались в экономически зависимых от феодалов людей — закупов (от купа «ссуда») и рядовичей (от *ряд* «договор»).

Тептяр в условиях башкирской действительности почти такой же изгой. Лишенный вотчинного права на землю башкир-общинник выходил сам, вытеснялся нуждой или выталкивался, отвергался насильственно (по-башкирски яшбелеу^ не только из своей общины, но и из сословия. Отсюда социальный по своему содержанию термин тептяр: (по-башкирски *типтер* — «отвергнуть», *типтэр* «быть отвергнутым» (причастная форма), *типтэрзэр* - «отверженные». Сравните башкирскую пословицу: *Иле типкэн ир булмад, кетву типкэн* мал *булмад, йврэк типкэн йэр булмад* — «Отвергнутый Отчизной — не мужчина, отвергнутая стадом — не скотина, отвергнутый сердцем — нелюбимый»[1].

[1] Башкирское народное творчество: Пословицы и поговорки. Уфа, 1980.

О возникновении же термина «тептярь» существует несколько версий. Некоторые (П. И. Рычков[1], В. Н. Витевский[2], А. И. Добросмыслов[3], Г. Н. Ахмаров[4]) выводят его от персидского слова *дэфтэр* имея в виду под ним заключаемые припущенниками письменные условия (запись, договор) с башкирами-вотчинниками, определяющие количество получаемых ими земельных угодий по естественным ориентирам и размер оброка, или понимали под этим словом список, реестр, куда заносились тептяри. Другая производит этот термин от того же *дэфтэр* и чувашского слова *типтер,* означающего бирку, на которой ножом отмечался размер причитавшегося к уплате долга[5]. Третья версия считает его татарским словом (сибирские татары казака, служилого человека в устных преданиях называли тептярем)[6]. Как видно, все гипотезы о происхождении этого термина на первый план выдвигают внешний фактор.

Самой распространенной из них является утверждение происхождения данного термина от персидского *дэфтэр.* По мнению ее сторонников, тептяри могли получить свое название лишь после оформления договорных условий о припуске с вотчинниками. На самом же деле и до заключения и при свершении таких актов, даже еще не став припущенниками, они иногда называли себя тептярями. Выходит, что безземельные крестьяне, еще не будучи припущенниками, называют себя тептярями[7]. Первым усомнился в приемлемости

[1] История Оренбургская. С. 94.

[2] И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Вып. 3. С. 391.

[3] Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. 1. С. 21, 105.

[4] *Ахмаров Г. Н.* Тептяри и их происхождение. Казань, 1907. С. 9— 10, 12. (Название *тептярь* означает «запись, список имен башкирских припущенников»).

[5] *Комиссаров Г.* Население Башреспублики в историко-этнографическом отошении / Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1926. С. 24.

[6] *Филимонов Е. С.* Что такое тептяри / Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 56.

[7] См. МИБ. Т. 3. С. 83-87 (Дуванейская волость, 1712 г.); С. 123 (Шамшадинская волость, 1715 г.); С. 212 — 213 (Кыр-Иланская волость, 1723 г.); С. 290 (Кыр-Иланская волость, 1731 г.); С. 301 (Киргизская волость, 1732 г.); С. 328 (Еланская волость, 1734 г.).

толкования термина «тептярь» от персидского *дэфтэр* упомянутый выше, известный лингвист А. А. Юлдашев[1].

Гипотеза о происхождении термина *тептяр* от персидкого слова *дэфтэр,* хотя нами не отвергается, не подтверждается фактами. В действительности почти все припущенники составляли с вотчинниками договорную запись, однако не все они назывались тептярями. Кроме того,тептяри жили не только на башкирской вотчинной земле (615 696 дес, или 64,4 проц. от всех 955 916 дес, владеемых или пользуемых ими земель в середине XIX в.), но и на казенной (115 318 дес, или 12,1 проц.), и на собственной, т. е. жалованной им русскими царями или купленной у башкир 224 902 дес, или 23,5 проц.) землях[2]. Если они действительно заключали договорные записи с вотчинниками о пользовании земельными угодьями, то с казной никогда не составляли такие документы, тем более на собственной земле тептяри ни с кем не могли оформить записи о припуске. Несмотря на это, при всех условиях оседания они назывались тептярями.

Таким образом, сама реальность не согласуется с предположением о персидском происхождении термина «тептярь». Тептярями становились прежде всего те из припущенников, которые были в хозяйственном отношении менее состоятельными, чем остальные. Несение повинностей первоначально считалось тептярями относительно легким. А до формирования тептярского сословия в 30 — 90-х гг. XVIII в., по И. К. Кирилову, они «в казну ничего не выплачивали»[3]. Неудивительно поэтому, что до указанного времени среди тептярей башкир было сравнительно много. Но когда тептярские повинности стали более устойчивыми и обременительными, башкиры-припущенники почти прекратили переход в тептярское сословие. Но зато среди тептярей резко возрастает численность переселенцев из татар, марийцев, удмуртов, вышедших из своих общин и порвавших связь со своим прежним сословием. В них преобладал удельный вес татар.

[1] *Юлдашев А. А.* Говор тептярей Учалинского района Башкирской *АССР//* Сборник статей, посвященных академику В. А. Гордлевскому. М., 1953. С 331.

[2] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6333. Л. 398 - 402 (1855 г.).

[3] МИБ. Т. 3. С. 490.

Указать точное количество тептярей из башкир невозможно из-за отсутствия статистических данных. Но имеются отдельные факты о переходе башкир-припущенников в тептяри, которые говорят об обнищании части общинников, следствием чего был выход из общины и сословия. Башкиры одной из деревень Ельдякской волости Казанской дороги И. Алтынбаев и Б. Илинбаев с тов. в 1679 г. платили тептярский ясак[1]. Вотчинники этой же волости припустили сальжегутовцев[2]. В д. Бирючево Ельдякской волости в начале XIX в. было свыше 20 тептярей из башкир[3]. В 1811 г. жители д. Кабаково Гарейской волости Бирского уезда просили «о выключке их из тептярского звания и переводе их в первобытное башкирское»[4]. В Бугульминском уезде часть жителей д. Сары-Биккулово состояла из тептярей-башкир[5]. В середине XIX в. Езикеевы, башкиры тех мест, платили тептярский ясак[6]. Были они и в д. Карагузино Троицкого уезда[7]. Башкир можно было встретить среди ясачных татар-припущенников, по ошибке записанных в оклад. Жители деревень Кутусаз (Иманово), Сарсаз, Такирман, Саклы Чурашево, Старый Дрюш, Мрясево, Сеитово, Чиршилы (Шанды Тамак) и Старые Саклы Мензелинского уезда в 1795 г. «были выключены из башкирцев» и записаны «в оклад». Они доказали на основе родословной свое башкирское происхождение и просили перевести их «в башкирцы»[8]. Д. М. Исхаков, вычтя из 166 тыс. башкир Мензелинского, Бугульминского, Елабужского и Сарапульского уездов по переписи 1897 г. произвольную цифру 124 тыс., полученную разницу в 42 тыс. относит к тептярям, владеющим башкирским языком[9].

[1] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1038. Л. 2; Д. 1198. Л. 3.
[2] РГАДА- Ф- 1324. Оп. 1.Д. 594. Л. 4-6.
[3] Там же. Л. 7, 218, 222.
[4] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 377. Л. 1.
[5] Там же. Д. 4928. Л. 86.
[6] РГАДА- Ф- 1173 Оп. 1. Д. 87. Л. 7
[7] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 379. Л. 1.
[8] Там же. Д. 187. Л. 1.
[9] *Исхаков Д. М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII —XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4. С. 38.

Не совсем точно отражают положение и данные 1855 г. 0б этническом составе тептярей[1]. Тогда в Оренбургской (9 уездов), Самарской (3 уезда), Вятской (1 уезд) и Пермской (2 уезда) губерниях, где проживало башкирское население, собственно тептярей было 93 895 душ мужского пола (70,2 проц. от всех мужчин тептярей), марийцев — 23 152 (17,3 проц.), татар — 10 256 (771 проц.), удмуртов — 6 499 (4,8 проц.). Как видно, большинство тептярей (93 895 душ мужского пола) не представлено в отдельной этнической классификации. Надо полагать, что в их числе были и татары, и башкиры, и чуваши.

Среди тептярей христианского вероисповедания было 802 души мужского пола (0,6 проц.), язычников — 29 256 (21,92 проц.) и мусульман — 103 744 (775 проц.)[2].

Первыми по времени и этнически однородными тептярями (как и припущенниками) стали разорившиеся в результате различных причин башкирские общинники. В возникновении их как феодальной категории населения царское правительство непосредственно не играло особой роли. Это было продуктом внутреннего развития башкирского общества. Институты припущенников и тептярей получают широкое развитие в ходе переселения крестьян в Башкирию в XVII — XVIII вв.

Игнорирование особенностей социально-экономического строя Башкирии приводило отдельных исследователей к признанию внешнего фактора главным и единственным в происхождении института тептярей. Они считали тептярей только лишь пришлым нерусским населением[3]. Встречаются и необоснованные утверждения о том, что все пришлое население в Башкирии называлось тептярями и бобылями[4]. В частности, всех татар, переселившихся из Поволжья в Башкирию, причисляют к тептярям, причем социальный

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63333. Л. 413.
[2] Там же. Л. 287,410,413.
[3] *Чулошников А. П.* Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII - первой половины XVIII в. // МИБ. Ч. 1. С. 15; *Васильев С. М.* К вопросу о землепользовании населения Башкирии в конце XVII — начале XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 132.
[4] ОИБ. Т. 1.4. 1.С. 97.

термин «тептярь» называют прозвищем[1]. При этом не принимаются во внимание другие сословия из припущенников в Башкирии, например, ясачные, служилые, торговые татары, хотя они не превосходили количественно тептярей из татар.

Вместе с тем отдельные исследователи, не совсем выяснив сущность взаимоотношений между припущенниками и вотчинниками, которых можно охарактеризовать как арендных, тептярей низводят до положения крепостных, как это делалось в дореволюционный период[2] и на первом этапе развития советской историографии[3], а владельцев вотчин возвышают до уровня феодалов. Отсутствие объективного подхода к сложным социально-экономическим отношениям в Башкирии ярко видно в утверждении о том, что «припущенники должны были платить башкирам-помещикам оброк за земли»[4]. Простые арендные отношения еще не дают возможность одной стороне стать феодалом-эксплуататором, другой — эксплуатируемым крепостным. Несостоятельность этого взгляда видна еще в следующем. По 7-й ревизии 1816 г. башкир было 310 тыс. человек, из них к концу XVIII в. 50 тыс. являлись безземельными припущенниками[5], а вотчинников было 260 тыс. человек. По логике суждений упомянутых авторов, было столько же помещиков, которые эксплуатировали 97 356 душ мужского пола припущенников (194 — 200 тыс. человек обоего пола). В таком случае целый народ без какой-либо социальной дифференциации выступает в роли феодального сословия, эксплуатирующего огромную массу припущенников.

В литературе встречаются утверждения о переходе в башкирское сословие с обязательным приобретением вотчинных прав не только тептярей (об этом речь шла в главе IV), но и бобылей.

[1] Ходиков *А. Х.* Происхождение татар Поволожья и Приуралья. Казань, 1978. С. 14.

[2] Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 года. СПб., 1877. С. 84.

[3] *Чулошников А. П.* Указ. соч. С. 15, 16.

[4] *Хайрутдинова Т. Х.* Указ. соч. С. 45.

[5] *Кузеев Р. Г., Усманов А. Н., Усманов Х. Ф.* Новые сведения о численности башкир... С. 77, 79.

Если институт тептярей, как выяснили, является социальным институтом местного происхождения, то бобыльство было привнесено в башкирское общество извне. Тем не менее в составе бобылей были обедневшие бывшие вотчинники, вышедшие из своих общин. От тептярей бобыли отличались лишь меньшими размерами повинностей и способом оседания на башкирских общинных землях («без всяких актов»). Перспектива для бобыльства — тептярство, т. к. они пополняли ряды тептярей. К 8-й ревизии 1834 г. бобыли сохранились лишь в 21 этнически смешанной[1] деревне Стерлитамакского (636 душ м. п.), Уфимского (122 души м. п.) уездов Оренбургской губернии и Осинского (9 душ м. п.) уезда Пермской губернии[2].

Наряду с тептярями в 1855 г. бобыли были причислены к Башкирскому войску, в составе которого находились десять лет. Это было принудительным переводом их в башкирское сословие на основе Положения Государственного Совета от 22 февраля 1855 г.[3]

Ни одному бобылю не из башкир не удавалось, однако, получить вотчинное право на владение землей. Такие бобыли, оседавшие на башкирских вотчинных землях явочным порядком без разрешения их владельцев и не имея документов на пользование землей, не могли стать вотчинниками.

Среди бобылей было немало башкир, вышедших из своих общин. Переход в разряд бобылей считался более легким потому, что бобыль платил необременительный ясак и освобождался от ямской гоньбы, сторожевой и других служб.

Бобылям из башкир сохранялась возможность возвращения в свою некогда покинутую по разным причинам общину. Последняя могла принимать таких бобылей в случае Доказательства своих поземельных прав на основе предоставляемых ими родословных (шежере), подтверждающих Родственные отношения их с вотчинниками той или иной

[1] Д М Исхаков уверяет читателей, что бобылями назывались лишь Финноязычные крестьяне. Тептяри // Советская этнография. 1979. № 4. С. 30. А между тем в их рядах были и татары, и башкиры, и угрофинского происхождения крестьяне.

[2] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1.Д. 4619. Л. 26, 44-51, 115 об.

[3] 2 ПСЗ. Т. 30. № 29060.

общины. Если им это удавалось подтвердить, то они принимались общинниками на равноправных началах. Таким образом, бобыль из башкир при благоприятных обстоятельствах становился снова вотчинником. Но прежде чем перейти в такое состояние, он должен был переложить на кого-то свой бобыльский ясак.

Приведем примеры. В феврале 1673 г «башкирцы» Уразайка да Акбердейка Митросовы из Табынской волости Ногайской дороги с бобыльского ясака были переведены «в башкирскую службу»[1]. Тогда же по просьбе тархана той же дороги Янбахты Янбахтина с бобыльского состояния перешел «в башкирскую службу» Зайникайка Елымов как его «братья-башкирцы»[2]. Башкир д. Юрматы Ногайской дороги Бакшайко Чурашев с пятью товарищами перешел с бобыльского на башкирский ясак (1674 г.)[3].

В 1677 г. башкир д. Тураево Байлярской волости Казанской дороги Кульметко Еналеев сдал свой бобыльский ясак уфимским бродячим безъясачным людям и записался в окладной ясак ввиду того, что он «человек вотчинной»[4].

На эти факты опираются и отдельные исследователи, чтобы доказать свой тезис о массовом переходе припущенников, в частности, бобылей из татар в башкирское сословие с приобретением вотчинного права. Однако факты эти трактуются некоторыми исследователями произвольно в целях подкрепления своих концепций. В частности, искажена этническая принадлежность вышеназванных бобылей: не указана национальность ни Митросовых, ни 3. Елымова; об этническом происхождении жителя башкирской деревни Тураево К. Еналеева в документе ничего не говорится, но автором он превращен в «татарина». Башкиры Досмаметка Кочаков и его товарищи из Кипчакской волости Ногайской дороги, оказавшиеся «за их скудостью и да бедностью» в

[1] РГАДА. Ф. 1173. On. 1. Д. 639. Л. 1.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Там же. Д. 647. Л. 1.
[4] История Татарии в документах и материалах. М, 1937. С. 204. Деревня Тураево принадлежит башкирам-вотчинникам Байлярской волости МИБ. Т. 3. С. 160, 460.

бобыльской группе припущенников[1], превращены в «ясачных татар»- Жителей д. Мушуги Байлярской волости Казанской дороги называют то «вотчинниками», то «вотчинниками-татарами»[2]. Между тем в данной деревне в 1795 г. по 5-й ревизии 1795 г. проживало 194 башкира-вотчинника в 26 дворах й 19 тептярей в 3-х дворах[3]. В 1834 г. там жили одни башкиры-вотчинники (480 человек обоего пола)[4].

Таким образом, тезис о превращении бобылей-татар в башкир-вотчинников источниками не подтверждается. Доказать его невозможно по той простой причине, что не существовало для бобылей из татар такой возможности. Она сохранялась только для бобылей из башкир. Все вышеприведенные примеры о переходах бобылей в башкирское служилое или ясачное сословие с приобретением вотчинного права относятся лишь к бобылям из башкир, вынужденно вышедших из своих общин. Другие бобыли, не из башкир, перешли в тептярское сословие. К середине XIX в. бобыли растворились среди тептярей.

Кроме того, в литературе делаются попытки выявить причины и показать обстоятельства, которые давали возможность пришлым крестьянам-припущенникам получить башкирские вотчинные земли в собственность. Среди них главной выдвигается территориальная неопределенность у полукочевых башкир, у которых земельных угодий было много, а потому они не в состоянии были держать их под своим контролем[5].

Вновь обратимся к фактам. В середине XVII в. на огромной территории расселения башкир появилось 9 тептярских (марийских) деревень на территории будущего Бирского Уезда, в конце XVII в. — 136, что составляло соответственно 0.8 и 12,6 проц. от всех 1 075 тептярских деревень к середине

[1] *Демидова Н. Ф.* Социально-экономическое отношение Башкирии в первой четверти XVIII в. // 100-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 47.
[2] *Рамазанова Д. Б.* К вопросу о бобылях в Башкирии в XVII в. С. 143, 144,
[3] РГАДА. 1355. Д. 1879. Л. 95 об.
[4] ЮАС. Вып. 2. С. 288.
[5] *Рамазанова Д. Б.* К вопросу о формировании белебеевского подговора... Ме Нзелинского говора среднего диалекта татарского языка. С. 19 — 20.

XIX в.[1] В 1631 — 1632 гг. числилось 8 355 дворов тептярей и бобылей[2]. В XVII в. имелось 8 мишарских деревень, в XVIII в. — 127 (соответственно 2,4 и 38,4 проц. от 331 мишарской деревни к 1840 г.)[3]. В конце XVII в. здесь имелось 748 мишарских дворов[4]. Все это наглядно свидетельствует о том, что в XVII в. еще не было массового переселения нерусских крестьян в Башкирию и полукочевые общины вполне могли контролировать свои вотчины. В XVIII в. усиливается переселенческое движение. В этих условиях, естественно, обостряется борьба за земельные угодья. Если бы была территориальная неопределенность у башкирских родов-волостей и не закрепляли бы они за собою определенные территории на основе царских сберегательных грамот в качестве вотчинных, то очень скоро земли эти отошли бы от башкирских общин к казне, заводам, дворянам и крестьянам-переселенцам. Башкирские общины, представлявшие коллективы вотчинников, веками вели упорную борьбу за сохранение хотя бы минимума того, что они имели до начала активной колонизации края.

Сохранились свидетельства исследователей, современников и самих башкир о том, что у последних была относительная территориальная определенность на населяемые и пастбищные земли. В частности, в «Экстракте о башкирском народе», написанном 23 октября 1774 г. П. И. Рычковым, об этом говорится так: башкиры... «привязаны весьма к своим землям и угодьям так, что, почитая их собственными и старинными своими вотчинами, нередко за них бунтовали и умирали, чему в известиях о сем народе многие примеры находятся»[5].

Есть множество других опубликованных и архивных материалов, указывающих на территориальную определенность и на отсутствие «пустопорожних» земельных угодий. Еще 13 января 1735 г. хорошо осведомленный в делах башкир И. К. Кирилов в «Изъяснении» правительству акцентировал внимание на том, что «земли и угодья между родами все

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп.1. Д. 4619
[2] ОИБ. Т. 1. Ч. 1. С. 27.
[3] ЮАС. Вып. 2. С. 308-339.
[4] ОИБ. Т. 1. Ч. 1. С. 97.
[5] РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1.Д. 196. Л. 14 об

разделены, а в некоторых родах уже от настоящих произошли роды, кои называют аймаками, а индетюбами, и тако никакой земли и угодий нет, кои бы свободны лежали»[1].

В начале 60-х. гг. XVIII в. П. И. Рычков писал об отношении народа к своим землям так: «Ничто столь много не уважает и не бережет, как старинные свои вотчинные земли и отхожие, т.е. лесные угодья, и наипаче пчелиные бортевые промыслы...»[2]

А теперь обратим внимание на «Наказы» башкир Уфимской и Исетской провинций для Уложенной комиссии 1767—1768 гг., где говорится, что во всей Башкирии «Земли состоят во владении по волостям нераздельно... владеют оными всею волостию... а порозших пустых... земель и чтоб оными владетелей не было... нисколько не имеется да оным быть невозможно». Обращаясь с просьбой о помощи и защите от посягательств на их земли, башкирские депутаты решительно заявляли, что «оные вотчинные земли никогда пустовыми не бывали, а в точном владении нашем башкирском издревле состояли и пустовых между нами башкирцев земель нисколько не имеется, но все по разным волостям в башкирском владении издревле, т. е. до принятия подданства всероссийской ее имп. величества великославной державы состояли и ныне в точном владении состоят и по указу е. и. в. и правительствующего Сената...»[3]

Таким образом, утверждение о ничейных землях у башкир не имеет под собой реальной почвы. Территория каждого рода — волости была определена на основе естественных ориентиров — рек, долин, лесов, отдельных деревьев, гор, насыпей, курганов и т. д.

В XVII в., как было выше упомянуто, не наблюдалось массового переселенческого движения поволжских крестьян в Башкирию. Не было и не могло быть тем более в XVI в., хотя и встречаются об этом отдельные предположения[4]. Тем не менее вполне утвердительно пишут о том, что в момент присоединения Башкирии к Русскому государству население края было далеко не однородным. Однако ссылки на источ-

[1] МИБ. Т. 3. С. 493.
[2] *Рычков П. И.* Топография Оренбургская. Оренбург, 1887. С. 225-226.
[3] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 81. Л. 224.
[4] *Рамазанова Д. Б.* К вопросу о бобылях Башкирии в XVII в. С. 143.

ники при этом отсутствуют. Те исследователи[1], на работы которых ссылается, в частности Д. Б. Рамазанова, никогда не занимались средневековой историей края, поэтому они ограничивались лишь повторением друг друга, не имея и не ссылаясь на источники.

Время формирования различных этнических групп населения Башкирии в последних исследованиях еще более удревняется: в домонгольский период в Башкирию проникали булгарские племена[2]. Это признается и другими исследователями, на работы которых ссылается Д. Б. Рамазанова. Однако у них речь идет не о самостоятельном существовании этих племен, а о смешении их с башкирами, о значительной доле булгарского компонента в формировании западных и отчасти южных башкир[3]. Кроме того, основанием для такого утверждения ей служат и названия башкирских племен — байляр, буляр, гайна, еней, таныр, юрматы и юрми, в формировании которых преобладал булгарский компонент[4]. Между тем известно, что в этом процессе принимали участие не только булгары, но и угры и древние башкиры[5]. Ассимиляция булгар западными башкирами еще не свидетельствует о неоднородности населения, о различных его группах в этническом отношении. Кроме названных племен, в западной Башкирии были и другие: ельдят, дуваней, иректе, киргизы, минцы, канлы, кыпсак, елан, которые численно превосходили племена булгарского происхождения, которые растворились в башкирской среде.

[1] *Алекторов А. Е.* История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883. С. 75. («до середины XVI в. тептяри и мишари были данниками башкир»); *Семенов Тянь-Шанский П. П.* Россия. СПб., 1914. Т. 5. С. 231. (селение татар на башкирские земли началось еще до Казанского ханства); *Рязанов А. Ф.* Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1918. С. 16 («все, кто был недоволен сначала татарскими насилиями, потом московским правежом... все широким потоком шло на восток и юго-восток в Оренбургские степи и Сибирь»); *Типеев Ш. И.* Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С. 32 (попытался указать даже конкретную дату (1557 г.) несуществующей грамоты, по которой припущенники якобы обязывались платить вотчинникам оброк).

[2] *Рамазанова Д. Б.* К вопросу о бобылях Башкирии в XVII в. С. 141.

[3] ОИБ. Т. 1. Ч. 1. С. 32-33, 35.

[4] *Рамазанова Д. Б.* К вопросу о формировании белебеевского подговора... С. 7 8, 10, 11.

[5] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. С. 368, 369.

Чтобы обосновать свой тезис о неоднородности населения Башкирии в середине XVI в., Д. Б. Рамазанова на основе легенд и преданий пишет об основании отдельных населенных пунктов в Башкирии «выходцами из булгар». К ним она относит д. Менеуз-Тамак, Зайпекуль (ныне Миякинский район) и Балыклыкуль (Аургазинский район), с. Сафарово (Чишминский район), д. Балышлы (Благоварский район)[1].

О чем же говорят исторические факты? В д. Зайпекуль башкиры Миркет-Минской волости по договору 1804 г. припустили мишарей, в д. Менеуз-Тамак тогда проживало 7 мишарей[2]. В д. Балыклы-Куль проживали и мишари, и тептяри на покупной у башкир Миркет-Минской волости земле по договорам от 1756 и 1806 гг.[3] Деревня Кыска-Елга, относящаяся к Канлинской волости Белебеевского уезда, принадлежала только башкирам: в 1840 г. там проживали 7 вотчинников и 274 башкира-припущенника[4]. Что же касается с. Сафарово, то оно принадлежало мишарям (в 1840 г. их было 1 328 человек обоего пола)[5], которым в 1742 г. земля была отписана от башкир Суби-Минской волости из-за «бунта». 8 с. Ново-Киишки проживали тептяри, которые в XVIII в. заключили договор с вотчинниками Дуван-Табынской волости о припуске[6]. В д. Балышлы жили тептяри[7].

Таким образом, об основании вышеназванных населенных пунктов «выходцами из булгар» речи быть не могло. Во всех деревнях, кроме Кыска-Елги, жили мишари и тептяри с XVII в. Мишари — не булгары, а тептяри — не одни татары.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что в возникновении институтов припущенников и тептярей главную роль играл внутренний фактор — дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие башкирского общества, а в их развитии — внешний фактор, а именно: колонизация Башкирии, получившая в XVIII в.

[1] *Рамазанова Д. Б.* К вопросу о формировании белебеевского подговора... с-4-10.

[2] ЮАС. Вып. 2. С. 338.

[3] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4619. Л. 59, 60; ЮАС. Вып. 2. С. 311.

[4] ЮАС. Вып. 2. С. 301.

[5] Там же. С.319.

[6] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4619. Л. 55.

[7] Там же.

массовый характер. Лишенные вотчинных прав башкиры становились припущенниками своих или чужих им общин. Они выходили из своих общин, но оставались в своем сословии. Припущенников башкиры называли *ебэрелмеш* или *килмешэк* от башкирских слов *ебэрелеу* и килеу, килмещ. Из припущенников образовались тептяри, вынужденные оставлять не только свою общину, но и сословие. Тептяри вытеснялись или выталкивались из своей среды. Тептяр отвергнут общиной и сословием. Термин этот берет свое начало от башкирского (тюркского) слова *тибеу — тибелеу — типтереу — типтер — типтэр (ср. кусер — кусэр, булер — булэр)* в смысле «вытеснять [ся], выталкивать (ся), быть отвергнутым». Этнический состав тептярей усложняется с началом крестьянской колонизации края. Большинство среди них — татары, влившиеся позже в собственно татарский этнос, остальные — в башкирский, марийский и удмуртский этносы. Тептяри оседали на башкирской, казенной и на собственной (покупной) землях. Между башкирами-вотчинниками и тептярями, пользующимися общинными землями, устанавливались арендные отношения: платили первым оброк. Как правило, бобылям и тептярям из башкир сохранялась возможность восстановить свое право на вотчину. Ее не было у других тептярей. Как исключение, лишь единицам из тептярей не из башкир удавалось проникнуть в башкирскую общину с приобретением вотчинного права путем установления родственных связей с вотчинниками[1].

В целом подчеркнем, что правительство в целях укрепления своих позиций в Башкирии постепенно создавало опорные социальные слои внутри самих башкир, которых тоже превратило в послушное военно-служилое сословие, как и мишарей, отчасти и тептярей, ставших в результате реформ 60-х гг. XIX в. как и другие, крестьянами России с сохранением некоторых особенностей в землепользовании и культуре.

[1] *Асфандияров А. З.* Тептяри (Социально-этническое и лингвистическое содержание термина) // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 59-82.

Глава VI

Семейно-брачные отношения

Семья — первичная социальная ячейка общества, члены которой взаимосвязаны браком или кровным родством; как таковая она обладает, с одной стороны, известной самостоятельностью, с другой — функционирует в тесной связи с обществом, с развитием последнего наполняется новым смыслом и содержанием. По характеристике Ф. Энгельса, семья и есть один из определяющих факторов общественного развития[1]. По социальной и исторической сущности своей брак и семья взаимообусловлены господствующими экономическими отношениями, и те и другие испытывают на себе влияние общественной надстройки, прежде всего и главным образом, политики, права и нравственности. Брак представляет собою не что иное, как юридическую основу семьи.

Как и у всех народов, у башкир семья играла исключительно важную роль в общественной жизни. В рассматриваемую нами феодальную эпоху она была основной производящей единицей в развивающемся обществе.

Следует добавить, что проблема эта до сих пор не являлась предметом специального исследования. Имеющиеся отдельные наблюдения и суждения высказаны вскользь, при изучении других проблем. Так, в общих этнографических работах о башкирах представлена она лишь попутно. Сравнительно подробно вопросы брака, развода и пережиточных институтов в прошлом у башкир осветил в своей монографии С. И. Руденко[2]. Отдельные пережиточные явления и положение

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е. изд. Т. 21. С. 25-26.

[2] *Руденко С. И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт башкир / Записки Географического общества СССР. Т. 43. Вып. 2. Л., 1925. С 244-269; *Он же.* Башкиры. М; Л., 1955. С. 259-272.

женщины в семье[1] нашли освещение в этнографических работах конца XIX — начала XX в. Проблема большой семьи, в какой-то мере, и районы ее распространения, институты экзогамии и левирата затронуты Р. Г. Кузеевым[2]. Особенности семьи и брака у зауральских башкир в конце XIX в. рассмотрены в работе, выполненной тем же автором совместно с Н. В. Бикбулатовым[3]. Последним специально были изучены вопросы о наследовании и разделе имущества у башкир в XIX—XX вв.[4] Обзор имеющейся литературы по проблеме, в целом, был дан 3. 3. Нафиковым[5].

Все эти работы опираются преимущественно на полевой материал конца XIX — первой половины XX в. Они не имеют статистических данных ни о формах семьи и их соотношении, ни о формах моногамного и полигамного брака, ни о формах развода. Между тем обращение к архивным источникам позволяет отвергнуть, уточнить или подтвердить те или иные наблюдения и выводы исследователей. Задача данной главы — раскрытие основных аспектов истории семьи и брака у башкир, а именно, районов распространения и соотношения неразделенной и малой семей, форм брака и развода, имущественного права членов семьи и положения женщины в семье и обществе, а также выяснение сути политики правительства в семейно-брачных отношениях у башкир. Притом все эти вопросы можно раскрыть на основе анализа материалов 6, 7, 8-й ревизских сказок 1811, 1816, 1834 и других лет, прошений, бракоразводных дел, сохранившихся в фондах Оренбургской казенной палаты и Магометанского духовного собрания Центрального государственного исторического

[1] *Бергхольц Л.* Горные башкиры — катайцы / Этнографическое обозрение. 1983. № 3; *Назаров П. С.* Башкиры // Там же. 1890. № 1; *Зеленин Д. К.* О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда / Там же. 1908. № 3; *Никольский Д. П.* Башкиры. СПб., 1899; *Небольсин П.* Заметки о башкирах // Отечественные записки. 1850. № 73; и др.

[2] *Кузеев Р. Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. Уфа, 1957. С. 114-117.

[3] *Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В.* Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.) / Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа, 1962.

[4] *Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.* Семейный быт башкир XIX — XX вв. М., 1991. С. 135-161.

[5] *Нафиков 3. 3.* Социалистическая семья. Вопросы становления и развития (На материалах Башкирской АССР). Уфа, 1974.

архива Республики Башкортостан. Интересно отметить, что ревизскими сказками зафиксированы члены каждой семьи. Как правило, на одном листе указаны главы семей (фамилия, имя), затем перечислены сыновья, братья, племянники и внуки, на другом листе, против фамилии и имени мужчины, перечислены имена матери, жен, дочерей и сестер, указаны национальность и возраст членов семьи. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что ревизские сказки составлены первоначально по информации деревенских стариков *(ауыл карты)* и юртовых *(йорт)* старшин, затем несколько раз проверены на аульной сходке.

Данные ревизских сказок скорректированы и дополнены другими опубликованными материалами.

Башкиры, как и другие соседние мусульманские народы, строили семейную жизнь на основе Корана и шариата. Поэтому выяснение особенностей их семьи приобретает особое значение.

Хронологически рамки изучаемой проблемы (1700 — 1865 гг.), в основном, совпадают с периодом развития, затем разложения и кризиса феодально-крепостнических отношений, с последовавшей отменой крепостного права и началом буржуазных реформ в России. В условиях башкирской действительности это был период подготовки к переводу башкир в военно-казачье сословие, включения их в состав иррегулярных войск. Процесс этот характеризуется активным вмешательством царского правительства не только в сферу хозяйства и военной службы коренного населения, но и регламентацией его бытовой и семейной жизни. Словом, налицо невиданная по масштабам ломка всего того, что было свойственно башкирскому обществу. До XVIII в. отсутствуют выявленные источники, поэтому вопросы темы до этого периода остались нераскрытыми.

Еще в 1989 г. было издано учебное пособие для студентов под названием «Семья и брак у башкир в XVIII — первой половине XIX в.» в объеме 5 п. л. тиражом в 800 экземпляров. Оно не дошло до массового читателя. Второе издание содержит Новый раздел об имущественных правах Членов семьи, Отдельные сюжеты даются в новой редакции, уточняются Некоторые моменты, привлекаются новые материалы (см.: Башкирская семья в прошлом. Уфа, 1997).

ФОРМЫ СЕМЬИ

Форма семьи зависела главным образом от типа хозяйства — земледельческого и скотоводческого. Ни что иное, как выяснение соотношения земледельцев и скотоводов среди башкир, дает возможность объективно осветить проблему семьи и брака. Башкирское население подразделялось на оседлое и полукочевое. В 1846 г. из 439 548 башкир Оренбургской и Пермской губерний оседлых было 230 859, т. е, 52,6 проц., а полукочевых — 208 725, или 474 проц. Башкиры Бирского, Мензелинского, Осинского, Пермского и Сарапульского уездов жили оседло. В Уфимском, Троицком (западная часть), Белебеевском, Бугурусланском уездах полукочевой образ жизни вели лишь 17 — 22 проц. башкир. В Екатеринбургском, Красноуфимском уездах — 46 проц., в Оренбургском, Стерлитамакском, Челябинском уездах от 78 до 84 проц. В Троицком (зауральская часть), Верхнеуральском уездах 93 — 94 проц. вели полукочевое скотоводческое хозяйство[1]. Остальные занимались земледелием.

Таким образом, расселенные на огромной территории нескольких губерний башкиры в преобладающем большинстве вели оседлый образ жизни.

Между тем всем народам — и кочевым, и земледельческим — известны были обе формы семьи: большая и малая. Большая давно уступила малой главенствующее положение. На основе малой возникла неразделенная семья.

Необходимо оговорить и то, что в историко-этнографической литературе по отношению к сложной семье периода феодализма поныне нет единого термина. Ее называют то «большой семьей», то «большой патриархальной». Одновременно бытует и такой термин, как «неразделенная семья». Но характер последней толкуют неоднозначно. Под этим типом семьи подразумевают новую форму, переходную от большой к малой, состоящей не из трех или более поколений, как это бывало раньше, а только из двух поколений (имея в

[1] *Асфандияров А. З.* Хозяйство башкир в первой половине XIX в. / Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 34 — 35, 89.

виду родителей и женатых детей)[1], другие же неразделенной семьей называют последнюю стадию развития большой патриархальной семьи[2]. Первую форму семьи у кочевых народов С. М. Абрамзон называл «большой неразделенной», которой охватывалось три-четыре поколения от 30 до 40 человек[3]. Но, как отмечают сторонники этой точки зрения, численный состав большой семьи постепенно уменьшается и ограничивается она двумя поколениями женатых мужчин. Под неразделенной семьей С. М. Абрамзон понимал ту семью, в которой совместно с родителями проживали взрослые женатые сыновья. Н. А. Кисляков в неразделенной семье видит пережиточную форму большой патриархальной семьи[4]. Аналогичную точку зрения высказала и Р. Г. Мухамедова[5].

Таким образом, почти всеми исследователями сложная семья в антагонистическом обществе связывается с большой патриархальной и малой семьей. В то же время вводом в научный оборот термина «неразделенная семья» предпринимается попытка — доказать промежуточный или переходный характер этой сложной семьи — от большой к малой. В неразделенной семье некоторые исследователи предполагают пережиточную форму большой патриархальной семьи. Такая пестрота в терминологии, неодинаковое толкование сути неразделенной семьи требуют от исследователей уточнения содержания и смысла понятия. Мы же попытаемся подойти к этому вопросу, отталкиваясь от истории сложной семьи у башкир. Впервые эту тему затронул С. И. Руденко. Он, однако, не задавался целью подробно изучить формы семьи, а потому неверно отождествлял мелкое родовое подразделение — ара, т. е. группу индивидуальных семей, с одной большой семьей[6]. По отношению к последней

[1] *Сухарева О. А., Бикжанова М. А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955.

[2] *Моногарова Л. Ф.* Преобразование в быту и культуре припамирских народностей. М, 1972.

[3] *Абрамзон С. М.* К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии / КСИЭ. Вып. 28. 1957.

[4] *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 32.

[5] *Мухамедова Р. Г.* Татары - мишари. М., 1972. С. 141.

[6] *Руденко С. И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II. Быт
[6]ащКир. С. 253.

Р. Г. Кузеев применяет оба термина в их сочетании — «большая неразделенная»[1]. Н. В. Бикбулатов различает большую и неразделенную семьи. Причем отмечает, что у башкир Зауралья весьма редки большие семьи, неразделенные — довольно часты. По предположению этого автора, последнее получило широкое распространение в конце XIX - начале XX в. вследствие проникновения буржуазных отношений в башкирскую деревню. Необходимо, однако, подчеркнуть, что неразделенная семья широко известна башкирам и д0 капитализма. Распространение неразделенных семей объясняется главным образом фискальной политикой правительства и стремлением самих общинников облегчить свое положение при выполнении феодального тягла путем регенерации на основе малой сложной семьи. Справедливо подчеркивая неизученный характер природы неразделенных семей и объясняя их отличие от больших семей неустойчивостью первых, он делает категоричный вывод о том, что после смерти главы семьи, т. е. отца, неразделенные семьи всегда распадались[2]. Тот же автор не учел возможности превращения такой семьи в братскую или в семью дядя — племянник. В своей работе о системе родства Н. В. Бикбулатов обходит стороной вопрос о неразделенной семье. Что касается других форм семьи, то он признает значительную роль большой патриархальной семьи в социальной жизни башкир, семьи, сосуществующей с малой индивидуальной семьей, которая является основной формой первичной ячейки общества. Малая семья перерастала в большую, но последняя снова распадалась на элементарные ячейки. Большая семья функционировала в ее братском и патриархальном вариантах[3].

Внимание исследователей привлекает и вопрос о генетической связи между существовавшими формами семьи — преобладающей малой и неразделенной. Последняя выступала в разных типах: отцовском (родители — женатые дети — внуки), братском (женатые братья — дети — племянники) и в виде дядя — племянники.

[1] *Кузеев Р. Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Уфа, 1957. С. 114-117.

[2] Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа, 1962. С. 49, 250.

[3] *Бикбулатов Н. В.* Башкирская система родства. М., 1981. С. 98- 102.

Идею о длительном сохранении большой семьи и о генетической преемственности болыпесемейных форм с эпохи разложения первобытно-общинного строя до XIX века доказал М. О. Косвен. Он полагал, что большая семья, являющаяся основной общественной ячейкой патриархально-общинного строя, стойко сохранялась и в классовом обществе и постепенно приобретала другие формы, например, как отцовская или братская большие семьи. Малые семьи возникали из большой[1].

Данная концепция принята и другими этнографами. Так, по С. М. Абрамзону, малая семья возникает в результате разложения большой[2]. По М. А. Бикжановой, малая семья также выделяется из большой. Исследователь указывает на два пути образования малой семьи. Первый - путем раздела больших неразделенных семей, второй - путем непосредственного сложения малой семьи, иначе говоря, молодые после женитьбы начинали жить отдельно[3].

Н. А. Кисляков утверждает, что малые - результат распада большой патриархальной семьи. В условиях феодализма они могут и сосуществовать. В другом месте своей работы между двумя указанными формами семей Н. А. Кисляков ставит еще и неразделенную семью.

Суть его идеи сводится к следующей схеме: большие патриархальные семьи распадаются на неразделенные семьи и эти последние — на малые[4]. Все вышеназванные авторы делают вывод: малая семья есть продукт распада большой семьи, еще сосуществующей с первой. Если с первой частью этого вывода можно согласиться, понимая его уступку своего места большой семьей для малой, то со второй частью согласиться весьма трудно.

Этой концепции противопоставлена была другая, которая, как нам кажется, наиболее приемлема. Высказали ее одновременно В. А. Александров и М. Б. Свердлов. Их работы

[1] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 6-7; *Александров В. А.* Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма / История СССР, 1981. № 3. С. 80-81.

[2] *Абрамзон С. М.* Указ. соч. С. 34.

[3] *Кисляков Н. А.* Указ. соч. С. 23 — 24.

[4] *Он же.* Указ. соч. С. 17, 34.

подтверждают также выводы К. В. Чистова, который различает «первичные» или традиционные этнографические формы от «вторичных», «производных», внешне похожих на «первичные». Как на один из четырех типов «вторичных» форм можно указать на формы регенерированные, т. е. уже изживающиеся или изжитые, но под влиянием каких-то факторов восстановленные в новых условиях, а потому мы вправе считать их простым или непосредственным продолжением традиций. В этой группе не исключено воздействие традиций, хотя они уже находятся в состоянии затухания или пережиточном. Смена форм может осуществляться в результате прямого развития традиций или изжития их. В последнем случае возникают формы как исходные, так и неисходные с бытовавшими ранее, но генетически с ними не связанные непосредственно. Их-то и называют «вторичными»[1]. Данное теоретическое положение подтверждают В. А. Александров и М. Б. Свердлов, выявившие генетическую связь между малой и неразделенной семьями. Если рассматривать неразделенную семью архаической, т. е. постоянно существовавшим пережитком первобытно-родового строя, то следует признать одновременное самостоятельное существование как малой, так и неразделенной семей. «Малая семья», длительно и преобладающе существовавшая, отнюдь не может быть результатом распада болыпесемейных форм XVIII —XIX вв. Поэтому наиболее вероятен процесс создания неразделенных семей на основе малой семьи с последующим их разделом опять на малые. Только так можно проследить генетическую связь между малой семьей и теми болыпесемейными коллективами, которые бытовали в эпоху феодализма в форме неразделенных семей.

В. А. Александров и М. Б. Свердлов выявили также прицинпиальную разницу между большой патриархальной семьей и неразделенной (отцовской и братской). Эта разница состоит в том, что первая форма в условиях более ранних общественных отношений бытовала постоянно — как определенный институт, а вторая, в эпоху феодализма, систематически регенерировалась на основе малой, затем, через

[1] *Чистов К. В.* Традиционные и «вторичные» формы культуры / Расы народы. Вып. 5. М., 1975.

относительно короткое время, сама распадалась на те же малые. История неразделенных семей как вторичных образований свидетельствует об их подчиненности семье малой. Поэтому оба автора вполне справедливо предлагают называть сложную семью эпохи феодализма неразделенной, генетически, стадиально и терминологически не связанной с большой семьей периода распада родового строя[1].

В целом, можно сказать так: согласно прежним концепциям, семья эволюционировала в направлении от распада большой патриархальной на неразделенные, а эти неразделенные — на малые; последняя концепция в корне отличается от прежней. Согласно ей, большая патриархальная семья уступает место малым индивидуальным, служащим основой для регенерирования неразделенных семей, разлагающихся на те же малые. Для феодализма не характерны большие патриархальные семьи. Но под влиянием социально-экономических и политических факторов на основе малой семьи происходит восстановление изжитой формы семьи в виде неразделенной, но не являющейся простым продолжением традиции, генетически не связанной с большой семьей.

Аналогичное явление наблюдается и в башкирской семье. Неразделенная семья существовала в период господства малой и регенерировалась на основе последней в разных типах — отцовской, братской, дяди — племянники. В XVIII — первой половине XIX в. у башкир не было большой патриархальной семьи, параллельно существовавшей с малой. Место большой семьи еще в далеком прошлом заняла индивидуальная.

Истинное положение убедительно передает третья таблица. Данные об изменении типов семей на основе малой в трех башкирских деревнях, полукочевые жители которых в течение первой половины XIX в. постепенно переходили к земледельческому хозяйству, почерпнуты из материалов 7—10-й Ревизий[2].

Как видим, в 1816 г. из 23 семей 22 (95,7 проц.) относились к малой (родители и несовершеннолетние дети), лишь одна семья — к неразделенной (отцовской). Через 18 лет доля малых

[1] *Александров В. А.* Указ. соч. // История СССР. 1981. № 3; *Свердлов М. Б.* Семья и община в Древней Руси / Там же. С. 105.

[2] ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 156, 514. 636, 677.

семей сокращается до 10, или 56,6 проц. Ревизия 1850 г. свидетельствует о развитии неразделенных семей на основе малых: их доля достигает теперь 60,9 проц. (14 семей), доля последних сократилась до 39,1 проц. (9 семей). По 10-й ревизии каждая пятая семья малая.

Тот же процесс регенерирования неразделенных семей на основе малых наблюдается на примере д. Туксанбаево (см. табл. 2), родины выдающегося башкирского поэта-просветителя второй половины XIX в. Мифтахетдина Акмуллы (1831-1895).

В 1816 г. из 20 семей малые составляли 19 (95 проц.), в 1834 г. — 10 (50 проц.), в 1850 г. - 7 (35 проц.), в 1859 г. - 6 (30 проц.). Зато доля неразделенных семей увеличилась с 5 проц. (1 семья) в 1816 г. до 65 проц. (13 семей) в 1859 г.

В соседней д. Каныкаево — аналогичное явление (см. табл. 3).

Здесь, на основе малой семьи также возникали неразделенные семьи, причем первые уступили последним ведущую позицию.

Приведенные таблицы об изменении форм семей наглядно обнажают смену их форм и тем самым подтверждают концепции В. А. Александрова и М. Б. Свердлова. В 1816 г. в трех деревнях насчитывалось от 71 до 95,7 проц. малых семей. Эти цифры неопровержимо говорят о господствующем положении семьи такой формы. В 1834 г. ее доля сократилась от 32,2 до 50 проц., в 1850 г. - 25,8 до 39,1 проц. И это произошло из-за того, что на основе малой семьи возникли неразделенные семьи разных типов. Так, в 1816 г. в трех деревнях увеличилась доля неразделенных семей от 1 до 29,15 проц., в 1834 г. - от 50 до 68,8 проц., в 1850 г. - от 60,9 до 70,9 проц., в 1859 г. — от 65 до 79,6 проц. Малая семья уступила, таким образом, свое господствующее положение неразделенной семье. Причиной этому послужило, вероятно, чрезвычайное положение башкир в 1798— 1865 гг., а именно, перевод их из гражданского сословия в военное в период кантонного управления в Башкирии, в результате чего резко усилился военно-феодальный гнет башкирского населения. Регенерирование неразделенной семьи на основе малой — следствие социально-экономических, политических и военных условий означенного времени.

Таблица 1

Изменение типов семей на основе малой в д. Азнаево Кулили-Минской волости Белебеевского уезда Оренбургской губернии (с 1865 г. - Уфимской)

№ семей	Даты ревизских сказок и типы семей			
	1816	1834	1850	1859
1.	малая	отцовская	отцовская	отцовская
2.	малая	отцовская	братская	дядя-племянник
3.	малая	малая	малая	отцовская
4.	малая	отцовская	малая	малая
5.	малая	малая	малая	братская
6.	малая	малая	малая	малая
7.	малая	отцовская	отцовская	братская
8.	малая	малая	братская	братская
9.	малая	малая	братская	отцовская
10.	малая	отцовская	малая	выбыла
11.	малая	малая	малая	отцовская
12.	малая	малая	малая	дядя-племянник
13.	малая	отцовская	отцовская	малая
14.	малая	малая	малая	отцовская
15.	малая	братская	братская	малая
16.	малая	отцовская	братская	братская
17.	малая	отцовская	отцовская	братская
18.	малая	отцовская	братская	отцовская
19.	малая	малая	отцовская	братская
20.	малая	отцовская	отцовская	братская
21.	малая	отцовская	отцовская	братская
22.	отцовская	отцовская	братская	братская
23.	малая	малая	малая	малая
ИТОГО:				
малая				
абс.	22	10	9	5
в проц.	95,7	43,4	39,1	21,7
отцовская				
абс.	1	12	7	6
в проц.	4,3	52,2	30,5	26,0
Оратская				
абс.	–	1	7	9
в проц.	–	4,4	30,4	39,2
Аядя-племянник				
абс.	–	–	–	2
в проц.	–	—	–	8,8
° Ь 1 е х а л о				
абс.	—	—	–	1
р ^ — . в II Роц.	–	–	—	4,3
ВСЕГО;				
абс.	23	23	23	23
^ ^ ^ • в проц.	100	100	100	100

О возросшей доле неразделенных семей говорит и средняя населенность крестьянского двора (см. табл. 4). Ее можно вычислить, если известно число дворов и количество людей в них[1].

Как видно, за 43 года средняя населенность семьи увеличилась на 6,3 души, т. е. увеличилась от 6 до 12,8. Что же касается типов неразделенных семей, то можно со всей уверенностью сказать, что в д. Туксанбаево отцовская семья (всего 1—2) не в почете. Зато сравнительно большее распространение получила братская семья (всего 6—10). В двух других деревнях — та же картина: отцовская семья постепенно теряет свои позиции в пользу братской. Весьма редок тип неразделенной семьи дядя — племянник. В трех деревнях зафиксировано их 8.

Таблица 2

Изменение типов семей на основе малой в д. Туксанбаево Кулили-Минской волости Белебеевского уезда Оренбургской губернии

№ семей	Даты ревизских сказок и типы семей			
	1816	1834	1850	1859
1.	малая	малая	малая	малая
2.	малая	отцовская	братская	братская
3.	малая	братская	братская	братская
4.	малая	братская	братская	малая
5.	малая	малая	братская	братская
6.	малая	Дядя-племянник	дядя-племянник	братская
7.	малая	братская	братская	дядя-племянник
8.	малая	малая	братская	малая
9.	малая	малая	братская	братская
10.	малая	братская	братская	дядя-племянник
11.	малая	братская	Дядя-племянник	дядя-племянник
12.	малая	малая	малая	вымерла
13.	отцовская	братская	братская	братская
14.	малая	малая	малая	братская
15.	малая	Дядя-племянник	дядя-племянник	братская
16.	малая	малая	малая	малая
17.	малая	малая	малая	малая
18.	малая	малая	малая	малая
19.	малая	малая	малая	малая
20.	малая	отцовская	братская	братская

[1] ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 156, 514, 636, 677.

Окончание табл. 2

ИТОГО:				
малая				
абс.	19	10	7	6
в проц.	95,0	50,0	35,0	30,0
отцовская				
абс.	1	2		
в проц.	5,0	10,0		
братская				
абс.	–	6	10	10
в проц.		30,0	50,0	50,0
дядя-племянник				
абс.	–	2	3	3
в проц.		10,0	15,0	15,0
вымерло				
абс.		–		1
в проц.	—	—	—	5,0
ВСЕГО:				
абс.	20	20	20	20
в проц.	100	100	100	100

Таблица 3

Изменение типов семей на основе малой в д. Каныкаево Кулили-Минской волости Белебеевского уезда Оренбургской губернии

№ семей	Даты ревизских сказок и типы семей			
	1816	1834	1850	1859
1.	малая	малая	малая	малая
2.	малая	отцовская	отцовская	братская
3.	малая	отцовская	братская	братская
4.	отцовская	малая	малая	братская
5.	малая	малая	малая	малая
6.	отцовская	братская	братская	дядя-племянник
7.	отцовская	отцовская	малая	малая
8.	малая	отцовская	братская	братская
9.	малая	малая	братская	братская
10.	малая	братская	братская	братская
11.	малая	малая	отцовская	братская
12.	малая	отцовская	братская	братская
13.	малая	отцовская	братская	братская
14.	братская	братская	малая	малая
15.	малая	отцовская	братская	братская
16.	отцовская	отцовская	братская	братская
17.	малая	братская	братская	братская
18.	отцовская	отцовская	отцовская	отцовская
19.	малая	братская	братская	братская
20.	отцовская	братская	братская	дядя-племянник
21.	малая	малая	малая	малая
22.	отцовская	отцовская	братская	братская

Окончание табл. 3

23.	малая	малая	малая	малая
24.	малая	братская	отцовская	братская
25.	малая	отцовская	братская	братская
26.	малая	малая	вымерла	—
27.	малая	отцовская	братская	братская
28.	малая	малая	братская	дядя-племянник
29.	братская	братская	братская	братская
30.	малая	отцовская	братская	братская
31.	малая	малая	малая	малая
ИТОГО:				
малая				
абс.	22	10	8	7
в проц.	71,0	32,3	25,8	23,3
отцовская				
абс.	7	13	4	1
в проц.	22,5	41,9	12,9	3,3
братская				
абс.	2	8	18	19
в проц.	6,5	25,8	58,0	63,4
дядя-племянник				
абс.	–	–		3
в проц.	–	–		10,0
вымерло				
абс.	–	–	1	–
в проц.	–	–	3,3	–
ВСЕГО:				
абс.	31	31	31	30
в проц.	100	100	100	100

Таблица 4

Населенность двора в трех деревнях Белебеевского уезда

Даты ревизских сказок	На 1 двор приходится душ обоего пола в деревнях			В среднем на 1 двор
	Туксанбаево	Азнаево	Каныкаево	
1795 г. человек/семей	4 61/15	—	—	—
1816 г. человек/семей	6,2 124/20	5,7 132/23	75 231/31	6,5
1834 г. человек/семей	8,4 167/20	8,8 211/23	10,5 326/31	9,2
1850 г. человек/семей	10,3 205/20	12,8 309/23	12,4 387/31	11,8
1859 г. человек/семей	11,6 232/20	12,7 292/23	13,6 423/31	12,8

Данные за 43 года (1816—1859 гг.) обнаруживают распад неразделенных семей на малые. И явление это весьма редкое. В д. Азнаево такой процесс зафиксирован только в двух семьях из 23, в д. Туксанбаево — в одной семье из 20, Каныкаево — в трех из 31. Массовый распад неразделенных семей на малые произошел после отмены кантонной, военно-феодальной системы управления в Башкирии и последовавшего в 1865 г. перевода коренного населения в гражданское сословие. Об этом наглядно говорят данные за 1866 г. На 1 двор приходилось в Верхнеуральском уезде 6,1 человека, в Оренбургском уезде — 6,5, в Орском уезде — 6,4, в Троицком уезде — 6, в Челябинском уезде — 5,4 человека[1].

По данным 8-й ревизии в составе двора в деревнях Мензелинского уезда наблюдается следующее[2] (см. табл. 5).

Таблица 5

Населенность двора в Мензелинском уезде

Деревни	На 1 двор душ обоего пола	Душ обоего пола	Кол-во дворов
Балтасево	9,1	163	18
Балтасево	10,2	102	10
Зияшево	9,2	425	46
Калмашево	5,7	255	45
Каратово	5,5	132	24
Курмашево	10,3	246	24
Курмашево	10,3	246	18
Суксы	5,5	431	79
Шабыз	5,2	325	63
Челнанарат	5,1	471	92
ВСЕГО	6,4	2 662	419

В 1834 г. на 1 двор приходилось, таким образом, у скотоводов 9,2, у хлебопашцев 6,4 души обоего пола. Значит, неразделенная семья распространена много шире у полукочевых башкир, нежели у оседлых.

[1] Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Вып. 1. Оренбург, 1877. С. 56, 68, 77 84, 104.

[2] ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 469.

Обращает на себя внимание и обычное право (гэзэт) у башкир. Оно четко различало неразделенную и малую семьи. Общество интересовала не населенность семьи, а количество обеих форм семей. Семья служила единицей фискального обложения. Поэтому различные денежные и натуральные сборы, наряд на военную службу производились с количества семей (дворов). Главы неразделенных и малых семей — юридически ответственные лица перед общиной.

Малую семью, состоящую из родителей и их несовершеннолетних детей, на аульных и волостных сходах представлял ее глава — отец семейства, который считался волостным человеком, или вотчинником (асаба). И он пользовался определенными правами, обязанности у него были довольно большие.

С неразделенной семьей дело обстояло иначе. Она включала в себя несколько малых семей, но составляла один двор, а потому в общественной жизни аула или волости представлял ее только один человек — глава сложной семьи, старший из мужчин. Он и был волостным человеком. Как вотчинник (были и припущенники — ебэрелмеш — из башкир, которых по 8-й ревизии насчитывалось свыше 66 тыс.)[1] он мог участвовать в продаже и аренде волостной земли.

В то же время главы малых семей, хотя и входили в неразделенную семью, не считались волостными, т. е. вотчинниками. Вот что говорит об этом обычное право: «... неотделенные же от отцов дети и жившие у дядьев и братьев... волостными людьми почитаться не властны»[2]. Причиной этому было то, что малые семьи в составе неразделенной никогда не были объектом правительственного тягла. Поэтому они не несли ни государственных, ни общинных повинностей. Башкиры говорили, что такие семьи «никаких служб мирских и тягостей не исправляют»[3]. Главы таких семей[4] как люди не волостные и

[1] ЮАС. Вып. 2. С. 197-307.

[2] Рукописный отдел Российской государственной библиотеки, бывш. им. В. И. Ленина (далее - РО РГБ). Ф. 364. (М. К. Любавский). Картон 9. Ед. хр. 1.Л. 239.

[3] Там же.

[4] РО РГБ. Л. 235 — 236. Башкир Гарейской волости Казанской дороги Ямангул Назаргулов в 1772 г., донося на старшину об утайке им 7 дворов, отделившихся от отцов сыновей, писал, что последние «ни в какие службы не употребляются и подможных денег не платят» (РГАДА ф. 452. Оп. 2. Д. 53. Л. 5 об.).

не имеющие обязанностей лишены были и всяких прав. Так, например, они не могли участвовать в продаже и аренде волостной земли. Только после раздела (выдела) и обзаведения своим домом и хозяйством бывшие неравноправные семьи приобретали права и обязанности полнокровной малой семьи.

К сказанному следует добавить, что обычное право противоречило русскому законодательству по вопросу о том, кого считать юридически членом общины. Если обычное право утверждало, что «количество владельцев или волостных людей почитать столько же, сколько в волости числится дворов»[1], то указы царского правительства в фискальных целях требовали признать таковыми всех взрослых мужчин. Обычное право, как видим, фиксирует общий процесс распада неразделенной семьи. Башкиры всех дорог или областей (Казанской, Ногайской, Сибирской и Осинской) в 1734 г. через своих представителей обратились в Правительствующий Сенат с просьбой о том, чтобы «отделившихся от отцов детей, а от братьев — братьев, кои живут без платежа ясака, положить в ясак по старым их обычаям, как другие их братьев в ясак обложены, и написать в окладную книгу»[2]. То же самое утверждали в 1763 г. старшины Ногайской дороги в письме оренбургскому губернатору Д. В. Волкову, добиваясь разрешения, держать крепостных крестьян в своих хозяйствах из-за того, что «сыновей более 20 лет отцы при себе не держат, ибо, оженя и сделав особый дом, отпускают»[3].

Как явствует из приведенных примеров, и в неразделенной, и в малой семьях, прежде чем женить сына или племянника, отец или старший брат заранее строил дом для него. Любопытно отметить, что по-башкирски «женитьба» — *вйлэнеу* — буквально означает «обзаводиться домом»[4].

В историко-этнографической литературе вопрос о существовании в прошлом у башкир больших семей считается нерешенным. Принято думать, что у них издавна господ-

[1] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 115. Л. 20 об.

[2] РГАДА. Ф. 16 (Госархив). Д. 808. Л. 94 об.

[3] МИБ. Т. 4. Ч. 2. М, 1956. С. 44.

[4] Сравн.: у бурят «женитьба» - гэрлэхэ (гэр - юрта) - «обзаводиться ^ртой» (см. кн.: *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1980. С. 23).

ствовала малая семья[1]. Однако это нисколько не противоречит тому, что в родовом строе ее место занимала большая патриархальная семья. Малая семья являлась основой для регенерации неразделенной семьи. Последняя, в свою очередь, некоторое время спустя и распадалась на малые семьи.

А теперь — о количественной стороне. Сведения о формах семьи дают материалы 6—8-й ревизских сказок, зафиксировавших численность коренного населения Оренбургской губернии с учетом состава семьи, с указанием пола и возраста ее членов.

Доля малых семей у полукочевых башкир Оренбургского уезда составляла почти 58 проц., а доля неразделенных семей — около 40 проц. (см. табл. 6).

У башкир-полукочевников Белебеевского уезда господствовала сложная семья (см. табл. 7).

Таблица эта подводит нас к выводу о том, что у полукочевых жителей в значительной мере распространена была неразделенная семья.

Таблица 6

Формы семьи у полукочевых башкир Оренбургского уезда Оренбургской губернии (9 башкирского кантона) по 8-й ревизии

№ п/п	Деревни	Количество форм семьи				Вымерло	Всего
		малая	неразделенная				
			отцовская	братская	дядя-племянник		
1.	Аллабердино	48	11	4	2	–	65
2.	Арсланово	12	12	8	2	–	34
3.	Аустяново	20	5	3	–		28
4.	Ахметово	13	5	8	1	1	28
5.	Альчикаево	39	15	4	–	3	61
6.	Бабаларово	22	4	1	–	–	27
7.	Батырово	26	10	1	–	4	41
8.	Биктемирово	43	11	6	2	2	64
9.	Бикбаево	7	5	9	–	–	21
10.	Давлеткулово	12	10	8	–	1	31
11.	Исимово	3	3	5	2	–	13
12.	Имангулово	70	14	10	–	14	108
13.	Исянгулово	21	14	10	1	–	1	46
14.	Иткабылово	23	5	1	1	–	30
15.	Кабаково	37	8	5	4	2	56
16.	Калтаево	30	1	8	1	—	40
17.	Карагузя	17	4	3	–	–	24
18.	Кашкарово	7	5	4	–	1	17
19.	Кинзябево	19	4	2	—	—	25
20.	Кинзябызово	41	14	–	1	–	56
21.	Кульчумово	9	7	13	—	3	32
22.	Кутлумбетово	4	3	8	2	–	17
23.	Максютово	13	3	9	2	—	27
24.	Мраково	23	9	18	–	1	51
25.	Мурапталово	19	4	1	1	–	25
26.	Муталово	13	12	17	2	1	45
27.	Псянчино	1	—	3	—	–	4
28.	Псянчино	30	4	2	1	–	37
29.	Райманово	24	10	8	1	2	45
30.	Сарыкташево	28	6	8	–	1	43
31.	Сасыкулево	14	5	7	2	1	29
32.	Сиксанбаево	10	10	4	–	–	24
33.	Таймасово	32	8	8	3	–	51
34.	Туканово	11	5	3	1	—	20
35.	Туимбетово	26	10	17	2	–	55
36.	Туманчино	14	5	15	—	–	34
37.	Тюлабаво	24	2	8	—	–	34
38.	Юлдашево	12	8	17	4	–	41
39.	Ялчино	18	9	7	1	1	36
40.	Якшимбетово	31	10	4	–	1	46
41.	Якшимбетово	50	13	7	–	–	70
42.	Ямангулово	19	7	5	1	1	33
	ВСЕГО:	935	310	289	39	41	1 614
	в проц.	57,9	19,2	18,0	2,4	2,5	100

[1] *Кузеев Р. Г.* Очерки исторической этнографии башкир. С. 115.

Таблица 7

Формы семьи у башкир Белебеевского уезда по 8-й ревизии

Деревни уезда	Всего семей	Количество и типы семей по 8-й ревизии 1834 г.							
				сложная					
				отцовская		братская		дядя-племянник	
		абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
Азнаево	23		43,4	12~	52,3	1	4,3		
Каныкаево	31	10	32,3	13	41,9	8	25,8		
Туксанбаево	20	10	50,0	2	10,0	6	30,0		10,0
	74	30	40,5	27	36,4	15	20,2		2,9
						59,5 проц.			

В Бугульминском уезде, где свыше 80 проц. башкир жили оседло, неразделенная семья встречалась редко. В 5 деревнях уезда из 150 семей только две неразделенные[1].

От этих районов несколько отличается исключительно оседлый земледельческий район — Мензелинский уезд. В 46 деревнях Байлярской, Гарейской и отчасти Сарали-Минской волостей уезда проживало 808 семей, из которых 123 — неразделенные, и это составляло 15,2 проц. от всех семей[2]. В северо-западной Башкирии у оседлого коренного населения свыше 10 проц. семей тоже неразделенные. Так, в Енейской, Киргизской волостях Сарапульского уезда Вятской губернии из 44 деревень неразделенные семьи имелись в 34 аулах, где насчитывалось до 84 от общего числа семей в 671 единицу (12,5 проц.)[3].

Обратимся к Осинскому уезду (см. табл. 8). У оседлых башкиргайнинцев господствовала малая семья (80 проц.). Пятая часть всех семей сложная. Иначе говоря, сравнительные данные о формах семей по двум уездам — Оренбургскому и Осинскому — показывают, что у оседлых башкир неразделенная семья встречалась вдвое реже, чем у полукочевников. Данный вывод подтверждают и материалы по оседлым башкирам Мензелинского уезда (см. табл. 9) (ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 469).

Таблица 8

Формы семьи у оседлых башкир Тайнинской волости Осинского уезда Пермской губернии (1 башкирского кантона) по 8-й ревизии

№ п/п	Деревни	Количество форм семьи				Вымерло	Всего
		малая	неразделенная				
			отцовская	братская	дядя-племянник		
1.	Акбашево	57	7				64
2.	Батырбаево	28	2	2		—	32
3.	Барда	19	10	4	1	—	34
4.	Барда	139	19	15	1	—	174
5.	Бардабашево	12	—	1	—	—	13
6.	Березниково	74	14	8	2	-	98
7.	Верхшапово	11	1	—	—	—	12

[1] ЦГИА РБ. Ф.138. Оп. 2. Д. 172, без пагинации.
[2] Там же. Д. 104-а. Л. 1 - 109.
[3] Там же. Д. 145. Л. 109-238.

	Новошапово	25	5	1			31
9.	Елпачиха	87	28	26			145
10.	Ишимово	62	8	1			71
11.	Ишменево	21	2	1			25
12.	Искирево	26	4				31
13.	Канюково	33	7	3			44
14.	Красноярово	60	8	5			74
15.	Кудашево	31					31
16.	Куземьярово	85	12				102
17.	Маматаево	14					14
18.	Мостово	22	3	2			27
19.	Новобичурино	61	13	5			79
20.	Новокайпаново	17	1				18
21.	Сарашево	90	20				118
22.	Старокайпаново	31					31
23.	Султаново	91					102
24.	Таныпово	22	2				24
25.	Усть-Тунтар	91	10				101
26.	Уймужево	25	6	12			45
27.	Федоровка	20	10	8			38
28.	Чалково	29	2	3			34
29.	Чювашаево	13	2				15
30.	Шараши	100	15	1	1		117
	ВСЕГО:	1 396	219	113	14	2	1 744
	в проц.	80,0	12,6	6,5	0,8	0,1	100

Таблица 9

Формы семьи у башкир Мензелинского уезда по 8-й ревизии

Количество и типы семей по 8-й ревизии

Деревни		малая		отцовская		сложная: братская		сложная: дядя-племянник		Вымерло	
		абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %
Балтасево	18	10	55,5	5	278	1	5,6		11,1	–	—
Балтасево	10	3	30,0	5	50,0	2	20,0				
Зияшево	47	14	30,4	21	45,7	11	23,9			1	2,1
Калмашево	48	42	93,3	3	6,7					3	6,3
Каратово	25	21	875	2	8,3	1	4,2			1	4,0
Курмашево	25	8	33,3	12	50,0	4	16,7			1	4,0
Курмашево	18	13	72,2	4	22,2	1	5,6				
Суксы	79	64	81,0	12	15,2	2	2,5		1,3	—	–
Шабыз	63	54	85,7	9	14,3						
Челнанарат	94	84	89,5	7	7,4		1,0				2,1
ВСЕГО:	427	313		80		23					
в проц.	100		73,3		18,8		5,3				1,9
						24,8 проц.					

Сложная семья у оседлого населения Мензелинского уезда составляла, как видим, четвертую часть всех семей.

Приведенный статистический материал, в целом, со всей очевидностью констатирует, что местные жители повсеместно знали обе формы семьи. Однако степень распространения неразделенных семей неодинакова. В литературе существует мнение о том, что большая семья сохраняется у оседлых народов более стойко, нежели у полукочевых и кочевых обществ[1]. Материалы о башкирских семьях не согласуются с этим. Как было отмечено, в западных и северо-западных уездах края — в сравнении с зауральскими — доля неразделенных семей была незначительной. Сведения о неразделенных семьях по хозяйственным районам красноречиво говорят о том, что оседлым башкирам неразделенные семьи были менее известны, чем полукочевникам. Во всяком случае в последующий период (вслед за 6—8-й ревизиями) наблюдается резкое снижение доли неразделенных семей у оседлых башкир. И это позволяет сделать вывод о том, что в зауральской Башкирии неразделенная семья у полукочевых общинников была более устойчивой организацией, чем у башкир-земледельцев в западной Башкирии[2].

Вывод этот подтверждается и данными из истории семьи мишарей Оренбургской губернии по 8-й ревизии.

Таблица **10**

Соотношение форм семей у мишарей по 8-й ревизии

Уезды	Количество			Неразделенная семья в %
	деревень	дворов (семей)	в том числе неразделенных	
Бирский	140	3 792	196	5,2
Уфимский	86	3 839	324	8,5
Белебеевский	87	2 948	162	5,5
Стерлитамакский	42	1 245	77	5,5
ВСЕГО	357	11 824	749	6,3

Жданко Г. А. Узбеки и каракалпаки // Народы Средней Азии И Казахстана. Т. 1. М, 1962. С. 328, 491. *Гаджиева С. Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев. XIX - начало XX в. М, 1979 С 15

[2] ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 457 458, 515, 520, 528, 549, 550

Как видим, неразделенные семьи и у башкир-хлебопашцев, и у мишарей-земледельцев были распространены почти в равной мере, но они встречались сравнительно реже, чем у башкир-полукочевников. Из 11 824 мишарских семей 749 относились к неразделенным семьям, что составляло 6,3 проц. от всех семей. Эта цифра почти в 4 раза меньше, чем доля неразделенных семей у оседлых башкир Мензелинского уезда за 1834 г. Тем не менее фактические данные не подтверждают выводы тех исследователей, которые утверждают, что «...наиболее характерные примеры о больших семьях относятся, в основном, к западной Башкирии... в восточной Башкирии она была менее устойчивой, менее прочной, чем в западной Башкирии»[1]. На деле же неразделенные семьи в большей степени встречались у полукочевых башкир, нежели у оседлых. Объяснение этому в том, что раздел скота, в случае отделения женатых сыновей, крайне отрицательно сказался бы на дальнейшей судьбе полукочевого скотоводческого хозяйства. Помимо всего прочего, исполнение государственных повинностей каждым двором (семьей) в отдельности служило одной из причин регенерации неразделенных семей у всех башкир, как оседлых, так и полукочевых.

Но главное в том, что неразделенная семья была более связана с общинной (волостной) земельной собственностью, в то время как малая семья — с ее подразделениями — тюбной (аймачной) аульной собственностью, повытьем (жеребьем, паем, акланом, тарлау), получившими сравнительно ощутимое распространение у земледельческих башкир, нежели у полукочевых[2]. Из приведенных материалов вытекают следующие выводы.

Для феодализма не характерна большая патриархальная семья, тесно связанная с коллективной собственностью на средства производства. В период распада родового строя она

[1] *Кузеев Р. Г.* Очерки исторической этнографии башкир. С. 116-117.

[2] *Асфандияров А. З.* Крестьянский двор как социальная ячейка башкирского аула // XXV съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-экономическое развитие деревни). Часть II. С. 173-177; *Он же.* Крестьянский двор как социальная ячейка башкирского аула // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое Развитие деревни). С. 352 - 360.

уступает свое место малой индивидуальной семье, вызванной к жизни господством частной собственности. На основе малой семьи регенерируется неразделенная семья в зависимости от действия определенных социально-экономических и военно-политических факторов. Поэтому сложная (неразделенная) семья ни генетически, ни стадиально, ни терминологически не связана с большой патриархальной семьей эпохи распада родового общества. В период кантонного управления в 1798—1865 гг., когда башкиры (и мишари) находились в военно-казачьем сословии и выполняли обременительные повинности, намного увеличилась доля неразделенных семей за счет малых. Такая эволюция в формах семьи сделала ее значительно тяглоспособной. Однако после упразднения кантонного управления и перевода башкир снова в гражданское сословие малая индивидуальная семья возвращает себе былое господствующее положение. Неразделенная семья, более известная у полукочевых башкир, чем у оседлой их части, вынуждена была перейти во всех хозяйственных районах на второстепенную позицию.

Выяснив степень распространения и соотношение форм семьи у башкир, можно перейти к институтам экзогамии и эндогамии.

§2. ЭКЗОГАМИЯ И ЭНДОГАМИЯ

В развитии семейно-брачных отношений большую роль играла экзогамия (от греч. экзо — вне, снаружи и гамос — брак, т. е. запрет брачных отношений между членами родственного коллектива). Экзогамия возникает в родовом обществе и характерна для рода. В материнском роде родство велось по женской линии, поэтому, в силу экзогамных норм, брак был абсолютно запрещен для мужчины со всеми родственниками матери, однако брак мог иметь место с ближайшими родственницами отца. Затем и в отцовском роде экзогамия еще являлась правилом в силу традиции. Теперь родство велось по отцовской линии. Экзогамия сохраняется и в преемнице отцовского рода — большой патриархальной общине. В то время экзогамия постепенно стала нарушаться.

Это привело к нарушению запрета женитьбы на родственницах как со стороны отца, так и со стороны матери. Оставались запретными в брачном отношении лишь союзы с родственницами, ведущие к прямому кровосмешению. Сохраняются некоторые виды браков в различных поколениях.

У одних народов со временем экзогамия исчезает, у других она сохраняется в пережиточной форме. К последним относятся и башкиры.

Брак у башкир регулировался экзогамными отношениями, т. е. жену брали из другого рода (волости). И родовая экзогамия все еще встречалась в XVIII — XIX вв. Доподлинно известно, что чиновники кантонного и волостного управлений стремились брать жен из другой волости и кантона (уезда). Так, например, Салима Сагитова из д. Тавлукаево Бурзянской волости Верхнеуральского уезда в 1818 г. засватана была за сотника Мухамета Ибраева из д. Ишкулово Тангаурской волости[1].

По мере развития производительных сил общества родовая экзогамия заменялась экзогамией родовых подразделений (аймак или тюба, ара), т. е. жену стали брать из одного рода, но из другого аймака (тюбы). Браки заключались между представителями различных аймаков (тюб) одного рода (волости). Затем они совершались и между лицами одного аймака, но двух различных ара (родственными группами семей). По сообщениям информаторов Габита Муталлапова (1903 года рождения), Халфетдина Туйсина (1904 года рождения) и Давлеткильде Асмандиярова (1915 года рождения), в деревне Чингизово (ныне Баймакский район РБ) представители таких ара, как *кэзэкэй, кускар, сеуетэ, сеуелдэк,* сукеш, *таз, татар, тврэй* не только в отдаленном прошлом, но и в ближайшее для нас время могли заключить между собой браки. А каждый ара объединял 6—12 родственных семей. В Д. Иткулово 1-е Бурзянской волости браки оформлялись Между такими ара, как *башмак, кыуык, сетей, сонтор, казы, сыскан, сытырык, телке.* В д. Верхнее Яикбаево (Верхнее Нугаево), по словам информатора Гайниямал Сабитовой (1898 Го Да рождения), брачные связи устанавливались между такими

[1] *Н. В. Бикбулатов:* «Большая семья у кочевников, в том числе и у башкир, оыла менее монолитной, чем у оседлых земледельческих народов» (см.: а Шкирская система родства. С. 99).

ара, как *айыу, букэн, сэкэнэй, тартай, теуэлбай, тумыртка.* Брак не мог быть заключен между представителями одного ар^ потому, что они считались близкими родственниками. Гайниямал Сабитова поведала интересную деталь, что пред. ставители одноименных трех ара *сэкэнэй* в деревнях Верхнее и Нижнее Яикбаево (ныне Баймакский район) и Абдряшево — Нугаево (по р. Кизил в нынешнем Абзелиловском районе) не могли заключать брачный союз, ибо они считались кровнородственными группами. Еще один характерный штрих: д. Нугаево по р. Кизил выделилась из д. Верхнее Яикбаево, а потому ее жители предпочитали не брать невесту оттуда. Экзогамные отношения свое яркое отражение получили и в пословице: *«Алыстан ат алма, якындан кыз алма»* (не бери лошадь издалека, поблизости — невесту). В целом у башкир сохраняется поколенная форма экзогамии. Это полностью отражено в поговорке: *«Тыугандан тыуыр ейэнсэр, ейэнсэрзэн тыуыр булэсэр, булэсэрзэн тыуыр тыуасар, тыуасарзан тыуыр тыуаят, тыуаяттан тыуыр етеят»* (от кровной родственницы родится *ейэнсэр* (внучка), от *ейэнсэр* родится *булэсэр* (правнучка), от *булэсэр* родится *тыуасар* (праправнучка), от *тыуасар* родится *тыуаят* (прапраправнучка), от *тыуаят* родится *етеят* (прапрапраправнучка, т. е. чужая). Брак до 7 колена запрещался. Недаром одна из поговорок гласит: *«Ете атага еткэс, кыз бауыры алышына»* (дойдя до 7 колена (отца. — А. А.), девушка становится чужой), т. е. с ней можно заключить брачный союз. Еще в начале 60-х гг. XIX в. поколенная экзогамия — повседневная реальность. Вот характерный диалог между Магометанским духовным собранием в Уфе и судебным следователем 3-го участка Сарапульского уезда Вятской губернии:

— Может ли девушка вступить в брак с двоюродным прадедом, а именно с братом прадеда со стороны матери (т. е. мать — отец — дед — прадед — его брат, всего 5 колен) — запрашивал следователь авторитетную инстанцию.

— По шариату мусульманка не имеет права выйти замуж даже за двоюродного прадеда как по линии отца, так и по линии матери, — ответили оттуда[1]. Выходит, что ислам не

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Д. 6281. Л. 2 об.- 3.

только не вытеснил нормы поколенной экзогамии по обычному праву, но и в лице духовного управления в Уфе как бы их узаконил.

По мере развития общества брак заключался с родственницами 4 — 6 поколений.

Эндогамия (от греч. эндо — внутри, гамос — брак) — обычай, предписывающий заключать браки в пределах племени и т. д. В первобытном обществе род был экзогамен, а племя — эндогамно.

Мусульманское право — шариат — запрещает брак мусульманки с иноверцем (например, с православным), но законы Российского государства его разрешают при условии перехода ее в христианство. Переходившие в христианство люди оставляли свой аул. Переход же в ислам одного из супругов по законам империи карался каторжной работой. Поэтому весьма редко встречался конфессиально смешанный брак. Браки заключались главным образом между единоверцами. Не одобрялись и национально-смешанные браки. Браки у мусульман заключались преимущественно внутри этноса.

Что же касается башкир, то они почти всегда придерживались норм эндогамии. Браки преимущественно заключались внутри башкирского этноса. Эндогамия имела важное значение для самопроизводства этноса, ибо в этом случае сохранялась этническая однородность. Эндогамия выступала как своеобразный этнический барьер[1].

Вместе с тем башкиры не всегда соблюдали этот институт. Территориальная и хозяйственно-культурная близость башкир с татарами, мишарями, казахами, ногайцами, сартами и др. способствовала появлению межнациональных браков. Об этом свидетельствует широкое распространение родовых подразделений аймак (тюба) или ара с этнонимами *татар, мишар, казах, каракалпак, сарт, тезик (таджик), ногай.* Встречались и этнонимы немусульманских народов — *чуваш, черемис, калмык, ар (удмурт).*

Царское правительство, боясь сближения и совместной борьбы народов против феодально-колониального гнета, всячески вмешивалось в личную жизнь своих подданных,

№ ^*Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия // Советская этнография М., 1969. 6. С. 85, 87; Он же. Современные проблемы этнографии. М., 1981. <~ *zt.*

запрещало смешанные браки. Сильному стеснению подвергал браки башкир с казанскими татарами-переселенцами указ от 11 февраля 1736 г. Разрешался брак лишь с «позволения» казанского губернатора. «А кому, по прошению, в том позволено будет, у тех брать с каждой свадьбы по лошади драгунской, а кто без позволения женитца, с таких брать по три лошади драгунских, а за другую вину действительно ссылать в ссылку», — говорилось в том указе[1]. Указ начальника Оренбургской губернии В. Н. Татищева от 4 марта 1737 г. запрещал взаимные браки между башкирами и мишарями[2]. Указом от 11 мая 1747 г. искусственные барьеры и рогатки ставились и против браков между башкирами и казахами. Особая экспедиция Оренбургской пограничной комиссии от 7 октября 1830 г. в циркулярном отношении к Магометанскому духовному собранию подтверждает указы от 1737 и 1747 гг. Однако запреты правительства не всегда достигали цели. Напротив, взаимодействие между западными башкирами и казанскими татарами из года в год усиливалось в различных областях жизни. Прилинейные (пограничные) казахи и соседние с ними южные и восточные башкиры столь тесно общались меж собой, что нередко заключали брачные союзы. И это практиковалось не только между рядовыми представителями двух народов. Известен, например, такой случай: прибывший в 1738 г. в Башкирию для подавления восстания казахский хан Малого жуза Абулхаир, вырубивший 700 семей[3], женился на дочери башкира Чюрака, жителя д. Кутлуюлово Бурзянской волости. Примеру хана последовали и его спутники — султан Ирали и батыр Кутур[4].

Смешанные браки создавались и насильственным путем. Так, например, после поражения восстания под предводительством Карасакала в 1740 г. карателями были розданы 1 060 башкирок замуж за «верных» правительству мишарей и башкир[5].

[1] ПСЗ, 1-е изд. 1. Т. 9. № 6890.

[2] НА УНЦ РАН. Ф.3. Оп. 12. Д. 42. Л. 93.

[3] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 46. Л. 1405. Ровно через 52 года сын его, Нурали-хан, свергнутый с престола и в 1786— 1790 гг., отбывавший ссылку в Уфе, скончался там. Писарем Нурали-хана с 1758 г. был башкир Габбас Суюшев (РГАДА. Ф. 16. Д. 934. Ч. 5. Л. 59, 389; Д. 991. Ч. 1. Л. 332).

[4] НА УНЦ РАН. Ф. Оп. 12. Д. 44. Л. 418, 421.

[5] МИБ. Ч. I. М.; Л., 1936. С. 460.

Однако смешанные браки не были характерны для подавляющего большинства башкир, эндогамия в целом не нарушалась ими. Академик Ю. В. Бромлей считает, что нарушение эндогамии в пределах 10 проц. не сопряжено для этноса со сколько-нибудь заметными последствиями[1].

В то же время следует отметить, что западные башкиры (Бугульминский, Мензелинский уезды) и северо-западные (Елабужский, Сарапульский уезды) башкиры в этом отношении оказались менее подверженными эндогамии. Здесь определенную роль сыграли, помимо прочих факторов, тептяри, связавшие между собой вотчинников и пришлых крестьян тюркского происхождения. К 1920-м годам произошла этническая ассимиляция 166 тыс. башкир вышеназванных уездов татарами в результате разрушения эндогамных норм.

Здесь определенную роль играли следующие факторы: близость их в языковом и культурно-бытовом отношениях; однотипность хозяйства оседлых западных башкир и татар; отсутствие религиозных преград, поскольку все они — мусульмане; возрастание численности одного (татарского) и уменьшение численности другого (башкирского) этноса; территориальное смешение башкир и татар, перемещение татар, мишарей, тептярей из татар в башкирскую среду, в результате чего количественное сокращение собственно башкирских деревень и увеличение этнически смешанных населенных пунктов; смешанные браки между представителями этносов.

§3.
ФОРМЫ БРАКА

Прежде чем приступить к выяснению сути форм брака, отметим, что в литературе вопрос о возрасте брачу-Ющихся интересовал отдельных авторов, констатирующих без веских аргументов господство ранних браков. Один из них традиционный возраст для невесты определяет в пределах 13— 14 и даже 11 — 12 лет, для жениха — 15—16 лет (у татар для Невесты — 18 — 22, для жениха — 21—25 лет). Господство ран-

[1] *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия. С. 85.

них браков объясняется им сохранением у башкир значительных пережитков патриархальных отношений и неэффективностью мер государственного регулирования брачного возраста (см.: Тезисы Д. М. Исхакова в сб. «Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий». Тезисы доклада. Омск, 1984. Ч. 2. С. 135— 137).

По мнению других авторов, «девушек выдавали замуж в возрасте 16—17 лет, иногда 14—15 или даже 12—13 лет. Для юношей нормальным считался возраст 16—18 лет, но большей частью в XIX — начале XX в. женились в 19 — 20 лет и позднее» *(Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.* Семейный быт башкир XIX — XX вв. М., 1991. С. 11).

Подчеркнем, что башкиры, как и все соседние мусульманские народы, при оформлении брака придерживались обычаев и установлений Корана и шариата. Однако возраст вступающих в брак в них не оговаривался. Временами среди них действовал закон Российского государства от 1744 г., по которому для вступления в брак жених должен достичь не менее 15, а невеста — 13 лет[1]. По законам от 13 июля 1830 г. и 22 марта 1835 г. запрещалось заключать браки до достижения женихом 18, а невестой 16 лет. Возраст этот был обязателен и для башкир. Указные муллы, свершавшие ранние браки в нарушение закона, подвергались наказаниям[2].

Думается, что опыт поколений сам установил приемлемый возраст для брачующихся. Подавляющее большинство башкир заключало брак с 18 и старше лет, невестам бывало за 17. Разумеется, не обходилось и без отклонений от привычного обычая.

Из числа изученных нами дел за 1834 г. по 42 деревням Оренбургского уезда (см. табл. 11) в 27 аулах наблюдалось отклонение от установившегося возраста брачующихся. В 27 деревнях ранний брак зафиксирован в 96 семьях из 1 080, что составляет 8,8 проц. от всех семей. Из нргх в 6 случаях невестам было по 12 лет (0,6 проц.), в 7 случаях — По 13 лет (0,6 проц.), в 14 случаях — 14 лет (1,2 проц.), в 14 же Случаях — по 15 лет

[1] ***Неволин К. П.*** Поли. собр. соч. Т. 5. История Российских гражданских законов. СПб., 1857. С. 164.

[2] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 4951. Л. 3, 13, 16, 19, 24; Законы Российской империи о башкирах, тептярях и бобылях. Уфа, 1999. С. 367.

(1,2 проц.), в 39 случаях — по 16 лет (3,6 проц.), в 16 случаях — по 17 лет (1,5 проц.).

Возраст женихов колебался от 18 до 30 лет, редко старше 30, трем из них было 40, 45, 50 лет.

Отклонение в возрасте наблюдалось не только у невест. В двух случаях 13-летние подростки были женаты и жили в отцовской семье. Но в двух других случаях ранний брак женихов был вынужденной необходимостью — у них не было родителей (14-летний имел 17-летнюю жену; другой, 15-летний — 12-летнюю). В 5 случаях 16-летние женихи имели жен: 1-й — 13лет, 2-й — 15лет, 3-й —4-й — Шлет, 5-й — 30лет[1].

Таблица 11

Количество всех семей и ранних браков по деревням Оренбургской губернии

Деревни Оренбургск. уезда	Кол-во семей	гужа	жены
Арасланоьи	34	17	14
		22	16
		53	1-38
			11-16
Аустяново	28	18	15
Ахметово	28	18	15
АЛЬЧИКаеви	61	14	17
БИКТИМИриви	64	23	16
		22	13
		23	16
		24	16
		20	12
Исимово	13	13	20
Исянгулиьи	46	32	16
		21	13
		22	17
		18	17
		18	15
Иткаоылово	30	25	17
Кабаново	56	24	16
		15	12

Деревни Оренбургск. уезда	Кол-во семей	гужа	жены
		22	17
		1 р. ID	13
		1о	1 S
		ПЛ 1 20	1 К 1Б
		45	1U
		2D	1fi 1 и
		77	1 4
Бикбаево	21	8U	[— 25 1 — 1 16
Имангулово	108	on IX)	1 4 1
		1Q ON I 20	15 1 fi ID
		ГД 50	1 7
		24	17 17
Кинзябаево	25	/о	16 1 Fi
		29	ID
Кулучумово	32	22	i S 1 8
		21 27	1 fi
Максютово	27	28 /to 4/	1 6 17 т — 1 — 1 m ПГ —

.о г, о л 575 (1834 г) ***Асфандияров А. З.*** Брак и развод ские процессы на у башкир в XVIII - первой половине XIX ВД// А У_ * Урале в эпоху феодализма. Свердловск, Ш^

1 ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 575 Ug^) Ф^У

Деревни Оренбургск. уезда	Кол-во семей	мужа	
	22	1-18	
			II-12
		29	1-23
			II-17
		22	14
		35	1-19
			II-14
		22	1-16
			II-16
		17	16
		31	1-20
			И— 16
		20	15
		15	12
		21	14
		28	14
		16	16
		20	16
Карагузя	24	28	15
		25	17
Таймасово	51	21	16
		38	16
		21	14
Туимбетово	54	18	16
		16	16
		18	14
		18	16
		13	14
		16	30
		23	-35
			II-12
Туманчино	34	45	15
Туканово	20	33	1-13
			II-33

Деревни Оренбургск. уезда	Кол-во семей	мужа	жены
Муталово	45	25	14
		22	16
		19	14
		32	17
		32	17
Псянчино	37	23	17
Райманово	45	19	15
		22	15
		19	15
		19	15
		21	15
		21	16
		20	16
		20	16
Сарыкташ	43	19	13
		26	16
		23	16
		20	16
		24	17
		19	15
Тюлабаево	34	31	16
		20	15
		27	17
		36	17
		37	13
Юлдаш	41	26	16
		22	14
		18	14
Якшимбетово	46	40	1-36
			II-16
Ямангулово	33	37	1-21
			II-16
			II-33

Это — у полукочевых башкир. Что же касается оседлых коренных жителей Осинского уезда Пермской губернии, то у них ранний брак — редкость. В 1834 г. из 30 деревень башкир-гайнинцев в 4-х аулах (Березниково, Елпачиха, Канюково, Куземьярово) зафиксировано 9 сравнительно ранних браков: двоим было по 16, семерым — по 17. Доля их составляет лишь 0,5 проц. от всех 1 744 семей северных башкир[1].

Народ осуждал ранние браки. И это нашло свое отражение в фольклоре. Исторические песни и сенлэу (песня-плач) зафиксировали отклонение в возрасте брачующихся как отрицательное явление, имевшее место главным образом у полукочевых башкир. Надо думать, явление это было нетипичным для оседлых башкир.

По сведениям 1866—1869 гг., в брак вступали, в первую очередь, молодые женихи и невесты, затем — вдовцы и вдовы и, наконец, вдовцы и девушки. Основная масса девушек вступала в брак до 20 лет, некоторая их часть — до 25 лет, незначительная часть — до 30 лет. В большинстве своем мужчины обзаводились семьей в 20 — 25 лет, отчасти — до 20 лет, менее всего — в 26 — 30 лет[2]. Ранние браки встречались, таким образом, весьма редко. Как видим, массовый статистический материал не согласуется с выводами вышеупомянутых авторов, выдававших единичные факты за норму.

Башкиры заключали браки по сватовству и путем умыкания. У браков по сватовству — несколько форм:

1) калымный брак путем уплаты выкупа — калыма,
2) колыбельное сватовство,
3) брак отработкой,
4) левират и сорорат.

Брак путем похищения предполагал насильственное и мнимое умыкание.

Кратко — о формах браков.

Женитьба путем уплаты калыма — основная форма брака. Калымный брак существовал у тюркоязычных народов еще до принятия ислама. Затем мусульманскими идеологами он был закреплен как разновидность покупного брака. Калым стал

[1] ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 575 (1834 г.).
[2] Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. С. 74, 77.

выполнять такую же роль, какую выполнял брак с уплатой махра у арабов[1].

Со времен средневековья вопрос о заключении брака решался, по словам Ф. Энгельса, «не самими вступающими в брак»[2]. Так было и у башкир: вопрос о браке решался не женихом и невестой, а родителями, а у более взрослых — валиями или доверенными лицами. Они и вели переговоры с родителями невесты. При согласии последних начинались переговоры о калыме. С обоюдного согласия определялся его конкретный размер. Надо сказать, что не всегда принималось во внимание согласие молодых на брак. Народная поговорка этот момент передает так: «Кыз *кемгэ бармас ине, егет кемде алмас ине, •калым малы булмапа*» (Была бы девушка вольна в выборе жениха, джигит взял бы жену по любви, если бы не было калыма).

Сама процедура заключения брака еще в 1784 г. подробно описана одним анонимом: «При свадьбах (у башкир Пермской губернии) бывают следующие обряды: с жениховой стороны выбирают мужчин свидетелями, которые приходят в дом назначенной невесты[ой] обще[вместе] с муллой; невеста же в это время не показывается; отец же спрашивает дочь при помянутых свидетелях, согласна ли она (выйти замуж) за назначенного ей жениха; когда она согласна, производят [об]ряд, по их языку называемый калым, на произвол невестиного отца, сколько оной потребует, и уходят. Свадьбу назначают на другой день, призывают муллу, который приходит с алкораном и спрашивает невестина отца три раза, отдает ли дочь, а потом мулла же спрашивает у свидетелей три раза, отдает ли жених назначенный калым; когда же окажется с обеих сторон согласными, мулла читает из алкорана приличные сему молитвы; с тех пор позволяется жениху ходить к невесте для посещения, на пазуху, но только тайным образом, чтобы никто из домашних его не видел, пока не выплатит калым, по выплачиванию же берет (жену) к себе в дом»[3].

Мулла записывал брачный договор в метрическую книгу, заведенную для мусульман в 1829 г. До этого времени никаких

[1] *Вахабов М. В.* Ислам и семья. М, 1980. С. 146.
[2] *Маркс К., Энгельс ф.* Соч Т 21 С 81
[3] ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 78. Л. 25-25 об.

записей не было, все совершалось устно. При этом фамилии рядовых башкир, производные, в основном, от имени отца, сохранялись у женщин в период их замужества.

В любом эксплуататорском обществе брак — экономическая сделка. Вот что писал об этом Ф. Энгельс: «...с торжеством частной собственности над общей и с появлением заинтересованности в передаче имущества по наследству, тогда заключение брака стало целиком зависеть от соображений экономического характера»[1]. Не представляло исключение и башкирское общество. У башкир калым и есть сделка по приобретению жены. Кораном предусмотрена в обязательном порядке выплата женихом выкупа[2], но не установлен его размер. Последний зависел от соцального и материального положения сторон. Обычно он колебался в денежном выражении от 150 до 1 500 руб. ассиг. Н. С. Попов для башкир Осинского и Пермского уездов Пермской губернии указывает размер калыма для начала XIX в. от 100 до 400 руб. и более[3]. П. М. Кудряшев приводит сумму от 200 до 500 руб. Богатые предлагали калым до 3 тыс. руб.[4], кантонные начальники — деньгами до 10— 12 тыс. руб., скотом — на 10 тыс. руб.

В состав калыма входят скот, деньги, отрезы материй, одежда, украшения, хозяйственные и бытовые предметы, в том числе топор, узда, ножи, пуговицы, английские булавки, зеркала, мыло и др.

Башкир Юрматынской волости Ногайской дороги одинокий Бердышка Акинбетев, родичи которого отъехали в Крым, выдав родную сестру замуж за башкира Тангаурской волости той же дороги Давлетчуры Тинсарова, в 1672 г. получил в калым вотчину по обе стороны реки Яик, места рыбной ловли по Яику, 60 голов скота, «доброго» коня, 7 куньих Щуб, шапку из черной лисицы и пансырь[5].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 81.
[2] Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963 (сура 4, аят 3).
[3] *Попов Н.* Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 3. СПб., 1813. С 23.
[4] Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). ф. 1571. Оп. 1. Д. 2913. С. 8.
[5] РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1.Д. 726. Л. 1-12.

В легенде «Уралбай», относящейся примерно к XVIII престарелый аульный богач Уразбай обещал бедным родд. телям девушки калым в составе 5 лошадей и коров, а такчсе одежду[1]. Иногда в калым включали и ясырей — пленных. Так например, в 1700 г. башкир Бурзянской волости Ногайской дороги Утека отдал в калым пленного калмычонка Апачко башкиру Минской волости Корсаку Бюлякову (данный факт говорит и о наличии племенной экзогамии)[2].

В XIX в. в составе калыма преобладала его денежная часть, что является показателем развития товарно-денежных отношений в России и на ее окраине — Башкирии. Надо полагать, что до этого важную роль в составе калыма играл скот.

По шариату, пока не выплачен калым, невеста не переходит в дом жениха, хотя фактически он стал супругом. В таких случаях жизнь вносила свои поправки в установления шариата. По обоюдному согласию, по уплате половинного размера калыма жених мог забрать к себе невесту[3]. Тем не менее, в случае недоплаты калыма за отцом невесты сохранялось право вернуть (-кайтарыу) свою дочь и оставлять ее у себя до полной выплаты калыма[4]. Житель д. Алкино Уфимского уезда Суяргул Темирбаев в прошении в 1839 г. писал, что 9 лет тому назад он выдал дочь Гульзагиду замуж за башкира д. Мусабаево Назмутдина Ашимбаева с условленным калымом в 800 руб., часть которого (300 руб.) он получил деньгами. За это время зять не доплатил остаток калыма, но и «на пропитание жены ничего не доставляет, ибо он сам шатается по заводам в работниках»[3]. Дочь его была вынуждена вернуться в дом родителей. Пример этот — лишнее доказательство того, что родители продолжали защищать своих замужних дочерей.

В глазах родителей брак дочерей — выгодное мероприятие. Некоторые из них ухитрялись дважды выдать дочь замуж и

[1] Баш-корт халык ижады / Составление, вступительная статья и комментарии Ф. Надршиной. Уфа, 1980. С. 250.

[2] *Вельяминов-Зернов В. В.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями / Приложение к ГУ тому «Записок Имп. Академии Наук». № 6. СПб., 1864. С. 35.

[3] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1042. А. 1.

[4] ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 955. Л. 2 - 3, 91 - 10.

5 ЦГИА РБ. Ф. 295 Оп. 3. Д. 1579. Л. 1.

ваЖДы получить калым. Примером тому следующие дела. Тляк Аблаев из Айлинской волости жаловался на то, что несмотря на выплату им в 1820 г. условленного калыма в 1500 руб., тесть его Халит Хамзин не отдал ему свою дочь под предлогом «будто бы она в августе 1820 г. потерялась». Оказалось, что он выдал ее замуж за большой калым за урядника Файзуллу Гумерова, отправленного на очередную военную службу в Томскую губернию. По жалобе Тляка дблаева Салима Хамзина была выслана из той губернии и возвращена истцу[1]. Жена Калимуллы Самигулова из д. Курманово Бирского уезда Сахибвафа Нигматуллина в 1827 г. в прошении писала, что в отсутствие мужа отчим и мать насильно отдали ее вторично замуж за другого человека. Прожив у последнего 4 недели, она вернулась к первому мужу[2].

С каждой свадьбы в пользу казны полагалась пошлина, которую называли «свадебными» или «брачными деньгами» (1706 г.), «штрафом со свадьбы» (1738 г.), «брачной суммой» (1846 г.). Брали деньги с приданого и калыма. Платили деньгами и лошадьми. По жалобе башкир на прибыльщиков Михаила Дохова и Андрея Жихарева (с того времени существует у башкир фразеология «Андреева казна» как о несметном богатстве), установивших тогда 72 вида новых налогов для населения, видно, что они должны были платить «по одиннадцати алтыну (3 коп. за алтын. — *А. А.)* со свадьбы с одной женитьбы, по полтине — з другой, по рублю — с третьей»[3]. Затем в 1742 г. была установлена пошлина в 25 коп. с брачного договора. Несмотря на просьбы башкир одной или четырех дорог об отмене «свадебных денег» по мотивам того, что «таких денег Деды и отцы их не платили», они продолжали их платить в XVIII — XIX вв. В течение 1847 г. поступила в приход «брачная сумма» в объеме 1 594 руб. серебром. Тогда же Бугурусланский земский суд собрал с 202 браков 17 руб. 31 коп.[4].

По указу от 11 февраля 1736 г. за брачные союзы между башкирами и татарами требовался штраф «драгунскими

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295 Оп. 3. Д. 409. Л. 1, 17, 33 - 34.

[2] Там же. Д. 346. Л. 1, 1 об.

[3] РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. А. 4.

[4] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 2257. Л. 1 - 2.

лошадьми» (за первый брак — лошадь, за второй — две лошади за третий — ссылка). Оказывается, это правило, вернее' требование касалось только башкир, в случае женитьбы на женах и девушках «убитых», «казненных», «повешенных» или «сосланных бунтовщиков». Поэтому от имени башкир главный старшина Сибирской дороги, подчеркнем, «верный» правительству — Козяш Рахмангулов просил уфимского вице-губернатора П. Д. Аксакова в 1742 г. «оставшие от них жены и девки взять нам за себя в замужество бес платежа штрафных лошадей»[1] (которых обычно платили и участники восстания, приходившие к властям с повинной). Однако казна продолжала брать штрафных лошадей «за свадьбы». За 1737— 1741 г. их 1 047 голов (по 209 свадеб за год), за 1742 г. - 5б[2]. (Необходимо отметить, что такое практиковалось и до середины XIII в.: с каждого мужчины, вступавшего в брак, булгарский хан взимал в свою пользу по верховой лошади.) (см. Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваши. Казань, 1902. С. 18.)

Основная масса людей жила в условиях моногамной (единобрачной) семьи. Но были и полигамные (многобрачные) семьи. По Корану, многоженство — явление приемлемое. Поэтому башкиры имели право заключать браки с четырьмя женщинами одновременно. Но следует отметить, что многобрачные семьи — это удел, в основном, феодального сословия, богатых людей. Более того, его представители не очень-то придерживались этих ограничений Корана. Нарушения подобного рода зафиксированы материалами народного творчества и архивными источниками. В легендах *«Йерэктау»* и *«Квнпылыузыц язмышы»* представлены такие ситуации, когда аульные баи стремились иметь до 5 — 6 жен. Так, например, жадные и жестокие Типтегул и Абдулла сватали девушек соответственно пятой и шестой женой[3]. Духовное управление мусульман не раз возбуждало дело против подобных нарушений со стороны кантонного начальника 6 (7) кантона Верхнеуральского уезда сотника Хасана Биишева,

[1] МИБ. Т. 3. С. 512.
[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 143. Л. 505-506.
[3] Баптгкорт халык ижады. 1980. С. 120, 313.

имевшего уже пять жен[1]. Тем не менее факты эти - исключение, а не правило.

Немалый интерес представляет также вопрос о соотношении полигамных и моногамных семей. Следует отметить, чХо о степени распространения многоженства в башкирском обществе нет единого мнения в литературе. Существуют, в основном, две точки зрения. Согласно первой, многоженцев было чрезвычайно много. Точка зрения эта выдвинута чиновниками-администраторами XVIII в. и поддержана исследователями. Еще в 1726 г. кунгурский воевода Юхнев, объездив по поручению властей 60 башкирских волостей, писал в своем отчете: башкиры «имеют многих жен по их закону, и того ради людны»[2]. Предлагая увеличить численность башкир, участвующих в войнах и на тяжелых крепостных работах, другой чиновник видел в этом наиболее эффективный путь разрушения семейного быта. Начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов 1735 г. доносил в Кабинет: «И без прибылых людей настоящее башкирское народонаселение чрезвычайно увеличивается вследствие многоженства... Башкиры опасны не настоящею своею силою, но будущим размножением от многоженства и приплыва беглых»[3]. Первый член-корреспондент Петербургской Академии наук оренбуржец П. И. Рычков в середине XVIII в. поддерживал ту же точку зрения: «Дворовое их (башкир. — А. А.) число повсягодно прибывает тем, что от многоженства весьма умножаются»[4]. В период составления «Экстракта о башкирском народе» (1774 г.), предназначенного для генерала-карателя П. И. Панина, П. И. Рычков продолжал считать многоженство причиной прироста башкирского населения[5].

Выводы эти поддерживались и другими авторами XIX в. По мнению А. Ф. Щекатова, в начале XIX в. «многие башкирцы имеют по две жены, а больше редко у кого бывает»[6].

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 5873. Л. 1.
[2] МИБ. Т. 3. С. 485.
[3] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 173.
[4] *Рычков П. И.* Указ. Соч. С. 92 - 93.
[5] РО РГБ. Ф. XII (Панины). Л. 6.
[6] *Щекатов А. Ф.* Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. Ч. 1. М., 1801. С. 374.

В 1810 г. Н. С. Попов утверждал: «Редкие башкирцы имеют по 4 жены, но многие по две, а протчие по одной»[1]. В 1867 г. крупный административный деятель кантонного управления и просветитель Альмухамет Куватов в своих рукописных записках «Причины обеднения башкирского народа» писал: «Некоторые говорят, что к обеднению башкирского народа способствовало многоженство. Это правда, тем более, когда народ угнетен бедностью, но это только зло временное, поддерживаемое невежеством и грубостью нравов башкир, которые служили преградою к развитию и просвещению их»[2].

Авторы сходятся в одном: многоженство у башкир — явление обычное и весьма распространенное.

Но бытовала и противоположная точка зрения. Знаток быта башкир, этнограф, руководитель тайного антиправительственного кружка в Оренбурге П. М. Кудряшев в 1826 г. писал: «Редкие имеют более одной жены, потому что бедность не допускает пользоваться вполне дозволением религии»[3]. В. М. Черемшанский уточняет так: «Башкирцы, как и вообще все мусульмане, имеют — достаточные — по две и по три жены, а бедные — по одной. Впрочем, в настоящее время многие из благоразумных башкирцев не увлекаются примером многоженства, считая его главною причиной семейных несогласий, и, при всей возможности иметь несколько жен, всю жизнь довольствуются одной. Многоженцы обязаны иметь для каждой жены особое помещение — особую избу, старшей предоставляют преимущество в хозяйственном распоряжении»[4].

Выяснив причины бедности народа, бывший начальник 10-го Уфимского кантона в 1866 г. отметил, между прочим: «Дозволенное многоженство, вредное для семейной жизни, у башкир не так распространено»[5]. Что же касается полигамных семей у северо-восточных башкир, то, по Н. А. Скалозубову, «чем зажиточнее население, тем большее и большее развитие получает в нем многоженство»[1].

[1] *Попов Н.* Указ соч. С. 23.
[2] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 104. Л. 13.
[3] РГАЛИ. Ф. 1571. ОП. 1. Д. 2913. Л. 8.
[4] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 160.
[5] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 70. Л. 52.

Общий вывод сводится к тому, что полигамия — редкое явление в быту башкир.

В вопросе о многоженстве среди башкир многие авторы ограничивались лишь общей констатацией самого факта полигамных семей и редко приводили единичные примеры. Ни в одной работе о башкирах не найти статистических данных о степени распространения, соотношении полигамных и моногамных семей. Наличие прямо противоположных точек зрения говорит само за себя. Историко-этнографической наукой поныне не разрешен этот вопрос.

Естественно, возникает вопрос, в какой мере верна та или иная концепция? Прежде всего отметим, что многоженство вызвано было к жизни не религиозными догмами ислама, а хозяйственной необходимостью, своеобразием кочевого уклада жизни населения. Буряты или народы Крайнего Севера — не мусульмане, но и у них многоженство широко практиковалось. Ислам поддержал и узаконил лишь реально существующее положение.

В свете многобрачия материалы 7-й ревизии можно было бы обобщить такой таблицей (табл. 12).

Судя по этим данным, к 1816 г. многоженство в разной степени наблюдается во всех населенных башкирами уездах. Из просмотренных дел явствует следующее: в 231 деревне 9 уездов проживало 8 999 семей, из них многобрачные — 1 126, или 12,5 проц. от всех семей; двоеженство — в 1 032 семьях (11,4 проц.); в 86 семьях — троеженство (0,9 проц.); в 8 семьях — четвероженство (0,08 проц.). Значит, многоженство у башкир не носило массового характера. Одна из причин этого в том, что женщин всегда было меньше, чем мужчин.

[1] *Скалозубов Н. А.* Очерки экономического положения башкирского деления Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1893. С. 28.

В 1810 г. Н. С. Попов утверждал: «Редкие башкирцы имеют по 4 жены, но многие по две, а протчие по одной»[1]. В 1867 г. крупный административный деятель кантонного управления и просветитель Альмухамет Куватов в своих рукописных записках «Причины обеднения башкирского народа» писал: «Некоторые говорят, что к обеднению башкирского народа способствовало многоженство. Это правда, тем более, когда народ угнетен бедностью, но это только зло временное, поддерживаемое невежеством и грубостью нравов башкир, которые служили преградою к развитию и просвещению их»[2].

Авторы сходятся в одном: многоженство у башкир — явление обычное и весьма распространенное.

Но бытовала и противоположная точка зрения. Знаток быта башкир, этнограф, руководитель тайного антиправительственного кружка в Оренбурге П. М. Кудряшев в 1826 г. писал: «Редкие имеют более одной жены, потому что бедность не допускает пользоваться вполне дозволением религии»[3]. В. М. Черемшанский уточняет так: «Башкирцы, как и вообще все мусульмане, имеют — достаточные — по две и по три жены, а бедные — по одной. Впрочем, в настоящее время многие из благоразумных башкирцев не увлекаются примером многоженства, считая его главною причиной семейных несогласий, и, при всей возможности иметь несколько жен, всю жизнь довольствуются одной. Многоженцы обязаны иметь для каждой жены особое помещение — особую избу, старшей предоставляют преимущество в хозяйственном распоряжении»[4].

Выяснив причины бедности народа, бывший начальник 10-го Уфимского кантона в 1866 г. отметил, между прочим: «Дозволенное многоженство, вредное для семейной жизни, у башкир не так распространено»[5]. Что же касается полигамных семей у северо-восточных башкир, то, по Н. А. Скалозубову, «чем зажиточнее население, тем большее и большее развитие получает в нем многоженство»[1].

[1] *Попов Н.* Указ соч. С. 23.
[2] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 104. Л. 13.
[3] РГАЛИ. Ф. 1571. ОП. 1. Д. 2913. Л. 8.
[4] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 160.
[5] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 70. Л. 52.

Общий вывод сводится к тому, что полигамия — редкое явление в быту башкир.

В вопросе о многоженстве среди башкир многие авторы ограничивались лишь общей констатацией самого факта полигамных семей и редко приводили единичные примеры. Ни в одной работе о башкирах не найти статистических данных о степени распространения, соотношении полигамных и моногамных семей. Наличие прямо противоположных точек зрения говорит само за себя. Историко-этнографической наукой поныне не разрешен этот вопрос.

Естественно, возникает вопрос, в какой мере верна та или иная концепция? Прежде всего отметим, что многоженство вызвано было к жизни не религиозными догмами ислама, а хозяйственной необходимостью, своеобразием кочевого уклада жизни населения. Буряты или народы Крайнего Севера — не мусульмане, но и у них многоженство широко практиковалось. Ислам поддержал и узаконил лишь реально существующее положение.

В свете многобрачия материалы 7-й ревизии можно было бы обобщить такой таблицей (табл. 12).

Судя по этим данным, к 1816 г. многоженство в разной степени наблюдается во всех населенных башкирами уездах. Из просмотренных дел явствует следующее: в 231 деревне 9 уездов проживало 8 999 семей, из них многобрачные — 1 126, или 12,5 проц. от всех семей; двоеженство — в 1 032 семьях (11,4 проц.); в 86 семьях — троеженство (0,9 проц.); в 8 семьях — четвероженство (0,08 проц.). Значит, многоженство у башкир не носило массового характера. Одна из причин этого в том, что женщин всегда было меньше, чем мужчин.

[1] *Скалозубов Н. А.* Очерки экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда Пермской губернии. Пермь, 1893. С. 28.

явление в быту башкир.

В вопросе о многоженстве среди башкир многие авторы ограничивались лишь общей констатацией самого факта полигамных семей и редко приводили единичные примеры. Ни в одной работе о башкирах не найти статистических данных о степени распространения, соотношении полигамных и моногамных семей. Наличие прямо противоположных точек зрения говорит само за себя. Историко-этнографической наукой поныне не разрешен этот вопрос.

Естественно, возникает вопрос, в какой мере верна та или иная концепция? Прежде всего отметим, что многоженство вызвано было к жизни не религиозными догмами ислама, а хозяйственной необходимостью, своеобразием кочевого уклада жизни населения. Буряты или народы Крайнего Севера — не мусульмане, но и у них многоженство широко практиковалось. Ислам поддержал и узаконил лишь реально существующее положение.

В свете многобрачия материалы 7-й ревизии можно было бы обобщить такой таблицей (табл. 12).

Судя по этим данным, к 1816 г. многоженство в разной степени наблюдается во всех населенных башкирами уездах. Из просмотренных дел явствует следующее: в 231 деревне 9 уездов проживало 8 999 семей, из них многобрачные — 1 126, или 12,5 проц. от всех семей; двоеженство — в 1 032 семьях (11,4 проц.); в 86 семьях — троеженство (0,9 проц.); в 8 семьях — четвероженство (0,08 проц.). Значит, многоженство у башкир не носило массового характера. Одна из причин этого в том, что женщин всегда было меньше, чем мужчин.

Таблица 12

Количество всех и многобрачных семей по хозяйственным районам[1]

Хозяйственные районы и уезды	Количество							
	аулов	семей						
		всех	в т. ч. с двумя женами	в % к общему кол-ву	в т. ч. с тремя женами	в % к общему кол-ву	в т. ч. с четырьмя женами	в % к общему кол-ву
Земледельческий район								
Белебеевский уезд	9	284	20	7,0	–	–	–	
Бирский	15	502	61	12,0	3	0,5	1	0,01
Мензелинский	63	2 195	245	11,0	34	1,5	3	0,10
Мензелинский (1834 г.)	62	2 614	281	10,7	22	0,8	1	0,03
Осинский (1834 г.)	23	1 581	64	4,0	6	0,3	–	
Уфимский	15	354	66	13,0	9	2,5		
Итого:	187	7 530	737	9,8	74	0,9	5	0,06
Скотоводческий район								
Красноуфимский	3	92	19	20,6	4	4,3	–	–
Оренбургский	32	1 177	230	19,6	7	0,5	3	0,20
Стерлитамакский	5	114	23	20,0	1	0,8	–	–
Троицкий (Зауралье)	4	86	23	26,6	–	–	–	–
Итого:	44	1 469	295	20,0	12	0,8	3	0,20
ВСЕГО:	231	8 999	1 032	11,4	86	0,9	8	0,08

Таблица приоткрывает нам и особенности хозяйственных районов в свете этого вопроса. В скотоводческом районе из 1 469 семей многобрачными являлись 310, что составляет 21,1 проц. от всех семей. В земледельческом районе многобрачных 816 (10,8 проц.) из общего количества семей — 7 530. Как видим, сравнительно большее распространение получило многоженство у башкир-полукочевников, нежели у башкир-земледельцев.

[1] ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 145. Л. 1232-1571, 1677-1851, 2071-2093; Д. 156. Л. 478-479; Д. 161. Л. 607-738, 763-1244; Д. 291, листы не указаны, Д. 292. Л. 3-660; Д. 313. Л. 1-26; Д. 345. Л. 2-26, 245-259; Д. 372, листы не указаны; Д. 374. Л. 25-26, 289 - 304; Д. 469. Л. 2 - 771.

Вывод этот подтверждается и материалами истории семьи татар и мишарей некоторых уездов Оренбургской губернии[1].

Таблица 13

Соотношение моно- и полигамных семей у татар и мишарей

Уезды, где проживали татары и мишари	Количество семей			Многобрачные семьи (в %)
	всех	в т. ч. единобрачных	в т. ч. многобрачных	
Бирский	3 592	1 384	208	5,8
Белебеевский	2 948	2 652	296	10,0
Уфимский	3 839	3 400	439	11,4
Стерлитамакский	1 245	1 081	164	13,2
Челябинский	694	614	80	11,5
Оренбургский	22	212	15	6,6
ВСЕГО	11 495	9 343	1 202	10,5

Попутно заметим, что эти данные о полигамии среди татар не совсем согласуются с утверждением Л. И. Шайдуллиной о том, что среди них почти не стало привычным многоженство[2]. Далее, как видно из табл. 13, из 11 495 татарских и мишарских семей полигамными считались 1 202 или 10,5 проц. Процентное сравнение многобрачных семей у мишар-татар и у башкир земледельческого района дает почти полное их совпадение — 10,5 проц. и 10,8 проц. Стало быть, у земледельцев полигамия известна в меньшей степени, чем у полукочевников.

Положение неразделенных семей лишь усиливает эти наблюдения. Сравнительно заметная распространенность многобрачия и неразделенных семей у полукочевых башкир, очевидно, неслучайна. Вызвана она главным образом особенностями кочевого скотоводческого хозяйства.

Взаимозависимость этих двух институтов в скотоводческом Районе Башкирии проступает еще и в том, что многоженство более развито в неразделенных семьях, нежели в малых.

[1] ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 419, 448, 458, 503, 515, 520, 549, 550 (8-я Ревизия).

[2] *Шайдуллина Л. И.* Коран и шариат о положении женщины в семье и обществе. Автореф. дис. ... кан-та истор. наук. М, 1963. С. 11.

А неразделенных семей сравнительно больше у полукочевников, чем у оседлых башкир. Таким образом, полигамия и неразделенная семья — атрибуты прежде всего кочевого мира, нежели оседлого.

Не подтверждается существующее мнение и о решающей роли полигамных семей в приросте населения. Они, безусловно, оказывали некоторое влияние на этот процесс, но определяющего значения иметь не могли. Парадоксально, но факт: в семьях, где по 2—4 жены, редко было до 10 детей. В 1747 г. у старшины Усерганской волости Кувата Кинзягул утлы от трех жен было 7 сыновей и 3 дочери[1]. У 54-летнего башкира д. Кумово Бирского уезда в 1816 г. было 4 жены (26, 35, 36 и 41 года) и 13 детей[2]. Из д. Акбулатово Оренбургского уезда Аргумбай Тюлебаев (48 лет) имел от двух жен 5 дочерей и 2 сыновей. 60-летний Гумер Карачурин из д. Гумерово того же уезда от 3 жен (27 44, 59 лет) имел 5 сыновей[3]. Из той же д. Гумерово Исянбай Зюмагузин (48 лет) от двух жен (27 40 лет) имел только сына и дочь[4]. У сотника Бикчуры Байгузина (50 лет) из д. Телявгулово Оренбургского уезда от трех жен (25, 50, 50 лет) — сына и дочь[5]. Биктимир Якупов (54 года) из д. Кидрясово того же уезда имел 4 жены (22, 45, 52, 54 года) и одного 2-летнего сына[6]. Такие примеры можно приводить и дальше, ограничимся названными. Для нас важно отметить, что по просмотренным делам ревизии 1816 г. не нашлось ни одной полигамной семьи, где бы имелось больше 13 детей. Но и семей, имеющих больше 10 детей, единицы. В 40 деревнях Оренбургского уезда по 8-й ревизии (1834 г.) 1 592 семьи, из них полигамных — 205, что составляет 12,9 проц. от всех семей (табл. 14). На каждую многобрачную семью полукочевника в среднем приходилось 3,3 ребенка[7].

[1] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 49. Л. 138.
[2] ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 49. Л. 832.
[3] Там же. Д. 145. Л. 1124.
[4] ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 145. А. 1127.
[5] Там же. Л. 1127 об.
[6] Там же. Л. 1148.
[7] Там же. Д. 430.

Таблица 14

Количество детей в многобрачных семьях у полукочевых башкир

Число детей	Без детей	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	всего
Число семей	9	33	36	39	40	23	12	5'	4	3	1	205
В проц.	4,4	16,0	176	19,0	19,5	11,2	5,9	2,5	1,9	1,5	0,5	100

В полигамных семьях число детей редко превышало 6 человек. Наиболее характерны семьи, имеющие от одного до пяти детей: их 83,3 проц. Почти 40 проц. от всех семей имело по 3—4 ребенка. Встречались семьи и с числом детей от 7 до 11, но их весьма мало — всего 6,45 проц. По той же ревизии в 19 деревнях из 30 у северных башкир-земледельцев Осинского уезда имелись полигамные семьи. Их насчитывалось до 95 из 1 140 семей, что составляло 8,3 проц. (табл. 15). На каждую многобрачную семью приходилось здесь по 3,8 ребенка[1].

Таблица 15

Число детей в полигамных семьях у оседлых башкир

Число детей	Без детей	1	2	3	4	5	6	Ь	8	9	10	всего
Число семей	8	12	8	16	13	19	8	3	5	2	1	95
В проц.	74	12,8	8,5	17,0	13,8	20,2	8,5	3,2	5,3	2,2	0,5	100

У башкир-хлебопашцев каждая пятая семья имела 5 детей. Для них характерны семьи количеством детей от 1 до 5, таких насчитывалось 72,3 проц. Семьи с большим числом детей (от 7 до 13) составляли 11,8 проц. Бездетность — одна из причин Многоженства, бездетных семей у полукочевников было больше (12,8 проц.), чем у земледельцев (8,3 проц.).

Бездетные полигамные семьи встречались и на юге, и на севере. Выходит, решающее значение в приросте башкирского поселения имели единобрачные семьи, а не полигамные.

[1] ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 575.

Многоженство, кроме всего прочего, было распространено в зажиточных семьях. Это происходило потому, вероятно, что связано было с экономическими возможностями. Недаром Ф. Энгельс подчеркивал, что «многоженство — привилегия богатых и знатных»[1].

Кто из состоятельных мужчин имел более одной жены? Те, чьи жены оказывались неспособными к деторождению или не имели сыновей.

Многоженство, вызывавшее разлад семьи и раздел имущества, стало предметом обсуждения в Оренбургском магометанском духовном собрании. В 1841 г. указным муллам предписывалось обследовать материальное положение мужчины перед тем, как удовлетворить его намерение обзавестись второй женой. Свидетельство о материальном положении выдавалось юртовыми старшинами, т. е. старшинами группы деревень, их помощниками, кантонными начальниками, а также их помощниками. Вот пример. Житель д. Легазово Шадринского уезда Мухаметзариф Саитягафаров по случаю «уклонения первой жены от супружеского с ним сожития» решил жениться на дочери башкира д. Кызылбаево Файзуллы Альмухаметова. Для этого после обследования его хозяйства помощником старшины претендент получил свидетельство, где сказано было, что он «в состоянии содержать двух жен, по поводу сему дозволяется ему жениться на законном основании»[2].

Многоженство вызывало, разумеется, массу негативных моментов в быту народа. Отрицательные последствия его отмечены кантонными начальниками. Один из них в 1864 г. писал, что «многоженство среди башкир (Челябинского уезда) — имеет ... свою невыгодную сторону. Оно поселяет несогласие в семье и, усиливая семейные разделы, отрицательно влияет на хозяйство башкир»[3]. Альмухамет Куватов среди многих других причин обнищания народа видел большое зло в многоженстве. «Не будь этого невежества, — писал он, — застоя в умственном развитии вследствие объясненных выше

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Указ. Соч. С. 64.
[2] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 2353. Л. 15.
[3] Там же. Ф. 2. Оп. 1.Д. 15197. Л. 70.

причин, башкиры занимали бы в истории народов значительное место, уничтожив сами собою допускаемые магометанством обыкновения, как то многоженство и тому подобные обряды»[1].

фольклор также подчеркивает нежелательные последствия этого пережиточного института. Народные поговорки: *«Аты икэузец аягы тынмас, •катыны икэузец -колагы тынмас»* (у кого два коня, ногам не будет покоя, у кого две жены, ушам не будет покоя); *«Кендэшле вйзэ квн дэ квйвнвс»* (в доме соперниц бесконечные переживания); *«Ойзэш тэ бер, квндэш тэ бер: -кыскырыш та талаш»* (одинаковы и квартирантка, и соперница: крик да ссора) - тому яркий пример. Одной из поговорок выражено сочувствие судьбе таких женщин:

«Квндэшлегэ твн озон, квнлвксегэ квн озон» (сопернице ночь длинна, поденщице день долог). Народ осуждает полигамию и иронизирует над двоеженцами: *«Кесе катын — кеше катыны»* (младшая жена — чужая жена), *«Тукал катын твлкв булыр, уны алган келкв булыр»* (младшая жена — лиса, взяв ее станешь посмешищем).

С калымным браком и многоженством тесно связаны пережиточные формы брака — левират (от лат. levir — деверь, брат мужа) и сорорат (от лат. soror — сестра). Языческий левират отменен был Кораном и все же у башкир в какой-то мере он сохранился[2]. Тому свидетельство — архивные фольклорные источники. О сути его в «Описании Башкирцев, обитающих в Пермском наместничестве» (1784 г.) говорится так: «После смерти (старшего) брата его родной (младший) брат берет жену покойного спустя 4 месяца 10 дней после его смерти, если она не брюхата, в замужество за себя ... и жениться таковым позволено и отдает ей калым вполне»[3]. В народной шуточной песне отражено это же желание: *«Атай улеп, ецгэ калпа, ебэрмэбез яттарга»* (Вдова брата — родная жена (душа). Претендентов на сноху-вдову было предостаточно. Первый из них — младший брат умершего *{«Кэйнеш — ярты ир, ир ю Шнда — бвтвн ир»* — деверь — полмужа, а когда его нет —

[1] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 104, Л. 14.
[2] *Шарль Р.* Мусульманское право. М., 1959. С. 60.
[3] ГАПО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 78. Л. 47.

полный муж). Следующий кандидат на нее — племянник, сын брата покойного мужа *(ецгэ катын — ейэндеке* — сноха принадлежит внуку).

Главную причину сохранения института левирата исследователи видят в материальной стороне дела. Но следует добавить, что левират у всех народов не лишен был и гуманного смысла (воспитание детей старшего брата).

А теперь проследим проявления этого обычая по косвенным сведениям 7-й, 8-й ревизских сказок, относящихся к южной, восточной и западной Башкирии. В 1816 г. левиратные браки встречались в аулах Оренбургского уезда. Житель д. Абзаново Мухаметгали Мурзабулатов в 18 лет имел жену Асылбику 46 лет, Кулгыз 17 лет; в д. Акъюлово у Сунарсы Ханбилова 24 лет были жены - Кинзябика 47 лет и Гульбастан 24 лет; в ауле Акназарово у 35-летнего Шамгула Азибаева были жены: первая - 50 лет, вторая - 35 лет, причем у первой имелся уже взрослый сын 23 лет». В д. Айбатово Челябинского уезда у муллы Куйбагыша Айбатова было 2 сына, в 1815 г. старший из них - Султанмрат - умер в 40 лет, а на его вдове Тюнулей 39 лет женился 18-летний младший брат Хаби, уже имея 20-летнюю жену[2]. В Мензелинском уезде житель д. Суксы Абдулнасыр Юлдашев 26 лет имел жен: Вафиру - 40 лет, Сагиду — 16 лет; в д. Сапарово у походного сотника Мухаметвали Мухаметрахимова 48 лет имелись жены: Гаибя 60 лет и Габида 45 лет. У жителя д. Азякулово 40-летнего Идриса Смакова 60-летняя жена Алтынбика[3]. Материалы 8-й ревизии рисуют такую картину: в д. Арсланово Оренбургского уезда Мухамадияр Ибрагимов в 21 год был женат на жене умершего в 1823 г. брата Габбаса 43-летней Хафизе. В д. Кутлумбетово в одной семье мужу было 19 лет, жене - 30, причем они имели детей 8 и 11 лет. В д. Сиксанбаево совместно жили 7 женатых братьев, из которых 53-летний умер. Его 42-летнюю вдову Игабику взял в жены 17-летний младший брат Худайгул. В д. Туимбетово вдову умершего брата 36-летнего Ишимкула Кучуккулова взял его 17-летний младший брат Ишкул. Якуп

1 ЦГИАРБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 384. Л. 147-148.
2 Тамже. Д. 145. Л. 1156, 1157, 1280, 1681, 1682.
3 Там же. Д. 292. Л. 392 - 393; Д. 469. Л. 48 - 65, 151 - 153.

Сусарбаев в 16 лет был женат на 30-летней вдове умершего брата Усмана - Азнабике. Там же старшина 40 лет был женат на двух; первой - 30, второй - 65 лет*. В д. Барда Осинского уезда у 22-летнего гайнинца была 48-летняя жена[2]. В д. Кузяково Мензелинского уезда у башкира Хаметуллы Абдуллова 43 лет были жены Вазиля 68 лет и Хуснуниса 40 лет[3].

С этими сведениями перекликаются и мотивы исторической песни «Шэурэ»: старик-бурзянец женил 18-летнего сына Баима на 37-летней вдове старшего сына. От первого брака она имела совершеннолетнего сына, которого женила на красивой девушке Шауре. Шаура любит не мужа, а свекра Баима, последний отвечает ей взаимностью. Из-за чинимых препятствий они были вынуждены покинуть родной край[4]. Словом, большой возрастной разрыв между супругами говорит о наличии левиратных браков у башкир. Вдова старшего брата, вышедшая замуж за его младшего брата, бывала старше второго мужа на 10-15 лет. И часто это приводило ко вторичной женитьбе ее супруга. Не случайно там, где имелся левират, наблюдалось двоеженство. В 1864 г. начальник одного кантона о левирате у башкир писал так: «...в браках, совершаемых между ними, видна несоразмерность возрастов жениха с невестой, являющаяся следствием чисто корыстных побуждений. Отец или даже старший брат, у которого осталась невеста после смерти одного из членов семьи, не желая отпустить из своего дома скот и другие вещи, данные ей в калым, отдают ее в жены самому младшему члену семьи. Следствием этого является то, что последний, уступая воле главы семейства, вступает в брак с женщиной, производительные силы которой уже иссяклись»[5]. По этому поводу одна из поговорок советовала: *«Ерек утын якма, ецгэ -катъш алма: ерек утындыц кызыуы ю%, ецгэ •катындыц йылыпы* юк» (не пали Дрова ольховые, не бери в жены вдову брата: у ольховых дров Жара нет, у вдовы пыла нет).

1 ЦГИА РБ. Ф. 138. Оп. 2. Д. 430.
2 Там же. Д. 575.
3 Там же. Д. 468. Л. 81.
4 Баигкорт халык ижады. Беренсе китап. Ырзар. Уфа, 1974. С. 369.
5 ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1.Д. 15197. Л. 70 об.

Разумеется, левиратные браки совершались, как правило не без согласия вдовы. Жена жителя д. Тагаево (Сунтарово) Галяутдина Абдулвахитова, узнав о гибели мужа в Отечественной войне 1812 г. и прождав его три года, «по общему согласию вышла замуж за брата, родного того умершего»!. Вдова д. Юлдашево Бузулукского уезда Атангула Атикеева Марьям Аблаева в 1826 г. вышла замуж за своего деверя Кулманкула. Она владела скотом на общую сумму в 3 058 руб.[2]

Встречались левиратные браки и по принуждению. В 1812 г. житель д. Белекей Абызово Оренбургского уезда Габай Ишбаев жаловался в Магометанское духовное собрание на насильственное обвенчание муллой его дочери Шагиды с братом умершего ее мужа[3].

Принудительные левиратные браки — следствие нежелания семьи отпустить вдову как работницу, имеющую приданое в виде скота, вещей и денег. Пример этому - поступок свекра вдовы из д. Новое Муйнаково Челябинского уезда Умургула Янузакова. Не желая ухода снохи Гулбани после смерти сына Мухаметгали, Янузаков попытался насильно выдать ее замуж за второго сына Мурадыма с «небольшим калымом» (две лошади, овцы, вещи). Она на это согласия не дала и вышла замуж за другого. После этого бывший свекор пытался присвоить себе ее приданое, состоящее из шести лошадей, восьми коров, 100 овец и др.[4]

В целом народ относился к левирату неодобрительно. *«Ецгэ катын ямау, •калган малы — талау»* (женитьба на вдове, что заплатка на одежде, имущество ее — одни раздоры) — гласит башкирская поговорка.

Наряду с левиратом несколько реже практиковался сорорат. В случае смерти невесты до брака, за которую уже уплачен калым, ее отец должен был отдать жениху вторую дочь. Если же она была несовершеннолетней, то просили жениха подождать. В случае смерти жены вдовец мог просить руки ее сестры и жениться, но уплатив дополнительный калым

1 ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 112. Л. 7
2 ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 513 Л 1
3 Там же. Д. 263. Л. 1 - 2.
4 Там же. Д. 273. Л. 1-2, 16 - 17 21-22.

в уменьшенном размере. В 1833 г. имам Ишмухаметов из д. Кубеково Белебеевского уезда женился на Мухитзямал дюповой с калымом в 500 руб., которая вскоре умерла. Затем он женился на ее сестре Бадернисе с приплатой калыма в размере 300 рублей[1].

Это явление также обобщено: *«Ай батпа, йондоз бар, •катын* уллэ, *балдыз бар»* (луна на закат - остается звезда, если умрет жена, есть ее сестра). Однако в фольклоре звучало и осуждение обычая, т. к. женитьба на сестре жены - зло.

Остальные формы брака по сватовству заключаются в следующем. Брак отработкой (практиковался, в основном, в несостоятельных семьях): не имея средств для уплаты калыма, жених отрабатывал его в хозяйстве будущего тестя или тещи. Например, башкир д. Караякупово Уфимского уезда Акул Хурамшин в 1826 г. женился на дочери Тюрлибики Надыровой Магрифе Кинзекевой с обязательством уплатить калым в размере 450 руб. Из этой суммы уплачено было им только 50 руб. «Желая ускорить уплату (калыма), он нанялся в том же году к ней, Надыровой, в работники с платою в год по 100 руб.»[2]. Таких примеров немало[3].

У несостоятельных башкир встречался еще и обменный брак, когда две семьи обменивались невестами. Глухое упоминание об этом содержится в одном незаконченном деле фонда Духовного управления мусульман в Уфе. В данном случае ни одна сторона не платила калым.

Еще одна форма брака - колыбельное сватовство, называвшееся у башкир *«бишектуйы»* (колыбельная свадьба). В этом случае просватывали мальчика и девочку, чьи родители были близко знакомы или происходили из одной и той же социальной среды. Колыбельную свадьбу справляли порой еще до рождения детей. Две семьи договаривались о том, что в случае рождения у них мальчика и девочки они должны вступить в брак по достижении определенного возраста. Цель Колыбельного сговора - обеспечить уплату калыма путем Растягивания ее на длительный срок. Это было выгодно

1 ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1.Д. 941. Л. 1.
2 ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 276. Л. 1. 1 об.
3 Там же. Д. 2125. А. 8, 8 об.

бедным семьям, но к колыбельному сватовству нередко прибегали и богатые.

Колыбельный сговор совершался обычно, когда мальчику или девочке исполнялось 40 дней со дня рождения (в крайнем случае — до пяти лет). Отец мальчика направляет свата *(яусы)* к родителям девочки. В случае согласия последних назначается день колыбельного сговора. *Бишек туйы* проводится в доме родителей девочки. Отцы сторон для своих детей выбирают из другого рода (тюбы-аймака, ара) посаженных отцов и матерей *(кыямэт ата-эсэ).* В обязанность последних входит выбор имен мальчику и девочке. В день колыбельной свадьбы сорокадневным мальчику и девочке муллой объявляются эти имена. Перед собравшимися гостями матери детей передают их в руки посаженных отцов. Певцами исполняется ламах (рифмованная прибаутка) — о том, что дети эти рождены друг для друга. Затем посаженные отцы, назвав детей по именам, передают их посаженным матерям, ламах продолжается в виде наставлений детям. Ему — как будущему защитнику их покоя, ей — как будущей верной жене, хранительнице очага. После этого детей укладывают в одну колыбель, одев их в новые распашонки (кулдэк). Раздаются подарки посаженным отцам и матерям, сватам и другим присутствующим. *Бишек туйы* завершается всеобщим угощением[1].

По достижении детьми 8—12 лет проводилась еще так называемая свадьба сережек *(пырга туйы).* Родители детей готовили подарки: для «невесты» — серьги и шаль, для «жениха» — *нагышлы билбау* (вышитый пояс), *сигелгэн такыя — тубэтэй* (вышитую тюбетейку). В помощь детям выбирают с обеих сторон *парня-кушамат* (выбранный «товарищ») и *девушку-кушамат* (выбранная «подруга»). Кушаматы, в свою очередь выбирают борцов (керэшсе) с тем, чтобы на поединке определить, какая из «брачующихся» сторон является *«би»*- Для праздничного стола *пырга туй* режут двух коров или баранов, блюдо, приготовленное из этого мяса, должны отведать все присутствующие. Затем исполняется обряд, по которому мальчику и девочке дарят *пебэ кабыргапы* (нижнее ложное ребро) и *муйын пейэге* (шея). Борцы с обеих сторон

[1] *Бурангулов М.* Башкирские свадебные обряды // НА УНЦ РАН. Ф-3, Оп. 12. Д. 215-а. А. 1-4.

получают куски мяса прямо из рук детей. Причем победителю дарят *пебэ кабыргапы,* побежденному — *муйын пейэге.* По обычаю девушка-кушамат должна выйти за победителя. Поэтому в качестве борца выбирала она своего возлюбленного. Когда побеждает батыр со стороны девочки и получает в подарок *пебэ кабыргапы,* то в будущем она становится «би» бисэ, т. е. ее муж лишается права брать вторую жену. Кроме того, родители могли не выдавать ее тому, «кто укусил ее за ухо» во время *пырга туй.* Если же победу одерживал батыр со стороны мальчика и получал в подарок лебэ *кабыргапы,* то в будущем жена его становилась *бай бисэ.* В этом случае он имел право жениться во второй раз, а первая жена становилась старшей. Борьба за определение *«би» бисэ,* конечно же, связана с материальными интересами сторон. Отец девочки, которой завоевали право быть *«би» бисэ,* во время венчания (никах) имел право произвольно устанавливать размеры приданого и калыма.

Бырга туй проходит так. С разных сторон дома выводят к людям закрытых покрывалами красного цвета мальчика, синего или зеленого — девочку. Дети пока не видят друг друга. В назидание девочке (невесте) поют о том, чтобы она была скромной, послушной и т. д. С обоих снимают покрывала. *Кушамат* мальчика, танцуя и напевая, показывает девочке «жениховы» подарки. В песне содержатся вопросы к девочке (например, сшила ли она кисет, вышивала ли билбау). Одновременно он показывает ей серьги и платок — подарки ей и ее матери. *Затем кушамат* передает их мальчику (жениху), тот дарит девочке. Он, укусив девочку за ухо, по обряду *(колак тещлэтеу),* вдевает ей серьги в уши и дарит шаль. Затем следуют подарки со стороны девочки. Присутствующие Поздравляют их и желают счастья. Родители становятся сватами, мальчик — женихом, девочка — невестой.

Отец девочки дает обязательство не выдавать ее замуж за другого. С этого времени всерьез заговаривали о калыме, и носился он по частям. Родители детей дарили борцам *билбау,* Мать мальчика его -кушамату — платок, мать девочки ее ^Ушамату — перстень[1]. Завершалась свадьба сережек — *пырга ^Уй* — угощением.

[1] *Бурангулов М.* Указ. Соч. Л. 4 — 50.

Есть основание колыбельное сватовство считать широко распространенным обычаем. Следы этого в изобилии имеются и в фольклорных, и в архивных материалах. Приведем некоторые из них. В 1822 году бывший кантонный начальник 2-го кантона (Екатеринбургский уезд) Акжигит Кинжабаев помолвил двухлетнего сына Аллаяра с дочерью башкира д. Кармаскалино Шарыпа Бигильдинова (калым — 1 500 руб.). Через 18 лет был заключен их брачный союз[1]. Башкирка д. Кубово Уфимского уезда Гайнихаят Габбасова в 4 года просватана была за башкира д. Сарт-Наурузово Абдулзепара Абдулсаттарова, но в 18 лет она отказалась выйти за него замуж[2]. В легенде «Зелхизэ» речь идет о дружбе двух охотников, которые после рождения у них мальчика и девочки договорились о сватовстве. Провели *бишек туйы* и *пырга туй*. Но после смерти отца «жениха» другая сторона, рассчитывая на большой калым, хочет выдать совершеннолетнюю дочь третьей женой аульному богачу. От прежних обещаний и обязательств отец «невесты» всецело отказывается. Но молодые, полюбившие друг друга, решили по-своему — убежали вместе. Девушка была поймана. Ее избили и привязали к хвосту коня, приволокли в деревню и насильно выдали за бая. К летовке последнего незаметно прибыл и возлюбленный, но был пойман и убит. У легенды трагическая развязка: Зулхизя скончалась от горя.

Известен также и брак путем умыкания. Обычай этот, существовавший длительное время, не осуждался мусульманской моралью. Разумеется, брак оформлялся по шариату.

Как видим, создание семьи сопряжено с большими материальными затратами с обеих сторон. Неимущих и малоимущих это било по карману. Поэтому бедняки зачастую женились путем похищения девушек.

Поговорка «Похищенная - опозоренная» *(«Урланган •кыз - хурланган кыз»)* свидетельствует о весьма трагической судьбе молодых девушек. Тептярь из башкир д. Тонмурзино Белебеевского уезда Абдулвали Гибадуллин с товарищами в 1817 г. похитил 15-летнюю Самигу из д. Каразириково

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1579. Л. 1.
[3] Там же. Д. 1548. Д. 1, 8.

рирского уезда ввиду несогласия ее отца выдать за него замуж. Похититель лишил ее девичьей чести и после долгой тяжбы женился на ней, затем развелся. Она вышла замуж за другого тептяря, но и тот недолговечный брак прекращен был очередным разводом[1]. Башкирка д. Муртазино Стерлитамакского уезда Хабиба Ишкинина, просватанная башкиром д. Бабадарово Оренбургского уезда Абдуллатифом Казбулатовым (калым - 600 руб.), в 1819 г. в отсутствие родителей была похищена жителем д. Чумазино Магадием Чумазиным. Через 5 месяцев в своем прошении она требовала наказать виновного. Оскорбленная Хабиба судилась долго, пока ее не вынудили отказаться от иска[2].

Походный старшина Айлинской волости Тупей Субханкулов, имевший уже трех жен, сделал попытку похитить дочь башкира Кара-Табынской волости Куяжбая Умитбаева 23-летнюю Салиху. Когда его замысел не удался, Субханкулов придумал версию, по которой он якобы был помолвлен с ней, когда ей исполнилось 6 лет. Последняя в своем прошении к начальнику 5-го кантона Кулую Кучукову заявила, что она «ни за что и никогда» не выйдет за Субханкулова, ибо поклялась быть женой Карамышева «до смерти». Она твердо сказала: «...выйти замуж за него не желаю и не нахожу в том надобности, я о сем ему никакого слова не давала, да и гнушаюсь его старостью»[3]. Некоторые дела заканчивались взаимным удовлетворением претензий. Так произошло, например, с иском отца девушки Джавили из д. Узунларово Стерлитамакского уезда, похищенной в 1833 г. сыном муллы. Похищенная согласилась стать женой похитителя, тем более, что помолвленный жених «от взятия ее к себе отказался». Девушку похитили, когда она находилась в поле и одета была в дорогую одежду ценой в 239 руб. Это наводит на мысль, что Умыкание девушки произошло с ее согласия. Тем самым отец был поставлен перед свершившимся фактом[4].

Люди не оставались безразличными к судьбе похищенных Девушек. Отношение к этому явлению передает поговорка:

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 9. Л. 1 - 2, 30.
[2] Там же. Д. 23. Л. 2, 2 об, 52.
[3] Там же. Д. 29. Л. 2, 10, 10 об.
"Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1275. Л. 1-2, 4-4 об.

«Ат урлаган бур булыр, -кыз урлаган хур булыр» (Лошадь ур. нать — вором быть, девушку украсть — осрамиться).

Семейная жизнь, в основном, складывалась мирная, ней разумеется, встречались и деспоты, доводившие жен своих до бегства из дома и вторичного замужества. Нельзя не обратить внимание на обилие материалов с просьбой башкир к властям помочь им вернуть беглянок. Еще в 1746 г. на это явление обратил внимание чиновник Уфимской провинциальной канцелярии следующим образом: «Также и башкирские, и татарские жены бегают от мужьев и чинят непотребность, на коих жалуются мужья в канцеляриях к командиров; мужья остаются без всякого довольствия и без платежа отданных за них при взятье за себя калымных денег и протчего» (МИБ. Т. 3. С. 558). Общая формула этих просьб такая: «...жену мою, ныне вышедшую за другого в замужество, от башкира такого-то отобрать и возвратить ее в единообщее со мною сожитие»[1].

Просьбу мужей о возвращении беглянок можно объяснить экономическими соображениями. Они не верили в восстановление разрушенных семей, но надеялись на возмещение материального ущерба, т. е. на возврат уплаченного ими калыма. Житель д. Исерганово Оренбургского уезда Хасан Байзигитов просил вернуть жену или лошадей, угнанных беглянкой[2]. В 1847 г. от Валляма Мендеева, жителя д. Ягудино Верхнеуральского уезда, ушла жена Маргуба Уразбаева к башкиру д. Аблязино Ахмету Исламбаеву. Конфликт был улажен тем, что потерпевший получил лошадь от нового мужа своей бывшей жены[3].

§4.
ФОРМЫ РАЗВОДА

Предписания и установления Корана и шариата, особенно по части калыма и многоженства не могли упрочить положение семей, укрепить их устои, предотвратить разводы.

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 2325. Л. 14— 15.
[2] Там же. Д. 2340. Л. 24 об.
[3] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 2325. Л. 14— 15.

Относительно башкир в историко-этнографической литературе упоминается лишь одна форма развода. Это — *талан.* Однако она не раскрывает всей сути хода разрушения отдельных семей.

Кораном предусмотрены такие виды развода, как талак, зихар и айман. *«Талак»* — слово арабское, означающее «быть свободным»[1]. Данный вид развода назывался еще и баином (окончательным) талаком и становился свершившимся фактом после трехкратного произнесения мужем слова «талак». Это означало, что муж не может мириться с женой, пока она не выйдет замуж за другого и не разведется с ним. Только после заключения нового брака с прежней женой муж мог восстановить первоначальную свою семью. В мусульманских странах этот вид развода породил институт мухаллилов («промежуточных мужей»). Разведенная жена оставалась в доме мужа четыре месяца и десять дней. Срок этот *(«гиддат»,* как он назван в материалах Оренбургского магометанского духовного собрания) нужен был для того, чтобы установить, не беременна ли женщина. Если да, то она до родов оставалась в доме мужа, а затем покидала этот дом, оставив мужу детей[2]. Развод мог быть и не окончательным, если слово «талак» муж произносил один раз. В таком случае также оставался в силе гиддат. Супруги в этот период могли помириться.

Суть *«зихара»* заключалась в том, (в ситуации развода) муж говорит жене, что она — спина его матери (захрун), а брака между сыном и матерью быть не может. Зихар — неокончательный развод.

Слово *«айман»* произошло от названия клятвы. Мужчина клялся в том, что не будет иметь супружеских отношений с женой в течение гиддата, пока не совершит задуманного. Этот вид развода также был временным[3].

Шариат предлагал такие виды разводов, как *илла* и хулла (хулла, хаал). «Илла» (в переводе с арабского — «событие»),

[1] *Шайдуллина Л. И.* Арабская женщина и современность. М., 1978. С. 15.
[2] *Она же* Брак и развод у мусульман // Арабские страны. История. М., 1963. С. 206.
[3] *Шайдуллина Л. И.* Арабская женщина и современность. С. 15.

отвлекающее внимание от чего-либо; причина, предлог оговорка, увертка. Этот вид был похож на «айман». «Хулла» (в материалах Оренбургского магометанского духовного собрания этот вид развода назван *«хлюгом»)* означает полюбовное соглашение. Название происходит от арабского слова «хулун» — пустота, вакантность. В этом случае жена предлагала мужу свой махр (калым) или часть приданого за право получить развод. Стало быть, хула (хлюг) есть такой развод, когда инициатором выступает жена. Но формулу развода произносил муж. Хулла — это уже окончательный развод, так как он понимается как обмен имущества н личность. Муж вступает в права по отношению к имуществу, а жена получает право на свою собственную личность[1].

Исследователями отмечается легкость шариатского развода. Однако к нему не могли прибегать трудовые массы, только состоятельные люди юридическую возможность превращали в действительность[2].

Из всех видов развода у башкир практиковались главным образом талак и хулла (хлюг). (Во всяком случае, другие виды не зафиксированы в архивных материалах Магометанского духовного собрания.) Мужчины прибегали к основному виду развода — талак, женщина — к хулла. Основанием для развода в глазах мужчины служило, главным образом, неповиновение жены или невыполнение ею супружеских обязанностей. Даже любой пустяк мог разрушить семью. Так, например, башкир д. Мушуги Мензелинского уезда Мухаметшакир Сейфуллин в 1861 г. развелся с женой Бибимафтухой из-за того, что во время его отсутствия 17-летняя супруга с подругами играла на улице с посторонними мужчинами[3]. Другой случай. Башкирка д. Сеитбабино Стерлитамакского уезда Кодыса Абдулфаизова жаловалась на то, что муж Гашимов заявил ей три раза *«харам талак-»* и выгнал ее из дома, незаконно отобрав ее собственное

[1] Хидия. Комментарии мусульманского права. Перевод с английского под редакцией Н. И. Городекова. Ташкент, 1893. Т. 1. С. 347

[2] *Вахабов М. В.* Указ соч. С. 75

, ЦтмА РБ, Ф, 295 - п - 3 - А- 4942. Л. 1, 16-17; *Вахабов М. В.* Указ. соч. Ё. 76— *ft.*

имущество[1]. Оспопрививатель Стерлитамакского уезда Сайфулла Буранбаев в 1848 г. в присутствии свидетелей заявил •жене Шамсукамар Юламановой три раза «талак», затем выдал жене разводное письмо, за что получил корову[2].

Бедность часто служила причиной распада семьи. Житель д. Аскарово Верхнеуральского уезда Абдулгафар Арсланбаев развелся с женой из-за того, что не мог содержать ее. Он не занимался ни скотоводством, ни земледелием, так как для этого не имел ни возможностей, ни средств. Арсланбаев не смог доплатить остаток калыма в 500 руб. и сам «был вынужден искать себе пропитание в чужих людях[3].

Жены также могли потребовать развод. Основанием для этого со стороны жены являются невыплата мужем калыма, предусмотренного по брачному договору, несостоятельность содержать ее мужем, а также жестокое обращение с ней.

Просмотр материалов Магометанского духовного собрания с этой точки зрения приоткрывает любопытную картину. В 1843 г. Бибихадиса Абдуллина из д. Килсимбаево Оренбургского уезда вышла замуж за одноаульца и однофамильца Зиганшу с калымом в 300 руб., но последний, не выплатив калым, увез ее к себе. «И во все это время живет со мною в несогласии, — пишет она в прошении, — всегда обходится со мною жестоко, не дает мне никакой одежды и пищи... Я предъявляла о сих его поступках мулле, деревенскому начальнику и жителям, но он, не внимая их убеждениям, всегда меня от себя прогонял, что меня вынудило просить развод»[4]. Кизбика Шименева из д. Семерово Троицкого уезда в 1843 г. Развелась с мужем Гайнуллой Абакаевым ввиду разгульной жизни мужа, избиений им, из-за того, что распродал имущество жены и заставлял ее работать на пашне, в то время как сам «развлекался дома со второй женой»[5].

Выкуп за согласие на развод, выплачиваемый женой мужу, включал в себя почти все калымное имущество и деньги.

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 2352. Л. 14.

[2] Там же. Д. 2347. Л. 1 - 1 об., 16 - 17.

[3] Там же. Д. 2322. Л. 13, 41, 48.

[4] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 2342. Л. 6 - 8.

[5] Там же. Д. 1441. Л. 1, 9.

Но придерживались этого не всегда строго. Так, одни давали разводное письмо за 40 фунтов чая[1], другие — деньги или десятки голов скота. За свой развод «хлюг» башкирка Махубзямал Нугуманова из д. Яппарово Белебеевского уезда с мужем из д. Ябалаклино Балгазием Аблаевым отдала выкуп в виде кафтана (80 руб.), кармазина (50 руб.), перины с подушкой (30 руб.), половины книги Корана (6 руб.), покрывала, рубахи, холста (10 аршин в 10 руб.), 2 овец (10 руб.), жеребца (20 руб.), козы (3,5 руб.) — всего 209 руб. Кроме того, она уступила ему недоплаченный калым и причитающиеся ей от него до истечения гиддата деньги[2].

Развод оформлялся разводным письмом и записью, которую делал мулла в метрической книге. Приведем содержание одного такого письма, поскольку такой текст в литературе отсутствует: «1846 года, генваря 18 дня, я, нижеподписавшийся, будучи в здравом рассудке, дал сие разводное письмо в том, что я при свидетелях добровольно развел жену свою Кинзесултану Мухаметгалину с получением от нее кобылу мухортою, жеребца сиваго, штофнаго халата, быка и всех вещей, какия были мною отданы в калым. В чем башкирец Абдулгариф Арсланбаев руку приложил, [далее] Значащиеся в сем письме лошади и вещи, отдав мужу Арсланбаеву, я по доброй воле развелась с ним, и в том женка Кинзесултана Мухаметгалина тамгу приложила»[3].

Брак, основанный на одних материальных расчетах, был непрочным. Развод в этих случаях закономерен. И, надо сказать, что был он весьма распространен как у далеких от башкир бурят[4], так и у соседних с ними татар[5]. Если в 1864 г. в 11 уездах Оренбургской губернии всеми мусульманами, причисленными в Башкирское войско, было заключено 9 634 брака, то разводы отмечены 1 355 раз (12,3 проц. от всех браков

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6132. Л. 20 об
[2] Там же. Д. 2310. Л. 1 - 1 об., 5 об. - 6
[3] Там же. Д. 2322. Л. 14.
[4] *Залкинд Е. М.* Общественный строй бурят в XVIII - первой половине XIX века. М, 1970. С. 175.
[5] *Шайдуллина Л. И.* Коран и Шариат о положении женщин в семье и обществе // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1963. С. 11.

за 1864 г.)[1]. Начальник 10-го Уфимского кантона в 1865 г. подчеркивал, что «разводы (у башкир) — вещь весьма обыкновенная. И всегда делается с угнетением женщин. Пора оказать женщине должное покровительство, установить наблюдение за случаем разводов, которые по большей части делаются по одному легкомыслию мужей»[2].

В литературе бытует мнение, якобы развод у мусульман по желанию мужа был более распространен, чем по инициативе жены. Или встречается даже утверждение о том, что право развода, например, у мишарей практически принадлежало одному лишь мужу[3]. Однако факты говорят об обратном. Не только у башкир, но и среди остальных мусульман края развод по инициативе женщин встречался гораздо чаще, чем принято думать. Об этом свидетельствуют многолетние данные о разводах у всех мусульман Уфимской губернии[4].

Таблица 16

Сведения о разводах в Уфимской губернии в 60-х годах XVIII в.

Виды разводов	1866 г.	1867 г.	1868 г.
Талак (по воле мужчин)	268 (17,0%)	201 (19,3%)	260 (21,4%)
Хлюг (по инициативе женщин)	1313 (83,0%)	839 (80,7%)	955 (78,6%)
ВСЕГО:	1581 (100%)	1040 (100%)	1215 (100%)

А в 1876 г. в Уфимской губернии свершилось 1 112 разводов, в т. ч. талак - 236 (21,2 проц.), хлюг - 876 (78,8 проц.) раз. Один развод приходился на 10 с лишним браков прошлых лет[5], число талаков, т. е. разводов по инициативе мужей, было почти в 5 — 6 раз меньше хлюгов, т. е. разводов по инициативе жен.

Такое явление объясняется следующим образом. При талаках мужчины не всегда могли вернуть себе калым. Их иски

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15159. Л. 8, 23, 41 об., 70, 89 об., 106 об., 124 об., 174 об., 189 об.
[2] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 70. Л. 52 - 52 об.
[3] *Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари М., 1972. С. 139, 160.
[4] Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. 76.
[5] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, б/г. С. 59.

о возврате калыма были сопряжены с судебной волокитой продолжавшейся десятилетиями. Противоположная сторона часто отказывала в иске, ссылаясь на бедность хозяйства. Даже возникла такая поговорка: *«Калым малы — -кар* Лыуу» (калымное имущество — талые воды).

Мужчины, понявшие материальную невыгодность для себя развода по их инициативе, вынуждали жен подавать на развод. В результате они получали от жен вознаграждение за разводное письмо.

Кроме того, вторичная женитьба их, предполагавшая обязательный выкуп жены, была сопряжена с большими трудностями экономического порядка. Здесь уместно привести древнее изречение: *«Балаҫ* уллэ, *бер теп йокоҫ осор, катыньщ улпэ, бер эйер йылкыҫ сыгыр»* (дитя умрет — пропадет сон ночной, жена умрет, лишишься табуна лошадей). Поэтому мужчины неохотно шли на развод.

Преобладание разводов по инициативе женщин — это не что иное, как протест против обычаев, законов шариата — норм мусульманской морали. Вместе с тем разведенным женщинам не грозило одиночество, ибо в башкирском обществе, как уже не раз говорилось, женщин всегда было меньше, чем мужчин. Они могли во второй раз выйти замуж и получить калым. Одиноких молодых женщин почти не было в обществе. Все вышеперечисленные мотивы объясняют факт преобладания хлюга над всеми видами развода.

§5.
ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЧЛЕНОВ СЕМЬИ

Разводы касались и имущественных прав сторон. Но данная проблема до недавнего времени оставалась вне поля зрения исследователей. В историко-этнографических публикациях о башкирах лишь затрагивались некоторые вопросы об имущественных правах членов семьи. Хорошо известны специальные работы известного этнографа Н. В. Бикбулатова о шариате и обычае в наследовании и разделе имущества у башкир XIX — начале XX в., где рассматриваются общне

моменты прав наследников по шариату и на основе нескольких Примеров об имущественных отношениях у коренных ^кителей делается вывод сначала о решающей роли народных обычаев и правил шариата, затем — о заметной роли обычного права, нежели норм шариата[1]. В ранних тезисах автора данных строк об имущественных правах у башкир XVIII — первой половине XIX в. фактами подтверждается мнение об определяющей роли в этих вопросах норм шариата при функционировании других форм (обычного, феодального) права[2].

Несмотря на то, что башкирское общество восприняло не все нормы мусульманского права не только по имущественным вопросам, но и по другим (например, семейно-брачным, где у башкир, в частности, практиковалось лишь две формы развода — талак и хула, вместо обязательных пяти), вывод Н. В. Бикбулатова выглядит весьма категорично. Выборочное восприятие не только башкирами, но и татарами и мишарями норм шариата еще не означает приоритетности в их общественной жизни норм обычая.

Чтобы выяснить соотношение норм шариата, обычного права и русского законодательства по интересующей нас теме, следует обратиться к фактам. Но прежде оговоримся, что при выяснении этого вопроса исходим из того, что в указанный период у башкир преобладала и даже господствовала малая индивидуальная семья, состоящая каждая в среднем (в 1726 г.) из 6 человек (85 967 мужчин и столько же женщин: 28 665 дворов), в 1795 г. по 12 уездам Оренбургской губернии — из 6,2 человека (162 330 башкир: 26 187 дворов). По 17 уездам нескольких губерний по той же ревизии было выявлено нами 30 574 башкирских двора, где проживало 184 560 человек. Стало быть, на двор приходилось 6 человек. Исключение составляют лишь 30 — 50-е гг. XIX в., когда из-за обременитель-

[1] *Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ш. Ш.* Указ. соч. С. 139, 160.

[2] *Асфандияров А. З.* Имущественные права у башкир в XVIII - первой Половине XIX в. // Научное наследие башкирских ученых-эмигрантов и Допросы современности (Вторые валидовские чтения). Востоковедение в Башкортостане. История. Культура III. Тезисы международной научной конференции от 2 июня 1995 г. Уфа, 1995. С. 38 - 42.

ности военной службы повышалась населенность двора (7 — 8 человек) вследствие возрастания удельного веса слоясных семей. Вслед за отменой кантонного управления ц перевода башкир из военного в гражданское сословие малая семья вернула себе ведущую позицию, и в 1866 г. она состояла в среднем из 6 человек.

И еще заметим, что приниженное положение женщин закреплялось юридически и освящалось религией. Законы Русского государства гласили: жена обязана повиноваться мужу как главе семейства, «пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома»[1]. В судебной практике царской России при противоречивых показаниях свидетелей преимущество отдавалось мужчине, знатному перед незнатным, ученому перед неученым. Согласно Корану и шариату, женщина не равна мужчине как в имущественном, так и в правовом отношениях.

Начнем разговор с приданого. Сначала отметим отношение православных женщин к приданому. Если в XVII в. приданое рассматривалось законами как общая собственность семьи, то с XVIII в. оно превратилось уже в частную собственность жены и потому муж не имел никакого права на него. Словом, жена распоряжалась своим приданым по своему усмотрению, совершенно независимо от мужа[2].

При заключении брачного союза у башкир определялся не только размер калыма, но и размер приданого. Ни одна невеста не переходила в дом жениха без приданого. Оно включало зимнюю и летнюю одежду со всеми украшениями, постельные принадлежности, деньги и скот. Размер приданого ничуть не уступал калыму. О весьма разорительном характере приданого и об исключительной выгоде для принимающих невесту свидетельствует поговорка: *«Кыз озат-кан ялангас калыр, килен алган туренэ урын палыр»* (выдал дочь замуж — остался гол, взял невесту — дом украсил). Как у православных,

[1] *Михайлова М. М.* Русские законы о женщинах. М., 1913. С. 29.
[2] *Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. История российских гражданских законов. СПб., 1857. С. 117 — 120.

так и у башкир приданое рассматривалось как единоличная собственность женщины. На деле же часто происходило наоборот, а потому посягательство мужа на ее имущество неизменно вызывало бурное недовольство. Башкирка Хадича файрушина в 1861 г. ушла из дома мужа по той причине, что последний использовал в сугубо личных целях ее приданое. >Луж заложил часть вещей в заклад, часть продал. Она была согласна возобновить супружество лишь при условии возврата мужем ее имущества. Магометанское духовное собрание предписало ему возместить причиненный ей ущерб[1]. Башкир д. Большое Бадраково Фаткулла Губайдуллин в 1861 г. женился на Хайризаде Зайнуллиной с условием «отданную ей лошадь в пользу свою не употреблять»[2].

После смерти бездетной жены приданое обычно возвращалось ее родителям. Башкир д. Карагайсино Стерлитамакского уезда Ишкин Иткулов в своем прошении требовал от бывшего зятя возвращения приданого: «7 голов лошадей в 290 руб. ассигнациями, кашмау* дочери Вазифы, умершей бездетной»[3]. Бикбулат Бурангулов из д. Утяшево Стерлитамакского уезда после смерти бездетной дочери Кулзябиги, выданной замуж за жителя д. Салихово Алимкула Кутлуюлова, при имаме и медиатрах, т. е. посредниках, получил от бывшего зятя приданое дочери: 4 кобылы, жеребца, 5 коров, 2 овец, зеляна *(елэн* — верхняя одежда), 3 кашмау, хакала (лакал — женское нагрудное украшение), перину с двумя подушками И т. Д.4

При разводе жена уносила все приданое с собой. В случае ее смерти оно переходило ее детям. После смерти мужа жена сохраняла за собой право на владение приданым. Вдова из А- Рыскулово Оренбургского уезда Кансылу Иткучукова в 1827 г. жаловалась, что после смерти мужа она вышла замуж 3а муэдзина Хасана Ишкеева, а родители покойного мужа

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп 3. Д. 4920. Л. 4 - 6.
[2] Там же. Д. 4919. А. 38.
* Кашмау - женский головной убор, украшенный кораллами.
[3] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1664. Л. 38.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 1251. Л. 2, 7.

удержали ее приданое в составе 11 коров и 1 лошади[1]. Однако вмешательство Духовного собрания мусульман через приход ского муллу предотвратило это зло. Аналогичного характер еще пример. Бывший свекор попытался насильно выда сноху-вдову за второго сына с небольшим калымом (2 лошад] овцы и вещи). Она отказалась от этого брака и вышла заму, за другого. После этого он присвоил ее приданое в составе 6 лошадей, 8 коров и 100 овец. Лишь Духовное собрание, обследовав это дело, заставило его вернуть захваченное.

Имущественные права православных женщин поел смерти их мужей были определены русским законодатель ством. Законная жена после смерти мужа при живых детях без них получает из недвижимого имущества 1/7 часть, а и движимого — 1/4. Приданое и собственное имущество жен* в указанную часть не входили[2].

Наследственные права мусульманок по отношению имуществу умершего мужа определяются шариатом, русским законодательными актами. Все жены умершего, сколько бы и ни было, имеют одинаковые права на движимое и недвижимо имение, «если останутся дети — 1/8 часть, если нет детей, т все жены вместе получают 1/4 часть, а прочее отдается друти наследникам. А каждая жена порознь получает из совокупно причитающейся женам части равную долю», — говорилось кодексе законов государства[3]. Однако вдовам нелегко был получить даже часть имущества мужа. Упомянутая Кансыл., Иткучукова жаловалась Магометанскому духовному управлению в связи с тем, что родители умершего мужа ничег не дали ей из семейного имущества, в то время как «по магометанскому закону следует ей получить осьмуто часть из оставшегося по смерти (мужа) имения»[4]. После долгих исков и мытарств через Духовное собрание она добилась причитающейся ей части.

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 266. Л. 2.
[2] *Михайлова М. М.* Указ соч. С 39 46
[3] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 266. С. *А7.*
[4] Там же. Л. 2.

Что касается имущественных прав женщин после развода, то они почти нигде — ни в Коране, ни в русском законодательстве — не были определены. Жена после развода полностью зависела от бывшего мужа при разделе семейного имущества. В Коране нет указаний насчет того, какая часть имущества полагается разведенной жене. Он лишь рекомендует снабдить ее «в благоприличной мере, как подобает людям благотворительным»[1], т. е. все зависело от благосклонности бывшего мужа.

О правах других членов в мусульманских семьях русское законодательство умалчивает. А по шариату в случае смерти главы семьи в разделе наследства участвовали все ее члены. При этом доля сына в 2 раза превышала долю дочери; имущественные права сыновей, живущих под одной крышей, равны. Раздел имущества неразделенной семьи осуществляется после смерти ее главы. Вот примеры. Женатые братья Аккыш, Козяк и Пинай Тленчеевы из д. Акинеево Шамшадинской волости в 1709 г. мировой записью подтверждают, что «ранее разделили они по равной доле между собой скот и имущество», а теперь и «дельные деревья и борти» умершего отца[2]. Башкирка Дуванейской волости Ишкея Султангильдина в 1723 г. оставила запись о том, что в прошлые годы она отделила 5 сыновей и сама жила с младшим (шестым) сыном. Она просила, чтобы в случае претензии 5 сыновей, которые живут самостоятельно, на имущество младшего их брата после ее смерти считать недействительной[3]. Два женатых брата Шагиахметовы после смерти отца в 1849 г. продолжали жить в братской семье. И в 1861 г. они при имаме и одноаульцах «полюбовно разделили между собою наследное имение». Когда старший брат захватил имущество младшего, кантонный начальник еще раз разделил по шариату наследство в равных Долях между братьями[4].

[1] *Шайдуллина Л. И.* Брак и развод по мусульманскому праву // Арабские ст Раны. История, М., 1963. С. 208.
[2] МИБ. Т. 3. С. 48.
[3] Там же. С. 202.
[4] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 5379. Л. 7 11 •

Раздельно живущие братья претендовали на часть имущества другого в случае смерти одного, если у них не быд0 детей[1].

Несколько слов об установлении опекунства над детьми-сиротами. Учреждалось оно по нормам шариата. Вот что говорится об этом в документе за 1861 г. «По смерти родителей тотчас юртовой старшина (управлял группой сел. — *А.* Д.) собирает стариков, мулл и составляет в присутствии их опись имущества, если осталось несколько сирот, то муллы по шариату разделяют каждому сироте имущество, потом избирается обществом из благонадежных родственников умершего или из посторонних опекун, сдается ему имущество и земли по описи, затем юртовой старшина оную опись с распиской опекуна в принятии имущества представляет кантонному начальнику и по удостоверению им утверждает опекуна в той должности. Благонадежный опекун о прибыли, убыли и состоянии имущества два раза в год предоставляет отчет юртовому старшине»[2].

Опека юношей продолжалась до 18-летнего возраста, а девушек — до выхода замуж.

В 1861 г. в Верхнеуральском уезде было 39, Осинском — 24, Троицком уезде — 26 случаев опекунства.

Таким образом, при сосуществовании всех форм права (обычного, мусульманского, феодального) определяющую роль в имущественных вопросах в XVIII — первой половине XIX в. играл шариат. Подтверждением тому является и тот факт, что почти все дела об имуществе решались в Оренбургском духовном собрании мусульман через представителей приходского духовенства. Нелишне отметить и то, что в вопросах наследования и раздела имущества права женщины сильно нарушались.

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1154. Л. 1, 2, 4, 8.

[2] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1.Д. 15156. л. 2.

§6
ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ

Женщина, по Корану, есть существо с массой обязанностей, но лишенное элементарных прав. Женщина, по шариату, рабочая сила, приобретенная за деньги или в обмен на скот. Среди мусульманок восточных стран широко распространено было затворничество, перенятое от византийцев, им вменялось в обязанность ношение ритуального покрывала, заимствованного от персов.

Каково же было положение башкирской женщины в семье и обществе. Мнения исследователей на сей счет разноречивы. Если П. С. Назаров, П. Небольсин, Д. П. Никольский и С. И. Руденко считали положение башкирской женщины довольно сносным, относительно свободным и даже лучшим, чем положение русских женщин, то фон Лев Бергхольц сравнивал замужнюю башкирку-катайку с рабыней[1].

В целом по сравнению с мужчиной, она была неравноправна в семье и в обществе. Социального равенства мужчин и женщин никогда не было в антагонистических обществах. В первой половине XIX в. встречается даже открытая продажа женщин. Вот случай, произошедший в 1832 г. Поступок, «противный магометанскому закону», совершил житель аула Бакаево Белебеевского уезда Хикматулла Файзуллин, продавший свою жену Шамсубадар (из д. Дюсметово Уфимского уезда). За 80 руб. ее купил подпоручик Башкирского войска Аслай Бакиров. И только после 10-летней судебной волокиты «она была возвращена отцу по его жалобе»[2].

Вместе с тем следует отметить некоторое своеобразие в положении башкирки. Известно, что в период классового Расслоения женщина у кочевников занимала более высокое положение, чем у земледельцев. Почти такое же положение У женщины в башкирском обществе. Исследователи едины

[1] *Назаров П. С.* К этнографии башкир / Этнографическое обозрение». 1980. № 1. с. 190; *Никольский* Д. *П.* Указ соч. С. 93; *Небольсин П.* Указ. соч.; *Руденко С. И.* Башкиры. Т. 2. Л., 1925; *Бергхольц Л.* Горные башкиры - Катайцы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3.

[2] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1195. Л. 1 - 3, 4 - 6, 9. 10.

в мнении о том, что башкирки «пользовались относительно большей свободой, чем женщины многих других мусульманских народов». И проявление такой свободы они видят в том что башкирки почти не знали затворничества и покрывала[1] П. М. Кудряшев не мог не подчеркнуть свободу башкирских женщин показываться мужчинам «без покрывала», хотя они и не могли участвовать с посторонними мужчинами в общем разговоре. По П. М. Кудряшеву, девушки имели больше свободы, чем замужние женщины. Они, например, ходили в платках или с непокрытой головой и не носили кашмау[2]. Профессор Л. И. Климович писал: «Среди многих народов, как, например, киргиз, казахов, башкир, карачаевцев, курдов, обычаи женского затворничества и ношения ритуальных покрывал вообще не привились или приняли другие формы, обычно связанные с пережитками патриархально-родового строя»[3]. Л. И. Шайдуллина, изучавшая положение восточных мусульманок в семье и обществе, считает, что башкирская женщина «во все времена оставалась свободной от ношения покрывала и не подвергалась затворничеству. Причиной этому была суровая жизнь кочевников, когда женщине наравне с мужчиной приходилось делить все тяготы кочевой жизни. У башкир, принявших ислам, женщина оставалась свободной от этих обычаев. Девушки вступали в брак будучи уже взрослыми, сами выбирали себе мужей[4].

Отмечая справедливость этих суждений, подчеркнем, что до победы ислама в XIII и XIV вв. женщины в Башкирии были гораздо более свободны, чем впоследствии.

Женщины активно участвовали в общественной жизни и освободительной борьбе народа. Долго сопротивлялся натиску монголо-татарских полчищ башкирский народ, который, по свидетельству венгерского монаха Юлиана - очевидца

[1] *Руденко С. И.* Башкиры. Ч. II. С. 258.
[2] *Матвиевский П. Е., Кудряшев П. М.* и его этнографическое описание башкир в первой четверти XIX в. / ЮАС. Вып. 1. Уфа, 1973. С. 96.
[3] Климович *Л. И.* Ислам. М, 1965, С. 293.
[4] *Шайдуллина Л. И.* Брак и развод по мусульманскому праву / Арабские страны. История. М., 1963. С. 209.

событий, — не могли покорить в течение 14 лет[1]. В этом была и немалая заслуга женщин. До наших дней дошло предание, повествующее о борьбе башкир против иноземцев, а именно монголо-татарских завоевателей. Башкирский батыр Сураман, согласно этой легенде, сражался с ними до глубокой старости, пока не был убит ими. После Сурамана возглавила борьбу его жена. А в числе продолжателей правого дела были батыры и из девушек[2].

В XV—XVIII вв. мусульманское духовенство стремилось окончательно вытравить из сознания башкир языческие представления об окружающем мире, утвердить нормы мусульманской морали о женщине. Особенно после открытия в 1789 г. Магометанского духовного собрания в самом центре Башкирии — Уфе заметно распространяются догмы ислама среди оседлых башкир. Царизм, открывая это духовное учреждение, преследовал классовые цели — укрепить свои позиции в беспокойном башкирском крае, где часто вспыхивало сопротивление феодально-колониальному наступлению. В органической связи с этим усилилось и порабощение женщин. Девушки, однако, вопреки всему этому, продолжали принимать активное участие в народных празднествах, на скачках и в борьбе, о чем красочно рассказывает башкирский фольклор.

В годы борьбы с царизмом женщины были в первых рядах повстанцев. Так, в ходе башкирского восстания 1735—1740 гг. были взяты в плен с оружием в руках — Шара Касимова, Фатыма Биктимирова, Ятбика и Рабикат Бикбаевы, жительницы деревни Монгашево[3].

Наравне с мужчинами женщины участвовали в Отечественной войне 1812 года. Уфимец В. Зефиров, посетивший Дом ветерана войны Янтуре, описал подвиг безымянной патриотки, вместе с ним участвовавшей в освободительной войне и за это награжденной медалью[4].

[1] Аннинский *С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. татарах в Восточной Европе / Исторический архив. Т. 3. М.; Д., 1940. • 85-86.
[2] Баптгкорт хальгк ижады. 1980. С. 159, 160.
[3] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 411. Л. 591, 592.
Оренбургские губернские ведомости (далее ОГВ). 1847. № 17.

Девушка до замужества не знала затворничества, была свободной и не знала ограничений. Поэтому в народе говорили: « *Кыз сагым — солтан сак, килен сагым — олтан сак»* (девушка — султанша, сноха — служанка). Старая женщина также обходилась без покрывала. В семье она играла исключительную, большую роль. Был высок ее авторитет среди остальных членов семьи.

Но нельзя не подчеркнуть негативное воздействие обычая и ислама на положение женщин. Касалось это прежде всего снохи *(килен).* Элементы затворничества относились прежде всего к ней. Она не имела права входить в комнату, если там находился посторонний мужчина. При тесте *(каины)* или старшем брате мужа *(кайнага),* она обязана была прикрывать половину лица платком. Домашняя работа всей своей тяжестью валилась на ее плечи. Она обязана угождать и мужу, и свекрови. Тяжелая судьба такой женщины весьма точно отражена в фольклоре. Поговорки *«.килен кеше — сит бауыр»* (сноха — чужая душа), «килен *квнв — эт квнэ»* (жизнь снохи — собачья судьба), *«килен кеше кэм кеше — алабай менэн тиц кеше»* (сноха — человек без прав, равнозначна рабыне) — тому яркий пример. И все это свидетельствует о тяжелом и унизительном положении снохи в неразделенной семье. В малой семье ее жизнь была несколько лучше. Здесь она была более самостоятельной в сфере домашнего хозяйства.

Словом, жизнь женщины проходила по следующим этапам: до замужества она более или менее свободна, не знает затворничества и ритуального покрывала; выйдя замуж и становясь снохой в неразделенной семье, она зависима и унижена; в более пожилом возрасте вновь возвращалась утраченная свобода — она становилась относительно независимым и уважаемым членом семьи и общества.

Нельзя сказать, что женщина мирилась со своим положением, унижением ее достоинства. Против своего бесправия она боролась всеми возможными средствами. Судя п° фольклорным свидетельствам, башкирки выступали против раннего брака (об этом свидетельствует историческая песня *«Гилмияза»),* против насильственной продажи их за калыМ *(«Мэзинэкэй», «Зэлифэкэй»),* против обычая умыкания *(«Гилмияза»* же), против выдачи девушек замуж за стариков (песня

«Зелхизэ»). Сюжет этих произведений-песен нередко завершается трагически. Башкирскому фольклору присущ особый жанр обрядовых женских песен — сенлэу, в которых в форме плача девушки, отданной нелюбимому, многоженцу или старику, выражался укор родителям. Девушка пела:

Раздвоен хвостик ласточки, отец,
Как ножницы, раздвоен навсегда,
Ты продал старику меня, отец,
Ему не буду парой никогда[1].

0 том же не мало свидетельств в архивохранилищах. Как видно их них, девушки в ответ на унижение своей личности либо вставали на путь открытого протеста, либо предпочитали смерть или одиночество насильственному замужеству. В эпосе *« Кара юрга»* дочь башкира Мактымхылыу выбрала в женихи не сына богача, а бедняка, заявив, что

Я не продамся за калым.
Если не окажется мужчиной егет,
Если не будет достоин любви,
Я к груди его не прильну[2].

Салиха Куяжбаева, выражая свое отношение многоженцу-старику, претендующему на ее руку, решительно заявила в своем прошении на имя начальника 5-го башкирского кантона Кулуя Кучукова (1820 г.): «Быть его, Субханкулова, женою ни за что не соглашусь, будь и принудиться буду, лутче изберу вечно вдовствовать или последнюю моею отрадою и утехою сочту себе самопроизвольную смерть»[3]. На претензию башкира д. Абдиново Верхнеуральского уезда Хуснутдина Шарипова на замужнюю Шахирбану Габейдуллину (д. Кучумово) под предлогом того, будто «прежде высватал», в 1826 г. она ответила решительно: «Не желаю быть женой Хуснутдина»[4]. В 1833 г. Изилбану Шукурова из д. Накаево Челябинского У[е3]Да жаловалась на то, что ее в 20 лет отец просватал за

[1] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1.4.1. Уфа, 1956. С. 79.
Башкирский народный эпос. М., 1977. С. 442.
[3] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. Д. 29. Л. 10.
Там же. Д. 184. Л. 11.

нелюбимого и что она отказалась от него[1]. Халима Султангулова из д. Яппарово Белебеевского уезда в своем прошении рассказывала, что она еще в детстве просватана была отцом за одноаульца Валита Назмутдинова, но на беду после смерти родителя и по достижении совершеннолетия в нарушение «условий отца» брат попытался выдать ее замуж за другого человека — жителя д. Казангулово Адильгирея Ишмухаметова. Девушка брату своему объявила протест, что «быть женою Адильгирея не согласна». И все же претендент насильно увез ее к себе, а поэтому она просила власти не поддерживать похитителя, чтобы она могла «выйти замуж по желанию»[2]. Дочь Абдрахима Рахматуллина Буляк из д. Ушар (Семиостровная — Мензелинского уезда поведала такую историю: «С малолетства она воспитывалась у бабушки, отец, будучи разведен с женой 20 лет назад, не участвовал в воспитании, тем не менее попытался насильно выдать ее замуж». В 1842 г. она просила Магометанское духовное собрание, чтобы «без ее согласия ни с кем не венчали», а «дозволить по избранию выйти в замужество за кого пожелает сама». Она твердо решила: если не выйдет замуж по своей воле, то «проживет вечно без брака». Духовное собрание удовлетворило ее просьбу — «Пусть она выходит замуж за кого сама пожелает с согласи ближнего своего валия, минуя отца»[3].

Значит, женщина не была безгласна, безропотна.

В чем причины относительной свободы башкирки в семье и обществе? Главная из них, конечно же, в особенностях кочевого скотоводческого хозяйства. Женщина играла в ту пору исключительно большую роль в производстве материальных благ, потому находилась в постоянном контакте с мужчиной. Уход за скотом, доение кобылиц и коров, обработка молочных продуктов — дело ее рук. Она же активно участвовала в заготовке сена, уборке урожая.

Исключительно высока роль женщины в домашней промышленности. Она катала войлок *(кейез басыу),* занималась

[1] ЦГИА РБ. Ф. 295. Д. 1060. Л. 1.
[2] ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 946. Л. 1 - 2, 3.
[3] Там же. Д. 1828. Л. 1, 13.

выделкой овчины, шкур *(тире илэу),* витьем веревок из конского волоса *(ат •кылынан ар-кан-бау* уреу), пряла лен, шерсть *(етен, йен илэу),* ткала *(пугыу)* холст *(етен),* сукно *(будтпау),* паласы *(балас),* полотенца (пелге, тастсшал), вязала платки из козьего пуха (шел *бэйлэу),* варежки, носки из шерсти *(йендэн бейэлэй, ойок бэйлэу).* Женщина шила одежду, головные уборы, обувь. В 1770 г. академик И. И. Лепехин в своих путевых записках отмечал, что башкирки «портняжат», сапожничают, кожевничают и валяют войлоки. Кожевничество их от всех кожевных выделок отменно. Из приготовленной самими кожи делают они себе не только обувь, но и всю домашнюю утварь»[1]. О большой роли женщины в земледелии и промыслах говорится и в «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию земель. Например, там замечено, что в Белебеевском уезде в 20-х гг. XIX в. башкирки «сверх полевой работы упражняются в рукоделии, прядут лен, шерсть, ткут холсты, сукна, валяют кошмы и войлок для себя и на продажу»[2]. О многочисленных обязанностях женщин очень подробно и точно писал преподаватель Уфимской духовной семинарии В. М. Черемшанский: «...все обязанности домашних работ лежат преимущественно на их ответственности. Так в продолжение целого лета они занимаются уходом за коровами и кобылицами, доят их, приготовляют кумыз, из коровьего молока бьют масло и другие припасы — не только для ежедневной пищи, но и для изготовления на службу мужьям, как-то: коптят конину, делают курут... Затем в свободное от этих занятий время женщины приготовляют для своего семейства сукно, холст, шьют белье и даже самые сапоги, участвуют в трудах мужей во время сенокоса и уборки сена. По возвращении с кочевки в свои зимние юрты, они озабочиваются множеством новых хлопот, так — поправка печей или чувалов, обтягивание брюхавицей окон, приготовление крупы, обделка пеньки,

[1] Лепехин *И. И.* Продолжение дневных записок путешествия академика и Доктора медицины Ивана Лепехина по разным провинциям Российского Государства в 1770 году. Ч. II. СПб., 1802. С. 38-39.
[2] РГАДА. Ф. 1355. Д. 929 (1829 г.) Л. 53.

пряжа шерсти, выделки сукна, онучь, пошитье кафтанов, шуб, сапогов, валянье кошом для кибиток и надзор за детьми составляют исключительное занятие женщин»[1].

Если вся деревянная и берестяная посуда делалась главным образом мужчиной, то разнообразные сосуды из кожи изготовлялись исключительно хозяйкой. Названия таких кожаных сосудов зафиксированы одним автором в 30-х гг. XVIII в. Вот они: «...имеют же они сабы (Лаба), в чем квасят кумыз *(-кымыз),* которых сшивают из двух, из трех (кож) лошадиных и **яблочных**, а из одной кожи сшивают меньше сабов именем джасмак *(ясмсгк),* а из (кож) передних ног лошадиных называют куллок (зсуллы-к), а из (кож) задних ног бутлук *(ботло-к)*,* того же делают из лошадиных кож, которые снимают с лошадиных голов, башкуняк, в которых употребляют мед, кумыз, молоко и воду»[2].

Весь домашний труд — тоже на ней. Представление о внутреннем расположении и убранстве башкирского дома, о результатах женского труда дает статья «Взгляд на семейный быт башкирца», преподавателя Уфимской духовной семинарии В. Зефирова, часто бывавшего в аулах Стерлитамакского уезда. «Я вошел в избу, — писал он, — довольно обширную, чисто прибранную и разделенную на две половины домашней работы красным пестрядным завесом. Кругом стен были широкие нары *(урындьгк),* устланные кошмами. По углам переднее стены были навалены одна на другую перины и подушки. По стенам для украшения развешано множество полотенец с широкими красными коймами. Печь с чувалом *(сыуал* — род камина) была выбелена и в углублении между ними, как знак достатка, стоял светлый самовар с большими медными ручками. Прибавляю к этому, что с сожалением смотря на беспорядочное расположение улиц в башкирских

[1] *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 148-149.

* Тунгауры, бурзянцы и усергане *куллык* называли *кулса, ботлок* — ботса / Совет Баштсортостаны, 1981 г. 10 мая

[2] Ответы капитана Стрижевского на программу В. Н. Татищева, Казань, 1909. С. 9.

селениях, на наружную неопрятность их домов, нельзя не удивляться их внутренней чистоте и опрятности»[1].

Заготовка продуктов на зиму, приготовление пищи входили в непременную обязанность хозяйки дома. Кулинарным ее искусством, приготовлением, в частности, национального блюда бишбармак В. Зефиров восторгался так: «Надобно знать, что за приятность, что за вкус, а особенно, когда хозяин, искрошив баранину мелко на мелко, желая выказать все свое доброхотство и любовь к гостю, зачерпнет своей пятерней из чашки баранины и поднесет к его рту — так я уже не знаю как выразить это наслаждение, — оно выше всякого понятия!»[2].

Огромная роль женщины в производительном труде и в домашнем хозяйстве и способствовала большей самостоятельности ее в семье и обществе.

Другая причина относительной свободы башкирки, думается, в институте приданого. Как уже говорилось, размер приданого был ничуть не меньше, чем размер калыма. Приход жены в дом мужа с большим приданым, иногда по размеру превышающим объем калыма, делает ее положение, по справедливой оценке С. И. Руденко, «достаточно независимым»[3]. В связи с этим можно хотя бы гипотетично утверждать: в тех случаях, когда приданое по размеру своему уступало калыму, свершалась, вероятно, купля-продажа невесты, и, естественно, положение ее было более зависимо, напротив, когда оно превышало калым, брак не мог стать куплей-продажей девушки, и ее положение в семье, конечно же, было более свободно и сравнительно независимо.

Третья причина относительной независимости женщины в том, что предписания ислама, мусульманская мораль не проникли глубоко в быт и семью башкир. Что башкиры — плохие почитатели ислама, писали и современники. Начальник Комиссии Башкирских дел генерал-лейтенант А. И. Румянцев в рапорте от 26 июня 1736 г. писал начальнику Казанских и Сибирских заводов В. Н. Татищеву, которому была поручена борьба с восставшими башкирами Сибирской дороги: «К мо-

[1] ОГВ. 1851. № 3.

[2] ОГВ. 1851. № 4.

[3] *Руденко С. И.* Башкиры. Ч. II. С. 257.

литве готовятся, Коран целуют и оную они (башкиры) присягу без умовения ни во что не вменяют, нарушают присягу, хотя и целуют Коран»[1]. П. И. Рычков, предлагая в 1774 г., отменить должность ахунов в башкирских дорогах, отмечал: «...башкирцы хотя и магометанами именуются, но закон свой, следственно и ахунов, мало уважают»[2]. В начале XIX в. Н. С. Попов также обратил внимание на плохое знание ислама башкирами Пермской губернии[3]. В 1825—1826 гг. П. И. Кудряшев подчеркивал, что магометанская вера у башкир «не доходит до фанатизма» и что, не зная арабского языка, мусульманское духовенство имеет в большинстве своем «самые слабые, самые сбивчивые понятия» о догматах ислама[4]. Анонимный автор середины XIX в. в своей записке «О башкиро-мещеряках (1852—1855 гг.)» высказался так: «Веру, как башкиры, так и мещеряки, исповедают магометанскую, причем последние, как более несколько тверже в ней, нежели первые, подобно всем кочевым народам знакомые весьма мало с догматами своей религии и неслишком усердные в исполнении возлагаемые ею обязанностей»[5]. Перед отменой кантонной системы управления в Башкирии в 1864 г. кантонные начальники совершали инспекторские поездки в башкирские волости, в результате которых представляли отчеты о своих наблюдениях над коренными жителями края, об их подготовке к переводу из военного в гражданское сословие. Вот к какому выводу пришел князь Церетелев: «Муллы вообще не пользуются большим уважением и значением в частной жизни башкир и потому, не участвуя на общественных сходках, не могут иметь влияние ни на действия обществ, ни на частные желания башкир...»[6]. Представитель коренного населения Альмухамет Куватов точно заметил, что башкиры «не всегда следуют правилам Аль-Корана и смыслу шариата, так что большая часть из них,

[1] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 41. Л. 450.
[2] РГАДА. Ф. 1274. Д. 211. Л. 20 об.
[3] *Попов Н.* Указ. соч. С. 96.
[4] *Матвиевский П. Е.* Указ. соч. С. 96.
[5] РГАДА. Ф- Г261. Оп. 2. Д. 13022. Л. 35-35 об.
[6] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13022. Л. 191 об.

отступая от правил магометанского закона, не слушается муллы, не ходит в мечеть для совершения пяти временных в день молитв и даже не соблюдает поста (ураза)»[1].

Все это не могло не способствовать относительной свободе, сравнительно независимому положению башкирской женщины.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Башкиры расселены были на огромной территории от г. Перми на севере до р. Яик (Урал) на юге и от р. Тобол на востоке до р. Волги на западе. Несмотря на массовые казни, репрессии, ссылки после подавления башкирских восстаний 1661-1664, 1681-1684, 1704-1711, 1735-1740, 1755 гг. и Крестьянской войны 1773—1775 гг., численность башкир росла как за счет естественного прироста, так и за счет временного перевода части припущенников-мусульман в башкирское сословие.

В башкирском обществе мужчин было больше, чем женщин. Исключение составляли западные и северные уезды, где их соотношение было в пользу женщин. Больше половины башкир вело оседлый образ жизни, меньшая их часть — полукочевой.

2. Во всех хозяйственных районах малая семья господствовала над сложной. На основе малой семьи регенерировалась неразделенная семья, распадавшаяся через определенные промежутки времени на малые. Неразделенная семья генетически и стадиально не связана с большой патриархальной семьей распада родового строя. Везде была известна неразделенная семья, которая и нашла относительно большее распространение у полукочевых жителей восточной Башкирии, чем у оседлых земледельцев западной и северной Башкирии.

3. Родовая экзогамия уступает свое место экзогамии Родовых подразделений — аймак (тюба) и ара. Поколенное ограничение было повседневной реальностью.

Башкиры не всегда придерживались принципов эндогамии. Несмотря на запреты и препоны со стороны царского

[1] НАУНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 104. Л. 14.

правительства, в силу ряда причин значительную долю занимали национально-смешанные браки, заключенные с представителями тюркских народов, родственных по языку и религии. Вместе с тем смешанные браки не были столь широко распространены среди башкир, чтобы нарушить эндогамию. Но западные — бутульминские, мензелинские, елабужские и сарапульские башкиры в этом отношении составили исключение. У них наблюдается разрушение эндогамии. В итоге к 1926 г. произошла не только языковая, но и этническая ассимиляция 166 тыс. вышеназванных башкир татарами. В этом определяющую роль сыграли тептяри, которые стали связующим звеном между вотчинниками и пришлыми татарскими крестьянами. Тептяри — это феодально зависимые от вотчинников и казны люди, вышедшие из своей общины и сословия. Институт тептярей — местного происхождения, порождение вотчинного права башкир, следствие социально-экономических и политических причин, но затем развитый массовым переселением поволжских крестьян. Первоначально среди тептярей были одни башкиры. Позже национальный состав их расширяется. Термин «тептярь» происходит не от персидского слова, а от башкирского (тюркского) *типтереу-типтер-типтэр.* В межэтнических процессах западной Башкирии, в ассимиляции башкир тех мест татарами тептяри играли особую роль. По своему социальному и экономическому положению тептяри были близки к татарам-припущенникам. Все эти категории крестьян были безземельными, поэтому они экономически зависели от припускавших их общин.

В ассимиляции западных — бугульминских и мензелинских — башкир татарами играли немаловажную роль и другие факторы. К ним относятся близость башкир и татар в языковом, культурно-бытовом социально-экономическом отношениях (однотипное хозяйство), единое вероисповедание. Демографический (возрастание численности татар и уменьшение численности башкир в западной Башкирии) и географический (территориальное смешение башкир и татар) факторы немало способствовали ассимилятивному процессу. Благодаря смешанным бракам у западных башкир произошло разрушение эндогамии.

Все это привело к этническому поглощению западных башкир татарами.

4. Ранние браки — более исключение, нежели правило. Возраст вступающих в брак определялся обычным правом и законами Российского государства.

5. Из всех форм брака калымный — основной. Согласие брачующихся сторон не всегда учитывалось. Женитьба предполагала уплату калыма, размер которого резко колебался в зависимости от социальной принадлежности сторон. Эта форма брака предопределяет многоженство, вызванное хозяйственной необходимостью. Многобрачные семьи известны были башкирам всех хозяйственных районов. Однако их сравнительно больше знали зажиточные полукочевники, чем их оседлые братья.

Полигамия наиболее развита в неразделенных семьях. Многобрачие, как и неразделенная семья, — атрибут, главным образом, кочевого общества, перешедший затем к оседлым башкирам силою инерции.

Решающее влияние на прирост населения оказывали моногамные семьи, но не многобрачные, вызывавшие массу негативных моментов.

С калымным браком тесно связаны левират и сорорат. Добровольный или принудительный левират предполагает многобрачие. Сорорат весьма редок. Левирату отдавалось предпочтение, нежели сорорату.

Брак отработкой, как и брак путем умыкания, встречался в неимущих семьях, в то время как колыбельное сватовство можно было увидеть в семьях всех социальных слоев.

6. Из многочисленных форм развода у башкир практиковались, главным образом, талак и хлюг. К талаку прибегали, в основном, мужчины, к хлюгу — женщины. В силу ряда причин преобладал развод по инициативе женщин, нежели мужчин. Однако не только талак, но и хлюг нарушали права Женщин.

7. Ущемлялись и их имущественные права. Неприкосновенной собственностью жены считалось приданое, которое способствовало относительной ее свободе.

8. Во всех антагонистических обществах, в том числе и башкирском, женщина занимала приниженное положение.

§1-
РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

Данная тема остается вне внимания исследователей. Термин «культурно-идеологическая политика» встречается в работах Р. Г. Кузеева в контексте стремления правительства интегрировать Башкирию в составе Российского государства в административно-политическом устройстве, в экономическом и культурно-иделогическом отношениях[1]. Однако его содержание им особо не рассматривалось.

В следующих параграфах мы попытаемся раскрыть отношение правительства к вероисповеданию башкир, к школам и здравоохранению населения в крае.

Религиозная политика царизма в Башкирии за весь феодальный период до сих пор специально не изучалась. Дореволюционными историками освещались некоторые аспекты данного вопроса, такие, как деятельность Оренбургско-Уфимской епархии, открытие Мусульманского духовного собрания в Уфе, крещение язычников и мусульман Поволожья и Башкирии. В советское время историками дана, в целом, правильная оценка религиозной политике царизма на национальных окраинах. В новейших работах по истории Башкирии в той или иной степени рассматривается вопрос об отношении правительства к православным и мусульманским подданным. Появились монографии Ю. Н. Сергеева и Д. Д. Азаматова по истории православной церкви и Духовного управления мусульман в Уфе.

В настоящем разделе делается попытка — проследить Политику правительства по религиозным вопросам с выясне-

[1] *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволожья и Приуралья... С. 116.

нием ее сущности, методов и средств реализации. Источниками для исследования послужили законы Российского государства, другие опубликованные документальные материалы, а также историческая литература.

В политике царизма по религиозным вопросам можно выделить четыре этапа. Основным содержанием первого этапа, охватывающего вторую половину XVI - начало 80-х гг. XVII в., было соблюдение правительством условий, заключенных между представителями башкирских родов и племен с царем Иваном IV при добровольном принятии ими русского подданства. Одним из условий было представление башкирам свободы вероисповедания. Об этом свидетельствует шежере, где сказано, что был составлен указ, где «особо написано о наших землях и религии, дали слово и поклялись (о том, что) башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию», чтобы народ «свою религию соблюдал»[1].

Если в завоеванном Казанском крае насильственно или путем предоставления льгот и привилегий проводилась политика массового крещения местных мусульман и язычников, то в Башкирии больше столетия, в основном, соблюдались условия ее подданства. Позиции русского правительства в Башкирии еще были слабы. Колонизация края только начиналась. Здесь были построены лишь несколько городов-крепостей. Экономическое освоение Южного Урала оставалось пока делом будущего. Дворянская колонизация занимала весьма скромные размеры, причем их владения располагались только вокруг укрепленных пунктов. Православная церковь смогла основать лишь четыре монастыря и приблизительно 30-40 храмов. Крестьянская колонизация пока не стала массовой.

В рассматриваемый период сохранялось башкирское вотчинное право, закреплявшее владельческую собственность волостей на свои земельные угодья. Продолжало функционировать самоуправление (общественные, а также волостные, тюбные йыйыны), консолидирующие башкир как народность. Укреплялись позиции ислама, роль мусульманского духовенства в жизни общества.

Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 79.

Хронологические рамки второго этапа религиозной политики царизма в Башкирии ограничены началом восстания Сеита Садира в 1681 г. и подавлением крупного вооруженного выступления башкир в 1735 - 1740 гг. Это время характеризуется переходом центральной власти к активной религиозной политике, что было обусловлено завершением формирования абсолютизма в стране, укреплением позиций неограниченной монархии на окраинах государства. Проведение христианизации в Башкирии прослеживается по законам государства. По указу от 15 февраля 1681 г. предусматривались для крестившихся льготы на 6 лет «служилым в службе, а тяглым в тягле». Кроме того, им было обещано и жалование[1]. Указ от 16 мая 1681 г. лишал татарских мурз поместий за отказ креститься[2]. А по указу от 13 ноября 1715 г. феодалы из чувашей и татар обязаны были креститься под угрозой лишения их поместий. С тревогой было воспринято назначение в 1681 г. в Уфу особого епископа[3]. Весть о том, что «иноверцев» велено обращать в христианство, явилась непосредственным поводом к началу башкирского восстания 1681 - 1684 гг. Чтобы ослабить народное движение, правительство вынуждено было издать особую грамоту от 8 июня 1682 г., где извещалось, что «такого нашего... указу о крещении, чтоб крестить неволею, не бывало и ныне нет. И вам бы о том ни о чем не сумневатца»[4].

После подавления восстания крещеным продолжали предоставлять льготы. В частности, по одному указу запрещалось превращение новокрещеных людей в холопов[5]. Не ущемляя сильно религиозные чувства народов неправославной веры, царизм все же старался придерживаться тенденции привлечения их к принятию «святой веры»: «которые крестятся, и к тем держать ласку и привет, чтобы на них смотря и иные иноземцы православной христианской веры пожелали»[6].

[1] Дополнения к актам историческим. СПб., 1862. Т. VIII. С. 310-311.
[2] ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2. № 867. С. 312-313.
[3] Там же. Т. 2. № 898. С. 363.
[4] ОИБ. Т. 1.4. 1.С. 122-125.
[5] ПСЗ. Т. 2. № 1099. С. 644.
[6] Там же. № 1117. С. 663.

Во время Северной войны (1700—1721 гг.) правительство, нуждаясь в денежных средствах, усилило фискальный гнет. Тогда в Башкирии появились прибыльщики — изобретатели новых налогов — Андрей Жихарев и Михаил Дохов, положившие на башкир и других 72 вида налогов, включая налоги с мечети: по 5 руб. — с каждого муллы, по 1 алтыну (3 — 6 коп.) — с каждого, кто приходил на службу в мечеть.

Сильно задевали религиозные убеждения мусульман новые требования властей строить мечети по образцу христианских храмов, устраивать кладбища около мечети. При заключении браков и при похоронах требовалось присутствие не только мусульманского муллы, но и православного священника.

Башкиры не поверили указу о 72-х статьях налогов, спорили с прибыльщиками, заявив, что «им такого ругательства не бывало», а в довершение избили этих фискалов. Власти вынуждены были Жихарева и Дохова отозвать, но народ уже не удалось успокоить. Вооруженные выступления башкир продолжались 8 лет (1704—1711 гг.). Свои удары повстанцы направили и против православных храмов. До 1709 г. в Казанском и Уфимском уездах ими было сожжено 75 церквей[1]. В конце концов, правительство было вынуждено отказаться от новых налогов, предложенных прибыльщиками.

Активная вооруженная борьба башкир на некоторое время ослабила христианизацию края. Но одновременно правительство провозгласило дополнительные льготы принимавшим православную веру: они освобождались на три года от уплаты податей (указ от 15 сентября 1720 г.)[2] и от рекрутских наборов (указ от 2 ноября 1722 г.)[3]. Мусульманскому духовенству указом от 1729 г. под угрозой смертной казни запретили заниматься распространением ислама среди язычников[4]. Тем не менее, успехи христианских миссионеров были скромны: в первой четверти XVIII в. в Башкирии крещеных было 300 дворов.

[1] МИБ. Ч. 1.С. 252.
[2] ПСЗ. Т. 2. № 3637.
[3] Там же. Т. 4. №4123.
[4] *Кулбахтин Н.* М, *Сергеев Ю. Н.* Религиозная политика царизма в Башкирии в XVIII в. / Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволожье (Дореволюционный период). Уфа, 1988. С. 37-38.

Третий этап политики царизма в области религии охватывает 1736—1789 гг., с принятия указа от 11 февраля 1736 г. до открытия в Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания. Это время самого активного наступления царизма на ислам и его институты в Башкирии. Причем крещение язычников и мусульман проводилось и мирными, и насильственными путями.

Указ от 11 февраля 1736 г. послужил программой по утверждению безраздельного господства царизма в Башкирии. Усиливается правительственная колонизация, создается сеть пограничных линий по рекам Яик, а также в Зауралье с тем, чтобы окружить Башкирию кольцом военных укреплений и предотвратить возможные выступления башкир.

Данный указ и последующие законодательные акты правительства запрещали пропаганду ислама среди язычников, строительство новых мечетей, а также открытие конфессиональных школ. Даже «за малое дело в вине» муллы строго наказывались. Их могли даже «ссылать не только из Уфимского, но из Казанского и других уездов»[1]. Сокращалось количество представителей высшего мусульманского духовенства, на каждую из четырех дорог — областей края осталось по одному ахуну. Ограничивались и функции мусульманских шариатских судов. Деятельность мусульманского духовенства была взята под контроль местной администрацией[2].

В ходе башкирских восстаний 1735—1740, 1755 гг. и Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева и после их подавления неуклонно выполнялись программные требования правительства по религиозному вопросу. Разрешалась покупка и перепродажа жен и детей повстанцев с правом их крещения и вывоза за пределы Башкирии. Численность крещеных башкир возрастала в голодные годы (1738, 1776). За крещение давали бесплатный хлеб, бедные башкиры получали разрешение обменивать жен и детей на Хлеб при условии их крещения, практиковалась также самопродажа людей с превращением их в христиан.

[1] МИБ. Т. 3. С. 494. ^ *ТЯЛГ* , г **ЗЙ** 3Q
[2] ПСЗ. Т. 19. № 6890; *Кулбахтин Н. М., Сергеев Ю. И.* Указ. соч. С. 38 - 39.

Кроме того, карателям раздавались пленные повстанцы, а также их дети «с их последующим крещением». При этом вероисповедание мальчиков менялось в зависимости от веры их владельца. Так, в 1736 г. двух башкирских мальчиков генерал-поручик лютеранин Фонделден обратил в свою веру под именами Петра (9 лет) и Томаса (7 лет). От него они перешли в собственность другого немца Вахромея Миллера и находились «на учении в немецкой школе» при железоделательных заводах в Боровском уезде Калужской губернии. Затем их владельцем стал генерал-фельдмаршал граф И. А. Шувалов и в 1762 г. они стали православными. В конце концов, два крещеных башкира стали собственностью Берг-коллегии[1].

Вслед за подавлением восстания 1735—1740 гг. усилилась борьба с исламом. По Сенатскому указу от 9 ноября 1742 г. уничтожались все новые мечети[2]. В ходе претворения указа в жизнь из 536 мечетей 418 было уничтожено[3]. Указом 1744 г. башкирам запрещалось возведение новых мечетей близ селений новокрещеных[4]. Затем власти все-таки были вынуждены разрешить строить мечети там, где в селении имелось 200 — 300 душ мужского пола жителей, но лишь при отсутствии в них крещеных[5]. Вместе с тем усилилась борьба против тех новокрещеных, которые переходили обратно в ислам. Так, еще в 1738 г. на костре был сожжен башкир Тойгильде Жуляков[6]. В 1740 г. точно также был казнен казак из башкир Исаев[7].

Указом 1749 г. башкиры — бывшие повстанцы за крещение получали прощение, но становились крепостными[8].

Чтобы добиться больших успехов в миссионерской деятельности, временно приостановили насильственное крещение мусульман[9]. С 1744 г. христианским миссионерам никто

[1] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1277.
[2] ПСЗ. Т. 11. №8664.
[3] ПСЗ. Т. 14. № 10597.
[4] ПСЗ. Т. 12. №8875.
[5] ПСЗ. № 8978.
[6] Русская старина. 1848. № 10. С. 309-313.
[7] ПСЗ. Т. 11. №8125.
[8] ПСЗ. Т. 12. №9230.
[9] Там же. №8973.

не должен был чинить препятствий в их деятельности, даже если они, находясь в мусульманских и языческих селениях, характеризовали пророка Мохаммеда и Коран в черных тонах[1].

Борьба «иноверцев» за свободу вероисповедания и назревание социального конфликта в стране вынудили власти в 1773 г. издать указ «О терпимости всех вероисповеданий», чтобы между подданными империи «любовь, тишина и согласие царствовали»[2]. Перед самым открытием Мусульманского духовного собрания в Уфе ввиду распространения слухов о массовом крещении башкир временно была запрещена деятельность миссионеров «в иноверческих селениях».

Следует отметить, что крещеных башкир, как правило, вывозили за пределы Башкирии, где они раздаривались или покупались, превращаясь в дворовых, крепостных крестьян. Поэтому разбросанные по разным регионам России крещеные башкиры были обречены на исчезновение как этническая группа и слияние с русскими и старокрещеными татарами. Несколько иначе относились власти к крещеным татарам. Если крещеные татары и вывозились за пределы Казанского уезда, в частности, в Башкирию, то здесь они сосредоточивались в определенных населенных пунктах, как то: Нагайбакская крепость, села Бакалы, Бугульчан, Мелеуз, Петровское и другие. Они становились казаками, обособлялись от других сословий. Все это способствовало сохранению крещеными татарами своего языка и этнических особенностей. Представители других народов (среди них определенная часть башкир) после принятия святого крещения пополняли их ряды.

В количественном отношении крещеных башкир было не меньше, чем крещеных татар в Башкирии. В подтверждение этого приведем следующие цифры. Только в 1735—1740 гг. из числа повстанцев, кроме казненных, было «сослано во флот» 3 236 человек, «роздано жен и детей обоего пола для поселения внутрь России» 8 380 человек[3].

[1] ПСЗ. Т. 11. №8978; Т. 13. №9825.
[2] Там же. Т. 19. № 13996.
[3] *Рычков П. И.* История Оренбургская. С. ЬЬ.

Таким образом, на третьем этапе правительство усилило наступление на ислам и язычество, широко развернули свою деятельность христианские миссионеры. Сопротивление мусульманского духовенства было сломлено. Оно теперь не представляло серьезную оппозиционную силу.

В конце 80-х гг. XVIII в. наступает последний этап религиозной политики правительства в Башкирии, продолжавшейс до 1861 г. В то время оно, резко изменив свое отношени к исламу, легализовало деятельность мусульманского духовенства путем открытия в Уфе Оренбургского магометанског духовного собрания в начале декабря 1789 г.

На изменение отношения правительства к мусульманам повлияли как внутренние, так и внешние факторы. К первым относилось превращение башкир и мишарей в активных проводников политики правительства путем перевода их в военно-казачье сословие. Феодальная верхушка башкир и мишарей служила военными и гражданскими чиновниками. Определенную роль в изменении политики царизма по религиозным вопросам сыграли русско-турецкие войны второй половины XVIII в. Правительство Екатерины II стремилось нейтрализовать религиозное и политическое влияние Турции на мусульман России, пыталось пресечь происки ее агентов в Средней Азии. Кроме того, такие мероприятия правительства, как издание указа о свободе вероисповеданий и открытие Духовного управления мусульман в Уфе, проводились в целях привлечения соседних казахов на сторону России.

В условиях реализации указа о свободе вероисповеданий, строились новые мечети, открывались при них религиозные школы. Пропаганда ислама носила в целом повсеместный и свободный характер.

Вместе с тем крещение мусульман и язычников продолжалось. Но теперь оно стало делом не правительства и его органов, а церкви и даже отдельных лиц. Крестили башкирских детей и юношей в Казанской первой гимназии и Казанском университете, крестили служащих на Оренбургской и Сибирской пограничных линиях. В 1798 г., например, почти весь личный состав башкирского полка в Сибири был крещен. Крестили сезонных работных людей

л старателей. Однако массового и насильственного крещения мусульман уже не было.

Миссионеры добивались большого успеха среди язычников: чуваш и отчасти марийцев в Башкирии (причиной тому было, по-видимому, отсутствие сложившейся сильной религиозной организации), нежели среди мусульман — башкир и татар.

Таким образом, религиозная политика царизма в Башкирии в своем развитии прошла несколько этапов. От признания свободы вероисповедания башкир до попыток активной борьбы с исламом, его организациями. Царизм, в конце концов, возвращается к исходной позиции своей политики — признанию свободы вероисповедания мусульман и язычников, легализовав ислам, деятельность его учреждений путем открытия Оренбургского Магометанского духовного собрания в Уфе. Вместе с тем был усилен контроль властей над деятельностью мусульманского духовенства, представители которого почти были превращены в послушных чиновников — проводников политики правительства на местах. Отношение царизма к мусульманам и язычникам зависело от степени прочности его позиций в Башкирии.

Религиозная политика правительства встречала упорное сопротивление башкир. Нерусские народы не хотели отказываться от своих религиозных взглядов и чувств и принять Другую для них веру. Однако отказ народов от крещения и сопротивление политике христианизации нельзя объяснить их религиозным фанатизмом. Башкирам, например, вообще было чуждо чувство враждебного отношения к людям, исповедующим другую религию. Нежелание креститься объясняется их стремлением сохранить свой духовный мир, выработанный в значительной мере под влиянием мусульманских религиозных обрядов. Выступления против политики христианизации нерусских народов были борьбой против их Духовного и социального порабощения.

§2.
«ПОПЕЧИТЕЛЬНАЯ» ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ

До XIX в. имеются отрывочные сведения деятельности отдельных конфессиональных и других шко в Башкирии. Поэтому в данный момент особо и развернут вести разговор об отношении к ним правительства невоз можно.

В период кантонного управления в Башкирии в 1798 1865 гг. во многих областях общественной жизни правитель ство стремилось подготовить преданные строю и Отчизн кадры. Проводимые им по линии «попечительств» мероприя тия объективно служили повышению не только хозяйствен ного, но и культурного уровня башкирской и мишарской деревни

Одним из объектов попечительства считалось обучени башкирских детей в русских учебных заведениях и оказани медицинской помощи населению Башкирского войск (с 1855 г.), финансирование которых осуществлялось за сче войскового капитала, собранного с населения. Интерес военно-феодального режима требовали подготовки образованных администраторов для управления кантонами и юртами офицеров для военной службы, писарей для делопроизводства врачей и фельдшеров для оказания медицинской помощ населению военного сословия. Чиновники Башкиро-мещеряк ского войска (1798— 1855 гг.) должны были иметь определенное образование, чтобы вести делопроизводство на двух языках: русском и тюркском.

В первой половине XIX в. наиболее распространены были в школьной сети мусульманские религиозные мектебе и медресе, которые содержались за счет юртовых обществ. В этих школах учащиеся получали знания тюркской грамоты и изучали основы Корана. Сеть этих начальных мектебе постепенно расширялась. Если в 1846 г. их насчитывалось 218, а число учащихся доходило до 3 тыс. человек, то в 1858 г. их стало соответственно 597 число шакирдов превысило 20 тыс.[1]

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9631. Л. 23.

религиозные школы являлись почти единственной возможностью получения образования для детей рядовых башкир и мишарей. Однако, в целом, население войска оставалось неграмотным. Это видно, к примеру, из того, что из 1 004 чел. мужского пола из 1-й юрты 5-го кантона грамотой тюрки владело только 38 человек. В 1848 г. в мектебе из детей рядовых башкир и мишарей училось 3 671 человек, а из детей чиновников — 650 человек. То же самое наблюдается и по данным 1867 г. В мектебе учились 25 609 детей из рядовых, 842 человека из богатых башкирских семей[1].

В мектебе в качестве учителя выступали указные муллы. С 1827 г. претенденты на эту должность должны были владеть русским языком и грамотой. Кроме своей основной обязанности, они выступали переводчиками в судебно-следственных делах. А с 1832 г. не владеющие русским языком башкиры вообще не утверждались в должности указного муллы[2]. В деле распространения русской грамоты среди башкир последний акт не мог не играть объективно положительной роли.

Во второй четверти XIX в. дети башкирских гражданских и военных чиновников могли получать и военное образование. В январе 1825 г. в Оренбурге открылось Неплюевское военное (кадетское) училище, созданное на денежные пожертвования сословий, в числе которых было и башкирское. Для Башкиро-мещерякского войска там было открыто 30 вакансий. Срок обучения в нем продолжался 8 лет. Дети офицеров и гражданских чиновников, обучаясь в восточном или во втором отделении училища, изучали, помимо военного дела, восточные языки, в том числе и свой родной. Получив военное и общее образование, выпускники училища служили в Башкирском войске. При этом дети потомственных дворян выпускались в звании офицеров, а дети личных дворян могли получать его через год. Выходцы из простых семей могли стать офицерами только через 3 — 4 года после окончания училища. За это время они служили урядниками. Как видно, обладание теми или иными правами зависело от сословного происхождения выпускников. Из питомцев Неплюевского

[1] ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1747-в. Л. 164; ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12025. Л. 106.
[2] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3587. Л. 11.

военного училища, ставших видными специалистами, можно отметить М. И. Карамышева и М. М. Бикчурина. Выходец из д. Макарово Стерлитамакского уезда Мухаметюсуц Карамышев за многолетнюю военную деятельность получил чин полковника. Он — участник похода на Ак-мечеть в 1853 г., долгое время работал кантонным начальником. Мирсалих Бикчурин свыше 30 лет преподавал восточные языки в училище, также является составителем пособия по преподаваемым им предметам. В 60-х гг. он работал переводчиком в Туркестане. За многолетнюю деятельность в военном учебном заведении М. Бикчурин был награжден орденами[1], дослужился до звания генерала.

За 1831 — 1907 гг. Неплюевское военное училище окончили свыше 70 башкир и мишарей[2].

Дети башкирских феодалов обучались не только в Неплюевском военном училище, но и в других высших военных учебных заведениях. В 40-х гг. XIX в. для них было предоставлено 16 вакансий в Московской военной академии.

Обучение башкирских детей в первой Казанской гимназии началось с 1832 г. Гимназия должна была готовить абитуриентов для поступления в Казанский университет. В 1836 г. для Башкиро-мещерякского войска было предоставлено 20 вакансий в этих учебных заведениях. В гимназию принимали детей не младше 10 лет, владеющих русской грамотой и знающих арифметику. Желающих учиться в этом заведении было немало. Например, в 1834— 1836 гг. изъявили свое желание поехать в Казань 95 человек.[3] Но вакансии не всегда использовались. С 1836 по 1844 г. в гимназии обучалось ежегодно по 20, в 1845 г. - 13, в 1846 г. - 12, в 1847 г. - 14, в 1848 г. — 15 и в 1849 г. — 18 башкирских детей[4]. По разным причинам за это время оставили учебу 23, отдан в солдаты 1, умерло от болезни 3 гимназиста.

После успешного окончания гимназии выпускники ее поступали в Казанский университет. В 1838 — 1849 гг. окончили

• ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14186. Л. 3-4.
[2] *Эсфэндиэров Э. З.* Олатайзарзьщ бар тарихы. Эфе, 2005. 156 бит.
[3] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3587. Л. 103 - 104.
[4] Там же. Д. 6154. Л. 22, 23.

известный студенческим вольнодумием восточный факультет университета Альмухамет Куватов, Салихъян Кукляшев и Сайфулла Тукумбетов из 9-го кантона Оренбургского уезда, Дхмет Хаиров из 6-го кантона Верхнеуральского уезда. Д. Куватов, блестяще окончивший восточное отделение университета, получил звание «кандидата словесности». Впоследствии он стал одним из видных администраторов кантонного управления. Салихъян Кукляшев работал преподавателем восточных языков в Неплюевском военном (кадетском) училище. Сайфулла Тукумбетов — «кандидат философии» служил в канцелярии командующего Башкиро-мещерякским войском. Ахмет Хаиров служил переводчиком, затем кантонным начальником.

Потребности в образованных чиновниках постепенно росли, особенно после присоединения тептярей и бобылей к Башкирскому войску, когда увеличилось количество кантонных и юртовых управлений, для которых потребовались писари, старшины и кантонные начальники, владеющие русской и тюркской грамотой. С целью удовлетворения этих нужд был разработан командующим войском генерал-майором Н. Балкашиным проект об устройстве школ при кантонных штаб-квартирах. Эти школы должны были давать начальное образование с преподаванием русского и башкирского языков, чистописания и арифметики. Несмотря на наличие огромного башкирского войскового капитала, данный проект был осуществлен только частично, из-за отсутствия денежных средств. В 1858—1860 гг. в Оренбургском уезде в деревнях Саиткулово и Исянгулово, а также в Челябинском уезде в д. Метелево открыли школы. В этих же уездах открыты Две школы для башкирских девочек. К 1862 г. в войске Действовало уже 28 русско-башкирских школ, где обучались 466 детей из рядовых, 32 человека из богатых семей[1].

В распространении просвещения среди башкирского населения определенную роль играли приходские и уездные Училища, являющиеся школами начального типа, где °бучались, в основном, дети рядовых башкир. В 1858— 1859 гг. в восьми приходских и уездных училищах были помещены

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1225. Л. 106.

195 башкирских детей, которые содержались на средства войскового капитала. Вместе со «своекоштными» (учились за собственный счет) детьми из богатых семей количество учащихся из Башкирского войска в этих школах достигло 260 человек. Выпускники училищ направлялись в гимназии. Уфимский попечитель училищ Иван Сосфенов составил для детей башкир букварь под названием «Первоначальное знакомство с русскою грамотою». А известный своей книгой «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях» В. М. Черемшанский подарил башкирским учащимся 50 экземпляров[1], что следует отметить как один из многих актов содействия просвещению нерусского населения со стороны русской интеллигенции.

Кроме учебы в общеобразовательных учебных заведениях башкирские дети обучались и отдельным специальностям, необходимость в которых была вызвана жизнью. С 1840 г. в отделении Генерального штаба Отдельного оренбургского корпуса готовили землемеров из башкир. В течение 5 лет их обучали письму, картосъемке и черчению. Ежегодно сюда направляли от двух до двенадцати учащихся. По окончании школы они работали в Башкирском войске землемерами при размежевании земель. В школу землемеров принимали детей, владеющих русским языком. А для обучения языку и грамоте были открыты курсы при 2-годичной школе военных кантонистов Оренбургского батальона. Ежегодно туда принимали 25 — 30 человек. Выпускники, имеющие отличную каллиграфию, направлялись писарями в кантонные управления. Лучших из них принимали в Казанскую гимназию.

Несмотря на определенную цель, которую преследовало царское правительство, обучая детей башкир, эти учебные заведения играли положительную роль в распространении просвещения среди народа.

Другим объектом «попечительства» считались организация и оказание медицинской помощи башкирскому населению. Это было вызвано, очевидно, необходимостью сохранения боеспособности войска.

[1] ЦГИА РБ. Д. 9729.

Первыми медиками из башкир были оспопрививатели. Согласно указу 1811 г. во всех уездах России организовывались так называемые оспенные комитеты, в задачу которых входила организация борьбы против черной оспы. По распоряжению этих комитетов кантонные начальники ежегодно стали направлять уездным врачам по одному юноше от каждой юрты для обучения искусству оспопрививателя. На год учебы они освобождались от всех повинностей и содержались за счет того общества, от которого направлялись. Получив профессию оспопрививателя, они возвращались в свои кантоны, где бесплатно делали прививки. Они не получали никакого жалованья и поэтому освобождались от всех повинностей, также и в годы работы[1]. Однако они бедствовали и потому в конце 40-х гг. была установлена некоторая оплата их труда: за каждую успешно проведенную прививку те получали 12 коп. серебром. Кроме того, для покупки продуктов питания каждому оспопрививателю платили по 7 руб. 31 коп. серебром в год[2]. Сначала предполагалось подготовить на каждую тысячу человек по одному оспопрививателю, но фактически подготовлено было почти по одному оспопрививателю на каждую юрту, объединяющую несколько аулов. В 20-х годах в 17 кантонах было всего 3 — 4, в 30-х — 7 — 10, в 40-х — 187 оспопрививателей. В 1847 г. их было 259, а в 1857 г. — 326. Общее количество юрт в кантонах в 1855 г. составляло 394, следовательно, число оспопрививателей немного не достигло количества юрт[3]. В среднем на каждые 1 800 человек приходился один оспопрививатель. Несмотря на их малочисленность проводимая ими работа была значительной и полезной. В 1855 г. ими сделано прививок от оспы 24 тыс., в 1857 г. — свыше 35 тыс., а в 1859 г. — 41 тыс. детей[4]. Таким образом, оспопрививатели являлись первыми медиками башкирского народа.

Обучение фельдшеров для войска началось в конце 20-х гг. XIX в. По приказу военного губернатора по одному подростку от 16 кантонов было устроено в школу фельдшеров при

[1] 2 ПСЗ. Т. 17. № 15943.
[2] 2 ПСЗ. Т. 17. № 22338.
[3] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5661. Л. 35; Д. 9631. Л. 5.
[4] Там же. Д. 7929. Л. 231, 281, 315; Д. 9631. Л. 60.

Оренбургском военном госпитале. Пятилетний срок обучения охватывал такие предметы, как русский и латинский языки, чтение и письмо на этих языках, теория и практика медицины. В 1833 г. школу окончили 16 фельдшеров. К 1859 г. их насчитывалось до 77 человек, а в 1864 г. — 84. Они «врачевали от простой болезни» в 1859 г. — 1 144, в 1863 г. — 5 416 человек[1]. Приобретение медицинских инструментов и литературы осуществлялось на средства войска. За труд фельдшерам платили по 25 руб. 71 коп. серебром в год.

Появление первых башкирских врачей относится к началу 40-х гг. В 1842 г. со званием лекаря 2-й степени окончил Казанский университет Арслан Субхангулов, сын титулярного советника, работавшего при штабе военного губернатора. Через два года стал врачом Халил Шарипов, сын юртового старшины. В конце 40-х гг. из 9-го кантона Садик Нигматуллин, Мухамет Батыршин, Мухаметсафа Юсупов и Загретдин Жданов удостоились звания лекаря. К 1860 г. врачей было 10.

В 40-х гг. все башкирские и мишарские кантоны были разделены на четыре медицинских участка. К каждому из них прикреплялись оспопрививатели, фельдшеры во главе с одним участковым врачом. Оказание помощи и контроль за деятельностью младших медицинских работников являлись задачей участковых врачей. Постепенно в Башкирском войске организовывалась постоянная медицинская помощь — создавались больницы. Первая стационарная больница была открыта в д. Исянгулово Оренбургского уезда. В разных кантонах открыли пять временных больниц, работавших в течение летнего сезона. Они находились в деревнях Алтаяково (6-й кантон Верхнеуральского уезда), Метелево (9-й кантон Челябинского уезда), Силясово (14-й кантон Бирского уезда), Сукраклы и Салихово (24-й кантон Уфимского уезда). Больницы были рассчитаны на 140 кроватей[2]. Там работали, кроме врачей, фельдшеров, и повивальные бабки (акушерки) из башкирок Тасигмуллина (Красноуфимский уезд) г Абдулмянняфова (Мензелинский уезд) и Г. Абдуляппарова

[1] ЦГИАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10318. Л. 12; Д. 13017. Л. 17; Д. 13028. Л 4

[2] Там же. Д. 13028. Л. 4.

(Уфимский уезд), окончившие до 1864 г. повивальный факультет при Санкт-Петербургском родовспомогательном институте[1].

Один из башкирских врачей Ахметьян Абдиев, окончивший в 1856 г. Казанский университет и работавший два года в войске внештатным лекарем, в 1858 г. поступил по разрешению департамента Медицины Военного Министерства в Петербургскую Медико-хирургическую академию. Сдав экзамены на степень доктора, защитив диссертацию, А. Абдиев в 1861 г. стал первым из башкир доктором медицины. Являясь представителем военного сословия, и, будучи прикрепленным к нему, он должен был вернуться в Башкирское войско и работать там участковым врачом[2].

Следовательно, в 50-х гг. XIX в. появляется, хотя и немногочисленная, башкирская интеллигенция, состоящая из молодых врачей и учителей, получивших образование за пределами Башкирии.

Таким образом, даже выполненные частично и в порядке «попечительства» меры властей в области просвещения и по организации медицинской помощи населению, несмотря на всю их недостаточность сравнительно с нуждами народа и с огромными средствами Башкирского войска, лежавшими втуне у правительства, при всей ничтожности результатов, были полезны народу: образованные люди в конечном счете не могли не нести своему народу просвещение и культуру[3]. В целом подчеркнем, что правительство культурно-идеологической политикой добилось своей цели, обучив преданных существующему строю образованных людей.

[1] ЦГИА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13028. Л. 107, 108.

[2] Там же. Л. 107.

[3] *Асфандияров А. З.* Кантонное управление в Башкирии (1798- 1865 гг.). Уфа, 2005.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема сложная и многоаспектная. При неизученности многих вопросов, таких как уровень социально-экономического развития башкирского общества в XVI — середине XIX в., административная, экономическая, социальная, налогово-финансовая и др. политика правительства на Южном Урале, была сделана попытка представить свое видение постепенного включения институтов Башкирии в государственную структуру России.

Прежде всего исходили из того, что Башкирия, представляя патриархально-феодальное общество, в составе России не была колонией (несмотря на утверждения А. С. Доннелли о том, что Башкирия не только в XVIII в., даже в конце XVI в. — «колония русских», или же, по Роже Порталю, она — «вечно бунтующая колония»), хотя становится сырьевой базой и рынком сбыта для русской промышленности при наличии колониальной политики.

Политика правительства по включению Башкирии в состав России в политическом, административно-территориальном, экономическом отношениях напрямую зависела от внутреннего и внешнеполитического положения страны.

Проблема форм управления краем решалась не сразу. Национально-этническое расселение народов при делении государства на части по административному принципу в расчет не принималось, хотя на Южном Урале с наименованиями уезд — провинция — губерния неофициально почти всегда (наряду с ним или параллельно) употреблялся термин «Башкирия».

С конца XVI в. Историческая Башкирия названа Уфимским уездом во главе с воеводой, затем — Уфимской провинцией,

позже — Оренбургской губернией, с 80-х гг. XVIII в. — Уфимским наместничеством с 10—12 уездами, с середины 90-х гг. XVIII в. — опять Оренбургской губернией, подразделенной в 1865 г. на Уфимскую и Оренбургскую губернии. С конца XVIII до середины 60-х гг. XIX в. существовало внутри самой Оренбургской губернии особое военно-феодальное кантонное управление.

Под жесткий контроль башкирское население было взято лишь с 30-х гг. XVIII в. До этого времени многие вопросы общины решались ее самоуправлением, функции которого, с укреплением царской власти на местах намного сузились.

В целом, позитивные сдвиги наблюдаются в численном росте населения, особенно в период кантонного управления. Ее сокращение происходило в годы социально-политических кризисов (восстания и их жестокое подавление). При этом следует подчеркнуть, что, несмотря на предложения отдельных ретивых чиновников о физическом сокращении численности или поголовном крещении башкир, правительство никогда в Башкирии не проводило политику геноцида по отношению к неправославным, в т. ч. башкирскому, народам.

В экономической политике правительства четко проводилась линия по освоению природных богатств края, которая юридически была обоснована известным указом 1736 г., разрешавшим купли-продажи башкирских земель, приводившим к отчуждению миллионов десятин их вотчин, имевшим и положительные и негативные стороны для их владельцев. Принудительный перевод полукочевых жителей на оседлость и к земледелию способствовал изъятию их земель. Закон о земле 1832 г., в основном, регулировал землепользование припущенников — арендаторов башкирских земель.

В податной, налогово-финансовой политике, хотя об этом в тексте нашей работы говорится вскользь, правительство пришло к общему знаменателю. Башкиры — неподатное, а служилое население, охранявшее свою территорию обитания и границы государства. Но тем не менее основной обязанностью их перед казной была уплата ясака — поземельного Налога. Платили сначала с волости, затем — с двора. В середине XVIII в. он был заменен покупкой казенной соли, в конце века — обязательной военной службой. Лишь в 60-х гг. XIX в.

были уравнены права всех подданных государства по их основной повинности.

В работе мы стремились показать приобщение башкир к промышленному (подсобному) труду, распространение рудоискательства и обеспечение уральских заводов необходимым сырьем.

Особо было обращено внимание на создание правительством преданной ему социальной опоры внутри башкирского этноса в лице выборных старшин, утверждаемых властями, замененных затем военно-феодальными чиновниками в 1798— 1865 гг., восстановленных лишь после отмены кантонного управления. Царизм активно использовал в своих целях сословные группы мишарей и тептярей. Башкиры и мишари, переведенные в военное сословие, должны были верой и правдой служить правительству.

В регулировании семейно-брачных отношений, например, при установлении возраста вступающих в брак, при разделе семейного, наследного имущества и т. д., определенную роль наряду с обычным правом и шариатом играли законы Российского государства.

Несмотря на отдельные мнения (А. С. Доннелли, Роже Порталя и др.) о том, что окончательное включение Башкирии в состав России произошло после разгрома восстания Карасакала (1740 г.) или до указа 1798 г. о введении кантонного управления, утвердительно можно сказать, что однотипность социальных и иных институтов Башкирии и России при сохранении определенных особенностей (например, вотчинного права башкирской общины) достигалась постепенно, охватывая время с середины XVIII до середины XIX века (даже до середины 70-х годов того же столетия, когда национальные воинские (башкирские) формирования были окончательно ликвидированы вместо всеобщей воинской повинности.

Приложения

РУССКИЕ ЦАРИ И ИМПЕРАТОРЫ. ГОДЫ ИХ ПРАВЛЕНИЯ

1533-1584

Иван Грозный

1584-1598

Федор Иванович

1598-1605

Борис Годунов

1605-1606

Лжедмитрий I

1606-1610

Василий Шуйский

«Семибоярщина»

1610-1613

1613-1645

Михаил Романов

1645-1676

Алексей Михайлович

1676-1682

Федор Алексеевич

1682–1689

Софья Алексеевна

1689–1725

Петр I

1725–1727

Екатерина I

1727–1730

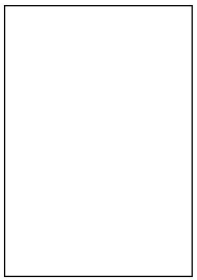
Петр II

1730–1740

Анна Иоанновна

1741

Иван Антонович



1741-1761

Елизавета Петровна

Шк

1761-1762

Петр III

Ш

1762-1796

Екатерина II

1796–1801

Павел I

1801–1825

Александр I

1825–1855

Николай I

1855–1881

Александр II

1. Национальный состав населенных пунктов 40 районов Республики Башкортостан по переписям 1795 - 1989 гг.

Рассмотрение динамики численности башкирского народа представляет большой научно-познавательный интерес. Народ, давший свое имя названиям республик, называют коренным. В последние годы в периодической печати, публицистической и научной литературе понятие «коренной народ» подвергается сомнению. При этом приводятся различные доводы, главное же сводится к тому, что выделение на той или иной территории (в республике, стране) какого-либо одного «коренного» народа ущемляет интересы и права других народов, представители которых, по существу, также могут считаться коренными, поскольку живут в данном регионе на протяжении ряда поколений.

Здесь смешиваются явления разного уровня: статус (и права) целого народа, статус (и права) части народа (национальной группы) и статус (и права) индивидуума, личности. Каждый народ (этнос) со своим языком, культурно-бытовыми традициями и хозяйственными навыками, художественным наследием и этническими нормами формируется на определенной территории, которая является его этнической территорией, этнической родиной. Лишь на этой территории он может реализовать свое право на самостоятельное существование и этнокультурное развитие вплоть до создания своей государственности и профессиональной культуры. Такой территорией для башкир является Республика Башкортостан и прилегающие к ней районы сопредельных территорий.

Остальные национальности, проживающие на территории РБ, представляют собой не целые этносы (нации, народы), а части их. Они именуются «национальными группами», «субэтносами», «этнической или этнографической группой».

Эти группы имеют право на свободное функционирование и развитие своих этнокультурных традиций, языка, но полная реализация их национальных прав осуществляется в общенациональном масштабе, совместно с материнским этносом.

Рост численности представителей славянских, угро-финских и отдельных тюркских народов в целом стабильный.

Говоря о демографическом развитии башкирского народа отметим, что в XIX в. численность башкир возрастала от переписи к переписи. Если в 1795 г. башкир насчитывалось 200-230 тыс., то в 1859 г. - 545 тыс., в 1897 г. - 1 млн 311 тыс. человек. Такое поступательное демографическое развитие населения происходило в условиях войн и походов России, где активное участие принимали башкиры и мишари, как военные сословия в первой половине XIX в. Рост численности населения обеспечивался не только его естественным приростом, но и переходом части мишарей и тептярей в состав башкир в 1897 г., которую привлекало вотчинное право башкир на владение землей.

Следует подчеркнуть, что мишари и тептяри, разочаровавшись в том, что не смогли получить право на владение башкирскими землями, к началу следующего столетия отошли от башкирского этноса. Мишари и тептяри до середины XIX в. самостоятельно функционировали как этническая или социально-этническая группы.

По предпоследней переписи 1989 г. сокращение количества башкир резко бросается в глаза, особенно по следующим районам РБ. Из 26 башкирских деревень Краснокамского района, жители которых сохраняли свою этническую принадлежность в течение 100 — 200 лет, в 1989 г. 12 из них стали татарскими (Новобалтач, Ст. и Новый Уразай, Новохазино, Такталачук, Ново-Кабаново, Барьязибаш), а остальные 14 — башкирско-татарскими: Купербаш, Нов. и Ст. Каинлык, Янгызнарат, Ашит, Саузбаш, Сауз, Ст. и Нов. Мушта, Уртаул, Новоянзигит, Нов. Актанышбаш, Сабанчи, Янаул.

К слову сказать, деревни Ст. и Нов. Мушта и Уртаул — бывшие выселки д. Татыш нынешнего Илишевского района, жители которой вот уже 200 лет по итогам всех переписей подтверждали свою башкирскую национальность.

В течение длительного времени из 26 однонациональных башкирских селений Бураевского района к 1989 г. таковыми

оставались лишь 10: Каразирек, Минли, Камилян, Нов. Ельдяк, Сармаш, Кашкалево, Аит, Хази, Варзитамак, Юмакай. Башкирскими были в течение 200 лет, но к 1989 г. стали смешанными — башкиро-татарскими — 16 деревень.

Искажение этнического состава жителей населенных пунктов в 1989 г. коснулось и Бижбулякского района. Большинство башкирских деревень, жители которых также всегда подтверждали свое этническое происхождение почти 200 лет, отнесено к татарским. К ним относятся Аитово, Каныкаево, Исякаево, Елбулактамак, Мурадымово, Тукай, Новый Биктяш.

Или село Тугузлы Кигинского района. По итогам 7 переписей было башкирским, по последней — татарским. Хотя среди жителей никогда не было припущенных людей из других этносов, кроме тех своих башкир-айлинцев из Тугузлов, оказавшихся припущенниками башкир дер. Бишинды, Балтаево и др. Еланской волости (ныне Туймазинский район), но вернувшихся обратно к своим сородичам — айлинцам.

В целом по 14—19 районам наблюдается явная ошибка в определении этнического состава населенных пунктов. Таблицы по итогам 8 переписей по 49 районам РБ с 1795 г. по 1989 г. опубликованы в 2002 г. в виде брошюр по отдельным районам.

Поездки по районам при написании истории сел и деревень Башкортостана убедили одного из составителей нижеследующих таблиц в том, что жители многих населенных пунктов не осведомлены о своей родословной и истории своего села.

В период подготовки к Всероссийской переписи населения по заданию Исполкома Всемирного курултая башкир нами были подготовлены таблицы по национальному составу населенных пунктов 40 — 49 районов в основном этнически смешанных Республики Башкортостан.

В них нашли отражение результаты учета населения Башкортостана: ревизий душ за 1795, 1859 гг., а также переписей 1917 1920, 1959, 1989 гг. Кроме того, использовались сведения земской статистики о жителях населенных пунктов за 1870 (или 1895), 1901 (или 1905) гг.

Башкирский народ состоял из башкир-вотчинников, владевших земельными угодиями, подтвержденными жалованными грамотами русских царей, Соборным Уложением 1649 г.

и другими актами, и башкир-припущенников, потерявших по разным причинам вотчинное право и принятых другими башкирскими волостями в качестве пользователей их землями.

Названия населенных пунктов Республики Башкортостан даны по двум источникам: Административно-территориальное деление Башкирской АССР. Уфа, 1981; Административно-территориальное устройство Республики Башкортостан. Уфа, 1999.

При составлении таблиц использованы следующие источники:

1795 г.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА)- Фонд 1355. Опись 1. Дела 929, 932, 935, 938, 940, 1871, 1874, 1876, 1879, 1881, 1884, 1886. Материалы этих дел опубликованы: «Западные башкиры по переписям 1795—1917 гг.» Уфа, 2001. Автор-составитель и ответственный редактор А. 3. Асфандияров. С. 40-84. Их можно сравнить с данными 7-й ревизии 1816 г. Там же. С 85-107; а также 8-й ревизии 1834 г. Там же. С 111-377.

1859 г.: «Западные башкиры по переписям 1795-1917 гг.» С. 378-404.

1870 г.: Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 45. Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 г.; Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877. Переиздание. Уфа, 2002.

1895 г.: Полный список населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1896.

1901 г.: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Ч. III. Список земельных владений. Уфа, 1901.

1905 г.: Полный алфавитный список всех населенных мест Уфимской губернии. Уфа, 1906.

1917 г.: ЦГИА РБ. Ф. Р-473 (Всероссийская сельскохозяйственная поземельная перепись 1917 г.). Оп. 1. Д. 169, 170, 188, 203, 226, 232-240, 242-249, 267-503, 506, 507 509-579. Опубликовано в сборнике «Западные башкиры по переписям 1795- 1917 гг.». С. 487-624.

1920 г.: Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика. 1926. Уфа, 2002.

1959 г.: Башкирская АССР. Административно-территориальное деление. Уфа, 1961.

1989 г.: Административно-территориальное устройство Республики Башкортостан. Уфа, 1999.

За 1920— 1989 гг. указана преобладающая национальность.

За 1979 г. количество жителей населенных пунктов в справочнике «Башкирская АССР. Административно-территориальное деление. Уфа, 1981 г.» не опубликовано.

Приняты следующие сокращения: баш. — башкиры, баш.-припущ. — башкиры-припущенники, вот. — вотяки (удмурты), вотч. — вотчинники, д. — деревня, дв. — двор(ы), жит. — жители, каз. — казахи, крест. — крестьяне, крящ. — крящены, мар. — марийцы, мещ. — мещеряки (мишари), миш. — мишари (мещеряки), м. п. — мужского пола, мус. — мусульмане, нем. — немцы, припущ. — припущенники, рус. — русские, с. — село, тат. — татары, теп. — тептяри, уд. крест. — удельные крестьяне, удм. — удмурты (вотяки), укр. — украинцы, черем. — черемисы (марийцы), чув. — чуваши, яс. тат. — ясачные татары.

Таблицы составлены А. 3. Асфандияровым и К. М. Асфандияровой. Уточнения по 28 населенным пунктам по разным переписям внес Д. Г. Кускильдин, за что мы ему признательны и благодарны.

АЛЫПЕЕВСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
р.п. Раевский (Альшеево)	142 баш.	538 баш.	539 баш.	1152 баш., 1068 рус, 176 укр., 171 нем. 50 тат., 15 миш.	5800 рус, баш.	12581 баш., рус.	баш., рус.	17598 рус.
Абдрашитовский сельсовет								
с. Абдрашитове	74 баш.	364 баш.	389 баш.	609 баш., 9 миш.	900 баш.	782 баш., рус.	баш.	526 баш.
д. Абдулкаримово		70 вотч., 18 баш.-припущ.	592 баш.	205 баш.	295 баш.	249 баш.	баш.	162 баш.
Гайниямакский сельсовет								
с. Гайниямак	20 баш.	978 теп.	1080 баш., 136 тат.	2340 баш., 3 теп.	2212 баш.	1581 баш.	баш.	1102 тат.
Ибраевский сельсовет								
д. Ибраево	153 баш.	498 баш.	499 баш.	753 баш.	708 баш.	466 баш.	баш.	250 баш.
с. Новосеняшево	—	—	—	411 баш.	402 баш.	353 баш.	баш.	288 баш.
д. Старосеняшево	77 баш.	397 баш.	412 баш.	389 баш., 11 теп.	329 баш.	181 баш.	баш.	156 баш.
Казанский сельсовет								
Малоаккулаево	—	—	—	140 баш.	118 баш.	156 баш.	баш.	110 баш.
д. Староаккулаево	168 баш.	392 баш.	329 баш.	382 баш.	339 баш.	289 баш.	баш.	225 баш.

Продолжение табл.

с. Кармышево	119 баш.	224~ба_ (1834)	253feu7.	680 баш.,	оуо оаш. Ч		54 баш.
	47 баш.	266 баш.	156 бан1__бШ>аш.		625 баш.		
		960 баш.	1041 баш.	1288_баш_1 юз оаш.			
д. Мурзагулово	175 баш.	—55 вотч. 66 прип.	469 баш.	458 баш.	691 оаш.		238 тат.
	(1816)	]7Г,Т1,П	300 баш.	ЮООтеп.	8860 тат.	393 тат.	
Нигматуллинский сельсовет							
с. Мендяново	180 миш.	564 миш.	711 миш.	1270 миш., «новобаш.»	lizi оаш.		355 тат.
с. Старая Васильевка	61 баш., 53 теп.	331 теп.	393 теп.	615 теп., 304 миш.	866 теп., миш.	673 рус.	
д. Нигматуллино	458 миш.	1435 миш.	1559 баш.	55 баш., 2970 миш.	2963 миш.	1072 тат.	664 тат.
Аврюзтамакский сельсовет							
д. Аврюзтамак	—	100 баш.	60 баш., 46 тат.	264 баш.	265 баш.	3! 1 тат.	138 тат.
п. Reox. Аврюзово		490 баш.	555 баш.	1038 миш.	838 миш.	478 тат.	743 тат.
д. Ниж. Аврюзово	670 миш.	891 миш.	897 баш.	2006 баш.	1815 баш.	1397 тат.	
НикиФаровский сельсовет							
д. Алдарово	60 баш.	Г_0~баш.	132 баш.	386 баш.	348 баш.	Z/j оаш.	96 баш.
д. Балгазы	160 баш.	344 баш.	331 баш.	435 баш.	430 баш.	251 баш.	951 тат.
с. Никифарово	217 баш., 65 сл. тат.	663 теп.	685 теп., 136 тат. 382	20 баш., 1662 теп., тат.	2178 баш.	1385 тат.	48 баш.
				132 баш.	70 баш.	65 баш.	
Сараевский сельсовет							
с. Сараево	14 баш.,	563 припущ.	596 баш.	1537 баш.	1068 баш.	пну тат	
Слакский сельсовет							
с. Слак	780 баш 4 теп.	2161 припущ.	2354 баш.	4991 баш., 431 миш.	5070 баш.	Ш тат	
Таштлинский сельсовет							
д. Баязитово		437 баш.	459 баш.	1146 баш.	14 ХЗ. 1110 баш	1.73 оаш 812 баш	оаш. баш. 610 баш.
Троунтаишевский сельсовет							
с. Трунтаишево	4 баш.	1732 теп.	1791 баш.	4227 баш., 4 рус.	3674 теп.	201S та.	
Чебенлинский сельсовет							
п. Кункас (Куль-Курган)	94 баш 49 при 70 баш	309 баш. 240 баш.	309 баш. 253 баш.	227 баш. 361 баш.	209 оаш. 332 баш	1_о ИИ 351 ру	238 баш. 402 баш.
д. Тюбетеево	100 ба	254 баш.	224 баш.	478 баш.	373 баш	481 бз_	390 баш.
с. Чебенле	140 ба	376 баш.	628 баш.	859 баш.	690 баш	366 баш	
Чуракаевский сельсовет							
д. Идрисово	68 баі	_68баш.	717 баш		612 баш.	он оа	108 тат.
п. Каран (Новое Кункасово)	63 баі	602 припущ.			682 баш	186 ба	507 баш., тат.
с. Суракаево	85 ба	Й 0 & _	707 баш		623 баш1.	368 ба	

АРХАНГЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам пепепип.й							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	я	о
Абзановский сельсовет								
д. Абзаново (Акуза)		ill оаш.	335 баш.	375 баш (1905)	497 баш.	880 баш.	баш.	915 баш.
Д. Кы зылъяроно (Кульсентово, Старый Кызыл Яр)			107 баш.	147 баш	198 баш.	153 рус	баш.	135 баш.
Азовский сельсовет								
Л А яя v / А а уч оаш ы, 1 л		200 баш.	353 баш.	406 баш (1905)	569 баш.	739 баш	баш.	572 баш.
д. Айтмембетово (д.Айтмамбет)	65 баш.	176 баш.	271 баш.	311 баш (1905)	315 баш.	358 баш	баш.	273 баш.
Арх-Латышский сельсовет								
п. Бейсово (Ерембетово)	оаш.	129 баш.	87 баш.	103 баш (1905)	271 баш.	100 баш	баш.	129 баш.
д. Муллакаево (Ерембетово)	156 баш. (1839)	206 баш.	260 баш.	263 баш. 5 миш.	470 баш.	381 баш	баш.	235 баш.
Бакалдинский сельсовет								
д. Кылпы (Кызгино)	U2 оаш. (1850)	157 баш.	274 баш.	291 баш. (1905)	372 баш.	189 баш.	баш.	183 баш.
д. Тиракле	353 баш.	492 баш.	562 баш.	698 баш. (1905)	866 баш.	48 баш.	баш.	599 баш.
Краснозилимскмй сельсовет								
д. Кысынды	70 баш.	170 баш.	268 баш.	300 баш. (1905)	456 баш.	424 баш.	баш.	342 баш.
Липовский сельсовет								
Кумарлы	118 баш. (1816)	58 баш. (1834)	167 баш.	290 баш. (1905)	258 баш.	457 баш.	баш.	351 баш.
Михайловский сельсовет								
д. Верхние Лемезы (Трухман)	57 баш.	208 баш.	344 баш.	>33 баш.	515 баш.	332 баш.	баш.	150 баш.
Тввакачевский сельсовет								
д. Гайфулла		—	—	—	51 хоз.	19 баш.	[illegible]	48 баш
д. Тавакачево (Тауакас)	164 баш.	225 баш.	431 баш.	475 баш. (1905)	632 баш.	519 баш.	баш.	599 баш.
Узунларовский сельсовет								
с. Узунларово (д.Озондар)	155 баш.	312 баш.	Ш баш.	580 баш. (1905)	718 баш.	936 баш.	баш.	559 баш.

АСКИНСКИЙ РАЙОН

Нэселенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1895 (1870)	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Базанчатовский сельсовет								
д. Базанчатово			—	208 баш.	305 баш.	421 баш.	баш , тат.	328 баш., тат.
д. Каюмово (Абдул-Каюмово)			—	289 миш., 67 теп.	365 баш.	149 тат.	баш., тат.	50 баш., тат.
д. Улу-Елга				204 баш.	197 баш.	283 баш.	баш.	251 баш., тат.
Евбулякский сельсовет								
д. Куш куль		—	—	73 баш.	64 баш.	77 баш.	баш.	34 баш., тат.
д. Султанай	—	—		130 баш.	94 баш.	281 баш.	баш.	203 баш., тат.
Казанчиинский сельсовет								
д. Альягиш	—	—	83 баш.	177 баш.	159 баш.	239 баш.	баш.	132 баш.
д. Башг^ртостан					200 жит. (1939)	181 баш.	баш.	76 баш.
д. Новая Кара	—	—	—	253 баш.	251 баш.	371 баш	баш.	255 баш.
д. Старая Кара	—	—	—	213 баш.	198 баш.	255 баш.	баш.	76 баш.
с. Старые Казанчи		1426 баш.	1253 миш. (1870)	1549 теп., миш.	1603 баш., 61 рус.	1757 баш.	баш.	804 баш.
Кашкинский сельсовет								
д. Амирово (Еайгушево)	121 баш.	210 баш.	381 баш.	429 баш.	521 баш.	621 баш.	баш.	420 баш.
д. Бильгиш (Бальгиш)	65 баш.	190 баш.	380 баш.	599 баш.	564 баш.	601 баш.	баш.	417 баш.
д. Гумбино	90 баш.	249 баш.	387 баш.	679 баш.	605 баш.	390 баш.	баш.	223 баш.
Д. Кашкино	109 баш.	440 баш.	725 баш.	1102 баш.	1043 баш.	942 баш.	баш.	783 баш.
д. Новый Суюш	71 баш.	207 баш.	311 баш.	509 баш.	510 баш.	378 баш.	баш.	347 баш.
Кигазинский сельсовет								
Д. Давлятовка			—	139 миш., 80 теп.	223 баш.	276 баш.	баш.	129 баш., тат.
Д Кигазы	304 баш.	942 баш.	1449 баш.	1501 баш., 1 рус.	1433 баш.	1089 баш.	баш.	696 баш.
Д. Ольховый Ключ			—	27 хоз.	215 жит. (1939)	148 баш.	баш.	70 баш.
Кубиязовский сельсовет								
Д- Авадай					140 жит. (1939)	178 баш.	баш.	54 баш.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
с. Кубнязы	220 баш.	692 баш.	1288 баш.	2082 баш., 41 теп.	2213 баш.	1864 баш.	баш.	1445 баш.
д. Новые Багазы		85 баш.	154 баш.	275 баш., 150 рус.	283 баш.	445 баш.	баш.	не значится
Кунгаковский сельсовет								
д. Ключевой Лог	—	—		—	150 баш.	149 баш.	баш.	75 баш.
д.Кунгакбаш (Верхний Кунгак)	—	—	—	102 баш.	104 баш.	82 баш.	баш.	5 баш.
д. Ташлыкуль (Чишма)		151 баш.	L80 баш.	314 баш., 12 мар.	317 баш.	92 баш.	баш.	32 баш.
Карткисякский сельсовет								
д. Карткисяк (Старый Карткисяк)	295 баш.	486 баш.	723 баш.	718 баш.	885 баш.	924 баш.	баш.	620 баш.
Кшлау-Елгинский сельсовет								
д. Ваш-Язы			124 баш. (1905)	263 баш.	260 баш.	199 тат.	баш.	62 тат.
д. Кшлау-Елга			265 баш. (1905)	439 баш., 4 теп.	462 баш.	542 баш.	баш.	370 баш., тат.
д. Новые Казанчи (Кутлузбаш)	64 баш. (1850)	162 баш.	451 баш.	655 баш., 4 миш.	665 баш.	612 баш.	баш.	430 баш.
Мутабашевский сельсовет								
д. Большое Озеро					202 жит. (1939)	229 баш.	баш.	76 баш.
д. Мута-Елга					295 жит. (1939)	343 баш.	баш.	316 баш.
д. Новый Мутабаш	—	—	—	300 баш.	310 баш.	253 баш.	баш.	68 баш.
д. Старый Мутабаш (Мутабаш)	44 баш.	42 баш., 56 припущ	176 баш.	310 баш.	425 баш., 13 теп.	359 баш.	баш.	290 баш.
д. Тульгузбаш				354 баш.	345 баш.	424 баш.	баш.	262 баш., тат,
д. Тупралы (Бишкубыково)			116 теп. (1870)	418 баш., 2 теп.	255 жит. (1939)	237 тат.	баш., тат.	84 тат.
д. Хатмуллино	—	—	—	45 баш,	56 баш.	91 баш.	баш.	не значится
д. Чад (Сат)					129 жит. (1939)	97 тат.	баш., тат.	84 баш., тат.
д. Янаул	—	—	—	—	20 хоз.	123 тат.	баш., тат.	62 баш., тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
д7 Янкисяк (Анкисяк)					7 баш.	63 баш.	5аш., тат.	60 баш.
Петропавловский сельсовет								
"д. Ерма-Елань	—	—	132 баш.	204 баш.	327 баш.	ЬИ оаш.	иаш. баш.	130 баш., тат.
д. Шорохово					30 хоз.	178 баш.		
Султанбековский сельсовет								
д. Камашады			IUJ ИЧШ.	V—	ГМйа,.,	176 баш.	баш.	41 баш.
д. Султанбеково	48 баш. (1816)	219 баш.	лм Лат.	ПQ4 баш.	682 баш.	748 баш.	баш.	522 баш.
д. Чурашево	23 баш. (1816)	172 баш.	1кл ДИГ (ДЯ jj4 оаш.	баш 01' ИСШ-	595 баш.	450 баш.	баш.	214 баш.
Упканкулевский сельсовет								
д. Упканкуль	87 баш.	306 оаш.	311 МИШ 7Г/ ™— (1870)	515 fiа,,—	86Тбаш.	870 баш.	баш.	$24 оаш.
Урмиязовский сельсовет								
д. Новокочкильдино	118 баш. (1816)	288 оаш	.±	= 77Ь	«г,«,m	ffMhaш.	баш.	4ZJ0aш.
д. Старокочкильдино	140 баш.	254 баш	490 баш	588 баш.	587 баш.	495 баш.	баш.	335 баш.
с. Урмиязы	144 баш.	371 баш	655 баш.	Ю44 Оаш.	931 баш.	914 баш.	•	681 баш.
Уршадинский сельсовет								
д. Уршады	43 баш.	162 баи	415 баш.	580 баш.	595 баш.	481 Оаш.	оаш.	TZ1—^ 1? ЦQ Лит

АУРГАЗИНСКИИ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Балыклыкульский сельсовет								
д. Балыклыкуль		156 миш.	391 миш., 391 теп.	1551 теп., 625 миш. (1870)	3 дер.: 2211 теп., миш., тат.	623 тат.	тат.	472 тат.
Батыровский сельсовет								
д. Мустафино	29 баш., 69 теп.	190 баш.	480 баш., теп.	528 баш. (1870)	1689 баш., теп.	1010 тат.	тат.	565 рус.
д. Новоадзитарово	5 теп.	568 теп., 500 миш.		826 теп. (1870)	1511 теп.	562 тат.	тат.	452 тат.
д. Новоитекеево (Дюртюляк, Дюрт-Таян)	—	—	—	570 теп. (1870)	422 баш.	516 баш.	баш.	419 баш, тат.
д. Новомустафино	—	123 теп.	63 баш., 417 теп.	110 тат. (1870)	8 баш.	170 тат.	баш.	81 баш, тат.
д. Староитекеево (Гумеровка)	167 баш., 22 теп.	—	—	236 теп. (1870)	521 теп.	351 тат.	тат.	179 тат.
Ибраевскин сельсовет								
д. Баишево	—		155 теп.	255 миш.	263 миш.	234 тат.	тат.	78 тат.
Ишлинский сельсовет								
с. Ишлы	—		283 теп.	509 баш., 99 тат,	1588 теп.	1216 тат.	тат.	1035 тат.
д. Муксино	50 миш.	87 миш.	159 баш.	273 миш.	386 баш.	95 тат.	тат.	55 тат.
д. Старокузяково		—	291 теп.	432 баш., 125 тат.	285 баш, теп.	668 тат.	тат.	468 тат.
Кебячевский сельсовет								
д. Ибраево (Узеньбаш)	—	40 теп., 21 миш.	154 теп., миш.	607 теп., тат.	1040 теп,	116 тат.	тат.	60 тат.
д. Кебячево (Кобячево)	28 теп., миш.		37 тат. (1870)	110 теп., 56 миш., 51 тат.	677 миш, тат.	526 тат.	тат.	285 тат.
д. Микнибаево		—	25 баш.	58 баш.	74 баш.	11 баш.	баш.	30 баш, тат.
д. Ситдик-Муллино	—	56 баш.	68 баш.	75 баш.	193 баш.	156 баш.	баш.	51 баш.
Михайловский сельсовет								
д. Мурадымово	138 баш.	346 баш.	400 баш.	456 баш.	510 баш.	448 баш.	баш.	756 баш.
Нагадакский сельсовет								
д. Верхние Леканды	12 теп.	200 теп.		210 теп. (1870)		242 тат.	тат.	96 тат.
д. Нижние Леканды	—	—	—	158 теп. 31 миш. (1870)	674 миш, тат.	469 баш, тат.	баш.	225 тат., чув.
д. Сулейманово	61 баш.	77 баш.	90 баш.	124 баш.	170 баш.	128 баш.	баш.	47 баш.
д. Татарский Нагадак		—	—	454 баш. (1870)	899 теп.	568 тат.	тат.	375 тат.
д. Усть Белишево	27 баш, 95 припущ.		57 баш.	80 баш. (1870)	131 баш.	199 баш.	баш.	86 баш.
д. Утеймуллино	—	246 баш.	289 баш.	370 баш.	488 баш.	436 баш.	баш.	358 баш.
Новокальчировский сельсовет								
д. Кальчирбуран (Тимирбаево)	61 баш, 72 миш.	76 баш, 104 миш.		100 миш. (1870)	491 миш.	447 тат.	тат, чув.	305 тат.
д. Старотурумбетово (Дюртюли)	211 баш, 88 теп, 48 припущ.	226 баш.- припущ.	373 баш., 129 припущ.	415 теп, 32 миш.	960 теп., миш.	533 тат.	тат.	404 тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Семенкинекий сельсовет								
д. Верхний Бегеняш	182 баш., 193 не. тат., 74 теп.		34 баш., 547 миш.	369 баш., 397 теп. (1870)	476 баш.	212 баш.	баш.	97 баш.
д. Нижний Бегеняш	125 новокр. чув.			458 баш. (1870)	И 16 баш., теп.	434 тат.	тат.	239 баш, тат.
с. Семенкино	144 теп.	157 теп., миш.	752 теп., миш.	419 теп.. 389 миш.	2115 теп.	1075 тат.	тат.	775 тат.
Степановский сельсовет								
д. Назмитдиново	—	—	—	—	142 баш.	73 баш.	баш.	49 баш.
Султанмуратовский сельсовет								
д. Бакаево	20 сл. тат.	—	-	66 тат.	81 тат.	107 тат.	тат.	40 тат.
с. Султанмуратово	408 баш.		879 миш.	534 баш., 890 миш., 77 теп.	1999 миш., тат.	1361 тат.	тат.	714 тат.
Таштамакский сельсовет								
д. Гумерово	—	—	—	236 теп..	171 баш.,	100 баш,	Саш,	109 баш,
д. Турсугали	138 баш., 125 чув.	234 баш., 156 чув.		183 баш. (1870)	262 баш.	164 баш.	баш.	179 баш.
д. Усманово	120 баш. (1816)	129 баш.		163 баш., 52 тат.	395 баш.	297 тат.	баш.	183 баш.
Толбазинский сельсовет								
с. Толбазы	30 теп., тат.		525 теп., миш., тат.	570 теп. (1870)	1846 теп., тат.	2977 тат.	тат.	9022 тат.
Тряпинский сельсовет								
д. Заитово (Куль Илга)	—	S3 миш., теп.		133 баш., 139 теп.	320 тат.	385 тат.	тат.	263 тат.
Тукаевский сельсовет								
д. Ахметово	—	—	—	—	10 баш. хоз. (1925)	49 тат.	баш.	32 тат.
с. Тукаево	58 баш., 340 миш.	694 миш.		193 теп., 132 тат.	4758 баш., миш.	482 тат.	баш.	503 тат.
д. Тюбяково	—	—	—	75 баш.	254 баш.	258 тат.	баш.	167 тат.
Турсагалинский сельсовет								
д. Абдуллино	203 баш.	4	132 баш., 20 прип.	159 баш. (1870)	330 баш.	135 чув.	баш.	75 чув.
д. Юлдашево	—	—	—	—	138 жит. (1939)	118 баш.	баш.	63 баш.
Турумбетовский сельсовет								
д. Игенче	–	—	—	—	85 жит. (1939)	155 баш.	баш.	22 баш.
с. Новотурумбет	—	77 баш.	124 баш., 23 припущ.	371 баш.		443 жит. (1939)		
д. Салихово	—	—	—	~	5 хоз. (1925)	90 тат.	баш.	55 баш.
с. Турумбет	—	—	—	127 баш.	489 баш.	565 баш.	баш.	563 баш.
д. Усманово (Казбурун)	—	129 баш.	144 баш. (1850)	170 баш.	395 баш.	210 баш.	баш.	251 баш.
Уршахский сельсовет								
д. Старотимошкино	—		309 теп.	175 баш.	438 теп.	207 тат.	тат.	93 тат.
Д. Субхангулово	20 теп.			197 жит. (1906)	262 тат.	176 тат.	тат.	130 тат.
Д. Хасаново	—	—	—	196 баш.	228 баш.	56 тат.	тат.	18 тат.

БАКАЛИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Дияшевский сельсовет								
д. Новое Аэмеево				—	279 баш.	221 тат.	баш.	91 тат.
Камышлытамакский сельсовет								
с. Камышлытамак			410 баш.	925 баш.	95 баш.	794 баш.	баш.	529 тат.
д. Сакатово		239 баш.	288 баш.	620 баш.	634 баш.	518 тат.	баш.	308 тат.
д. Устюмово		196 баш.-припущ.	265 баш.	546 теп.	528 баш., теп.	357 тат.	баш.	220 тат.
Куштиряковский сельсовет								
с. Куштиряково		—	—	—	73 хоз.	483 тат.	баш.	416 тат.
д. Новый Тумутук (Тумутук)	88 баш., 95 теп.		—	132 теп.	312 баш., теп.	449 тат.	баш.	263 тат.
Михайловский сельсовет								
д. Нижнее Новокостеево		360 баш.-припущ.	615 баш., 46 теп.	—	71 рус.	49 рус.	баш., тат.	32 баш., тат.
д. Утарово		—	—•	664 тат., 3 рус.	1113 баш.	350 тат.	баш., тат.	252 тат.
д. Чумаля		—	—	261 баш., 447 тат.	101 теп.	194 баш.	баш., тат.	86 баш., тат.
Мустафинский сельсовет								
с. Мустафино	46 баш., 70 яс. тат.	145 баш.	345 баш., 308 тат.	1097 баш., 91 теп., 9 тат.	401 баш.	1590 тат.	баш.	1031 баш., тат.
д. Нарат-Елга	17 баш., 78 теп., 38 яс. тат.	—	299 баш.	261 баш., 447 теп.	643 баш.	38 тат.	баш.	185 тат.
Новокатаевский сельсовет								
с. Новокатаево		804 баш.	865 баш.	2071 баш., 8 теп.	1888 баш.	1038 баш.	баш.	615 баш., тат.
д. Старокатаево	141 баш.	505 баш.-припущ.	600 баш.	1326 баш., 19 теп.	1293 баш.	837 тат.	баш.	617 тат.
Новоматинский сельсовет								
д. Муллануровo					466 баш.	184 баш.	баш.	160 баш., тат.
Новоурсаевский сельсовет								
с. Новоурсаево		7. баш.-припущ.	—	684 баш., 9 ТЕП.	450 баш.	88 тат.	баш.	530 тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Староазмеевский сельсовет								
с. Старое Аэмеево	47 баш., 92 миш., 40 тр.п	—	449 рус, 139 черем., 61 миш.	207 баш., 16 теп.	1323 тат., рус.	—•/ тат.	тат.	tио тат.
Старокуручевский сельсовет								
д. Камаево	53 баш.	380 баш.	392 баш.	7 оаш., Ш 9 тел.	х 1 _ 1 теп.	/во наш.		
д. Новокуручево		–	–	472 баш., 6 теп.	456 баш.	363 тат.	баш.	1 ТО А ТЫ 1 г) оаш., тат.
с Старокуручево	101 баш.	1247 баш.	1305 баш.	659 баш., 1787 теп.	2363 баш., теп.	1808 баш.	баш.	1753 тат.
Старокуяновский сельсовет								
с. Старокуяново		236 баш.	276 баш.	802 баш., теп.	806 оаш.	04 _ тат.	наш.	тат.
Тактагуловский сельсовет								
д. Гурдыбашево					И хоз. (1925)	_уо оаш.	наш.	тат.
д Кандалакбашево					3 хоз. (1925)	311 баш.	баш.	128 тат.
с. Тактагулово	297 баш.	803 баш.	829 баш.	1591 баш., 4 теп.	1477 баш.	629 баш.	баш.	483 баш., тат.
Урманаевский сельсовет								
д Таллы-Сыза					85 хоз. баш., теп.	4У4 тат.	наш.	
с Урманаево			303 баш., 25 тат.	—	381 баш.	364 тат.	баш.	

БАЛТАЧЕВСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Богдановский сельсовет								
с. Богдан	149 миш. м.п.	1135 миш.	1179 миш.	2389 миш., 2 теп.	2134 миш.	804 баш.	баш.	410 тат.
Старый Тимка	184 миш. (1748 г.)	1207 миш,- припущ.	1285 миш., 4 рус.	2145 миш., 10 рус.	1987 миш.	871 баш.	баш.	547 тат.
Верхнеянактавский сельсовет								
д. Иштиряк	65 душ м.п. мещ.	419 миш.	449 миш.	725 миш., 9 рус.	625 баш.	533 тат.	баш.	276 баш., тат.
д. Чишма	45 душ. м.п. мещ.	272 миш.	295 мещ.	485 миш.	440 баш.	281 баш., тат.	баш.	185 баш., тат.
Зилязекулевский сельсовет								
д. Зилязекуль	114 миш. (1816 г.)	469 припущ.	469 припущ. (1870 г.)	754 мус, 105 баш.	736 миш.	492 баш.	баш.	298 тат.
д. Начар	38 душ. м.п. (1762 г.)	340 припущ.	707 жит. (1905)	798 миш.	787 миш.	587 баш.	баш.	414 тат,
Кумьязинский сельсовет								
п. Кумьязы	80 баш. (1816 г.)	347 баш.	377 миш. (1870 г.)	990 баш., 86 теп.	996 баш.	743 баш.	баш.	499 баш.
д. Старый Илекей	231 баш., 24 теп.	296 баш., 72 теп.	313 миш., 146 теп.	566 баш., 17 рус	511 баш.	304 баш.	баш.	210 баш.
Кундашлинский сельсовет								
д. Кундашлы	226 миш.	1058 миш.	1109 миш.	2533 миш.	2365 миш.	1551 баш.	баш.	962 тат.
д. Рахимкул	—	—	—	—	50 двор. миш.	261 баш.	баш.	99 тат.
Кунтугушевский сельсовет								
д. Кунтугуш	10 1 баш., 12 миш., 14 теп.	295 баш., 162 теп., миш	435 миш., 48 теп.	756 баш., 321 миш., 47 теп.	1046 баш., миш.	570 баш.	баш.	346 баш., тат.
Нижнекарышевский сельсовет								
Верхний Карыш	171м.и. миш. (1816 г.)	1071 миш.	1088 миш.	1942 мус, 98 баш., 9 рус.	1637 баш.	829 тат.	баш.	553 тат.
с. Нижний Карыш	33 душ м.п. (1762 г.)	918 миш.	948 баш.	1557 миш.	1641 миш.	829 тат.	баш.	500 тат.
д. Чуртанлыкуль	100 миш. (1816 г.)	302 миш.	323 миш., 3 теп.	442 жит. (1905)	503 миш.	277 тат.	баш.	210 тат.
Нижнесикиязовский сельсовет								
с. Нижний Сикияз	74 баш. (1834 г.)	162 баш.	174 миш.	1122 баш., 18 рус	1077 баш.	918 баш.	баш.	579 баш., тат.
д. Новый Якшсй	—	—	—	—	440 миш.	313 баш.	баш.	73 тат.
д. Тугагач	—	—	409 баш.	620 баш., 2 тат.	612 баш.	660 баш.	баш.	379 баш.. тат.
д. Урта-Елга	—	—	93 баш. (1905 г.)	224 теп., 24 миш.	248 баш.	141 баш.	баш.	50 мар., тат.
д. Ягафар	—	—	—	—	—	138 баш.	баш.	10 тат,
Норкинский сельсовет								
д. Имян	127 баш., 27 теп.	145 баш., 22 теп.	512 ниш. (1870 г.)	1128 баш.	872 баш.	445 баш.	баш., тат.	208 баш., тат.
д. Норкино	119 теп. м.п.	809 теп., миш.	249 баш., 578 теп.	1788 теп., 89 миш.	1723 баш.	727 баш.	баш.	557 тат.
д. Усманово	249 теп. м.п.	700 теп.	754 теп. (1870 г.)	1278 теп.	1211 теп.	544 баш.	баш.	244 тат.
Сейтаховский сельсовет								
с. Сейтяк	62 баш.	181 баш.	186 баш., 1217 теп.	502 баш., 33 теп.	525 баш.	1461 баш.	баш.	976 тат.
д. Старый Якшей	200 теп. м.п., 11 миш. м.п.	979 теп.	983 теп., 37 миш.	—	1499 теп.	979 баш.	баш.	557 баш., тат.
д. Чурапан	98 теп., 7 баш.	275 теп.	298 теп.	298 теп.	633 теп., 6 миш.	288 баш.	баш.	124 тат.

Продолжение табл.

1 I 3 | ^ZZCZELi- * 1 7 EZ-ZXZ

Старобалтачевский сельсовет								
с. Старобалтачево (Таныплар, Кулуево)	129 баш, 47 миш.	575 баш., 196 миш.	837 миш., 13 теп.	671 баш., 515 миш., 35 тат.	1056 баш.	2520 баш.	баш. 41	>1 баш., тат.
Староянбаевский сельсовет								
д. Бигильде	20 припущ.	369 припущ.	394 миш.	737 миш.	.03 миш.	114 баш.	баш.	-ю_ та 1.
д. Новый Султангул		43 миш.	103 миш.	234 миш.	10 хоз.	78 баш.	баш.	0 тат.
д. Новый Янбай		—	—	134 миш.	131 баш.	199 баш.	баш.	9 тат.
д. Старый Султангул	12 теп. м.п., 9 миш. м.п.	101 теп.	91 баш.	234 теп.	244 тат.	134 баш.	баш.	
д. Старый Янбай	19 миш. м.п.	769 припущ.	821 миш.	1314 миш.	1292 тат.	625 баш.	баш.	28 тат.
д. Уразай	33 миш. м.п.	1128 припущ.	1225 миш., 8 теп.	2014 миш.	1922 баш.	677 баш.	баш.	48 тат.
д, Чукалы	160 миш., 12 теп.	229 миш.	263 миш.	621 миш.	544 миш.	400 баш.	баш.	173 тат.
Тош-уровский сельсовет								
д. Манагаз	48 баш.	227 баш.	225 миш.	442 баш.	391 баш.	285 баш.	оаш.	чв иаш., тат.
д. Мишар	67 баш., 31 теп., 10 миш.	193 баш., 220 теп.	246 миш., 204 теп.	350 теп., 142 миш., 5 баш.	470 миш, были баш. и теп.	339 тат.	баш.	98 баш., тат.
д. Новый Балтач	111 баш., 40 теп.	450 баш., 244 прип.	477 миш., 188 теп.	849 баш., 273 теп.	1171 баш.,	834 баш.	баш.	J93 баш., тат
д. Тошкур	149 баш.	501 баш., 318 теп.	611 миш., 181 теп.	1215 баш., 412 теп., 148 миш.	1675 баш.	882 баш.	баш.	638 баш., тат.
д. Чыпчык	6 баш., 56 теп. (1816 г.)	8 баш., 295 теп,	156 теп., 51 миш., 24 тат,	433 теп., 58 миш., 50 баш.	452 баш.	тат.	баш.	37 баш., тат.
Тучубаевсжлй сельсовет								
д. Буляк	—	—	—	—		227 баш.	баш.	*bl* оаш., тат.
д. Верхний Кансияр	107 баш.	22 вотч., 295 тат.	472 теп.	29 баш., 842 тат.	811 теп.	479 баш.	баш.	296 баш., тат.
д. Нижний Кансияр	107 баш.	245 баш.	248 тат.	533 баш., 12 теп.	440 баш.	465 баш.	баш.	245 баш., тат.
(Кансиярово) д. Карга.™ (Старое и	84 баш.	413 баш.	237 тат., 4 баш.	1096 баш.	902 баш.	651 баш.	баш.	358 баш., тат.
Новое) д. Тучубай (Точибай)	65 баш., 116 теп.	300 баш., 435 теп.	679 тат., 392 теп.	669 баш., 491 тат.	1019 баш,, тат.	778 баш.	баш.	467 баш., тат.
д. Чиятау		основана в 1927 году				92 баш.	баш.	9 баш.
Шавъядинский сельсовет								
д. Тыкан	52 баш.	270 баш., 9 припущ.	287 теп., 6 миш.	617 баш., 37 теп.	642 баш.	500 баш.	баш.	251 тат.
д. Шавъяды	—	—		769 баш., теп., 172 тат.	914 теп., удм.	690 баш.	баш.	367 удм., тат.
Шталлинский сельсовет								
Д- Ардагыш		—	—			127 баш.	оаш.	э б оаш.
д. Мата	30 баш.	292 вотч.	210 баш.	918 баш., 19 прип.	887 баш.	625 баш.	баш.	461 баш.
д. Новый Тушкыр			—	—	—	168 баш.	баш.	48 баш.
д. Сандугач		—	—	—	—	115 баш.	баш.	12 тат.
Д. Ш та иды	70 баш. (1816 г.)	311 баш.	311 баш. 26 миш.	954 баш., 19 рус	891 баш.	757 баш.	баш.	686 баш., тат.
Д. Явъязы (Шавъязы)		—	—	—	914 теп., уд	И. 156 баш	баш.	19 баш., тат.
Ялангачевский сельсовет								
Д- Ялангач	29 миш., 6 теп. м.п	159 миш	437 миш 42 теп.	—	719 миш. тат.	447 баш	баш.	245 тат.

БЕЛЕБЕЕВСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Знаменский сельсовет								
Новоказанка	—	50 вотч.	83 баш.	190 баш.	183 баш.	! 14 тат.	баш.	47 тат.
Новосараево (Сараево)		563 баш.-припущ.	596 баш.	161 баш.	197 баш.	286 тат.	баш.	266 тат.
Метевбашевский сельсовет								
д. Акбасар		206 вотч, припущ.	296 баш,-припущ.	—	505 тат.	441 баш, тат.	баш.	167 тат, мар.
с. Метевбаш	171 баш.-припущ.	484 вотч, припущ.	314 баш.	6 баш, 1270 тат, 60 теп.	1271 тат.	974 баш, тат.	баш.	702 тат.
Тузлукушевский сельсовет								
д. Азикеево (Метев-Азикеево)		—		—	15 тат.	51 баш.	баш.	23 баш, тат.
п. Ирек	—	—	—	—	18 хоз. (1925)	252 баш.	баш.	99 баш, тат.
д. Исмагилово		174 вотч, припущ.	180 баш.	392 баш.	964 баш.	424 тат.	баш.	132 тат.
д. Тузлукуш	165 баш. 2 теп, 5 миш.	729 баш. припущ.	1055 баш.	5 баш, 1269 теп, 45 миш.	1190 теп,	612 баш.	баш.	295 баш, тат.

БЕЛОКАТАЙСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Атаршинский сельсовет								
д. Кадырово	186 баш.	364 баш.	402 баш.	462 баш. (1870)	346 баш.	178 баш.	баш.	308 баш.
д. Ураково	53 баш. (1795)	71 баш.	68 баш. м.п.	122 баш.	240 баш.	367 рус.	баш.	270 рус.
Бел янковский сельсовет								
д. Ашай	—	—	—	—	267 баш.	290 баш.	баш.	270 баш.
с. Бел ян	100 баш.	166 баш.	281 баш.	650 баш.	694 баш.	1372 баш.	баш.	1012 баш.
д. Кайыш	83 баш. (1795)	88 баш.	—	—	365 баш.	198 баш.	баш.	146 баш.
д. Киркеево	132 баш.	277 баш.	421 баш.	—	461 баш.	315 баш.	баш.	293 баш.
д. Новая Маскара	—	—	—	149 баш.	587 баш.	311 баш.	баш.	162 баш.
д. Старая Маскара (Ангастак)	140 баш.	270 баш.	420 баш.	250 баш. (1870)	421 баш.	331 баш.	баш.	136 баш.
д. Перевоз	—	—	—	—	146 баш.	165 баш.	баш.	19 баш.
д. Шандала		—	—	—	107 баш.	368 баш., рус.	баш., рус.	178 баш.
Карантралский сельсовет								
д. Юлдашево	64 баш.	56 баш.	187 баш.	198 баш. (1870)	312 баш.	294 баш.	баш.	182 баш.
Карлыхановский сельсовет								
д. Айдакай	170 баш.	229 баш.	311 баш.	422 баш. (1895)	629 баш.	439 баш.	баш.	284 баш.
д. Кургашка	62 баш. м.п.	136 баш.	293 баш.	273 баш.	328 баш.	181 баш.	баш.	62 баш.
д. Сандалашка	—	—	—	111 баш.	184 баш.	140 тат.	баш.	22 баш.
Майгазинский сельсовет								
д, Медятово	60 баш	91 баш.	160 баш	336 баш.	561 баш.	457 баш.	баш.	280 баш.. рус.
Ургалинский сельсовет								
д. Апсалям (Ургала-Апсалямово)	93 баш		359 баш	334 баш. (1870)	322 баш.	310 баш.	баш.	209 баш.
д. Есаулово (Ургала)		—	234 вотч	230 баш. (1870)	566 баш.	796 баш.	—	—
д. Морозовка (обр. после 1925 г.)		—	—	—	—	276 рус.	баш.	88 баш., рус.
с. Ургала (Есаулово)		—	• —	—	154 рус.	1024 рус.	баш.	1512 баш., рус
д. Хайбат	57 баш. м п.	115 баш.	229 баш.	240 баш	307 баш.	382 баш.	баш.	172 баш.

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	»
Утяшевский сельсовет								
д. Апут	67 баш. (1795)	126 баш.	171 баш.	242 баш.	337 баш.	400 баш.	баш.	333 баш.
д. Красный Пахарь	—	—	—	—	8 дв. баш.	187 баш.	баш.	127 баш.
Нижний Утяш	—	—	—	—	864 баш.	444 баш.	баш.	453 баш.
д. Верхний Утяш	355 баш.	422 баш.	579 баш.	687 баш. (1870)	465 баш.	298 баш.	баш.	212 баш.
Яныбаевский сельсовет								
д. Айгирьял (Новомечетлино)	—	—	—	131 баш.	280 баш.	382 баш.	баш.	222 баш.
д. Мунас (Марженгулово)	84 баш.	101 баш.	150 баш.	269 баш.	439 баш.	318 баш.	баш.	196 баш.
с. Яныбаево	100 баш.	281 баш.	382 баш.	572 баш.	705 баш.	728 баш.	баш.	817 баш.

БИЖБУЛЯКСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Литовский сельсовет								
с. Аитово	218 баш.	648 баш.	707 баш.	1622 баш.	1603 баш.	1663 тат.	баш.	1182 тат.
п. (Саримово	—	-	-	-	—	163 тат.	баш.	148 тат.
Биккуловский сельсовет								
с Биккулово	52 вотч.	198 вотч.	203 баш.	447 баш.	420 баш.	282 баш.	баш.	282 баш.
с. Дюсяново	69 баш.	279 баш.	331 баш.	669 баш.	777 баш.	502 тат.	баш.	513 баш.
с. Каныкаево	106 баш.	420 баш.	430 баш.	966 баш.	837 баш.	454 баш.	баш.	425 тат.
Демский сельсовет								
с. Азнаево	42 баш.	567 баш.	392 баш.	858 баш., 11 теп.	843 баш.	727 баш.	баш.	466 баш.
Елбулактамакский сельсовет								
с. Елбулактамак	164 баш.	307 баш.	401 баш.	1133 баш.	1048 баш.	640 тат.	баш.	720 тат.
д. Каскыново	92 баш.	187 баш.	287 баш.	378 баш.	438 баш.	233 тат.	баш.	188 баш.
д. Тукай	—	—	-	—	60 баш.	220 тат.	баш.	134 тат.
Кекгер-Менеузовский сельсовет								
с. Кенгер-Менеуз	246 баш., тат., теп.	788 припущ.	803 баш., тат., теп.	2030 теп., 6 тат.	2042 теп.	1658 тат.	тат.	1278 тат.
д. Кунаккулово	72 теп., 7 баш.	461 припущ.	503 баш.	1559 теп. 17 рус.	1504 теп.	925 тат.	тат.	505 тат.
Кош-Елгинский сельсовет								
с. Менеуз-Москва	34 баш., 39 теп., 25 яс.тат.	70 баш., 109 теп.	281 баш.	158 баш.. 373 теп., 226 тат.	769 теп.. тат.	586 тат.	тат.	298 тат.
Сухореченский сельсовет								
с. Исякаево	17 вотч.	162 баш.	219 баш.	496 баш.	480 баш.	338 тат.	баш.	177 тат.
п. Мурадымово	—	—	—	173 баш.	200 баш.	346 тат.	баш.	247 рус, тат.
с. Новый Биктяш	106 баш. (1834 г.)	255 вотч., припущ.	532 баш.	798 баш.	996 вотч., припущ.	451 тат.	баш.	346 тат.

БИРСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1793	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1		3	4	5	6	7	8	9
Верхнелачинтауский сельсовет								
д. Верхнелачинтау (Лачинтау)		538 вотч.	613 баш. (544 баш.)	852 баш., 29 миш., теп., 22 рус.	849 баш.	556 баш	баш.	308 баш., тат.
д. Нижнелачинтау		258 баш.	326 баш. (301 баш.)	393 баш.	384 баш.	328 баш	баш.	165 баш., тат.
д. Новобаишево			~		251 баш.	290 баш. тат.	баш.	137 тат.
д. Новоянтузово			967 баш.- припущ.	' г	1179 баш.	911 тат.	баш.	418 тат.
Мая лыковский сельсовет								
л. Аккаиново	35 баш.	47 баш.- припущ.	98 баш.	124 баш.	110 баш.	95 тат.	баш.	64 мар.,
Угузевский								
с. Угузево	43 оаш.	584 баш.	343 баш.	952 тат.	926 баш.	711 тат.	баш.	443 тат.

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ РАЙОН

Населенные пунки[	Численность населени по годам переписей							
1	1795	1859	1895	1917	1920	1959	1979	1989
2	1	3	Д	1	с			
Быковский сельсовет								
д. Аркаул					107 баш.	253 баш.	баш.	140 баш.
Изяковский сельсовет								
д. Новый Минзитар	~	Ш г....	J i warn.	щи оаш.	its баш.	215 баш.	баш.	115 баш., тат.
Иликовский сельсовет								
Д- Гумер					27 дв. баш.	223 тат.	баш.	125 тат.
д. Новый Илик			—	43 баш., 124 миш.	151 баш.	158 тат.	баш.	24 тат.
с. Старый Илик		669 припущ.	ИДШ., 690 теп.	i /1 / теп., 404 баш.	1857 баш.	671 тат.	баш.	485 тат.
Николаевский сельсовет								
П. Курри						144 баш.	баш.	77 баш.
Октябрьский сельсовет								
Д. Мухаметдин	—	МЛ д..	ЯГ=					
д. Карагайкуль			.ыи udiu.	juu оаш.	JU5 баш.	99 баш.	баш.	2 0 баш, тат.
Тугайский сельсовет								
д. Новые Турбаслы	51 Оаш."	" 7А0 fi*.."	ivoo иаш.	i ив оаш.	1074 баш.	132 баш.	баш.	5. башТ I тат.

БЛАГОВАРСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	1 3	1 4	1 S	6			9
Балышлинский сельсовет								
с. Балышлы	210 баш. 162 теп. (1834)	540 баш., 102 теп.	836 баш , 10 теп.	1922 баш.	1827 баш.	1304 баш.	баш.	586 тат.
д. Башбуляк	—	—	—	—	78 баш.	134 баш.	баш.	15 тат.
д. Новый Буляк				411 теп.	398 теп.	286 баш.	баш.	135 баш., тат.
д. Сарайлы Шуталыпово)	139 баш, 70 миш.		4446баш., 188 теп.	1109 баш.	997 баш.	615 баш.	баш.	335 баш, тат.
д. Старый Усман			281 баш., 101 теп.	188 баш.	210 баш.	172 баш.	баш.	93 баш., тат.
Кашкалашинский сельсовет								
с. Кашкалаши	439 миш. (1834)	402 миш., 8 теп.	1163 баш., 14 тат.	2174 миш, 66 баш.	2114 миш.	749 тат.	баш.	590 тат.
Кучербаевский сельсовет								
д. Ахмет			193 баш.	296 жит. (1905)	339 баш.	297 баш.	баш.	138 тат.
д. Ломово			157 тат.	51 баш, 354 тат.	451 тат.	277 тат.	баш.	113 тат.
п. Новый Абзан			210 жит. (1905)	225 баш.	304 баш.	261 баш.	баш.	145 тат.
с. Старый Абзан	28 баш., 75 теп.	667 баш.	125 баш., 535 тат.	322 баш, 774 тат.	977 баш.	699 баш.	баш.	399 тат.
с. Старый Кучербай	5 баш., 53 тат.	1053 крест.	1281 баш.	2745 баш., 309 тат.	2177 баш.	1013 тат.	баш.	1422 тат.
д. Тюркей (Туркаево)	58 баш., 95 миш.	173 баш,- припущ.	221 баш.	357 баш, 33 миш.	377 баш.	185 баш.	баш.	123 тат.
д. Тюрюштамак	50 миш. (1834)	97 тат. (1870)	78 жит. (1905)	134 баш, 26 миш.	161 тат.	173 тат.	баш.	105 тат.
д. Чулпан 2-й	—	—	—			324 баш.	баш.	184 тат.
Саининский сельсовет								
Д. Старый Амир		52 баш. (1834)	32 баш.	171 баш. (1905)	239 баш.	125 баш.	баш.	24 баш, рус, тат.
с. Старые Санны (Санны-Ильчембет)	256 баш.		515 баш., 39 тат.	941 баш. (1905)	909 баш.	399 баш.	баш.	416 баш., тат.
Сынташтамакский сельсовет								
Д.Дусмет (Дюсметово)		186 баш., миш. (1834)	235 баш., 49 теп.	443 баш, миш, теп.	414 баш.	153 баш.	баш.	43 тат.
Д. Новый Сынташ				458 миш, 67 теп.	482 баш.	351 тат.	баш.	91 тат.

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
д. Старый Сынташ	59 баш.		376 баш.	254 баш.	247 баш.	169 баш.	баш.	77 тат.
с. Сынташтамак			319 баш., 61 теп.	659 баш, миш, теп.	595 баш.	191 баш.	баш.	164 тат.
д. Улы Аряма	105 баш.- припущ.	204 баш.- припущ.	225 баш.. 49 теп.	537 баш, 212 миш. теп.	528 баш.	232 Ьаш.	оаш.	I4U тат.
Тановский сельсовет								
д. Агарды	17 баш., 24 миш.	266 теп.	476 баш.	742 баш.	742 баш.	534 баш.	баш.	286 тат.
д. Кугуль	—	—	195 баш.	240 баш.	208 баш.	211 тат.	баш.	127 тат.
д. Кызыл-Чишма					25 хоз. (1925)	142 тат.	баш.	89 тат.
с. Такчура				284 миш, 216 теп.	479 баш.	328 тат.	баш.	221 тат.
д. Усманово			281 баш., 101 теп., 16 тат.	в 3-х дер. 906 баш, теп.	в 3-х дер. 910 баш.	192 тат.	баш.	73 тат.
д. Чатра	—	—		—	149 миш.	178 баш.	баш.	119 тат.
Удрякбашевский сельсовет								
д. Таллыкуль					166 жит. (1939)	131 баш.	баш.	90 тат.
с. Удрякбаш	11 баш, 276 мещан	1143 баш.	1215 баш.	2974 баш.	2832 баш.	838 баш.	баш.	510 тат.
д. Шамеево (Новые Балышлы)			131 баш.	266 баш. (1905)	329 баш.	197 баш.	баш.	87 тат.
Ямакаевский сельсовет								
д. Баштерма	84 баш.	357 баш.	369 баш., 3 теп.	189 баш., 142 миш.	325 баш.	99 баш.	баш.	29 баш, тат.
д. Слакбаш					101 жит. (1939)	110 баш.	баш.	33 баш, тат.
Янышевский сельсовет								
д. Кызыл-Юлдуз					82 жит. (1939)	130 баш.	баш.	79 тат.
д. Нейфельд					61 жит. (1939)	30 баш.	баш.	23 тат.
д. Шарлык		162 теп., 41 миш.	625 баш., теп. черем.	1026 баш.	ИЗО баш.	694 баш.	баш.	506 тат.
с. Янышево	100 баш.	152 баш.	759 баш., 377 теп.	241 баш, 1243 миш, 282 теп.	1783 баш.	989 баш.	баш.	384 тат.

БУЗДЯКСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Н	Арслановський сельсовет							
с. Арслановo	262 баш.	680 припущ.	933 баш, 157 тат.	1664 теп, 3 миш.	1555 баш.	822 баш.	баш.	535 баш, тат.
д. Иштиряк.	—	—			49 баш.	92 тат.	баш.	41 баш, тат.
с. Старые Богады	245 баш, 31 теп.	723 вотч, припущ.	758 баш.	1354 теп, 4 миш.	1284 баш.	*.86 баш.	баш.	496 баш.
д. Шланлыкулево	78 баш, 103 теп.	420 вотч, припущ.	487 баш, 902 теп.	54 баш, 961 миш, 585 теп.	1400 теп, тат.	564 тат.	баш.	276 тат.
——————"	Буздякский сельсовет							
с. Буздяк	23 баш.,75 тат.	83 баш.	101 баш, 957 тат.	273 баш, 1974 миш, 55 рус.	2051 баш, тат.	762 тат.	тат.	8707 тат.
	1'афурийск.ий сельсовет							
д. Сыртланово	-	—	220 баш. (1905)	292 баш.	340 баш.	113 баш.	оаш.	ii оаш, тат.
	Канны-Туркеевский сельсовет							
с. Канны-Туркеево	224 баш.	672баш.	758 баш.	1358 баш, 6 теп.	1155 баш.	616 баш.	оаш.	ЬIУ оаш.
д. Каранай	84 баш.	140 баш.		269 баш, 648 теп.	237 жит. (1939)	182 баш	баш.	37 баш.
д. Клятаяк (Клятояк)	—	—	—		343 жит. (1939)	263 баш	баш.	62 баш.
д. Таллыкулево	-		—	482 баш, 28 мордв.	421 баш.	434 баш	баш.	292 баш.
д. Телякай-Кубово	144 баш.	699 вотч, припущ.	690 баш.	471 баш.	426 баш.	216 баш	баш.	74 баш.
——————"	Капей-Кубовский сельсовет							
с. Батырша-Кубово	-	313 вотч, припущ.	624 баш,	683 миш, 233 теп.	822 теп, миш.	682 баш	оаш.	j'tj оаш, тат.
с. Большая Устюба	134 баш., 110 теп.	843 вотч, припущ.	889 баш, 62 тат.	69 баш, 1543 теп.	1294 баш.	577 тат	баш.	356 баш, тат.
с. Казаклар-КуСово	-			718 баш, 4 миш.	702 баш.	392 баш	баш.	241 баш.
с. Капей-Кубово	56 баш, 140 теп, 63 тат.	788 вотч, припущ.	726 баш, 82 тат.	2074 теп, 251 баш.	20918 баш, теп.	1454 баш.	баш.	932 баш, тат.
д. Каранбаш		-	—		24 хоз. (1925)	161 баа	баш.	61 баш, тат.
	Каранский сельсовет							
с. Амирово (Старо-, Ново-)	122 баш.	358 припущ.	410 баш.	479 баш, 8 рус.	611 баш.	316 баш	оаш.	4Ю оаш, тат.
д. Байраш		387 прНпуЬд.	409 баш.	640 припущ.	564 баш.	160 баш	баш.	91 тат.
д. Ишменево	—	127 припущ.	116 баш.	191 припущ.	159 баш.	61 баш	баш.	41 баш, тат.
с. Каран	—	602 припущ.	679 баш.	1093 теп	985 баш.	627 баиI.	баш.	509 тат.
с. Новый Актау	—	—	225 баш.	232 теп.	317 баш.	257 баиj.	баш.	Ьо*оаш, тат.
с. Сабанаево	100 баш, 95 теп.	319 припущ.	367 баш.	435 баш. 3 миш.	662 оаш, теп.			230 баш. тат.
с. Старый Актау	—	865 припущ.	895 баш.	1376 теп 1 рус.	1286 оаш.			368 тат.
Д. Ураново (Багрян)	-	—	641 баш.	877 теп. (1905)	929 баш.	407 тат.	тат.	348 баш, тат.
Д- Юрактау			~ ~ — -	237 теп.	232 баш.	120 баи,	баш.	34 тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Кллимовский сельсовет								
с. Шигайкулбаш	—			12 баш, 59 тат.	92 баш.	112 баш.	баш,	75 тат.
д. Якуп	—	—	279 баш.	451 жит. (1905)	556 баш, тат.	495 баш.	тат.	392 баш, тат.
Кузеевский сельсовет								
с. Кузеево	59 баш., 47 тат., 9 миш.	308 вотч, припущ.	167 баш, 296 тат.	543 баш. 625 тат.	1105 баш, теп.	708 баш.	баш.	464 баш, тат.
д. Письмянтамак	—	—	44 баш. (1902)	77 баш.	83 баш.	68 тат.	баш.	46 баш, тат.
д. Чишма			—	379 баш.	368 баш.	334 баш.	баш.	174 баш, тат.
Сабаевский сельсовет								
д. Новый Шигай	—	—	158 жит. (1905)	202 баш.	192 баш.	219 баш.	баш.	10 баш, тат.
с. Сабаево (Старый)	102 баш., 194 теп.	647 вотч, припущ.	1155 баш.	687 баш, 1667 теп.	1369 баш.	892 баш.	баш.	777 баш, тат.
с. Старый Шигай (Шагаево)		402 баш.	463 баш.	548 теп, 348 баш.	812 баш.	433 баш.	баш.	193 баш, тат.
д. Хазимян	—	—	—	—	297 баш.	162 баш.	баш.	94 баш.
д. Яны Сабай	—	—	—	—	244 баш.	—		208 баш.
Севадыбашевский сельсовет								
д. Бакча	—	—	—	—	41 хоз. (1925)	73 баш.	баш.	3 тат.
д. Биек (Курбангалеево)		—	—	—	87 жит. (1939)	73 баш.	баш.	4 тат.
д. Нижняя Чатра		—	—	176 миш.	149 баш.	161 баш.	баш.	71 тат.
д. Севадыбашево	157 миш., 21 теп.	610 припущ.	669 баш.	1648 баш.	1586 баш.	169 баш.	баш.	688 тат.
Тавларовский сельсовет								
с. Кубяк	10 баш, 120 теп.	495 вотч, припущ.	526 баш.	845 теп, 127 баш.	779 баш.	651 баш.	баш.	443 баш, тат.
с. Тавларово	106 баш, 89 теп.	1090 вотч, припущ.	1313 баш.	738 баш, 1960 теп.	1732 баш.	926 баш.	баш.	823 баш., тат.
Тюрюшевский сельсовет								
д. Каразирек	168 баш.	461 вотч.	475 баш.	429 баш. 724 теп.	1149 баш, теп.	377 баш.	баш.	125 тат.
д. Кызыл-Яр	—			—	273 баш.	313 баш.	баш.	254 тат.
с. Тюрюшево		899 припущ.	1208 баш, 95 тат.	69 баш, 2394 миш, 457 теп.	2896 баш,	1210 баш.	баш.	944 тат.
Урзайбашевский ельсовет								
д. Киязибаш		—	–	—	18 хоз. (1925)	211 тат.	баш.	49 тат.
д. Кызыл-Елга		—	—	—	190 жит. (1939)	149 тат.	баш.	65 тат.
с. Урзайбаш	30 баш., 257 теп.	1078 вотч, припущ.	1198 баш.	268 баш, 2217 теп.	2337 баш.	045 тат.	баш.	792 баш, тат.
Уртакульский сельсовет								
с. Киска-Елга	109 баш, 14 теп.	427 вотч, припущ.	479 баш.	1026 теп, 19 тат.	989 баш.	600 баш.	баш.	488 баш, тат.

ГАФУРИЙСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белоозерский сельсовет								
д. Татарский Сасыккуль	40 теп. (1783)	135 теп.	150 теп.	276 теп, тат.	492 теп.	544 тат.	тат.	273 рус, тат.
Вельский сельсовет								
с. Инзелга	40 теп.	304 тат.	337 теп.	569 тат	914 тат.	741 тат.	тат.	471 тат.
д. Кутлугуза	36 баш, 21 теп.	185 баш.	80 теп.	736 баш, теп.	960 баш, теп.	727 тат.	баш.	379 тат.
д. Новокармышево	—	—	—	211 вотч.	255 баш.	289 баш.	баш.	98 тат.
Вурлинский сельсовет								
д. Баимбетово	152 баш.	204 баш, 11 припущ.	220 баш.	246 баш.	324 баш.	327 баш.	баш.	210 баш.
с. Бурлы	109 теп.	344 теп, миш.	752 теп.	824 теп, миш.	1254 теп, тат.	966 тат.	тат.	591 тат.
д. Зириково	—	178 вотч.	1.4 баш.	327 баш. (1905)	405 баш.	377 баш.	баш.	228 баш.
с. Курмантау	100 миш.	401 миш.	456 баш.	740 баш.	1074 теп.	837 тат.	тат.	494 тат.
д. Явгильды	152 баш.	214 баш.	227 баш.	299 баш.	449 жит. (1939)	433 баш.	баш.	259 баш.
Буруновский сельсовет								
д. Базиково	15 баш, 66 теп.	184 баш, теп, тат.	206 теп, 86 тат.	669 жит. (1905)	873 баш, тат.	461 тат.	баш.	282 тат.
Зилимхарановский сельсовет								
п. Абдуллино	—	—	—	—	173 жит. (1939)	132 баш.	баш.	73 баш, тат.
д. Бак рак	53 баш.	148 баш.	164 баш.	232 баш. (1905)	324 баш.	374 баш.	баш.	183 баш.
д. Большой Утяш	170 баш.	41 дв. баш.	255 баш.	309 баш.	434 баш.	416 баш.	баш.	248 баш.
с. Зилим-Караново	281 теп. (1834)	284 баш, теп.	237 баш, 378 теп.	900 баш, теп.	1228 баш, теп.	737 баш.	тат.	517 баш, тат.
д. Ибрагимово	242 баш.	262 баш.	280 баш.	366 баш. (1905)	410 баш.	172 баш	баш.	394 баш.
д. Кызыл Яр	-	—	—	—	108 жит. (1939)	93 баш.	баш.	49 баш, тат.
д. Малый Утяш	88 баш.	32 дв.	203 баш.	93 баш.	163 баш.	189 баш.	баш.	121 баш.
д. Новозириково	—	—	—	304 баш.	250 баш, чув.	222 чув	чув.	111 чув.
д. Средний Утяш	90 баш.			211 баш.	248 баш.	221 баш.	баш.	76 баш.
д. Узбяково	179 баш.	295 баш.	302 баш.	356 баш. (1905)	494 баш.	411 баш	баш.	430 баш.
д. Якты-Куль (Имангул)	96 баш. (1834)	106 баш, 6 припущ.	97 баш.	167 баш. (1905)	189 баш.	227 баш.	баш.	54 баш.
Имендяшевский сельсовет								
с. Имендяшево	360 баш.	542 баш.	469 баш.	563 баш.	836 баш.	672 баш	баш.	435 баш.
с. Карагаево	—	—	—	214 жит. (1905)	556 рус.	286 рус	баш.	293 баш.
д. Му раз	35 вотч.	92 баш.	88 баш.	132 баш.	167 баш.	189 баш.	баш.	145 баш.
Д. Новотаишево		—	—	—	154 жит. (1939)	144 баш.	баш.	31 баш, чув.
Д. Таш-Асты	60 баш.	68 баш.	ИЗ баш.	90 баш.	90 баш.	199 баш.	баш.	119 баш.
Д. Таишево	247 баш.	502 баш.	572 баш.	721 баш. (1905)	801 баш.	281 баш.		221 баш.
Д-Юрмаш	-		—	—	—	424 баш.	баш.	224 баш.

Продолжение табл.

1	1 >	3		5	• 1 ?		1 »
Кавардинский сельсовет							
д. Акташево	20 баш.	102 баш.	104 баш.	165 баш. (1905)	232 баш.	285 баш.	баш.	175 баш.
с. Каварды	553 баш.	1011 баш.	1030 баш.	1067 баш. (1905)	1480 баш.	928 баш.	баш.	877 баш.
д. Сабаево	248 баш.	263 баш.	171 баш.	195 баш. (1905)	276 баш.	376 баш.	баш.	223 баш.
с. Юлуково	334 баш.	482 баш.	622 баш.	737 баш. (1905)	848 баш.	905 баш.	баш.	835 баш.
Мраковский сельсовет							
д. Карлы	—	—	—	—	299 баш.	232 баш.	баш.	99 баш.
с. Мраково (1-ое, 2-ое) (Талатар)	77 вотч., 53 баш,- припущ.	112 баш., 176 чув.	495 баш., 332 чув.	955 вотч., теп.	805 баш., теп.	1049 тат.	баш, тат.	705 чув.
Саитбабинский :ельсовет							
п. Мм я иле к	—	—	—	—	—	226 баш.	баш.	155 баш.
п. Каран-Ел га	82 баш.	276 баш.	282 баш.	310 баш.	463 баш.	390 баш.	баш.	2.91 баш.
д. Кулканово	90 баш.	342 баш.	343 баш.	356 баш.	672 баш.	335 баш.	баш.	178 баш.
д. Саитбаба	300 баш.	860 баш.	864 баш.	992 баш.	1698 баш.	1938 баш.	баш.	1396 баш.
д. Тугаево	60 баш., теп. (1816)	426 баш.- п рш v[[;	436 баш.	744 баш.- припущ.	1064 теп.	133 баш.	баш.	99 баш.
д. Усманово	191 вотч.	498 вотч.	501 баш.	650 вотч.	675 баш.	441 баш.	баш.	397 баш.
д. Юзимяново	70 баш.	172 баш.	175 баш.	263 баш.	366 баш.	451 баш.	баш.	397 баш.
Ташбукановский сельсовет							
д. Верхний Ташбукан	251 баш.	399 баш- припущ.	419 баш.	452 баш.- припущ.	409 баш.	283 баш.	баш.	118 баш.
п. Кургашла	—	—	—	—	2 хоз. рус. (1925)	118 баш.	баш.	503 баш.
с. Нижний Ташбукан	114 баш.- припущ. (1834)	584 баш.- припущ.	465 баш.	720 баш., припущ.	655 баш.	598 баш.	баш.	239 баш.
Ташлинский сельсовет							
п. Мендим (Мрязозово, Му разово)	—	—	88 баш.	127 баш. (1905)	167 баш.	329 баш.	баш.	601 баш.
Толпаровский сельсовет							
д. Толпарово (Ишимбет)	94 баш. (1834)	107 баш.	133 баш.	181 баш.	217 баш.	393 баш.	баш.	234 баш.
Утяковсхий сельсовет							
п. Игенчеляр	—	—	—	5 хоз. рус. (1925)	304 жит. (1939)	189 баш.	баш.	123 тат.
п. Иктисад	—	—	—	—	89 жит. (1939)	55 баш.	баш.	11 баш., тат.
д. Тугаево	—	—	436 баш.	853 жит. (1905)	1064 теп.	733 баш.	баш, тат.	337 тат.
с. Утяково	184 баш., теп.	127 вотч., 322 теп.	931 баш.	1822 баш,, теп.	800 баш., 1553 теп.	1166 баш.	баш.	739 баш., тат.
Янгисханнский сельсовет							
с. Янгискаин	35 баш. (129 баш.- 1811)	168 вотч., 32 теп.	114 баш., 802 теп., 425 миш.	1924 баш., теп., миш.	2987 баш., теп.	2094 баш.	баш.	1011 тат.
п. Урал	—	—	—	—	—	149 баш.	баш.	62 тат.

ДАВЛЕКАНОВСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	*	5	6	7	8	9
г. Давлеганово	184 баш.	412 баш. (1850)	388 баш.	202 баш., 26 рус, 21 тат.	5919 рус.	17072 рус, баш, тат.	рус.	21249 баш, тат., рус
Алгинский сельсовет								
с. Курьятмасово	549 баш., 9 теп.	488 баш, теп.	538 баш.	1622 баш., 45 мордва	1526 баш.	991 баш.	баш.	640 баш, тат.
Бик-Карамалинский сельсовет								
д. Альметово				215 теп, 137 мус.	392 баш.	78 тат.	тат.	18 тат.
д. Бик-Карамалы (Биктемир-Карамалы)		533 припущ.	632 баш.	1529 миш, 11 баш.	1334 миш.	536 тат.	тат.	281 тат.
д. Искандарово	73 миш. (1816)	114 миш. м.п.	504 баш., 200 тат.	708 миш, 224 тат.	935 миш.	595 тат.	тат.	297 тат.
Имай-Карамалинский сельсовет								
д. Имай-Карамалы	241 миш.	769 миш.	839 баш.	1700 баш.	1554 баш.	556 тат.	тат.	327 тат.
д. Новомерясово			131 жит. (1905)	379 баш., 2 тат.	362 баш.	135 баш.	баш.	133 баш.
д. Старомерясово	125 баш.	426 баш.	397 баш.	380 баш., 13 рус.	373 баш.	271 баш.	баш.	193 баш.
д. Ташлытамак	152 миш. (1816)	325 миш.	399 миш.	599 баш.	555 миш.	273 тат.	баш.	118 тат.
с. Ташлы-Шаркпово	93 теп. (1816)	394 теп.	405 теп.	915 теп.	805 тат.	423 тат.	тат.	358 тат.
д. Япар-Янбеково			89 жит. (1905)	165 баш.	169 баш.	194 баш.	баш.	110 баш.
Кадыргулевский сельсовет								
д. Гумерово			135 жит. (1905)	133 баш.	127 миш.	118 тат.	тат.	70 тат.
д. Кадыргулово	55 баш.	145 баш. (1850)	179 Оаш.	282 баш.	256 баш.	203 баш.	баш.	181 баш.
д. Новоянбеково (Янбеково)	76 баш.		271 баш.	443 баш.	381 баш.	227 баш.	баш.	218 баш, тат.
д. Хусанново	70 баш.	248 баш.	235 баш.	140 баш.	228 баш.	342 баш.	баш.	240 баш.
Казангуловский сельсовет								
д. Исмагилово		102 баш. (1834)	180 баш.	392 баш.	347 баш.	244 баш.	баш.	125 баш.
д Казангулово	200 баш., 14 теп.	472 баш., теп.	469 баш.	735 баш, 12 тат.	655 баш.	420 баш.	баш.	396 баш.
д. Старояппарово	237 баш.	738 баш.	724 баш.	665 баш.		387 баш.	баш.	271 баш.

Продолжение табл

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Кидрячевский сельсовет								
д. Бурангулово	88 баш.	585 баш.	591 баш.	865 баш. (1905)	884 баш.	412 баш.	баш.	311 баш.
д. Кидрячево	80 баш.	380 баш.	413 баш.	762 теп., 85 баш.	804 баш., теп.	608 баш.	баш.	441 баш.
д. Чапаеве-(Сапай)	85 баш.	395 баш.	498 баш.	742 теп, 17 рус.	663 баш.	423 баш.	баш.	377 баш.
Курманкеевский сельсовет								
д. Дюртюли	62 баш, 8 яс. тат.	220 баш. (1834)	343 баш.	498 баш.	460 баш.	371 баш.	баш.	323 баш.
д. Курманкеево	216 баш, 172 яс. тат.	539 баш.	581 баш.	474 баш, 5 рус.	444 баш.	325 баш.	баш.	258 баш.
д. Новоаккулаево	—	—	—	–	5 хоз. баш.	300 баш.	баш.	238 баш.
Мякашевский сельсовет								
с. Мякашево (Маляш)	107 баш., 12 теп.	248 баш, 46 теп.	499 баш.	1187 баш.	1103 баш, теп.	750 баш.	баш.	619 баш
Соколовский сельсовет								
д. Старошарипово	157 баш.	206 баш.	189 баш.	234 баш.	215 баш.	195 баш.	баш.	130 баш.
Раевский сельсовет								
с. Аюханово	140 гос.кр. 11 купц.	180 крест, 18 купц.	507 тат, 11 теп.	113 новобаш.	930 тат.	429 тат.	тат.	280 тат.
д. Раево			—	109 жит. (1905)	448 рус.	114 рус.	тат.	274 тат.
Чуюнчинский сельсовет								
с. Чуюнчи	592 миш, 9 сл. тат.	1689 миш.	1837 баш.	3664 миш, 23 баш.	3131 миш.	960 тат.	тат.	472 тат.

ДУВАНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1905	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Арисвский сельсовет								
с. Ариево	76 баш.	256 баш.	119 баш.	417 баш.	461 баш.	294 баш.	баш.	399 баш.
д. Верх. Абсалямово	51 баш.	390 баш.	432 баш.	667 баш.	419 баш.	68 баш.	баш.	65 баш.
д. Маржангулово	78 баш.	296 баш.	329 баш.	520 баш.	613 баш.	361 баш.	баш.	222 баш.
д. Мулькатово	108 баш.	128 баш.	109 баш.	93 баш.	196 баш.	163 баш.	баш.	209 баш.
д. Ниж. Абсалямово (Ахметово)		20 баш.	11 баш.	8 баш.	—	76 баш.	баш.	—
Месягутовский сельсовет								
Д- Абдращитово	242 баш. (1834)	310 баш.	302 баш.	496 баш.	555 баш.	351 баш.	баш.	328 баш.
д. Нонохалилово		—	—	—	216 баш.	148 баш.	баш.	94 баш.

Продолжение табл

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Д. Старохалилово	196 баш.	334 баш.	282 баш.	554 баш.	331 баш.	516 баш.	баш.	270 баш.
Рухтинский сельсовет								
д. Кадырово	202 баш.	364 баш. (1834)	462 баш.	609 баш.	602 баш.	537 баш.	баш.	427 баш.
Улькундинский сельсовет								
д. Елактуб		85 миш. м.п.	—	423 жит. (1905)	753 миш.	405 тат.	тат.	141 тат.
с. Улькунды	775 миш, 58 теп. (1834)	786 миш., теп. м.п.	1569 баш, 88 теп.	1883 жит.	2742 миш.	1726 тат.	тат.	1425 тат.

ЕРМЕКЕЕВСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Абдулкаримовский сельсовет								
с. Абдулкаримово	28 баш, 32 теп.	440 баш, теп, миш.	592 баш.	_3 баш, 769 теп, 363 миш.	1132 баш, теп, миш.	995 тат.	баш.	531 тат.
Бекетовский сельсовет								
с. Новотураево		442 баш.	168 баш.	405 баш.	364 баш.	286 тат.	баш.	156 рус.
Восьмимартовский сельсовет								
с. Новошахаво	—	127 баш.	277 баш.	661 теп, 7 миш.	578 баш.	431 баш.	баш.	303 тат.
Ермекеевский сельсовет								
с. Ермекеево (Бейкей)	29 баш, 30 припущ. м.п.	679 баш.	749 баш. (1465 баш. 1895)	1558 теп, 78 миш, 34 рус, 16 тат.	1974 баш.	2626 тат	баш.	3481 тат.
Исламбахтинский сельсовет								
с. Исламбахты	35 баш, 57 теп. (372 вотч. 1816)	414 вотч, припущ.	443 баш, (1004 баш. 1895)	1379 баш, 6 теп, 4 рус.	1298 баш.	849 баш	баш.	493 баш, тат.
п. Разъезд Ик	-	–	—	—	66 жит. (1939)	144 баш	баш.	39 тат.
Кулбаевский сельсовет								
с. Кулбаево	44 баш, 9 теп, 4 яс. тат.	290 вотч, 4 теп.	367 баш.	327 баш, 308 теп, 258 тат.	839 баш, тат.	561 тат,	тат.	423 тат.
Кызыл-Ярский сельсовет								
с. Кызыл-Яр	-	—	—	224 баш, 1 миш.	273 баш.	250 баш.	баш.	112 тат.
с Суерметово	49 баш, 35 теп.	160 баш, теп.	206 баш.	82 баш, 361 теп.	438 баш, теп.	319 баш.	баш.	241 баш, тат.
Рятамакский сельсовет								
с. Рятамак	118 баш, 35 теп. (245 баш.- 1816)	' 245 баш.	708 вотч, припущ.	1467 баш. 544 теп, 114 тат.	1563 баш.	1407 баш.	баш.	1016 баш.
Спартакский сельсовет								
д. Новое рмекеево	—	—	—		177 жит. (1939)	135 тат	баш.	97 тат.

Продолжение табл.

1	3	«	7					
Старосуллинский сельсовет								
с. Старые Сулли	103 баш. (160 баш.-1816)	260 вотч, припущ.	476 баш.	312 баш, 635 теп, 271 тат.	1097 баш,теп.	787 тат.	баш.	435 тат.
Старотураевский сельсовет								
с. Абдулово	32 *Ниш.*, 45 теп, 31 тат.	281 баш, вотч, припущ.	367 баш.	79 баш, 407 теп, 248 миш.	808 баш, теп, миш.	699 баш.	баш.	377 тат.
с. Старотураево (Тураево)	167 баш.	817 вотч, припущ.	950 баш.	1477 баш, 629 теп.	2035 баш,теп.	1517 баш.	баш.	825 тат.
Старошаховский сельсовет								
с. Старошахово	49 баш, 64 теп. м.п. (1816)	394 вотч, припущ.	441 баш. (921 баш, 1895)	668 баш, 545 теп.	1250 баш. теп.	138 баш.	баш.	466 тат.
Тарказинский сельсовет								
с. Атамкуль(Таваш-лы)	46 баш. (1816)	121 баш,	135 баш.	421 баш, 6 рус.	433 баш.	345 баш.	баш.	145 баш, тат.
с. Тарказы	42 баш. 6 теп.	463 вотч, припущ.	657 баш.	1192 баш, 394 миш, 119 теп.	1585 баш, миш.	1236 баш.	баш.	811 баш, тат.
п. Чулпан	—	—	—	—	142 жит. (1939)	215 баш.	баш.	55 тат.
Усман-Ташлинский сельсовет								
с. Усман-Ташлы	78 баш, 174 теп.	664 вотч, припущ.	823 баш.	1512 теп, 190 тат.	1786 теп,	1118 тат.	тат.	593 тат.

ИГЛИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Аккузевский сельсовет								
д. Урунда	—	210 теп. (1834)	273 тат. (1870)	528 баш.	542 баш.	342 тат.	баш.	223 тат.
Красновосходский сельсовет								
д. Ишамчурино (Теляк)	—	—	104 баш.	145 баш.	118 баш.	209 тат.	баш.	—
д. Казаяк-Хуснулла	—	—	—	—	213 баш.	266 баш.	баш.	59 баш.
Лемезинский сельсовет								
с. Нижние Лемезы	304 баш.	895 баш.	1645 баш.	1480 баш, 167 рус.	2552 баш.	772 баш.	рус.	652 баш.
д. Улу-Елан	—	—	—	—	—	100 баш.	баш.	23 баш.
д. Улу-Карамалы	—	350 теп.	608 теп.	1018 теп.	1088 теп.	172 баш.	баш.	130 баш.
Майский сельсовет								
д. Расмекей	—	—	—	167 баш.	655 баш.	375 тат.	тат.	173 тат.
Надежденский сельсовет								
д. Булан-Турган	—	—	—	—	32 дв. баш. (1925)	269 тат.	баш.	44 тат.
д. Тикей	236 баш.	259 баш.	555 баш, рус.	534 баш, 36 рус.	734 баш.	365 баш.	тат.	145 баш.
Тавтимановский сельсовет								
с. Тавтиманово	32 баш.	194 баш. (131 баш.-1834)	359 баш. (240 баш.-1870)	546 баш, 257 рус.	550 баш.	3253 рус.	рус.	1968 рус.
Турбаслинский сельсовет								
с. Акберды	—	—	397 теп.	571 теп.	581 теп.	510 тат.	тат.	231 тат.
д. Амит		—	355 баш, миш.	538 баш, 42 теп.	562 баш.	323 тат.	баш.	74 тат.
д. Бибахты	—	410 теп.	413 теп.	671 теп.	629 тат.	482 тат.	тат.	150 тат.
д. Карамалы	—	282 баш.	608 теп.	903 теп.	1088 теп.	641 тат.	тат.	333 тат.
д. Ст. Юрмаш	—	208 теп.	529 теп.	839 теп.	779 теп.	346 тат.	тат.	192 тат.
Улу-Телякский поссовет								
д. Казаяк-Кутуш	123 баш.	176 баш.	297 баш.	625 баш, 12 теп.	484 баш.	151 баш.	баш.	52 рус.

Окончание табл.

1	2	3	1 4	1 5	6	1 7	8	»
д. Казаяк-Туюшево	117 баш.	236 баш. (117 баш.-1834)	236 баш. (1870)	337 баш.	374 баш.	260 баш.		
д. Шуктей	—	—	—	_	—	67 баш.	баш.	15 баш.
Уктеевский сельсовет								
д. Кляш	68 теп.	297 теп.	210 теп.	13 баш, 528 теп.	628 теп.	507 тат.	тат.	172 тат.
с. Минзитарово	133 баш.	169 баш.	620 баш.	740 баш.	826 баш.	571 баш.	баш.	466 баш.
д. Сарт-Лобово	174 баш. (1816)	136 баш, 173 теп.	273 баш.	387 баш, 11 миш.	431 баш.	576 баш.	баш.	403 баш.
д. Ст.-Карашиды	48 баш.	114 баш, 64 теп.	116 баш.	71 баш.	112 баш.	176 баш.	баш.	87 тат.
д. Уктей	230 теп. (1816)	450 теп.	865 теп.	1205 теп.	1125 теп.	795 тат.	баш.	428 тат.
Чуваш-Кубовский сельсовет								
д. Старо-Кубово	187 баш.	549 баш, 42 баш.-припущ.	620 баш. (510 баш.-1870)	817 баш, 3 теп.	765 баш.	527 баш.	баш.	438 баш.

ИЛИШЕВСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Аккузевский сельсовет								
с. Аккузево	152 баш, 76 теп.	542 баш.	669 баш.	7 баш, 1136 теп.	1003 баш.	436 баш.	баш.	478 баш, тат.
д. Калигино	_	—	_	_	—7	235 баш.	баш.	86 баш, тат.
д. Кипчак	47 баш, 49 миш. (1816)	78 баш. (1834)	240 теп.	505 баш.	482 баш, теп, тат.	174 баш.	баш.	173 баш., тат.
д. Шамметово	70 баш.	269 баш.	254 баш.	659 баш, 9 теп.	576 баш.	357 баш.	баш.	272 баш, тат.
Андреевский сельсовет								
д. Шидали	20 теп.	92 баш, 12 миш.	65 баш, 138 рус.	241 тат.	150 теп.	279 тат.	тат.	104 тат.
Базитамакский сельсовет								
Д. Атасево	142 теп.	331 теп.	212 баш, 50 мар.	549 тат, 310 теп.	775 теп.	589 баш, тат.	тат.	427 тат.
с. Базытамак	200 теп.	582 теп.	516 миш.	32 баш, 1065 мус, 174 теп.	1139 теп.	965 баш, тат.	тат.	728 тат.
д. Малотазеево		_	_	_	_ ,	58 тат.	баш.	57 баш.
д. Менеуз (Татарский Менеуз)	51 теп.	125 теп,	129 теп.	334 теп, 21 тат.	338 теп.	302 баш. тат.	баш.	180 баш.
Д. Надырово (Старонадырово)	92 теп.	137 баш. и уд. крест.	123 баш, 99 рус.	196 теп.	282 баш.	194 баш.	баш.	96 баш.
Д. Новонадырово	_	_	204 жит.	194 тат.	276 баш.	218 баш.	баш.	131 баш.
Бишкураевский сельсовет								
с. Бишкураево	166 баш, 111 теп.	381 баш, 282 теп.	680 баш.	1140 баш, 506 теп.	1666 баш.	740 баш., тат.	баш.	543 баш.
Д. Илякшиде	32 баш, 113 теп.	138 баш, 195 теп.	339 баш.	367 баш, 433 теп.	827 баш, теп.	552 баш.	баш.	299 баш, тат.
Д. Малый Бишкурай	_	_	170 баш.	224 баш.	85 дв.	326 тат.	баш.	200 баш, тат.
Д. Ташчишма	_	—	_		74 миш. (1939)	117 баш.	баш.	37 баш, тат.
Д. Тюлиганово	63 баш, 27 теп.	144 баш, 61 теп.	158 баш.	329 баш, 57 теп.	393 баш. теп.	333 баш.	баш.	218 баш. тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Верхнеманчаровский сельсовет								
с. Булях	—	—	—	—	128 жит. (1939)	140 баш.	баш.	31 баш.
с. Верхнее Манчарово	172 баш., 34 теп.	56-* баш, 43 теп.	668 баш.	1631 баш, 104 теп.	1618 баш.	1095 баш.	баш.	572 баш, тат.
Дюмеевский сельсовет								
с. Д юм ее во	378 баш., 11 теп.	1093 баш, теп.	1129 баш.	1741 баш, 696 мус.	2352 баш.	1277 баш.	баш.	900 баш.
д. Куяново (База-Куяново)	119 баш, теп.	441 теп.	478 баш.	315 м.п. припущ. (1901)	779 теп.	418 баш., тат.	баш.	154 баш, тат.
д. Урняково	—	—	—	—	—	375 баш.	баш.	172 баш.
Игметовский сельсовет								
д. Абдуллино	200 теп.	588 теп.	621 теп.	8 баш, 1488 мус, 15 нем, 6 теп.	1320 баш.	651 баш.	баш.	340 баш.
д. Игметово	142 баш, теп.	399 теп.	505 теп.	996 баш, 217 мус, 6 теп.	1242 баш.	622 баш.	баш.	378 баш.
д. Крещенка (Сар-Язбаш)	—	—	555 жит. (1905)	688 рус.	734 рус.	258 рус.	баш.	5 баш, рус.
Исаметовский сельсовет								
д. Зяйлево	26 баш. (1816)	40 баш. (1843)	103 баш.	289 баш.	258 баш.	247 баш.	баш.	155 баш, тат.
д. Исаметово (Исемметово)	91 баш, 60 баш.- припущ.	286 баш, 116 теп. (1834)	887 баш.	585 баш., 1190 теп, 61 миш.	1639 баш.	973 баш, тат.	баш.	826 баш, тат.
д. Тукай-Тамак	—	—	327 теп.	573 теп, 5 баш.	539 теп.	447 баш.	баш.	180 баш, тат.
д. Турачи	18 баш, 142 теп.	454 баш.	495 баш.	936 баш.	841 баш.	507 тат.	баш.	244 баш, тат.
Исанбаевский сельсовет								
с. Исанбаево	105 баш.	437 баш.	489 баш.	1548 баш.	1378 баш.	912 баш.	баш.	741 баш.
д. Телекеево	102 баш, 15 теп.	253 баш, 230 теп.	597 баш, 21 тат.	801 баш, 574 тат.	1177 баш.	641 баш.	баш.	450 баш.
д. Улу-Ялан		—	—	—	275 жит. (1939)	194 баш.	баш.	140 баш.
Итеевский сельсовет								
д. Буралы	28 баш, 12 теп, 14 миш.	74 баш, 54 теп, 50 миш.	200 баш.	210 баш, 357 теп.	547 баш.	489 баш.	баш.	232 баш, тат.
с. Итеево	40 баш, 74 удм.	199 баш, 222 удм.	160 баш, 237 удм, 15 миш.	27 баш, 741 мус, 166 удм.	926 баш.	686 баш.	баш.	551 баш, тат.
д. Телепаново	122 баш, 21 теп.	329 баш, 74 баш.- припущ.	441 баш.	1084 баш.	1008 баш.	399 баш.	баш.	322 баш, тат.
Ишхаровский сельсовет								
д. Ашманово	—	—	—	—	14 хоз.	114 баш.	баш.	22 баш.
с. Ишкарово	70 баш, 18 теп.	359 баш.	366 баш.	744 баш, 134 теп.	849 баш.	759 баш.	баш.	637 баш.
д. Байрак	— . '	—	—	—	161 жит. (1939)	201 баш.	баш.	99 баш, тат.
д. Лаяшты	153 баш.	526 баш., 15 миш.	497 баш.	782 баш, 425 мус.	1061 баш.	583 баш.	баш.	419 баш, тат.
д. Саиткулово	62 баш.	169 баш.	188 баш,	352 баш.	379 баш.	384 баш.	баш.	241 баш.
Кадыровский сельсовет								
с. Кадырово	135 баш, 132 теп.	502 баш.	1090 баш.	1202 баш, 657 теп.	1680 баш.	917 баш.	баш.	861 баш, тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
д. Кызыл Луч	—		—	—	142 жит. (1939)	106 тат.	баш.	23 баш., тат.
д. Сынгряново	37 баш, 79 теп.	502 баш.	890 баш.	722 баш., 632 теп.	1322 баш.	782 баш.	баш.	482 баш., тат.
д. Яны Турмуш	—	—	—	—	157 жит. (1939)	197 баш.	баш.	23 баш.
Карабашевский сельсовет								
с. Иштеряково	27 баш, 105 теп.	806 баш.	894 баш.	582 баш., 1177 теп.	1670 баш., теп.	839 баш.	баш.	566 баш., тат.
с. Карабашево	78 баш, 50 теп.	306 баш, 76 теп.	474 баш.	914 баш., 204 теп.	1015 баш.	745 баш.	баш.	630 баш., тат.
д. Новокуктово	85 баш.	63 баш.	467 баш.	1279 баш.	1179 баш.	773 баш.	баш.	337 баш.
Кужбахтинский сельсовет								
д. Восток	—	—		—	132 жит. (1939)	98 баш.	баш.	52 баш., тат.
д. Кужбахты	—	—	—	961 баш., 30 мус.	917 баш.	675 баш.	баш.	431 тат.
с. Тазеево	133 баш, 5 яс. тат.	273 баш, 13 тат.	305 баш.	56 баш., 831 мус.	801 баш.	783 баш.	баш.	630 баш.
Новомедведовский сельсовет								
п. Груздевка	—	—	—	—	16 рус.	129 баш.	баш.	167 баш., тат.
д. Красноярово	—	—	—	—	167 жит. (1939)	121 баш.	баш.	210 баш., тат.
д. Яны-Аю	64 баш. (1816)	259 баш.	265 баш.	600 баш., 9 теп.	600 баш.	576 баш.	баш.	379 баш.
д. Биктово (Биектау)	141 баш.	39 баш, 114 теп.	170 баш.	818 баш., 14 рус.	810 баш., теп.	144 баш.	баш.	89 баш., тат.
с. Киргизово	25 баш, 107 теп.	82 баш, 486 теп.	563 баш.	210 баш., 953 теп.	1117 баш., теп., тат.	870 баш.	баш.	533 баш., тат.
д. Старомедведово (Аю)	84 баш, 61 теп.	105 баш, 159 теп.	287 баш.	600 баш.	467 баш.	232 баш.	баш.	36 баш., тат.
д. Хази (Старохазино)	121 баш.	165 баш.	179 баш.	362 баш., 16 тат.	340 баш.	164 баш.	баш.	15 баш.
д. Уяндыково	—	™		—	177 жит. (1939)	190 баш.	баш.	153 баш., тат.
Рсаевский сельсовет								
с. Рсаево	141 баш, 29 чув.	595 баш.	630 баш., 62 чув.	1233 баш., 672 мус.	1856 жит. (1939)	1238 баш.	баш.	918 баш.
Старокуктовский сельсовет								
с. Старокуктово (Куктау)	133 баш, 20 теп.	500 баш, 97 теп.	689 баш.	1320 баш., 78 теп.	1374 баш.	910 баш.	баш.	651 баш.
Старотатышевский сельсовет								
с.Татышево	290 баш.	969 баш.	1009 баш.	1791 баш.	1309 баш.	1041 баш.	баш.	614 баш.
Сюлтинский сельсовет								
Д. Лена	—	—	—	—	85 жит. (1939)	107 баш.	баш.	50 баш.
д. Аташ (Новоаташево)	-	-	–	89 миш., 108 теп.	190 теп.	257 тат.	баш.	119 баш., тат.
д. Сюльтино (С юл ьте)	270 баш, 158 теп.	421 баш.	410 баш.	769 баш., теп.	714 теп. (баш.)	405 баш.	баш.	347 баш., тат.
д. Янтуганово	87 баш, 2 теп.	203 баш.	202 баш.	300 баш. (1905)	439 баш.	320 баш.	баш.	201 баш.
Тыныевский сельсовет								
с Тупеево (Тыный)	138 баш, 94 теп.	1084 баш., теп.	1124 баш.	1365 баш., 137 миш., 508 теп.	1514 жит. (1939)	832 баш.	баш.	555 баш., тат.
Урметовский сельсовет								
с. Урметово	94 баш, 252 теп.	1072 баш., теп.	1284 баш., теп.	2328 баш., теп.	1587 жит. (1939)	943 баш.	баш.	808 баш..

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	«	7	8	1 •
Черекулевский сельсовет								
д. Верхнечерекулево	89 баш., 44 миш.	304 баш., 189 миш.	242 баш., миш.	545 баш., 601 теп.	1034 баш.	601 баш.	баш.	392 баш.
с. Нижнечерекулево	120 баш.	253 баш.	315 баш	752 баш., 33 мус.	750 баш.	579 баш.	баш.	457 баш.
Ябалаковский сельсовет								
д. Юлдаш (Верхнее Юлдашево)	54 баш., 29 удм.	463 баш.	170 баш.	56 баш., 1 тат.	273 баш.	488 баш.	баш.	424 баш.
д. Илишево	176 баш., 107 таг., 10 теп.	487 баш., 89 теп.	659 баш.	1269 баш., 29 теп., 69 тат.	1284 баш . теп.	757 баш.	баш.	284 баш.
д. Ябалаково	49 баш., 51 теп.	251 баш., 155 теп.	424 баш.	618 баш., 243 теп., 66 тат.	832 баш.,теп.	534 баш.	баш.	4]] баш.
Яркеевский сельсовет								
с. Юины (Верхнеюиново)	205 баш.	512 баш.	700 теп.	1800 баш., 119 теп.	1772 баш.	589 баш.	баш.	848 баш.
с. Верхнеяркеево	249 баш., 61 теп., 6 миш.	677 баш., 176 баш.- припущ.	1014 баш.	1215 баш., 39 мус.	1071 баш.	3284 баш.	баш.	8423 баш., тат.
д. Ирмашево	—	—	—	—	153 жит. (1939)	128 баш.	баш.	31 баш.
с. Нижнеяркеево	—	—	—	721 баш., 79 теп.	932 баш.	666 баш.	баш.	629 баш

КАЛТАСИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Большекачаковский сельсовет								
д. Кугарчин	37 баш.	383 баш.	432 баш.	884 баш., 95 тат.	956 баш.	877 баш.	баш.	308 тат.
д. Наратово	31 баш. (1834)	126 баш., припущ.	130 баш.	161 баш., 21 миш.	243 баш., миш.	341 тат.	баш.	115 тат.
Верхнетыхтемский сельсовет								
д. Гарей	133 баш.	102 баш	96 баш.	127 баш.	76 баш. .	173 тат.	баш.	46 тат.
д. Новый Ашит	—	100 баш.	243 теп.	367 баш.	324 баш.	372 баш.	баш.	82 тат.
д. Шарип	90 баш.	116 баш.	189 баш.	232 баш.	337 баш.	283 тат.	баш.	63 тат.
Калмиябашевский сельсовет								
д. Султанаево	—	221 баш., припущ.	298 баш., тат.	419 баш., тат.	356 баш.	397 баш.	баш.	93 тат.
Нижнекачыашевский сельсовет								
д. Барсукове	104 баш.	215 баш., теп.	383 баш., теп.	705 баш.	699 баш., теп.	186 тат.	баш.	36 тат.
д. Буралы		74 баш., 108 баш,- припущ.	200 баш.	210 баш., 357 теп.	547 баш., теп.	194 тат.	баш.	85 тат.

КАРАИДЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1895 (1870)	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	1 3	1 4	5	6	7	8	1 9
Багазинский сельсовет								
д. Давлятовка					84 жит. (1939)	89 баш.	баш.	47 баш.
д. Зиннатовка					72 жит. (1939)	79 баш.	баш.	11 баш.
д. Средние Багазы			6 баш.	105 баш., 7 миш.	124 баш.	35 баш.	баш.	не значится
д. Старые Багазы	48 баш.	450 баш.	474 миш. (1870)	658 баш., 16 тат.	592 баш.	583 баш.	баш.	465 баш.
д. Уразбахты	—	—	86 баш.	177 баш.	179 баш.	228 баш.	баш.	119 баш.
Байкибашевский сельсовет								
д. Амин ево			—	12 теп.	38 миш.	214 баш.	баш.	156 баш., тат.
Байкинский сельсовет								
д. Новоянсаитово					24 хоз. баш. (1925)	508 баш.	баш.	305 баш.
д. Яасаит <Староянсаитово)	573 баш.	318 баш.	393 миш. (1870)	799 баш.	778баш.			
Канровский сельсовет								
д. Буртым (Бартым)		130 баш.	179 баш. (1905)	255 баш.	230 баш.	297 баш.	баш.	258 тат.
Караидельский сельсовет								
д. Булмазы			128 баш.	196 баш., 4 миш., 4 тат.	224 баш.	581 баш.	баш.	294 баш.
Караярский сельсовет								
с. Абдуллино (Бердяш)	—	355 баш.	872 баш.	1393 баш.	1327 баш.	1178 баш.	баш.	693 баш.
п. Караяр	—	—	—	—	—	933 баш.	баш.	912 баш.
Кирзинский сельсовет								
Д. Тат-Кудаш			127 баш.	272 баш.	213 баш.	91 тат.	баш.	66 баш, тат.
Новобердяшский сельсовет								
д. Дюртюли					32 жит. (1939)	38 баш.	баш.	36 баш.
Д. Кадыси			136 баш.	244 баш., 15 рус.	259 баш.	127 баш.	баш.	52 баш.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
д. Кантон		—		99 баш.	82 баш.	244 баш.	баш.	148 баш.
д. Карыш-Ел га						55 баш.	баш.	36 баш.
д. Мата				56 баш, 17 рус.	4! баш.	108 баш.	баш.	54 баш.
д. Новый Бердяш	—			106 баш.	108 баш.	303 баш.	баш.	262 баш.
д. Сабанкуль					54 хит. (1939)	66 баш.	баш.	47 баш.
д. Шамратово			. баш.	339 баш, 10 рус.	317 баш.	504 баш.	баш.	319 баш.
Новомуллакаевский сельсовет								
д. Муллакаево			155 баш.	263 баш, 15 рус.	265 баш.	432 баш.	баш.	261 баш.
с. Новомуллакаево	—		1~	—	—	931 баш.	баш.	651 баш.
Староакбуляковский сельсовет								
д. Маликово					53 жит. (1939)	159 баш.	баш.	51 баш.
д. Новый Акбуляк	128 баш.	:. баш.	372 миш.	417 баш.	402 баш.	353 баш.	баш.	339 баш.
д. Старый Акбуляк	128 баш.	296 баш.	333 миш.	659 баш.	561 баш.	509 баш.	баш.	469 баш.
д. Туюшево	65 баш.	80 баш.	94 миш.	150 баш.	141 баш.	182 баш.	баш.	144 баш.
д. Халилово	86 баш.	346 баш.	358 баш. (1870)	422 баш.	499 баш.	256 баш.	баш.	227 баш.
д. Юлдашево	39 баш.	42 баш.	51 миш.	248 баш.	232 баш.	186 баш.	баш.	130 баш.
д. Яку по Ю	80 баш.	340 баш.	393 миш.	750 баш.	650 баш.	398 баш.	баш.	299 баш.
Урюш-Битуллинский сельсовет								
д. Бурхановка				101 баш.	31 баш.	85 баш.	баш.	59 баш, тат.
д. Имяпово				140 теп.	127 теп.	115 баш.	баш.	40 баш., тат.
д. Калтасы					101 жит. (1939)	113 баш.	баш.	22 баш, тат.
с. Седяш-Нагаево	107 баш.	337 баш.	504 миш. (1870)	969 баш.	990 баш.	619 баш.	баш.	228 баш.
д. Урюш-Битулино (Битюково)	142 баш., баш.-припуш.	89 баш.	93 теп, 38 миш. (1870)	397 баш, 152 теп, 10 мар.	453 баш, теп.	553 баи.	баш.	217 баш., тат.
д. Шаушак			76 баш. (1905)	195 баш, 3 рус.	184 баш.	117 баш.	баш.	18 баш., тат.

КАРМАСКАЛИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
р.п. Прибельский (д.Сарт-Наурузово)	152 вотч. (245 вотч, 1834)	249 вотч. (1850)	583 баш. (1870)	741 баш. (1905)	879 баш.	743 тат.	тат, рус.	4148 рус.
Адзитаровский сельсовет								
с. Адзитарово (Староадзитарово)	256 миш, 54 теп. (1834)	510 миш, 284 теп.	309 баш, 610 миш. (1870)	1414 жит. (1905)	2054 миш, теп.	1156 тат.	тат.	670 тат.
д. Староянбеково (Янбек)	76 баш. (145 баш, 1834)	228 баш, припущ.	271 баш. (1870)	128 баш. (1905)	155 баш.	88 баш.	баш.	77 баш.
д. Тансаитово (Талсеитово)	85 баш. (81 миш.)	123 миш.	125 миш.	201 жит. (1905)	197 теп.	151 тат.	тат.	125 тат.
д. Чишмы	—	—	—	—	7 хоз. тат.	115 баш.	баш.	37 баш.
Бузовьязовский сельсовет								
с. Бозаяз (Муслюмово)	322 миш (963 миш, 1834)	1490 миш.	1546 миш, 86 тат. (1870)	2501 миш. (1902)	3748 миш, тат.	2647 тат.	тат.	1576 тат.
Ефремхинский сельсовет								
д. Алайгыр	62 баш.	125 баш.	176 баш, 20 теп.	268 баш. (1905)	323 баш.	451 баш.	баш.	384 баш.
д. Куллаярово	99 баш.	238 баш.	231 баш. (1870)	346 баш. (1905)	404 баш.	255 баш.	баш.	116 баш.
д. Мурсяково	63 баш.	123 баш.	165 баш. (1870)	284 баш. 1905)	299 баш.	115 баш.	баш.	84 баш.
Кабаковский сельсовет								
д. Ильчикеево	132 баш.	2116баш.	359 баш.	546 баш, 35 теп.	586 баш.			
с. Кабаково	8 баш, 144 теп, 4 миш. м.п. (1816)	540 баш, теп.	544 баш, теп (1870)	129 баш, 1103 теп, 52 миш.	1266 баш.	928 тат.	баш.	2451 баш, тат.
д. Нижнетимкино (Старотимкино)	115 теп. м.п.	378 теп, 47 миш. (1834)	357 тат. (1870)	776 теп, 5 миш.	880 теп.	365 тат.	тат.	193 тат.
д. Сальзюгутово	36 баш, теп.	178 баш, теп.	143 тат.	296 баш, теп.	274 баш.	164 тат.	баш.	106 тат.
д. Старые Киешки	232 теп.	503 теп.	722 баш, теп.	3 баш, 1564 теп.	1578 баш.	790 тат.	баш.	476 тат.
Камышлинский сельсовет								
д. Верхний Тюкунь	166 баш.	173 баш. м.п	222 баш. (1870)	220 баш. (1905)	288 баш.	333 баш	баш.	268 баш.
п. Каракуль	—	—	—	—	—	74 рус.	баш.	41 баш.
д. Малаево	189 баш. (1816)	272 баш.	292 баш.	363 баш. (1905)	426 баш.	406 баш	баш.	237 баш.
д. Нижний Тюкунь	314 баш. (1834)	126 баш.	303 баш. (1870)	398 баш. (1905)	470 баш.	508 баш	баш.	346 баш.
Карламанский сельсовет								
д. Кустугулово (Арка-Аул)	20 баш. (1816)	55 баш.	87 баш.	71 баш. (1905)	105 баш.	166 баш	баш.	172 баш.
д. Новоакташево	—	—	—	—	89 баш.	136 баш	баш.	38 баш, рус.
с. Олокуль	5 баш, 87 теп, 14 миш.	560 баш, теп.	569 баш, 171 миш. (1870)	1188 теп.	1114 теп.	2635 тат	баш.	4007 рус, тат.
д. Шарыпкулево (Новомурзино)	115 баш.	64 баш.	135 баш. (1870)	164 баш. (1905)	290 баш.	357 баш	баш.	397 баш.
Кармаскалинский сельсовет								
д. Карламан	150 баш. (274 баш, 1834)	388 баш.	398 баш. (1870)	542 баш. (1905)	694 баш.	571 баш	баш.	541 баш.
с. Кармаскалы	342 теп, миш. (1816)	538 теп, миш. (1834)	1845 теп, миш.	2630 жит. (1905)	3767 теп, миш.	3003 тат.	тат.	5728 баш, тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Новокиешкинский сельсовет								
д. Мукай	52 баш.	161 баш.	295 баш.	250 баш. (1905)	419 баш.	457 баш.	баш.	290 баш.
д. Мурза	114 баш.	247 баш.	295 баш. (1870)	302 баш.	350 баш.	224 баш.	баш.	177 баш.
с. Новые Киешки	202 теп. (528 теп.-1834)	560 теп.	603 теп. (563 теп.-1870)	1014 жит. (1905)	1283 теп.	1243 тат.	тат.	1099 тат.
д. Сарт-Чишма	54 баш, 11 теп.	150 баш., теп.	478 баш., теп.	1207 жит. (1905)	952 баш., теп.	1018 тат.	тат.	905 тат.
д. Тазларово	—	—	—	—	—	229 баш.	баш.	89 рус, тат.
д. Тюбяк-Тазларово	64 баш.	234 баш., 22 кряш.	245 баш.	489 баш. (1905)	254 баш.	126 баш.	баш.	79 баш.
д. Утяганово	248 баш.	417 баш.	563 баш.	632 баш. (1905)	680 баш.	650 баш.	баш.	431 баш.
Савалеевский сельсовет								
д. Бишаул-Унгар	361 баш.	689 баш.	843 баш.	1154 баш., 20 рус.	1080 баш.	790 баш.	баш.	630 баш.
д. Ибрагим	87 баш. (176 баш.-1834)	287 баш.	449 баш. (336 баш.-1870)	621 баш., 4 миш., 4 теп.	596 баш.	600 баш.	баш.	415 баш.
д. Колош (Кулуш)	176 теп.	360 теп.	444 теп., 363 теп.	695 теп., 5 рус.	724 баш. (теп.)	498 тат.	баш.	315 тат.
д. Мукеян	168 баш. (1816)	198 баш.	320 баш.	381 баш., 15 теп.	386 баш.	497 баш.	баш.	260 баш.
с. Савалеево	70 теп.	132 теп.	178 теп. (1870)	522 теп., миш.	512 баш., теп.	521 тат.	баш.	923 баш., тат.
Сахаевский сельсовет								
д. Акташ (Ст. Акташ)	103 вотч, 14 баш-припущ.	179 баш.	690 баш., 388 теп. (1870)	120 баш., 1375 теп., 9 миш.	1369 баш.	857 баш, тат.	баш.	443 тат.
с. Сгхаево	156 теп.	603 баш., теп.	332 баш. (1870)	1314 теп.	1386 баш.	1266 тат.	баш.	1317 тат.
д. Старый Шарей	196 теп. (1834)	450 теп.	860 теп.	247 баш., 797 теп.	1031 теп.	тат.	баш.	571 тат.
д. Баксалы (Сысканово, Кызыл Яр)	166 баш.	96 баш. (1834)	182 баш. (1870)		185 баш.	190 баш.	баш.	102 баш.
Сихонкинекий сельсовет								
д. Балта (Ильясово)	12 теп.	68 теп.	182 теп.	123 теп.	110 теп.	52 тат.	тат.	17 тат.
д. Верхнетимкино (Новотимкино)	128 теп. (1816)	198 теп. (1834)	564 баш. теп.	744 теп.	784 баш., теп	415 тат.	тат.	185 тат.
Старобабиневский сельсовет								
д. Абдулла		—	159 баш.	203 баш. (1905)	271 жит. (1939)	206 баш.	баш.	123 баш.
д. Карламанбаш	24 баш.	160 баш.	210 баш.	312 баш. (1905)	372 баш.	315 баш.	баш.	179 баш.
д. Новобабичево	—	—	—	112 баш. (1905)	280 баш.	220 баш.	баш.	183 баш.
д. Новый Бишаул	—	—	—	—	137 жит. (1939)	127 баш.	баш.	78 баш.
с. Старобабичево (Маисурово)	175 баш.	428 баш.	410 баш.	546 баш. (1905)	458 баш.	498 баш.	баш.	506 баш.
Старомусинский сельсовет								
д. Ильтуганово (Алимгулово)	—	432 теп.(1834)	435 баш., теп.	492 теп.	903 теп.	629 тат.	тат.	415 тат.
д. Старомусино	164 баш.	175 баш., 11 теп.	322 баш.	532 баш.	482 баш.	365 баш.	баш.	374 баш., тат.
д. Тукучево	72 баш.	221 баш.	216 баш.	227 баш., 6 теп.	246 баш.	—	—	—
Шаймуратовский сельсовет								
с. Шаймуратово (Биштяка)	211 миш, 78 теп. м.п. (1816)	902 миш. (1850)	1376 баш. (1870)	2640 баш., 11 рус.	2685 миш., теп.	1094 тат.	тат.	812 тат.

КИГИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	1859	1870	1920				
Абзаевский сельсовет							
д. Абзаево	227 баш.	374 баш.	380 баш.	1037 оаш.	311 баш.	баш.	
д. Масяково	106 баш.	152 баш.	194 баш.	203 баш. (1870)	476 баш.		
Верхнекиги сельсовет							
д. Абдрезяково	148 баш.	144 баш.	110 баш.	151 оаш.	26 баш, тат.		
д. Арсланово		220 баш.	192 баш. (1870)	661 баш.	54	38 баш.	
д. Сатыпужино		228 баш.	259 баш.	360 баш.	42		
д. Верхний Лопас	110 баш.	146 баш.	107 баш.	228 баш.	11	315 баш.	
д. Кулбаково (Сатаево)	238 баш.	288 баш.	283 баш.	403 баш.	46	204 баш.	
с. Верхние Киги	327 баш.	212 баш.	214 баш.	391 баш.	26		
с. Душанбеково	886 теп, 129 миш	1692 теп. миш.	1091 баш., 252 теп. (1870)	3613 миш.	баш.	120 баш.	
д. Сагирово	60 миш.	170 миш	387 миш	856 миш.	1061 миш.	242 баш.	
д. Тукаево	49 баш.	234 баш	286 баш.	296 баш.	583 баш.	157 баш, тат.	
Еланлинский сельсовет							
д. Вакиярово	54 миш.	119 миш.	217 миш	352 миш.	3 дв. миш.	130 тат.	
с. Еланлино	149 миш.	287 теп.	916 миш теп.	1203 миш	2201 миш, теп.	1297 тат.	
Ибраевский сельсовет							
с. Ибраево	122 баш.	162 баш.	240 баш.	230 баш.	501 баш.	24 баш.	
д. Новомухаметово	67 баш.	179 баш.	320 баш	322 баш.	81 баш.	103 баш.	392 баш.
д. Старомухаметово	123 баш.	152 баш.	156 баш.	170 баш	396 баш.	626 тат.	
д. Юкаликулево	33 баш, 20 миш.	60 баш 80 миш.	98 баш 160 миш.	290 баш. миш.	825 миш.	795 тат.	160 баш.
д. Яуын (Яуганово)	37 баш.	148 баш.	163 баш.	180 баш 14 каз.	237 баш.	249 баш.	
Юсуповский сельсовет							
д. Юсупово	248 баш.	319 баш.	602 баш	843 баш.	64 уаш.		
д. Алагузово (Кабылово)	156 баш.	229 баш.	345 баш.	360 баш	8 зоаш.		
с. Нижние Киги	222 теп.	540 теп., 450 миш.	1301 теп., миш.	1533 баш.	2978 баш.	1990 тат.	
д. Идрисово	110 баш	160 баш.	200 баш.	185 баш.	483 баш.	382 оаш.	551 тат.
д. Тугузлы (Ст. Тугузлы)		200 баш.	374 баш.	435 баш.	1040 баш.	815 баш.	баш

КРАСНОКАМСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Арлановский сельсовет								
д. Новобалтачево (Усаково)	66 баш.	276 баш.	477 миш, 188 теп.	53 баш.	60 баш.	67 тат.	баш.	31 тат.
д. Новоуразаево	—	—	—	—	25 хоз.	384 тат.	баш.	202 тат.
д. Староуразаево	—	—	—	637 баш.	605 баш.	145 тат.	баш.	37 тат.
Кариевский сельсовет								
д. Новый Чуганак	—	_	142 баш. м.п.	469 баш.	423 баш.	463 баш.	баш.	159 баш.
Куяновскмй сельсовет								
с. Куяново	—	—	—	78 баш.	82 баш.	44 баш.	баш.	2387 мар, тат.
Новобуринсхий сельсовет								
д. Новый Буртюк	35 баш, 43 теп.	189 баш, 137 теп.	254 баш.	356 баш, 343 теп.	636 баш, теп.	762 тат.	баш.	499 тат.
д. Старый Аткуль	17 душ м.п, теп.	162 вотч, 42 теп.	95 баш, 52 теп.	1062 баш, 202 теп.	1073 баш.	1053 баш.	баш.	—
д. Старый Буртюк	44 баш.	211 баш.	318 баш, теп.	.544 баш, 5 рус.	478 баш.	568 тат.	баш.	348 тат.
Новокабановский сельсовет								
д. Кузгово (Старо- и Ново-Кузгово)		—	974 баш. (1905)	1326 баш, теп.	1186 баш.	901 баш.	баш.	425 тат.
д. Новокабаново	~	590 баш.	555 баш, теп.	1295 баш.	1411 баш,	1136 баш.	баш.	1160 тат.
д. Старокабаново	95 баш , 42 теп.	15 баш, 368 теп.	653 баш, теп.	11 баш, 955 теп.	878 теп.	787 баш.	баш.	10 рус, тат.
Новоканилыковский сельсовет								
д. Купербаш		—	57 жит. (1905)	99 теп, 13 рус.	88 тат.	161 баш.	баш.	106 баш, тат.
с. Новый Канилык		—	596 баш.	48 баш, 1083 тат.	1062 баш.	732 баш.	баш.	599 баш, тат.
д. Новый Татыш				162 м.п. припущ. (1902)	303 баш.	365 баш.	баш.	178 баш, тат.
д. Старый Канилык	133 баш.	596 баш.	405 баш.	306 баш.	301 баш.	282 баш.	баш.	130 баш, тат.
д. Янгузнарат	29 душ м.п. баш.	104 баш.	664 баш.	73 баш, 748 баш, теп 815 теп.		458 баш.	баш.	212 баш, тат.
Новонагаевский сельсовет								
д. Новонагаево		80 баш, 317 теп.	323 теп.	1184 баш, 25 теп, 13 тат.	1108 баш, теп.	2076 баш.	баш.	237 баш, тат.
д. Ашит (Новый Ашит)			243 теп.	7 баш, 131 тат, 6 миш.	61 дв. баш.	367 баш.	баш.	160 баш, тат.
Редькинский сельсовет								
д. Старый Ашит		90 вотч, 54 баш.- припущ.	243 теп.	138 баш, тат.	115 тат.	86 тат.	тат.	15 тат.
д. Барьязибаш	—	—	—	88 баш.	79 баш.	217 баш.	баш.	183 тат.
д. Новохазино	121 баш.	205 баш.	311 баш, 46 теп.	648 баш, 5 рус.	748 баш.	328 баш.	баш.	304 тат.
д. Редькино (Ушмень Кашли)	13 теп.	—	152 чер.	424 мар.	876 мар.	589 мар.	баш, мар.	824 мар.
д. Такталачук	—	-	—	300 баш.	278 баш.	331 баш.	баш.	69 тат.
Саузбашевский сельсовет								
д. Саузбаш		—	334 душ м.п. (1902)	934 баш, 8 рус.	864 баш.	742 баш.	баш.	430 баш, тат.
д. Саузово	120 баш. (1816)	360 баш. (1850)	455 баш.	1009 баш, 16 теп.	930 баш.	936 баш.	баш.	176 баш, тат.

Продолжение табл

1	2	1 3	1 <	1 »	« 1 7	8	1 9
Старомуштинсгий сельсовет							
с. Старая Мушта		444 баш.	472 баш.	1386 баш, 6 тат.	1153 баш.	1165 баш.	баш.	675 баш, тат.
д. Уртауль		—	—	—	324 жит (1939)	270 баш.	баш.	58 баш, тат.
Старо ян гизитовский сельсовет							
д. Бачкитау	—	—	—	—	91 дв. баш.	447 баш.	баш.	373 баш.
д. Новоянзигитово	—	—	467 баш. (1905)	815 баш, 4 миш..	757 баш.	652 баш.	баш.	347 баш, тат.
д. Староянзигитово	310 баш, 15 теп.	1246 баш, 8 теп.	1349 баш, теп.	1687 баш, 20 теп.	1525 баш.	1055 баш.	баш.	636 баш.
Шушнурский сельсовет							
д. Новая Мушта	—	—	—	1275 баш, 9 рус.	1153 баш.	467 баш	баш.	288 баш, тат.
д. Новый Актанышбаш	140 баш.	588 баш.	1297 баш. (1905)	1761 баш., 21 теп.	1619 баш.	1124 баш.	баш.	731 баш, тат.
д. Сабанчи	—	—	—	—	151 жит. (1939)	154 баш	баш.	27 баш, тат.
д. Янаул		—	—	—	53 хоз. баш.	164 баш	баш.	15 баш, тат.

КУШНАРЕНКОВСКИЙ РАЙОН

1 Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1895 (1870)	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ахметовский сельсовет								
с. Ахметово	98 баш, 163 миш, 40 теп.	1388 баш, миш, теп.	1593 баш. (1870)	1099 баш, 5 рус, 2 миш.	1158 баш.	1621 тат	тат.	1080 тат.
Басаевский сельсовет								
с. Бакай	87 баш, 30 миш, 29 теп, 5 тат.	136 баш, 97 миш, 60 теп. (1834)	1347 баш, теп, миш.; 849 баш. (1870)	1218 баш, 227 теп, 115 миш, 19 рус	Бакаево 1: 562 миш.; Бакаево 2: 990 баш.	1050 тат	баш.	647 тат.
д. Верхний Сайт (Верхнесаитово)	45 баш, теп. (1816)	—	98 баш, 270 теп. (1870)	312 миш.	528 баш, теп, миш.	318 тат	баш.	249 тат.
д. Нижний Сайт (Нижнесаитово)	11 баш, 50 теп, 5 миш.	28 баш, 251 теп, 115 миш.	212 баш, 187 теп. (1870)	449 баш, теп.; 483 миш.	867 баш, теп, миш.	382 тат	баш.	165 тат.
Горьховский сельсовет								
с. Илек	148 теп.	610 теп.	996 миш, теп. (1870)	77 баш, 2195 теп.	1980 баш, теп.	953 тат	баш.	813 тат
Калтаевский сельсовет								
д. Гургурий	28 баш, 140 теп, 44 миш.	336 баш, теп, миш.	552 баш, теп.	110 баш, 386 теп, 205 миш.	679 баш.	445 тат	баш.	209 тат.
с. Калтай	140 миш, 18 теп. (1816)	177 миш, 96 теп. (1834)	1326 баш. (1870)	2737 миш. 53 теп.	2472 баш.	1379 тат.	баш.	719 тат.
Карача-Елгинский сельсовет								
п. Ислан	43 миш.	90 миш.	108 миш. (1870)	305 миш. 8 рус.	282 баш.	208 баш	баш.	74 тат.
с. Карача-Елга	86 баш, 284 миш.	654 баш, миш.	600 миш. (1870)	41 баш, 1543 миш	1494 баш.	834 баш.	баш.	678 тат.

Продолжение табл.

1	1 »	1 3	1 «	1 »	6	7	1 «	1 »
д. Старый Муртаза (Старо-Муртазино)	32 миш. (1816)	76 миш. (1834)	206 миш.	426 миш.	376 миш.	219 баш	баш.	132 тат.
д. Талбазы (Усы, Таш-Кичу)	—	—	718 баш. (1870)	2092 баш.	1850 баш, теп.	726 баш	баш.	378 тат.
с. Чирша-Тартыш	46 баш, 112 теп, 59 рус.	61 баш, 156 теп, 30 миш.	427 теп. (1870)	925 баш., 71 рус., 31 тат.	896 баш, миш.	554 баш	баш.	396 тат.
Матвеевский сельсовет								
д. Якуп	27 баш, 84 миш.	33 баш. 138 миш.	350 баш., миш.	7 баш., 234 миш.	245 баш.	277 баш	баш.	164 тат.
Новокурмашевский сельсовет								
д. Бейкей	92 теп. (1816)	126 теп. (1834)	256 баш. (1870)	590 теп., 25 миш.	592 теп.	441 тат.	баш.	218 тат.
д. Ибрагим	—	365 миш.	732 баш.	—	489 миш.	273 тат.	баш.	176 тат.
д. Новый Курмаш		—	513 баш., миш. теп.	657 миш., 39 теп.	750-баш.	450 тат.	баш.	286 тат.
Расмекеевский сельсовет								
с. Байталлы	8 баш, 192 миш, 8 теп.	458 баш, теп, миш.	528 баш. (1870)	1029 баш., 5 теп., 4 миш.	1012 баш.	584 тат.	баш.	462 тат.
с. Купай	90 теп, миш. (1816)	728 теп, миш. (1834)	450 баш., миш., теп.	542 баш., 14 теп.	567 баш.	262 тат.	баш.	155 тат.
д. Староюмраиово (Юмраново)	—	—	174 баш. (1870)	162 баш, 231 миш.	398 миш.	190 тат.	тат.	115 тат.
Старо гумеровский сельсовет								
с. Старогумерово	75 баш, 26 миш.	65 баш.; 487 теп.	539 баш., миш., теп.	1707 баш., 175 миш, 8 теп.	1108 баш.	294 тат.	баш.	600 тат.
Старокамышлинский сельсовет								
д. Ильмурза		12 баш, 250 миш, 220 теп.	1126 баш., миш., теп.	704 баш, теп.; 898 миш.	1419 баш.	630 тат.	баш.	375 тат.
Старокурмашевский сельсовет								
Д- Кудушлибаш	8 баш, 85 миш, 38 теп.	159 миш, 26 теп. (1834)	337 баш. (1870)	93 баш, теп.; 352 миш.	443 баш, миш, теп.	167 тат.	баш.	57 тат
с. Старый Курмаш	308 миш. 58 теп. (1816)	366 миш, 98 теп. (1834)	510 баш.. миш., теп.	341 баш, теп.; 1048 миш.	1333 баш, миш. теп.	877 тат.	баш.	637 тат.
Старотукмаклинский сельсовет								
с. Каратякк	400 миш. (1816)	487 миш. (1834)	1303 миш.	1712 баш, миш.	1530 баш, миш.	748 баш.	баш.	404 тат.
д. Новые Тукмаклы	10 тат. (1816)	138 баш. (1834)	575 баш.	586 баш.	549 баш.	390 баш.	баш.	208 тат.
с. Старые Тукмаклы	85 баш, 437 миш, 137 теп.	860 баш. (1834)	1483 баш., миш., тат., теп.	1596 баш.	1992 баш.	1209 баш.	баш.	769 тат.
Шариповский сельсовет								
д. Верхний Акбаш	245 баш, 107 теп.	92 вотч., 138 теп.	240 баш., теп.	383 баш.	354 баш.	118 баш.	баш.	50 баш, тат.
д. Мамяк	90 баш, 46 теп, 30 миш.	326 баш.; 220 миш., теп.	912 баш,, миш., теп.	781 баш, 289 миш, 237 теп.	1251 баш, миш, теп.	998 баш.	баш.	560 баш, тат.
д. Нижний Акбаш	38 вотч, 8 баш.- припущ.	87 вотч. (1834)	284 вотч., баш,- прилущ.	376 баш, 333 теп, 82 миш.	387 баш.	162 баш.	баш.	76 баш, тат.

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
с. Средний Акбаш	176 вотч. 14 баш,- припущ.; 30 миш,	188 вотч, 21 миш, 14 теп.	495 вотч, баш.- припущ.	507 баш. 105 миш, 104 теп.	570 баш.	306 баш.	баш.	202 баш, тат.
с. Шарип	215 баш, 30 теп, 30 миш.	674 баш.	864 баш, теп, миш.	961 баш, 291 миш, 21 теп.	1158 баш, миш, теп.	750 баш.	баш.	579 баш, тат.

МЕЧЕТЛИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Абдуллинский сельсовет								
д. Абдуллино	104 баш, 204 яс. тат. 35 тат.	180 баш.	136 баш, 92 теп.	690 жит. (1905)	1535 баш. теп.	84 баш, тат.	баш, тат.	495 баш, тат.
Азикеевский сельсовет								
д. Азикеево	71 баш, 55 миш.	231 баш, 62 миш.	305 баш, 216 теп.	1129 жит. (1905)	1246 баш, теп.	$24 баш, тат.	баш.	719 Оаш, тат.
Алегазовский сельсовет								
д, Але га зо во	156 баш.	279 тат, 282 миш.	644 к р.	1452 жит. (1905)	1390 миш.	1197 тат.	тат, рус.	1186 рус, тат.
д. Большекызылбаево	142 баш, 75 миш, 38 баш.	256 баш, 53 теп, 55 миш.	611 баш.	1572 жит. (1905)	1836 баш, миш.	688 баш.	баш.	494 баш.
д. Бургаджино	112 баш.	163 баш.	260 баш.	619 жит. (1905)	644 баш.	546 баш.	баш.	244 баш.
д. Малокызылбаево		312 баш.	197 баш, 216 припущ.	492 жит. (1905)	577 теп.	218 тат.	тат.	73 баш.
д.Мелекас	166 баш.	207 баш.	340 баш.	613 жит. (1905)	672 баш.	415 баш.	баш.	282 баш.
д. Сосновка		—	—	—	22 дв.баш. (1925)	183 баш	баш.	49 баш.
ро,п».1П(*п«:инсЙий сельсовет								
д. Большая Ока	–	796 миш, 208 теп.	733 миш, 764 теп.	—	2584 миш.	1612 тат	тат.	1227 тат.
д. Средняя Ока	—		306 м.п. припущ. (1902)	657 жит. (1905)	704 теп.	466 тат.	тат.	354 тат.
Большеустьикинский сельсовет								
д. Большеустьикинское	218 жит. (1816)	430 м.п.	1574 жит. (1870)	1924 жит. (1905)	2389 рус.	3923 баш, рус.	баш, рус.	6347 баш, рус, тат.
д. Сальзигитово	109 баш.	129 баш.	194 баш.	—	496 баш.	246 баш	баш.	262 баш.
Д\ван-Мечетлинский сельсовет								
д. Буранчино	46 баш.	102 баш.	107 баш.	354 баш. (1905)	460 баш.	260 баш	баш.	215 баш.
д. Гумерово	142 баш.	38 баш, 30 миш.	108 баш, миш.	149 баш. (1905)	263 баш, 52 миш.	203 баш	баш.	203 баш.
д.Дуван-Мечетлино	86 баш.	482 баш.	636 баш.	641 баш. (1905)	995 баш.	854 баш	баш.	651 баш.
д. Еланыш		240 баш. (1870)	288 м.п. кр. (1902)	531 жит. (1905)	853 рус.	273 баш	баш.	185 баш.
д. Каранай	32 баш.	129 баш.	180 баш.	220 баш. (1905)	357 баш.	229 баш	баш.	134 баш.
д. Тукбай (Нижнее Тукбаево)	86 баш.	141 баш.	200 баш.	371 баш. (1905)	556 баш.	262 баш	баш.	215 баш.
Кургатовский сельсовет								
Д- Кургатово		151 миш.	220 баш.	—	642 миш.	653 тат	тат.	402 тат.
Д. Тимирбаево		64 баш.	97 баш.		268 баш.	190 баш	баш.	111 баш. тат.

Продолжение табл.

1	1 »	1 4	1 »	6	1 7	1 8	1 9
д. Юласво	—	243 б. ш.	268 баш.	315 баш	267 баш	баш	1 ая п...
Лемез-Тамакский сельсовет							
д. Кутуш	1116.	ш. 143 баш.	321 баш. (1905)	275 баш.	360 баш	баш	363 баш.
д. Лемез-Тамак	194 баш.	255 ба ш.	336 баш.	781 жит. (1905)	867 баш.	716 баш	баш. 519 баш.
д. Сабанак	103 баш.	161 ба ш.	245 баш.	672 баш. (1905)	708 баш.	461 баш	баш. 439 баш.
д. Сулейман	170 баш.	210 ба J.	320 баш.	536 баш. (1905)	530 баш.	483 баш.	баш. 402 баш.
Новомещеровский сельсовет							
д. Азангулово	51 баш.	108 ба ш.	134 баш.	319 баш. (1905)	329 баш.	273 баш.	баш. 266 баш.
д. Куршалино	32 баш, 17 миш, 15 тат.	64 бai 1.	69 баш.	135 баш. (1905)	199 баш.	163 баш.	баш. 134 баш.
д. Новомещерово	—	—	165 баш.	—	373 баш.	370 баш.	баш 519 баш 1
д. Трубкильдино (Туребкильдино)	81 баш.	124 баi И.	108 баш.	293 баш. (1905)	277 баш.	164 баш.	баш. 4 баш. |
д. Ясиново	60 баш.	63 баш	60 баш.	75 баш. (1905)	130 баш.	136 баш.	баш. 123 баш.
Новомуслимовский сельсовет							
с. Новомуслимово	379 баш, миш. (1816)	623 баш миш.	1112 баш, миш.	2445 жит. (1905)	2746 миш.	1142 тат.	тат. 1082 тат.
Ноаояшевский сельсовет							
д. Старомещерво	93 баш.	107 баш	193 баш, 66 теп.	215 баш. (1905)	202 баш.	293 баш.	баш. 311 баш.
д. Яушево	39 баш.	101 баш	149 баш.	288 баш. (1905)	373 баш.	395 баш.	баш. 491 баш.
Ростовский сельсовет							
д. Ишалнно (Казанрово)	48 м.п. (1816)	44 баш.	171 баш.	117 баш. (1870)	368 баш.	369 баш.	баш. 273 баш.
д. Такино		91 баш.	153 баш.		418 баш.	550 баш	
д. Теляшево	—	171 баш	242 баш.		512 баш		« 361 баш.
Юнусовскии сельсонрт							
Д. Абдрахимово	78 баш.	149 баш	232 баш.	492 баш. (1905)	567 баш.	460 баш.	баш. 261 баш.
д. Аккино	64 баш.	90 баш.	118 баш.	-	241 баш.	117 баш.	баш.
	83 баш.	135 баш.	181 баш.	445 баш. (1905)	426 баш.	339 баш.	баш. 266 баш.
Д. Таиш	109 баш.	166 баш.	264 баш.	537 баш. (1905)	481 баш.	397 баш.	баш. 309 баш.
Д. Тимиряк	—	—			307 баш.	275 баш	
Д. Юнус (Юнусово-Тимиряково)	79 баш.	243 баш.	268 баш.	570 баш. (1905)	315 баш.	267 баш.	баш. 141 баш. 373 баш.

МИШКИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Большешадинский сельсовет								
д. Большие Шады	568 баш.	1211 вотч.	1328 вотч.	2466 мус, 35 баш.	2184 баш.	967 баш.	баш.	710 баш.
д. Кал мазан	—	—	—	—	—	212 баш.	баш.	111 баш.
д. Малые Шады	—	237 припущ.	290 теп.	733 теп, 20 рус.	816 баш.	315 тат.	баш.	130 тат.
Иштыбаевский сельсовет								
д. Иштыбаево	—	458 припущ.	436 миш, 51 теп.	1197 миш, 123 теп.	1147 баш.	648 тат.	баш.	398 тат.
д. Карасимово	—	85 припущ.	104 миш, 100 теп.	431 мус, 12 баш.	441 баш.	251 тат.	баш.	142 тат.
д. Юбайкулово	—	112 припущ.	109 теп.	299 мус, 10 теп.	271 баш.	192 тат.	баш.	72 тат.
Ленинский сельсовет								
с. Кигазытамаково	—	155 вотч.	241 баш, миш.	934 баш.	1111 баш.	711 баш.	баш.	272 баш.
Мавлютовский сельсовет								
д. Мавлютово	32 баш, 5 миш, 24 яс. тат, 27 мурз.	109 припущ.	121 миш.	260 мус. 16 баш.	259 баш.	173 тат.	баш.	47 тат.
Новокарачево		130 припущ.	114 теп.	312 мус, 62 баш, 6 тат.	356 баш.	389 тат.	баш.	219 тат.
Староатнагулово	—	220 припущ.	254 баш, теп, миш.	549 мус, 26 баш.	569 баш.	316 тат.	баш.	223 тат.
с. Татарбаево		580 припущ.	586 баш, 539 теп, 47 миш.	1393 мус, 68 баш, 2 тат.	1325 баш.	887 тат.	баш.	613 тат.
д. Терекеево	—	447 припущ.	420 теп.	947 теп, 8 тат.	872 баш.	443 тат.	баш.	229 тат.
Урьядинский сельсовет								
д. Баш-Байбаково		275 припущ.	314 баш, 432 рус.	331 баш, 460 рус, 232 тат.	597 баш.	270 тат.	баш.	94 тат.
д. Урьяды		902 припущ.	904 баш.	1733 баш, 148 тат, 7 мус.	1810 баш.	508 тат.	баш.	335 тат.

МИЯКИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1895	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Биккуловский сельсовет								
д. Абишево	57 баш.	174 баш.	153 баш. (1870)	327 баш.	322 баш.	200 баш.	баш.	75 баш.
с. Биккулово	110 баш.	272 баш.	280 баш, (203 баш. 1870)	523 баш.	576 баш.	466 баш.	баш.	268 баш.
д. Чятай-Бурзян	86 баш. (1816)	172 баш.- припущ.	306 баш.	379 баш, 3 теп.	186 баш.	222 баш.	баш.	322 баш.
Богдановский сельсовет								
с. Богданово	200 баш., 20 миш. (1816)	254 баш, 26 миш. (1834)	440 баш, 2 тат. (1870)	919 баш, 85 миш, 7 теп.	822 баш.	551 баш.	баш.	640 баш.
д. Зирихлыкуль (Средний Тамьян)	130 баш.	260 баш.	270 баш.	149 баш.	112 баш.	122 баш.	баш.	54 баш.
с. Канбеково	12 теп.	140 теп.	444 жит. (1905)	679 баш.	636 тат.	561 тат.	тат.	463 тат.
д. Култай-Каран (Верхний Тамьян)	—	—	376 баш.	403 баш.	382 баш.	258 баш.	баш.	216 баш.
с. Тамьян-Таймас	150 баш.	522 баш.	537 баш.	827 баш.	868 баш.	573 баш.	баш.	589 баш.
с. Чиряштамак	—	—	—	118 баш, 8 теп.	119 баш.	178 баш.	баш.	143 баш, тат.
Большехаркалинский сельсовет								
с. Большие Каркалы	217 баш.	784 баш. (1850)	762 баш.	1595 баш, 7 миш.	1515 баш.	772 баш.	баш.	524 тат.
п. Зидиган	—	—	—	—	208 жит. (1939)	176 баш.	баш.	77 тат.
п. Камышлы	—	—	—	—	120 жит. (1939)	125 баш.	баш.	71 баш, тат.
с. Малые Каркалы (Каркалы-Тамак)	99 баш. (1816)	211 баш.	299 баш. (1870)	348 жит. (1906)	648 жит. (1939)	581 баш.	баш.	310 баш, тат.
ч. Яшляр	—	—	—	—	121 жит. (1939)	84 баш.	баш.	36 баш, тат.
Енебей-Урсаевский сельсовет								
с. Енебей	45 баш., 8 теп.	380 вотч.	495 баш, 4 тат.	684 баш, 9 теп.	648 баш.	345 баш.	баш.	357 баш.
д. Сатаево	150 баш, 10 тат. ясач.	844 баш.	820 баш.	1722 баш, 3 чув.	1483 баш.	226 тат.	баш.	175 баш, тат.
д. Сафарово	.57 вотч.	270 вотч.	420 вотч. 211 баш.» (1870)	462 баш.	471 баш.	411 баш.	баш.	309 баш, тат.
д. Туксанбаево	61 вотч.	242 вотч, 52 баш.- припущ.	492 вотч, 96 баш.- припущ.	555 баш.	508 баш.	300 баш.	баш.	195 баш, тат.
Зильдяровский сельсовет								
с. Зильдярово	166 баш.	851 баш.	1090 баш.	1876 баш, 5 теп.	1810 баш, теп.	1231 тат.	баш.	960 тат.
д. Исламгулово	41 вотч. (1816)	238 вотч.	250 вотч.	367 баш, 13 рус.	517 баш.	288 баш.	баш.	289 баш.
д. Карышево	44 баш, (1816)	198 баш.	492 баш.	147 баш.	149 баш.	129 баш.	баш.	30 баш.
п. Чияле		—	—	—	117 жит. (1939)	100 тат.	тат.	19 баш, тат.
с. Шатмантамак	22 баш.- припущ.	620 баш.	700 баш.	1740 баш.	1547 баш.	697 баш.	баш.	613 тат.
п. Яшелькуль		—	—	—	—	63 баш.	баш.	7 баш, тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ильчигуловский сельсовет								
с. Ильчигулово	115 баш.- припущ, 35 вотч, 10 миш.	133 вотч, 145 баш.- припущ, 21 миш,	276 баш. (1870)	395 баш, 6 чув.	692 баш.	509 баш.	баш.	663 баш.
с. Нарыстау			—	398 баш.	389 баш.	328 баш.	баш.	325 баш.
д. Новоильчигулово	—	—	—	151 баш.	158 баш.	147 баш.	баш.	15 баш, рус.
Карановский сельсовет								
д. Зайпекуль	148.теп.	280 теп. (1834)	489 миш.	1055 баш.	993 баш.	266 тат.	баш.	84 тат.
с. Каран-Кункас	94 вотч.	380 вотч.	376 баш. (1870)	709 баш.	682 баш.	440 юаш.	баш.	328 баш.
д. Куль-Кункас	49 баш.- припущ., 8 миш.	307 баш.- припущ.	309 баш.	242 баш, 18 тат.	248 баш.	265 баш.	баш.	207 баш.
Качегановский сельсовет								
д. Акъяр	—	—	—	—	146 жит. (1939)	138 тат.	баш.	50 баш.
с. Качеганово	145 баш.- припущ.	728 баш.	740 баш. (1870)	1466 баш, Зрус.	1252 баш.	429 тат.	баш.	588 тат.
с. Новые Ишлы	254 тат, теп.	738 теп.	918 теп. (1870)	617 баш, 876 теп.	1433 теп.	780 тат.	тат.	513 тат.
с. Таукай-Гайна	152 баш.	611 баш.	591 баш. (1870)	1010 баш. 5 рус.	901 баш.	405 тат.	баш.	215 тат.
Кожай-Семеновский сельсовет								
д. Малые Гайны		—	—	238 баш.	248 баш.	250 тат.	баш.	132 тат.
д. Отруб-Балгазы (Старые Балгазы)	—	—	331 баш. (1870)	132 баш.	100 баш.	196 баш.	баш.	56 баш.
Менеузтамакский сельсовет								
с. Менеузтамак	263 теп, 36 тат.	—	694 теп, 51 тат.	1870 теп. 307 тат.	1793 теп, тат.	1430 тат.	тат.	1013 тат.
с. Чураево	22 баш.	196 баш.	156 баш. (1870)	318 баш.	313 баш.	343 баш.	баш.	210 баш. тат.
Миякибашевский сельсовет								
д. Миякибашево	203 теп.	—	1224 теп.	204 баш.	2467 баш.	1230 баш.	баш,	72 баш.
Миякинсхий сельсовет								
с. Киргиз-Мияки	310 тат.	710 тат.	1825 теп. (875 тат.- 1870)	2319 миш, 7 тат.	2674 тат.	3193 тат.	тат.	6672 тат.
с. Курманайбаш	60 теп.	210 теп.	410 теп.	11 баш, 570 теп.	550 теп.	327 тат.	тат.	175 тат.
Уршакбашкарамалинский сельсовет								
д. Аитово	218 баш.	226 припущ.	233 баш. (1870)	425 баш.	456 баш.	273 баш.	баш.	123 баш.
д. Байтимирово	138 миш, (1816)	211 миш. 90 теп.	221 миш, 92 теп. (1870)	171 баш, 316 миш.	585 миш, тат.	261 тат.	тат.	164 тат.
с. Уршакбашкара-малы	81 теп.	480 вотч. 728 баш, припущ.	1226 баш. (1870)	2982 миш.	2685 миш.	[343 тат.	тат.	772 тат.
Сатыевский сельсовет								
д. Баязитово	156 баш.	723 баш, припущ.	720 баш. (1870)	1522 баш.	1253 теп.	943 тат.	тат.	725 тат.

НУРИМАНОВСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Байгильдинский сельсовет								
с. Байгильдино	164 теп. (1816)	603 теп	554 баш.	1276 теп.	1273 баш. теп.	677 тат.	баш.	481 тат.
д. Бикмурзино (Старое Каргино)	60 теп. (1816)	86 теп.	198 теп.	456 теп.	495 теп.	287 баш.	баш.	192 тат.
д.Большой Тенькаш	150 теп. (1816)	223 теп.	438 баш.	1346 теп.	906 баш.	614 тат.	баш.	416 тат.
д. Истрик (Исриково, Идик)	123 вотч. 41 баш.- припущ.	339 баш. припущ.	224 баш.	583 баш.	559 баш.	479 баш.	баш.	286 баш.
д. Укарлы	100 теп. (1816)	272 теп.	371 баш.	775 баш, 6 рус.	569 баш, теп.	336 баш.	баш.	234 баш, тат.
д. Чураш	51 вотч, 5 баш.- припущ.	87 вотч, 14 баш.- припущ.	80 баш.	244 баш, 16 теп.	278 баш.	243 баш.	баш.	181 баш.
Баш-Шидинский сельсовет								
д. Башкирские Шиды	1 zo оаш.	J1U оаш.	377 баш.	909 баш., 8 теп.	970 баш.	457 баш.	баш.	309 баш.
Красногорский сельсовет								
с. Устье-Салдыбаш						8 дв. баш.	баш.	124 баш., мар.
Нимисляровский сельсовет								
д.Нимислярово	11 оаш, 171 теп.	396 теп.	966 баш.	61 баш., 2029 теп, 61 рус.	2030 теп.	1106 тат.	тат.	805 тат.
Новобирючевский сельсовет								
д. Ново-Бирючево (Мелегес)	ои теп. м.п.	j^у теп.	зш оаш.	993 теп.	918 теп.	351 тат.	тат.	300 тат.
Старобедеевский сельсовет								
д. Старый Бирюч (Старобирючево)	34 вотч.	74 вотч, 184 теп.	259 баш.	1048 теп.	998 тат.	634 баш.	баш.	; 00 баш, тат.
Новокулевский сельсовет								
с. Новокуль	4ш оаш. (1816)	337 оаш.	1110 баш.	2149 баш, 43 рус.	'.095 баш.	2063 баш.	баш.	1 574 баш.
д. Сатлык			—	40 баш. (1905)	200 баш.	253 баш.	баш.	03 баш.
д. Уянкуль					73 баш.	125 баш.	баш.	5 баш.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Новосубаеккий сельсовет								
д. Новый Исай				160 баш, 25 рус.	193 оаш.	\4i оаш.	оаш.	
д. Старый Бияз	—	—	—	142 баш. (1905)	354 баш.	225 баш.	баш.	96 баш.
Статюисаевгий сельсовет								
д. Ишмурат (Еландыбаш)			201 баш.	437 баш, 11 теп.	5К5 баш.	474 оаш.	оаш.	1*ч наш.
д. Старый Исай	60 баш.	186 баш.	383 баш.	616 баш. (1896)	937 баш.	929 баш.	баш.	679 баш.
с. Старокуль (Иске Аул, Старо-Мечетлино)	488 баш.	285 баш. (1834)	930 баш.	1805 баш, 78 рус, 6 теп.	1775 баш.	1455 баш.	баш.	873 баш.

САЛАВАТСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1834	1859	1870	1920	1959	1979	1989
	7.	3	4	5	6	7	8	9
Мурсалимкинский поссовет								
р.п. Мурсалимкино (д. Калмаккулово)	84 баш.	80 баш.	200 абш.	196 оаш.	Зйи оаш.	оаш.	оаш.	i.) 1 и иаш.
д. Сюрюкай	99 баш.	ПО баш.	200 баш.	227 баш.	350 баш.	364 баш.	баш.	226 баш.
(Новоеюрюкаево)								
Алькинский сельсовет								
с. Алькино	108 баш.	128 баш.	138 баш.	140 баш.	lav оаш.	431 оаш.	оаш.	
д. Каратаулы	184 баш.	185 баш.	228 баш.	234 баш.	491 баш.	320 баш.	баш.	295 баш. 1 . 4
д. Юлаево (Шагавай)	93 баш.	140 баш.	189 баш.	190 баш.	110 баш.	баш.	баш.	1 С4 оаш.
д. Юнусово	117 баш.	—	254 баш.	241 баш.	386 баш.	192 баш.	баш.	284 баш, тат.
д. Идрисово (Равилево)	—	—	—	185 баш.	157 баш.	228 баш.	баш.	184 баш.
Аркауловский сельсовет								
с. Аркаулово (Мунаево)	101	316	—	528 баш.	228 баш.	7У0 оаш.	оаш.	1 z/v или.
д. Бешевлярово	127 баш	135 баш.	220 баш.	274 баш.	354 баш.	303 баш.	баш.	238 баш.
д. Куселярово (Р а к и м г у л о в о)	145 баш	280 баш.	368 баш.	399 баш.	527 баш.	367 баш	баш.	202 баш.
д. Махмутово	29 баш.	164 баш.	256 баш.	277 баш.	556 баш.	225 баш.	баш.	111 баш.
с. Яубуляково	31 баш.	88 баш.	92 баш.	62 баш.	93 баш.	112 баш.	баш.	30 баш.
Ильчикеевский сельсовет								
д. Ильчикеево	107 баш	—	140 баш.	149 баш.	zvu оаш.	sa1 оаш.	оаш.	ли оаш.
д. Карагулово	47 баш.	96 баш.	120 баш.	134 баш.	241 баш.	398 баш.	баш.	284 баш.

Продолжение табл.

2	3	4	5	6	7	8	9
Ишкмбаевский сельсовет							
"с. Ишимбай	89 баш.	! 75 баш.	200 баш.	240 баш.	476 баш.	363 баш.	баш.	364 баш.
"• д. Миндиш	198 баш.	234 баш. 4 крест.	—	250 баш.	340 баш.	355 баш.	баш.	284 баш.
–д.ЯЯЯ	128 Оаш.	345 баш	382 баш.	293 баш.	609 баш.	432 баш.	баш.	268 баш.
'р. Радио				139 жит. (1939)	140 баш.	баш.	117 баш.
Лагеревский сельсовет							
j, Лагерево	208 баш.	479 баш.	—	814 баш.	82 рус.	730 баш.	баш.	883 баш.
~р Чебаркуль	—		—	—	—	252 баш.	баш.	191 баш.
Шаряково (Ширяково)	58 баш.	81 баш, 3 каз.	138 баш., 17 каз.	147 баш.	300 баш.	260 баш.	баш.	161 баш.
Лаклинский сельсовет							
Лаклы	138 теп., тат.	176 теп., тат.	312 дворов	619 баш.	1703 теп.	1449 тат.	тат.	1175 тат.
Урмансы	94 баш.	175 баш.	280 баш.	230 баш.	443 баш.	501 баш.	баш.	434 баш.
Мечетлинский сельсовет							
'д. Ахуново	174 баш.	243 баш.	312 баш.	202 баш.	501 баш.	567 баш.	баш.	472 баш.
Купсеево	140 баш.	628 баш.	—	—	332 баш.	243 баш.	баш.	207 баш.
Мечетли (Мурзалар-рЛечетлино)	177 баш.	428 баш.	548 баш.	587 баш.	679 баш.	677 баш.	баш.	620 баш.
Мещегаровский сельсовет							
Мещегар	43 тат, 36 миш., 24 теп.	55 миш. М.П., 39 теп. м.и	316 миш, теп.	312 баш.	814 теп.	780 тат.	тат.	585 тат.
"Г Шарип (Сикияз)	175 теп, миш.	122 миш, 13 д.м.п. теп.	536 миш, теп.	524 баш, 55 теп.	1251 миш.	606 тат.	баш.	467 тат.
Насибашевский сельсовет							
Калмаклар	56 баш.	98 баш.	140 баш.	149 баш.	388 баш.	334 баш.	баш.	177 баш.
Салаватский сельсовет							
Кызырбак				56 жит. (1939)	145 баш.	баш.	24 баш.
Малояз	159 теп.	124 теп.	257 д.м.п. теп.	486 баш.	961 теп.	1779 баш, тат.	баш.	3773 баш, тат.
"JT Хатмуллино	—	—	—	45 баш.	56 баш.	91 баш.	баш.	не значится

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	'
Таймеевский сельсовет								
д. 1-й Идельбай (Базраково)	199 баш.	328 баш.	440 баш.	398 баш.	434 баш, теп.	229 баш.	баш.	107 баш.
д. 2-й Идельбай					607 баш., теп.	510 баш.	баш.	439 баш.
с. Таймеево	159 теп.	664 теп, тат.	1133 теп, тат.	1173 теп.	2434 теп, тат.	1208 тат.	тат.	666 тат.
Терменеевский сельсовет								
с. Терменево	165 баш.	248 баш.	310 баш.	320 баш.	514 баш.	926 баш.	баш.	917 баш.
Турналинский сельсовет								
д. Ельгильдино (Евгильде, Абзяк)	106 баш.	150 баш.	150 баш.	153 баш.	248 баш.	175 баш.	баш.	33 баш.
Урмантауский сельсовет								
д. Ташаул	54 баш.	90 баш.	89 баш.	103 баш.	419 баш.	468 баш.	баш.	276 баш.
п. Урмантау	—	—	—	—	—	1835 баш.	баш., рус	863 баш, рус, тат.
Янгантауский сельсовет								
д. Ильтай	70 баш.	169 баш.	232 баш.	237 баш.	428 баш.	251 баш.	баш.	144 баш.
д. Комсомол	—	—	—	—	—	119 баш.	баш.	26 баш.
д. Мусат	70 баш.	76 баш.	100 баш.	95 баш.	271 баш.	207 баш.	баш.	132 баш.
п. Санаторий Янгантау (1937)						245 баш.	баш.	677 баш, тат.

СТЕРЛИБАШЕВСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1834	1859	1870	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	'	8	9
Айдаралинский сельсовет								
с. Айдарали	—	151 баш.	266 баш, тат.	—	801 баш.	12)1 тат.	баш.	771 тат.
Аллагуватский сельсовет								
с. Аллагуват (Нижний)		425 баш.	370 баш.	668 баш.	348 баш.	315 баш.	баш.	256 баш.
д. Врехний Аллагуват	—	200 баш.	205 баш.	235 баш.	362 баш.	271 баш.	баш.	256 баш.
д. Мустафино	63 баш.	164 баш.	252 баш.	268 баш.	295 баш.	262 баш.	баш.	173 баш.
Бакеевский сельсовет								
с. Бакеево (Бакиево)	100 баш.	358 баш.	388 баш.	364 баш.	716 баш, теп.	682 тат.	тат.	611 тат.

Продолжение табл.

1	J _ 2	•1 3	1 4	1 5	1 6	1 7	1 я	1 о
Бузатовский сельсовет								
с. Бузат	is / оаш, тат.		—	511 тат.	15)4 миш	1213 тат.	тат.	957 тат.
Кабакушский сельсовет								
с. Кабакуш (Кабыкуш)	IV* оаш.		517 оаш.	601 Саш.	692 баш.	825 баш.	баш.	654 баш.
Карагушский сельсовет								
с, Карагуш	м оаш, 117 теп.	1151 МИИ), теп.	1162 миш, 51 теп, 33 тат.	—	2450 баш.	1084 тат.	баш.	766 тат.
Куганакбашевский сельсовет								
с. Куганакбаш (Алатана)	тат.		10 баш, 107 тат.	40 баш.	1088 тат.	1022 тат.	тат.	776 тат.
д. Юматузино	105 баш.	180 баш	111 баш.	109 баш.	245 баш.	275 баш.	баш.	167 баш.
Кундрякский сельсовет								
с. Кундряк. (Бакиево)	1_в яс. тат.		34 вотч.	226 тат, баш.	207 баш.	338 баш.	баш.	463 баш, тат.
д. Табулды	233 баш.	287 баш	387 баш.	357 баш.	603 баш.	458 баш.	баш.	352 баш.
Сарайсинский сельсовет								
д. Буляк					108 баш.	94 баш.	баш.	35 баш.
д. Верхнешакар (Шакар)	54 ьаш.	47 баш.	190 баш.	196 баш.	287 баш.	293 баш.	баш.	201 баш.
с. Елимбетово (Шинаево)	75 баш. (1816)	193 баш.	340 баш.	503 баш.	619 баш.	561 баш.	баш.	431 баш.
д. Нижнешакар (Алимгужа)	82 баш. (1816)	102 баш.	158 баш. (1850)	178 баш.	261 баш.	181 баш.	баш.	102 баш.
д. Сарайсино	119 баш.	173 баш.	236 баш.	179 баш.	256 баш.	363 баш.	баш.	250 баш.
д. Умутбаево (Яхино)	133 баш.	117 баш.	130 баш.	164 баш.	200 баш, рус.	206 баш.	баш.	140 баш.
Старокалкашевс-ий сельсовет								
д. Баимово			200 баш.	196 баш.	256 баш.	109 баш.	баш.	78 баш.
д. Старый Калкаш	270 баш.	332 баш.	500 баш.	551 баш.	532 баш.	285 баш.	баш.	411 баш.
Стерлибашевский сельсовет								
с. Максютово	i j.i оаш.	134 оаш.	35U Оаш.	300 баш.	408 баш.	287 баш.	баш.	195 баш.
д. Ибракай (Ибрагимово)		216 баш.	283 баш.	280 баш.	521 баш.	463 баш.	баш.	366 баш.
с. Стерлибашево		92 баш, 409 тат, 24 миш.	667 припущ.	773 баш.	2619 баш, тат.	3751 тат.	тат.	5513 тат.
д. Мухаметамин (Кундрякбаш)			—	34 баш.	207 баш.	186 баш.	тат.	93 баш, тат.

Продолжение табл.

1 •	1 7	1 3	1 4	1 5	6	. 7	1 8	»
Турмаевский сельсовет								
д. Муртазино	162 баш.	228 баш.	292 баш.	377 баш.	428 Оаш.	_ии оаш.	оаш.	1 ii оаш.
Тятер-Арслановский сельсовет								
с. Тятер-Арсланово	31 баш, тат.	387 баш.	—	1'' оаш, 755 тат.	io/j оаш.	tot- таг.		
Халикеевский сельсовет								
с. Амирово (Кундряг)	432 миш, тат., теп.	558 миш, тат.	—	Н6U миш., 125 тат.	оаш.	у 11 тат.	U-UL.	
с. Халикеево (Сокшшма)	138 миш, 27 теп.	446 баш, миш, теп.	580 баш, миш., теп.	860 баш, 18 теп.	1466 миш, теп.	848 тат.	тат.	
Янгурчинский сельсовет								
с. Янгурча (Уршакбаш)		—	468 баш. (1870)	/и. оаш., 248 теп.	i.vn теп.	•tj M I.		
д. Каранаево	84 баш.	239 баш.	382 баш.	358 баш.	311 баш.	222 баш.	баш.	
Ишергановский сельсовет								
д. Айтуган	197 баш.	435 баш.	69 Оаш, тат.	в_ жит. (1906)	бз оаш.			тат.
д. Ибраево (Нижи. Ибраево)		207 баш.	324 баш.	932 баш, 633 тат.	1088 тат.	765 тат.	баш.	325 тат.
с. Ишерганово	20 сл. тат.	264 тат.	726 баш, 238 тат. (1870)	1473 баш, 191 тат.	1528 баш, тат.	1432 тат.	баш.	770 тат.

СТЕРЛИТАМАКСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Алатанинский сельсовет								
с. Алатана	108 теп.	157 баш.	170 баш.	460 баш.	485 теп.	345 тат.	тат.	18/ тат.
д. Юрактау	199 баш, 90 чув, 24 теп.	160 баш. 209 теп.	150 баш, 32 теп.	335 баш.	349 баш.	262 баш.	баш.	176 баш.
Ишхадарский сельсовет								
д. Максют	88 баш.	256 баш.	300 баш.	315 баш.	308 баш.	206 баш.	баш.	154 баш.
Аючевсхкй сельсовет								
с. Аючино	235 баш.	335 баш.	298 баш.	340 баш.	426 баш.	490 баш.	баш.	282 баш.
с. Мурдаш		—	150 баш.	256 баш.	314 баш.	310 баш.	баш.	160 баш.
Буриказгановский сельсовет								
с. Талачево (Талач-Мокшина)	70 баш. 75 теп. (1816)		ПО баш, 320 теп, 28 миш.	1060 жит.	1491 тат. теп.	1323 тат.	тат.	927 тат.
Дергачевский сельсовет								
д. Старый Абдрахман	—		172 баш.	205 баш.	278 баш.	66 тат.	баш.	12 баш.

15'

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Казадаевский сельсовет								
с. Кармаскалы	16 баш, 140 теп, 9 миш. (1834)	—	256 теп., 56 тат, 27 миш.	1030 жит.	1439 тат, теп, морд.	976 тат.	тат. морд.	649 тат. морд.
Первомайский сельсовет								
д. Абдрахман		—	—	—	—	321 баш, рус.	баш.	249 баш.
д. Новый Абдрахман	—			144 баш.	139 баш.	148 баш.	баш.	49 баш.
Преображенский сельсовет								
д. Кунакбай	—	—	105 баш.	140 баш.	—	232 баш.	баш.	106 баш.
Рязановский сельсовет								
д. Кучербай (Аккуз)	124 баш.	224 баш.	333 баш.	336 баш.	510 баш.	379 баш.	баш.	268 баш.
Услинский сельсовет								
с. Нижние Услы (Услы -Тамак)	91 баш., 144 теп. (1834)	—	607 баш.	840 баш.	1008 баш, теп.	577 тат.	баш.	435 тат.

ТАТЫШЛИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1895 (1870)	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Акбулатовский сельсовет								
с. Акбулат	30 вотч.	323 баш, 46 теп.	389 баш, 45 теп. (1870)	817 баш, 5 тат.	765 баш.	805 баш.	баш.	524 баш, тат.
д. Савалеево	47 баш.	298 аотч, 31 баш.- припущ.	455 баш. (1870)	464 баш, 59 теп.	496 баш.	391 баш.	баш.	165 баш.
с. Чуругулды	18 баш. (1834)	100 баш.	158 баш.	669 баш, 10 рус.	631 баш.	917 баш.	баш.	523 баш.
Аксаитовский сельсовет								
с. Аксаит	193 баш. (1816)	254 баш.	503 баш, теп. (1870)	—	1454 баш.	1220 баш.	баш.	809 баш, тат.
д. Артаул						224 баш.	баш.	165 баш, тат.
д. Бизь (Устюбица)			141 баш. (1905)	171 баш.	179 баш.	131 баш.	баш.	87 баш.
д. Зиримзи (Еремзи)	55 баш. (1816)	115 баш.	111 баш. (1870)	326 баш, 12 рус, 9 тат.	317 баш.	327 баш.	баш.	190 баш.
с. Ильмет	170 вотч. (1816)	403 баш.	409 баш. (1870)		565 баш.	641 баш.	баш.	406 баш, тат.
д. Юсуп	53 баш.		350 баш.	295 баш.	301 баш.	327 баш, тат.	баш.	182 баш, тат.
Новочукурово	38 вотч.	171 баш.	206 баш.	519 баш.	482 баш.	189 баш.	баш.	91 баш.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Бадряшевский сельсовет								
д. Аук-Буляк					40 дв. (1925)	252 баш.	баш.	163 баш.
д. Бадряш	238 баш.	302 баш.	515 баш. (1870)	235 баш, 5 рус.	238 баш.	305 баш.	баш.	383 баш.
д. Байкибаш					18 дв. баш, рус.	28 баш.	баш.	13 баш, тат.
д. Беляш		227 баш.	239 баш.	659 баш, 36 теп.	632 баш.	591 баш, тат.	баш.	577 баш.
д. Салаевка (Верхняя)				81 баш, 48 миш.	113 баш.	166 баш.	баш.	38 баш.
д. Салдау (Солдово)	77 вотч. (1850)	111 вотч.	87 баш.	221 баш, 12 рус.	213 баш.	277 баш.	баш.	197 баш.
Буль-Кайпановский сельсовет								
с. Буль-Кайпан (Булегарт-Кайпаново)	147 баш, 42 миш	426 баш, миш.	389 баш, 11 миш.	830 баш, 208 миш.	908 баш.	681 баш.	баш.	687 баш.
с. Новый Кайпан	75 баш.	302 баш.	382 баш.	538 баш, 3. теп.	501 баш.	466 баш.	баш.	485 баш. тат.
Кальмияровский сельсовет								
д. Асавды				308 баш, 6 теп.	285 баш.	327 баш.	баш.	136 баш.
д. Мана газ	46 баш.	165 баш. (1834)	225 баш, миш.	442 баш.		94 баш.	баш.	34 баш, тат.
с. Сикияз (Малый) (Савкияз)				486 баш, 9 рус	475 баш.	400 баш.	баш.	333 баш.
Кальтяевский сельсовет								
с. Кальтяево	60 вотч.	236 баш.	287 баш, миш.	845 баш. 8 теп.	766 баш, тат.	584 баш, тат.	баш.	604 баш.
д. Нижнее Кальтяево						74 баш.	баш.	36 баш, тат.
п. фанга	—	—	—	—	—	171 баш.	баш.	48 баш.
д. Шардак (Шардык-Чищма)		80 баш.	97 баш. (1870)	131 баш, 3 теп.	310 баш.	391 баш.	баш.	111 баш.
Кудашевский сельсовет								
с. Арибаш		—	219 вотяк, баш.	592 удм.	513 вотч.	610 удм.	баш.	909 баш, тат. удм.
д. Иракты (Новые)	—	—	—	159 баш.	161 баш.	162 баш.	баш.	25 баш.
Д. Кардагуш	—	—	—	—		222 баш.	баш.	237 баш.
с Кудаш (Верхний)	148 баш.	367 баш.	580 баш.	1056 баш, 10 теп.	1045 баш.	1403 баш.	баш.	1001 баш, тат.
с. Нижнехудашево	154 баш.	137 баш.	491 баш.	980 баш, 25 рус.	910 баш.	603 баш.		
Д- 1-Янаул					25 дв. баш.	192 баш.	баш.	143 баш.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Курдымский сельсовет								
д. Ачу-Елга	Ж оаш. (1816)	70 баш (1850)	106 баш. (1870)	304 баш., 13 теп.	302 баш.	225 баш.	баш.	105 баш.
д. Бургунбаш				442 баш.	425 баш.	342 баш.	баш.	166 баш.
д. Зиримэибаш (Зирмизибаш)				217 баш.	216 баш.	428 баш.	баш.	149 баш., тат.
с. Курдым (Старый)				653 баш., 18 теп!	641 баш.	1032 баш., тат.	баш.	938 баш.
с. Сараштыбаш				444 баш., 13 теп.	425 баш.	467 баш.	баш.	231 баш.
д. Ташкент						183 баш.	баш.	120 тат.
д. Юрмиязбаш					184 баш.	231 баш.	баш.	118 тат.
Маматаевский сельсовет								
д. Карман						186 баш.	баш.	56 баш., тат.
д. Маматай Маметово)	67 баш. (1834)	261 баш	287 баш., 59 теп.		477 баш.	388 баш.	баш.	352 баш, тат.
с. Старый Кайпан	105 баш.	430 баш	420 баш.	860 баш, 12 теп.	765 баш.	532 баш.	баш.	454 баш, тат.
с. Старый Чукур	165 баш.	325 баш	348 баш.	649 баш.	588 баш.	243 баш.	баш.	205 баш.
Нижнебалтаневский сельсовет								
д. Кыткы-Елга					280 баш.	320 баш.	баш.	ПО баш., тат.
д. Таныи-Чишма				12 баш, 45 рус.	63 баш, рус.	160 баш, РУС	баш.	33 тат, удм.
Татышлинский сельсовет								
Верхние Татышлы			563 вотяк., 90 тат. (1870)	390 баш., 794 удм, 173 рус.	1239 баш., вотяки (УДМ.)	2130 баш., УДМ.	баш.	5131 баш, тат.
Шульгановский сельсовет								
д. Гарабаш (Гарейбаш)	65 УДМ. (вотяки)	438 удм. (вотяки), 125 теп.	243 баш, 269 удм. (вотяки)	1020 удм, 18 баш.	991 баш, УДМ.	829 баш.	баш.	678 баш, тат.
д. Зилактау						125 баш.	баш.	33 баш.
д. Кашкак	136 баш.	370 баш. (1850)	570 баш., миш.	1195 баш, 17 рус.	119 баш.	761 баш.	баш.	551 баш, тат.
д. Чишма	50 баш. (1816)	57 баш.	57 баш.	86 баш.	79 баш.	88 баш.	баш.	63 баш.
с. Шульган	86 вотч.	567 вотч.	687 вотч.	1354 баш, 24 рус.	278 баш.	1272 баш.,	баш.	1059 баш.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	0	8	9
Янгызнаратовский сельсовет							
д. Новый Кудаш		78 баш.	169 баш.	139 баш.. 23 теп.	141 баш.	275 баш.	баш.	51 баш, тат.
д. Сикияз (Верхний)		26 баш. (1834)	174 миш.	872 баш., 14 теп.	827 баш.	618 баш.	баш.	347 баш.
с. Янгыз-Нарат (Хамитово)	67 вотч.	242 баш.	275 баш. (1870)	775 баш, 45 миш.	744 баш.	725 баш.	баш.	571 баш, тат.

ТУЙМАЗИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1895 (1870)	1917	1920	1959	979	1989
1	2	3	4	5	6	'	8	9
Бишкураевский сельсовет								
д. Атык	—				19 дв.баш. (1925)	146 тат.	оаш.	47 тат.
с. Бишкурай	279 теп.	1033 теп.	1106 баш.	2433 теп.	2268 баш.	976 тат.	баш.	662 тат.
д. Булат	111 теп.		182 тат.	556 миш.	525 теп.	343 тат.	баш, тат.	253 баш, тат.
с. Ермунча	184 тат.	427 теп, тат.	514 баш. (1870)	1189 теп.	1010 теп.	703 тат.	баш.	304 тат.
п. Новый Арслан	—	—	—	—	289 тат.	137 тат.	баш.	36 тат.
с. Туктагул	122 баш, 103 теп.	309 баш, 678 теп.	869 баш.	1541 баш.	1834 баш.	942 баш.	баш.	589 баш, тат.
Верхнебишидинский сельсовет								
п. Бересклетовское хозяйство	—					58 рус.	баш.	29 баш, тат.
с. Верхние Бишинды	103 баш., 163 теп.	232 баш, 486 теп.	785 баш, 1008 теп.	37 баш, 1434 теп.	1482 баш.	828 баш.	баш.	525 баш.
п. Имангул	—				5 дв. баш. (1925)	177 баш.	баш, тат.	146 баш, тат.
д. Каран-Бишинды	37 теп. м.п.	110 теп.	250 теп.	557 теп, 23 мари	568 баш.	307 баш.	баш.	116 баш, тат.
Д. Куюк-Тамак	—				15 дв. теп. (1925)	78 баш.	баш.	69 баш, тат.
Д. Липовый Ключ	—	—		300 тат, 105 чув.	362 тат.	253 баш.	баш.	72 тат.
д. Мулла-Камыш	—			119 баш, 6 теп.	143 баш.	221 баш.	баш.	46 баш, тат.
с. Нижние Бишинды	212 баш.	537 баш.	1054 баш.	646 баш, 730 теп.	1340 баш.	883 баш.	баш, тат.	628 баш, тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
с. Новые Бишинды				709 баш.	795 баш.	453 баш.	баш.	227 баш, тат.
д. Самсык				108 баш, 17 рус.	136 баш.	206 баш.	баш.	109 баш, тат.
Верхнетроицкий сельсовет								
п. Новонарышево	•о оаш.	‹<и оаш	2И9 оаш	395 баш, 430 теп.	800 баш.	276 тат.	баш, тат.	132 тат.
Гафуровский сельсовет								
						1093 баш, тат.	баш.	939 баш, тат.
Химерово (д. Карамалы Темирово)	22 баш. (1816)	100 баш.	181 баш	424 баш.	497 баш.	303 тат.	тат.	139 баш.
Ильчембетовский сельсовет								
д. Байрахатуба	jx. оаш. м.п.	Зз оаш. м.п.	149 Оаш. м.п.	248 баш, 1 теп.	106 баш.	178 тат.	баш.	148 тат.
						88 тат.	баш.	15 баш, тат.
д. Максют	17 баш.	33 баш. м.п.	84 баш.	173 баш. 6 теп.	180 баш.	150 тат.	баш.	51 тат.
с. Илчимбет	82 баш, 117 теп.	29 вотч, 69 баш.- прип. м.п.	528 баш. 60 тат. (1870)	1120 теп, 144 рус, 150 морд.	1187 теп., тат, баш.	896 тат.	баш.	972 тат.
с, Япрык	74 баш.	151 баш, 88 теп.	486 баш, 100 тат.	1215 теп, 204 тат.	1385 баш, теп.	830 тат.	баш.	698 тат.
Какрыбашевский сельсовет								
с. Аблай	зз оаш, 2 тат.	1оУ баш.	177 баш.	540 баш.	527 баш.	366 баш.	баш.	230 баш, тат.
д. Б ят к и (Битки, Бедкина)	12 баш, 60 теп.	191 баш, теп.	207 баш, 25 тат.	477 теп.	501 баш.	241 тат.	баш.	108 баш.
д. Исмаил	7 баш. 75 теп.	471 баш, теп.	570 баш, (475 баш. 1870)	1040 баш, теп.	1060 баш, теп.	256 тат.	баш, тат.	113 баш, тат.
с. Какрыбаш	32 баш.	193 баш, теп.	367 баш. (202 баш. 1870)	566 баш.	595 баш.	423 баш.	баш.	579 баш, тат.
д. Тукмак-Каран	15 баш, 45 яс. тат.	96 баш, тат.	92 баш, 145 тат.	128 баш, 196 тат.	306 баш, тат.	205 тат.	баш.	86 баш, тат.
Карамалы-Губеевский сельсовет								
с. Балтай	–>\и иаш. (1834)	4У8 баш..	543 баш.	1469 теп.	277 баш.	903 баш.	баш.	329 баш, тат.
с. Кальшали	146 теп, 40 миш, ПО тат.	500 теп, миш, тат.	1556 теп, миш, тат, (703 баш. 1870)	494 баш, 789 миш, 597 теп.	1780 миш, теп.	916 тат.	баш.	523 тат.
с. Карамзлы-Губей	202 тат.	404 теп, (1834)	1309 тат.	1634 баш, 4 теп.	446 баш.	1230 тат.	баш.	1096 тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
с. Метевтамак	164 теп.	471 теп.	1310 теп, тат.	1757 баш, 68 тат.	237 баш.	839 баш.	баш.	416 баш, тат.
с. Тукай	138 теп.	545 теп.	658 тат.	1715 баш, 51 теп.	586 баш.	1109 баш.	баш.	
с. Чукадытамак	111 баш.	612 баш.	680 баш.	1575 баш.	285 баш.	739 баш		376 баш.
Каратовский сельсовет								
с. Карат	42 баш, 10 теп.	66 баш. М.П.	161 баш.	4Z/ оаш.			тат.	Я7Ч тит
с. Уязытамак	66 баш, 10 яс. тат.	193 баш. 93 теп. м.п.	656 баш. (1870)	993 баш, 565 теп.	474 баш, теп.	1106 баш.		597 баш. тат.
Николаевский сельсовет								
д. Айтактамак	—					itи иаш.	Клим*	ОТ Ам
с. Кандрыкуль	156 баш, 38 теп.	570 баш, теп.	1148 баш, теп.	1334 баш, 17 теп.	1253 баш.	774 баш.		527 баш.
д. Кандры-Тюмекей			293 баш.	183 баш, 176 теп.	338 баш, теп.	182 баш.		107 баш. тат.
Мустафино (Бикташ)			532 баш.	434 жит. (1905)	571 теп, баш.	300 тат.		84 баш тат.
д. Новосуккул	—		185 баш.	503 баш.	274 баш.			
Сайрановский сельсовет								
д. Новый Арсланбек (Арсланово)	236 теп, 26 тат.	780 теп.	1090 баш, 157 теп.	1261 баш.	1333 оаш.	zoi иаш.		
с. Сайран	53 баш, 37 сл. тат.	284 баш, тат.	578 баш, тат.	161 теп.	948 баш.	869 баш.	чув.	АТЛ й-ип ЮЧ иаш.
д. Старый Арсланбек	35 баш, 48 теп.	307 баш.	248 баш.	761 баш, 12 теп.	565 тат, теп.	264 баш.		136 баш. тат.
с. Тюпкильды	180 баш.	609 баш.	978 баш.	1325 теп.	1114 баш.	463 баш.		204 баш.
с. Урмекей	67 баш, 75 тат.	312 баш, 12 тат.	702 баш, 51 тат.	704 теп, 153 баш, 150 тат.	949 баш, теп, тат.	463 баш.	баш.	зи / иаш.
п. Уряк	—	—	—	—	—	167 баш.	баш.	11 баш.
Старокандринский сельсовет								
с. Ермухамет	245 баш.	787 баш.	1257 баш, (894 баш. 1870)	1747 теп.	15/4 баш.	у43 оаш.	иаш, тат.	
с. Кандры-Кутуй	114 баш. (1816)	255 баш.	272 баш. (1870 г.)	821 баш.	804 баш.	669 баш.	баш.	718 баш, тат.
п. Каран-Елга						256 баш.	баш.	23 баш., тат.
п. Разъезд Каран-Елга						37 тат.	баш.	30 баш, тат.
с. Старые Кандры	8 баш, 163 теп.	323 теп, тат.	791 баш., теп, тат.	890 теп, 58 баш.	834 баш, теп.	603 тат.	баш.	326 тат.

Продолжение табл.

1	2	1 . 3	1 *	1 8.	6	1 7	8	1 9
Старотуймазинский сельсовет								
Д. Карат-Тамак		50 баш, м.п.	181 баш.	424 баш.	497 баш.	144 тат.	баш, тат.	50 баш, тат.
с. Старые Туймазы	25 баш., 155 теп.	33 баш, 232 теп.	540 баш.	1315 баш.	1336 баш.	1734 тат.	баш.	1187 баш., тат.
Субханкуловский сельсовет								
с. Зигитяк (Субханкул)	12 теп. (1816)	352 припущ.	392 баш.	451 теп.	456 теп.	367 тат.	баш.	246 тат.
д. Каин-Елга						121 тат.	баш.	65 баш, тат.
д. Нуркей	102 баш.	164 баш.	219 баш. (1870)	539 теп, 3 тат.	512 баш.	287 баш.	баш.	389 баш, тат.
с. Субханкул	37 баш., 155 теп.	365 теп.	597 теп.	674 теп.	666 баш.	428 баш.	баш.	310 баш, тат.
Татар-Улкановский сельсовет								
с. Ад нагул	167 теп.	338 баш, теп.	457 баш. (1870)	1704 баш, 29 тат.	1557 баш, теп.	484 баш.	баш.	232 баш., тат.
с. Бикмет	93 баш., 13 теп.	509 баш.	564 баш, 38 тат.	1181 баш.	1356 баш.	304 баш.	баш.	116 баш.
с. Верхний Садык	160 теп.	445 теп.	933 баш, теп, тат.	1015 баш, 159 теп.	1005 баш, теп.	637 баш.	баш.	425 баш, тат.
д. Киска-Елга	109 баш., 14 теп.	427 баш.	479 баш.	1026 теп, 19 тат.	985 баш.	185 тат.	баш.	87 тат.
д. Нижний-Сардык	160 баш, 217 теп.	506 теп.	943 теп.	1244 теп, 8 рус.	1298 баш.	297 баш.	баш.	200 баш, тат.
с. Татар-Улкан	20 баш. м.п., 91 теп.	66 баш, 247 теп.	322 баш.	1442 теп.	712 баш.	652 баш.	баш.	750 тат.
д. Тирян-Елга	—	—	—	45 баш.	81 баш.	212 баш.	баш.	147 тат.
Ткженяковский сельсовет								
с. Агиртамак	150 теп. (1816)	211 теп.	232 баш., 142 тат.	583 баш.	864 теп.	506 тат.	баш.	332 тат.
д. Райманово (Кинзекеево)	106 теп.	8 баш, 322 теп.	422 баш, 146 тат.		1302 баш.	626 тат.	баш.	577 тат.
д. Таш-Кичу	—	—	—	—	2 дв. баш.	76 баш.	баш.	18 тат.

УФИМСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
Кармасанский сельсовет								
д. Асан	20 баш, 68 миш.	57 баш., 206 миш. (1834)	4»j баш.	1003 миш.	1138 баш.	508 тат.	баш.	353 тат.
д. Юлуш	50 баш (1816)	64 баш.	63 оаш. м.п. (1901)	Л"" иаш.	179 баш.	138 баш.	13 ш.	69 тат.
Николаевский сельсовет								
д. Нурлино	696 баш припуи	666 оаш, теп., тат.	/уо тат.		п?.Qnvc.	баш.	1448 баш. тат.	
Черкасский сельсовет								
д. Новые Карашиды				Ж Г 280	баш.	223 тат.	баш.	1 26 оаш, тат.
Юматовский сельсовет								
д. Уптино			44 1 46 теп.	иош., 376 миш.	98 монд.	РУС	И 6 баш, рус, тат.	

УЧАЛИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей					
	1795	1859	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7
Абзаковский сельсовет						
д. Абзак	80 башк. (1816)	215 башк.	—	257 башк.	башк.	383 башк.
д. Абсалям (Этимган)	—	—	331 башк.	180 башк.	башк.	106 башк.
д. Бурангул	101(1816) башк.	300 башк.	340 башк.	180 башк.	башк.	92 башк.
д. Малай-Муйнак	121 башк.	200 башк.	344 башк.	338 башк.	башк.	142 башк.
д. Татлембет	72 башк.	100 башк.	231 башк.	131 башк.	башк.	47 башк.
Амангильдинский сельсовет						
д. Амангильды		174 башк. (1850 г.)	229 башк.	171 башк.	башк.	95 башк.
д. Галиахмер	96 башк.	285 башк.	397 башк.	206 башк.	башк.	80 башк.
д. Зайникай		188 башк.	183 башк.	162 башк.	башк.	249 башк.
д. Калуй	62 башк.	160 башк.	267 башк.	138 башк.	башк.	99 башк.
д. Кучук	98 башк.	242 башк.	300 башк.	202 башк.	башк.	114 башк.
д. Сураман	121 башк.	360 башк.	444 башк.	380 башк.	башк.	288 башк.
Ахуновский сельсовет						
с. Ахун	444 миш.	1623 миш.	4087 миш.	2653 тат.	тат.	2334 тат.
д. Кидыш		—	—	114 тат.	тат.	114 тат.
д. Таныгау		—	—	64 тат.	тат.	91 башк.
Ильчигуловский сельсовет						
д. Ильсегул		149 башк.	423 башк.	374 башк.	башк.	327 башк.
д. Карим	264 башк. (1834 г.)	633 башк.	877 башк.	459 башк.	башк.	284 башк.
д. Мулдакай	284 башк. (1834 г.)	285 башк.	509 башк.	347 башк.	башк.	183 башк.
д. Мулдаш	268 теп.	824 теп.	1191 теп.	647 башк.	башк.	167 башк.
Ильчинский сельсовет						
с. Ильчино	220 теп.	1168 теп. (1865 г.)	2443 теп.	—	башк.	102 башк.
с. Рысай	240 теп.	628 теп.	1380 теп.	-	башк.	508 башк.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Имангуловскнй сельсовет						
с. Имангул	189 теп.	861 теп.	1549 теп.	716 тат.	башк.	764 башк.
д. Кудаш	—	—	376 жит. (1939 г.)	'87 башк. (1969 г.)	башк.	327 башк.
д. Расуль	62 башк. (1816 г.)	148 башк.	275 башк. 283 жит. (1939 г.)	18 башк.	башк.	292 башк.
д. Урал	-	-	-	256 тат.	башк.	153 башк., тат.
Казаккуловский сельсовет						
д. Казаккул	195 башк.	320 башк.	385 башк.	436 башк.	башк.	13Ь оашк.
д. Карагужа	212 башк.	581 башк.	706 башк.	202 башк.	башк.	70 башк.
д. Кубагуш	234 башк.	531 башк.	740 башк.	458 башк.	башк.	392 башк.
Кирябинский сельсовет						
д. Байсакал	162 башк. (1834 г.)	174 башк.	290 башк.	90 башк.	башк.	4 башк.
д. Новый Хусаин	240 башк.	348 башк. П816 г.]	274 башк.	96 башк.	башк.	3 башк.
Кунакбаевский сельсовет						
д. Абдулкасим	-	162 башк.	192 башк.	97 башк.	башк.	35 башк.
с. Ильтабан	220 теп.	672 теп.	1053 теп.	551 башк.	башк.	461 башк.
с. Кунакбай	284 теп.	972 теп.	1696 теп.	716 башк.	башк.	618 башк.
с. Юлдаш	224 теп.	954 теп.	1545 теп.	805 башк.	башк.	636 башк.
Мансуровский сельсовет						
д. Мансур	111 теп.	405 теп.	934 теп.	390 башк.	башк.	612 башк.
Наурузовский сельсовет						
д. Гадельиа	—	—	149 башк.	102 башк.	ьашк.	и оашк.
д. Маскау	285 башк	550 башк.	648 башк.	371 башк.	башк.	388 башк.
с. Науруз	149 башк	309 башк.	513 башк.	807 башк.	башк.	440 башк.
д. Ташкыя	-	-	—	—		
д. Я гуда	-	143 башк.	99 башк.	150 башк.	башк.	13 башк.
Новобайрамгуловский сельсовет						
д. Байрамгул	286 баш с.	427 башк.	103 башк.	497 башк.	башк.	4Ь3 оашк.
д. Каипкул	-	168 башк.	229 башк.	155 башк.	башк.	78 башк.

Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.)

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
д. Муса	-	140 башк.	390 башк.	230 башк.	башк.	74 башк.
д. Суяргул	—	150 башк.	245 башк.	197 башк.	башк.	108 башк.
Озерный сельсовет						
д. Аслай	—	—	91 башк.	102 башк.	башк.	50 башк.
д. Баттал	47 башк.	197 башк.	222 башк.	206 башк.	башк.	242 башк.
д. Узункуль	—	138 башк.	234 башк.	351 башк.	башк.	160 башк.
Сафаровский сельсовет						
с. Сафар	282 башк.	1048 башк. (1866 г.)	1762 башк.	1229 башк.	башк.	1221 башк.
Старобайрамгуловский сельсовет						
д. Балбык	236 башк.	357 башк.	332 башк.	276 башк.	башк.	195 башк.
д. Кужай	101 башк.	247 башк.	463 башк.	129 башк.	башк.	75 башк.
д. Ст. Байрамгул	113 башк. (1834 г.)	306 башк.	556 башк.	325 башк.	башк.	316 башк.
д. Шарип	234 башк. (1834 г.)	316 башк.	348 башк.	131 башк.	башк.	76 башк.
д. Ялсыгул	170 башк. (1834 г.)	196 башк.	244 башк.	100 башк.	башк.	61 башк.
Суюндуковский сельсовет						
д. Ай-Кучук	98 башк.	242 башк.	300 башк.	323 башк.	башк.	114 башк.
д. Сулейман	63 башк.	228 башк.	448 башк.	296 башк.	башк.	214 башк.
д. Суюндук	125 башк.	238 башк.	441 башк.	292 башк.	башк.	152 башк.
Тунгатаровский сельсовет						
д. Курама	214 башк. (1834 г.)	451 башк.	746 башк.	458 башк.	башк.	549 башк.
д. Старомуйнак	142 башк.	500 башк.	220 башк.	395 башк.	башк.	251 башк.
с. Тунгатар	268 башк.	717 башк.	1198 башк.	733 башк.	башк.	601 башк.
Уразовский сельсовет						
д. Ишмекей	101 башк.	238 башк.	399 башк.	360 башк.	башк.	280 башк.
д. Кулуш	238 башк.	401 башк.	547 башк.	192 башк.	башк.	234 башк.
д. Кутуй	68 башк. (1816г.)	149 башк.	354 башк.	249 башк.	башк.	254 башк.
с. У раз (Минлибай)	204 тепт.	758 тепт.	1864 тепт.	848 башк.	башк.	972 башк.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Урпм-к™й™>льсовет						
д. Базаргул	249 башк. (1834 г.)	126 башк. (1850 г.)	2 VI башк.	nnR. „<v	башк.	52 оашк.
д. Истамгул	80 башк.	340 башк.	547 башк.	408 башк.	башк.	297 башк.
д. Ишкен	—	187 башк.	185 башк.	282 башк.	башк.	221 башк.
Умялтк-т"* сельсовет						
д. Калкан	208 тепт.	/Uj теш.	тайГ^	382 башк.	башк.	290 башк.
д. Сайтак	166 башк.	185 башк.	7SQ (лйтк	353 башк.	башк.	329 башк.
с. Ургун (Мулдаш)	268 тепт.	824 тепт.	1191 тепт.	647 башк.	башк.	581 башк.
с. Учалы	408 тепт.	1640 тепт.	3129 тепт.	3174 башк.	башк.	5186 башк.

S l ^ г » - « — - и деревень Б — — • Уфа,1997 г и другие.

ЧЕКМАГУШЕВСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	1795	1859	1870	1917	1920	1959	8	9
			Аблаевский сел^овет					
с. Аблаево	48 оашк., П яТтат	848 баш, миш, тат.	1061 баш.	2300 баш, 852 теп.	2925 оашк., миш.	баш		тат.
с. Бардаслы	-	-	—	—	324 жит. (1939)	15 баш.	баш	168 баш, тат.
			Башировский сельсовет					
с. Новокалмашево	63 баш.,	199 баш, теп	245 баш.	803 тат, 32 миш.	815 оашк, миш., теп.			82 тат.
д. Новоюмраново	45 яс. тат. 74 теп., 6 миш. (1816)	170 теп, миш.		363 жит. (1905)	456 теп.	278 баш		
с. Старобаширово (Баширово)	20 сл тат.	49 миш, 106 гос.кр.	261 баш., тат.	716 баш.	745 баш., 57 теп.	366 тат	баш.	444 тат.
д. Старонхсаново	5Т&III 11 яс. тат, 10 теп.,	263 баш., яс.тат, теп, миш.	307 баш, 349 теп, яс. тат, миш.	1495 жит. (1905)	миш. теп. 1811 тат.	626 тат		293 тат.
			Имтле*					
с. Верхний Аташ (Верхнеаташево)	58 баш 54 миш, 48 теп.	99 волч, 312 баш.- припущ.	392 баш, 361 тат.	284 баш, 868 тат, 362 миш. 332 теп.	16У/ оашк. миш. теп.			679 тат.
с. Имянлекулово	ИЗ баш.	318 баш.	333 баш.	913 баш. 19 тат.	935 баш.	941 ба		
с. Калмашбашево	288 баш, 268 теп, 11 миш.	1095 баш теп, миш	1127 баш.	688 баш 1796 теп 7 миш.	П^1 теп.	баш		148 тат.
с. Кашкарово		—			458 жит. (1939)	334 баш.	баш.	

Продачжение табл

1	2	3	4	5	6	7	8	9
с. Старобиккино (Биккино)	127 теп.	417 баш.	298 баш, 217 тат.	807 баш, 451 теп, 46 миш.	1145 баш, теп.	515 баш.	баш.	311 тат.
Каразиряковский сельсовет								
с. Каразириково	99 баш., 254 теп. (1834)	137 вотч, 232 баш.-припущ.	275 баш.	911 баш. (1905)	1149 баш, теп.	689 баш.	тат.	456 тат.
с. Каргалы	9 баш, 77 теп.	33 вотч, 140 теп.	207 баш.	465 баш. (1905)	618 баш, теп.	495 тат.	тат.	199 тат.
Новобалтачевский сельсовет								
д. Леннино	—	—	—	—	370 жит. (1939)	213 баш.	баш.	161 баш, тат.
Новокарьявдинский сельсовет								
с. Верхние Карьявды	125 баш, 37 тат.	744 баш, тат.	566 баш, 92 тат.	878 баш.	804 баш.	596 баш, тат.	баш.	235 баш.
д. Новосурметово	—	—	300 жит. (1905)	391 баш, 10 рус.	365 баш.	193 тат.	баш.	55 тат.
с. Новые Карьявды	—	—	182 тат.	242 баш.	259 баш.	474 тат.	баш.	341 баш, тат.
С. СТАРО-СУРМЕТОВО (СУРМЕТОВО)	42 БАШ. 57 ТЕП.	217 БАШ. ТЕП.	209 БАШ.	232 БАШ., 12 ТЕП.	234 БАШК	836 БАШК	БАШК.	362 ТАТ.
Д. ЧИЯЛИКУЛЕВО	–	–	–		97 ТАТ.	104 ТАТ.	БАШ.	47 ТАТ.
Попоку<онский СЕЛЬСОВЕТ								
С. БИКМЕТОВО	150 МИШ., 140 ТЕП. (1834)	277 ТЕП., МИШ.	650 БАШ.	1181 БАШ.	728 ТЕП. МИШ.	362 БАШ.	БАШ.	175 ТАТ.
С. НОВОКУЛОВО	145 БАШ., 23 ТЕП.	550 ВОТЧ, 54 БАШ. ПРИПУЩ.	635 БАШ.	1566 БАШ., 152 ТЕП.	1570 БАШ.	976 БАШ.	БАШ.	615 БАШ., ТАТ.
Д. СТАРЫЕ ЧУППЫ (ЧУППЫ)	42 ТЕП., МИШ.	24 ТЕП. М.П.	96 ТЕП.	128 ТЕП.	21 ХОЗ.	143 ТАТ.	БАШ.	32 ТАТ.
Д. ТАМЬЯНОВО	52 БАШ., 148 ТЕП.	655 БАШ., ТЕП.	650 БАШ.	1266 ТЕП.	1221 БАШ. ТЕП.	785 ТАТ.	БАШ.	323 ТАТ.
РАПАТОВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ								
С. НОВОРЕСМЕКЕЕВО	15 БАШ., 72 МИШ. (1816)	8 БАШ., 91 МИШ. (1834)	278 БАШ., МИШ., ТИП. (1835)	283 ЖИТ. (1905)	295 БАШ., ТЕП.	145 ТАТ.	БАШ.	25 ТАТ.
С. РАПАТОВО	79 БАШ., 7 МИШ.	360 БАШ., МИШ., ТИП.	405 БАШ., 267 ТАТ.	903 БАШ., 838 ТАТ.	1949 БАШ., ТАТ.	1139 ТАТ.	БАШ.	953 БАШ., ТАТ.
ЮЯПОНСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ								
С. НОВОБАЛАКОВО	-	–	–		511 БАШ.	147 БАШ.	БАШ.	210 БАШ.
Д. НОВОТАЙНЯШЕВО		—	-	—	10 ХОЗ. (1925)	92 БАШ.	БАШ.	31 БАШ. ТАТ.
С. РЕЗЯПОВО	• • ТЕП.	528 ТЕП.	605 ТЕП.	1324 ТЕП.	1348 ТАТ.	875 ТАТ.	ТАТ.	622 ТАТ.
Д. ТАШ-ЕЛГА	—	—	—	—	19 ХОЗ. (1925)	99 БАШ.	ТАТ.	12 БАШ.
СТАРОКАЛМАШЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ								
С. СТАРОКАЛМАШЕВО	113 БАШ., 9 ТЕП.	417 БАШ., ТЕП.	452 БАШ., 441 ТЕП., МИШ.	465 БАШ., 1397 ТАТ., 350 ТЕП.	2250 БАШ., ТАТ., ТЕП.	2137 БАШ., ТАТ.	БАШ.	1835 ТАТ.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
ТАЙНЯШЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ								
с. АХМЕТОВО	70 БАШ., 14 ТЕП.	96 БАШ., ТЕП.	193 БАШ., ТЕП.	136 БАШ., 9 МУС.	329 БАШ., ТЕП.	39 / ОАШ, оаш.		
С. КАРАН		372 БАШ., ТЕП.	411 БАШ., 37 ТАТ.	269 БАШ., 648 ТЕП.	986 БАШ., ТАТ.	3 16 БАШ.	БАШ.	178 ТАТ.
(МУСТАЕВО) д. НОВОДОМЕЕВО	72 БАШ. (1816)	236 БАШ.	289 БАШ.	418 БАШ., 153 МУС.	466 БАШ.	1 50 БАШ.	БАШ.	
с. СТАРОБАЛАКОВО	86 БАШ., 219 ТЕП.	615 БАШ., ТЕП.	744 БАШ.	1095 ЖИТ. (1905)	965 ТЕП.	* 91 ТАТ	ТАТ.	85 ТАТ.
(БУЛЯР) С. ТАЙНЯШЕВО (ГУЙНЯШ)	80 БАШ., 23 МИШ., 12 ТЕП.	373 БАШ., ТЕП.	422 БАШ.	485 БАШ., 398 ТАТ., 268 МУС.	1004 БАШ., ТЕП.	622 БАШ.	БАШ.	5 34 БАШ., ТАТ.
ТУЗЛУКУШЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ								
			–	–		466 ТАТ.	БАШ.	215 ТАТ.
Д. ТАСКАКЛЫ	270 ТЕП.	727 ТЕП.	885 ТЕП	1508 ТЕП.	1675 ТЕП.	800 ТАТ.	ТАТ.	568 ТАТ.
С. ТУЗЛУКУШЕВО д. ЧУРГАНБАШЕВО	–	–	–	315 БАШ., 5 МИШ.	497 БАШ.	312 ТАТ.	БАШ.	11 ОАШ. ТАТ.
УРНЯКСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ								
Д. КЕНДЕРКУЛЕВО			–			// ОАШ.	141 Ксм,	ТАТ.
С. КУСЕКЕЕВО	20 МИШ., 40 ТЕП. (1816)	547 МИШ.	620 БАШ.	1441 БАШ. 730 ТЕП. 425 МИШ.	1566 БАШ., МИШ., ТЕП.	654 ТЕТ.	БАШ.	325 ТАТ.
Д. НУР			–	—		196 БАШ.	БАШ.	70 ОАШ., ТАТ.
С. УРНЯК	–	–	–			857 БАШ.	оаш.	371 ТАТ.
Д. ЯШ-КУЧ	–	–	–	–		67 БАШ.	иаш.	ТАТ.
ЧЕКМАГУШЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ								
Д. ЧЕКМАГУШЕВО	86 БАШ.,	1378 БАШ.	1520 БАШ. (1870)	2553 ЖИШ. (1905)	3141 ТЕП., МИШ.	4923 АТ., РУС	Тai.	
ЮМАШЕВСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ								
С. КАРАТАЛ	–	–	–	–	–			14 ТАТ.
Д. НОВОПУЧКАКОВО (ПУЧКАК-КУЯНОВО)	157 БАШ	353 БАШ.	573 БАШ.	831 БАШ.	797 БАШ.	254 БАШ.	БАШ.	117 ОАШ., ТАТ.

ЧИШМИНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
р.п. Чишмы	340 баш., миш. 1834	637 баш, 8 теп.	945 баш, теп.	1587 миш, 327 рус.	1975 миш.	тат, рус.		18625 тат.
Алкинский сельсовет								
с. Илькашево	35 баш. (196 баш.-1834)	348 баш. припущ.	377 баш.	496 миш.	514 баш.	5 15 тат.		
с. Салихово	241 миш, 6 теп. (1816)	1208 теп	1068 баш.	1697 баш, 30 рус.	1600 миш.	525 тат.	тат.	265 тат.

Продолжение табл.

1			4	5	*	7		»
с. Узытамак	—	196 баш.	176 баш. (1870)	349 баш.	393 баш.	320 тат.	баш.	310 тат.
с. Уразбахты	171 теп., 21 миш. (1816)	621 теп.	626 тат, 33 баш. (1870)	823 теп, 100 баш, 302 миш.	1247 теп.	681 тат.	тат.	544 тат.
Аровский сельсовет								
д. Арово	95 теп, 24 миш. (1816)	504 теп, 106 миш.	850 миш.	1218 баш, 23 теп.	1077 теп.	776 тат.	тат.	582 тат.
с. Кляшево	200 теп. (1816)	750 теп.	1197 тат.	1762 теп.	1729 теп.	1094 теп.	тат.	613 тат.
Арслановский сельсовет								
с. Аминево	99 теп, 96 миш. (1816)	365 теп, 331 миш.	1259 миш, теп.	549 баш, 1616 миш, 385 теп.	1613 миш. (тат.)	843 тат.	тат.	476 тат.
с. Арсланово	250 миш. (1816)	809 миш.	1140 баш, теп.	2229 баш, 6 миш.	2102 баш.	1140 тат.	баш.	724 тат.
д. Новая (Яны аул)	135 баш, 12 теп. (1816)	404 миш, 341 теп.	955 баш, 54 теп.	1384 теп, 405 миш.	1718 баш.	711 тат.	тат.	436 тат.
Дмитриевский сельсовет								
с. Бишказы	94 теп. (1816)	152 теп.	275 прип. м.п.	714 теп, 74 миш.	1082 теп, миш.	575 тат.	тат.	355 тат.
Дурасовский сельсовет								
д. Алибай (Альбеево)	84 баш. (121 баш.-1834)	175 баш.	203 баш. (244 баш.-1870)	229 баш, 6 миш.	244 баш.	144 баш.	баш.	259 баш.
д. Биккул	48 баш. (163 баш-1834)	192 баш.	103 баш. (78 баш.-1870)	114 баш, 8 миш, 7 теп.	122 баш.	195 рус.	баш.	119 баш.
д. Булякбаш (Новый)	49 баш. (1816)	—	—	411 теп, 7 миш.	398 теп.	300 тат.	баш.	215 тат.
д. Верхний Хозят	150 баи'	364 баш.	385 баш.	164 баш.	140 баш.	155 баш.	баш.	107 баш.
д. Новый Усман	35 баш.	240 баш.-припущ.	255 баш.-припущ.	314 теп.	292 баш.	107 тат.	баш.	175 баш, тат.
д. Новые Ябалаклы			-	-	10дв.баш. (1925)	97 баш.	баш.	74 баш.
д. Средний Усман (Муталыпово)	38 баш.	339 баш.	432 баш.	404 баш.	408 баш.	203 тат.	баш.	130 баш, тат.
д. Средний Хозят	40 баш.	256 баш.	390 баш.	262 баш, 12 миш.	264 баш.	320 баш.	баш.	188 баш.
д. Чукраклы	29 баш.	254 вотч.	249 баш. (1870)	301 баш., 7 тат.	296 баш.	233 баш.	баш.	150 баш.
с. Ябалаклы .	31 вотч, 45 баш-припущ.	405 баш.	850 баш.	902 баш, 43 миш.	902 баш.	534 баш.	баш.	236 баш.
Енгалышевсхий сельсовет								
д. Борискино	55 баш.	133 баш.	258 баш.	485 теп.	452 миш.	288 тат.	тат.	132 тат.
д. Сабурово (Сабырово)	27 баш.	123 баш.	67 баш.	114 баш.	104 баш.	201 тат.	тат.	80 баш, тат.
Еремеевский сельсовет								
с. Верх. Тирма	95 баш.	285 баш, 416 теп.	1304 баш.	1339 баш, 162 миш.	1385 баш.	633 тат.	баш.	353 тат.
с. Калмаш	299 миш.	1227 теп.	1249 баш.	2556 миш.	2184 миш.	1545 тат.	тат.	795 тат.
д. Ниж. Тирма	102 миш. (1816)	392 теп.	360 тат.	442 баш, 322 миш.	712 миш.	643 тат.	тат.	379 тат.
д. Слак	1403 миш. (1834)	1487 теп.	1354 баш.	2159 теп.	—	204 баш.	тат.	112 тат.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
с. Ярми (Еремеево)	40 миш. Г1816)	391 теп.	364 баш.	6 баш, 793 миш.	854 миш.	7 i2 тат.		
ибрагимовский сельсовет								
с. Бикей (Бикеево)	56 миш. 62 баш.	710 теп. 1122 теп.	849 баш. 732 баш.	1864 миш. 1864 миш.	1778 миш. 1910 миш.	864 тат. 812 тат.	тат. : та 1 тат.	75 тат.
с. Ибрагим								
Кара-Якуповский сельсовет								
д. Бабик	4 теп.(1816)	342 теп.	15 баш, 82 теп.	244 теп.	234 баш.	250 тат.	оаш.	/4 оаш.
с. Караякуп	380 баш.	324 баш.	696 баш.	784 баш, 23 рус.	728 баш.	623 баш.	баш, < 29 баш.	
д. Новоабдуллино			225 жит. (1905)	4 баш, 333 теп, 10 миш.	356 миш.	117 тат.	баш.	[30 тат.
Новотроицкий сельсовет								
с. Барсуанбаш	44 миш.	544 теп. (1834)	555 баш., теп.	532 баш., 1257 теп.	1225 баш.	87 баш.	тат.	ш i таг.
д. Новые Опты	37 миш, 11 теп.	189 теп.	249 баш, 46 теп.	125 баш., 376 миш.	533 миш.	142 рус.	тат.	32 тат.
(Утино) с. Сайран	170 теп. П774)	284 зпч, припущ.	422 тат.	958 теп.	945 теп.	659 рус.	тат.	
Сафаровский сельсовет								
с. Сафар	183 миш, 13 теп.	1778 теп.	1837 баш, 10 теп.	3434 миш.	3519 миш.	тат.	тат.	
д. Удряк (баш)	11 баш, 276 миш.	1143 припущ.	2117 жит. (1905)	2974 баш.	2832 баш.	507 тат.	тат.	503 тат.
Старомусинский сельсовет								
д. Абрай	111 миш., 23 теп.	259 миш, 60 теп.	626 тат. (1870)	1398 миш, 40 теп.	1304 тат. (миш.)	683 тат.	тат.	
с Старый Муса	280 миш.	1168 теп.	1134 баш.	2336 миш.	2294 миш.	1187 тат.	тат.	677 тат.
Чишминский сельсовет								
д. ivy чум	87 баш.	160 баш.	227 баш.	302 баш.	'443'оаш.	jjo иаш.		
д. Нижн. Хозят	79 баш. (165 баш.-1834)	256 баш.	380 баш. (225 баш.-1870)	434 баш, 2 миш.	403 баш.	319 баш.	баш.	LLO оаш.
д. Новый Сафар		—	340 жит. (1905)	424 миш.	402 миш.	221 тат.	тат.	146 тат.
Чувалкиповский сельсовет								
с Теперишь	138 миш.	412 миш.	749 баш.	1781 миш	1719 миш.	856 тат	тат.	404 тат.
с. Чувалкип	217 миш,	873 теп.	812 баш, 25 теп.	1492 миш	1400 миш.	1153 тат	тат.	

ШАРАНСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Акбарисовский сельсовет								
д. Новый Таулар	89 баш.-припущ.	119 припущ.	125 баш	89 баш. 339 теп	451 баш.	516 тат	оаш.	
Базгиевский сельсовет								
д. Старый Тамьян	31 баш, 54 теп.	347 баш. теп.	339 баш	848 баш	768 теп.	441 тат		
д. Старые Ілявли	193 теп.	599 теп	647 теп	1398 баш.	1388 теп.	268 тат	тат.	308 тат.
Дюртолинский сельсовет								
д. Бурсык (Барсуково)	50 баш, м.п. 30 припущ	334 баш припущ	383 баш	705 баи	699 баш.	464 тат	баш.	juo тат.
д. Кучуково	86 теп. 43 чув.	274 теп чув.	202 баш 120 чув	324 тег	297 теп, чув.	139 тат 90 чу.	тат.	63 тат.

Продолжение табл

I	1	2	3	4	5	6	7	8	9
д. Сарсаз	167 теп.	692 теп	743 баш.	1264 теп	1181 теп.	386 та т,	тат.	301 та т
д. Улик-Елга	82 теп.	177 теп	203 баш, 6 тат.	499 теп	462 баш, теп.	167 та т.	тат.	125 тат.
д. Ярамка (Еремкино)	68 баш.	122 припущ.	136 баш, 146 тат.	626 припущ	635 баш, тат.	517 тат.	баш.	318 тат.
Зириклинский сельсовет								
д. Алпаево	97 теп.	302 теп.	640 жит. (1905)	690 теп, 6 рус.	685 теп.	285 та г.	тат.	175 тат.
д. Зириклы	139 тат.	292 теп, тат.	728 баш, тат.	1457 жит (1905)	1547 баш, тат.	1224 та т.	тат.	990 тат.
МИЧУРИНСКИЙ ГСПИ-ЛВ».								
д. Новый Тырбай			—	—	40 баш.	83 тат	баш.	43 тат.
д. Старый Тырбай (Турбаево)		252 припу!	274 теп.	696 баш, теп.	698 теп.	339 та!	баш.	161 тат.
д. Тимир		—	–		25 хоз. (1925)	110 тат	баш.	74 тат.
с. Шаранбаш-Князь	67 баш, 27 теп.	541 баш.- припущ.	549 теп, 191 мар.	1162 баш, 96 теп, 11 рус.	1291 баш.	965 баш	баш.	547 баш.
Нижнезантовский сельсовет								
Д. Кугарчи-Буляк	88 Оаш, 42 тат.	348 вотч, припущ.	427 баш, 33 яс. тат.	1077 баш, 127 теп.	1126 баш, тат.	550 баш	баш.	325 тат.
д. Нижний Заит	92 баш, 44 теп.	577 вотч, припущ.	625 баш.	1129 баш, 537 теп.	1689 баш, теп.	1047 баш.	баш.	853 тат.
д. Таш-Чишма			—	—		122 баш	баш.	26 баш.
ц. Чекан-Тамак	14 баш, 13 яс. тат. j		56 баш, [38 яс. тат.	141 баш, 89 теп.	239 баш, тат.	317 тат.	баш.	187 тат.
Нижнеташлинский сельсовет								
д. Нижние Ташлы	105 пр.sn. !	253 прип.	263 баш.	840 баш, 6 рус.	785 баш.	782 тат.	баш.	552 тат.
Нуреевский сельсовет								
с. пуреево	154 теп. j	169 теп.	474 баш	1046 баш.	1225 баш	141 9	пт	
Чалмалинский сельсовет								
Д. Люрмень	37 иаш.- прип. j	119 прип.	168 миш, 141 тат.	379 баш, 314 теп.	682 баш, тат.	149 баш.	баш.	382 тат.
с. Чалмалы	190 припТ	557 прип.	659 баш, 641 тат.	1117 теп.	1050 теп, баш.	572 баш.	баш.	514 тат.
с. Ямадыбаш	324 теп.	1269 прип.	1393 баш.	2260 баш, теп, миш.	2587 баш.	929 баш.	баш.	654 баш,
Шаранский сельсовет								
с. Наратасты	20 баш, 91 теп.	261 припущ.	317 баш., 85 чув.	278 чув, 849 теп.	1206 баш, j чув.	926 тат.	баш.	764 тат,
д. Тархан	58 баш, 59 теп.	376 припущ.	428 баш.	899 баш.	816 теп.	396 тат.	баш.	235 тат.

ЯНАУЛЬСКИЙ РАЙОН

Населенные пункты	Численность населения по годам переписей							
	1795	1859	1870	1917	1920	1959	1979	1989
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Айбулякский сельсовет								
с. Айбуляк	203 теп.	6 баш, 517 теп.	12 баш, 540 теп.	32 баш, 1091 теп.	1170 баш.	684 баш.	баш.	273 тат.
д. Гудбурово	200 теп.	398 теп.	409 теп.	652 теп.	598 баш.	334 тат.	баш.	270 тат.
д. Старый Артаул (Старый Уртаул)	285 баш.	474 баш.	487 баш.	692 баш.	672 баш.	412 баш.	баш.	236 баш.
д. Уракаево	—	405 теп.	425 теп. (1870)	575 баш. (1913)	590 баш.	309 тат.	баш.	231 тат.
Асавдыбашевсхий сельсовет								
с. Асавдыбаш	—	—	349 жит. (1905)	445 баш, 3 теп.	400 баш.	376 баш.	баш.	288 баш.
д. Новый Алдар	—	175 баш.	184 теп.	521 баш.	489 баш.	385 баш.	баш.	184 баш.
с. Сибады	30 баш.	193 баш.	200 баш.	697 баш, 19 теп.	698 баш.	459 баш.	баш.	198 баш.
с. Юссуково	—	—	467 жит. (1905)	624 баш.	595 баш.	467 баш.	баш.	216 баш.
Байгузинский сельсовет								
с. Байгузино	387 душ	20 баш, 1147 теп.	22 баш, 1303 теп.	1940 теп.	1060 баш, теп.	997 тат.	баш.	523 тат.
Боядинский сельсовет								
д. Акылбай	—	—	—	—	272 баш.	386 баш.	баш.	134 баш.
д. Бадряш-Актау (Бадряш)	228 баш.	515 баш.	545 баш.	847 баш.	887 баш.	340 баш.	баш.	27 баш.
д. Байсарово	—	—	—	—	542 баш.	210 баш.	баш.	50 баш, тат.
с. Вояды	85 баш. (1834)	115 баш.	—	—	620 баш.	514 баш.	баш.	368 баш.
д. Карман-Актау	—	135 баш.	330 баш.	—	393 баш.	417 баш.	баш.	130 баш.
д. Ту рты к	—	174 баш.	—	—	727 баш.	563 баш.	баш.	169 баш.
д. Чангакуль	—	—	—	—	265 баш.	365 баш.	баш.	119 баш.
Истякскнй сельсовет								
д. Ахтиял	67 баш, теп.	135 баш, теп.	188 миш.	9 баш, 616 теп.	535 теп.	437 баш.	баш.	342 тат.
с. Истяк	96 баш.	372 баш.	373 баш.	8 баш, 821 теп.	940 теп.	597 тат.	баш.	419 тат.
д. Новый Кую к	—	—	—	—	—	198 тат.	баш.	44 баш.
д. Сабанчи	—	—	—	—	—	135 баш.	баш.	15 баш, тат.
д. Старый Куюк	74 баш.	364 баш.	380 баш. (1870)	1031 баш, 13 рус.	1025 баш.	526 баш.	баш.	313 баш, тат.
д. Чулпан	—	—	—	—	156 жит. (1939)	224 баш.	баш.	81 баш.
Иткинеевский сельсовет								
с. Иткинеево	229 баш	717 баш.	803 баш.	1551 баш.	1398 баш.	723 баш.	баш.	696 баш.
д. Янгузнарат	—	—	275 тат.	343 баш.	331 баш.	283 баш.	баш.	105 баш.
Кармановский сельсовет								
с. Карманово	566 баш.	1186 баш.	1159 баш.	2105 баш, 4 рус.	2181 баш.	1695 баш.	баш.	1044 баш.
д. Кумово	115 баш.	770 баш.	806 баш, 14 тат. (1870)	1237 баш, 12 рус, 9 теп.	1353 баш.	873 баш.	баш.	356 баш.
п. Станции Карманово	—	—	—		—	381 баш.	баш.	394 баш, тат.
д. Хмелевка	-	—	—	--	356 баш.	317 баш.	баш.	-
д. Чишма (Тан-Тау)	72 баш. (1834)	98 баш.		386 баш.	353 баш.	409 баш.	баш.	93 баш.
Кисакканский сельсовет								
с Кисак-Каин	141 баш.	332 баш.	• баш. (1870)	592 баш, 41 теп.	620 баш.	587 баш.	баш.	429 баш.

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
п. Прогресс						429 т.	61 и.	731 баш, тат.
п. Разъезда Бадряш					баш, рус.	124 т.	б. III	114 баш, тат.
Д. Тартар	119 баш	329 баш.	327 баш (1870)	309 баш	299 баш	223 баш.	баш.	173 баш.
~~я~б	9J баш, 70 теп.	250 &ш.. 184 теп.	453 баш, 59 тат. (1870)	194 баш 291 теп. 121 тат	571 баш	330 баш.	баш.	108 баш.
с. Максимовс			Максимовский					
			1066 жит. (1906)	4 баш, 1226 вот 3 теп.	1169 вот теп.	934 баши.	баш.	630 тат., удм.
			месягутовский сельсовет					
с. Верхний Чат	104 баш.	335 баш.	347 баш.	649 баш.	554 баш.	445 баш	баш	243 баш.
Д- Куш-Имян			—	85 жит. (1905)	133 баш.	161 баш	баш	18 баш.
Д. Кызыл-Яр	100 баш.	689 баш.	705 баш, 26 тат. (1870)	844 баш, 109 рус, 16 тат.	946 баш.	358 баш	баш	215 баш, тат.
д. Месягутово	34 баш.	290 баш.	307 баш.	440 баш, Ю рус.	435 баш.	265 баш	баш	228 баш, тат.
д. Нижний Чат	89 баш.	375 баш	376 баш.	423 баш, 4 теп.	417 баш.	324 баш	баш	229 баш. тат.
д. Старый Алдар	78 баш.	205 баш	206 миш. (1870)	162 баш.	116 баш.	160 баш.	баш	131 баш.
д. Тау	52 баш.	200 баш	225 баш. (1870)	565 баш, 9 теп.	486 баш.	365 баш.	баш	255 баш.
р. Булат-Елгё	100 наш. (1850)	1\и баш	—	—	513 баш.	522 баш.	баш.	153 баш.
д. Варяш	162 баш. (1850)	207 баш	227 баш. (1870)	667 удм, 6 мар.	649 баш.	373 баш.	баш.	202 баш.
д. Варяшбаш			387 баш, 53 тат.	963 жит. (1905)	345 баш.	255 баш.	баш.	100 баш.
д. Цехах		—	—		167 баш.	207 баш.	—	
с. Новый Артаул	197 баш. (1850)	318 баш.	487 баш. (1870)	—	928 баш.	667 баш.	баш.	29 баш. 746 баш.
Д. Ошня Тау		—	—		251 баш.	242 баш.		
Д. Татарская Урада		204 баш.	—	—	519 баш.	406 баш.	баш.	46 баш.
д. Таш-Елга		—	—	136 баш.	Ш Кат.		ш.	224 баш.
; ямяеы	—	—		152 теп.	ЮГ™п	- ~		
А- Мь ЯЦЫ			—					
гС а W ^				574 баш, 23 теп.	494 баш.	597 баш.	баш.	415 баш,
и v-андугач			Старохудашевс					
т Гшшш	00 оаш, (1816)	208 баш.	21) баш. (1870)	581 баш.	552 баш.	97 баш.	баш.	131 баш, тат.
Д- Кумалак	108 теп.	281 теп.	310 теп.	25 баш, 580 теп.	561 баш.	;77 баш.	баш.	203 тат.
д. Новокудашево	69 баш.	146 баш.- припущ.	169 теп. (1870)	384 баш, 15 теп.	358 баш.	99 тат.	баш.	25 тат.
с. Старокудашево	346 теп.	552 теп.	596 теп.	1083 теп.	034 баш.	67 тат		
д. Султыево		411 баш.	431 баш, теп. (1870)	166 баш, ;55 теп	373 баш.	181 баш.	)аш.	380 тат. 1 67 тат.
с. Салихово			Ямадинский сельсовет					
	23 вотч.	209 баш.	222 баш.	613 баш.	551 баш	6. 5 баш.	1 аш.	373 баш.
с. Ютамыш			—		56 дв. (1925)	1 38 баш.	(аш.	105 баш. тат.
	80 баш.	371 баш.	497 баш.	1113 баш, 5 рус.	1029 баш.	8.5 баш.	Саш.	425 баш. тат.
с. Ямады	65 баш.	420 баш.	418 баш.	9 5 баш.	!76 баш	0*		
ГЯна^Г								
· · пау Л	115 баш.	161 баш.	459 баш.	5:6 баш. 1905)	685 баш.	5737 баш., рус.	6 ш, рус.	2 1406 баш, рус, тат.

3. ВЕДОМОСТИ МЕЩЕРЯКСКИХ КАНТОННЫХ НАЧАЛЬНИКОВ О ЧИСЛЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ПО ДЕРЕВНЯМ ПЯТИ КАНТОНОВ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Ведомости представляют собой ценный источник по различным аспектам социально-экономической истории многонационального Башкирского края. Они показывают количество деревень и характеризуют численность всех мещеряков — мишарей по 8-й ревизии 1834 г. Белебеевского, Бирского, Стерлитамакского, Уфимского и Челябинского уездов Оренбургской губернии, а также характер их землевладения и землепользования. По данным ведомостей, можно установить приблизительное время расселения мишарей и возникновения их населенных пунктов в Башкирии.

Ведомости уточняют наши прежние представления о землепользовании мишарей. В литературе распространено мнение, согласно которому после известного указа от 11 февраля 1736 г. мишари перестают вносить оброк башкирским вотчинникам за пользование их землей. Публикуемые документы не подтверждают это. Даже до издания закона о земле 1832 г. мишари 146 деревень (в Бирском уезде 71, в Белебеевском — 56, в Стерлитамакском — 18, в Челябинском — 2) продолжали оставаться на положении припущенников (кроме того, еще 7 деревень на тептярской земле). А жители 117 деревень приобрели во владение покупную землю; мишари 25 аулов находились на казенной, 8 — на жалованной русскими царями, 6 — на башкирской «бунтовщичьей» земле.

Переиздаваемые Ведомости подвергают сомнению утверждения отдельных историков о том, что мишари — переселенцы расселялись в башкирских деревнях, что образовалась мишарская группа башкир, которые впоследствии слились с башкирами[1]. В качестве доказательных моментов приводятся абсурдные факты: началом слияния мишарей с башкирами якобы послужила совместная песня «Уйыл»,

[1] Мажитов Н. А., Кулбахтин Н. М. Их комментарии к вышеприведенным нашим таблицам о национальном составе населения Туймазинского и других районов РБ / Ватандаш. 2002. № 3, 6; и другие их статьи в газетах и ж. «Агизел»; Сб. Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Уфа: РИО Баш, 2004. С. 14.

возникшая во время их пограничной службы в районе одноименной речки, завершением того момента как будто служит Именной указ Александра II от 31 октября 1855 г. о переименовании Башкиро-мещерякского войска «Башкирским» со включением в него 260 тыс. тептярей. В указе между прочим сказано: «и только в случаях, где представится надобность отличать происхождение людей, войско составляющих, называть их башкирами из мещеряков, (башкирами) из тептярей или бобылей»[1]. В прошениях тептярей можно было наблюдать и следующее: «башкиры из черемисов» (т. е. марийцев), «башкиры из вотяков» (т. е. удмуртов). Через Шлет войско было ликвидировано в связи с отменой кантонного управления в Башкирии. Часть мишарей и тептярей (в основном, тюркоязычных) называли себя «новобашкирами», затем все они вернулись в мишари и тептяри. Все мишари в 1930-х гг. пополнили татарский этнос, тептяри — татарский, башкирский, марийский и удмуртский этносы. О факте «полного слияния мишарей с башкирами» нет ни одного источника.

Вместе с тем такое слияние части мишарей с башкирами действительно было. Это факт. П. И. Рычков перечислил башкирские волости, которые считались башкиро-мишарскими: Юрматынское племя (волость) подразделялось на дочерние волости (роды, аймак-тюбы). Среди них — Мещер-Юрматынская, Тяльтимская (на рубеже XVIII—XIX вв. — Тяльтим-Мещерская)[2].

«К полному слиянию мишарей, как и тептярей, с башкирами», по мнению тех же авторов, послужило (в 1850 г. мишарей 100 тыс. человек, башкир 507 тыс.) совместное проживание в одних и тех же населенных пунктах. Однако источники отвергают данную точку зрения. Мишари, как привилегированное военно-служилое сословие, создавали, как правило, свои собственные населенные пункты. Были мишаро-тептярские деревни. По Ведомостям, там, где мишарей было мало, жили и тептяри. В мишарских деревнях башкир почти

[1] 2 ПСЗ. Т. 30. № 29769.

[2] 2/7,5' Р„ик°?- История Оренбургская. Уфа, 2001. С. 41. *Он же* Топография Оренбургская. Уфа, 1999. С. 56.

не было. В 1326 г. в собственно башкирских поселениях в 1795 г. башкиры и мишари проживали вместе лишь в 60 деревнях, что составляет 4,5 проц. Если добавить еще 39 деревень, где жили башкиры, тептяри и мишари (2,9 проц.), а также 3 деревни, где, кроме башкир, зафиксированы мишари и татары (0,12 проц.), то выходит, что совместное проживание башкир с мишарями наблюдалось лишь в *7,6* проц.[1] всех башкирских селений. В данном случае такой факт, видимо, не заслуживает особого внимания.

Слияние мишарей с башкирами привело бы к социальным изменениям. Мишари в таком случае стали бы вотчинниками, точно так же как сарты, калмыки, бурзянские и другие ногайцы, тезики, туркмены, целиком и полностью ассимилированные башкирами. Имеются данные, которые говорят о том, что к 1841 г. из 337 всех мишарских деревень только в 9 из них в Бирском и Уфимском уездах Оренбургской губернии жалованные земли имели 3458 человек или 4,8 проц. от 72 тыс. мишарей[2]. Они стали вотчинниками за особые заслуги отцов или дедов перед правительством. Однако никуда, ни в какое другое сословие они не перешли, оставаясь всегда в своем. Таковы факты, напрочь отвергающие вышеупомянутое утопичное мнение.

А теперь рекомендуем читателям самим разобраться с расселением мишарей по волостям, кантонам, уездам, составом и численностью населения, отношением жителей к земельной собственности и т. д.[3]

[1] Сб. «Западные башкиры по переписям 1795-1989 гг.» Уфа, 2001. О 40-84.

[2] ЮАС. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 308-343.

[3] Там же.

1-й Мишарский кантон

1841 г. октябрь 18 дня

№ юрт	Уезды, юрты, деревни	Число душ по 8-й ревизии		Волости	Тюбы	Вотчинники или припущеники	Кочуют или постоянно живут в селения
		муж.	жен.				
1	2	3	4	5	6	7	8
	Челябинского уезда						
1.		349	301	Волостей не имеется, а каждое селение называется принадлежащим к 1-му мещеряцкому кантону по номерам юрты	Названия тюбы: не имеются	Собственной не имеют земли, а живут на казенной земле	Некоторые мещеряки в летнее время кочуют', а прочие постоянно живут в своих домах
	Мансурова	219	194				
		172	149				
2.		740	644		—	—	
		144	164				
		171	123	—			
		180	161		—		Постоянно живут в своих домах
	Иванкова	177	161	—		—	
	Учкулева	163	161				
		835	770				
3.	Кансырлина	81	81	Волостей не имеется, а каждое селение называется принадлежащим к 1-му мещеряцкому кантону по номерам юрты	Названия тюбы: не имеются	Собственной не имеют земли, а живут на казенной земле	Некоторые мещеряки в летнее время кочуют, а прочие постоянно живут в своих домах
		159	159				
		161	124				
	Медиякова	24	19				
	Мутазина	83	74				
	Солочаулова	85	54				
	Бурханкулева	101	78				
		694	589				
4.		409	397	—			
	Вишнякова	147	171	—			
	Трех озерок	254	250				
		810	818				

Продолжение таблицы

	2					
	Ахунова	475	463			
	Троицкого уезда					
	Верхни Кигов	440	446		Собственной не имеют земли, а живут на башкирских землях и платят оброк	Живут постоянно в домах
	Еланлов	90	109			
	Чубуркая	23	22			
		553	597			
	Всего	4107	3881			

Кантонный начальник хорунжий Азаматов

В должности письмоводителя Афанасий Кадомцев

2-й Мишарский кантон

Стерлитамакского уезда						
Бузовьязы	471	492	Уршак-Минский	Не имеется	Живут на праве припущенников, на земле, взятой у башкирцев Уршак-Минской волости, по договору, данному в 1789 году	Живут постоянно в домах

Атдзитарова.	257 728(1	253 745(1	Кадышевской	Живут на собственной земле, купленной у башкирцев Кадышевой тюбы в вечное владение по договору, данному в 1813 г.
Тукаева.	341	353	Не имеется	Живут на собственной, некоторая часть жителей по купчей крепости, совершенной в Оренбургской палате Гражданского суда (в) 1796 г., а протчия, осталь-, ные по отчуждению от владения Правительствующего Сената переводятся на казенные земли
Муксинова .	39			Живут на праве припущенников
Исмаилова.	173	191		Живут на собственной, доставшейся по купчей крепости, совершенной в Оренбургской палате Гражданского суда (в) 1812 г. от помещика гвардии капитана Левашева в вечное владение

1	2	3	4	5	6	7	8
		12	9	Миркит-Минской	Тюб нет	Живут на купленной у башкирцев Миркит-Минской волости по договору, данному в 1794 году в вечное владение	Живут постоянно в домах
		42	43	МусалинскойИ		Живут на праве припущенников на земле башкирцев Мусалинской волости	
		316	318	Уршак-Минский		Живут на купленной земле по договору, выданному от башкирцев Миркит-Минской волости в 1790 г. в вечное владение	
		53	46	Миркит-Минской		Живут на праве припущенников по договору, данному башкирцами Миркит-Минской волости (в) 1792 г.	
	Тюртяк Итекеева	16	20	Миркит-Минской		Живут на земле башкирцев Миркит-Минской волости по записи, выданной в 1747 г. в вечное владение	

		3					
	Балыклыкулева .	78	78	Той же юрты	Тюб нет	Живут на земле, купленной у башкирцев Миркит-Минской волости по договору, данному в 1756 г. в вечное владение, а по указу Оренбургской палаты Гражданского суда 1834 г. оставлены в общем владении с тептярами и служилыми татарами	
	Талбазы .			Миркит-Минской		Живут по записи, выданной в 1747 г. от башкирцев Миркит-Минской волости на вечное владение	
	Ст. Турумбетова ,			Миркит-Минской	Тюб нет	Живут по записи, выданной в вечное владение башкирцами Миркит-Минской волости, свидетельствованной в Уфимской провинциальной канцелярии (в) 1747 г. по указу Оренбургской палаты Гражданского суда в 1793 г.	Живут постоянно в своих домах

1	2	3	4	5	6	7	8
		28	27	Дуван-Табынской	—	Живут на праве	—
		736	780			припущенников с башкирцами Дуван-Табынской волости	
3.		274	252	Миркит-Минской		Живут на купленной по договору, выданному от башкирцев Миркит-Минской волости (в) 1761 г. в вечное владение	
	Калчир Буранова	51	53	—	—	На праве припущенников по договору 1799 г.	Живут постоянно в домах
		14	6	—	—	На купленной	
		708	675			в вечное владение у башкирцев Миркит-Минской волости по договору, данному в 1714 г.	
4.	Янгыскаинова	139	141	Юрматынской	Кумышевской тюбы	На купленной у башкирцев Юрмытынской волости в вечное владение по записи, данной (в) 1747 г. план и книгу в обще с башкирцами имеют	—
	Курмантаева	62	70	Кси-Табынской	Тюб нет	На праве припущенников по договору, данному от башкирцев Кси-Табынской волости (в) 1738 г. План и межевую книгу имеют	
	–						

1	2	3	4	5	6	7	8
		38	27	Кси-Табынской	Тюб нет	Живут на купленной у башкирцев Кси-Табынской волости по договору (в) 1799 г. в вечное владение. План и книгу имеют	Живут постоянно в домах
	Янурусова	20	22	Юрматынской	Кумышевской	Живут по общему документу с мещеряками дер. Янгыскаиновой	
	Кузянова	2	3		Телтимской	На праве припущенников. Живут вообще с башкирцами Юрматынской волости без договору	
	Кутлутузина	20	17	Бишеуль-Табынской	Тюб нет	На купленной у башкирцев Бишеуль-Табынской волости по записи, выданной (в) 1757 г.	
	Бирлогазганова (Буриказганово)	269	252	Яик-Сиб-Минской	Тюб нет	На купленной у башкирцев Яик-Суби-Минской волости в вечное владение но договору 1753 г.	
	Семенева	82	80			На купленной у башкирцев той же волости в вечное владение по договору 1766 г.	

1	2	3	4	5	6	7	8
	Талач Мокшина	9	9	Яик-Суби-Минской	—	На купленной у башкирцев Яик-Суби-Минской волости в вечное владение по договору 1756 г.	—
	Верхния Услы	32	29	Тялтим-Юрматынской		На купленной у башкирцев Тялтим-Юрматынской волости в вечное владение по договору 1757 г.	—
	Кармаскалы	6	3	Яик-Суби-Минской	Тюб нет	На праве припущенников по договору, данному башкирцами этой волости (в) 1756 г.	Живут постоянно в домах
	Заитова	29	24	Бишеуль-Табынской		На праве припущенников по договору, данному башкирцами этой волости (в) 1142 г.[3]	
	Нагадакова	24	22	Миркит-Минской		Живут на купленной у башкирцев Миркит-Минской волости по договору 1768 г. в вечное владение	
	Леканды	10	6	Дуван-Табынской	—	На праве припущенников по договору, данному (в) 1786 г.	-
		742	705				

	2	3	4				
	Амирова	366	353	Мурзаларской		На праве припущенников по договору, данному башкирцами Мурзаларской волости (в) 1756 г.	
	Халикеева	238	228		Татигачевской	Живут на купленной у башкирцев Мурзаларской волости в вечное владение по договору 1754 г.	
	Стерлибашева	12	13	Тялтим-Юрматынской		На праве припущенников по договору, данному башкирцами Телтим-Юрматынской волости (в) 1809 г.	
4\ 4\							
	Янгурчина	13	14	Миркит-Минской		На праве припущенников по записи, данной башкирцами означенной волости в вечное владение	
6.	Карагушева	548	583	Юрматынской	Мурзаларской	Живут на купленной у башкирцев Юрматынской волости по договору 1756 г., а потом отчужденной в вечное владение по решению Оренбургской палаты Гражданского суда, утвержденному Правитель-	Живут постоянно в домах
		629	608		Тетигачевской тюбы		

Я? 1	2	3	4	5	6	7	8
						ствующим Сенатом по 4-му департаменту в вечное владение	
		4091	4096				

Начальник 2 и 3-го мещерякских кантонов
войсковой старшина Резяпов.

3-й Мишарский кантон

1	2	3	4	5	6	7	8
	Уфимского уезда						
1.	Удрекбашева	399	334	Куркули-Минской	Тюб нет	Живут на земле, купленной по договору у башкирцев той волости в вечное владение	Живут постоянно в домах
	Балыклы	352	346			Живут на земле, купленной по договору у башкирцев Чуби-Минской волости в вечное владение	

(1) Итоги по юртам в рукописи отсутствуют.
(2) Должно быть: Муса-Минская или Асылы-Минская.
(3) Итог в рукописи отсутствует.

1	2	3	4	5	6	7	8
	Сарайлы	22	17	Чуби-Минской	—	Живут на земле, купленной по договору у башкирцев Куркули-Минской волости в вечное владение	—
	Шамеевой	45	44	Куркули-Минской	—		
		818(4	74KD				
2.	Ахметева	249	269	Кандинской	Якшиевой	Живут на земле, купленной у башкирцев Канлинской волости в вечное владение по записи 1723 г. 29 генваря, которая состоит в общем владении с башкирцами	
	Курмашева	183	183	Дуванейской	Тюб нет	Живут на земле, купленной у башкирцев Дуванейской волости в вечное владение по записи 1715 июня 1, 1717 августа 28, 1751 годов июня 21 числа	
	Кудуишибашева (Кудушлибашево)	76	83	Дуванейской	—	Живут на земле, купленной у башкирцев Дуванейской волости в вечное владение по записям 1730 августа 23	—
	Дюсметева	89	97	Кандинской	Тюб нет	Живут на отведенной по указу Правительствующего Сената от 23 ноября 1836 г. по покупке у башкирцев Канлинской волости по записи 1715, 1835 гг.	Живут постоянно в домах
	Рысмекеева	50	41	Неизвестно		Живут на земле, купленной по записям 1722 июня 11, 1723 августа 1, 1727 генваря 11, 1778 гг. июня 28 числа у вотчинников-башкирцев	
	Якупова.	72	66	Канлинской		Живут на земле, купленной в вечное владение по записи у башкирцев Канлинской волости в 1738 г. ноября 9 дня	
		719	739			Живут на земле, купленной в вечное владение у башкирцев Канлинской волости по записи 1730 г. июня 24 дня	
	Токмаклы	294	269			Землю имеют купленную в вечное владение по одной с Токмаклинскими мещеряками записи	
	Писмяк Мусина	48	51			Землю имеют в вечное владение по одной с Токмаклинскими мещеряками записи	
	Каратяки	248	239			Землю имеют в вечное владение по указу Уфимской провинциальной канцелярии от 1761 г. ноября 11 дня от башкирцев Канлинской волости отведенной	

4^
О)

4^

m

г

1	2	3	4	5	6	7	8
	Шарлыкова	41 631	39 598	Кандинской		Землю имеют в вечное владение по договору на татарском диалекте, выданному от башкирцев Канлинской волости в 1750 году	
4.	Салихова	286	284	Чуби-Минской	Тюб нет	Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев Чуби-Минской волости по условию выданному (в) 1746 г.	Живут постоянно в домах
	Уткина	62	48	—	—	Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев Чуби-Минской волости по договору, выданному (в) 1764 г.	—
	Арасланова	306	350	—	—	Землю имеют купленную у башкирцев Чуби-Минской волости по договору с давних лет, выданному	—
	Уразбахтина	21	21				
	Чишмы	174 849	190 893		—	Землю имеют, отписанную от башкирцев Чуби-Минской волости за бунт в 1742 г. и эта земля оставлена во владение их решением Уфимской палаты Гражданского суда	

Со

{

1	2	3	4	5	6	7	8
5.	Кашканами (Кашкали)	430	446	Чуби-Минской и Канлинской		Землю владеют по припуску башкирцев Чуби-Минской и Каршинской![2]) волостей на вечное владение	
	Калмашева	413	439	Чуби-Минской		Землю имеют отписанную от башкирцев Чуби-Минской волостей за бунт" в 1742 г.	
	Башкирская Термы	13	9			Землю имеют купленную на срочные годы у башкирцев Чуби-Минской волости по договору 1815 г.	
	Бишказы	5 861	5 899	Неизвестна	Тюб нет	Землю имеют по припуску тептярей в общем с ними владении	Живут постоянно в домах
6.	Нижния Термы	673 141 814	655 138 793	Чуби-Минской	Тюб нет	Землю имеют отписную от башкирцев Чуби-Минской волости за бунт 1742 г. и потом оставлены во владение этой землей решением Уфимской палаты суда и расправы Правительствующего Сената	
7.	Бабаева	92	67	Дуванейской		Имеют землю, по записи 1719 г. сентября 9 дня совершенной	

	Байбакова.	162	169	Дуванейской		Имеют землю, жалованную в вечное владение по грамоте царя Петра Алексеевича, выданной в Уфе, в приказной избе от стольника и воеводы в 7207 г.(3)	£ тз
	Субаева Курьяды .	388	355			Имеют землю жалованную по грамоте царя Алексея Михайловича выданной декабря 31 дня 7180 г. (4) от стольника и воеводы в вечное владение	
Со	Янагушева .	-296 938	282 873	Каршинской		Имеют землю жалованную от царя Петра Алексеевича по грамоте выданной 7175 г. декабря 31 дня(5) от стольника и воеводы в вечное владение	ас •о
	Ибрагимова .	221	226	Минской, Уршак-Минской		Имеют землю, по записи от 1732 г. мая 19 дня выданной Минской и Уршак-Минской волости от башкирцев	S
	Бекеева.	246	204	Куркули-Минской и Минской	Тюб нет	Имеют землю в вечном владении по договорам 1756, 1770 гг.	Живут постоянно в домах
	Мусина ,	357 824	344 774	Куркули-Минской		Имеют землю по договору с башкирцами Куркули-Минской волости 1741 г. декабря 25 дня	
	Теперешева ,	209	203			Имеют землю, отписую от башкирцев (за бунт)[11] Куркули-Минской волости, которою прежде владели по договору от башкирцев означенной волости	
	Чувалкипова и Абраева	419	452			Землю имеют купленную у башкирцев той же волости по договору и по указу Оренбургской губернской провинциальной канцелярии 1781 г. енваря 28 дня	
СО	Арова.	27	24	Чуби-Минской		Землю имеют купленную у башкирцев Чуби Минской волости в вечное владение по договору 1804 г. мая 17 дня	
	Борисова.	18	23	Уршак-Минской		Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев Уршак-Минской волости по договору 1793 г.	
	Берлоембашева .	3 676	4 706	Уршак-Минской		Землю имеют купленную этой же деревни у тептяря Юзлюкбая Баймукаева в вечное владение по договору 1808 г. мая 30 дня	

1	2	3	4	5	6	7	8
10.	Ильмурзина	123	130	Кулили-Минской	—	Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев по договору	—
		36	33	Кулили-Минской	Тюб нет	Землю имеют в общем владении с башкирцами Каршинской волости, в коем они оставлены при генмежевании, но документов не имеют	Живут постоянно в домах
	Асанова	103	103	Каршинской		Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев Каршинской волости по договору 1780 г. июня 6 дня	
	Султанаева	71	55			Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев Каршинской волости по договору, которая состоит в общем владении с тептярами	
	Акбашева	12	9	Каршинской	—	Имеют землю в общем владении с башкирцами, в коем оставлены при генмежевании	—
	Шарыпова	28	28				
	Гумерова	201	185	—	—	Имеют землю, купленную в вечное владение у башкирцев Каршинской Чуби-Минской волостей по записи 1750 г. июня 11 дня	—
	Аминева	127	119	Чуби-Минской			
	Кумлюкулева	8	9			Владеют землею по припуску тептярей деревни Кумлюкулевой вообще с ними	
		709	671				

1	2	3	4	5	6	7	8
11.		406	399	Калнинской![6])	—	Имеют землю, купленную у башкирцев Канлинской волости по записи 1716 г. февраля 26 дня совершенной уфимских крепостных дел	—
		213	195	Каршинской	Тюб нет	Имеют землю, купленную у башкирцев Каршинской и Калнинской волости по договору 1761 г. июня 19 дня и по записи 1771 г. апреля 17 дня в общем владении с башкирцами	Живут постоянно в домах
		24	29	Калнинской	—	Имеют землю, купленную в вечное владение у башкирцев по договору 1791 г. генваря 20 дня, которая состой- в общем владении с тептярами	—
		211	194	Каршинской и Калнинской	Тюб нет	Имеют землю, купленную по записи	—
		854	817				
12.		328	308	Уршак-Минской и Минской	—	Имеют землю, купленную по записи 1759 г. и договору 1792 г. апреля 18 дня	—
		462	476	Дуван-Табынской		Имеют землю по записи 22 декабря 1758 г	

	Улукулева.	13	17	Бишеуль-Табынской		Землю имеют по договору, данным от башкирцев 1752 и 1761 гг. и предоставлена им по решению Уфимской канцелярии генваря 28 дня 1771 г.	
	Амитова	36	37			Землю имеют из казенных дач, отведенной по указу Оренбургской казенной палаты от 15 июня 1835 г.	
	Новая Альтуганова (Айтуганово)	6	10	Бишеуль-Табынской		Землею пользуются вообще с тептярами по согласию сих последних	
	Тимкина	21	26				
	Кабакова		6	Емуран-Табынской	Тюб нет	Землею пользуются вообще с тептярами по согласию сих последних по записям и договорам	Живут постоянно в домах
	Акташева	2	7				
		876	887				
13.	Улуаремы	27	40			Землею владеют по указу Уфимской провинциальной канцелярии 1761 г. ноября 11 дня в общем с башкирами и с ясашными татарами —	
	Сынташ Тамаковой	126	127	Канлинской		Землю имеют по договорам от башкирцев, данным 1802, 1811, 1813, 1817 гг. на срочные годы	
	Сынташева	82	65			Землю имеют по договорам и полюбовным сделкам, данным от башкирцев 1794, 1806, 1810, 1818 гг. на вечное владение и на срочные годы	
	Байталлы	97	99	Дуванейской		Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев Дуваней ской волости по записям 1716, 1719 гг., совершенным в Уфе и Бирске у крепостных дел	
	Янышева	174	141			Землю имеют одни по указу Уфимской провинциальной канцелярии 1765, ноября 11 дня, а другие по договорам 1778, 1793, 1802 гг., данные от башкирцев Канлинской волости, из коих по договору 1793 г. на срочные годы а протчия вечно и в общем владении с башкирцами и тептярами	
	Купаева	73	55	Дуванской	Тюб нет	Землю имеют по записям и договорам, данным от башкирцев 1719, 1750, 1791, 1803 гг вечно и на срочные годы, часть же мещеряков пользуется землею по указу провинциальной канцелярии 1756 г	Живут постоянно в домах

		4					
	Бакаева.	46	~~5т			Землю имеют по записям и договорам от башкирцев 1716, 1794 гг., данным от башкирцев Дуванской волости и состоят в общем владении с тептярами, башкирцами и ясашными татарами	
	Сеитова ,	55	60			Землю имеют в вечное владение по договорам 1816, 1818, 1825 гг., данным от башкирцев и состоят в общем владении с тептярами и ясашными татарами	
4\ Со	Емуранова.	82 762	95 733	Канлинской		Землю имеют купленную у башкирцев по записи 1734 г. в общем владении с тептярами	
14.	Верхние Термы Ермеева и Новые ,	819	817	Чуби-Минской	Тюб нет	Землю имеют отписную за бунт[11] от башкирцев Чуби-Минской волости, которая при генмежевании обмежевана за сими деревнями спорным отводом	
15.	Нов. Муслюмова .	334	289	Дуванской		Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев по договору 1782т.	
	Кызылбаева	28	27	Мало-Кущинской	Тюб нет	Землею владеют по согласию башкирцев в общем с ними с давних лет	Живут постоянно в домах
	Азикеева	17	14				

1	2	3	4	5	6	7	8
		373 752	402 732	Мурзаларской, Дуванской	—	Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев Мурзаларской и Дуванской волостей по договорам, данным (в) 1762, 1787 1805 гг.	
16.		186	194	Каратавлинской		Землю имеют купленную у башкирцев Каратавлинской волости по договору и в общем владении с башкирцами	
		67	52	Тарнаклинской		Землю имеют в вечное владение купленную у башкирцев Тарнаклинской волости по договору 1761 г. и в общем владении с башкирцами	
		80	90			Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев Тарнаклинской волости по договору 1752 г. в вечное владение в общем владении с башкирцами	
		45	38			Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев Тарнаклинской волости по договорам 1764, 1785 гг. в общем владении с башкирцами	

1	2	3	4	5	6	7	8
	Мишегарова	42	45			Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев Тарнаклинской волости по договору 1750 г. и состоит в общем владени с башкирцами	—
	Шарыпова	132	130	Тарнаклинской	Тюб не	Землю имеют купленною в вечное владение у башкирцев по договору 1750 г. в общем владении с башкирцами	•л Живут постоянно в домах
		140	139	Болыпе-Кущинской		Землю имеют купленную в вечное владение у башкирцев по договору в 1720 г данному	
		692	688				
		12594	12361				

Начальник 2 и 3-го мещерякских кантонов
войсковой старшина Резяпов

С) В рукописи итоги по юртам отсутствуют.
й Должно быть: Канлинской.
И Т. е. в 1699 г.
(> Т. е. в 1672 г.
И Т. е. в 1667 г.
(') Правильно: Канлинская. .

4-й Мишарский кантон

Бирского уезда						
Сибирган		10	Ички-Еланской	Кузбаевой	На жалованной от великих государей	Постоянно имеют жительство в домах
Кулаева	196	164				
Берлячева	121	132				
Улеева	114	115				
Сеитбаева....	14	14		Учпиля Каинлыковой	По припуску башкирцев	
Курзи	21	12		Курзилевой		
Бадракова . .	10	10		Бикметевой		
Абзаева	2	2		Кузбаевой		
Калмыкова .	206	187		Бикметевой	На покупной у башкирцев	
Шабаева	320	275	Ельдяцкой	Ельдяцкой	По припуску башкирцев	
Тугаева	17	27				
Кушманакова .	1	3	Ички-Еланской	Кузбаевой		
	1030(11	954(D				
Учпилей.	207	178	Ельдяцкой, Шемшадинской	Казыевой	На покупной у башкирцев	
Казакларова .	192	197				
Уткиневой..	116	98		Казыевой	По припуску башкирцев	
Сууккулева	9	9		Султамбековой		
Нов. Султанбековой	14	15				
Каралачуковой	179	159	Ельдяцкой, Шемшадинской	Сарымской	По припуску башкирцев	Живут постоянно в домах
Ениевой .	68	67		Казыевой	На покупной у башкирцев	
	785	723				

1	2	3	4				
3.	Куккуянова	149	126		Казыевой	На покупной у башкирцев в вечное владение в 1713 г.	
	Атсуяровой	15	9			На покупной у башкирцев в вечное владение в 1787 г.	
	Мамадалина	93	94			На покупной у башкирцев в вечное владение в 1727 г.	
	Смаилова	73	69	Иланской	Иошлинской	На покупной у башкирцев в вечное владение в 1773 г.	
	Аташева	49	33	Ельдяцкой	Султанбековой	По припуску башкирцев	
	Токталыкулева	3	5		Казыевой	На покупной у башкирцев в вечное владение в 1806, 1816 г.	
	Тоймурзина	11	14		Султанбековой	По припуску башкирцев	
	Ст. Султанбекова	43	34			На покупной у башкирцев в 1791 г.	
	Асянова	39	40	Ельдяцкой	Султанбековой	По припуску башкирцев	
		76	74		Сарымской	По владенной выписи с 1784 г.	
	Каргина	2	5			По припуску башкирцев	
	Юкаликулевой	30	23				
	Такарликова	5	9	Ельдяцкой	Султанбековой	По припуску башкирцев	
	Гублякучукова	10	9				
	Лаяшты	8	7	Иланской	Лаяштинской		
	Юбанаева	3	4	Ельдяцкой	Султанбековой		
	Чириккулева	45	40	Иланской	Уразаевой	На покупной у башкирцев в вечное владение в 1791 г. По припуску башкирцев	Живут постоянно в домах
	Яркеева						
	Буралы	24	28	Иланской			
	Шидали	8	6	Ельдяцкой	Зянеевой		
	Аткулевой	17	15	Гарейской	Буртюковой		
	Исемметева	30	29	Буларской	Якшиевой	На покупной у башкирцев в 1789 г. По припуску башкирцев	
	Кипчакова	33	35				
	Итсева	3		Иланской	Уразаевой		
	Аргамаковой	2		Ельдяцкой	Султанбековой	По припуску башкирцев	
	Базытамаковой	5		Иланской	Уразаевой		
	Атясева	5		Еланской	Тюбы нет		
	Кушулева	4		Ельдяцкой	Султанбековой		
		720	727				
	Карачаига (Карачаилга)	207	255	Кальнинской	Дусаринской		
	Тартышева	15	17	Дуванейской	Ишаевской		
	Исланова	37	43				
	Талбазиной	17	18				
	Бутлеровой	20	24	Кальнинской	Дусаринской		
	Гулюкова	31	26	Шамшадинской	Шамшадинской		
	Баишевой	15	4				
	Казмановой	7	10				
	Ельдякова	9	7	Ельдяцкой	Ельдяцкой		
	Каишева	131	125	Шамшадинской	Шамшадинской	По припуску башкирцев	Живут постоянно в домах
	Евбазы Юкаликулева	16	6				
	Таскаклы	7	8				
	Акапеева	3	3				

1	2	3	4	5	6	7	8
	Иксанова	3	6	Дуванейской	Рысмекеевой		
	Баширова	2	4	—			
	Аккаинова	3	2	Кальнинской	Дусаринской		
	Муртазина	38	36	—			
	Урманастина	36	40	Шамшадинской	Шамшадинской		
	Миньяриной	12	12	Ельдяцкой	Казыельдяковой		
	Иликова	3	2	Шамшадинской	Шамшадинской		
	Имай Атарова	93	104	—	—		
	Тамаковой	55 40	45 38	Дуванейской Ельдяцкой	Рысмекей Бакаевской Ельдяцкой	На покупной у башкирцев в вечное владение По припуску башкирцев	—
5.	Азякова	800 151 91	835 173 ПО	Ельдяцкой	Бураевой	На покупной у башкирцев	–
	Муллина	395	397	–	–	На жалованной	
	Токранова	23	25	Иланской	Кузбаевской	На покупной у башкирцев	
	Утеганова	44	51	Ельдяцкой	Бураевской	По припуску башкирцев	
	Куянова	20	10	—			
	Силясева	10	8	Иланской	Бураевой	–	
	Шунякова	182	184	Ельдяцкой	—		
	Бустанаева	15	16	Иланской	Кузбаевой	По припуску башкирцев	Живут постоянно в домах
6.	Богданова	936 295	974 349	Танышской	Ульпарской	На купленной у башкирцев	
	Верхнее Карышева	274	248	—			
	Зилязикулевой	120	104				
	Начарова	91	82	–		—	

	3	4	5	6	7	
Усманова.	6	6	—	—	По припуску сей деревни тептярей	
Ишмаметева .	11	12	—	—	На покупной у башкирцев	
Ишяковой .	12	8	—	—	По припуску башкирцев	
Кашкалева .	2	3	—	—		
Тимкина	811 379	812 374	Кара-Танышской	Танышской	—	
Иштерякова	104	97	Крулнарской	Ульпарской	—	
Чишмина	73	73				
Норкина	61	60				
Нов. Карышева .	244	258				
Ст. Куганова . . .	1	4			—	
Уразаева .	862 376	866 375	Кара-Танышской	Каратанышской	На покупной у башкирцев	
Янбаевой..	201	188	—	—	—	
Елангачева,	30	38		—	По припуску башкирцев	
Кунтугушева .	26	21	—	—	—	
Ст. Балтачева .	46	38	Кары-Танышской	Каратанышской	По припуску башкирцев	Живут постоянно в домах
Магашлина	29	28	—	—	-	
Нов. Балтачева .	20	19	—	—		
Чипчикова	8	4	—	—		
Мещерова	14	19	—	—		
Якшиева	16	12	—	—		
Кайпанова....	37	26	Кайпанской	Кайпанской		
	794	768				

'О
Со

9.	Султангулова .	29	30	Танышской	Каратаныпской	На купленной у башкирцев	
	Бигильдина ,	91	93				
	Чукалы	69	65	Байкинской	Ульнарской	По припуску башкирцев	
	Кундашлы .	264	292		Сулнарской		
	Атбашева.	129	128				
	Качанова.....	18	9			На покупной у башкирцев в 1702 г.	
	Чишма Уркее.....	40	42	Байкинской	Сулнарской	На покупной у башкирцев в вечное владение в 1718 г.	
	Абуталыпова.....	93	97			На покупной у башкирцев в 1753 г.	
	Дсушева.....	60	63			На покупной у башкирцев в 1764 г.	
		793	819			На казенной земле	
10.	Явгильдина.....	217	260	Сулнарской	Байкинской	По припуску башкирцев	
	Байкибашева	309	295				
	Багазы Тыгырменева. .	ПО	94				
	Тайпашева.....	22	18	Сулнарской	Байкинской	По припуску башкирцев	Живут постоянно в домах
	Турнова.....	100	110				
	Суюндюкова.....	37	37			На казенной замле	
		795	814				
11.	Чуртанлыкулева	72	75	Танышской	Ульнарской	По припуску башкирцев	
	Аднагулова.....	8	5	Шамшадинской	Кундовской	На покупной у башкирцев	
	Шестыкова.....	18	23			На казенной земле	

1	2	3	4	5	6	7	8
		2	2		Купаевской	На купленной у башкирцев	
		30	24				
		114	123				
		34	25				—
		11	17				
		130	124	Танышской	Ульнарской	На казенной земле	
		111	153				
		310	325				
		841	896				
		9237(2)	9188(3)1				

Начальник кантона сотник Валитов

5-й Мишарский кантон

Ноябрь 1841 г.

1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Белебейского уезда Чекмагушевой.....	279	277	Дуванейской	Ишеевской	На праве припущенников по записи с 1738 и по договору 1739, 1745 гг. (1)	Не кочуют

(1) Итоги по юртам в рукописи отсутствуют.
(2) В рукописи карандашом ошибочно 9249.
(3) в рукописи итог отсутствует.

1	2	3	4	5	6	7	8
	Бикметевой	40	35	Еланской	Купеевской	На праве припущенников без всяких актов с 1655 г.	
	Тамняшевой	26	20	Кар-Еланской	Мясковской	На праве припущенни ков по договору 1772 г.	
	Султиной	14	12	Байлярской	Тюбы нет	На праве припущенни ков по договору 1689 г.	
	Кутовой	2	3	Еланской	Курниевской	На праве припущенни ков без всяких актов	
		6	10				
	Карановой	6	4				
	Ст. Калмашевой	3	5	Дуванейской	Ишайской	На праве припущенников по записи 1730 и 1739 гг.	
	Сырызбашевой	281	284				
	Аташевой	47	35	Ельдяцкой	Тюбы нет	На праве припущенников без всяких актов	
	Базыбаш Бекеевой	19	20	Дуванейской	Пучкаковой		
	Балаковой	4	4	Кар-Еланской	Мясковской	На праве припущенников без всяких актов с 1765 г.	—
	Тупеевой	26	18	Киргизинской (Киргизской)	Медведенской	На праве припущенников без всяких актов с 1620 г.	
	Башировой	20	29	Дуванейской	Рысмекеевой	На праве припущенников без всяких актов	Не кочуют
	Рапатовой	16	9				
	Камеевой	7	8	Киргизинской (Киргизской)	Медведенской	На праве припущенников без всяких актов с 1774 г.	
	Иксановой	19	12	Дуванейской	Рысмекеевой	На праве припущенников без всяких актов с 1719г.	
	Кучербаевой	305 854	333 827		Бакаевой	На праве припущенников по записи 1717 г., по договору 1731 г.	
2.	Батырши Кубовой	85	97	Кубовской	Тюб нет	На праве припущенников по договору 1763 г.	
	Устюбиной	19	18	Канлинской	Урмекеевской	На праве припущенни ков без всяких актов	
	Чукадыбашевой	6	8				
	Абдулкаримовой	39	28	Кыр-Ерланской	Сердыковской	На праве припущенников по записи с 1742 г.	
	Кандыковои	3	1	Сырдигинской	Сардинской	На праве припущенников без всяких актов	
	Карамалы Тамаковой	136	154	Канлинской	Урмекеевской	На праве припущенников по договору 1739 г.	
	Карамалыбашевой	43	39			На праве припущенников по записи 1742 г.	
to. 43	Ст. Биккининой	19	23	Дуванейской	Ишеевской	На праве припущенников без всяких прав с 1719 г.	
	Сабанзевой			Канлинской	Тукбаевской	На праве припущенников без всяких актов	Не кочуют
	Кузеевой	2	2				
	Новой Кандрыкулевой	77	80	Дуванейской	Баевой	На праве припущенников по записи 1701 и по договору 1719 г.	
	Каракучуковой	90 828	90 876		Азиевой	На праве припущенников по договорам 1719 и 1782 гг.	
3.	Тюркеевой	50	45	Канлинской	Тукбаевской	На праве припущенников по купчей крепости с 1728 г.	
	Севедибашевой	176	16	Дуванейской	Ишеевской	На праве припущенников по договору 1744 г.	

1	2	3	4	5	6	7	8
	Кусекеевой	134	136	Дуванейской		На праве припущенников по договору 1710 г. и по записи 1718 г.	
	Аблаевой	146	161			На праве припущенников по записи 1716 г. и по договору 1801 г.	
	Тюрюшевой	307	326			На праве припущенников по записи 1680 г., по договору 1739 г.	—
	Нов. Емурановой	5	4		Тюб нет	На праве припущенников без всяких актов	
	Калмашбашевой	5	7				
	Абзановой	5	2	Канлинской	Ишеевской	—	—
	Карановой	1	2	Кар-Еланской	Тукбаевской		
		829	699				
4.	Слаковой	712	691	Янсубинской	Тюб нет	[1] i - праве припущенников по договору 1759 г.	Не кочуют
	Трукменевой	44	56	Кар-Еланской		На праве припущенников по договору 1759 г.	
	Чагалиной	6	5	Сердинской	—		
	Тузлукушевой	11	14	Канлинской			
	Казанлытамаковой	4	2		Урмекеевой	На праве припущенников по договору 1755 г.	
		777	768				
5.	Мендяковой	175	188	Илькель-Минской	Тюб нет	На праве припущенников без всякого договору с 1778 г.	
	Васильевой	26	22				
	Аврюзбашевой	181	194	Янсубинской	—	На праве припущенников по договору с 1765 г.	
	Нижнее Аврюзевой	318	372			На праве припущенников по договору с 1778 г.	
	Калшалиной	87	80	Сердинской			
		793	856			1	1

2

Уршакбаш Карамелиной	368	399	Миркетминскои		На собственной земле купленной у башкирцев Миркетминскои волости по договору 1755 г.	
Байтемировой	74	75			На праве припущенников по договору 1775 г.	
Муллагулюмовой	46	42			На праве припущенников по договору 1747 г.	
Нов. Зириклиной	29	40	Каргалинской	Тюб нет	На праве припущенников без всяких прав, переведены начальством в деревни Уршак баш Карамалину и Муллагулюмову	Не кочуют
Богдановой	13	13	Илькил-Минской		На праве припущенников по договору 1790 г.	Кочуют[1]
Камбековой	4	5	Илькил-Минской	Тюб нет	На праве припущенников без всяких прав	Кочуют[1]
Менеустамаковой	3	4			На праве припущенников без всякого договору	Не кочуют
Анясевой	5	7			На праве припущенников по договору 1811 г.	
Зейпякулевой	136	144	Миркит-Минской		На праве припущенников по договору 1804 г.	
Ильчигуловой	18	19	Илькил-Минской		На праве припущенников по договору 1762 г.	Кочуют[1]
	696	748				
Нигаметуллиной	417	465	Янсубинской		На праве припущенников по договору 1811г.	Не кочуют
Чуюнчиной	558	557			На праве припущенников по договору 1762 г.	
	975	1022				
Карамалы Бектимировой	197	216	Крыкивли-Минской		На праве припущенников по договору 1748 г.	

1	2	3	4	5	6	7	8
	Новой Карамалов	119	110	—	—	На праве припущенников по договору 1748 г.	—
	Имай Карамалов			—	—	—	—
	Новой Карамалы	246	240	Крыкивли-Минской	Тюб нет	На праве припущенников по договору 1748 г.	Не кочуют
	Ташлы Тамаковой	88	95		—	На праве припущенников по договору 1826 г.	
	Казангуловой	9	4		—	На праве припущенников по договору 1808 г.	
	Шарыповой	2	2	—	—	На праве припущенников по договору 1799 г.	
	Искендеровой	114	117	Уршак-Минской			
		775	784				
	Всего	6527(2)	6580(3)				

Сотник (подпись неразборчива)

Монографии и книги А. З. Асфандиярова

1. Семья и брак у башкир в XVIII — первой половине XIX в. Уфа: БГУ, 1989. Учебное пособие. 88 с.
2. История сел и деревень Башкирской АССР. Кн. 1. Уфа, 1990. 207 с.
3. История сел и деревень Башкирской АССР. Кн. 1. Уфа, 1997. 224 с.
4. История сел и деревень Башкирской АССР. Кн. 2. Уфа, 1991. 192 с.
5. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 3. Уфа, 1993. 208 с.
6. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 2 — 3. Уфа, 1998. 432 с.
7. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 4. Уфа, 1993. 208 с.
8. История сел и деревнь Башкортостана. Кн. 5. Уфа, 1994. 176 с.
9. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 6. Уфа, 1995. 152 с.
10. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 7. Уфа, 1997. 192 с.
11. История башкирских сел Пермской и Свердловской областей. Кн. 8. Уфа, 1999. 256 с. В соавторстве с К. М. Асфандияровой.
12. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 9. Уфа, 2001. 304 с.
13. История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей РФ. Уфа, 1999. 256 с. В соавторстве с К. М. Асфандияровой.
14. Олатайзарзьщ бар тарихы... Эфе, 1996. 224 бит.
15. Олатайзарзьщ бар тарихы... вфе, 2005. 256 бит.
16. Башкирская семья в прошлом. XVIII — первая половина XIX в. Уфа, 1997. 101 с.
18. Кантонное управление в Башкирии (1798— 1865 гг.). Уфа, 2005. 256 с.
19. Башкирские тарханы. Уфа, 2006. 160 с.
20. «Любезные вы мои...» Уфа, 1992. 258 с. Составление, выявление документальных и других материалов, комментарии и научное редактирование А. З. Асфандиярова.
21. Западные башкиры. По переписям 1795— 1917 гг. Уфа, 2001. 710 с. (авторского — 413 с). Автор-составитель и ответственный редактор А. З. Асфандияров.

В соавторстве

1. История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1976.
2. вфе тарихы. Кыс-каса очерк. Эфе, 1983. 584 бит.
3. История города Стерлитамака. Уфа, 1994. 277 с.
4. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Ответственный редактор Х. Ф. Усманов. Уфа, 1996. 520 с. (авторского — 40 с).
5. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. 1. Уфа, 2004. 486 с. (авторского - 80 с).

Учебники

1. Рассказы по истории Башкортостана для 5 класса. Уфа, 1992. Соавтор.
2. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в.: учебник для 8 класса. Уфа, 1992 г. и переиздания. Соавтор.
3. История Башкортостана с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие для вузов. Уфа, 1995. Соавтор.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава I. Административно-управленческая политика царского правительства 7

§ 1. Название «Башкирия» в прошлом 9
§ 2. Характер присоединения Башкирии к России 19
§ 3. Институт аманатства 54
§ 4. Административно-территориальное устройство Башкирии 71
§ 5. Административно-территориальная «дорога» 97
§ 6. Обязанности главных старшин дорог 110
§ 7. Суд 125
§ 8. Транспортные дороги и почтовая связь 136

Глава II. Самоуправление башкир 139

§ 1. Йыйыны 141
§ 2. Волость — основа башкирского самоуправления 145
§ 3. Должностные лица общины 148
§ 4. Шариатский суд 163

Глава III. Демографическое развитие народа 169

Глава IV. Экономическая политика правительства 193

§ 1. Аграрная политика 195
§ 2. Землепользование башкирских припущенников 204
§ 3. Перевод полукочевых жителей на оседлость 210
Промышленная политика 226
§ 4. Башкирские рудознатцы и рудопромышленники в XVIII в 228
§ 5. Башкирские поташные предприятия 238

Глава V. Социальная политика 247

§ 1. Социальная опора 249
§ 2. Мишари 253
§ 3. Тептяри 262

Глава VI. Семейно-брачные отношения 281

§ 1. Формы семьи 286
§ 2. Экзогамия и эндогамия 305
§ 3. Формы брака 311
§ 4. Формы развода 333
§ 5. Имущественные права членов семьи 344
§ 6. Положение женщины в семье и обществе 351

Глава VII. Культурно-идеологическая политика 355

§ 1. Религиозная политика царизма 357
§ 2. «Попечительная» политика властей в области образования и медицинской помощи населению 37g

Заключение 334

Приложения 337

1. Русские цари и императоры. Годы их правления 339
2. Национальный состав населенных пунктов 40 районов Республики Башкортостан по переписям 1795— 1989 гг. 392
3. Ведомости мещерякских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням пяти кантонов в середине XIX в, 462
4. Монографии и книги А. З. Асфандиярова 501